А. А. Савич.

СОЛОВЕЦКАЯ ВОТЧИНА

XV—XVII в.

(Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси).

Издание
О-ва Исторических Философских и Социальных наук
при Пермском Государственном Университете.

XXVII-37030

Пермь.

„Соловецкая вотчина XV—XVII в." выходит в свет в сокращенном виде. Из нее выпущена полностью отдельная глава о соловецких ссыльных. Две совершенно самостоятельные главы („Монастырь—государь" и „Население сол. вотчины") уплотнены в одну. Подверглись значительному сокращению и все остальные главы. Причины такой операции, несомненно неблагоприятно отозвавшейся на полноте работы,—чисто экономические. Выпускаемая книжка печатается на личные, весьма ограниченные средства автора, составляемые из его университетского заработка. Только благодаря существенной поддержке Пермского Промкомбината, предоставившего автору скидку со стоимости типографских работ и рассрочку платежа, возможно стало вообще печатать данную работу. Понятно, что малейшее увеличение объема последней осложнило бы долговые обязательства автора „до его живота"...

По доброму академическому обычаю автор не может не засвидетельствовать свою искреннюю признательность всем тем, кто так, или иначе содействовал появлению в печати его работы. С чувством глубокой благодарности автор вспоминает о моральной поддержке, оказанной ему в свое время акад. С. Ф. Платоновым, проф. М. К. Любавским, проф. Г. Г. Писаревским и проф. В. И. Пичетой. Особо он должен отметить признательностью добрые советы и ценные методологические указания проф. А. П. Дьяконова.

Но написанная работа так и осталась бы лежащею „в пусте" и покрылась бы пылью, если бы на помощь не пришел Пермский Промкомбинат, с исключительною внимательностью относящийся к Пермскому Госуд. Университету. Свидетельствую свою глубокую благодарность этой организации в лице председат. ее, А. И. Перевалова.

А. Савич.

1 марта 1927 г.
г. Пермь.

Содержание.

Вместо предисловия. (1—23 стр.). Обзор важнейшей литературы о соловецком монастыре (1—6 стр.). Источники рукописные (6—22); источники печатные (22—23).

Глава первая. *Соловецкая вотчина в первый век своего существования* (23—54 стр.). Русская колонизация Беломорского края (23—27). Вопрос о монастырской колонизации XIV—XV в. (27—29). Основание сол. м-ря (29—33). Первые шаги сол. м-ря в процессе освоения Беломорья (33—35). Хозяйство сол. м-ря в первые годы его существования (36). Дальнейшее расширение владений сол. м-ря до падения Новгородской самостоятельности (36—37). Падение В. Новгорода и судьба владений сол. м-ря в это время (37—39). Разбросанность угодий сол. м-ря в Беломорском крае в конце XV и в XVI в. (40). Общие замечания относительно приемов и способов приобретений угодий сол. м-рем в XVI—XVII в. (40—47). Процесс освоения сол. м-рем Беломорского края в XVI в. (47—49). Хозяйственная деятельность игумена Филиппа Колычева (49—52). Сол. м-рь в эпоху опричины (52—54).

Глава вторая. *Соловецкая вотчина во втором веке своего существования* (55—93 стр.). Соловецкий м-рь, как русская окраинная крепость (55—59). Раззорение русского севера во второй половине XVI в. (58—60). Кризис хозяйства соловецкой вотчины (60). Продолжающееся укрупнение сол. вотчины во второй половине XVI в. (60—63). Расширение ее хозяйства (63—64). Соловецкая вотчина в эпоху великой Московской смуты (64—72). Территориальное расширение сол. вотчины после событий смутного времени. Освоение четверти Керецкой волости (72): Шуерецкая волости (73—74). Сол. м-рь в Каргопольском уезде (74—76). Яренгский погост (76—77). Переход к сол. м-рю остальных трех четвертей Керецкой волости (77). Постройка новых каменных зданий в сол. м-ре (77—78). Значение сол. м-ря, как крепости. в XVII в. (78—79). Денежные взносы на „вспоможенье" ратным людям (79—80). Соборное уложение и сол. вотчина (80—81). Приобретение угодий сол. м-рем под Москвою, в Морчугах (81—83), в Каширском, Тотемском, Устюжском и Вологодском уездах (83—89). Продвижение сол. м-ря к Мурману (89—91). Освоение Пертоминской пустыни (91). Пожалование сол. м-рю Авраамиевой Чухломской пустыни в Галичском уезде (91—92). Монастырские подворья в Москве, Архангельске, в Никольском погосте Андомской волости, в Ярославле и Коле (92—93).

Глава третья. *Соляная промышленность в соловецкой вотчине* (93—133 стр.). Зарождение соляной промышленности на русском севере (94). Как возникали монастырские варницы (94—100). Организация соловецких варниц (101—102). Монастырское усолье (102—108). Население монастырского усолья (108—112). Некоторые приемы, практиковавшиеся усольскими прикащиками для обеспечения усолья рабочею силою: договор с рабочими (111—112); кабальная задолженность рабочих по усольям (112—114). Земледельческое хозяйство в монастырских усольях (114—115). Общие замечания о количестве усолий в сол. вотчине в XVI—XVII в. (115—116). Детальное обозрение монастырских усолий. Куйское усолье (116—117); Неноволкое (117—118); Лудское (118—119); Пильскогубское (119); Чупское (119—122); Черноречкое (122—123); Варница в Нилмогубе (123); Порьегубское усолье (123—124); Гридина губа (124—125); Виремское усолье (125); соляные промысла в Сумской волости (125); Колежемское усолье (125—126); Нюхча и Унежма (126—127); Летнерецкое усолье (127); Понгома (127—128). Соляные промысла сол. м-ря в Каргопольском уезде (128); Пурнемское усолье (129); Лямецкое усолье (129—130); Владычненское усолье (130—132); Пияльское усолье (132); Польское (132—133); Фирсовское усолье, Нижмоозерское усолье, Кокшенга (133).

Глава четвертая. *Соляная торговля соловецкой вотчины* (133—169). Торговля солью с Новгородскими областями; организация и размер ее (134—138). Соляная торговля через Вологду; Холмогоры, как отправной пункт (139—140). Погрузка соли на насады и дощаники (140—141); доставка ее в Вологду (141—143); транспортные рабочие (142—145); стоимость провоза, требуемое для этого количество времени и трудности прохождения соляных караванов (145—147). Монастырская соль в Вологде (147); продажа соли: количество, цена, покупатели; кредит (147—152). Соляная торговля в период финансового кризиса 1658—1663 г. (152—154). Закупка сол. м-рем „хлебных и всяких других запасов про монастырский обиход"; перечень закупаемых продуктов, цена, продавцы и т. д. (154—159). Доставка закупленных товаров в Холмогоры (159—160). Монастырская торговля и таможенные пошлины (160—164). Указ 18 марта 1646 г. о соляной пошлине (164—165); пятинный сбор с проданной соли (165). Недоразумения между соловецкими старцами и правительственными агентами на почве закупки хлеба (165—167). Вологодское соловецкое подворье (167—168); монастырский двор в В. Устюге (168—169).

Глава пятая. *Земледельческое хозяйство в соловецкой вотчине, рыболовство и другие промыслы* (169—206 стр.). Общее замечание о состоянии земледельческого хозяйства в сол. вотчине (169—171). Окладные единицы: обжа, выть, соха и сошка (171—173). Наиболее характерные моменты в истории земледельческого хозяйства в сол. вотчине. Монастырские земли на оброке. Сумская волость и ее деревни (73—183). Колежма, Шизня, Сухой наволок, Вирма, Сорока, Выгоостров (183—186); Шуерецкая волость (187), Кемская волость с „присудом" (187—188); Керецкая (188—189). Нюхоцкая волость (189—190); Онежемская волость (190), Кушрецкая (191). Районы с монастырской запашкой. „Онежские" деревни (191—192); волостка Пертнема (192). Запустение земледельческого хозяйства в Каргопольском уезде в связи с событиями смутного времени и в последующие годы (192—196). Монастырское хозяйство в Пузыреве (196—197); Красноборский погост и другие деревни Устюжского уезда (197). Рыболовство в хозяйстве сол. вотчины. Виды рыбного промысла (198—199); рыбные промыслы в Кеми (199), в Керецкой волости (199), в Умбе (199—200), Варзуге (200—202), Вирме, Шизне, Сухом наволоке, Выгоострове (202—204). Мурманские промысла (204—205). Слюдный промысел (205—206). Попытки розыска серебряной и золотой руды (206). Пустынский железный промысел (206); добывание жемчуга (206).

Глава шестая. *Внутренняя организация сол. вотчины. Монастырь-государь и его слуги* (206—249 стр.). Общежительный устав м-ря и его судьба (206—207). Игумен (207—208); сол. м-рь—архимандрия (208—209); келарь (209); казначей (209—210); „соборные" старцы (210—212). Упадок дисциплины в сол. м-ре в 30—40 г. XVII ст., как результат аристократической диктатуры соборных старцев (212—213). Рядовая братия (213) Хозяйственный аппарат соловецкого м-ря на острове. Продовольственные запасы (213—214). Монастырские мастерские (214); кладовые, амбары и „службы"; казенная палата; библиотека, крепостная казна, больница, иконописная мастерская, „гостинная" палата, мельницы, молчея и др. хозяйственные постройки (214—216); монастырский „город" (216—217). Денежные капиталы сол. м-ря. Источники „накопления". Вклады (217—219); другие статьи дохода (219). Монастырский расход (219—220). Работные люди в сол. м-ре на острове (221). Стрельцы (221—223). Крестьяне в сол. вотчине (223—231). Монастырская волость (231—233). Половники (233—236). Бобыли (237—243) Казачки (243—244). Детеныши (245—246). Относительная численность тяглого населения в сол. вотчине в конце изучаемого нами периода (246—247). Монастырские агенты в волостях: прикащики и доводчики (247—248). Стряпчие (248—249).

Глава седьмая. „*Соловецкое сидение*" (249—280 стр.). Как изучался вопрос о так называемом „старообрядчестве" раньше. Суждения о сущности старообрядчества представителей церковно-исторической науки: архиеп. Филарета, митр. Макария, проф. П. С. Смирнова, Н. И. Ивановского, Н. Ф. Каптерева (249—251). Изучение старообрядчества в 60—70-ые годы прошлого столетия и позднее. А. П. Щапов (251), В. О. Ключевский, П. Н. Милюков, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. И. Костомаров, Г. В. Плеханов и Н. М. Никольский (251—254). Методологические замечания акад. С. Ф Платонова (254). Вопрос о причинах соловецкого возмущения в исторической литературе. Суждения по этому поводу историков церкви (254—255); взгляды А. П. Щапова и Н. И. Костомарова (255); диссертация И. Я. Сырцова (255). Освещение причин соловецкого восстания в марксистской литературе (256). В каком смысле можно говорить о „невежестве" и „суеверии" соловецких „сидельцев" (256—257). Сол. восстание, как протест против системы дворянского правительства, посягнувшего на права монастырской вотчины (257—260). Оппозиция церковному централизму (260—262). Социальный состав сол. м-ря в период фронды (262—264). Архим. сол. Варфоломей и Саввинский архим. Никанор (263—264). Обстоятельства, предшествовавшие осаде (264—265). Мероприятия правительства против упорной вотчины. Обращение к старцам с призывом к покорности и „отписка на государя" (указ 27 дек. 1667 г.) монастырских угодий (265—266). Начало открытого возмущения (266). Правительственная политика по отношению к оффициальному сол. м-рю „на берегу" (266—268). Осажденный м-рь (268—269). Важнейшие моменты осады м-ря; столкновение воевод с монастырскими властями, обоюдные жалобы в Москву; сочувствие берегового населения осажденному м-рю (269—272). Решительные шаги правительства, направленные к прекращению возмущения. Назначение И. А. Мещеринова (272). Отрицательное отношение осажденного м-ря к правительству принимает более определенные формы (273—275). Взятие и разгром м-ря (276—277). Поведение Мещеринова (277—279). В. А. Волконский и дьяк Алмаз Чистого (279). Архим. Макарий и новый состав монастырской братии (280). Значение „сидения" 1668—1676 г. в истории сол. вотчины (280).

Необходимые дополнения и замеченные опечатки.

На стр. 17—20 пропущены данные о следующих переписях и дозорах, бывших на территории соловецкой вотчины. В 1496 г. описывал Спасский погост на Выгоозере Юрий Константинович Сабуров,... а в 1551 г. Иван Васильевич Беклемышев. В 1562 г. Каргопольский уезд описывал Иван Григорьевич Яхонтов... В 1594 г. Сумскую волость дозирал старец Протасий... В 1611 г. Сумскую волость дозирали старцы Илья и Спиридон. В 1623 г. Сороцкую, Выжскую и Шизненскую волость дозирали старец Вениамин и слуга Иван Сороцкий. В 1629 г. Сумскую и Колежемскую волости дозирал старец Сергий; в 1631 г. Сумскую волость дозирал старец Савва. В 1640 г. эту же волость дозирали старец Ефрем Квашнин, да Илья Псковитин... В 1647 г. Кольский острог переписывал стрелецкий голова Леонтий Азарьев... В 1679 г. Керецкую волость переписывал Кольский воевода Лев Борисович Секерин. В 1678 г. переписывал Пермогорскую волость стольник Афанасий Фанвизин да подъячий Федор Замятин.

На стр. 15, при перечне научных трудов исследователей, занимавшихся изучением писцовых книг, не названа работа П. Иванова „Северные писцовые книги". М. 1900 г. и статья проф. Б. Д. Грекова „Вотчинные писцовые книги" (в Сборнике, посвящен. акад. С. Ф. Платонову, 1921 г.).

Замеченные опечатки.

стр.	Строка	Напечатано:	Следует:
32.	12 сверху	доров	родов
33.	31 сверху	появляется	появляются
81.	5 снизу	или	ими
98.	примеч. 1.	Некокшанин	Ненокшанин
117.	10 сн.	у Мопсейки	у Моисейки
126.	(примеч.)	в Колежме или и в Вирме	в Колежме, как и в Вирме
144.	37 св.	не курские волости	ис курские волости.
159.	4 сн.	Сыдовного	Сыдавного
225.	19 стр. сверху	да	„
227.	6 св.	воровстем людем	воровским людем
229.	прим. 1.	в 1623 г.... ....вотчинки Усть-Пурнемской, Нижмоозерской 141 (1638)	в 1633 г.... вотчинок Усть-Пурнемской и Нижмозерской 141 (1633)
234.	15 св.	в наших	в каких
237.	11 св.	типичного и господствующего	типичною и господствующею
247.	40 св.	жильям	усольям.

Вместо предисловия.

Популярный некогда писатель первой четверти XVIII ст. А. Денисов в своей „Истории о отцех и страдальцех соловецких", описывая „богоспасительные киновии многотомительное разорение" и „безмилосердное погубление, выражается, между прочим, так: „о местоположении каковства киновии и коликовства отстояния вселенныя, тако о веществе здания и сгроможения, тако о виде благолепства и украшения и твердости монастыря оставляю писати, яже не токмо россияном самовидением присно уверяемы, но и вселенныя историографом и гиографом на западе и востоце пребывающим сия весьма известна и во описании суть"...[1]). Слова старообрядческого мартиролога, писавшего с определенною назидательною целью, но не всегда заботившегося об исторической объективности своего рассказа, нуждаются в некоторых комментариях и оговорках. Что о соловецком монастыре в XVI и XVII в. могли знать на западе и востоке, мы нисколько в том не сомневаемся. В монастырь, окруженный высокою стеною, на острове, изолированном от остального мира бушующим студенным „морем-окияном", московские гражданские и церковные власти высылали „под начал" из разных приказов, начиная с 50-х годов XVI ст., за „воровство", „измену", „дурость", „продерзостное житие", „богохульные" и вообще „непристойные речи" провинившихся русских людей[2]). Но, при случае, они „смиряли" зл[illegible]ь и замеченных в благовидном поведении восточных духовных лиц, пр[illegible]кавших в Москву „милостыней" и весьма часто беззастенчиво злоупотреблявших доверчивостью москвичей[3]). Знали о крупной соловецкой вотчине и на западе. [illegible]нце XVI ст. в соловецкий монастырь был отправлен „под начал" из Москвы чернец „гишпанские" земли Николай вместе со своим слугою[4])

[1]) Андрей Денисов „История о отцех и страдальцех соловецких".. Москва, 1907 г., 5 Известный библиограф Павел Любопытный автором этого труда считает брата Андрея Семена Денисова (см. „Раскольническая библиография" Павла Любопытного М. 1[illegible] г., стр. 131) и озаглавливает его так: „Соловецкой киновии славная история".. Мнение П. Любопытного разделяет и Н. Барсов („Братья Андрей и Семен Денисовы". Москва, 1866 г.)

[2]) Рукописные соловецкие сборники в библиотеке бывшей Казанской дух. академии № 18, л. 410 об. № 19, стр. 11, 24, 48 и нек. др.; в работе М. А. Колчина „Ссыльные и заточенные в остроге соловецкого монастыря в XVI—XIX в." более подробно рассказаны случаи ссылки в соловецкий монастырь в XVIII и XIX в., относительно XVI и XVII в. заметны пропуски („Русская Старина", 1887 г., октябрь, ноябрь и декабрь, 1888 г., январь и февраль).

[3]) Напр., в 1666 г. в соловецкий монастырь был сослан „под начал доброму и [illegible]усному старцу" греческий митр. Макарий (Цит. рукоп. сборн. № 19, стр. 221). Это [illegible] не единственный случай. (Подробнее см. у проф. Н. Ф. Каптерева „Характер отношений России к православному востоку в XVI—XVII ст. Серг. Посад, 1914 г., изд. 2-е, стр. 186—188, 208 и др.).

[4]) Цит. рукоп. сборн. № 18, л. 154 об. Ссылка эта последовала не позднее 1601 г. Сведений об этом загодочном „гишпанском" чернце из других источников нам почерпнуть не удалось. Но мы знаем, что при папе Клименте VIII (1592—1605 г.) и при Федоре Ивановиче и Борисе Годунове Ватикан оживленно сносился с Москвой. В частности, в 1600 г. с посольством канцлера Льва Сапеги в Москву прибыло два иезуита с чисто миссионерскими целями. Правда, в Москве их приняли весьма холодно, как, впрочем, и самое посольство Сапеги, но случай прибытия в Москву папских послов можно наблюдать при том же Годунове (в августе 1601 г.). (В. Тимощук. „Россия и папский престол". „Русская Старина", 1903 г., май месяц).

Наезжавшие в Московское государство в XVI и XVII в иностранцы изучавшие и наблюдавшие его быт, в своих записках, в которых они отражали свои впечатления о загадочной обширной стране, уделяли внимание и „Соловкам", где изготовлялось так много соли, и процветала рыбная ловля[1]). Иностранные купцы соприкасались по своим коммерческим делам с предприимчивыми соловецкими старцами в Вологде, Холмогорах и, по всей видимости, на самом острове[2]). „Аглинские", „голландские", „голанские", и другие „немецкие" гости могли приобрести в Вологде у соловецкого старца-прикащика недорого поддержанный „дощаник" для перевозки своего товара в Холмогоры, а то и просто соответствующую мзду, им удавалось доставить эти товары на монастырских „насадах", или „дощаниках"[3]).

Как „порубежное" и „украинное" место, соловецкий монастырь имел значение пограничной крепости, неоднократно отражая набеги на поморские волости „каянских немцев"[4]).

Оживленными были сношения между шведскими пограничными местниками и властями соловецкого монастыря в период Московской смуты. Сначала, при царе В. И. Шуйском, они были мирными, но когда монастырь начал противиться кандидатуре шведского короля на московский престол, отношения шведских властей к монастырю стали враждебными...[5]).

---

[1]) Флетчер „О государстве русском", стр. 18 (перевод и изд. 1906 г.); Герберштейн „Записки о московских делах" (введение, перевод и примечания А. И. Малеина) 1908, стр. 122—124; А. Олеарий „Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно". Перевод А. М. Ловягина. СПБ, 1906 г., стр. 156 и 321 и др.

[2]) Из вполне достоверных источников известно, что в 1569 г. на соловецких промыслах приезжали итальянцы, а в следующем году там побывали и нидерланские купцы. В частности, соловецкий остров, Куз-остров и Сумский посад посетили нидерландцы Симон фон-Салинген и Мартин Клаусен из Энкгейзена. Салинген, видимо, очень интересовался соловецким монастырем и его историей; его друзья из русского населения Колы и Лапландии рассказывали ему, между прочим, о житии Зосимы и Савватия соловецких. Не думаем, чтобы бухгалтера антверпенской торговой кампании соловецкий монастырь интересовал с религиозной, или научно отвлеченной стороны. (В. А. Кордт „Очерк сношений московского государства с республикою соединенных Нидерландов по 1630 г." Сборник Русского Историч. Общ., т. 116, стр. XXVII; А. Тищенко. „К истории Колы и Печенги в XVI в. Журн. Мин. Нар. Просв. 1913 г., июль, стр. 103). Согласно привилегиям предоставленным Грозным английским компаниям, последние имели исключительное право торговли в Холмогорах, по реке Печере, Оби, Коле, Мезени, Печенге и соловецком острове (Гамель. „Англичане в России в XVI—XVII ст.", стр. 79; Н. Устрялов. стомаров. „Очерк торговли московского государства в XVI и XVII ст.", изд. 2-е, 1889 г., стр. 21). Правда, мы знаем и то, что специальная царская грамота на имя соловецкого игумена Иринарха от 1 апр. 1619 г. запрещает принимать на остров датские корабли, но это—во избежание того, чтобы датчане „назвався торговыми людьми, каковым пришед к соловецкому монастырю и к Сумскому острогу, каково дурна не учинили и русской земли не поседали". Основания для такого опасения у московского правительства имелись. В случае прибытия этих датских кораблей к соловецкому острову „срочно" высланный к ним „добрый" старец (сопровождаемый сотником или пятидесятником) должен был объявить прибывшим датчанам, что „соловецкий монастырь и Сумской острог (государево) богомолье, а не торговое место и прежь того приход кораблям не бывал" (Цит. рукоп. сборн. № 18, л. 270—271 об.; ср. Досифей „Географическое, историческое и статистическое описание соловецкого монастыря". ч. III, стр. 107—110; Фр. Стен „Сношения России с Данией в царствование Христиана IV". Журн. Мин. Нар. Просв. 1892 г. апрель).

[3]) Об этом мы можем находить сведения в приходо-расходных книгах вологодской службы за разные годы. Подробнее скажем о торговых сношениях соловецких старцев-прикащиков с иноземцами в Вологде несколько ниже.

[4]) Такие случаи приведены будут в своем месте. Теперь же укажем только в качестве иллюстрации на грамоту Б. Годунова соловецкому келарю и казначею, согласно которой монастырские власти должны были „чинить распрос и пытку немецким людям, вышедшим из-за рубежа" (цит. рукоп. сборник № 18, л. 157 об.).

[5]) „Акты археогр. экспед." т. II, № 108, 109, 129, 173, 180, 184, 186, 193, 195, 196.

О популярности соловецкого монастыря среди всех классов русского общества XV—XVII в. говорить много не приходится. Сюда стремился со своим „вкладом“ и бывший кольский воевода Аверкий Иванович Палицын, и богатый посадский москвич (напр., Савва (Сергий) Обрютин), и донской казак, не говоря уже о поморском крестьянине. По „обещанию“ шли на „богомолье“ в соловецкий монастырь и крестьяне Осинской слободы с Урала [1]) и стрельцы с Мангазеи [2]); бил челом царю Вас. Ив. Шуйскому отпустить его из Смоленского Аврамьева монастыря в Соловки и загадочный старец Варлаам, с именем которого связано появление знаменитого „Извета“ [3]). Если бы мы задались целью изучить социальный состав соловецких монастырских „трудников“, то мы не смогли бы не изумляться интернациональности этого состава: например, в 60-е годы XVII ст. в соловецком монастыре „труждались“ на ряду с нижегородским посадским человеком и попавшие некогда в плен поляк и литвин; источники вскользь называют среди трудников турка и татарина. Мы нисколько не считаем преувеличением заявления одной из монастырских челобитных (конца XVII в.) в Москву, что „издревле... соловецкий монастырь в прославлении имени божия во всех российских странах знаем“... Прав, поэтому и А. Денисов, когда свидетельствует о большой популярности соловецкого монастыря, как на Руси, так и за пределами ее. Но он допускает значительную неточность, утверждая, что внешний быт соловецкой вотчины и ее внутренняя организация „во описании суть“. Если А. Денисов имеет в виду отрывочные сведения о соловецком монастыре, разбросанные в житийной литературе, то все же мы должны признать, что специального и обстоятельного описания соловецкого монастыря-вотчины не было не только в первой четверти XVIII в., но и значительно позднее [4]) Первым опытом такого систематического описания следует считать работу архим. Макария „Описание ставропигиального первоклассного соловецкого монастыря, почерпнутое из достоверных источников, соображенное с топографическим, историческим и хронологическим оного монастыря описанием“. Москва, 1823 г. Но это популярное описание немного освещает историческое прошлое крупной соловецкой вотчины, а после работы архим. Досифея: „Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного соловецкого монастыря. М. 1836 г., ч. I—III—оказывается совершенно излишним. Архим. Досифей находился в условиях, исключительно благоприятных для своей литературной работы. Он широко использовал специальный летописный материал, имел под руками богатейший и упорядоченный архивный фонд и мог непосредственно и беспрепятственно знакомиться с памятником соловецкой старины. Но и „описание“ архим.

---

[1]) „Русск. Историч. Библ.“ т. II, № 98, стр. 273–4.

[2]) „Русск. Историч. Библ.“ т. II, № 72, стр. 158—59.

[3]) В так наз. академическом списке челобитной старца Варлаама царю В. И. Шуйскому имеется любопытный вариант, по всей видимости уцелевший от литературной обработки подлинной челобитной в „Извет“. Этот вариант, после упоминания о том, что челобитчик Варлаам, вернувшись из Польши, поселился в Смоленске в Авраамиевом монастыре, заканчивается такими словами: „милосердый царь государь и великий князь Василей Иванович всеа Русии! пожалуй меня богомолца своего вели отпустить на Соловки к Зосиму и Савватию соловецким чудотворцам“. („Акты археогр. эксп.“ т. II, № 64, стр. 144, примеч.).

[4]) В хранящемся в Государственной Публичной Библиотеке (в Ленинграде) рукописном сборнике, писанном скорописью XVII в., об. л. 222, помещено „сказание о святей велицей обители Соловецкой, како стоит и о чину монастыреском, како есть“ Но это редкое „сказание“ содержит описание, гл. образом, монастырских церквей, и вряд ли А. Денисов имел его в виду. „Описание славянских и русских сборников имп. публич. библиотеки“. СПБ, 1878, стр. 91.

Досифея не может считаться совершенным и не только потому, что „на земле между людьми нет ничего совершенного в своем роде". („Предуведомление к читателям", стр. 4). Досифей в простом хронологическом порядке (по игуменам и архимандритам) изложил, главным образом, внешнюю историю соловецкой вотчины. Организация монастырского хозяйства и особенно соляной промышленности, состав, экономическое и юридическое положение населения соловецкой вотчины, взаимоотношение последней с московским правительством—интересовали названного автора весьма слабо. Поверхностно описан и внутренний быт монастыря, конструкция управления сложным монастырским хозяйством и т. д. На данную работу архим. Досифея, написанную по сырому архивному материалу, мы, согласно с самим автором, смотрим, как на первую попытку „оживотворить мертвые происшествия". Крупной заслугой архим. Досифея будет то, что для современного исследователя прошлого соловецкой вотчины оно дает множество сырого материала, буквальных выписок из разного рода грамот, подлинники которых в настоящее время, повидимому, затеряны [1]).

Только в начале 80-х годов прошлого столетия у архим. Досифея нашелся подражатель. Имеем в виду небольшую работу архим. Мелетия: „Историческое описание ставропигиального первокласного соловецкого монастыря" Москва, 1881 г. Но этот небольшой популярный очерк рассчитан на непритязательного благочестивого читателя, и в научном отношении никакой ценности не представляет.

С половины XIX ст. богатое историческое прошлое соловецкой вотчины стало привлекать внимание и ученых специалистов-историков. В 1855 г. в Казанскую дух. академию, по распоряжению синода, была переведена из Сийского Антониева монастыря (куда она была эвакуирована с соловецкого острова) библиотека соловецкого монастыря [2]). В 60-х годах у этого обильного источника русской исторической науки черпал материал для своей магистерской диссертации о древне-русских житиях святых, как историческом источнике, В. О. Ключевский. Последний не мог не заинтересоваться историей крупной промысловой вотчины, и в результате этого появилось небольшое исследование его на тему: „Хозяйственная деятельность соловецкого монастыря в Беломорском крае", напечатанное в „Московских Университ. Известиях" за 1867—68 г. Полнотою и законченностью названная работа В. О. Ключевского не отличается, но талантливый историк со свойственным ему чутьем и вдумчивостью наметил основные вехи для будущего исследователя прошлого соловецкой вотчины.

Большой интерес вызывало к себе такое крупное событие в истории Московской Руси второй половины XVII ст., как известное соловецкое восстание 1667—1676 г.г. Но из ряда работ, посвященных этому событию, следует отметить магистерскую диссертацию И. Я. Сырцова: „Возмущение соловецких монахов-старообрядцев", вышедшую вторым изданием в Костроме в 1889 г. Хотя автор названной диссертации еще не отрешился полностью от традиционных и ошибочных представлений о сущности знаменитого соловецкого „возмущения", но, соприкасаясь непосредственно с архивным источником для изучения этого интересного явления, он ближе, чем кто-либо до него, подошел к правильному пониманию социально-политического характера его.

---

[1]) „Описание рукописей соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской дух. академии", ч. I, Казань, 1881 г., стр. IV.

[2]) „Описание рукописей соловецкого монастыря", ч. I цит. соч., стр. 1.

В последующее время и вплоть до наших дней более или менее крупных и специальных работ по истории соловецкого монастыря мы не видим, хотя история соловецкой вотчины представляет значительный интерес во многих отношениях. Изучая ее, мы можем проследить до малейших деталей, как „прежде бывый оток пуст и никим же ведом", где не было насельника-человека „отнелиже и солнце в небеси", чрезвычайно быстро превратился в „великий остров", в крупную вотчину, не только сконцентрировавшую в своем владении беломорский край, но имевшую свои колонии и в центральных районах московского государства. В своих челобитных в Москву о разных льготах монастырские власти в XVII в. неоднократно заявляют, что одной братии в соловецком монастыре 350 человек; кроме того, у них, в монастыре, „по вся годы бывает слуг и работных людей с шестьсот человек, оприч того, что в соляных промыслех работные люди пьют и ядят и носят монастырское; да они же держат в соловецком монастыре, в Сумском остроге, для обереганья сто человек стрельцов и жалованья из монастырские казны дают им по триста рублев на год, да хлеба по шти сот четвертей на зиму, а летом те стрельцы живут в монастыре, пьют и ядят монастырское". Таким образом, соловецкий монастырь—не обычный тип древне-русской вотчины. Он—вотчина промысловая. В названных же челобитных в Москву соловецкие старцы подчеркивают и ту мысль, что „соловецкий монастырь—место не вотчинное", и хлебной пашни у него нет; „питаются монастырские старцы соляными промыслы", отвозя в Вологду по 100 и 130 т. пудов соли. Сколь велики были размеры соляного производства в соловецких варницах, можно судить уже потому, что одного хлеба монастырь расходовал ежегодно на острове и по варницам свыше 10 тысяч четвертей. Организовав соляное производство в крупном масштабе, широко применяя вольнонаемный труд в своих усольях, соловецкий монастырь был едва ли не самым крупным поставщиком соли на русский рынок. Следовательно, изучение организации соляной промышленности в соловецком монастыре и монастырской соляной торговли составит интересную страницу в истории экономической жизни древней Руси. Своеобразный уклад хозяйственной жизни соловецкой вотчины строил несколько по иному, чем в центре, и социальные отношения в ней. Как место украинное и порубежное, соловецкий монастырь должен был для защиты своих волостей строить крепости и содержать в них стрелецкие отряды. Правительство возлагало на соловецкий монастырь и надзор за ближним к нему порубежным районом. Монастырские волости должны были наблюдать за тем, чтобы находившиеся в соседстве корельские племена „жили за государем неизменно"[1]). Это обстоятельство придавало силу и удельный вес соловецкой вотчины. Развивая борьбу с вотчинными традициями, Московское правительство совершенно иначе должно было вести себя по отношению к соловецкому монастырю-государю. За соловецким монастырем Московское правительство вынуждалось сохранять прежние привиллегии, подчеркивая, что „соловецкий монастырь другим не в образец", что к нему „особое наше призрение", потому что он—монастырь „безвотчинный и заморский" и т. д. Всякие посягательства на это привиллигированное положение со стороны воеводской администрации рассматривалось монастырем, как „затейные статьи" и вызывали жалобы в Москву. Материальная обеспеченность монастыря давала ему возможность время от времени посылать в Москву щедрые денежные пожертвования, за которыми Московское правительство, начиная со смутного времени и

[1]) Цит. рукоп. сборн. № 18, л. 159.

до шестидесятых годов XVII ст. весьма часто обращалось в Соловки. Изолированный в течении продолжительного времени года от остального мира, когда море, „разверепяся дивияго зверя образом, разпыхашеся, и волны яко горы сотворив, сурово наскакаше, и всем потоплением претяше", делает сообщение с островом невозможным, соловецкий монастырь долго сохранял неприкосновенным старый вотчинный уклад жизни. Поэтому, когда Москва отважилась вмешаться и во внутренную жизнь соловецкой сеньёрии,—последняя ответила на это решительным протестом. Упорная почти девятилетняя борьба окончилась победою московского правительства, поспешившего в самом начале захватить в свои руки монастырские усолья и вологодскую торговлю и, т. обр., лишить мятежный остров его жизненной артерии. Со времени ликвидации „возмущения" начинается закат прежнего благополучия соловецкой вотчины. С оскудением лесов падают некогда цветущие соловецкие усолья, а продвижение монастырских владений к центру наталкивалось на ограничение монастырского и церковного землевладения законодательными актами того времени. Соловецкая вотчина все более и более теряла свое прежнее привеллигированное положение, превращаясь в место ссылки особенно тяжких преступников и становясь обычным монастырем. Секуляризация церковных и монастырских имуществ в 1764 г. окончательно подорвала экономическую базу соловецкого монастыря. Только как бы в некоторое утешение монастырю о потерянном могуществе он был объявлен ставропииальным, освобождаясь тем самым от подчинения архангельскому епархиальному управлению и подчиняясь непосредственно синоду.

Наши очерки истории соловецкой вотчины предваряем обоззрением источников, давших нам возможность придти к соответствующим выводам. Для удобства обоззрения, мы разделяем их на две основные группы: рукописные и печатные, а те и другие дифференцируем на более мелкие категории.

А. Источники рукописные.

I. Житийная литература. Источники этого рода нами были изучены в библиотеке бывшей Каз. дух. академии в отделе рукописей соловецкого монастыря. Сюда относятся:

1) *Житие Зосимы и Савватия.* Инвент. № 175 (по печатн. опис. 556), №№ 176, 177, 178, 179, 180, 181; наибольшую ценность в смысле исправности текста представляет № 175.

2) *Житие аввы Германа.* Инв. № 182 (551), 184 (550), 183 (547), 962 (549).

3) *Житие митр. Филиппа.* Инв. № 192 (605), № 194 (522), 964 (590), 968 (591).

4) *Житие Варлаама Керецкого.* Инв. № 182 (551), л. 155.

5) *Житие Иоанна и Лонина Яренских.* Инв. № 183 (547), л. 74 об.; 189 (546).

6) *Житие Антония Сийского.* Инв. № 230 (539).

7) *Житие Трифона Печенгского*, № 182 (551), 188 (589).

8) *Житие Вассиана и Ионы Пертоминских*, № 189 (546), 947 (545).

9) *Житие Сильвестра Обнорского.* Инв. № 182 (551), л. 164.

10) *Житие Никодима Кожеозерского*, № 182 (551).

В русской исторической науке, среди отдельных представителей ее, по вопросу о житийной литературе, как историческом источнике, нет единодушного решения. Некоторые ученые признавали за древне-русскими житиями большое значение. Строев видел в них „богатый и почти непо-

чатый запас для истории общежития, мнений и поверьев прежней Руси", усматривал в них много фактов, незамеченных бытописанием [1]). Высоко ставил древне-русские „жития" историк Погодин, как богатый, почти еще неприкосновенный источник русской истории, особенно дающий сведения о жизни внутренней, частной, домашней, чего не достает в летописях [2]). Буслаев в свое время упрекал Костомарова за то, что тот в своем очерке домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII в. игнорировал наши древне-русские жития,—этот „неисчерпаемый источник для самых свежих, животрепещущих очерков старинного быта" [3]). Большую ценность за житийной литературой признает и Бестужев-Рюмин, поскольку в ней можно встретить „много бытовых черт"; но он не отрицает и того, что этот источник требует серьезной критической работы [4]). В значительной степени использовал житийный материал и Н. Коноплев [5]). На ряду с такой положительной оценкой житийного материала, в русской исторической науке высказывались и противоположные суждения. Особенный интерес представляют выводы В. О. Ключевского в его диссертации „Древне-русские жития святых, как исторический источник". В. О. Ключевский долго и кропотливо изучал житийную литературу для выяснения вопроса об участии монастырей в колонизации северо-восточной Руси. По словам Е. В. Барсова (на магистерском диспуте В. О. Ключевского 26 января 1872 г.). он явил ученому миру 250 редакций житий и просмотрел до 5000 списков житий. В результате своих изысканий В. О. Ключевский пришел к неутешительному выводу. Во-первых, житийный материал далеко не так свеж и обилен. как о нем думают; во-вторых, его небогатым историческим содержанием нельзя воспользоваться без особого предварительного изучения его в полном объеме. Критическая работа над „Житиями", по словам В. О. Ключевского, представляет большие трудности: а) редко удается проверить известие житий показаниями другого источника, б) на качество исторического материала в значительной степени влияли обстоятельства, при которых житие писалось, литературная цель, время, появления жития, личность биографа, его отношение к святому, источник, повод к написанию жития и т. д. Для жития, говорил В. О. Ключевский, дорога не житейская обстановка, не индивидуальность описываемого лица, а та сторона в личности святого, которая подходит под известный идеал. Этот отвлеченный идеал составитель „Жития" и развивает на судьбах святого [6]). В. О. Ключевский в своих выводах всегда был крайне осторожным. Историк русской церкви Голубинский произнес над древне-русскими житиями более резкий и суровый приговор. О житиях, говорит он, многие думают, что они составляют весьма важный исторический материал. К сожалению, на самом деле это не так. Цель житий—не история, а христианское назидание, посему „историческое утратило в них всякую собственную и непосредственную цену и является в них только в виде возможно безцветной оболочки". Составители житий мало заботятся о том, чтобы рисовать обстановку, и эту обстановку они рисуют посредством общих риторических фраз, а не черт, взявших из действительности" [7]).

---

[1]) Барсуков „Источники русской агиографии", 111.
[2]) Д. И. Абрамович „Исследование о киево-печерском патерике". СПБ, 1902 г., стр. 185.
[3]) Отчет о XXXI присужд. наград. Демидова СПБ, 1862 г., 149—159.
[4]) Бестужев-Рюмин „Русская история", т. I. стр. 43—45.
[5]) „Святые Вологодского края" (Чтен. в общ. ист. и древн. 1895 г. IV, 1—133.
[6]) „Древне-русские жития святых, как исторический источник". М. 1871 г. предисл. стр. I—III, стр. 431—438.
[7]) Голубинский „История русской церкви", I, изд. 2, стр. XII—XIII, стр. 749—751

Произведший колоссальную работу над древне-русскими житиями В. О. Ключевский вполне точно установил приемы научного подхода к этому историческому памятнику. В житийной литературе он видел два элемента, друг с другом соприкасавшихся, но в то же время и не смешивавшихся: 1) литературный и 2) исторический—фактический. Совершенно верно, что литературный элемент, самая техника составления житий накладывает печать на весь источник, подвергая исторический элемент (особенно ценный для историка) не всегда безболезненным операциям, однако, крупицы исторической действительности часто сохраняются в житии и в неповрежденном виде. Для самого В. О. Ключевского изученные им „жития" дали не мало материала его истории северо-восточной Руси. Необходимость критической работы над источником еще не устраняет самый источник, как заведомо негодный, поэтому суждения Голубинского нам представляются излишне суровыми.

В исторической науке в оценке значения житий существует еще и среднее течение. Ив. Яхонтов, специально изучавший жития северно-русских подвижников, как исторический источник, соглашаясь с выводами В. О. Ключевского, что житийная литература не является обильным источником и требует предварительной критической работы, приходит к убеждению, что „для изучения древне-русской истории, по крайней мере, некоторых сторон древне-русской жизни, за жизнеописаниями святых остается довольно важное значение, как исторического источника" [1]). Д. И. Абрамович, анализируя Киево-печерский Патерик, как сборник житий южно-русских подвижников, считает выводы В. О. Ключевского и Голубинского относительно житийной литературы приложимыми к названному источнику лишь в незначительной степени. Д. И. Абрамович совершенно правильно отмечает то обстоятельство, что северно-русские „Жития" до XV в. носят несколько иной характер. Правда, зарождение условных биографических черт и приемов, составивших риторику житий позднейшего времени заметно и в них, но пока все они имеют в своей основе историческую задачу, на первом плане ставя фактическое содержание, а не одну назидательную проповедь. С XV века характер житийной литературы меняется, в ней господствуют искусственные литературные приемы, и житие преследует уже не историческую задачу, а цели назидания [2]).

Наши древнейшие летописные своды, которые очень долго казались бесхитростным рассказом „немудрствовавшего лукаво" летописца, после превосходной критической работы А. И. Шахматова, представляются теперь уже в другом совершенно свете. Личность летописца, его церковно-национальные симпатии, политическая ориентация и т. д. все это естественно, отражается на его летописном рассказе, вызывая соответствующее критическое отношение со стороны историка. То же должно сказать и относительно наших древне-русских „житий". Каждое „житие" имеет свою историю и умение использовать его, как источник, будет заслугою историка, делом его научного чутья и способности к аналитической и синтетической научной работе. Византийская ритори-

---

[1]) Ив. Яхонтов „Жития св. северно-русских подвижников Поморского края, как исторический источник". Казань, 1882 г., стр. 4.

[2]) Д. И. Абрамович „Исследование о Киево-печерском патерике, как историко-литературном памятнике". СПБ, 1902 г, стр. 189—190. Аналогичную оценку житий можно находить у Н. Серебрянского „Древне-русские княжеские жития" (Чтения в общ. ист. и древн. Росс. 1915 г., кн. III, стр 284 и след.; у проф. И. Некрасова („Зарождение национальной литературы в Северной Руси"); у Яковлева – („Древне-киевские религиозные сказания". Варшава, 1875); Арс. Кадлубовского – („Очерки по истории древне-русской литературы жития святых", Варшава, 1902 г., стр. 162 – 163) и некот. др.

ческая оболочка не всегда безнадежно искажает историческую основу „жития". Иллюстрируем это на примере—литературной истории жития Зосимы и Савватия соловецких. Первоначальный источник этого жития—устные рассказы „спостника" Зосимы и Савватия—Германа. Будучи непосредственным свидетелем жизни Зосимы и Савватия на соловецком острове, Герман, по смерти их, часто рассказывал братии о первых насельниках острова, а потом „повеле клирикам писати на памяти, и писания того не мало было", сообщает об этом хорошо осведомленный источник. Когда Герман умер, на эти записи не стали обращать внимания: „нерадиша о писании том: просто бо писана; якоже и сказоваше им Герман простою речью, тако они и писаша не украшающе речи". Потом это „списание" Германа было взято каким то иноком Кириллo-Белозерского монастыря. В числе лиц, слушавших рассказы Германа, был ученик Зосимы Досифей. В одной из редакций жития Зосимы и Савватия, бывшей под руками В. О. Ключевского, сказано, что Герман диктовал свои воспоминания не клирикам, а именно Досифею. Это обстоятельство придает еще больший вес досифеевской редакции „Жития" [1]). Когда Досифею случилось быть в Новгороде, архиеп. Геннадий, хорошо знавший Савватия по валаамскому острову, поручил ему написать житие Зосимы и Савватия. Досифей, хотя и выполнил данное поручение, но затруднился представить архиепископу свой простой и безыскусственный труд. По дороге в Москву Досифей остановился в Ферапонтовом монастыре, где проживал в заточении низложенный митр. Спиридон. Досифей и убедил („понудих") Спиридона „преписати и изложити стройно" житие соловецких „начальников". Книжный митрополит (—он „умел писанна ветхаа и новаа") исполнил просьбу Досифея. Это было в 1503 г., спустя 25 лет после смерти Зосимы [2]). Источником для спиридоновской редакции „Жития" послужил, прежде всего, труд самого Досифея; об этом Спиридон сам заявляет в своем предисловии, что Досифей „исповеда подробну вся. ова и написана дасть на памятех, аз же сия собрах". Но здесь же Спиридон добавляет, что с соловецкого острова приходили в Ферапонтов монастырь „боголюбивые мужи", от которых он „истязах вмале беседами малыми". Максим Грек, писавший позднее предисловие к спиридоновской редакции „Жития Зосимы и Савватия", говорит, что Досифей написал житие „начальников" соловецких „потонку" и „неухищренно", т.-е. кратко и просто. Спиридону же было поручено „подробну преписати и удобрити достохвальное пребывание; он же отчасти убо исправи и добрословием украси, но не все". Думаем, что Спиридон не особенно широко воспользовался своим редакторским правом, так как в некоторых случаях он оставил неприкосновенным и досифеевские выражения. Несколько позднее „Житие Зосимы и Савватия" спиридоновской редакции подверглось литературной обработке известного Максима Грека, предпринятой, повидимому, по поручению кого то из соловецких старцев („понуждения ради твоего, честной отче"—говорит об этом в своем предисловии сам Максим). Роль Максима Грека сводилась к тому, что он начал „к древнему новаа прикладывати, как древневодруженному твердому столпу новые плинфотворные комары, яко да и новаа о твердем оном твердо утвердится"... [3]) В чем, в частности, заключалась работа Максима Грека над „Житием", судить трудно, так как названный памятник в дальнейшее время

[1]) „Древне-русские жития", цит. соч., стр. 199.
[2]) Рукоп. „Житие Зосимы и Савватия соловецких". Библ. б. Казанск. дух. акад. № 175, л. 109—113.
[3]) Ibidem, л. 14 об.—15.

подвергался частичной переделке переписчиков. На основании замечания Максима Грека, что Досифей и Спиридон писали для поморских жителей, не книжных и плохо знавших русский язык, предполагают обычно, что Максим Грек добавил предисловие к „Житию“ и внес некоторые риторические украшения в самый рассказ [1]). Дальнейшая литературная история „Жития“ состояла в том, что к основному его рассказу, как к „древне водруженному твердому столпу“, последующие переписчики добавляли повествования о разных чудесах (напр., игумен Вассиан, Филипп и некотор. др.). Спиридону можно приписать начало жития, представляющую историческую справку о времени подвигов Савватия в Кирилло-Белоозерском монастыре и древних насельниках поморского края. Если это так, то легко будет объяснить допущенную составителем жития ошибку в рассказе о Савватии, что он подвизался в Кирилло-Белоозерском монастыре в 6944 (1436) г., при митр. Фотии и вел. кн. Василии Васильевиче, между тем, как по данным соловецкого летописца, в большем соответствии с действительностью, следует, что Савватий прибыл на соловецкий остров в 1429 г., а умер в 1434 г. (в 1436 г. прибыл на соловецкий остров уже Зосима [2]). Житие Зосимы и Савватия дошло до нас в нескольких списках. Это объясняется не только спросом на него в самом соловецком монастыре, но и тем обстоятельством, что монастырские писцы изготовляли „чюдотворцовы жития“ на продажу богомольцам [3]).

Из сказаного видно, что в основе главнейшего житийного памятника по изучаемому нами вопросу лежит свидетельство непосредственного очевидца. Можно оспаривать частности, указывать отдельные промахи того или другого редактора, можно и даже необходимо требовать серьезного критического отношения к житию Зосимы и Савватия, но отрицать за ним всякое значение исторического источника—нам представляется совершенно несправедливым делом [4]).

II. Соловецкий летописец. В библиотеке б. Казанской дух. академии нами изучены две редакции „Соловецкого Летописца“. 1) „*Летописец о зачале жития*“*на острове соловецком прп. чудотворцев Зосимы и Савватия и спостника их аввы Германа и о преставлении их и о строении монастырском и о здании каменном*“. (смешанного письма) № 483. Начинается летописец с 7937 (1429) г., когда на соловецк. остров с Валаама пришел старец Савватий. Более подробно летописец рассматриваемой редакции рассказывает о житии Зосимы и Савватия, об игуменстве Филиппа, соловецком возмущении и двукратном посещении монастыря Петром (в 1694 г. и 1702 г.); после рассказа о втором посещении мона-

---

[1]) В. О. Ключевский. „Древне-русские жития“, цит. соч., стр. 201.

[2]) „Соловецкий Летописец“, рукоп. сб. в библ. б. Казан. дух. акад., № 483.

[3]) Цитировать житие Зосимы и Савватия в своей работе мы будем по экземпляру, находящемуся в библ. б. Казанск. дух. акад. под № 175. Это—роскошно изданный экземпляр, богато иллюстрированный. Пожертвован он в соловецкий монастырь соловецким постриженником, позднее келарем Тройце-Сергиева монастыря Александром Булатниковым—подробнее об этом экземпляре жития можно находить сведения в „Описании рукописей соловецкого монастыря“, цит. соч., ч. II, стр. 287—289. Для литературной истории жития Зосимы и Савватия интересный материал дает „Черноризца Зиновия слово на память преп. Савватия“ („Правосл. Собеседн.“, 1859 г., ч. III, 96—118; 197—216 стр.); ср. „Слово на освящение церкви и перенесение мощей Зосимы и Савватия в лето 7074“ (ibidem, стр. 302 - 314); ср. Прибавление к Творениям отцов церкви, ч. XVIII. М. 1859 г., стр. 536—543.

[4]) Редакторы жития Зосимы и Савватия не были простыми компиляторами. Они производили и розыски соответствующего материала. Правда, не всегда успешно, так напр., биографические сведения о Савватии одному из редакторов не удалось отыскать: „много бо лета прешла суть до написания сего“ (Цит. жит. № 175, л. 19 и об.).

стыря Петром в рукописи находится приписка „конец". Затем добавлены еще небольшие заметки под разными годами и на 1735 г., рассказав о пожертвовании Анной Ив. в монастырь 1000 р., летописец обрывается.. 2) *„Летописец соловецкий, выписанный вкратце от жития прп. о. Зосимы и Савватия и спостника их авы Германа, како начата жити на соловецком острове и о преставлении их и о строении монастырском и о здании каменном и деревянном и о прочем"* (л. 1—38) Скоропись XVIII ст. № 484. Эта редакция в сравнении с первой значительно пространнее и доведена она до 1782 г., когда была перекрыта тесом трапеза и келарня, а церкви железом. С этой редакции производились печатные издания соловецкого летописца в 1790 г., 1815 г. и 1833 г. При издании и переиздании текст летописца переводился на современный русский язык и каждый раз пополнялся, не без ущерба, полагаем, для этого источника[1]). История появления в соловецком монастыре специального „Летописца" нам представляется в следующем виде. В 1721 г. в соловецкий монастырь приезжал для описи оригинальных древних царских жалованных грамот и других „достопримечательных документов" (которые тогда же велено было тщательно хранить и просушивать) поручик архангелогородского гарнизона Михайло Салтыков. В том же году указом синода было затребованы из соловецкого монастыря сведения о „начальном основании" монастыря и о „всех бывших потом в оном происшествиях"[2]). Повидимому, это синодское распоряжение и послужило ближайшим поводом к составлению специального „Соловецкого Летописца". Не трудно выявить источники „Соловецкого Летописца". Это, прежде всего, жития Зосимы и Савватия, Германа и митр. Филиппа. На этот источник указывает самый заголовок летописца второй редакции, данный, по всей видимости, составителем его. До занесения в „Летописец" существовали, вероятно, и рассказы о построении укрепления возле соловецкого монастыря в XVI ст., о монастырском возмущении при царе Алексее и о двукратном посещении монастыря Петром. Последние события излагаются с необычайными подробностями (особенно второе). Монастырские синодики, куда заносились имена игуменов и архимандритов, келарей, казначеев, соборных старцев, а также видных благотворителей монастыря, различного рода жалованные, дарственные, купчие и т. д. грамоты давали возможность составителю „Летописца" заполнить ряд лет.

III. Дарственные древних новгородских посадников и жалованные грамоты московских царей, несудимые, льготные правительственные распоряжения по разным вопросам, патриаршие и архиерейские грамоты и т. п. Перечисленные грамоты в подлиннике у нас под руками не были; но копии с них известны нам в нескольких экземплярах. Считаем необходимым назвать списки с перечисленных подлинных грамот, сделанные в 1835 г. по распоряжению архим. Досифея и составившие три отдельных рукописных сборника, хранившихся в библиотеке б. Казанской дух. академии.

№ 18. *„Копии с древних царских грамот, жалованных, несудимых и других содержаний, также указов и прочих документов"*...

[1]) Особенно грешит нарушением прав издаваемого источника третье издание Соловецкого Летописца. „вновь исправленное и пополненное из архивных монастырских дел и старинных документов трудами настоятеля сего монастыря, архимандрита и кавалера Досифея", предпринятое „для удовольствия благовейных почитателей обители сея". Москва, 1833 г. Издатель позволил себе свободно распорядиться издаваемым текстом, исказив в некоторых случаях смысл передаваемых событий (напр., в рассказе об опале на монастырь из-за игумена Филиппа, о чем скажем ниже).

[2]) Летописец соловецкий на четыре столетия, от основания соловецкого монастыря до настоящего времени, изд. III. М. 1833 г., стр., 106—107.

№ 19. *„Копии с грамот, собранных в подлинниках и копиях в старинном архиве соловецкого монастыря и написанных по порядку времени с начала царствования царя Алексея Михайловича и до времени единодержавия Петра Великого“...*

№ 20. *„Копии с патриарших и архиерейских грамот, найденных в подлинниках и копиях в старинном архиве соловецкого монастыря и написанных по порядку времени“...*

Некоторые из содержащихся в этих сборниках грамот изданы в качестве третьей части уже названного труда архим. Досифея („Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного соловецкого монастыря“. М. 1836 г.). Перечисленные сборники (№№ 18, 19 и 20) в качестве источников для истории соловецкого монастыря представляют исключительную ценность, так как некоторых из приведенных в них грамот и документов мы лично не встречали ни в подлинниках, ни в списке и в хранившемся в г. Перми соловецком архиве.

IV. Купчие, дарственные, вкладные, меновые, поступные и закладные записи разных лиц и в разные годы соловецкому монастырю. Этот архивный материал использован нами в Перми, во время пребывания здесь (в Государственном музее) соловецкого архива. Перебрасывание этого архивного фонда во время гражданской войны из одного помещения в другое привело его в хаотическое состояние. В течение непродолжительного двухгодичного (с осени 1924 г. по осень 1926 г.) срока изучения этого архивного фонда нам удалось только просушить несколько ящиков и разложить приблизительно в хронологическом порядке документы XVI—XVII в. Историку соловецкой вотчины названный архивный материал дает возможность проследить процесс и способы освоения монастырем земель и других угодий в Беломорском крае, главным образом, в XVI и XVII ст.[1]).

V. Писцовые и дозорные книги по разным волостям соловецкой вотчины. Выписки из этих писцовых и дозорных книг за разные годы нами были просмотрены среди рукописей соловецкого архива, во время пребывания его в Перми[2]). Как исторический источник, писцовые книги в русской исторической науке уже нашли для себя должную оценку. Было время, когда писцовые книги пользовались полным доверием исследователей. К. А. Неволин, положивший начало изучению „древнего

---

[1]) Сохранились рукописные описания соловецкого архива и библиотеки от XVI и XVII в., которые дают возможность составить более или менее отчетливое представление о размерах и содержании первого и второй. Одна из таких подробнейших описей монастырского имущества была произведена в 1676 г. в июне месяце, почти через полгода после взятия монастыря воеводою Ив. Мещериновым. Опись 1676 г. была произведена „по государеву указу и по наказу из новгородского приказа“ воеводою В. А. Волконским и дьяком Алмазом Чистого, в связи с расхищением монастырского имущества воеводой Ив. Мещериновым. Часть её, касающаяся монастырского архива и библиотеки, издана в „Чтениях в общ. ист. и др. Росс“, 1887 г., кн. I, стр. 1—80. Для современного исследователя прошлого соловецкой вотчины этот материал представляет значительную ценность. Во-первых, он позволяет выявить колоссальное богатство монастырской библиотеки и архива; во вторых, довольно подробным изложением содержания каждого архивного документа названные описи частично могут восполнить утрату некоторых из них. Между тем, очень многие из перечисленных в описи 1676 г. архивных документов не сохранились до 1887 г., а очень многие, добавим уже от себя, могли затеряться и позднее, как в самом монастыре, так и во время скитаний архивного фонда соловецкой вотчины уже в недавнее время.

[2]) Книга Обонежской пятины, Заонежской половины писма Ондрея Вас. Плещеева да подъячего Семейки Кузмина 7091 (1582—1583) г., содержащая сведения по Сумской волости, издана К. А. Неволиным. (Приложение VI к его исследованию о пятинах и погостах новгородских в XVI в. „Зап. имп. русск. географич. общества“, кн. VIII СПБ, 1853).

описания земель и составлявшихся при этом писцовых книг[1]), рассматривал наши новгородские писцовые книги, как „важнейший источник для географии области новгородских пятин и для определения местности каждого погоста, а также и вообще для истории". По вопросу о степени достоверности писцовых книг у названного ученого никаких сомнений не возникало[2]). Подобным же образом не подвергали писцовые книги критическому разбору в целях выяснения степени их достоверности И. Беляев[3]) П. И. Иванов[4]), Н. Калачов[5]), Чечулин[6]), И. Лаппо[7]), М. Горчаков[8]) и нек. др.[9]). Серьезное критическое отношение к этому источнику русской истории впервые проявляется только с 90-х годов прошлого столетия. А. Лаппо-Данилевский в своей диссертации „Организация прямого обложения в Московском государстве" несколько страниц уделяет вопросу о народных переписях в московск. государстве и происхождении писцовых книг. Лаппо-Данилевский считает практиковавшиеся в Московской Руси XVI—XVII ст. переписи неудовлетворительными по способам и формам, недостаточно освещающими состояние народного хозяйства и исполненными ошибок, как вследствие теоретических затруднений при ведении переписи, обманов со стороны населения и злоупотреблений писцов[10])...

Научно-методологическ. вопросы, связанные с писцовыми книгами, как источником для изучения народного хозяйства, интересовали в свое время П. Н. Милюкова, дававшего отзыв на цитированную диссертацию Лаппо-Данилевского и отразившего свой интерес к писцовым книгам в своем исследовании о государственном хозяйстве России в первой четверти XVIII ст.[11]). В 1894 г. вышла в свет обстоятельная работа И. Н. Миклашевского, посвященная обозрению хозяйства южной окраины Московского государства в XVII ст., в которой автор высказал несколько весьма ценных замечаний относительно достоверности писцовых книг[12]). Миклашевский сильно заподозривает достоверность цифровых данных писцовых

---

[1]) Имеем в виду его актовую речь в Петербургском университете, произнесенную в 1847 г. на тему: „Об успехах государственного межевания в России до имп. Екатерины II (напечатано в полн. собр. соч. К. А. Неволина т. VI).

[2]) К. А. Неволин „О пятинах и погостах новгородских в XVI ст. („Зап имп. русск. географич общества", кн. VIII, СПБ, 1853 г., стр. 9—32).

[3]) И. Беляев „О поземельных владениях в Московском государстве" („Временник имп. московского общества истории и древн. Росс ", т. XI. М. 1851 г., стр. 73—78).

[4]) П. И. Иванов „Опыт исторического исследования о межевании России" М. 1846 г. Его же „Обозрение писцовых книг по Новгороду и Пскову". М. 1841 г.; „Обозрение писцовых книг по Московской губ.". М 1841 г.

[5]) „Описание документов и бумаг московского архива министерства юстиции" СПБ, 1869 г. (статья его „О начале, значении, составе и содержании писцовых книг"); ср. его небольшую работу „Об издании извлечений писцовых книг" („Русский Вестн " 1869 г., апрель, 824—840 стр.).

[6]) Города московского государства в XVI в." (см. обстоятельную рецензию на это исследование В. О. Ключевского в „Отчете о 33-м присуждении наград графа Уварова". СПБ, 1892 г. стр. 276—315).

[7]) „Тверской уезд в XVI в." („Чтения в общ. ист. и древн. Росс." 1894 г., кн. IV, стр. 1—99, особенно стр. 7—10).

[8]) „О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. синода" (988—1738 г.) СПБ. 1871 г., стр. 15—16; 73—82.

[9]) Напр., Елагин (см. его предисловие к Белевской Вовлиофике т. I. М. 1858 г.

[10]) „Организация прямого обложения в московском государстве".... СПБ. 1890 г., стр. 205—214.

[11]) См. его „Спорные вопросы финансовой истории Московского государства" и „Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII ст. и реформа Петра В." СПБ. 1892 г.

[12]) „К истории хозяйственного быта Московского государства", I ч. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в. Москва 1894 г. Ср. его „Древне-русские поземельные кадастры". СПБ, 1903 г.

книг, особенно в определении размера пахатной земли; подвергает он сомнению и основной источник писцовых записей,—„сказки“,—показания представителей местного населения, неподтвержденные более авторитетными доказательствами. Только в более редких случаях писцы производили непосредственное измерение земель. „Писать“ им приходилось очень много, меньше „межевать“ и еще меньше „мерить“ [1]). Не мог обойти вопроса о значении писцовых книг, как исторического источника, занимавшийся историей социальных отношений в древней Руси М. А. Дьяконов, подчеркнувший в одном из специальных своих исследований важное юридическое значение писцовых книг в истории тяглого крестьянского населения [2]). Более подробно свой взгляд на значение и степень достоверности писцовых книг М. А. Дьяконов развил в своей рецензии на диссертацию проф. Ю. В. Готье: „Замосковный край в XVII веке“. М. 1906 г., отметив недостаточно критический взгляд рецензируемого автора на писцовые книги [3]). Н. А. Рожков в своей магистерской диссертации о сельском хозяйстве в Московском государстве XVI ст. высказывает о писцовых книгах несколько общих замечаний, которые „не имеют критического характера и предназначены лишь для того, чтобы сообщить некоторые необходимые для пользования писцовыми книгами сведения и указать некоторые особенности в работе над изучением писцовых книг“ [4]). В. О. Ключевский, дававший отзыв о названной диссертации Н. А. Рожкова, указывал на это отсутствие предварительной критической работы над писцовыми книгами, как немаловажный пробел ее [5]). Свой взгляд на писцовые книги, как исторический источник, Н. А. Рожков выявил в небольшой статье „К вопросу о степени достоверности писцовых книг“. Исходя из основных требований всякого статистического исследования: точность отдельного наблюдения, полнота наблюдения, верность вычисления и возможность установления причинной связи исследуемых явлений [6]),—в заключение оценки писцовых книг именно с этой стороны, Н. А. Рожков заявляет, что „в общем писцовые книги—достаточно достоверный источник“. Н. А. Рожков не мог отрицать некоторых и „значительных“ недостатков древне-русской регистрации, но они, по его словам, „не сыграли определяющей роли по отношению к содержанию писцовых книг, взятому в целом“. Поэтому, соглашаясь с тем, что писцовые книги должны подлежать исторической критике в смысле проверки содержащегося в них фактического материала, Н. А. Рожков, однако, оговаривается, что делать это „надо не так, как делают Лаппо-Данилевский и Миклашевский: не с точки зрения современной теории статистики, а принимая во внимание условия происхождения изучаемого источника“ [7]). Эта статья Н. А. Рожкова была предварительно прочитана в качестве доклада в заседании Археографической Комиссии Московского археологического Общества 17 января 1898 г. Оппонент Н. А. Рожкова,—М. М. Богословский,—указывал докладчику на глубокое различие между современными земскими статистиками и древне-русскими писцами. По выражению

---

[1]) „К истории хозяйственного быта“, цит. соч., стр. 54 и 57.

[2]) „Очерки из истории сельского населения в Московском государстве XVI—XVII в.“ СПБ. 1898 г., стр. 30.

[3]) „Отчет о 49 присуждения наград графа Уварова“.

[4]) „Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.“ М. 1899 г., стр. 500 и след.

[5]) Отчет о 44-м присуждении наград гр. Уварова. СПБ. 1904 г. Тоже в „Отзывах и ответах В. О. Ключевского“—третий сборник статей, стр. 455—481.

[6]) А. Ф. Фортунатов. „Сельско-хозяйственная статистика Европ. России“. Москва, 1893 г., стр. 19.

[7]) „Древности“ (труды Археографич. Комиссии Москов. археологич. Общества, т. I, вып. II, стр. 186—200).

М. М. Богословского, „рука древне-русского писца была не чиста: командировка для составления описи—одно из средств наживы". В доказательство оппонент ссылался на постановление собора 1619 г., отменившего опись. Другое не менее убедительное доказательство неточности описания, по мысли М. М. Богословского, заключается в том, что описания составлялись иногда по „сказкам", так как население в некоторых случаях прямо не допускало писцов к проверке сказок, (напр., в Белогородском уезде [1]).

Отношение последующих исследователей к писцовым книгам было неодинаковым: одни из них значительно заподозривают достоверность этих книг, другие, напротив, проявляют к ним полное доверие. Ю. В. Готье всю первую главу своей диссертации о Замосковном крае XVII в. посвящает обзору главнейших источников своей работы—писцовых и переписных книг. Он подводит итог всем предшествующим взглядам на писцовые книги и устанавливает на основании личного изучения, „богатого запаса описаний и переписей замосковного края" свое отношение к этому источнику. Основные выводы Ю. В. Готье в общем представляются в таком виде. Хотя письмо и перепись были „самым грандиозным предприятием московского правительства, фактически они сопровождались множеством промахов, недочетов и упущений; эти обстоятельства подрывали значение этой грандиозной работы" [2]). К Н. А. Рожкову во взгляде на писцовые книги, как источник русской истории, примыкает Е. Д. Сташевский, признавая их „важнейшим источником, как в области общих вопросов русской истории, особенно экономических, так и в сфере местных обследований, которыми так бедна наша историческая наука [3]). Большой интерес представляет небольшая статья Гр. Н. Шмелева: „К вопросу о степени достоверности переписных книг", в которой автор, анализируя имеющийся в своем распоряжении исторический материал, признает цифровые данные переписных книг довольно грубыми и далеко не соответствующими действительности [4]). Уже в недавнее время появилась в печати капитальная работа С. Веселовского по изучению кадастра и посошного обложения в Московской Руси [5]). Во втором томе названного исследования С. Веселовский дает много чрезвычайно ценного материала относительно писцовых книг, выявляя, как самую технику переписного дела (гл. IX—XI), так и историю описательных работ конца XVI и за XVII век (гл. XII).

После колоссальной и кропотливой работы С. Веселовского современному исследователю пользование писцовыми книгами, как историческим источником, значительно облегчается, и принципиальные разногласия по вопросу о степени их достоверности вряд ли возможны. Для исследователя, которому приходится иметь дело с писцовыми книгами, существенно важными представляются два вопроса: 1) насколько эти книги могут считаться достоверными и 2) какой материал они дают, т.-е. насколько они могут быть использованы для изучения русского прошлого. По первому вопросу почти все представители русской исторической науки,

---

[1]) Ibidem. „Протоколы заседания Археографич. Ком. Моск. археологич. общества", стр. 378.

[2]) „Замосковный край в XVII в." М. 1906 г., стр. 81—127 [illegible]
Ю. В. Готье акад. М. А. Дьяконова, Отчет о 49-м [illegible]
С. Веселовского, Журн. Мин. Нар. Просв. 1908 г., ф[illegible]

[3]) „Опыты изучения писцовых книг Моск[illegible]
„Московский уезд". Киев, 1907 г., стр. 1.

[4]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1898 г. № 7, ст[illegible]

[5]) „Сошное письмо". Исследование по исто[illegible]
Московского государства, т. I, М. 1915 г., т. II, М. 1[illegible]

имевшие дело с писцовыми книгами, как мы видели, приходят к выводу, что пользоваться ими следует с большою осторожностью. Даже те из них, которые считают резко выраженное „недоверие“ к писцовым книгам требующим „существенных поправок“, в окончательных своих выводах приходят к тому же[1]). А. Лаппо-Данилевский, после тщательного анализа техники писцового дела, убеждается, что писцовые книги не могут служить вполне точным и удовлетворительным источником сведений. Писцовые книги служили, гл. образом, источником для определения того значения, какое имела данная местность в финансовом отношении, при чем они сообщали верное понятие о том, что она должна была дать, по предположению правительства, но не о том, что могла дать и действительно давала казне. Для разрешения другого рода вопросов, напр. для определения количества всего населения, писцовые книги не могут служить вполне удовлетворительным источником; сообщаемые ими сведения почти всегда следует считать за „минимум того, что должно было бы быть, но чего мы в точности определить не можем“ [2]). Гр. Н. Шмелев в цитированной уже нами статье утверждает, что показываемое в писцовых книгах количество населения в большинстве случаев меньше того, какое было в действительности [3]). Второй вопрос тесно связан с первым. Ни один из исследователей, рекомендуя тщательное критическое отношение к писцовым книгам, не утверждал и не станет утверждать, что „писцовые книги должны быть преданы забвению, должны покрываться пылью и гнить на полках архива“. Несмотря на часто крупные ошибки в них, они дают „много ценного материала“. К такому выводу приходят самые строгие критики писцовых книг (Гр. Н. Шмелев). С. Веселовский в своей рецензии на работу Ю. В. Готье („Замосковный край)“ обрушивается лишь на односторонее увлечение названного исследователя писцовыми книгами (и за отсутствие в его работе внутренней критики писцовых книг). Но по отношению к самим писцовым книгам С. Веселовский высказал вполне уверенный взгляд, что они „несомненно“ представляют „очень ценный исторический материал“, и что „изучение их дает еще очень много“, не следует только искать в них ответов на такие вопросы, на которые они не могут ответить. Кроме того, для полного изучения истории народного хозяйства С. Веселовский рекомендует использовать и другие материалы, которые „на известные вопросы могут дать гораздо более полный и легкий ответ“[4]).

Признавая замечания С. Веселовского по существу правильными, переходим к более детальному обозрению источников названного рода по соловецкой вотчине. Книги, содержащие в себе обоззрение состава и численности населения и состояния земледельческого и промыслового хозяйства по соловецким волостям, разделяются на писцовые, переписные и дозорные. Писцовые книги составлялись специально командированными приказами лицами. В этих книгах внимание обращено, как на тяглую землю, так и на тяглое население, поэтому на ряду с перечнем тяглого населения в них содержатся сведения, касающиеся крестьянского хозяйства в том или другом районе. Переписные книги составлялись для исчисления тяглого населения, посему они дают не только совершеннолетнее взрослое тяглое население (ниже 15 летн. возраста). Отсюда вытекает и

край“, цит. соч., стр. 81—90; 125—127.
ения“, цит. соч., стр. 213—214.
г. № 7, стр. 13.
, февраль, стр. 413—431.

другое различие в перечне самого населения: в писцовых книгах перечисляется тяглое и нетяглое население, в переписных только тяглое; в писцовых книгах дворы измерены, в переписных только перечислены. В писцовых книгах указаны огороды, сенокосы, пожни морские и разные другие „згодья", принадлежавшие той или другой волости, в переписных книгах этого нет. Книги дозорные, по характеристике С. Веселовского, „менее подробные и менее содержательные", в соловецкой вотчине составлялись кем-либо из соборных старцев, которые, по поручению собора, „дозирали" волость. Характеристика дозорных книг, как „менее подробных" и менее содержательных, „по отношению к дозорным книгам соловецкой вотчины не всегда применима. Дозорщик старец Варсонофий, „дозиравший" и переписывавший Сумскую, Унежемскую, Колежемскую, Виремскую и ряд других волостей в 1661 г. дал настолько подробное описание названных волостей, которое в этом отношении превосходит некоторые писцовые книги по тем же волостям. Лаппо-Данилевский и С. Веселовский признают за дозорными книгами второстепенное значение: дозорщики посылались в разоренные города, дозирали „пустоту", описывали вышедшие из тягла хозяйства, писцы же отправлялись в неразоренные районы. Кроме определения размеров и качества тягла, писцы проверяли и укрепляли право собственности и владения землями, угодьями, дворами, разрешали разные земельные споры, тогда как „дозор" представлял финансовую меру [1]). Нельзя, конечно, отрицать правильности всех этих соображений, но, полагаем, не только в этом было различие между писцом и дозорщиком. Писцовая книга имела более постоянное значение, сохраняла силу на дольше, дозорная перепись— перепись ad hoc, наскоро, в виду неотложного требования момента.

Сколько позволяют нам источники, попытаемся в общих чертах представить ход описательных работ на русском севере XVI—XVII в.в. в той его части, где были расположены волости и угодья соловецкой вотчины. Считаем долгом оговориться, что предлагаемый очерк не отличается желательной полнотой в виду ограниченности имевшихся у нас под руками источников. Приходится иногда восстанавливать факт предшествующей описи или дозора на основании случайного и отрывочного указания последующей писцовой, переписной или дозорной книги. Самая ранняя из известных нам правительственных переписей в волостях соловецкого монастыря была произведена в 1553 г. в Кемской, Подужемской, Маслозерской и Пебозерской волостях Пятым Карташевым, Василием Моревым и подъячим Днем Подосеновым [2]). В 1556 г. Каргопольский уезд описывали Яков Ив. Сабуров; в 1562 г. Кемскую, Подужемскую, Маслозерскую и Пебозерскую волости переписывали писцы Никифор Харламов, да подъячий Иван Рухотин; в 1563 г. дозирал Керецкую волость Яким Романов да Микита Пятутин; в 1569 г. Шуерецкую волость описывал Семен Васильев сын Кореков (в др. Корюков) и подъячий Никифор Семенов; в 1571 г. Керецкую волость дозирал Третьяк Зайцев; в 1574 г. Кольский острог

[1]) Лаппо-Данилевский „Организация прямого обложения", цит. соч.. стр. 199; С. Веселовский „Сошное письмо", цит. соч., т. II, стр. 196—197.

[2]) Владения соловецкого монастыря были расположены преимущественно на территории земель Новгородской вечевой республики. Существуют сведения, что при покорении В. Новгорода московским в. князем Иваном III, последний согласился на просьбу Новгородцев не посылать к ним писцов и дозорщиков при условии, что они не станут утаивать следуемой с них в казну дани (Соф. врем. под 1478 г.). Между тем, уже в 1491—1492 г. новгородские земли переписывались московскими писцами, следовательно, или обещание великого князя имело значение дипломатического приема, или же московское правительство заподозрило новгородских властей в утайке подлинного числа окладных единиц. (Неволин, цит. соч., стр. 11).

и Керецкую волость описывал Василий Огалин, да подъячий Стефан Федоров; в 1582—83 г. Сумскую волость описывали писец Андрей Васильевич Плещеев, да подъячий Семен Кузьмин, а в 1586 г. „дозирали" Сумскую волость дьяки Федоров и Рязанцев и губные старосты Панов и Овдулов; в 1586 же году Варзужскую волость описывал Постник Балакшин, да подъячий Прокофей Яковлев, оставившие по себе в соловецком монастыре печальную память, „написавши" на соловецкую четверть волости „перед варзужскими волостными черными крестьяны" по две гривны на лук „неведомо почему" и увеличив, таким образом, оброк в казну с монастыря на 44 р. 14 к. 1 д.; в 1587 г. Двинский уезд описывал Василий Андр. Звенигородский и подъячий Рахманин Воронов; в 1589 г. выборный губной староста Обонежской пятины, Оштинского стану, Иван Овдулов „дозирал" Шуерецкую волость „по государевой грамоте и по наказу окольничего кн. Ф. Ив. Хворостинина, Григ. Иван. Морозова, дьяка Андрея Арцыбашева и Семейки Емельянова. Охотно присоединяемся к утверждению Лаппо-Данилевского, что перепись производилась, главным образом, для определения платежных сил данного района и поэтому она не повторялась, пока не происходило перемен или в составе населения, или в его материальных средствах. В конце XVI ст. такие изменения произошли. С 1571 г. ряд беломорских волостей подвергся нападению со стороны „каянских немцев". Особенно тяжелым оказался 1590 г., когда неприятельские отряды разорили волости Ковду, Умбу, Кереть, Кем, Подужемье, Маслоозеро и Пебоозеро. В 1592 году эти набеги повторились; при чем разорено было все пространство от Керети до Сумского острога. Некогда цветущие волости превратились в груды развалин, население убыло значительно. Все это вызвало потребность в составлении новых писцовых книг, как для правительства, так и для монастыря. В 1599—1600 г. Сумскую, Колежемскую, Виремскую, Сухо-наволок, Нюхчу, Кемскую, Подужемскую, Маслоозерскую, и Пебоозерскую волости переписывали монастырские старцы в хозяйственных интересах монастыря. Составление описи не прекращалось и в эпоху великой Московской смуты. В 1608, 1609 и 1611 годы Кольский острог и Керецкую волость „дозирали и переписывали" Алай Ив. Михалков и дьяк Василий Мартемьянов. Но этот дозор был отменен [1]); очевидно, он был признан неудовлетворительным. Московская смута еще более углубила разорение монастырских волостей. Особенно тяжелыми последствиями сказалось продвижение на север „черкас" (1612—1614 г.). Разорению подверглись Ненокоцкий посад, Луда, Уна. От Сумского острога „черкасы" повернули в заонежские волости и опустошили их [2]). Когда тревожное время несколько миновало, в Заонежье новое московское правительство отправляет ряд дозорщиков, чтобы „установить соответствие между размерами оклада и платежными силами данной местности" [3]). В 1615 г. Каргопольский уезд „дозирали" Семен Языков и подъячий Семен Осокин, но данными этой переписи не пришлось воспользоваться. Последовавший вслед за тем литовский набег еще более разорил заонежские погосты и вызвал потребность в новой переписи [4]) Пока население подавало в Москву челобитную об этой новой переписи

---

[1]) С. Веселовский „Сошное письмо", цит. соч., т. II, стр. 178.

[2]) Н. Ардашев „Из истории XVII в." (Журн. Мин. Народн. Просв. 898 г. № 6, стр. 225 – 262).

[3]) Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения, цит. соч., стр. 190.

[4]) „Акты писцового дела". Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве, т. I, под ред. С. Веселовского. („Чтения в общ. ист и древн." 1913 г., кн. II, стр. 127 и след.).

а московское правительство снаряжало нового писца, монастырские волости (Лямецкую, Пурнемскую и Нижмоозерскую), в Заонежье „дозирал" старец Илья Большой и Александр Булатников. В 1621 г. Каргопольский уезд „дозирал" Иван Воейков да дьяк Третьяк Копнин. Так как дозорные книги составлялись только на время, а Заонежские погосты и Поморье продолжало разоряться, правительство должно было позаботиться о производстве систематической переписи северного района. Что потребность в новой переписи чувствовалась, это видно из того, что соловецкий монастырь в 1623 г. предпринимает новый дозор своих волостей. В этом году, как нам известно, старец Веньямин „дозирал" Выгскую, Сороцкую и Шижемскую волости. В 1623—24 г. Двинский уезд уже описывает писец Мирон Веньяминов „с товарищи"... Поводом к этой переписи, очевидно, послужила челобитная двинских посадских и уездных людей в Москву такого содержания. После переписи Вас. Андр. Звенигородского и дозора Бориса Мезецкого монастыри соловецкий, троице-сергиев, никольский-корельский, архангельский, печенгский и сийский поспешили выделить свои соляные промыслы, земли, пожни и луговые угодья из черных сох. Таким образом, они не стали нести земские и государевы повинности на ряду с волостными людьми. Между тем, официально эти монастырские угодья числились среди черных сох и должны были нести тягло, которое теперь падало на волостной мир. В 1622 г. посадские и уездные люди—двиняне и просили правительство прислать на Двину писца, который должен был указанные монастырские промысла, земли и угодья „вывести" из черных сох, чтобы мы, мотивируют свою просьбу челобитчики, „тех монастырей земли и соляные промыслы и сенные покосы в тех мирских розходах оплачивая, и в городовом и в острожном деле и в лодейных отпусках одни в конец не погибли и впредь твоего государева тягла не отбыли, и наши б пашнишка впусте не были, и врознь не разбрелися". В ответ на эту челобитную 20 июня 1622 г. в Москве решено было послать на Двину писца Мирона Андр. Веньяминова, подъячего Бажена Степанова и Антона Подольского [1]).

С ростом населения и в связи со стремлением правительства взять на учет все тяглое население в 40-х годах предпринимается составление новых „переписных" книг. С 1646 г. переписываются соловецкие монастырские волости. От 1646 года мы встречали две „сказки" о торговых, промышленных людях, бобылях и казачках (одна—Кемской волости, а другая Сороцкой). В 1646 г. монастырь посылает своих дозорщиков в Сумскую волость; в этом же году переписывали Каргопольский уезд Иван Степанов Велков, да подъячий Михаил Казаков. В следующем, 1647 г. переписывалась Керецкая волость. От 1661 г. сохранились обстоятельные дозорные книги старца Варсонофия по Сумской, Унежемской, Колежемской, Нюхоцкой и нек. др. волостями, которыми монастырские прикащики пользовались очень долго. В 1676—78 г. правительство вновь начинает заботиться об увеличении платежных единиц, так как в связи с ростом населения и экономическим расслоением волостного мира переписные книги 1646 г. оказывались уже устаревшими. Новая перепись 1678—79 г.г. была произведена для взимания с крестьянских, бобыльских и других тяглых дворов стрелецких денег. В 1678 г. переписывал Онежские волости писец стольник Петр Большой Лопухин и подъячий Иван Григорьев, а незадолго пред этим (в марте того же 1678 г.) монастырь составлял для себя переписные книги по Лямецкой, Пурнемской, Нижмоозерской, Унежемской и Нюхоцкой волостях. В 1679 г. переписаны были и другие

[1]) „Акты писцового дела", цит. сборн. („Чт. общ. ист. и древн. России" 1913 г., кн. II, стр. 170—171).

монастырские крестьяне и бобыли: в Холмогорах, в Куресской, Ненокоцкой, Лудской, Варзужской и Умбской волостях и в Кехоцкой мельнице. В 1695 г. Сумскую волость „дозирал" старец Варсонофий.

Самая техника составления писцовых и переписных книг в волостях Соловецкого монастыря была та же, что и в других местностях Руси XVI—XVII в. Правительственный писец или переписчик получали от волостного прикащика монастырского старца „сказку" или роспись „за руками", в которой они, подтверждая правильность своих показаний „иноческим обещанием" и „в божью правду", дают нужные для писца или переписчика сведения относительно численности и имущественного положения тяглого населения данной волости. По всей видимости, писцы и дозорщики „примерялись" к прежним сотным выписям и „платежным" книгам, которые они получали обычно у воеводы [1]). Отсюда заключаем, что так называемые „припровочные книги", которыми руководились писцы и переписчики в центре, применялись и в соловецкой вотчине.

Для примера укажем, что когда писец Алай Ив. Михалков в 1609 г. „описывал" и „дозирал" Керецкую волость, то у него на руках были: „отдельные" книги на четверть Керецкой волости соловецкого монастыря, вкладные, купчие, отписки во всяких государевых податях за подписью дьяков и другие документы, предъявленные монастырем в доказательство своих прав на то или другое угодье.

В соловецкой вотчине, как, впрочем, и во многих других местах, писцы иногда очень доверчиво относились к монастырским „сказкам", что в свою очередь, не благоприятно отзывалась на крестьянском тяглом населении. В 1678 г. всеуездный устюжский староста Потапко Копылов, „во всех крестьян место", жалуясь на то, что Соловецкий и другие монастыри „силою" захватили ряд деревень и угодий в Устюжском уезде, просил в своей челобитной „во всяких их обидах и налогах волостным крестьянам дать с ними очные ставки и во всем против челобитья их розыскать на Устюге писцом Алексею Лодыженскому с товарищем, а без розыску б монастырские вотчины и всякие угодья в писцовые книги от их крестьянских деревень особым перечнем не отписывать" [2]). У нас под руками не было подлинников писцовых, переписных и дозорных книг, да их и не могло быть в монастырском архиве. Подлинники передавались в тот приказ, который высылал писцов. Монастырю выдавались сотные и выписки из писцовых книг и не сразу, а иногда через несколько лет, пока писцовая книга не была проверена и утверждена. Для того, чтобы получить эту выписку нужно было подавать в Москву специальную челобитную [3]). Даже чтобы получить выписку с дозорной книги, требовалась специальная челобитная [4]). Каждая монастырская волость и „служба"

---

[1]) „Акты писцового дела", цит. сб. стр. 32.

[2]) Соловецкий архив.

[3]) Выписка из писцовых книг письма и дозору Мирона Вельяминова предворяется такою историческою справкою: „Лета 7136 мая в 5 день. Бил челом государю царю и в. князю Михаилу Федоровичу всея Руси Соловецкого монастыря игумен Макарий з братьею. По государеву указу во 131 и во 132 году писали и мерили двинскую землю, посады и уезды и их монастырские вотчины писцы Мирон Вельяминов с товарищи, и с тех де их писцовых книг сотной грамоты. почему им с тех своих монастырских вотчин з живущего государевы даные денежные доходы и с соляных и с рыбных и со всяких промыслов оброчные деньги в государеву казну платить по ся места не дано И государь бы их пожаловал велел им с тех писцовых книг дати свою государеву грамоту". В том же 136 году последовало распоряжение выдать монастырю просимую сотную грамоту. Таким образом, прошло 4 года после переписи, пока монастырь получил нужную выписку.

[4]) В 1615 г. как мы уже упоминали, Семен Языков „дозирал" волости в Каргопольском уезде, но только в 1616 г. (7125 г. ноября 24) соловецкому монастырю удалось получить выписку (сотную грамоту) из дозорной книги Осокина.

имела у себя копию из той писцовой, переписной или дозорной книги, куда она была занесена. Эта копия постоянно необходима была монастырскому прикащику для родного рода хозяйственных справок. В спорных вопросах, в земельных тяжбах с волостными крестьянами и другими монастырями писцовая книга прежних лет могла иметь решающее значение наравне с государевыми грамотами, купчими и др. документами. В своих источниках мы встречали неоднократные указания на это [1]). Копию писцовой, переписной или дозорной книги рассылал по волостям, усольям и др. „службам" обычно монастырь [2]).

VI. „Книги приходные и расходные денежные казны"... Нами изучены приходо-расходные книги соловецкого монастыря, начиная с 1571 г. до конца XVII ст. Это один из лучших источников для изучения истории соловецкого монастыря, отражающий в себе все сложное хозяйство крупной вотчины. Монастырь вел тщательный учет своему имуществу. Приходо-расходные денежные операции велись специальным лицом-казначеем. Приход и расход до мельчайших деталей заносились в приходо-расходные книги, которые проверялись, при передаче казны новому казначею. Из этих книг мы узнаем все источники монастырского дохода. Пред нами, как на ярком экране с изумительною отчетливостью обрисовывается организация соляной промышленности в монастырских усольях, рыбной ловли в крупном масштабе, слюдных промыслов, крупной монастырской торговли и т. д. Изучение „расходных" книг соловецкой вотчины позволяет делать весьма конкретные заключения о состоянии русского рынка XVI и XVII в., на котором крупный соловецкий вотчинник монастырь—государь появлялся в качестве оптового покупателя, будучи „монастырем безвотчинным и пашенных земель имея самое малое число"...

VII. Приходо-расходные книги Вологодской службы за разные годы, начиная с 1583 г. по 1700 г.—источник исключительной ценности для русской исторической науки. „Книги Вологодские службы" содержат в себе указание на то, сколько соли в том или другом году монастырь поставил на вологодский рынок на продажу и по какой цене, кому именно

---

[1]) Приведем для иллюстрации такой случай. В 1679 г. в ответ на челобитную соловецкого архимандрита Макария в Москве было постановлено: „В Устюжском уезде, в Вотложемской волости новоприсадный песок, который отмело рекою Двиною, да в Комарицком стану новоприсадное место на Двине реке под островом Лещевец, островки и пески, ивняги и сенные покосы, а также соловецкого монастыря деревни пашебные земли, сенные покосы, рыбные ловли и всякие угодья, буде в прежних писцовых книгах за соловецким монастырем записаны, а которые оброчные места за соловецким монастырем в прежних писцовых книгах не записаны, а владеют ими по государевым грамотам и по купчим и крепостям, и те деревни и всякие пашенные земли и угодья в писцовые книги, написать за ними (архимадритом с братией) и с тех их угодий взимать с них всякие денежные доходы (которые раньше поступали с прежних владельцев).

[2]) Например: в 1711 г. во время пожара в „сороцкой службе" сгорели монастырские хоромы. В огне погиб старый список с писцовых и дозорных книг старца Варсонофия 1661 г., где были описаны Сороцкая, Виремская, Шижемская, Сухонаволоцкая и Выгоостровская волости. Прикащик без этого важного документа оказался в затруднительном положении. Для него уже „не почему" было „знать" в рыбном промысле. Крестьяне перечисленных волостей постоянно приходили к прикащику, требуя „в земли расправы", а между тем, „развести их" без сгоревшей дозорной книги было „не почему". Пришлось прикащику бить челом в монастырь о присылке нового списка с дозорной Варсонофьевской книги. Просьба была его заслушана на соборе и было постановлено на нем: списать список с Варсонофьевской дозорной книги, „в полудестевую книгу", „облочь в кожу" и выслать просителю. При этом следует отметить любопытный факт. За список, за бумагу и за письмо деньги должно было собрать с крестьян вышеназванных волостей и отдать эти деньги надлежало тому, „хто список с книг написал". Список был заверен собственноручною подписью архимандрита Фирса, келаря Иллариона; заключался он на 106 листах, в том числе несколько листов было „порожних" (незаполненных).

и сколько соли продано. Большую ценность для историка представляет собою та часть этих книг, где приводятся с мельчайшими подробностями сведения о количестве ежегодно закупаемых на монастырь продуктов питания, одежи, обуви, цренного и всякого другого железа и т. д. При этом старец-прикащик с хозяйственною добросовестностью и пунктуальностью перечисляет количество закупаемого товара, стоимость его оптом и в розницу и называет персонально купцов. Драгоценный материал этот источник дает для истории труда в древней Руси, обрисовывая весьма красочно быт всевозможных „ярыжных" „носников", кормщиков, насадчиков и т. д. По этим книгам мы со всеми подробностями можем изучить организацию русской торговли в XVI—XVII в., всю систему торговых пошлин, тогдашнее судоходство и т. д. Вологодцкие приходо-расходные книги изучены нами среди архивных дел соловецкого монастыря в г. Перми.

VIII. „Книги переписные соловецкого монастыря, церквей, денежной, ризной и протчих палат и в них всякой утвари и хлебных и протчих всяких припасов и всякого монастырского строения и вотчин". Эти книги обычно составлялись при передаче („отводе") монастыря от старого игумена или (позднее) архимандрита новому. Один уже перечень содержания этого источника говорит о большей ценности его для изучения хозяйства соловецкой вотчины. (Хранятся среди прочих дел соловецкого архива).

IX. Дела разных монастырских усолий. Среди них мы находим: 1) *купчие, вкладные, закладные, дарственные* и *меновые* на варницы, или на доли в них, деревни, пожни и др. угодья; 2) *„переписные книги"* представляющие перепись всего усольского хозяйства с точным перечнем живого и мертвого инвентаря, продовольственных запасов, денежных сумм и т. д.; 3) *„отводные книги"*—аналогичного содержания, составлявшиеся при передаче усолья от одного прикащика другому; 4) *„приходо-расходные книги,* куда тщательно записывалось каждое поступление в усолье деньгами и продуктами, как из монастыря, так из „Куресской службы" (продовольственная база соловецкого монастыря возле Холмогор). Также детально записывался и расход.

X. Книги разных *„служеб"* в самом монастыре: *денежной казны, чеботной службы, портные службы* и т. д. Эти источники отлично вырисовывают пред нами отдельные отрасли сложного хозяйства крупнейшей в свое время вотчины.

XI. Ряд „книг" и „записей", напр.: *„книги отводные", „платежные памяти", „полюбовные памяти", „стрелецкие поручные", „крестьянские порядные, „челобитные" монастырских крестьян, „книги сборные церковной дани",* всевозможного рода *„памяти", „выписки"* и т. д.

Б. Источники печатные.

Некоторые из них мы уже называли. Это, во-первых, „Достопримечательные старинные грамоты, жалованные соловецкому монастырю от российских государей, и другие документы". Они изданы в качестве третьей части „географического, исторического и статистического описания соловецкого монастыря архим. Досифея (первое изд. в 1836 г.). Во-вторых, мы еще раз должны назвать и „Летописец Соловецкий" (3-е изд. 1833 г.). Из других печатных источников, откуда историк соловецкой вотчины может с большою пользою для себя почерпнуть материал, назовем следующие:

1) „Акты Археографической Экспедиции", т. I, II, III и IV.
2) „Акты Исторические", т. IV и V.

3) „Дополнения к актам историческим", т. I, III, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI и XII.

4) „Собрание государственных грамот и договоров", т. I, II и III.

5) „Акты, относящиеся к истории соловецкого бунта", с предисл. Е. В. Барсова (изданы в „Чтении в общ. ист. и древн. Росс." 1883 г., кн. IV).

6) Я. Л. Барсков „Памятники первых лет старообрядчества". СПБ., 1912 г.

7) „Материалы для истории раскола за первое время его существования" (под ред. Н. Субботина) т. I—VIII (особенно т. III).

8) „Русская Историческая Библиотека", т. II, XII и XIV.

9) М. Г. Курдюмов „Описание актов, хранящихся в архиве археогр. комм." (коллекция Савваитова П. И.) Петроград, 1915 г.

10) „Описание рукописей соловецкого монастыря", находящегося в библиотеке Казанской дух. акад., ч. I—III. Казань 1881—1898 г.

11) Большой ценности материал, относящийся к истории соловецкой вотчины, можно находить в „Чтениях в обществе истории и древностей Рос." при Моск. университете, начиная с 1859 г., с незначительными только пропусками. Сделаем только общие указания годов и нумеров книг: 1859 г. (I), 1860 г. (III), 1867 г. (IV), 1868 г. (I), 1869 г. (IV), 1871 г. (IV), 1872 г. (I—II), 1874 г. (I), 1876 г. (I), 1878 г. (III), 1880 г. (III), 1882 г. (I), 1883 г. (IV), 1884 г. (I, III и IV), 1887 г. (I), 1894 г. (III), 1895 г. (II).

Остальные печатные источники будут указаны в примечаниях в тексте самой работы. Точно также в примечаниях мы будем указывать и использованные пособия.

Глава первая.

В начале XV века, ко времени появления соловецкой вотчины, Поморье, начиная от Терского берега и до р. Мезени, находилось во владении В. Новгорода. Ценность этой колонии для вечевой торговой республики очевидна. Ворвань, моржовая кость, меха, соль и, даже, воск,— поставляемые новгородцами на западно-европейский рынок,—шли в Новгород с Поморья. Источники говорят о Поморьи, уже как о колонии В. Новгорода, но нисколько не обрисовывают самый процесс освоения последним русского севера. Между тем, следует отметить, что вопрос о русской колонизации севера не представляется достаточно выясненным. Прежде всего, трудно установить начальную дату этой колонизации. Двинский летописец по этому вопросу выражается очень неопределенно: „бяху же от начала исперва во владении двиняне за новгородцы, тысящники и посадники, даньми и оброками. И для тех сборов и расправ новгородские их тысящниковы и посадниковы бояре были присылованы, а жили в ухтостровской и в матигорских и в иных волостях наместниками, и писано им от новгородских архиепископов и в посадничных грамотах, к ухтостровским и матигорским бояром о береженье" [1]). Из приведенных слов двинского летописца можно сделать только общие выводы: 1) отношение вечевой республики к Поморскому краю выражалось в собирании с него дани и оброка и 2) такие даннические отношения установились „от начала", или „исперва". Глухо сказано в цитированном отрывке в населении

[1]) „Двинский Летописец" („Древняя Российская Вивлиофика", изд. II, ч. XVIII, М 1791 г., стр. 3).

Поморского края: были ли „двиняне“ местным инородческим населением, или же летописец объединил под этим термином всех обитателей Поморья, следовательно, и русский элемент,—мы доподлинно не знаем. Научные разногласия о том, была ли русская колонизация Поморья боярской, промысловой, капиталистической или же заселение севера Европейской России явилось результатом колонизации крестьянской, земледельческой, трудовой, особенно важного и принципиального значения, полагаем, не имеют. Будем ли мы исходить из условий быта самого В. Новгорода, станем ли изучать обстановку, в которой могли оказаться первые русские поселенцы у студеного „моря-окияна“, вывод получится один и тот же: инициатива продвижения на север, носившего промышленный характер, принадлежала новгородским боярам-капиталистам [1]). Трудно предположить обратно. Экспедиция на север была делом не легким, требовала значительных материальных средств и доступною, следовательно, оказывалась только состоятельным классам. На новых местах возможны были столкновения русских поселенцев с местным населением и только высокое положение колониста, вроде, напр., тысяцкого Дмитрия Васильевича, обеспечивавшее защиту со стороны В. Новгорода, спасало положение. Даже во второй половине XV в. авторитетный источник среди насельников Беломорского края различает только бояр-новгородцев и местные инородческие племена. В жалованной новгородской грамоте соловецкому монастырю на соловецкий и другие острова, после перечня отводимых монастырю угодий, читаем следующее: „а боярам новгородчкым, ни корельским детем, ни иному никому-же, в тыи острова не вступатися в страдомую землю, ни в пожне, ни в тоне, ни в ловища ни-чренов не наряжати, ни лесов не полесовать“ [2])...

Но приписывая почин в колонизационном процессе новгородскому капиталу, никак нельзя умалять и крестьянской колонизации, которая происходила, полагаем, одновременно с боярской. Источники достаточно определенно называют в Поморье на ряду с „отчинами“ и „дединами“ новгородских житьих людей и „страдомые деревни“, где обитали несомненно „страдомые“ люди, вроде Парфенки да Першицы и др. Организация соляной промышленности, рыболовства и добывания сала предполагает достаточное количество рабочих рук, получить которые на местах из туземного населения новгородские промышленники вряд ли могли. Гораздо проще им было пользоваться услугами тех же новгородских холопов—„сбоев“, при помощи которых они привыкли совершать свои экспедиции в Поморье. Если и усматривать в новгородских ушкуйниках, скользивших на своих „ушкуях“ по многочисленным северным рекам как „по новгородскому слову“, так и „без новгородского слова“, авангард новгородского капитала, то все же трудно точно датировать время зарождения в Поморье „боярщинок“. Сведения, которыми мы по данному вопросу располагаем, случайны, отрывочны и дают возможность обрисовывать колонизационный процесс на русском севере только с XII в. и при том в самых общих чертах [3]).

[1]) Акад. С. Ф. Платонов. „Прошлое русского севера“, изд. „Время“, СПБ, 1923 г., стр. 5; ср. его статью: „Был-ли первоначально русский север крестьянским“? („Архив истории труда в России“, кн. II, Петроград. 1921 г. стр. 15—18).

[2]) „Акты Археогр. Экспед.“, т. I, № 62, стр. 47.

[3]) Пользоваться ими надлежит с большою осторожностью. Например, существовало традиционное представление о том, что Михайлов-Архангельский монастырь, на правой стороне Двинской дельты, в Пурнаволоке, возник в XII веке. В основание приводились следующие слова из благословенной грамоты Новгородского архиепископа Иоанна: „Благослови архиепископ Новгородский Иоанн у св. Михаила вседневную службу. и благослови игуменом Луку к св. Михаилу... и буди милость божия на посадниках двинских

С Двины русская колонизационная волна устремилась во все стороны Беломорского края. Не позднее XII в. началась колонизация реки Пинеги, с которой волоком через р. Кулой и р. Важку (Удор) можно было пробраться в Мезень. Колонизация р. Мезени связана с богатою новгородской фамилией Окладниковых, имя которых носила существовавшая издавна у устья р. Мезени слобода Окладникова. Отсюда через Пезу и Цильму открывались пути в богатый Печерский край, а через Печеру, Усу и ряд других рек и речек за „Камень" в Мангазею, эту древне-русскую Калифорнию между Обскою губою и низовьями Енисея по р. Тазу. В XIII—XIV в. происходила колонизация корельского и терского берегов Белого моря. В начале XV в. среди туземных „пяти родов корельских детей" (курольцы, равкульцы, вымольцы, тиврельцы и валдолеи) мы находим уже земельные, морские и речные угодья новгородских посадников, их сыновей, софийского дома и др.[1]). Обширные земельные и водные угодья: „деревни страдомые и пожни и лес полешей и ловища водные и лешие озера", сплошь почти охватывавшие корельский и летний берега Белого моря, принадлежали в XV в. богатой новгородской фамилии Борецких; последняя представительница этой фамилии, жена новгородского посадника Исаака Андреевича—Марфа часть этих угодий передала, незадолго до падения новгородской самостоятельности, соловецкому монастырю[2]). Сын новгородского посадника Иван Федорович (вместе со своими братьями Васильем и Акинфом) владел земельными и водными участками и „варницными угодьями" в Сорокс, по р. Выгу и на море. В начале XV в. эти земельные угодья Иван Федорович продал посаднику Офонасию Есиповичу, а несколько позднее они оказываются уже во владении у соловецкого монастыря[3]). Во второй половине XV в. новгородская знать довольно щедро роздает соловецкому монастырю свои „отцины" и „дедины", расположенные по Беломорскому берегу в перемежку с землями и угодьями „корельских детей". Технический термин „отчина" и „дедина" еще не говорит за то, что этими угодьями пользовались отцы и деды настоящего владельца. Некоторые из этих „отцин" покупаются на наших глазах, и сын купившего называет купленное „статкой" своего отца и своей „отциной"[4]).

и на двинских боярех новгородских, на владычьне наместников, на купецком старосте и на всех купцах новгородских и на всех крестьянах от Емцы до моря, что есть требовали вседнєвные службы". Рассуждают обычно, таким образом: В В. Новгороде было два архиепископа Иоанна. Один из них занимал кафедру с 1110 по 1130 г., а другой с 1165—1186 г. Следовательно, Михайло-Архангельский монастырь был основан в промежуток времени с 1110 - 1186 г г. Основываясь на словах этой же грамоты, полагают, что в XII в. район от Емцы до моря был уже колонизован русскими поселенцами. (Огородников Е. К. „Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по Книге Большого Чертежа „Записки Русск. Геогр. Общ.", т. VII. СПБ, 1877 г., стр. 107—108). Но в В. Новгороде был и еще один архиепископ по имени Иоанн с 1388 по 1415 г. (Строев „Списки иерархов и настоятелей монастырей", изд. археогр. комм. СПБ, 1877 г., стр. 35). Кроме того, в этой же грамоте упоминается игумен Лука, бывший игуменом в Арханг. монастыре около 1400 г. (ibidem, стр. 822). Мы полагаем более правильным относить цитируемую грамоту именно к концу XIV ст. Связывать ее появление с личностью второго из названных новгородских архиепископов (1165—1186 г.) мы затрудняемся, потому что настоящее имя его было Илья, Иоанном же он стал в схиме. Для времен же 1110 по 1130 г. такая колонизация Подвинья, какая рисуется в цитируемой благословенной грамоте, представляется слишком развитой.

[1]) Соловецкий рукоп. сборник в библ. б. Каз. дух. акад. № 18, л 24—38 об.

[2]) ibidem, л. 25; Досифей. I, стр. 47.

[3]) ibidem, л. 32 и об.

[4]) Напр., тысяцкий Димитрий Васильевич, купивший у Хоюры Васильевой, дочери Кукоевой, „отцину" ее и „дедину" на море, на Выгу и в Шуе реке, в Кеми, Пильбоострове, по морскому берегу, в Понголе реке по обеим сторонам и по лешим озерам, считает дальше все это своею „отциной".

Новгородские владельцы сами не обитали в своих колониях. Для эксплоатации природных богатств края они посылали туда своих слуг. Местное туземное население враждебно относилось к русским колонистам. Сохранились, напр., сведения, что когда тысяцкий Дмитрий Васильевич посылал своих ловцов в новоприобретенные корельские угодья (на „свою куплю"), корелы людей Дмитрия Васильевича „изгонили" и сети „выкинули".

Для продвижения к Белому морю из В.-Новгорода существовало несколько дорог и все они проложены были по течению наших северных рек, так как мхи, озера и „перевозы через озера многие" сухопутное движение делали крайне затруднительным. Из Ладожского озера рекою Свирь можно было проехать на Онежское озеро, оттуда по р. Водле притоком ее Черевой, оз. Волошево, р. Поча, Кенозером и р. Кеной к реке Онеге (пониже Каргополя). С Онеги можно было идти или прямо к морю, или же через р. Емцу к Двине. Другой путь к морю и к Двине шел от нижнего течения р. Вытегры к оз. Лаче—волоками (но какими, именно, установить теперь трудно); от оз. Лаче к Каргополю, а оттуда дорога к морю была уже открытою. Самый простой путь к берегам Онежской губы шел от северных берегов Онежского озера через Маткозеро к р. Выг, Суме и Нюхче. Развитая система озер, соединявшихся между собою реками и речками, открывала возможность водного пути от г. Корелы в „Лопские погосты" и в „дикую Лопь" [1]).

Источники дают возможность безошибочно проследить основные вехи русской колонизации севера в XIV и XV в. Но если заселены были в это время берега Двины, Ваги и Пенеги, если попадались погосты по реке Онеге и небольшие селения по „морским" рекам Двинской и Онежской губы, то, разумеется, этого нельзя было сказать относительно Терского и Мурманского берегов. Составитель „житий" Зосимы и Савватия о древних насельниках крайнего русского севера, где возник позднее соловецкий монастырь (это были, по его словам, „каане и мурмане"), говорит, что они „первее бышя яко зверие дивии, живуще в пустынех непроходимых и в пещерах, в расселинах каменных и земных, неимуще ни храма ни иного потребного к жительству человеческому. Токмо животными пищу приимаху себе, зверьми и птицами, и морскими рыбами; и елико кто нахожаше что, тем и куплю творяху" [2])

Для довольно значительной части территории русского севера подобная характеристика не будет преувеличенною. Даже сто лет спустя после возникновения соловецкой вотчины, прибывший на р. Печенгу монах Трифон оказался в той „непроходной дальной стране" чуть ли не „единым пришлецом" [3]). На всей территории волости Колы—Печенга составляла кольский присуд,—в то время было весьма небольшое число русских поселенцев; Мурман и в XVI в. оффициально характеризуется, как место убогое [4]). Несмотря на то, что здесь была окрайна государства, в Коле до 1582 г. не имелось и своего воеводы [5]). Лопарские поселения были разбросаны на большом расстоянии друг от друга (верст сто и больше); жилища дикие лопари (они „ядяху всякое нечисто и скверно") имели по гористым, болотным и непроходимым местам [6]). „Многие леса и дебри, непроходимые" в начале XVI в., не были большою редкостью и для бо-

[1]) Акад. С. Ф. Платонов „Прошлое русского севера", цит. соч., стр. 14—15; ср. И. Гамель „Англичане в России в XVI и XVII ст." СПБ, 1865 г., стр. 79.

[2]) Рукописное „Житие" Зосимы и Савватия в биб. б. Казанск. д. акад., № 175, л. 12--13.

[3]) Рукоп. соловецкий сборн. в библ. б. Казанск. дух. акад. № 182, л. 90.

[4]) „Русск. Историч. биб." т. XVI, стр. 236.

[5]) Цитированн. рукоп. сб. № 182, л. 93.

[6]) Ibidem, л. 90 об.

лее населенных районов русского севера. Ушедший из Кенского монастыря и в поисках „пустыни и уединения“ продвигавшийся „прямо северных стран к Онеге, а затем к реке Шелексне и Емце монах Антоний (основатель Сийского монастыря), встречал на своем пути пустынные места. Правда, излюбленное Антонием место на Емце оказалось не совсем пустынным. Население ближайшего селения Скроботово, „воздвигнутое диаволом“, по объяснению составителя „Жития“, не совсем радушно встретило новоприбывших Антония и его спутников. Соседние крестьяне, вероятно, на основании горького опыта и знакомых им фактов рассуждали: „великий сей старец близ нас вселися, по мале времени совладеет нами и селитвы нашими“. Антонию, ищущему „благопотребна места“, пришлось уйти дальше „на северные страны, прилежающие двинстей области“. По пути Антонию попадалисъ „непроходимые лесы, дебри и дрязги, юже прилежат студенного моря окияна, и мхи и блата непостоянные и езера многие“. Действительно, вновь избранное Антонием место, на левом берегу Двины, между Ракулей и Емцой при р. Сие, впадающей в Двину, в „Житии“ описывается, как „непроходимые дебри и лесы темные и чащи и дрязги великие, и мхи и блата непостоянные, в них же живяху дивии зверие, медведи и волцы, елени и заяцы и лисицы, множество много их, яко скота бяше. Езера имать многи окрест себе и глубоки зело, водами же всюду, яко стенами окружено, и от создания мира никто же живяше от человек на месте том, дондеже преподобный вселися“. Что место, где поселился Антоний со своими учениками, было „пустое“, и новопоселенцам приходилось сещи „дикий“ лес и заново „пашню пахать“, это не вызывает сомнений. Но сравнительная отдаленность его от „мирских пребываний“ (по „житию“, „поприщ 5 и более“) не препятствовали ближайшим жителям приезжать сюда для рыбной ловли. Мало того, есть основание думать, Сийские старцы пошли по проторенной уже дороге. Когда сийский монастырь получил из Москвы оффициальное разрешение на освоение занятых им земельных и др. угодий, окрестные крестьяне подняли сильный ропот (среди роптавших видную роль играл поп соседнего Емецкого стана—Харитон, видимо по чисто профессиональным соображениям [1]). „Пустынным“ и „безмолвным“ названо под 1566 годом и место при впадении в Кожозеро р. Кожи, где проживал основатель Кожеезерского монастыря старец Серапион [2]).

В русской исторической науке уже давно отмечен тот факт, что с половины XIV в. на Руси особенно заметно размножаются монастыри. Причину этого исследователи объясняли по разному. Некоторые склонны были развитие монастырей ставить в связь с покровительством им московских князей. Так, напр., думал в свое время проф. В. С. Иконников [3]). Но против такого понимания решительно восставал В. О. Ключевский, который, признавая быстрое размножение монастырей с половины XIV в., как действительный факт, объяснял его тем, что „пустынный“ монастырь, игравший главную роль в монастырской колонизации, с этого времени „выходит из зависимости от покровительства мирских сил и развивается самостоятельно“ [4]). Несомненно, В. О. Ключевский верно угадал харак-

[1]) Рукоп. сол. сборн. в библ. б. Казанск. дух акад. № 230, л. 130—138 об.—139, 150 об., 163 об.—164; л. 255 и след.

[2]) Рукоп. сол. сборн. в библ. Казанск. дух. акад. № 182, л. 18 и об.

[3]) „Исследование о главных направлениях в науке русской истории в связи с ходом образованности“, ч. I Влияние византийской и южно-русской образованности. Реформа. (Киевск. университ. „Известия“, 1869 г.)

[4]) См. отзыв В. О. Ключевского о цитированной докторск. диссертации проф. В. С Иконникова „Исследования о главных направлениях... „Отзывы и ответы В. О. Ключевского. М. 1914 г. стр. 29—30, подробнее: „Курс русской истории“, ч. II. М. 1906 г., стр. 308—332

терный перелом в истории русского монастырского строительства. В XI—XII в., когда „чернорисцы поча множитися и монастыреве почаху быти", монастырь создавался в городе на средства князя, епископа или какого-либо состоятельного „христолюбца". Наши древнейшие летописные своды, характеризуя удаль того или другого русского князя, в качестве особой похвалы последнему добавляют, что он „любяше помногу черноризьцьский и поповьский чины", „манастыри многы созда", или „манастыре набдя". Устройство монастыря или церкви входило в хозяйственные расчеты князя, боярина и купца так же естественно, как „наезд" к.-л. города, военная добыча, или торговый барыш. Иметь тут же вблизи себя свое „богомолье", где, при предсмертной агонии можно будет принять „схиму", а затем и найти себе вечный приют, было обычным стремлением русского человека, не позабывавшего среди хозяйственных забот о ближайшем будущем подумать и о дальнейшем—„устроить" душу. Историю древне-русского монастыря можно изучать в связи с историей народного хозяйства. В период, так называемой, „Киевской Руси" в каждом стольном городе, у каждого князя был свой фамильный монастырь, а иногда и несколько. Как князь и его дружина, монастырь вел торговлю, иногда конкурируя со своим высоким патроном[1]). Недаром, в 1113 г. киевляне грозили Владимиру (Мономаху), что, в случае замедления его прибытия в Киев „много зло уздвигнеться", и они пойдут громить не только семью умершего князя, но и „на бояры и на манастыре"[2]). В XII и XIII в. и в северо-восточной Руси монастыри продолжают ютиться в городе у княжеского стола, или при епископской кафедре. В XIII в. в способе возникновения монастырей наблюдается перемена. Они становятся делом частной инициативы, что отражается и на характере и монастырской колонизации, широко разлившейся теперь по всему русскому пространству при основном направлении ее к северу. В. О. Ключевский совершенно правильно отметил, что не всегда удается проследить, кто в колонизационном процессе шел впереди: монастырь или крестьянин, но связь между тем и другим движением существовала[3]). Этот колонизационный процесс падает, главным образом, на XIV и XV в. Наши источники по данному вопросу—житийная литература—дают возможность видеть, как на-ряду с крестьянином, вырубавшем и вычищавшем лес, чтобы на „новорочищенном" месте заводить свой починок, деревню и село, продвигался к северу и русский монастырь, составлявший в экономическом отношении на первых порах то же земледельческое поселение с той же примитивной техникой труда. Если позднее разными способами и приемами монастырь концентрирует в своих руках крестьянские земли, то в начале он вынужден был подымать пашню самостоятельно. Несколько нуждаются в разъяснении мотивы, которые побуждали то или другое лицо к основанию монастыря. Этот вопрос житийная литература—достаточно компетентный, казалось бы, источник, в данном отношении разрешает просто: „поиски безмолвного жития" побуждают „избывавшего мирские докуки" подвижника уходить из людного „мирского" монастыря на тихий и глухой север, в места дивии... Но это почти трафаретное объяснение близких к своему византийскому источнику „житий"

[1]) См. Киево-Печерский патерик (рассказ о монахе Прохоре).

[2]) Ипатьевская летопись под 1113 г. (Полное собр. русск. лет., т. II, стр. 4).

[3]) „Курс русской истории", ч II, стр. 317—318. Направление монастырской колонизации может быть изучено после использования всего материала полностью. При настоящем положении затронутого вопроса в русской исторической науке нельзя не согласиться с глубоко правдивым суждением В. О. Ключевского, что „монашеское движение в лесные пустыни севера похоже на течение лесного ручья, на которое легче напасть случайно, нежели проследить его от начала до конца в чаще леса". („Отзывы и ответы", цит. сборн. стр. 35).

совершенно не согласуется с теми фактами, что в „безмолвии“ новый пустынножитель остается недолго; вокруг него образуется новый монастырь, по размерам не уступающий тому, откуда он вышел. Повидимому, основатели новых монастырей вовсе не тяготятся создающимися условиями быта, скорее, наоборот: они довольно энергично содействуют росту своего монастыря. Изучение истории наших древне-русских монастырей приводит нас к выводу, что не стремление к созерцательной жизни, а практические соображения направляли колонизационную деятельность их основателей. Мотивы, побуждавшие монаха бросать свое „обещание“ и идти на новые места, могли быть различные. После смерти старца-основателя его наиболее последовательные ученики разбегались часто потому, что терял свою силу и значение его устав, начинались внутренние смуты в монастыре и т. д. В. О. Ключевский указывает и еще одну заветную цель у новых насадителей монастырей. Это стремление „сделатся самостоятельным руководителем других“, организовав свой монастырь [1]). Таким образом, в наших древне-русских монастырях и второго периода следов восточного анахоретства мы не находим. Напротив, даже у основателей наших „пустынных“ монастырей, вроде Трифона Печенгского как то мирно уживаются монашеские подвиги с широкими коммерческими операциями, даже с иноземными купцами [2]). Из всего сказанного нами, полагаем, не трудно будет понять, почему древне-русские монастыри в XIV и XV в. продвигаются, главным образом, на север. Не обилие свободных земель их туда привлекает: не менее свободных земель было и на юге; в смысле внешней безопасности какой-нибудь Печенгский, Кондалакшский, Корельский и, даже, Соловецкий монастыри находились не в лучших условиях, чем их южные собратья. Однако, не юг, а север привлекает новых „пустынножителей“. Единственно правильным объяснением этого обстоятельства нам представляется отмеченная связь монастырской колонизации с колонизацией крестьянской, охватившей в описываемый период русский север.

Второе явление, которое не может не броситься в глаза исследователю русского севера XIV—XV в. это большое количество запустевших монастырьков. Это значит, что монастырь не сразу становится вотчиной, а на первых порах (иногда в течение очень продолжительного времени) сохраняет значение монашеской земледельческой общины. Мы знаем много случаев, когда последняя, не успев развиться в обычный тип вотчинного монастыря, распадается. Особенно последнее было частым явлением на крайнем севере, где тип монастыря вотчинного в обычном смысле этого слова не успел, да и не мог развиться.

Основание соловецкого монастыря связано с именем Савватия, постриженника Кирилло-Белоозерского монастыря. „Житие“ Зосимы и Савватия в известных нам редакциях, а также „Соловецкий Летописец“ датируют время проживания Савватия в Кирилло-Белоозерском монастыре таким образом. Это было „во дни“ великого кн. Василия Васильевича Московского и Владимирского, Бориса Александровича Тверского, Федора Ольговича Рязанского, при митр. Фотии и Новгородском архиеп. Евфимии Брадатом. Хронологически это представляется в таком виде:

Василий Васильевич Московский . 1425—1462 г.
Борис Александрович Тверской . . . 1425—1461 г.
Федор Ольгович Рязанский . . . . 1387—1427 г. [3])

[1]) „Отзывы и ответы“, цит. сб., стр. 32.
[2]) Кордт. цит. соч. („Сборн. Русск. Ист. Общ.“. т. 116).
[3]) По замечанию Экземплярского, дата смерти рязанского князя Федора Ольговича точно не установлена. („Великие и удельные князья“, т. II, стр. 595).

Митр. Фотий . . . . . 1409—1431 г.
Архиеп. Евфимий Брадатый . . . . . 1423—1429 г.

Таким образом, в Кирилло-Белоозерском монастыре Савватий проживал в период времени с 1425 по 1427 г. Два обстоятельства возбуждают недоумение исследователя. Во-первых, непонятно, почему составитель „Жития“ умолчал при упоминании о Кирилловском Белоозерском монастыре о личности основателя этого монастыря Кирилла, который, по всей видимости, был в живых во время проживания там Савватия [1]). Во-вторых, по „Житию“, Савватий жил в Белоозерском монастыре „многа лета“, между тем, принимая во внимание приведенную выше хронологическую таблицу, для проживания здесь Савватия, приходится отвести 2—3 года. Из Белоозерского монастыря, как свидетельствует „Житие“, Савватий удалился на Валаамский остров (на озере Нево), а в 6937 (1429) году он был уже на соловецком острове [2]). На Валааме Савватий жил недолго. Составитель „Жития“ о валаамском периоде жизни Савватия говорит немного и в общих выражениях: он был там „любезно подражая многотрудному иноков тамошних подвигу... и познано бысть житие его добродетельное“. Соловецкий летописец свидетельствует, что Савватий ушел с Валаама „по нескольких летех“. Выражение довольно неопределенное: можно отводить для жизни Савватия на Валааме и 2 года. Таким образом, если Савватий поселился на соловецком острове в 1429 г., а минимальным сроком пребывания его на Валааме считать два года, то ушел Савватий из Белоозерского монастыря приблизительно в 1426—1427 г.; „многолетнее“ же пребывание его в Кирилловском монастыре следует отодвинуть на более раннее время. Если же так, то можно предполагать, что Кирилла в это время в живых уже не было, и ушел Савватий из Белоозерского монастыря, быть может, непосредственно после смерти его основателя и в связи с этим, когда стали меняться прежние строгие традиции. Подробные сведения о соловецком острове Савватий получил на Валааме от местных монахов. Ему сообщили, что остров находится на море-океане, на расстоянии двух дней пути от берега, окружность его составляет приблизительно сто поприщ, остров покрыт озерами, изобилующими рыбой. Рыбные ловища находились и окроуг его, поэтому его посещают рыболовы, но только во время рыбной ловли. Остров изобилует разными деревьями, вершины гор покрыты лесом („борием“), деревья растут и по долинам; громадные сосны — представляют прекрасный строительный материал; много на острове было различных ягод. Словом, все данные благоприятствуют обитанию там человека. Подобные рассказы создавали у Савватия твердую решимость попасть на этот прекрасный, но пустынный остров... [3]) Из Валаама Савватия отпустили неохотно, как усердного и беспрекословного работника („видим мужа сего подвизающася, а ничтоже вопреки

---

[1]) Умер Кирилл в 1427 г. Никольский Н. „Кирилло-Белоозерский монастырь“, т. I, примеч. III, стр. XXXVIII. Кирилло-Белоозерский монастырь основан был в 1397 г. В этом году Кирилл прибыл на Белоозеро из Москвы, из старого Симонова монастыря вместе с братом Ферапонтов. Савватий не назван, между тем, повидимому, он был одним из первых насельников Белоозерского монастыря. По „Житию“, Савватия из Кирилло-Белоозерского монастыря отпустил „игумен“. Едва ли такое общее выражение составитель „Жития“ применил бы к самому Кириллу. После Кирилла ближайшими преемниками его были Иннокентий (1427 г.) и Христофор (1428—1434)—Строев, цит. соч., стр. 54—55.

[2]) Рукоп. сб. Соловецк. монастыря № 483—„Летописец о зачале жития на острове соловецком“, л. 28; то же № 484 (то же) л. 1 об. Описание рукописей Соловецк. монастыря, находящихся в библ. Каз. акад., ч. II, стр. 527 под № 655, годом прибытия Савватия на Соловки считается 1427, но, повидимому, это опечатка.

[3]) Цит. рукоп. сборн. № 175, л. 24 об. 25.

отвещающа"). Савватию пришлось бежать ночью, и радости его не было предела: „исторжеся яко птица от кругла и яко серна от тенета" [1]).

В свое время мы говорили, что через Ладожское („Нево") озеро из новгородского городка Корелы существовал путь в „дикую лопь" и к берегам Онежской губы через систему озер, рек и речек. Он был достаточно проторен, так как по корельскому и летнему берегам находились угодья новгородских бояр. Этим путем и направился к берегам Белого моря к загадочному соловецкому острову Савватий. Вышел Савватий к морю пониже устья р. Выг, видимо, где то в районе р. Сумы. Когда он стал наводить справки относительно соловецкого острова, то „живущие прямо острова" отвечали, что „остров той отстоит от села не близ, но двеми деньми во благополучие едва достизают"... Савватий стал распрашивать „со многим прилежанием" и „подробно" об острова, „како что есть". Усматривая в старце желание поселиться на острове, прибрежные жители стали запугивать его, что хотя де остров и велик и обеспечен всем необходимым „к устрою человеческого житиа", но многие, желающие там поселиться, не могли этого сделать „страха ради морского и ноужд". Другие указывали Савватию на его старческий возраст, для которого нужды и лишения будут трудно переносимы. Наконец, находились и такие, „неимущие смысла блага", которые просто смеялись („ругахуся") над старцем. Скоро Савватий, решивший во что бы то ни стало пробраться к соловецкому острову, оказался на устье Выга, в Сороках. Здесь он нашел церковь-часовню и монаха Германа, который подтвердил все, что Савватий слышал раньше о соловецком острове [2]). В существовавшей в Сороке часовне со старцем Германом можно видеть один из столь обычных для XIV—XV в. на крайнем русском севере небольших монастырьков. Сюда периодически наезжал игумен из неназванного по имени монастыря „посещения ради православных христиан"... Там, где земля была в силу природных условий „неродимою", где, по выражению одного древнего памятника, часто „многие годы овощи и хлеб побивал мороз" [3]), не могло создаться крупное земледельческое хозяйство. Следовательно, не мог здесь выработаться легко и быстро тип крупного вотчинника монастыря, с достаточным количеством братии, как это было в русском центре. „Особножительный" же тип некоторых северных монастырей отличался сравнительно малою устойчивостью в сопоставлении с общежительными: братия могла разойтись, и монастырек надолго, а иногда и навсегда оставался „в пусте" и „без пения". Монастырек на крайнем русском севере по внешнему виду близко подходил к погосту, иногда возникая на месте погоста, или уступая свое строение последнему. По данным изученных нами писцовых книг, внешний вид погоста обычно рисуется таким. На огороженной площади находилась церковь, кладбище, двор попов, пономарская и несколько келий для нищих. В монастырьке существовали еще келии. Во всем же остальном, начиная с храмов, обычно на крайнем севере в честь „Спаса-Преображенья" (с популярным приделом в честь Николы или Климента, папы римского) с их примитивною архитектурою („древян клетцки"), монастырек напоминал погост даже и по земскому своему значению [4]).

---

[1]) Ibidem, л. 26 об. 27.

[2]) Цит. соловецк. рукоп. сборн. № 175, л. 28 и след.

[3]) Рукоп. соловецк. сборн. в библ. Каз. дух. акад., № 182, л. 100 об.

[4]) „Клетцки"—это значит, что на фундаменте из положенных одно на другое бревен в виде клетки, доходившей иногда до саженной высоты, строился деревянный сруб жилой избы с двух или четырехскатной крышей и пристройкой для „алтаря". Н. Никольский

Когда Савватий предложил новому своему знакомцу вместе отправиться на соловецкий остров, Герман, видимо, охотно согласился. Приготовивши ладью и дождавшись благоприятной погоды („тиху бывшу морю"), Савватий и Герман оказались на соловецком острове. На расстоянии одного поприща пути от берега [1]) они построили шалаш („хиз") и стали „труды к трудам прилагати", копая мотыками землю. Соловецкий остров в то время еще не был обитаем: „не обретахубося тамо человецы никогда же отнели же и солнце в небеси страха ради морского и нужд". Но теперь, когда там появились насельники, обитавшие на ближайшем берегу материка корелы стали роптать: „мы есмы приближнее паче всех земля корельскиа сродницы; хощем же и мы тамо участие имети, в наследие себе и чядом нашим и в прочая доров наших лета". Действительно, через несколько времени один из кореллов-рыбаков „со всем домом своим" поселился на острове не особенно далеко от хижины Савватия и Германа и занялся рыболовством. Но условия жизни на острове показались этому отважному рыбаку тяжелыми и он вскоре же ушел на материк, не без воздействия свыше, назидательно добавляют по этому поводу „Жития" Зосимы и Савватия. Савватий и Герман попрежнему оставались единственными обитателями острова; только изредка наезжали туда с „берега" рыбаки для рыбной ловли. Скоро и Герман не выдержал жизненных лишений и удалился с острова на р. Онегу „для потребы". Савватий прожил на Соловках 6 лет. Старческое недомогание заставило оставить остров и Савватия. В 7943 (1435) году он переправился с острова на Выг наволок, где вскоре же (в том же году) и скончался.

Соловецкий „оток" снова оказался не обитаемым. Окончательная колонизация соловецкого острова связана с именем другого лица—монаха Зосимы, по происхождению из с. Толвуя при Онежском озере. Сын состоятельных родителей, Зосима, раздав по смерти родителей свое имущество бедным, ушел на север в Палеостровский м-рь, а оттуда перебрался в Суму, где познакомился с Германом, рассказавшим ему о Савватии и соловецком острове, где, по его словам, были и „дельные земли" и рыбные ловли и строевой лес... В 1436 г., „пучину морскую безбедно преплывше", Зосима с Германом прибыли на соловецкий остров. Поселившись недалеко от берега, монахи стали рубить лес для постройки жилищ, поставили келью, огородили двор и мотыкою возделывали землю и засевали ее.

На первых порах и этим поселенцам пришлось вынести тяжелую борьбу за существование. Собранных за летнее время запасов на суровую и продолжительную зиму не хватило. Герман еще осенью уехал на берег и Зосима зазимовал один. Если бы не случайная помощь оказавшихся проездом на острове людей, Зосима погиб бы от голода. Весною вернулся Герман и привез с собою сети для рыбной ловли; с ним приехал и рыбак по имени Марк. Скоро на Соловки стали приходить и другие лица; была построена церковь Спаса-Преображения, был прислан из Новгорода игумен (Павел) и началось „общее житие" [2]). Таким образом,

---

ский „Кирилло-Белоозерский монастырь", op. cit., т. I, стр. 7; А. Н. Виноградов „Памятники древнего зодчества в епархиях Новгородской. Тверской и Ярославской" („Зап. Русск. Археологич. Общ.", т. VI, вып. I и II. СПБ, 1892 г.); ср. Е. Поливин „Монастыри и церкви в Устюжне Железнопольской" („Арх. ист. и практич. сведений", изд. 1863 г., кн. V, стр. 30—52. „Живописная Россия", изд. Вольфа, т. I, ч. I, 1881 г., стр. 472—473).

[1]) Поприще—расстояние для однодневного пути: 20 верст приблизительно. Савватиева пустынь в 17 в. от позднейшего монастыря.

[2]) Данные относительно начала Соловецкого монастыря заимствуем из житий Зосимы и Савватия, которые цитируем по сборнику № 175 (в библ. б Каз. дух. акад.).

наш источник рассказывает о „начале“ знаменитой впоследствии соловецкой вотчины. Сквозь дымку житийной поэзии, окутавшей первоначальную историю ее, трудно бывает иногда разглядеть подлинно исторический материал. Приходится проделать большую критическую работу, чтобы хотя несколько рассеять этот утренний туман исторического дня крупнейшего монастыря на русском севере. Первых игуменов (Павел, Феодосий и Иона) посылал на Соловки Новгородский Софийский дом, видимо, желавший держать новый монастырь в своей зависимости. Так как с именем третьего из названных игуменов связан ряд первых и важных земельных приобретений, то небезынтересным представляется установить хронологическую дату пребывания в Соловках этих игуменов. По „Житию“ и „Летописцу“ названных игуменов присылал в Соловки архиеп. Иона (избранный в 1458 г., хиротонис. в 1459 г. и умерший в 1471 г. [1]). Все первые три игумена не могли вынести трудных условий жизни на острове, и поэтому вскоре же уходили оттуда. В 6960 (1452) году в игумены был поставлен сам Зосима [2]). Так как третий игумен, Иона, был современником архиеп. Ионы, то Зосима игуменом мог быть поставлен не ранее 1459 г.; а так как до Зосимы было еще 3 игумена, то игуменство его следует отодвинуть на более позднее время. В 1465 г. Зосима, несомненно, уже был игуменом, так как в этом году происходило перенесение останков Савватия из Сороки на соловецкий остров—одно из первых, полагаем, действий игумена, выборного „из сущих между себе“, а не назначенного „от иных монастырей“.

Главною и очередною задачею для вновь открытого монастыря было легализовать свое положение на соловецком острове, исхлопотав соответствующую грамоту у Новгородских властей, как на данный остров, так и на соседние (Анзерский, Муксалмский большой, Муксалмский малый и два Заяцких: большой и малый). Юридически эти острова не имели еще частного владельца и считались достоянием государства, т.-е. Новгородской республики, но фактически для временной эксплоатации на них уже появляется разного рода лица. „Жития“ Зосимы и Савватия сообщают по этому поводу, что „диавол... наусти злых человек, да пакости деют обители и озлобляют начальника тоя и братию“... Не желая оставлять острова в пользовании монахов, и считая его своим достоянием, на Соловках стали появляться в большом числе боярские насельники и слуги, а также слуги корельских владельцев. Они ловили рыбу на острове, не позволяя этого делать монахам. Ходатайствовать о монастырских нуждах отправился в Новгород сам Зосима. Именно к этому времени следует отнести враждебный прием Зосимы со стороны знаменитой посадницы Марфы, „насельники“ и „рабы“ которой часто приходили на соловецкий остров и причиняли монастырю „многие обиды“. Когда Зосима явился к Марфе с просьбою удержать от этих обид своих слуг, та прогнала его. Пришлось Зосиме уйти от „лица злобна“. В уста Марфы составитель „Житий“ вкладывает вполне вероятную фразу по адресу Зосимы: „отчину нашу отъемлет от нас“. Такой суровый прием со стороны „единой от славнейших и первых града того“ смутил Зосиму. За посредничеством он обратился к архиепископу (Ионе), который обещал рассказать о нуждах нового монастыря „боярам первым, содержащим град“ [3]).

---

[1]) III Новг. лет. („Полн. собр. р. лет.“, т. III, стр. 241); ср. II Новг. лет. (ibidem, стр. 14); Строев, стр. 35; ср. стр. 816.

[2]) „Летописец“ в библ. б. Каз. акад., № 483, л. 28 об.

[3]) Цитир. рукоп. „Жития“ № 175, л. 82. В „житиях“ рассказ несколько запутан. Зосима обращается за посредничеством к архиеп Феофилу (1471—1480 г.г.) и грамоту на владение соловецкими островами получает от этого архиепископа и правящих новго-

В поданной челобитной игумен Иона и все старцы... „с Соловчев с моря-акияна“ били челом архиеп. Ионе, посаднику Ивану Лукиничу, старым посадникам, тысяцкому степенному Труфану Юрьевичу, боярам, житьим людям, купцам, черным людям и „всему господину государю В. Новугороду всем пяти концам на вече“ о пожаловании их монастыря „островы Соловкы, и островом Анзери, и островом Нуксами и островом Заяцьим и малыми островкы“. Мотив для этой просьбы был выставлен тот, что соловецкая „пустынка“ находится на окрайне („от миру удалела сто верст от людей“). Просьба челобитчиков была принята благосклонно: поименованные в челобитной острова были отданы монастырю „в веки“ [1]), с оговоркой, что „бояром ноугороцким, ни корельским детям, ни иному никомуж в те острова не вступатися в страдомую землю ни в пожне, ни в тоне, ни в ловища, ни чренов не наряжати, лесов не полесовати никому он через сию жалованную великого Нова-города грамоту. А кто придет на те острова ловлю, или на добыток, на сало, или на кожу, ино всем иным давати в дом св. Спаса и св. Николы изо всего десятина“ [2]) Благожелательное отношение к новому монастырю архиепископа и правящих „бояр“, выразившееся в отводе монастырю соловецкого и смежных с ним островов, смягчили и Марфу. По выражению „Житий“ она пришла в „раскаяние“ и решила принять у Зосимы „благословение и молитву“, для чего пригласила Зосиму в дом „со многим молением“ [3]). В результате этого, „раскаяния“ крупной беломорской вотчиницы на имя игумена Ионы последовала жалованная грамота, по которой, монастырь получил „на море в Суме реке у часовни два лука земли деревни страдомыи, и пожни и лес полешей, и ловища водные и лешие озера“ [4])... С легкой руки посадницы Марфы на имя игумена Ионы стали поступать и другие земельные вклады в соловецкий монастырь. Посадник Мосий Федорович с женою и детьми завещал на Соловки свой участок на реке Вирме „землю страдомую и лес полешей и пожни и ловища“, и „ловища“ в Шизне [5]). Там же, в Вирме, в соловецкий монастырь был отведен богатым новгородцем Михаилом Семеновичем участок на море „страдомая земля, полешей лес и ловища“ до Куз-наволока и „ловища“ в Шизне и Куз-реке [6]). Два своих участка у Золотца отдал монастырю Микита Иванович. В это же время соловецкий монастырь получил от Семена Климова участок на Выгу у Золотца, участок полешего леса в Шуе реке, участок в р. Кеми, а также береговую землю, водные угодья и полешей лес „между пятью родов“ [7]). Клим да Иван Михайловы дети отдают в монастырь „отцину“ отца своего в р. Кеми „промежу валдолеи“ полтретьи

родских бояр. Между тем, подлинная грамота на имя игумена Ионы от архиеп. Ионы достаточно хорошо известна. Грамота на владение угодьями в Суме выдана Марфой на имя игумена Ионы же, след., и это не могло быть при архиеп. Феофиле. Составитель „Житий“, очевидно, смешал оба путешествия Зосимы в Новгород; во время второго из этих путешествий Зосима мог видеть в Новгороде архиеп. Феофила, если он пробыл там до 1471 г.

[1]) В жалованной грамоте на эти острова мы читаем: „...в тех островах землею, и ловищами, и тонями, и пожнями, и лешими озеры, земля им делати, и пожне косити, и лешие озера ловити добровольно“...

[2]) Рукоп. соловецк. сборн. в библ. б. Каз. дух. акад. № 18, л. 24 и об.; „Акты арх. эксп.“, I, № 62; Досифей, цит. соч., т. I, стр. 48—51.

[3]) Цитир. рукоп. „Жития“ № 175, л. 85.

[4]) Цитир. рукоп. сб. № 18, л. 25; Досифей, цит. соч., т. I, стр. 47.

[5]) Цит. рукоп., сб. № 18, л. 26.

[6]) Цит. рукоп. сб. № 18, л. 26 и л. 30 об.

[7]) Цит. рукоп. сб. № 18, л. 29 об.

„юнды“ [1]), участок в Шуе реке, участок в Выгу, участок в Золотце и по всем рекам морским, на Лопи землю и воду, полешей лес. пожни и ловища [2]). На Выгу „промеж вымолцы“, у Золотца, участок, такой же участок в Шуе реке, в Кеми, Кильбоострове и по всем морским рекам до Сол (в др. списках Сон) реки, по лешим озерам и лес полешей и лопь страдомая земля и ловища и пожни“ были отданы в Соловки Феодосьей Харитоновой „по своем муже Харитоне и по детях“. Эти угодья были куплены раньше отцом Харитона Кириллом [3]). Вскоре же монастырь начинает арендовывать и прикупать себе угодья. В 60-е приблизительно годы (того же XV ст.) новгородец Евстафей Дмитриевич дал Спасу „на бразгу“ Князь остров и Куз-наволок „пожни косить и лес сечь“ в Куз-острове и в Куз-наволоке от Вирмы до Товручья: за празгу этой „отчины“ Евстафей Дмитриевич брал с монастыря 20 бель (белок). Несколько позднее этот участок сын Евстафия—Федор Евстафьевич отдал в монастырь совершенно. В этой дарственной записи Федор Евстафьевич делает такую приписку: „и вы бы господа мои помянули по родителях наших, да и нас бы есте не забыли, как вас бог вразумит“ [4]). Случаев покупки монастырем угодий при первых игуменах мы знаем несколько. Напр., соловецкий старец Сергий купил у Фомы Максимова Менуева „отцину“ отца его „промеж корельских пяти родов“: участок на р. Выгу у Золотца, участок в р. Шуе, участок в р. Кеми и землю, воду, пожни и ловища по морским рекам [5])... При игумене Ионе старец Макарий купил за 50 белок у Григорья Давыдова „промежу пяти родов корельских детей“ его „отцину“ землю и воду пожни и ловища и полешей лес: участок у Золотца на р. Выгу, участок в Кеми реке, в Подужемье, участок по морскому берегу до Сон-реки [6]). Успел проявить себя в столь раннее время соловецкий монастырь и в роли банкира-ростовщика. Названный уже нами старец Макарий дал взаймы Олфую Корелянину „три сорока белок“ под залог его „отцины“ промеж пяти родов корельских детей, а именно: двух участков в Золотце, на Выгу реке в земле, воде и полешем лесу и участок земли, воды, пожни и полешего леса в Шуе реке. Так как в срок деньги „не стали“, то залог оказался в руках монастыря [7]). Таким образом, уже при третьем своем игумене новая соловецкая вотчина получила возможность не только наладить свое хозяйство на острове, но и расширить свои владения путем покупок, аренды, залога и т. д. Из перечня угодий, разными способами, приобретенных монастырем при игумене Ионе, видно, что монастырь в это время имел: 2 лука в Суме, не менее 2 участков в Вирме, 2 ловища в Шизни, 1—в Куз-наволоке, около 10 участков на Выге, около 3-х участков в Шуе, столько же в Кеми, 1 участок в Кильбоострове, не говоря уже о том, что соловецкому монастырю принадлежали различные доли в том или другом угодьи в „Лопи“, промежу пятью родов корельских детей“ и по разным „морским рекам и речкам [8]).

---

[1]) „Юнда“—рыбачья мережа особого устройства. Даль. „Толковый словарь“... Т. IV, стр. 1546.

[2]) Цит. рукоп. сб. № 18, л. 30. Термин „Лопь“ в XV—XVI в. обозначал землю между правым берегом Кеми и рекою Выгом. В XVI в. здесь было несколько волостей: Тунгуи, Шуеозерская и Кевятозерская. Огородников, цит. соч., стр. 83.

[3]) Цит. рукоп. сборн. № 18, л. 29 об. и л. 35.

[4]) Ibidem, л. 30 об.

[5]) Ibidem, л. 35 об.

[6]) Ibidem, л. 31 об.

[7]) Ibidem, л. 33

[8]) О территориальном росте соловецкой вотчины обстоятельные сведения дает очерк В. О. Ключевского „Хозяйственная деятельность соловецкого монастыря в Беломорском крае“ („Опыты и исследования“. М. 1915 г., стр. 12—17).

Сопоставляя отдельные фразы из приводимых уже нами жалованных грамот, данных и купчих с соответствующим материалом житийной литературы, мы сможем дать некоторую картину хозяйственной жизни соловецкой вотчины в первые годы ее существования. На Соловках хозяйственная работа развивалась энергично: „овогда землю копаху, иногда же древеса на устрой монастыря зготовляху". К этому же времени следует отнести и зарождение в м-ре соляной промышленности не только для личного потребления, но и на продажу: „дров множество секуще, готовляху и воду от моря черпляху, и тако соль варяще, приготовляху, и даяху торжником на куплю и взимаху от них всякое орудие на потребу монастырскую"[1]). Приезжали на остров купцы и промышленники „купля ради", „зверь ловити", „на сало и на кожю"[2]). Предоставление монастырю права взимать десятину с приезжавших на остров купцов и промышленников имело поэтому свой смысл. Широко практиковалась и рыбная ловля. Все это, естественно, вызывает у составителя „житий" Зосимы и Савватия очень восторженную оценку соловецкого острова: „благоугодно бо место оно на составление монастыря". Возростающее материальное благополучие соловецкой вотчины привлекало к ней новых поселенцев. Кроме благ „духовных" она могла предоставлять своим насельникам „телесный покой", поскольку всего было в ней „во изобильство"[3]). Мы отметили рост экономического могущества будущей соловецкой отчины в „героический", так сказать, период ее существования. Еще был жив основатель монастыря, еще свежи были воспоминания о тяжелых и полных лишений годах пребывания на соловецком острове „начальников" соловецких[4]). Территориальный рост соловецкой вотчины не ослаблялся и в дальнейшее время. Очень рано владения соловецкой вотчины были переброшены за море на пустынный Терский берег. Повидимому впервые соловецкий вотчинник появляется на Терском берегу в игуменство Зосимы, когда в 1466 г. Тимофей Ермолин отдал в м-рь свой участок („в воде и полешей лес") в Умбе и Варзуге, купленный им у Труфана Микулина. Несколько позднее, в 1470 г., будучи в Новгороде, Зосима получил от Марфы Борецкой жалованную грамоту на ее вотчину („рыбные ловли, землю, воды, пожни и леший лес") на терском берегу, „от умские межи, от кашкаранского ручья до красные щелейки" (между р. Умбой и Варзугой) и тони: Каменную, Кашкаранский наволок и тоню „Точильный ручей"[5]). Архиепископ новгородский Феофил отвел соловецкому монастырю владения Софийского дома в Умбе; Бобровую гору и четыре сельца (с земельными и водными угодьями, полешим и страдомым лесом[6]). В 1479 г. м-рь расширил свои угодья на Терском берегу.

[1]) Цит. рукоп. „Жития" № 175, л. 58 об. Возделывание земли на соловецком острове сводилось к огородничеству, так как земледелием в смысле хлебопашества заниматься здесь было невозможно.

[2]) Сало и кожа добывались от морских зверей: серки, тюленей, нерп и морских зайцев. Продукты эти составляли популярный предмет северной торговли (Досифей, I, стр. 50).

[3]) Цит. рукоп. „Жития" № 175, л. 58 об. и 73.

[4]) Не потому ли Кирилло-Белоозерский монастырь, также продвигавшийся к студеному „морю-акияну", желая поставить сол. м-рь в некоторую зависимость от себя, настойчиво советовал перенести из Сороки на соловецкий остров останки Савватия, выходца из Белоозерского м-ря и первого насельника соловецкого острова. Это обычный прием, практиковавшийся монастырями древней Руси, для удержания за собой своих колоний. Соловецкий м-рь позднее сам, как увидим ниже, пользовался этим приемом, претендуя на Пертому и Яренгу. Совет Кирилловского м-ря был принят; останки Савватия были перевезены на остров, но соловецкий монастырь в зависимость от Кирилло-Белозерского монастыря не стал.

[5]) Цит. рукоп сборн., № 18 л. 25; ср. л. 224—225; Досифей, цит. соч., т. I, стр. 57.

[6]) Цит. рукоп. сборн. № 18, л. 25 об.

Ульян Петров и Нестер Иванович отдали в м-рь (тот и другой „отчину“ своих братьев) угодья по рекам Умбе и Варзуге и по Терскому берегу — „земли, воды, пожни, полеший лес и лешие озера“.

Последняя четверть XV в. в истории соловецкой вотчины может быть характеризована, как непрерывный процесс концентрации в ее руках Беломорских угодий. Развертывавшиеся политические события не только не останавливали этого процесса, но скорее, наоборот, форсировали его. Политический день самостоятельной вечевой республики догорал печальным заревом заката. Москва все более и более налагала свою руку на политическую независимость господина Великого Новгорода и, в первую очередь, грозила лишить его северных провинций. Часто приходилось новгородскому войску брать „на щит“ двинские земли и погосты, но достаточно было сильного нажима со стороны Москвы, чтобы последние снова „задалися за князь великий, а от Новгорода отнялися“. Борьба В. Новгорода с Москвой осложнялась тем, что в самой вечевой республике находились сторонники Москвы [1]).

В 1471 г. В. Новгород заключил было договор с польским королем Казимиром, и одним из главных пунктов этого договора было то, что если в. князь Московский пойдет войною на В. Новгород, король должен будет „всести на конь за В. Новгород“ [2]). Налаживавшийся союз вечевой республики с Польшей распался, во-первых, потому, что достаточно сильны были экономические связи В. Новгорода с русским центром; во-вторых, в Москве этого союза никак не могли допустить. В том же году пришлось новгородцам (при изменившемся составе посадников) бить челом „своей господе великим князем... и кончать мир по крестным грамотам с в. князем московским“ [3]). Хотя посредством специального договора В. Новгород в 1471 г. выговорил себе право свои волости „держати мужы новгородскими“ и только платить за эти волости „дар“ в. князю, но этот договор был уже голосом из-за могилы. В том же 1471 г. В. Новгород должен был отказаться от своих двинских и задвинских волостей [4]). С 1471 г. В. Новгород фактически стал в зависимость от Москвы. Хотя еще и оставались в нём следы видимой самостоятельности, и сохранялась попрежнему оппозиция по адресу Москвы, но не требовалось специального озарения свыше соловецкому игумену Зосиме, чтобы безошибочно определить участь вечевого города и политических вождей его. В Москве взяли под строгий учет всех новгородских знатных лиц, проявивших так или иначе антимосковскую политику. Образовался ряд опальных фамилий, к числу которых следует отнести Борецких, Арзубьевых, Селезнёвых, Губиных, Овиновых, Есиповых, Панфильевых, Репеховых и др. Очевидно, к этим фамилиям и принадлежали те бояре, которых игумен Зосима видел на пиру у Марфы посадницы

---

[1]) О борьбе В. Новгорода с Москвой с достаточною полнотой рассказывают наши летописные своды (особенно Новгородские „Полное собр. русск. лет.“, т. III). В ученой исторической литературе эта борьба освещалась неоднократно. Кроме общих курсов по русской истории С. М. Соловьева, Д. И. Иловайского, В. О. Ключевского и др., назовем некоторые специальные работы по данному вопросу: 1) Н. И. Костомаров „Северо-русские народоправства.“ СПБ, 1863 г.; 2) А. И. Никитский „История экономического быта В. Новгорода, М. 1893 г.; 3) В Пасек. „Новгород сам в себе“. (Чт. в общ. ист. и древн. Росс.“, 1869, кн. IV); 4) Григорович „Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских“. М. 1821 г.; 5) Прозоровский „Новые розыскания о новгородских посадниках“. („Вестн. археологии и истории“, вып. IX. СПБ, 1892 г.; 6) Н. А. Рожков. „Политические партии в В. Новгороде XII—XV в.“ (Из русской истории. Очерки и статьи. СПБ. 1923 г.) и нек. др.

[2]) „Акты археогр. эксп.“, т. I, № 87, стр. 62—64.

[3]) Ibidem. № 91.

[4]) Ibidem, № 94.

сидящими без голов и которым после Шелонской битвы в 1471 г. Иван III велел отрубить головы. Только немногие новгородские собственники удержали за собой свои владения, и владения эти были незначительными по объёму. Это—так называемые своеземцы [1]). В новых условиях политического быта они, позднее, или смешивались с поместным служилым классом, неся военную службу, получая дополнительные поместья, или же постепенно разорялись, беднели, дробя свои прежние вотчины и, т. обр., сливались с крестьянами. На крайнем севере, в Беломорском крае, последнее случалось чаще. Секвестру, прежде всего, подверглись владения лиц „литовской" ориентации. Очень многие частновладельческие земли перешли в разряд дворцовых велико-княжеских волостей, даже из тех, которые были „за владыкою", или за тем и другим монастырем [2]). Особенно часто секуляризация монастырских и церковных земель происходила в 1478 г. Сведение новгородских бояр с их вотчин и выселение из новгородских областей значительной части коренного населения происходило дважды: в 1488—89 г. и в 90-е годы [3]). Правда, этот процесс секуляризации коснулся лишь церквей и монастырей центральных новгородских областей, гл. обр., тех, которые владели земельными угодьями; в другом положении находились монастыри северные и, в частности, монастырь соловецкий, который „от всех вотчинных монастырей отменился". Страх пред надвигавшейся конфискацией земель побуждал некоторые фамилии не дорожить своими угодьями. Полагаем, что этим обстоятельством в значительной степени объясняется тот факт, что почти накануне правительственного секвестра ряд землевладельцев Беломорского края „отдает" свои угодья в дом Спаса на Соловки; ярким примером может быть та же посадница Марфа. Помимо всяких религиозных побуждений жертвователь-вкладчик мог расчитывать и на материальную поддержку монастыря в „черный день"... Такая поддержка предполагается самым понятием о вкладе, иногда она подразумевается в словах дарственной записи: „и нас бы есте не забыли, как вас бог вразумит" говорит один новгородец-жертвователь (Федор Евстафьевич) в своей дарственной.

Попытаемся, сколько позволяют нам наши источники, обрисовать рост соловецкой вотчины в затронутый нами переходный период. Время

---

[1]) Вопрос о т. наз. „своеземцах" в русской исторической науке в своё время возбуждал большие споры и разрешался различно. Не имея возможности разбирать подробно все существующие научные мнения о своеземцах, отсылаем читателя к соответствующей литературе, назвав главнейших авторов: 1) Беляев И. Д. „История русского законодательства", стр. 35—40; ср. его статью „О поземельном владении в Московском государстве (Врем. общ. ист. и древн. росс., кн. II, стр. 78; 2) Лешков. „Русский народ и государство", стр. 227; 3) Бестужев-Рюмин. „Русская история", т. I, стр. 347 и 371; 4) „А. Г. Ильинский. Городское население Новгородской области в XVI в." („Историческое Обозрение", т. IX, стр. 127; 5) Костомаров Н. И. „Северно-русские народоправства", т. II, стр. 73—81; 6) А. И. Никитский. „История Пскова", стр. 279—281; „История экономического быта В. Новгорода", стр. 40—41, 50—51; 7) Д. И. Иловайский. („История Росс.", т. III, стр. 422, т. II, стр. 367); 8) В. О. Ключевский. „Боярская дума древней Руси", изд. 3, стр. 173; ср. его отзыв о книге Н. Д. Чечулина: „Города Московского государства в XVI в" („Отчет о 33-м присужд. наград гр. Уварова", стр. 301—310), 9) С. Ф. Платонов „Статьи по русской истории", стр. 118—119; ср. „Очерки по истории смуты", изд I, стр. 23 и 59; 10) Павлов-Сильванский „Государевы служилые люди", стр. 97, 98 и 310; 11) Н. А. Рожков „Сельское хозяйство Московской Руси в XVI ст.". стр. 190, 370 и 435. 12) Сергеевич „Древности русского права", т. III; 13) М. И. Помяловский „Очерки из истории Новгорода в первый век московского владычества („Журн. Мин. Нар. Просв." 1904 г., июль, стр. 94—135. 14) М. Островская „Земельный быт русского севера", стр. 4—7. 15) Архим. Сергий (Тихомиров) „Новгородский уезд, Вотской пятины"... 1899 г., стр. 44—46.

[2]) А. И. Никитский. „История экономического быта В. Новгорода", М. 1893 г., стр. 202—203; „Акты арх. эксп.", т. I, № 94.

[3]) Ibidem, стр. 205.

смерти игумена Зосимы (1478 г.) совпало с годом окончательной ликвидации новгородской вольности [1]). При втором его преемнике Феодосии (1479 г.)—первым преемником был Арсений [2]) некто богатый человек Григорий Иванович „отходя сего света", завещал в соловецкий монастырь „отчину" свою „землю и воду" в корельской земле по речке Жеравне (село против церкви), пожни и ловища и на море „в кореле между пяти родов и по Выгу реке в Золотце участок, такие же участки в реке Шуе, в р. Кеми, в Пильбоострове и по морскому берегу землю, воду, лес полешей, пожни и ловища" [3]). Ончифор Есипов завещал в Соловки половину своей „отчины в Кореле, между пяти родов вымолцовы" участок у Золотца, участок в Шуе реке, в Кеме и в Кореле... двор с хоромами, страдомую землю и пожни... [4]). Продолжал соловецкий монастырь округлять свои владения и путем купли угодий у соседних крестьян. Напр., игумен Феодосий купил за четыре коробьи ржи, сермягу и пяток конопли у Филикса Кононова Костиева 2 участка его отчины и водные тони в Кильбоострове [5]). Игумен Исаия (1484 г.) приобрел за „полтину" у Микулы Семенова Боркова „отчину" его жены Агафьи в Кильбоострове и Лотошкове острове [6]). Округлял свои „згодья" монастырь и на Терском берегу. Около 1491 г., при игумене Исаии, варзужанин Марк отдал в соловецкий монастырь свой участок в Умбе и Варзуге и разные угодья по морскому берегу [7]). Также поступили со своим участком в Умбе и по морскому берегу Палага Шаншина дочь... и Пахнотей Кузмин Пируев и др. [8]). Уже в начале 90-х годов XV в. владения соловецкой вотчины на Терском берегу составляли целый приход с церковью и отдельным церковным причтом [9]).

Мы привели случаи приобретения соловецким м-рем угодий, которые не вызывают у нас каких-либо недоразумений, как относительно хронологической их даты, так и географического положения этих угодий. Но такою точностью отличаются далеко не все известные нам купчие и дарственные от XV и начала XVI в. [10]).

---

[1]) Рукописный соловецк. сборн. в библ. б. Казанск. дух. акад., № 483, л. 29; полное собр. русск. лет., т. VI, стр. 210 и 217.

[2]) Строев, цит. соч. 816 стр.

[3]) Цит. рукоп. сб., № 18, л. 31.

[4]) Ibidem, л. 26.

[5]) Ibidem, л. 32 об. 33.

[6]) Ibidem. л. 32.

[7]) Ibidem, л. 38.

[8]) Ibidem, л. 27 об. 28.

[9]) Рукоп. соловецк. сборн. в библ. б. Казанск. дух. акад., № 20, л. 1; Досифей, цит. соч. III, стр. 182—3.

[10]) Напр., посадник Афанасий Есипович купил у Ивана Лукалова и его сына ловища на Выгу, в Золотце, в Калени и в р. Сороке, а также поле и страдомый лес в тех же реках между „куролцы и ровкулцы". (Цит. сб., № 18, л. 32). Тот же посадник купил у Ивана Федоровича и его брата в Сорокс на море и в Выгу 2 участка в земле и в воде между „куролу и ровкулчи" (Ibidem). Все названные угодья позднее оказались в руках у соловецкого м-ря. Но когда именно это произошло, сказать трудно. Сам ли Афанасий Есипович передал их м-рю, или его наследники, сказать трудно; полагаем, что эта передача произошла при его наследниках. Афанасий Есипович в 1411 г. выступал воеводою одного из новгородских полков, шедших войною в „Свейскую землю", следовательно, был человек зрелого возраста (I Новг. лет. под 1411 г., Полное собр. русск. лет. III, стр. 104). Трудно вполне точно датировать время перехода в пользование соловецкого м-ря беломорских владений Луки Федоровича, богатого новгородца. Мы не можем выявить, где находились эти „пожни и сола морские" Луки Федоровича. Предполагаем, что владельцем их был тот Лука Федоров, у которого в 1478—79 г. пировал в. князь московский (II Новг. лет. П. С. Р. Л., т. III, стр 142). Не поддается точной датировке переход к соловецкому монастырю угодья Парандеева и ряда других угодий на Двине. напр., земли в Курье возле Погран с верхней стороны и орамой земли горной и островской. пожень, притеребов, ловищ и всех угодьев в тех землях, Луготина и Волняничного острова, деревни Мишутинской и др. (Цит. сборн., № 18, л. 37 об. 38).

Как в свое время отметил это В. О. Ключевский, большая часть новгородских вотчин в Поморьи, даже у мелких собственников не представляла сколько нибудь округленных земельных владений, сосредоточенных в одной местности, а состояла из многих раздробленных мелких участков, рассеянных по прибрежным островам, по морскому берегу и по рекам морским,—как выражаются грамоты,—часто на огромном расстоянии друг от друга [1]). Действительно, непосильною была бы работа детально определить границы какой-нибудь „отцины" на основании таких технических выражений, как „по всем рекам морским", „куды иные отчинники владеют корельские дети", „куда все пять родов владеют" и т. д. Следует отметить и то обстоятельство, что по беломорскому берегу, среди лопи дикой и корельских детей, колонизационная деятельность соловецкого монастыря шла уже по проторенному пути. Монастырь концентрировал в своих руках участки, бывшие уже предметом эксплоатации разных частных лиц. Разгром В. Новгорода не отразился на судьбе соловецкой вотчины какими-либо тяжелыми последствиями. Монастырь тотчас же вступает по отношению к новой власти в положение лояльного вассала. По ходатайству монастырской администрации, в 1479 г., в феврале месяце, на имя игумена Феодосия от в. кн. Ивана Васильевича последовала грамота, подтверждавшая право соловецкого монастыря на владение „по старине" соловецким и другими смежными островами. При этом повторена была и прежняя оговорка: „нашим бояром ноугородским и корельским детем, и иному никому в те островы не вступатися"; подтверждено было право монастыря взимать десятину с приезжавших на остров промышленников [2])...

Обозрению процесса освоения соловецкой вотчиной Беломорского края в условиях уже нового политического существования следует предпослать несколько замечаний общего характера и, прежде всего, мы должны отметить способы, при помощи которых монастырь приобретал свои многочисленные угодья. Вопрос о монастырском землевладении был предметом научного исследования неоднократно, но тем не менее не все еще в нем может считаться окончательно выясненным [3]).

В настоящей своей специальной работе, посвященной, хотя и крупному, но „не вотчинному" монастырю, вопросов, связанных с монастырским землевладением в древней Руси, мы можем коснуться только отча-

---

[1]) В. О. Ключевский—„Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае", цит. соч., стр. 6.

[2]) Цит. рукоп. сборн. № 18, л. 39 и об.; Досифей, цит. соч., т. I, стр. 63—64; В 1507 г. эта грамота была вновь подтверждена при в. князе Василии Ивановиче (ibidem)

[3]) Назовем важнейшие исследования по затронутому вопросу. В. Милютин „О недвижимых имуществах духовенства в России" („Чтения в Общ. Ист. и древн. Росс.", 1859 г., кн. IV, 1860 г., кн. II и III; 1861 г., кн. I и II.); А. Павлов. „Исторический очерк секуляризации церковных земель в России", ч. I, „Попытка к обращению в государственную собственность поземельных владений русской церкви в XVI в. (1503 - 1580) „Записки Новоросс. увиверситета", 1871 г. (есть и отд. изд.). Ср. рецензию на это исследование И. Беляева („Отчет о 15-м присуждении наград графа Уварова", стр. 31—40); Горбунов А. „Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквам в XIII—XV в." (Арх. историч. и практич. сведений", изд. Н. Калачевым 1860—1861 г., кн. 1 и 5); М. Горчакова „Монастырский приказ." СПБ, 1868 г.: М. И. Горчаков „О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. синода". СПБ., 1871 г. (ср. рецензию на эту работу В О. Ключевского („Отчет о 15-м присуждении наград гр Уварова", стр. 91—125); А. Завьялов. „Вопрос о церковных имениях при имп. Екатерине II," СПБ, 1900 г.; Проф. А. Я. Шпаков „Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве". Одесса, 1912 г.; С. Рождественский „Служилое землевладение в Московском государстве XVI в." СПБ, 1897 г. С. Рождественский „Из истории секуляризации монастырских вотчин на Руси в XVI в." (Журн. Мин. Нар. Просв. 1895 г., май, стр. 70—83): В. Панков „Льготное землевладение в Московском государстве до конца XVI в. и его политическое и экономическое значение", СПБ, 1911 г. Кроме того, сведения о монастырском землевладении можно находить в таких исследованиях, как А. Лакиер „О вот-

сти, ad hoc и, конечно, не в той мере, как если бы приходилось говорить о каком-либо центральном и многоземельном монастыре с развитым земледельческим хозяйством. В. Милютин в своем специальном исследовании о церковных недвижимых имуществах заявляет, что способы земельных приобретений, которыми пользовалась церковь в России, не были столь разнообразными, как в Византии. Важнейшие из них, по его словам, были следующие: пожалование от правительства, дарения частных лиц, завещания, купля, мена, заклад, овладение и давность. С этим перечнем в общем согласны и другие исследователи. Посмотрим, насколько данная традиционная схема применима к территориальному росту соловецкой вотчины. Пожалование от правительства, по словам Милютина, содействовало в древней Руси обогащению церкви более и прежде, чем все другие способы приобретения. Оно вызывалось: 1) „ревностью" русских князей к обогащению церкви, 2) желанием обеспечить духовенство, 3) экономическими и политическими соображениями (а) заселялись и разрабатывались такие земли, которые, „оставаясь в первоначальном их виде не приносили бы казне никакого дохода, ни прямо, ни косвенно"; б) духовенство привлекалось на службу государственной власти) и, наконец, 4) религиозной идеей [1]). Не возражая принципиально против важного значения правительственных земельных пожалований для монастырского землевладения, мы должны отметить, что в XVI ст. эти пожалования значительно сокращаются, в отношении же к соловецкому монастырю, так называемые, „пожалования" носят несколько иной характер. Для пояснения разберем один из примеров правительственного пожалования соловецкому монастырю, который приводит сам Милютин. В июне 1591 г. соловецкий монастырь получил жалованную грамоту на вторую половину Кемской волости. Но взамен этой половины волости монастырь уступил в казну свой двор в В. Новгороде, на загородной улице, с каменным жилым помещением и с фруктовым („яблоновым") садом, дающим дохода 70 р. и более в год (двор оценивался в 300 р.). Примем во внимание, что во второй половине Кемской волости к монастырю перешло „в живущем" 100 тяглых дворов и почти 67 луков угодий. Оброку и дани монастырь должен был платить в казну с этой второй половины ежегодно 49 р. 25 алт. 2½ д., а со всей волости 134 р. 24 алт. 1 д., тогда как сам монастырь получал с крестьян всей Кемской волости 120 р. 9 алт. 5 д. ежегодно. Кроме того, не следует забывать, что Кемская волость в это время была сильно разорена отрядами „каянских" немцев. В административном отношении раздробленность Кемской волости (одна половина ее числилась за соловецким монастырем раньше еще) создавала большие неудобства, особенно в деле организации обороны, предоставленной в этом районе заботам монастыря, и в отправлении государственных повинностей, разверстываемых среди крестьянского населения [2]). Таким образом, переход Кемской волости полностью к соловецкому монастырю представлял большие удобства не только для самого монастыря, но и для правительства, которому помимо компенсации новгородским двором обеспечивалось аккуратное поступление податей с разоренной и украинной волости. Рассмотренное „пожалованье"—скорее

чинах и поместьях 1848 г.", Блюменфельд „О формах землевладения в древней России" („Записки Новоросс. университета" 1884 г. и 1885 г. - есть и отд. изд. 1885 г.), Хлебников Н. „О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории", СПБ, 1869 г. Следует назвать и ряд специальных исследований об отдельных монастырях, как, напр, Никольского (Кирилло-Белозерский монастырь). Доброклонский (Солотчинский монастырь) и др.

[1]) „О недвижимых имуществах духовенства в России" („Чтения в Общ. Ист. и древн. Росс.", 1859 г., кн. IV, стр. 42—73).

[2]) „Акты археогр. эксп.", т. I, № 353, стр. 427.

акт своеобразной сделки между монастырем и правительством. Если бы мы поставили себе целью проследить процесс освоения соловецким монастырем какой-либо волости, то мы заметили бы, что, так называемая, жалованная грамота монастырю на ту или другую волость лишь задним числом санкционирует то, что фактически существовало и раньше: путем купчих, закладных, поступных, отступных, вкладных и всяких других актовых сделок монастырь оказывался владельцем, если не всей, то все же значительной части данной волости. Жалованная грамота, округлявшая в некоторых случаях монастырские владения в данном районе, имела значение своеобразного „insinuatio", или „in acta publica relatio" [1]).

Если о „пожаловании" и можно говорить, как о факторе, усиливавшем рост монастырского землевладения, то все же с некоторою оговоркой и, главным образом, имея ввиду начальный момент жизни монастыря. Но и тогда это „пожалованье" лишь подтверждало то, что сложилось уже само собою. Монастырь, фактически самовольно образовавшийся на острове и начавший уже разработку его природных богатств, post factum шлет в В. Новгород челобитную о пожаловании ему не только этого острова, но и соседних...

От пожалований, в специфическом смысле этого слова, мы отличаем, так назыв., „дарение" и „вклады". В многочисленных дошедших до нас „данных" акт дарения и вкладов обычно формулируется таким образом: „Се яз NN дал спасу в Соловки и чюдотворцем Зосиме и Савватию, игумену N и братии (далее идет перечень того, что дается монастырю). Дарили свои земли и угодья соловецкому монастырю не только зажиточные люди, напр., прежние новгородские посадники, но и лица малосостоятельные, крестьяне, некоторые из них почти накануне своего окончательного разорения и, повидимому, в связи с этим. В жизни соловецкой вотчины вклады и дарения играли значительную роль, способствуя территориальному расширению ее. Дарение принимало различные формы. Отдавали в монастырь вкладом свои угодья крестьяне, „постригаючись" в монахи [1]). От вкладов при пострижении мы отличаем просто вклады в монастырь, которые налагали на монастырь некоторого рода обязательства по отношению к самому вкладчику или его семье, напр., „кормить, поить и одевать" вкладчика, в случае потери последним трудоспособности, или семью его в случае смерти главного кормильца-вкладчика [2]). Не выполняя этих обязательств, монастырь обязан был возвращать вклад семье вкладчика [3]). Вклад земельными угодьями не всегда предполагал пострижение вкладчиков. Это своеобразное страхование себя и семьи на „несчастный случай". Широко практиковались вклады „по душе" или самого вкладчика [4]), или его родственников [5]).

[1]) Novel. XV, c. III.

[1]) Напр., в 1548 г. отдал „вкладом" в соловецкий монастырь свою деревню Лукьяновскую (полторы обжи земли с угодьями) на Владычне старец Иринарх (в мире Игнатий). Сол. арх. „Вкладная" 1548 г. Примеры таких вкладов можно было бы увеличить значительно.

[2]) См. дело о передаче монастырю деревни Удор. Рукоп. сол. сборн в библ б. Каз. дух. акад., № 19, стр. 583—596; это интересное дело мы будем излагать ниже.

[3]) Об этом подробнее будет сказано ниже в специальной главе об организации внутренней жизни соловецкой вотчины.

[4]) Напр., в 1570 г. Никита Федоров „приказал после своего живота" в дом всемилостивому Спасу на Соловки лук без четверти да двор без четверти в Умбе волость промеж волощан умлян; а четверть лука и четверть двора жене своей Акилине; при этом вкладчик оговорился, что если Акилина выйдет замуж, то и ее четверть должна быть передана в соловецкий монастырь. Завещатель, очевидно, не желал выпускать своего угодья из родового владения, так как добавил, что если „старцы" не пожелают владеть завещенным угодьем и станут продавать его, то „мимо родников завещателя того угодья и двора не продавать". (Сол. архив. Духовная 1570 г.).

[5]) В 1570 г., напр., Федор Андронов сын из Под'ужемья дал в монастырь Спасу „по души" сына своего Ивана пол лука угодья, рыбные ловли „промеж волощан" в Кеми реки, полтину денег, да мерина. (Сол. архив).

Большое значение в истории соловецкой вотчины имела покупка угодий, прием их в заклад и т. д. Но прежде чем говорить об этом способе территориального расширения монастырских владений, следует выяснить один из спорных вопросов в истории древне-русского монастырского землевладения. Проф. А. С. Павлов причины роста монастырского землевладения объяснял рядом исторических обстоятельств. „Страх опал и казней, говорил он, побуждал вотчинников вступать в различные тайные сделки с монастырем, чтобы на черный день сохранить, что нибудь себе, или своим семействам. Всего чаще совершалась, кажется, купля-продажа под видом отказа по душам, предварительного вклада на пострижение, займа под залог вотчин, на потребности службы и т. д. [1]). Но С. Рождественский возражает проф. Павлову, заявляя, что подобные сделки были широко развиты и до эпохи казней и не прекратились вместе с нею. Главным источником земельных приобретений для монастыря было пожертвование, вклад, дарение, а стимулом последних была столь характерная для древне-русского человека забота об устроении души. Земля отдавалась в монастырь „вечного ради спасения и небесных благ наслаждения". Таким образом, вклад земли на помин души, по мысли С. Рождественского, объясняется побуждением чисто духовного порядка [2]). Не отрицая принципиально того обстоятельства, что забота „душа спасти" в значительной степени была свойственна древне-русскому человеку, мы должны отметить, что наши наблюдения над процессом освоения соловецким монастырем земель и др. угодий в Беломорском крае побуждают нас несколько расширить суждения проф. А. С. Павлова. Во-первых, купля-продажа и заклад составляли едва ли не самый популярный способ приобретения монастырем угодий и только иногда среди сухих коммерческих и прозаических счетов и расчетов попадается под руки полная элегических и поэтических рассуждений о тщете мира „вкладная" или „духовная". Во-вторых, рост разного рода земельных сделок между монастырем и прежними владельцами обусловливался некоторыми привходящими обстоятельствами. Даже простой механический подсчет соловецких купчих, вкладных и др. сделок показывает, что большинство их падает на годы политических и экономических бедствий, вызывавших массовое раззорение крестьян, толкавших последних на заем, под залог своих участков, что почти всегда по истечении известного промежутка времени делало закладную купчею, оставляя залог за монастырем.

По греко-римским еще законам монастыри и церкви имели право приобретать покупкой, меной и другими законными способами, как в городе, так и вне его недвижимое имущество—поместья и населенные земли, принимая на себя все повинности, возложенные законом на последние [3]). Если монастыри имели право покупать земельные участки, то владельцы этих земель также свободно могли продавать их. Внутри общины, но, повидимому, без всякого участия с ее стороны, земли продавались, передавались по наследству, сдавались в аренду Раз посредством этой купли-продажи община не лишалась тяглого члена, для нее, строго говоря, было в значительной степени безразличным, кто именно станет нести это тягло [4]). Поэтому случаи, когда крестьяне черных воло-

---

[1]) А. С. Павлов. „Исторический очерк секуляризации церковных земель в России", ч. I, стр. 150.

[2]) „Из истории секуляризации монастырских вотчин на Руси в XVI в." Журн. Мин. Нар. Просв. 1895 г., май, стр. 71 - 73.

[3]) „Обозрение греко-римских законов в отношении к церкви". Журнал Мин. Нар. Просв. 1850 г., стр 38—39; 40, 193.

[4]) Б. Чичерин. „Опыты по истории русского права". М. 1858 г., стр. 21—23.

стей продают или передают свои участки соловецкому монастырю, были многочисленны; в каждом отдельном обстоятельстве этого рода только предполагалось, что монастырь будет тянуть тягло вместо прежнего владельца купленного участка. Такие и аналогичные явления были допустимы еще потому, что по древне-русскому праву, ни купля-продажа, ни какой-либо другой договор, ни передача не были способом приобретения права собственности на землю [1]). Собственником земли в эпоху русского феодализма считался в. князь—остальные лица могли быть только держателями или владельцами ее: „земля государя, а моего владения", „росол великого князя, а моя варница"—эти трафаретные фразы исправно повторяются в монастырских купчих, дошедших до нас от изучаемой эпохи [2]).

Акты покупки монастырем земельных и других угодий фиксировались в специальных купчих записях, в которых точно обозначалось имя продавца и покупателя, предмет купли-продажи, стоимость проданного или купленного угодья и „послухи". Во время очередной переписи волости эти „купчие" фигурировали, как документы, удостоверяющие право монастыря на владение тем или другим участком. В писцовых книгах мы неоднократно, после указания на то или другое монастырское угодье, встречаем приписки такого рода: „а владеют по своим купчим и вкладным" и т. д. Иногда продавалась целиком вся деревня с дворами, подворною землею, дворищем со всем владеньем сельным, с водяными ловищами и сенными покосами [3]). Но были и мелкие покупки: пол обжи, и даже, восьмая обжи [4]). Покупка земли мелкими долями вызывала потребность покупки остальных долей в целях округления угодий [5]). Вполне естественно, что монастырь стремился покупать, главным образом, смежные угодья. В монастырских купчих мы очень часто встречаем такие выражения: „а та земля с теми старцами соловецкими в межах". Цены на землю были различны в зависимости от размера угодий, качества почвы, наличности дворовых построек, посева и т д. [6]). Покупал монастырь и рыбные ловли [7]). Иногда очень малыми долями (поллука и еще того меньше—четверть лука) монастырские рыболовные участки вклиниваются „промеж воло-

---

[1]) Ив. Энгельман „О приобретении права собственности на землю по русскому праву". СПБ, 1859 г., стр. 186.

[2]) По вопросу, существовала ли в древней Руси частная собственность на землю, в науке было два взгляда. Одни исследователи решали этот вопрос отрицательно (напр., Чичерин—„Опыты по истории русского права", цит. соч., стр. 19; Лакиер. „О вотчинах и поместьях", СПБ, 1848 г., стр. 132). Но другие, напротив, настаивали на существовании в древней Руси частной земельной собственности. (Погодин, Энгельман, Неволин, Кавелин, Беляев, Градовский, Горчаков и нек. др.). Неволин, напр., утверждал, что „частные лица в самые древнейшие времена обладали у нас поземельною собственностью, и нет никакой причины принимать, чтобы вся эта поземельная собственность, или даже большая часть ее была приобретена ими от князя". („История росс. гражд. законов", т. II, СПБ. 1851 г., стр. 132).

[3]) Напр., в 1559 г. Леонтей Гаврилов сын Рагоза продал старцу Мосею, владыченскому прикащику свою деревню Олутинскую и Дыринское печище—всего 2 с получетвертью тяглые обжи. („Сол. арх.").

[4]) Напр., в 1567 г. лямчанин Андрей Дмитриев сын Нос продал за 7 руб и 10 алт. игумену Паисию восьмую долю обжи земли деревни Волковской со всеми угодьями.... „что к тому участку исстари потягло" (ibidem).

[5]) На примере покупки монастырем д. Волковской мы можем находить подтверждение сказанному. В 1568 г. монастырь постарался купить у крестьянина д. Волковской Федора Васильева сына Херпина его четверть обжи земли со всеми угодьями в этой деревне за 15 рублей (ibidem).

[6]) Напр., четверть обжи оценивалась в одно и тоже время и, даже в одном районе, в 5, 10 и 15 рублей...

[7]) Лук в XVI веке оценивался 2—7 руб., поллука 3 руб., треть лука 3—2 руб., четверть 1½—4 руб.

щаны". Энергично скупал монастырь крестьянские дворы, особенно в тех районах, где это представлялось по тем или другим соображениям выгодным. Таким же образом монастырь концентрировал в своих руках многочисленные в Поморьи мельницы, скупая их часто очень дробными долями [1]).

Заем, обеспеченный залогом недвижимого имущества, был популярным способом освоения соловецким монастырем поморских угодий. По словам проф. Вс. Удинцева, практика обеспечения займа закладом и залогом была очень широка в Московскую эпоху... Тоже можно наблюдать и в праве Литовского государства, от которого мы имеем целую серию заставных листов или грамот [2]) Предприимчивый соловецкий вотчинник широко практиковал ссуду окрестным крестьянам, как деньгами, так и предметами потребления, напр., рожью, солью и др. Просрочка платежа механически превращала закладную запись в купчую. Укажем несколько примеров такого рода приемов освоения м-рем крестьянскихугодий. В 1557 г. Фома да Селиван Елисеевы, дети Банова, чюхченемцы заняли у солокурского прикащика старца Васьяна из солокурской варницы 60 пудов соли („в таможенный пуд, в отмер") сроком до Ильина дня под залог своей деревни на Двине в Чюхченеме. „А полягут денги по сроце, и и сия закладная—купчая", читаем мы в цитируемом документе. В 1568 г. Григорий Иванов, сын Обора, занял у Чупского монастырского прикащика Андроника три бочки ржи на срок от 7 апр. и до Петрова дня 1568 г. под залог четверти лука своих угодий... „а не выкуплю яз того своего закладу на тот срок, на Петров день, и на тот заклад кабала... и та четверть лука в чупской губе", говорит заемщик. Мы имеем достаточные основания утверждать, что ссуда далеко не всегда погашалась и залог обычно оставался у монастыря навсегда [3]). В 1642 г. вологодский ямщик Онтропко Семенов с сыном Федором заняли у соловецк. монастыря 50 рублей казенных денег и „заложили в тех деньгах" три свои пожни (в Вологодском уезде; в 1645 г. эти пожни были уже окончательно освоены монастырем [4]). В 1642—43 г. крестьянин Антоние-Сийского монастыря Первушка Расторгуев заложил в сол. монастырь свои пожни Климиху, Доктуриху и Кулигу (в Куресской волости). Несколько позднее эти пожни числились на оброке за соловецким монастырем [5]).

Отмечая факты перехода во владение соловецкого монастыря заложенных угодий, что в данном юридическом акте нас, прежде всего, интересует, мы оставляем без обсуждения другие, не менее, впрочем, важные вопросы, как, например, о роли залога в заемном обязательстве, поглощал ли заем обязательные требования, или он был гарантией, порукой обязательства, передавался ли залог кредитору сразу же, или по истечении отмеченного в заемной записи срока, а до той поры он заменял проценты с ссуды [6]). Все эти вопросы уже были неоднократно предметом научного обсуждения [7]). Широко пользовался соловецкий

[1]) Напр., в 1568 г. крестьянин Михаил Тимофеев сын Большой вместе со своим братом Василием продали в соловецкий монастырь на р. Оченге в Пияльской волости треть мельницы с хоромами, мельничным местом, жерновами и железною снастью. Половина этой мельницы была „в складстве" с крестьянином Федором Буловым. В том же году названный Федор Булов продал в монастырь свою половину мельницы.. (ibidem).

[2]) Проф. Вс. Удинцев. „История займа". Киев, 1908 г., стр. 90.

[3]) Соловецк. арх. (Связка купчих... за разные годы XVI ст.).

[4]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 416—417.

[5]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 19, стр. 5—6.

[6]) Последнее предположение представляется вполне вероятным по той причине, что в залог давались земельные и другие угодья.

[7]) См., напр., Вс. Удинцева, цит. соч. стр. 89—124; М. Ф. Владимирского-Буданова „Обзор истории русского права". Киев, 1907 г., Мейер „Древне-русское право залога". Казань. 1855 г., Л. А. Кассо. „Понятие о залоге в современном праве" и нек. др.

монастырь меной угодий, особенно в тех случаях, когда это вело к округлению угодий [1]). Иногда этот обмен производился в очень крупном масштабе: монастырь вступал в обмен деревнями и угодьями с правительством и с другим крупным монастырем Кирилло-Белоозерским [2]). Но мы знаем целый ряд случаев мены угодьями с крестьянами. Например: в начале второй половины XVI в. соловецкий монастырь был занят освоением Турчасовского уезда и, в частности, Пияльской и Владыченской волостей. В 1551 г. он произвел обмен деревнями (с угодьями) с Иваном Власьевым Кулемой Шибутовым (пияльцем). Последний отдал монастырю в д. Раховской на Оченге восьмую долю обжи земли без двора и взамен этого получил такую же долю земли без двора в Шибутовской деревне. Эта мена, очевидно, для обоих сторон была выгодною. Шибутовская деревня названному крестьянину была не совсем чужою, а соловецкий монастырь на Оченге стремился обосноваться на мельнице. Были случаи промена деревень и во Владыченской волости. В 1555 г. Владыченский монастырский прикащик „выменил" у крестьянина Тимофея Яковлева, сына Векшина, треть обжи земли со двором, дворищем и дворовым местом в Антоновской деревне, да восьмую долю в црене с варницей и росолом со всеми угодьями у большого колодезя во Владычне. Выменивалось не только однородные угодья одно на другое (по выражению источника „пошли из поля в поле"), но и равноценные для обменивающихся, например: в 1558 г. пиялец Ив. Вас. Харя „выменил" у Пияльского прикащика Кирилла под двор земли 8 саж. с локтем поперек и 12 саж. в длину в Терехновской деревне, а „против того места" Ив. Харя дал в монастырь полоску „орамые" земли в нижнем поле [2])...

Известны случаи, когда монастырь пользовался и другими уже менее легальными способами для освоения того или другого угодья, захватывая последнее „сильно" и „ложно", как выражаются наши источники. Несколько ниже мы будем иметь возможность сообщить ряд особенно бросающихся в глаза примеров таких захватов... [3])

К недвижимому имуществу в древней Руси относились так называемые вотчины, поместья, тяглые земли, дворы в городе и угодья в уездных землях. Городские дворы и угодья в уезде также были или вотчинными или тяглыми. Понятие „поместье" может считаться достаточно выясненным, несколько расплывчатым представляется термин вотчина. Буквально „вотчина или „отцина" означала земельные и др. угодья, переходившие от отца к сыновьям. Источники с одинаковым правом называют иногда вотчиной и землю в городе, раз владелец получил ее от родителей. В более специфическом смысле вотчиной наши источники называют земли в уездах, находившиеся в постоянном владении у того или другого лица—вотчинника: удельного князя, боярина или монастыря. Монастырские соловецкие власти называли свой монастырь „не вотчинным", или, иногда—„маловотчинным" в отличие от других „многовот-

---

[1]) Соловецк. арх. (Связка купчих, вкладных и др. грамот XVI в.)

[2]) „Русск. ист. Библ.", т. XIV, 2-я половина, стр. 250 и след. (Обмен угодьями: Золотицкими и Лямецкими между Соловецким и Кирилло-Белоозерским монастырями).

[3]) Напр., Анница, Петрова дочь, жена Андрея Неклюдова со своим сыном Герасимом заняли у старца соловецкого монастыря Сергия 10 р. денег под залог своей вотчины в Затевской волости, в д. Герасимовской двенадцатой доли обжи земли с дворовым местом, пашней, сенными покосами, с водными ловищами и со всеми угодьями, что к той деревне исстари потягло. Но монастырь законною двенадцатою долею обжи не удовлетворился, а присвоил себе еще полтрети выти уже „безданно и безоброчно". На эту долю земли стал претендовать крестьянин Артюшка Кириллов, который сумел доказать неправильность действий монастырских прикащиков (Цит. рукоп. соловецкий сборн. № 19, стр. 87—94).

чинных" монастырей. „Вотчинным" соловецкие старцы, очевидно, называли такие монастыри, которые имели земельные латифундии и вели крупное земледельческое хозяйство. Соловецкий монастырь, разумеется, к этой категории не мог быть отнесен. Он осваивал черные „государевы" волости и выполнял пред государством те повинности, которые лежали на этих волостях, ему принадлежало jus utile в этих волостях, a jus directum—великому князю московскому. Но на ряду с этим долгосрочным („впрок") „держанием" монастырь широко практиковал относительно кратковременный оброк („погодно") тяглых земель и угодий и не только у государства, но и крестьян. Аренда или „празга" бывала многолетнею, и в таких случаях монастырь иногда вносил арендную плату за несколько лет вперед. Напр., в 1530 г. ненокшанин Пахом Яковлев, сын Кулипин, отдал на „празгу" соловецкому прикащику Левкию „статки" своего отца—варницу в Костылихе со всеми варничными угодьями на двадцать лет (начиная с 27 окт. 1530 г.) и деньги в количестве 20 р. взял вперед все сполна [1]). Снимая на „празгу" угодья, монастырь применял обычно систему „наддачи", особенно, когда нужно было устранить конкурентов с того или другого угодья [2]). Соляные варницы, находившиеся на тяглой земле, принадлежали к разряду тяглого недвижимого имущества. Они обычно находились в наследственном владении отдельных крестьян; выражение купчих, что та или другая варница—„статки отца моего, а моего владения", или „росол государев, а моя варница" сближают владение варницами с обычным тяглым землевладением. Приобретая себе крестьянскую тяглую варницу, монастырь обязан был нести и все положенные повинности. Несколько слов следует сказать относительно приобретаемых монастырем дворов в городах. Вообще, дворы в городах древней Руси различались на белые нетяглые и черные—тяглые, в зависимости от того, на какой земле они стояли и кто владел имя. В наших источниках мы очень часто встречаем указания на то, что соловецкий монастырь обращался в Москву с просьбой „обелить" тот или другой двор, приобретенный им в Каргополе, Турчасове, Холмогорах, Устюге, Вологде и в др. местах.

Переходим к более детальному знакомству с ростом соловецкой вотчины. Значительно проясняется быт последней, начиная с XVI в. „Отводная" 1514 г., обрисовывающае монастырское хозяйство на самом острове, отмечает у варницы три црена действующих („кипящих") и один недействующий („не кипит—ветчан"). В это же время при монастыре было две мельницы, а в монастырских закромах 500 коробей ржи [3]), в

[1]) Соловец. арх. (Связка купчих, вкладных и др. грамот XVI в.)

[2]) Таким, именно, образом в 1670 г. сол. монастырь получил на оброк новоприсадное место на р. Двине у острова Лещевца (Комарицкой волости). В 1623—26 г.г. это место было на оброке за крестьянином Комарицкой волости Сенькой Кривошеиным да Посничком Ляпуновым за плату ежегодно 1 р. 6 алт. 4 д., да новой „наддачи" 10 а. 4 д., всего 1 р. 16 а. 4 д. В 1626 г. эти угодья были переданы на оброк крестьянам Афонке Еремееву и Богдашке Корякову с уплатой ежегодно в казну 2 р. Затем они были „перекуплены" Сенькою Кривошеиным и Посничком Ляпуновым, а в 1658 г. снова оказались на оброке за Богданом Коряковым „с наддачею" 1 р. в год. В 1658—1663 г.г. эти угодья взял на оброк крестьянин Комарицкой волости Алешка Вирачев с платой 3 р. 31 а. 5 д. ежегодно. В 1663 г они были отданы на оброк архимандриту архангельского монастыря Арсению с уплатой 4 р. 29 а. 5 д., и сверх оброчной платы арх. Арсений внес еще 12 р. В 1664 г. решено было сдавать на оброк названные угодья „погодно", а не „впрок", и в том же году получил их на оброк соловецкий архим. Варфоломей за 6 р. 1 а. 5 д. и сверх оброку взято у него в казну еще 13 р. С 1664 по 1670 г. названное новоприсадное место на оброк не отдавалось, а в 1670 г. оно было сдано на оброк снова соловецкому монастырю с выплатой ежегодно (с новой „наддачей") 7 р. 3 а. 3 д. (Сол. арх.).

[3]) Коробья—чисто новгородская мера сыпучих тел. На том основании, что коробья, как казенная мера равнялась двум четвертям пашни, предполагают, что и как мера сыпу-

скотных сараях стояло 32 лошади, 40 коров и 20 штук телят [1]). Был достаточно оборудован монастырь и хозяйственными постройками, несмотря на то, что в 1485 г., в великий пост, он „по нещастному случаю" погорел [2]). 30 мая 1538 г., ночью, от удара молнии монастырь вторично погорел „до основания". Последнее обстоятельство дало повод монастырской администрации (в лице игумена Алексея Юренева) обращаться в Москву к правительству малолетнего еще в то время Ивана Васильевича (будущего „Грозного") с просьбою „пожаловать дати в монастырь в дом землицы во Обонежской пятине, в Спасском погосте, в Выгоозерском уезде у моря, Шизня река, да Сухонаволок, да острова Досугея, да Рохново (у Досифея Рожново) по обе стороны Выга реки, что бывали за Федором за Глухим, да за Михайлом за Герденевым, да за Лукою за Федоровым, да за Моисеевыми, детьми Бабкина, тринадцать луков, а пришли де те тринадцать к монастырю". У соловецких старцев, таким образом, были вполне резонные причины хлопотать о новом „пожаловании", дело шло об округлении монастырских угодий в устьи р. Выга. В 1539 г. просьба соловецких монастырских властей была исполнена [3]). Особенно разрослось хозяйство соловецкой вотчины при игумене Филиппе Колычеве (в мире Федоре Степановиче), ставшем игуменом в 1546 г. [4]). По характеристике „Соловецкого Летописца", игумен Филипп был не только „добрый пастыр словесных овец", но и „мудрый эконом и механик обители своей [5])". Прежде всего, он твердо продолжал политику своих предшественников по укрупнению владений соловецкого монастыря по морскому берегу, где соловецкие угодья были разбросаны в перемежку с черными землями. Под предлогом нужды в средствах на постройку каменной церкви („ставят они церковь каменну, а от монастыря де у них с острова лес вышел, и у них де на церковное строенье лесу нет")... монастырские

чих тел, коробья соответствовала двум четвертям XVI в. Московская четверть XVI в. равнялась 3 1/2 пуда, следовательно, коробья заключала в себе 7 пудов. (Проф. А. И. Никитский „К вопросу о мерах в древней Руси"—журн. Мин. Нар. Просв. 1894 г., апрель, стр. 378–383).

[1]) Соловецк. арх. „Отводная запись" 1514 г.

[2]) „Соловецкий Летописец". Рукоп. сборн. в библ. б. Каз. дух. акад., № 483, л. 29 об.–30.

[3]) Цит. рук. соловецк. сборн. № 18, л. 39 об.– 40 об., Досифей, III, стр. 1—3.

[4]) В одной из ред. „Соловецк. Летописца" начальным годом игуменства Филиппа считается 1542 г. (№ 483, л. 29 об.).

[5]) Федор Степанович Колычев, будущий Филипп оказался в Соловках в 1537 г., 30 лет от роду, родился он в 1507 г.—„Соловецкий Летописец", (печатн. изд. 1833 г. М., стр. 22). Как рассказывает его „Житие", на благочестивого Федора произвели сильное впечатление слышанные им в церкви евангельские слова о невозможности работать одновременно двум господам, одним глазом смотреть на небо другим на землю. Но и помимо этого религиозного побуждения у молодого Колычева были и другие, менее возвышенные, но не менее сильные и убедительные соображения именно в этом году бежать на далекий север, в монастырь, расположенный „на краю вселенные, во окиянстей пучине" Бежал Федор, по всей видимости, весною или летом 1537 г., так как осенью и зимою студеное „море-окиян" делает сообщение с островом невозможным. Именно в это время была произведена попытка восстания в пользу Андрея Ив. Старицкого, дяди малолетнего Ивана (будущего „Грозного"). Андрей уехал из Старицы 2 мая 1537 г. к В. Новгороду, повидимому, с целью стать во главе своих сторонников и недовольных правлением временщиков Елены Глинской, но был скоро схвачен и заключен в тюрьму. Все его сторонники, которые „его душу знали", подверглись пытке, казни и ссылке. Пострадал ряд новгородских помещиков, которые в назидание были повешены по дороге из Москвы к В. Новгороду на некотором расстоянии друг от друга (Соловьев „История России с древн. времен", кн. II, т. VI, гл. 1, стр. 10 и 11). Род Колычевых был замешан в дело Андрея Ивановича, некоторые члены его понесли суровую кару. Трое родственников Федора Колычева были казнены, а дядя Иван Иванович Умный подвергся опале к заключению, из которого он вышел только по смерти Елены и падения Овчины Телепнева Оболенского. Разумеется, при таких обстоятельствах, сыну „препосита, любимого некогда в. князем и сподобленного государевы благородные чести", оставаться в „пресловущем граде Москве" было рискованным...

власти просили царя Ивана Васильевича отвести для соловецкого монастыря две деревни в Выгоозерском погосте: одну при устьи р. Колежмы а другую просто Колежму. В обоих этих деревнях числилось 9 обеж угодий и 8 варниц и с них шло ежегодного оброку 32 гривны „в новгородское число". Кроме того, монастырю отдан был в пользование островок на р. Суме, в Сумской волости с тремя непашенными дворами. В 1550 г. монастырь получил просимые угодья, несмотря на то, что в это время проводилась политика ограничения вотчинного монастырского землевладения [1]). В 1551 г. монастырь просил у Ив. Вас. Грозного „государеву" деревню Сороку при устьи р. Сороки у моря [2]). Мотивы для такой просьбы были по тому времени достаточно убедительными. В Соловках вспомнили, что здесь, в Сороке, скончался при церкви св. троицы, старец Савватий. Когда останки последнего были перевезены на соловецкий остров, церков в Сороках „запустела" и „лет с сорок" стояла „без пенья" и „пустою". Соловецкий монастырь из своих наличных средств не мог организовать отправление богослужения в этой церкви, по сему и обратился к правительству за помощью. Была отдана монастырю и Сороцкая деревня с двумя жильцами (Сенька Мартьянов и сын его Федька), с пахатной землей (полторы коробьи) и сенными угодьями (50 копен); по писцовым книгам Юрья Конст. Сабурова пахотной земли и угодий в Сороцкой деревне числился 1 лук или обжа. Тогда же к Сороцкой церкви на речке Сороке был дан „безоброчно" ез в рыбной ловле [3]). Таким образом, нижнее течение р. Выга целиком оказалось во владении соловецкого монастыря. Несколько позднее соловецкий монастырь еще более округлил свои земельные угодья. В 1555 г., в связи с отменой льготной беспошлинной торговли солью—до того времени соловецкий монастырь мог беспошлинно продавать 10 тысяч пудов соли—ему было предоставлено в Спасском погосте, на Выгоозере, у моря, на Суме реке и на морских островах: 26 деревень, 77½ луков угодий и 33 варницы [4]). В том же 1555 г., по завещанию Ивана Васильевича Полева, к монастырю отошло с. Пузырево с 20-ю деревнями в Бежецком верху, в Мещерском стану на речке Корожесте. Сошной пашни насчитывалось в Пузыреве с деревнями—соха без четверти [5]).

Все названные выше приобретения и развивавшаяся соляная торговля давали возможность игумену Филиппу заняться оборудованием самого монастыря. Источники начало строительных работ в соловецком монастыре относят к 1552 г. [6]). В первую очередь начата была постройка каменной успенской церкви, братской „трапезы" и келарни. Над церковью был построен придел „Усекновения главы Иоанна предтечи", а над „трапезою" колокольня (малая), под алтарем и под церковью просвиренная, под „трапезою" погреба—хлебный и квасный, а под келарней—хлебная и мукосейная службы. Все это громадное сооружение (цер-

[1]) Цит. рукоп. соловецк. сборн. № 18, л. 51—52; Досифей. III. стр. 17—20.

[2]) Река Сорока по одним картам (Шуберта, IV и Ст. Ком.) составляла один из рукавов Выга; второй рукав назван р. Шижмой. По другим картам (Опермана, XXVI) картина получается другая. Рукава Сороки нет, а вместо него показан пролив, соединяющий реку Выг с Белым морем к востоку от нее отделяется р. Шижма, образуя остров, на котором и помещались д. Сорока или Сороцкая. (Огородников, цит. соч., стр. 77).

[3]) Цит. соловецк. рукоп. сборн. № 18, л. 52 об.—53 об. 53—55; Досифей, III, стр. 21—23.

[4]) Цит. сол. рукоп. сборн. № 18, л. 43—48, 160—167.

[5]) Подлинная грамота на с. Пузырево сгорела в Москве в пожар 1626 г. (см. об этом в отводной книге крепостной казны старца Саввы Обрютина 1653 г. Соловецк. арх). В сол. архиве сохранилось несколько копий с этой грамоты; Иван Полев купил с. Пузырево в 1519 г. у кн. Андрея Дмитриевича Ростовского (отводная запись А. Д. Ростовского Ив. Вас. Полеву от 7027 г., там же); Досифей, III, стр. 23—25.

[6]) „Соловецкий Летописец". Рукоп. сборн. № 483, л. 30—31 об.

ковь, трапеза и келарня) занимало 82 кв. саж. (кроме паперти). В 1558 г. стали строить на погребах каменную соборную церковь Преображения с двумя приделами внизу и четырьмя вверху на сводах по углам. Постройка эта была сопряжена со значительными трудностями. За известью снаряжались целые экспедиции (чуть ли не по 15 „людей“) на Двину [1]). „Для монастырского церковного строения и городового дела“ монастырь получил от правительства специальною грамотою пустую землю на р. Двине, в 30 верстах повыше Холмогор, на Орлеце, между деревнями Панилово и Ступино „камень белый известный ломати и лес на дрова сечи и известь жечь“ [2]).

Особенно заботился игумен Филипп Колычев о хозяйственных улучшениях соловецкой вотчины, затрачивая для этой цели даже свои личные средства. Так, напр., на собственные средства он провел воду из Пертозера в монастырское, так наз. „Святое“ озеро, издержав на это 40 руб. На свои же средства Филипп соорудил каменную пристань на Заяцком острове и два пруда на морском берегу. В самом монастыре были выстроены мельницы и к ним специальными каналами была проведена вода из 52 озер. За монастырем был сооружен двор и кирпичные заводы („печи и анбары“). Последовали при Филиппе усовершенствования и в технике кирпичного производства. До того времени глину копали рабочие, которые и мяли ее под кирпич, теперь же ее стали выпахивать при помощи вола, мять лошадьми, а на постройку церкви кирпичь, известь и всякий другой строительный материал начали доставлять посредством специального блока, приводимого в движение впряженными в ворот лошадьми... Были усовершенствования и в способе изготовления кваса. Раньше квас варили и сливали в „тшаны“ несколько человек („вся братия и слуги многие изо швален“); теперь для этого дела требовался только один „старец“ да 5 человек служащих—они же и сливали квас. Посредством специальных труб квас сам сливался со всех „шанов“, а потом по трубам проводился в погреб и расходился в бочки. Произошли изменения и в мукомольном деле. Вместо прежнего ручного способа подсевки ржи были введены специальные приборы. Была „наряжена“ особая телега, которая сама насыпается, да и привезетца, да и сама высыплет рожь на сушило. Раньше рожь подсевала братия ручным способом, Филипп „доспел севальню“, значительно ускорившую процесс работы: „десятью решеты один старец сеет“. Такие же усовершенствования были проделаны и в способе просевания муки и крупы. Благодаря предприимчивому игумену „доспели“ решето, которое „само сеет и насыпает, и отруби и муку разводит розно, да и крупу само же сеет, и насыпает и разводит розно крупу и высейки“. Для веяния ржи были сооружены специальные мехи, которые приводились в движение ветром на мельницу. На лучшую ногу было поставлено и скотоводство. Были заведены на острове олени, увеличилось количество рабочего скота: лошадей и волов, прибавилось количество коров. На Муксальмском острове (в 10 верстах от монастыря) был сооружен специальный скот-

[1]) Одна из таких экспедиций была разбита бурею на море. Среди погибших находились канонизованные впоследствии монахи Вассиан и Иона и бельцы-послушники Иоанн и Логгин. Тела первых двух прибило волною в рога Унской губы, в Пертому, а вторых в Яренгу. (Рукоп. соловецк. сборн. в библ. б. Казанск. дух. акад., №№ 189, л. 1 и след., 947; №№ 183, л. 74 об.—75. № 189, л. 69). В том и другом месте позднее монастырь пытался организовать свои колонии.

[2]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 80—81; на эти угодья претендовали и Ступинские крестьяне, которые в 1639 г. сумели было на время отнять их у монастыря (Ibidem, л. 386—387), но после продолжительного судебного процесса, уже в 1691 г. монастырь отстоял эти угодья.

ный двор. На самом соловецком острове, через леса, горы и болота были проведены и прочищены дороги. В связи с увеличением количества голов скота были заведены новые сенокосные пожни: сена прибавилось более 1½ тысячи копен. Много внимания уделял Филипп и жилищному вопросу в монастыре. Между монастырем и конюшенным двором был сооружен острый тын, приделаны ворота, поставлены новые кельи: четыре избы великие новые и клетки (чуланы). В жилых кельях стали появляться стекольные узорчатые разных цветов („с круги и каймами") окна. Монастырские тиуны и доводчики были обеспечены определенным жалованьем из монастырской казны; был заведен штат разных служащих лиц („слуг нарядных"). Поднятие материального благополучия монастыря сказалось на улучшении питания братии. Существовавшую до того простоту в пище сменила некоторая изысканность „для утешения братии, а паче для подкрепления немощнейших". Прежние невзыскательные блюда сменили „шти с маслом" и разные „масляные приспехи". Появились блины, пироги, оладьи, крушки рыбные, кисель, яичница. В монастырь стали ввозить огурцы и рыжики. Прежнюю простую, незатейливую и несложную столовую посуду сменила более роскошная и, даже, серебряная: кувшины, стопочки, чарочки, ковшики и др. Много уделял внимания хозяйственный игумен организации монастырских промыслов. При нем, как мы уже упоминали, монастырь приобрел волость Колежму, где вскоре же была организована монастырская варница (о двух ценах); такая же варница была заведена в Солокурье на Луде. С именем игумена Филиппа связано заведение железного промысла, расчитанного на обслуживание монастырских варниц [1]). Заново был отремонтирован монастырский двор в Новгороде. („Палаты поделывал, своды сводил"), да другой такой же двор был поставлен в Суме [2]). Панегирист Филиппа по поводу его хозяйственной деятельности говорит так: „горы великие прекопа и удолия избразди и воду текущи от езера в езеро сотвори... и два источника сотвори и под монастырь во езеро проведе, в толчею же и мельницу ко успокоению братскому сотвори... палаты благостройны содела двоеровны и троеровны в соблюдение монастырских потреб"...[3]). Свои административно-хозяйственные способности игумен Филипп проявил и в организации управления монастырскими крестьянами: с его именем известны уставные грамоты крестьянам с. Пузырева (от 1561 г.) и Сумской волости (от 1564 г. [4]). Словом, Филипп перенес за ограду соловецкого монастыря, где еще не совсем изжиты были традиции и строгость нравов первых насельников острова, привычки и широкий размах жизни крупной боярской вотчины. Составитель „Соловецкого Летописца", большой поклонник деятельного игумена, рисует, сам не замечая того, простодушно, но в то же время выразительно, быт крупной вотчины, в которую превратился некогда смиренный „хиз" старца Зосимы и его „спостника" Аввы Германа.

---

[1]) Издатель „Соловецкого Летописца" архим. Досифей по этому поводу замечает, что железный промысел, заведенный игуменом Филиппом, есть ничто иное, как железный завод в Поморских монастырских вотчинах. Заботами монастырских настоятелей отыскиваема была железная руда и вырабатывалось хорошее железо, которого достаточно было на удовлетворение монастырских надобностей („Соловецкий Летописец", М. изд. 1833 г., стр. 32, примеч. 10). Но с этим заключением почтенного автора мы не можем согласиться, так как монастырь очень много покупал железа, в том числе и цренное, след., собственного железа монастырю не хватало.

[2]) „Соловецкий Летописец", Рукоп. сборн. № 484, л. 9—10 об.

[3]) Рукописн. житие митр. Филиппа в библ. б. Казанск. д. акад., № 191, л. 2 об. 3; ср № 194, л. 126.

[4]) См. „Акты арх. эксп.", т. I, №№ 258 и 268.

Хозяйство соловецкой вотчины при Филиппе Колычеве возросло значительно [1]).

Но этот рост оборвался в 1566 г., когда, в великий пост, Филипп был вызван в Москву на митрополию, а преемник и ученик Филиппа Паисий оказался во всех отношениях ниже своего учителя. Такое крупное явление в истории Московского государства XVI в., как опричина, хотя неоднократно привлекало внимание специалистов-исследователей, однако, и в настоящее время не может считаться достаточно хорошо освещенным и изученным. Ряд вопросов еще нуждается в выяснении и среди этих запутанных проблем из истории опричины мы считаем вопрос о роли Филиппа в первый момент появления его в Москве с соловецкого острова. Кем была выдвинута кандидатура представителя опальной фамилии на митрополичьий стол в такой серьезный политический момент, сказать, конечно, трудно. Предшественник Филиппа митр. Афанасий (раньше благовещенский протопоп и духовник Грозного), поставленный в митрополиты в 1564 г., через 2 года ушел с митрополичьего стола „за немощию велиею". Это обстоятельство особенных недоумений не вызывает, хотя „немощь" митр. Афанасия могла быть и дипломатическою. Но почему стали „понуждать" на митрополию соловецкого игумена, который еще до поставления, очевидно, очень резко поставил вопрос об опричине, это нуждается в разъяснении, тем более, что опричинное правительство могло иметь вполне покорного себе митрополита в лице какого-нибудь Пафнутия, архиеп. Суздальского, или подобного ему. Филиппа Колычева выдвигало на митрополию духовенство. В одном из источников официального происхождения по этому поводу сообщается следующее: „Лета 7074 г., июля 20-го, понуждал царь и в. князь Ив. Васильевич всеа России со архиепископы и епископы и с архимандриты и со всем собором.... игумена Филиппа на митрополию. И игумен Филипп о том говорил, чтоб царь и в. князь отставил опришнину; а не отставит царь и в. князь опришнины, и ему в митрополитех быти не возможно". Этот ультиматум

[1]) Чтобы судить об этом, следует сравнить монастырские описи 1514, 1566 и 1570 г.г. Мы не останавливаемся на описании церковного инвентаря, хотя и на основании изучения его можно было бы сделать соответствующие выводы. Обращаем внимание, главным образом, на хозяйство монастыря. Хлеба (ржи) в монастырских житницах было: в 1514 г. 500 коробей (1000 четвертей), в 1566 г. 5500 четвертей, в 1570 г. 4000 четвертей, круп ячменных и овсяных в 1566 г. 50 четв., в 1570 г. 90 четв., лошадей в 1514 г. 32 шт., в 1570 г. 71 шт. В 1566 г. на самом соловецком острове было 3 мельницы водяных. 1 толчея, 3 варницы с ценами, рыбная ловля велась 27 неводами на 4-х морских судах; кроме того, монастырь располагал пятнадцатью совершенно оборудованными большими и малыми карбасами. В 1570 г. на острове снаряженных лодей насчитывалось почему то только 7. Отводная 1566 г. дает возможность нарисовать приблизительно верную картину и состояния монастырского хозяйства в разных угодьях в Поморьи Напр., в Пияле монастырь имел 1 црен и 27 неводов тони; в Анзерах, на Золотицком берегу и в Варзуге 30 тоней; существовали рыбные ловли в Кильбоострове (сетьми), на р. Выгу („езом и трема поезды"), у Золотца (невод. „вопче"). В Вирме существовал монастырский двор, где отмечено 20 лошадей, ценов здесь было 4, тяглого населения 13 человек, угодий 2 лука, сена косили 400 копен, из них половина шла на монастырь; оброку на монастырь шло 40 алт. В Суме также был монастырский двор, угодий было 4 лука, 2 водяных мельницы, тяглого населения 4 человека. Жита засевалось на лук по коробье, сена косили 20 копен. Оброку в монастырь шло 2 р. „московских". В Шижне, Сухом-Наволоке и в Островке насчитывалось 13 луков, 20 человек тяглых „жильцов". оброку шло по 1 р. с лука. На Двине монастырской земли насчитывалось 30 веревок на 6 человек тяглого населения. Оброку в монастырь с Шижмы, Сухо-Наволока и с Двины шло ежегодно 17 р. и 7 алт. без 2-х денег. В 1566 г. монастырь отправлял в Вологду для торговли два насада с солью. (Отводные переписные 1514, 1566 и 1570 г. в соловецк. архиве). Веревка, как поземельная мера в Двинском крае, равнялась двум третям десятины в одном поле (Проф. А. И. Никитский. „К вопросу о мерах в древней Руси". Цит. соч. Журн. Мин. Нар. Просв. 1894 г., апрель, стр. 411).

привел Грозного в гнев, так что понадобилось специальное челобитье архиепископов и епископов „о его царьском гневу". Грозный „гнѣв свой отложил" и поручил передать Филиппу, чтобы и он свои требования „отложил", и „в опришнину и в царьской домовой обиход не вступался, а на митрополию бы ставился". Филипп должен был дать специальное обязательство, скрепленное подписью присутствовавших при этом архиепископов и епископов, в том, что он соглашается на митрополию, в „опришнину" и в „царьский домовой обиход" вмешиваться не станет и впоследствии не будет оставлять митрополию „из-за опришнины". Можно судить уже по этому, как остро обстоял вопрос с предоставлением митрополии Филиппу. Если, „отлагая" свой гнев на нареченного митрополита, Грозный делал некоторого рода уступку высшему духовенству, то несколько обрисовываются те группы, которые проводили Филиппа на митрополию. Это—те, которые так или иначе были задеты опричиной и мечтали о том, чтобы разбившаяся на двое Русь снова „соединилась бы воедино, как преже того было". Для них Филипп был, разумеется, самым желательным кандидатом [1])... Более желательного и подходящего представителя не могла выставить в эпоху опричины и церковь, на феодальные права которой покушалась опричина также, как и на княженецкие и боярские. Если принять во внимание, что с официальными верхами церковного мира опричинное правительство не церемонилось, расправляясь с ними очень жестоко,—как и с остатками светских феодалов, то организация самообороны со стороны церкви в 1566 г. представлялась делом, не требующим отлагательства. Возможно, что в это время снова поднимался вопрос о церковных и монастырских вотчинах. Филипп—родовитый человек по происхождению, по положению популярный игумен уважаемого монастыря, в своем лице представлял весьма удачное сочетание элементов светского и церковного феодализма. Само собою понятно, что верхи опричинного мира были раздражены избранием Филиппа в митрополиты, тем более, что последний не мог быть пассивным зрителем боярских опал и казней. В 1568 г. представитель опального рода Колычевых был „ругательно" низложен с митрополии, и изгнан из Москвы в Тверской Отрочь монастырь. Опала постигла и место недавних подвигов митр. Филиппа—соловецкий м-рь. Как место „порубежное" и „украинное", соловецкий м-рь внушал опричинному правительству опасения, особенно в виду обострившихся отношений со Швецией: еще свежо было воспоминание об „измене" кн. Курбского [2]). Наш источник по данному вопросу досадно краток. Из него мы только узнаем, что в 1568 г. в соловецком

[1]) В своей „Истории великого князя Московского" А. М. Курбский, перечисляя жертвы Грозного во время опричины, называет среди них и „погубленный" род Колычевых „мужей светлых и нарочитых в роде, родоначальник которых Михаил, муж „светлый и знаменитый" выехал в свое время из немецкой земли. В качестве причины постигшей род Колычевых гибели Курбский указывает счеты Грозного с митр. Филиппом: „а побил их тое ради вины, иже разгневался зело на стрыя их Филиппа архиепископа, обличающа его за презлые беззакония". („Сказания кн. Курбского", Н. Устрялова, изд. 3-е, СПБ. 1868 г., стр. 94—95). Среди Колычевых, жертв опричины, Курбский называет Ивана Борисовича Колычева. („История в. князя Московского", стр. 95). В синодике царя Ив. Вас. Грозного под № 31 поставлен Андрей Колычев. Устрялов предполагает, что он был из фамилии Колычевых-Немятых. („Сказания князя Курбского", стр. 383, примеч. 94). Пострадал от опричины и окольничий Василий Григорьевич Колычев (Синодик, № 18 „Сказания кн. Курбского", стр. 378, ср. „Древняя Вивлиофика", XX, 56), среди жертв ей названы Тимофей и Венедикт Колычевы (Синодик, № 83, стр. 391).

[2]) В соловецкий м-рь в 1560 г. был сослан в заточение известный протопоп Сильвестр, окончивший там свои дни, „любимый, уважаемый" Филиппом, добавляет Карамзин („История Госуд. Росс.", т. IX, гл. II, стр. 54—изд. 1843 г. СПБ.). Может быть это обстоятельство и заставило опричинное правительство прибегнуть в 1568 г. к „обыску" соловецкого м-ря, хотя нам неизвестно, был ли Сильвестр в это время в живых.

м-ре была ревизия („обыск“) в связи с делом опального митрополита. Ревизию производил архиепископ Суздальский и Торусский Пафнутий, кн. Василий Темкин, архим. Московского Андрониковского м-ря Феодосий и дьяк Дмитрий Пивов[1]). Не рассказывая о сущности возведенных на Филиппа обвинений, „Соловецкий Летописец“ дает понять, что против Филиппа на Соловках образовалась недовольная партия, и возглавил эту партию совершенно неожиданно ученик и преемник Филиппа—Паисий. „Клеветники“ были взяты в Москву, чтобы там на месте дать показания против бывшего игумена. Однако, антифилипповская группа в соловецком монастыре была, надо полагать, незначительною; сторонников опального митрополита было больше. Этим естественнее всего объяснять гнев Грозного, простершийся на весь соловецкий монастырь „из-за митроп. Филиппа“. Были вытребованы в Москву 10 опальных старцев во главе с монахом Зосимой, но о дальнейшей участи их мы сведений не имеем[2]).

Разгром крупной пограничной вотчины, имевшей помимо промыслового и торгового еще важное стратегическое значение, не входил в расчет опричинного правительства. Посему, после жестокой расправы с ненавистным митрополитом в Тверском Отрочьем монастыре и ссылки на Валаам игумена Паисия (последнему не помогла коварная политика по отношению к своему предшественнику!), на Соловки был послан игуменом монах Кирилло-Белоозерского м-ря Варлаам. Это было или в 1569 г.[3]), или в 1571 г...[4])

---

[1]) Подобным же образом рассказывает и А. М. Курбский: „Посылает (Грозный) по всей святорусской земле ласкателей своих скверных, тамо и овамо рыщуще и обтичующе, аки волцы растерзатели от прелютейшего зверя посланные, ищуще и набывающе на святого епископа изметных вещей; лжесвидетелей же многими дарами и великих властей обещаньми, где бы обрести могли, тамо и овамо обзирающе, со прилежанием изыскуют“... („История князя великого Московского“, гл. VIII—„Сказания“, цит. сборн., стр. 102).

[2]) Знаем только то, что в 1582 и 1583 г.г. Грозный дал в соловецкий м-рь „по опальных соловецких“ вклад на поминовение, как ценными вещами, так и деньгами („Соловецкий летописец“). Архим. Досифей опале царя Ив. Вас. Грозного на м-рь и высылке в Москву 10 опальных монахов дает другое объяснение. Грозный будто бы скоро узнал о правоте Филиппа и простер свой гнев на клеветников и на весь соловецкий м-рь, откуда враждовавшие против Филиппа монах Зосима и другие 10 человек взяты были к суду в Москву. Игумен Паисий был сослан на Валаам, а другие разосланы под „начал“ в разные монастыри. (Досифей, цит. соч., I, 80). Можно, конечно, понять основания такого утверждения, но нельзя согласиться с ним. Посмотрим, как рассказывает об этом обстоятельстве рукописный „Соловецкий Летописец“, еще не подвергнувшийся литературной обработке архим. Досифея. В 7076 (1568) г. в сентябре был о Филиппе митрополите обыск. Тогда же игумен Паисий и прочие клеветники на Филиппа были взяты на следствие в Москву. Того же года 9-го января Филипп митрополит из соборной церкви с престола своего и из Москвы ругательно изгнан и заточен в град Тверь в Отрочь м-рь. 7077 (1569) г. за него митрополию простерся государев гнев на весь соловецкий м-рь, из коего в опале взяты к суду монахи Зосима с товарищами 10 человек. 7078 (1570) г., декабря 23-го дня. Филипп митрополит в заточении скончался насильственно от Малюты Скуратова, и погребен был в том же Отрочи монастыре. Если бы в 1569 г. обнаружилась невиновность Филиппа, если бы Грозный действительно почувствовал „угрызения совести“ и поэтому наказал „клеветников“, то трагический исход для Филиппа 23-го декабря 1570 г. вряд ли был бы возможным. Высланные в Москву опальные 10 монахов нам представляются скорее сторонниками Филиппа, чем его „клеветниками“. Среди них Паисия летописец не называет. Паисий был выслан на Валаам позднее несколько и, возможно, в связи с личным раскаянием. („Соловецкий Летописец“, рукоп. № 484, л. 10 об. - 11).

[3]) „Соловецкий Летописец“, рукоп. № 484, л. 11.

[4]) Строев, цит. соч., стр. 816.

Глава вторая.

Со второй половины XVI ст. соловецкий монастырь приобретает значение русской крепости. В 1571 г. на открытом море „на голомяни", близ соловецких островов, были замечены шведские („немецкие") военные корабли. С каким намерением они здесь оказались, установить не удалось, но самый факт их появления внес переполох в м-рь. В Москву было послано специальное донесение: „в немецком деле" ездил туда строитель Меркурий [1]). Имеются сведения, что для наблюдения за „немецкими" кораблями приезжал на Соловки из Москвы Семен Лупандин [2]). Можно думать, что „свитцкие немцы" и „амбурцы" повторили свои рекогносцировки у соловецких островов. Эти разведки монастырские власти готовы были рассматривать, как признак готовящегося набега на соловецкий монастырь, поэтому и писали в Москву, что „хотят приходить к соловецкому м-рю войною и на все поморье свитцкие немцы и амбурцы". В ответ на это в августе 1578 г. из Москвы был отправлен в соловецкий монастырь Михайло Озеров и с ним четыре человека пушкарей, десять стрельцов, сто „ручниц" (ружей), пять затинных пищалей. Кроме того, с Вологды были отправлены на Соловки две полуторные пищали, да две девятипядных и к ним по двести ядер. С Вологды же были отправлены на Соловки четыре человека пушкарей, да 115 пудов „зелья" (пороху)... Озеров по прибытии на Соловки должен был сделать укрепление („острог") возле м-ря и „расписать" по острогу, по башням и по воротам людей, для чего следовало „прибрать" в стрельцы из монастырских крестьян 90 человек, да 5 человек в затинщики. Острог надлежало делать „вскоре", не ожидая прибытия „немецких людей". Согласно полученной инструкции, Озеров должен был не только защищать м-рь, но при первой возможности „от острогу на немецких людей приходить и над немецкими людьми промышлять, посмотря по тамошнему делу" [3]). В 1579 г. деревянный острог возле монастыря был построен и вооружен девятью пушками, а для защиты острога в том же 1579 г. были наняты стрельцы и казаки в числе 150 человек [4]).

В 1579 г. „каянские немцы" сделали нападение на Кемскую волость разорили ее. В Маслоозерской волости произошел бой между русским отрядом (под командой Озерова) „и немецкою ратью". Набранные наспех и необученные стрельцы оказались плохими воинами. Русская рать потерпела поражение, а Мих. Озеров был убит. Озерова сменил воевода Андрей Загряжский, который должен был набрать новый отряд стрельцов: 50 человек из казенных крестьян и 50 из монастырских. Этот отряд следовало обучить военному делу. Летом отряд должен был защищать

[1]) Соловецк. арх. „Книга казначея старца Архиппа прихода и расхода 7079—7083" (1571—1575) г.г.

[2]) Досифей, I. стр. 81.

[3]) Цит. рукоп. соловецк. сборн. № 18, л. 61—62; Досифей. III. 30—31; „Акты археогр. эксп.", т. I, № 301, стр. 367.

[4]) Из приходо-расходной книги солеовцкого м-ря за 1579 г. видно, напр., что десяти стрельцам, нанятым на лето, м-рь платил всем вместе 15 р., другой партии в 14 человек за тот же срок надо было 11 р. 20 алт. 10 д. Позднее, в XVII в. стрельцы, стоявшие в Сумском остроге и несшие городовую службу в самом м-ре, получали от м-ря определенное жалованье. В 1580 г. воеводе Оничкову дано было на стрельцов с монастырских волостей 100 р. В том же году Оничкову на керецких стрельцов дано было 8 р., а с Кемских угодий на стрельцов 10 р. Кроме того, м-рь должен был нанимать стрельцов от себя. Напр., 10 человек стрельцов нанято было на год с Покрова 1580 г. до Покрова 1581 г. за 27 р. 50 к., след., каждый стрелец обходился в год 2 р. 75 к. Иногда удавалось нанимать и дешевле. Иванко Кондратов (из Вирмы) был „поряжен" в стрельцы за 2 р. в год. (Сол. арх. Расходная книга за 1580 г.).

монастырь, а зимою выезжать не берег для сторожевой службы близ шведского рубежа: в поморских волостях Коле, Керети, Кандалакше и нек. др. В 1579 г. в пограничной Ругозерской волости был построен „острог", где засел воевода Киприан Владимирович Оничков. 24 декабря того же года трехтысячный отряд „каянских немцев" непрерывно, в течение трех дней и трех ночей, делал приступ на этот острог, но взять его не смог. Мало того, Киприан Оничков, сделав вылазку, разгромил „немецкий" отряд, убил двух воевод и захватил „язык в" с оружием (с щиты и самопалы). Таким образом, Оничков, хотя сам был дважды ранен, сумел отстоять, как острог, так и монастырские и черные „государевы" волости. Это обстоятельство, оценивалось в Москве, как крупная победа [1]).

Как видно из оффициального донесения Оничкова в Москву (в 1581 г.), положение русского военного отряда на шведском рубеже было затруднительным. Стрельцов, прибылых и посошных людей для острожной „поделки" велено было Оничкову брать с местных волостей, но оказывалось, что те волости „от прихода немецких людей" оскудели и укреплять острог исключительно силами населения поморских волостей было невозможно. Собранные (в количестве 100 человек) стрельцы „розбрелися розно", так как их нечем было содержать. Но из Москвы в том же 1581 г. (грамота датируется 31 июля) еще раз напомнили Оничкову, чтобы он „оберегал" соловецкий монастырь и поморские волости от прихода немецких людей „колко бог помочи подаст"; при этом с ним, Оничковым, должны были находится слуги, стрельцы соловецкого монастыря и крестьяне поморских казенных волостей [2]). В 1582 г. для защиты соловецкого монастыря от вторжения „немецких" людей прибыл из Москвы боярский сын Иван Иванович Окучин, принявший в свое ведение монастырское крепостное сооружение [3]). Таким образом, репутация соловецкой вотчины, как надежной пограничной крепости, защищавшей Московское государство со стороны северного шведского рубежа, устанавливалась достаточно прочно. Содержание в боевой готовности крепости и стрельцов вносило в монастырский бюджет довольно ощутительную статью расхода, но, с другой стороны, роль соловецкого монастыря, как пограничной крепости, давала ему значительное преимущество в процессе его экономического роста, в частности, в процессе освоения русского Поморья. Трения между соловецкой вотчиной и опричинным правительством в связи с делом митрополита Филиппа, со смертью последнего, улеглись. Пришлось смягчить политику по отношению к северной русской крепости... Монастырь снова получил право выбирать игумена „из сущих между себе". Правда, преемник Варлаама Иаков прибыл на игуменство из палеостровского монастыря, но он был учеником Филиппа и занял место по избрании братии, о чем не преминул упомянуть соловецкий летописец. Грозный, точно сознавая свою вину перед врагом опричины бывшим соловецким игуменом, старается загладить прежние свои действия щедрыми вкладами (в 1582, 1583 и 1584 г.г.), как по наиболее видным жертвам опричины, так и, вообще по погибшим от его руки. [4]) Соловецкая вотчина могла торжество-

[1]) Цит. рукоп. сол. сб. № 18, л. 65—66; Досифей, III, стр. 31—32, „Акты арх. эксп.", I, № 303, стр. 368.

[2]) Цит. рукоп. соловецк. сборн. № 18, л. 65; ср. л. 66—67; „Акты арх. эксп." т. I, № 310, стр. 374.

[3]) Цит. рукоп. солов. сборн. № 18, л. 67; Досифей, I, стр. 83.

[4]) Среди этих жертв на первом месте поставлено имя в. князя Ивана Ивановича, убитого в ноябре 1581 г. (Соловьев „История Росс. с др. вр.", изд. „Общ. Польза" кн. II, стр. 323-324), затем идут кн. Владимир Андреевич с матерью (ibid. стр. 171—173), кн. Петр Михайлович Щенятьев (ibid., стр. 167). Общим именем „опальных соловецких" названы пострадавшие от опричины в связи с делом митрополита Филиппа монахи со-

вать победу над опричиной. Несколько демонстративным представляется нам перевезение останков умерщвленного Скуратовым митр. Филиппа из Тверского Отроча монастыря на Соловки. Ведь, это происходило в 1581 г., когда был еще жив официальный творец опричины.

Соловецкая вотчина, ставши крепостью, должна была поддерживать свою боевую мощь и в последующее время, так как в монастырские волости „от свейских украинных немецких людей приходы живут частые зимою и летом",—жаловались в Москву соловецкие монастырские власти... При Грозном, как мы уже упоминали, возле монастыря наспех был сделан деревянный „город" (крепость), оказывавшийся недостаточным при существовании „огненного боя". Посему уже в 1584 г. по указу царя Федора Ивановича, было положено начало постройке каменной крепостной стены. Эта постройка производилась на монастырские средства и силами монастырских крестьян. В конце 70-х годов на монастырские-же средства был сооружен острог в Суме [1]). Всех угодий за соловецким монастырем к последней четверти XVI ст. насчитывалось 40 обеж; [2]) с них монастырь и должен был нести острожное „государево дело", т.-е. строить и чинить крепосты, покупать снаряды и содержать стрельцов, пушкарей и затинщиков. Во внимание к этой важной государственной службе, грамотой царя Федора Ивановича (от 11 авг. 1584 г.), соловецкий монастырь был освобожден от уплаты со всех 40 обеж (и с монастырского двора в В. Новгороде)—посошного хлеба, ямских, приметных и полоняничных денег и от несения других повинностей [3])... К концу XVI ст. почти весь Беломорский край составлял „вотчину" соловецкого монастыря, поскольку военная защита Поморья тяжелым бременем ложилась на соловецкий монастырь,—не даром монастырские власти все время жаловались на это—естественно было стянуть разрозненные волости и погосты к одному административному центру. Только в некоторых районах на ряду с соловецким монастырем выступают и другие владельцы [4]).

ловецкого монастыря. Вклады эти были довольно значительными. По царевиче Иване Ивановиче было дано 700 руб., собольий мех с бобровым ожерельем (воротником) и красный бархат с золотом, по кн. Владимире Андреевиче с матерью 200 р. по Петре Михайловиче Щенятьеве 200 р., по соловецких „опальных" в 1582—1583 г. 100 р. и ряд драгоценных вещей: кубок с серебрянной крышкой, золотой крест, 20 серебренных стаканов, собольий мех и нек. др. вещи; в 1584 г. по новгородских опальных дано было 1100 р. денег. Таким образом, только деньгами монастырь получил в три года 2300 р. („Соловецкий летописец, печатн. изд. 1833 г., стр. 40-41).

[1]) В писцовых книгах Андрея Васильевича Плещеева и подъячего Семена Кузмина (1583 г.) Сумский острог описывается таким образом: „Поставлен острог косой через замет в борозды, а в остроге стоят шесть башен рубленых. Под четырьмя башнями подклеты теплые, а под пятою башнею поварня. А в остроге храм Никола чюдотворец, да двор монастырский, а на дворе пять житниц, да за вороты две житницы, да у башенных ворот изба с клетью и 3 сенми, а живут в ней острожные стражи. Да в том же остроге поставлены для осадного времени крестьянских теплых шесть подклетов, а на верху клетка, да девятнадцать житниц. А поставил острог игумен своими однеми крестьяны для осадного времени немецких людей приходу" (Соловец. арх.).

[2]) „Акты арх. эксп.", т. I, № 323, стр. 383—4.

[3]) Цит. рукоп. сборн. № 18, л. 67 об.—68.

[4]) Напр., в Умбе соловецкий монастырь столкнулся своими интересами с Кирилло-Белоозерским. Соловецкий монастырь энергично осваивал разными способами угодья в Умбе в 60—70 г.г. XVI ст., посему еще при Грозном (в 1574 г.) вспыхнула распря между обоими монастырями из-за пользования рыбными угодьями. Спор был разрешен только в 1586 г. уже при царе Федоре Ивановиче. За соловецким монастырем было признано право на владение („в вотчину в прок") четвертою частью волости Умбы; это составляло 10½ луков с оброком в пользу казны 25 р. в год. (Цит. рукоп. сол. еб. № 18, л. 77, —79; л. 91—93). В р. Выгу в Золотце, под порогом, соловец. монаст. имел тони „вопче" с „вяжецкими" (Вяжецким монастырем), по Летно-рецкому и Золотицкому берегу соловецкие угодья были перемешаны с „кирилловскими" и т. д.

В конце XVI ст. соловецкая вотчина снова должна была пережить опустошительный набег шведских отрядов. В 1590 г. проникший на русскую территорию шведский отряд разорил поморские соловецкие волости, начиная от Умбы, Керешь и Кемь, а в 1592 г. шведские отряды выжгли монастырские волости и соляные промысла вплоть до Сумского острога [1]). Русский источник передает об этой „войне каинских немцев" в общих только словах: „воеваху Немцы Каинские подле моря Студеного и к Соловецкому монастырю подхождаху и сташа под острогом Сумским и многие беды крестьянам деяху. Царь же Федор слыша крестьяном от Немец гонение и посла в Соловецкой монастырь воевод своих князя Андрея да князя Григория Волконских да с ними голов Второво Акинфеева да Елизарья Протопопова со многою ратию. Они же приидоша в Соловецкой монастырь: остался в монастыре князь Андрей Волконский, а князь Григорей же пойде с ратными людми под Сумской острог и, пришед, многих немецких людей побиша и наряд поимали и острог Сумской очистиша; а сам прииде в Соловецкой монастырь. Те же немцы, собрався, приидоша в Печенской монастырь и монастырь разориша и церкви божие пожгоша и игумена и братию побиша и казну монастырскую поимаша. Князь же Григорей Волконский, собрався с ратными людми и пойде в Каинскую землю и Каинскую землю воева и многие места разори и в полон многих людей поима и в Соловецкой монастырь прииде с великим богатством" [2]). Шведские источники рисуют некоторые подробности этого похода. Поход начался в 1590 г. и первоначально носил характер крестьянского набега на порубежные русские волости. Крестьяне шведской провинции Остерботнии, под предводительством Везайнена, перебрались через Лапландские горы, напали на Печенгский монастырь, разорили его и осадили Колу. Взять острог они не смогли и скоро ушли назад. В 1591 г. шведы предпринимают ужеболее организованный поход к Коле под предводительством Ханса Ларсона. Как цитированный нами русский источник, так и шведский, вполне согласно говорят о том, что русские воеводы, братья Волконские, приостановили продвижение шведов, разбив их (Гр. Волконский) под Сумским острогом. Однако, осенью 1591 г. шведы снова предприняли поход к Белому морю под командой Петерсона (сына

[1]) По данным шведских источников, шведский поход к Белому морю в 1590—1592 г. не был простым набегом с целью грабежа. Этот поход стоит в связи с балтийской политикой Швеции, отодвигавшей Московское государство от выходов к морю. Походу к Белому морю предшествовало построение в 1590 г. крепости Оулу. В королевской инструкции предводителю беломорского похода Петру Багге от 18 июля 1590 г. сказано, что Петр Багге, собрав войско, должен итти мимо озера Улео к Белому морю, причиняя неприятелю наибольший вред и урон, грабя и сжигая все, что можно. Предписывалось взять, разграбить и, если можно, сжечь город (Staden) Сумы, а также острог (Fräslott) возле этого города. Если пришлось бы в походе зазимовать, то Багге должен был укрепить Сумский город, приспособив его для обитания войска. Из Сумского посада шведский отряд должен был итти к Холмогорам, стараясь о наибольшей добыче мехами и другими ценными предметами, независимо от того, кому они будут принадлежать: русским или иноземцам. Предписывалось Багге захватить все суда, которые попадутся ему в Белом море, французские, английские и др. и, посадив на них шведов, стараться отыскать лучшие гавани, где бы эти суда могли безопасно прозимовать. Между рождеством и сретеньем Багге должен быть итти в Кексгольм, разоряя по пути неприятельскую страну, уводя население и захватив скот, а оттуда в Ингерманландию для соединения с главным шведским отрядом. Во время своего пребывания на русской территории, у Белого моря, Багге обязан был тщательно исследовать и разведать все местности с торговыми городами и гаванями на Белом море и на севере на тот случай, чтобы, если не состоялся бы в ближайшую зиму мир с Россией, весною овладеть ими и тем легче добиться для шведского короля своих выгод и пользы (Инструкция шведского короля Петру Багге в русском переводе, напечатана в „Чтениях в общ. ист. и древн. Росс.", 1894 г., III, стр. 13—14).

[2]) „Новый Летописец" („Полное собр. русских летописей", изд. археогр. комм., т. XIV, первая половина, стр. 44).

Петра) Багге. Последний не отважился вступить в бой с Гр. Волконским, так как у Багге было не более 1500 человек войска—крестьян пехотинцев, а у Волконского до 5 т. конницы, бывшею частью из татар. Только военные отряды, подоспевшие из южных финляндских областей, заставили Г. К. Волконского отступить... В августе 1592 г. начались мирные переговоры между Россией и Швецией на р. Плесе, а в январе 1593 г. заключено было длительное перемирие, перешедшее в мирный договор при Тявзине в мае 1595 г. [1]).

Наши источники рисуют печальную картину разорения той части Поморья, где прошли шведские отряды. Несколько ниже мы увидим, насколько пострадали от „немецкой войны" Кемская и Подужемская волости, Пебоозеро и Маслоозеро. Можно указать случаи, когда шведский отряд сметал целые поселения. Такая участь постигла, напр., „крещеную" и „некрещеную" лопь, обитавшую по „лешим озерам" на Лук-озере, Топ-озере, Куйт-озере, Кевят-озере и Ведим-озере. Эта „лопь" составляла 20 веж, с населением 24 человека и с угодьями в количестве 20½ луков. В 1591 г. описывавший Кемскую и Подужемскую волости Семен Юренев, под непосредственным впечатлением виденного мог сказать, что „те лопские вежи и луки все запустели от немецкой войны, лопари побиты, а иные в полон поиманы" [2]). В Вирме и Сухом Наволоке крестьянские дворы, хлеб, соляные варницы, рыбные ловли, лошади, всякий скот и сено неприятельские отряды выжгли, население истребили или взяли в плен. Уцелевшие и оставшиеся в живых крестьяне „для голоду" разбежались [3])...

Такому же разорению подверглось население и др. Беломорских волостей, о чем свидетельствуют, как русские [4]), так и шведские источники [5]).

Указывая на „немецкую войну", как на один из главных факторов разорения Беломорских волостей, мы, однако, не забываем и ряда других обстоятельств, влиявших на это разорение. Дозорщик Василий Огалин, отмечая в 1574 г. запустение Керецкой волости, говорит: „а запустели в Керецкой волости дворы и места дворовые пустые и тони и варницы и всякие угодья от лета 7076 (1568) году от лихово поветрея и от голоду и от басаргина правежу и от двинского иску" [6]). Эта фраза почти бук-

[1]) „Чт. в общ. ист. и др. Росс.", 1894, III, стр. 12—13.

[2]) Книги Кемские отд. Семена Юренева..., ср. цит. рук. солов. сб. № 18, л. 122 об. — 123.

[3]) Ibidem, л. 127 об.—130; Досифей, III, стр. 59—63.

[4]) Напр., на сильное разорение Керети и Ковды указывали в своей челобитной в Москву „воеванные досталные люди" названных волостей, испрашивая себе в 1590—1591 г.г. льготы на 2 года в торговых пошлинах и земских повинностях. („Акты археогр. экеп.", т. I. № 347, стр. 419—420).

[5]) В донесении своему правительству о походе к Белому морю в 1591 г. Свен Педерсон, сын известного уже нам Петра Багге, сообщает, что отправились они, шведы, в поход из Улео 7 сентября, а 12-го числа уже были в неприятельской стране. 22 сентября шведские отряды подошли к городу (sic!) Великие Сумы и выжгли его до основания, потом направились к другому городу (!) Вирме, сожгли до основания и его, а оттуда продвинулись к третьему городу, в 6 милях от Сум, называемому Квинна Ниме (Quinna Nime), который также сожгли до основания. От Квинна Ниме пошли к „Свику" (Выг.?) в 5 милях от Квинна Ниме, сожгли и этот город. От „Свика" шведский отряд направился к Кимену (Chimen, по всей видимости,—Кемь) в 10 милях от Свика 28 сент. шведский отряд сжег и „Кимен". На Белом море шведский отряд захватил 2 судна, нагруженные семгой. Здесь же отряд разрушил до 14 варниц и столько же соляных амбаров, наполненных солью, до самой крыши, разбил на мелкие куски железные сковороды (црены), сжег несколько тысяч ластов заготовленных для варниц дров и испортил все рыбные промыслы, где только они ни попадались... (Доношение Свена Педерсона о походе к Белому морю в 1591 г. Улео, 19 января 1592 г.—русский перевод в „Чт. общ. ист. и древн. Росс.", 1894 г., кн. III, стр. 14—16).

[6]) „Список с писцовых книг письма и дозору Василья Огалина, да подъячего Степана Федорова 7082 (1574) году. (Соловецк. арх.).

вально повторяется и другими писцами и дозорщиками, когда они пытаются выяснить причины запустения в 70 годы XVI ст. и других Беломорских волостей. Чтобы понять ее следует, хотя бы приблизительно, установить размеры описываемого дозорщиками 70 годов запустения названных волостей. Например: в той же Керецкой волости, в 1563 г., когда ее „дозирал Яким Романов, да Микита Пятутин, числилось 60 крестьянских дворов в „живущем"; в 1571 году, во время дозора этой волости Третьяком Зайцевым, в ней отмечено только 19 дворов „живущих", следовательно, „убыло из живущего в пусто" с 1563 г. по 1571 г. 41 двор. Сопоставляя ряд данных, мы можем с полною уверенностью сказать, что наиболее тяжелым для Беломорского населения были 1568—1570 г.г.[1]). „Немецкая война" 1590—1592 г.г. лишь довершила начавшийся уже раннее процесс.

Пришло в разорение и хозяйство соловецкой вотчины, главным образом, соляная промышленность. Реставрировать варницу, при несложном ее устройстве, большого труда не составляло, хуже обстояло дело с убылью населения, „оскудением" лесов и хлебною „дороговью". В своих челобитных в Москву соловецкие старцы жалуются, что монастырские соляные угодья запустели, так как „леса высекли" и „варить соль стало нечем". Между тем, монастырские расходы не только не сократились, но, напротив, склонны увеличиваться: со своих 40 обеж угодий, разбросанных в разных местах Поморья, монастырь должен был строить у себя „каменный город", соорудить и содержать в боевой готовности острог в Суме, содержать на своем жаловании стрельцов и отправлять некоторые государственные повинности. В 1590 г. (15 мая) соловецкие старцы, указав на испытываемые монастырем материальные затруднения, просили правительство „пожаловать придать к их монастырской вотчине в Выгоозерском стане, у моря пустую волостку Нюхчу и Унежму, которые оказывались смежными с расположенными здесь соловецкими участками, а других владельцев, кроме соловецкого монастыря в данном районе в то время не было. Просимые волостки с соляными варницами, с рыбными ловлями и со всеми угодьями были отданы монастырю „в вотчину" на льготных началах во всяких „податех" на 2 года от дня благовещенья 7099 года до дня благовещенья 7101 года (1591—1593 г.[2]). В следующем 1591 г. монастырь еще более округлил свои владения в Беломорском крае, получив по жалованным грамотам царя Федора Ивановича „в вотчину в прок" всю Кемскую и Подужемскую волости, Пебоозеро и Маслоозеро „со крестьяны и дворовые месты, соляными варницами и с рыбными и со зверовыми ловлями, и с лесы, и с пожнями, и с морскими тонями, и с ле-

[1]) Поставив „Басаргин правеж" и связанные с ним двинские иски по их разрушительному действию на ряду с немецкою войной, лихим поветрием и голодом, наши источники не находят нужным обрисовать этот „правеж" более или менее обстоятельно. Кроме частых указаний писцовых книг на печальные следствия этого „правежа", у нас имеется только один оффициальный памятник фискального рвения Басарги. От 7078 (1570) года сохранилась (подлинник и копия) „отпись", в которой сказано, что „по государеву наказу Басарга Федоров сын Леонтева взял на соловецкого монастыря крестьянех Сумские волости у старосты у Ивана у Федорова сына Шетны, да у Семена Гаврилова сына Попова, да у Филипа у Степанова сына Тинды.... и у всех крестьян Сумские волости исцовых исков двинян Истомы Бачюрина с товарищи и боярских пошлин и царевых в. князя прогонов двесте девяносто рублев денег их жеребья. Да у них же взято в исцовые иски с монастырских же луков соловецкого монастыря с варзузских с полутретьятцати луков и сполу луком и с рыбной ловли десять рублев денег". (Соловецк. арх. Связка купчих, вкладных, духовных и др. грамот и документов XVI в.). Цитируемый источник показывает, что „Басаргин правеж" простирался и на соловецкие монастырские волости, тем более, что он происходил в период „опалы", тяготевшей над соловецкою вотчиной.

[2]) Цит. рукоп. соловецк. сборн № 18, л. 105 об.—106; Иванов П. „Описание госуд. архива старых дел", 238.

шими озеры, и со всякими угодьи, и с тамгою, и с рыбною десятиною". По реке Кеми, как можно было видеть, соловецкий монастырь еще раньше имел угодья. Ряд купчих, данных и записей „по душе", имеющихся в архиве соловецкого монастыря показывает, что проникший на р. Кемь еще в XV в., соловецкий вотчинник деятельно продолжает колонизовать этот район и в последующее время. Особенно значительное количество приобретений соловецкого монастыря в Кемской волости падает на 60—70-е годы XVI ст. Монастырь разными долями (1/4 лука, 1/2 лука, максимум 1 1/2 лука), всевозможными способами приобретает себе угодья „на Кеми реке". В результате этого, к 90-м годам половина Кемской волости фактически находились в руках соловецкого монастыря. В Москве смотрели на колонизационный процесс соловецкой вотчины снисходительно. В связи с повторявшимися нападениями шведских отрядов на северно-русские области решено было построить ряд острогов. Соловецкий монастырь, также заинтересованный в надлежащей защите своих владений, мог оказать правительству существенную услугу. В частности, это можно было сказать относительно района реки Кеми. Кемская волость находилась в незначительном расстоянии от соловецкого острова: „за шестьдесять верст"—по словам одной монастырской челобитной. Защищенная надлежащим образом она могла задерживать продвижение неприятеля к соловецкому острову. Посему монастырь построил заставы по р. Кеми и поставил в них „от приходу немецких воинских людей" сторожей, которые несли свою службу в продолжение целого года. Так как в распоряжении монастыря была только одна половина Кемской волости, а другая относилась к разряду государственных земель, то на почве организации обороны происходили частые недоразумения и конфликты между соловецкими властями и волостным миром: волостные крестьяне не только не соглашались взять на себя часть расходов по сооружению названных застав, но и препятствовали постройке их. В результате этого „немецкие люди" могли проходить войною „безвестно" и беспрепятственно (так, действительно, и было в 1590 г.). Чтобы устранить на будущее время повторение подобных печальных явлений, монастырь шлет в Москву специальную челобитную, в которой просит: 1) разрешить ему в Кемской волости „крепости всякие поделати, и заставы и сторож держати", 2) вместо отводимой монастырю всей Кемской волости полностью, взять в казну двор соловецкого монастыря в В. Новгороде на Загородной улице с каменною палатой и фруктовым садом, дающим ежегодно дохода 70 р. и больше. Челобитная соловецкого монастыря была принята благосклонно. В 1591 г., в июне месяце, на имя игумена Иакова последовала грамота, передававшая в ведение монастыря и вторую половину Кемской волости, под условием: платить оброчные деньги (134 р. 24 алт. 1 д.) в Москве в чети дьяка Андрея Щелкалова ежегодно „безпереводно", а в Кемской волости „всякие крепости поделати, и острог зделати, и людей ратных из монастыря туто устроити для немецких воинских людей прихода, и заставы учинити крепкие, и чтоб в приход воинских Немецких людей сидети было безстрашно".. Кроме того, крестьяне Кемской волости должны были выполнять некоторые государственные повинности (ямская гоньба [1]).

Строго говоря, в предоставлении соловецкому монастырю Кемской волости со стороны правительства особой жертвы не было: она перешла к монастырю в крайне разоренном состоянии. По данным прежних писцовых книг (Пятого Карташова да Василия Морева—1553 г.), в Кемской

[1]) Цит. рукоп. соловецк. сборн. № 18, л. 119—122; Досифей, III, стр. 55—59; „Акты археогр. эксп.", т. I, № 353.

волости до „немецкого разорения“ 1590 г. было 96 живущих дворов, 146 человек тяглого крестьянского населения и 63 человека казаков; тяглых луков насчитывалось 85 с третью и полполтретью, пашни паханной 50 четей, сена выкашивалось 800 копен... В 1553 г. зарегистрирован был только один пустой двор. В 1591 г., при отводе Кемской, Подужемской, Пебоозерской и Маслоозерской волостей соловецкому монастырю, производивший этот отвод Семен Юренев рисует картину полного разорения этой волости. В его „отдельной“ книге мы читаем следующее: „Кемьская волость и церкви божии и двор монастырский и крестьянские дворы в 87 г., да в 98 г. от немецкой войны все пожжены, а хрестьяне побиты, а иные в полон поиманы. А которые крестьяне остались от немецкие войны, и те по своим дворовым местом живут в шалашех и в ослонех, а иные по своим дворовым местам избенца ставят“... При отводе Семен Юренев упоминает только о живущих дворовых „местах“, которых он на всю Кемскую волость насчитывает 52 и в них тяглого населения 64 человека, „живущих“ луков 37 и полполтрети лука, пашни паханной 15 четей и выкашиваемого сена 300 копен; „пустых“ дворовых мест 44, а запустевших луков 48 1/3. До „немецкой войны“ в Кемской волости было „живущих“ 20 варниц и 4 мельницы (пятая мельница была пустою). В 1591 г. этих „живущих“ варниц насчитывалось только 8, а остальные 12 варниц и 5 мельничных мест помечены пустыми. В Подужемской волости до „немецкие войны“ по писцовым книгам (Пятого Карташова—1553 г.). В „живущем“ было 26 луков без трети и 29 дворов. При передаче ее соловецкому монастырю в ней насчитывалось „живущих“ 15 дворовых мест, 15 человек населения и 14 1/3 лука. Остальное было „в пусте“. Волостка Пебоозеро до „немецкого разорения“ состояла (по писцовым книгам того же Пятого Карташова) из 6 1/4 луков „живущих“, 5 дворов и 12 человек тяглого населения. В 1591 г. в ней Семен Юренев обнаружил те же 5 дворов, 8 человек тяглого населения и 4 лука без четверти угодий... В волостке Маслоозеро до „немецкой войны“ было „живущих“ 11 1/2 луков, 15 тяглых дворов и 23 человека тяглого населения; в 1591 г. картина была несколько иная: живущих луков отмечено 7 без четверти, дворов живущих 9 и населения тяглого 12 человек [1]). По всей видимости, очень скоро после этого пожалованья соловецкому монастырю было предписано подыскать на р. Кеми подходящее место для сооружения острога „от немецких людей приходу“. Место такое было отыскано: на острове Лепе, находившемся почти на средине реки, в том месте, откуда начинаются пороги [2]). Острог предположено было сделать по образцу Сумского. Был уже заготовлен лес для постройки; был снят план острова и отослан в Москву. Но совершенно неожиданно из Москвы последовало распоряжение (видимо, в связи с перемирными переговорами со Швецией) временно приостановить постройку [3])...

В 1595 г. во владение соловецкого монастыря был передан Ницкий берег, простиравшийся в длину 5 верст и расположенный в 2-х верстах от Куйского монастырского усолья. По словам челобитной игумена Иакова, берег этот в то время был пустым и по писцовой книге кн. Василия Звенигородского не был, „написан ни к которому стану“ и „к волости не

[1]) Книги Кемские отделу Семена Юренева 99 (1591 г.) ср. цит. рукоп. соловецк. сборн. № 18, л. 122 об.—123.

[2]) Остров Лепа находится против Быкова наволока, на расстоянии 130 сажен от него; с другой стороны, до Никонова наволока — расстояние было 150 сажен и с третьей стороны — до церковного острова расстояние составляло 200 сажен. (Описание делаем по источникам XVI в., „Акты арх. эксп.“, т. I, № 359, стр. 439 и нек. др.).

[3]) Цитир. рукоп. соловецк. сборн. № 18, л. 130 об.—131; „Акты арх. эксп.“, т. I, № 359, стр. 439.

приписан". Названное угодье привлекало внимание соловецких старцев своими сенокосами, которые можно было бы использовать для пастбища лошадей, обслуживавших Куйское усолье. Произведенная Архангельско-холмогорского города воеводою (Розгильдеем Любочаниновым) проверка подтвердила справедливость показания игумена Иакова: берег оказался действительно „лежащим в пусте, в порожих землях", и монастырь получил просимое [1]). С исключительною энергией ведется освоение монастырем угодий по Золотицкому берегу [2]), в Кехоцкой волости [3]), в Турчасовском уезде в Заонежских погостах [4]) и т. д. Трудно казалось бы находить какую-нибудь закономерность в каждом отдельном случае приобретения монастырем иногда весьма микроскопической доли згодья земли, рыбного „еза" и т. д., где он оказывался „вопче" с другими такими же мелкими дольщиками, но, в конечном результате, к концу уже XVI ст. предприимчивый соловецкий вотчинник оказывается владельцем значительных латифундий. Только изредка, отдельными оазисами в монастырские владения остаются вкрапленными угодья самостоятельных владельцев, доживающих последние дни и нуждающихся в „дозоре" сильных соловецких старцев, которые могут „поберечь" их и „от худа человека", и от напрасного дела, ссудить в минуту жизни трудную деньгами и, даже, хлебом.

Укрепляя Сумский и Кемский остроги, соловецкий монастырь обстраивался и сам [5]). В свое время мы упоминали, что возле монастыря

[1]) Цит. рукоп. соловецк. сборн. № 18, л. 137 и об.; 188—189.

[2]) „Русск. историч. библ.", т. XIV, ч. II, стр. 252 и след.

[3]) Ibidem, стр. 6—9.

[4]) Колонизация Заонежья соловецким монастырем начинается очень рано. Первый из известных нам случаев покупки монастырем земли у крестьян, напр., Пияльской волости, в Пияле у варницы датируется 1519 г., именно: Юрий, Семенов сын, продал старцу Мисаилу (сол. монастыря) 2 шестых жеребья полосок в д. Олутинской (сол. арх., связка купчих, данных вкладных и др. гр. XVI в.). Накануне в. московской смуты, при царе Борисе, во Владыченской, Городецкой и др. волостях за соловецким монастырем числилось 30 обеж. Кроме того, на р. Онеге за соловецким монастырем была $\frac{1}{4}$ оброчного еза, остальные $\frac{3}{4}$ были за Владыченскими и Городецкими крестьянами. В 1601 г. тот оброчный ез взял полностью на себя крестьянин Парфенко Шарков и дал „наддачи" 1 р. (за весь ез с наддачею он платил 5 р.). Монастырь стал жаловаться в Москву, и ез снова был распределен повытно и пообежно между сол. монастырем и волостными крестьянами, но уже с „наддачею". В эпоху в. московской смуты волостные крестьяне Баженко, Иванов сын, Галецкий и тот же Парфенко Шарков вновь сделали попытку выжить соловецкий монастырь с рыбных промыслов на р. Онеге, увеличив оброк с четверти монастырского еза до 40 алт. 10 д. ежегодно. Три года монастырь выплачивал увеличенный оброк (1610—1612 г.г.), так как политическая анархия в Москве и отсутствие устойчивой политической власти делали обжалование поступка волостных крестьян невозможным. Но как только установилось некоторое подобие твердой власти, монастырь немедленно шлет челобитную воеводе кн. Дм. Пожарскому с жалобой на самоуправство турчасовских крестьян. Кн. Дм. Пожарский „с товарищи" в ответ на это „били челом" Каргопольскому воеводе Алексею Ив. Зюзину о снятии оброка сверх положенной нормы, буде у названных турчасовцев нет законных оснований для увеличения оброка (специальной грамоты). Монастырь победил. Главный его противник Парфенко Шарков вскоре постригся в том же сол. монастыре, а его деревня попала на оброк монастырю. Недоразумения из-за рыбной ловли между крестьянами и сол. старцами продолжались и позднее. В 1626 г. крестьяне поставили новый ез на Онеге реке под своею волостью и, т. об., переняли ход у прежнего еза, где монастырь имел свою четверть. Начался судебный процесс, в результате которого в 1631 г. из Москвы последовало распоряжение сломать „этот новый ез, возникший „самовольством". (Сол. арх.).

[5]) Чтобы монастырь легче и скорее мог оправиться от разорения и соорудить укрепления ему самому и монастырским крестьянам была предоставлена пятилетняя льгота (с 1593 по 1598 г.), т.-е. с монастырских вотчин постановлено было не взимать дани и оброку, а с 6 соляных насадов и 3 дощанников и с провозимых в монастырь хлебных продуктов пошлин и налогов (цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 127—130; „Акты арх. экеп.", I, № 355, стр. 429, Досифей, III, 59—63). Правительство помогало монастырю и обеспечить остроги артиллерией. В 1593 г. в Сумский острог из Холмогор по специальной государевой грамоте были отведены две медные полуторные пушки и к ним 200 железных ядер, 10 штук ручниц (ружей). 11 пудов пороху, 20 пудов с лишним свинцу, бочка пороху в 10 пудов. („Соловецкий Летописец").

начата была постройка большой каменной стены. К 1594 г. эта стена была уже закончена. Специальная комиссия, прибывшая из Москвы (во главе с Ив. Яхонтовым) освидетельствовала постройку и распорядилась о наборе для несения караульной и всякой другой службы людей из монастырских волостей. По своей прочности и монументальности соловецкая монастырская стена до сих пор вызывает удивление. Она вся сооружена из натурального неотесанного дикого серого большого и среднего[1]) камня, имеет вид несколько растянутого кольца с восмью высокими башнями и таким же количеством ворот. Окружность этой стены равняется 509 обычным саженям. Для XVI—XVII в. такая стена—первоклассное укрепление[2]). Инженерную работу по сооружению этой крепости-стены вел простой монах соловецкий постриженник Трифон. В 1601 г. пожаром были уничтожены монастырские мельницы и житницы с хлебом. Но теперь возводятся уже не деревянные, а каменные постройки. Так, напр., в 1602 г. выстроены были каменные переходы от соборной преображенской церкви к трапезе успенской церкви. Посредине этих переходов (близ никольской церкви) была построена каменная двухэтажная палата, нижний этаж которой был отведен специально для хранения военного снаряжения (своего рода крепостной арсенал!), а верх для церковной утвари. В том же 1602 г. было сооружено у паперти соборной церкви каменное здание для монастырской библиотеки[3]). Но строительные работы в соловецком монастыре временно задержались пронесшимся над русскою землей революционным вихрем, который, разразившись бурею в русском центре, отозвался смутными событиями и на окраинах, в том числе и на русском севере.

Кризис русского народного хозяйства второй половины XVI в., вызвавший запустение целого ряда центральных русских уездов, коснулся и Поморья уже потому, что хозяйство Руси XVI в. вышло из рамок феодальной замкнутости и становилось единым. Уже в 60—70-е годы XVI ст. в Беломорском крае мы наблюдаем мобилизацию земельных и соляных владений. Соловецкий монастырь концентрирует в своих руках, как земельные, так и другие угодья; на ряду с этим в соловецкой вотчине растет число безземельного крестьянского пролетариата, занятого на монастырских варницах и других „службах". Но разорение крестьянского хозяйства на крайнем русском севере вызвано было, как мы могли уже заметить, и другими внешними обстоятельствами: набегом, „свейских немцев". Великая московская смута начала XVII ст., будучи русским явлением по существу, будучи следствием глубоких экономических, социальных и политических явлений всей предшествующей жизни Руси XVI ст., в значительной степени осложнилось иноземным вмешательством с одной стороны Польши и Литвы, с другой—Швеции. Как „украинное" и „порубежное" место, соловецкая вотчина в эпоху в. московской смуты не могла оставаться в стороне от водоворота политических событий того времени. Военные действия России против Швеции закончились мирным договором у Тявзина близ Ивангорода 18 мая 1595 г. После долгих

---

[1]) Есть камни длиною в 10 аршин и более, в толщину до 7 четвертей. все камни были искусстно подобраны, плотно приложены друг к другу; пустое пространство заполнялось малым камнем с прибавкой кирпича. Поверхность стены с амбразурами выложена из кирпича и малых камней с растворенною известью. Амбразуры прямые и узкие, приспособленные только для выстрела из пушки. В башнях круглые бойницы в 3—4 яруса. (Архим. Мелетий. „Историческое описание ставропигиального соловецкого монастыря", М. 1881, стр. 81—82).

[2]) Даже более усовершенствованная английская артиллерия не могла в 1854 г. повредить эту стену.

[3]) „Соловецкий Летописец". (Печатное изд. 1833 г., стр. 49).

взаимных препирательств, русские дипломаты отстояли Корелу, затем обе стороны договорились относительно вольной торговли между подданными обоих государств. Был регламентирован способ и порядок взимания дани с лопарей: лопари, жившие вблизи Варанги, должны были тянуть данью шведскому королю, примыкавшие же к Корельской земле, к Двинской и к Коле, должны были платить дань в. князу московскому [1]). Русские дипломаты должны были пойти на такой договор, так как возможность Польско-Литовского и Шведского союза в это время еще не исключалось. Скоро обстоятельства изменились. В Швеции образовалось свое правительство—дяди польско-литовского короля Сигизмунда Карла; Сигизмунд был лишен права на шведский престол, и наступившая вслед за тем борьба между обоими правительствами польско-литовским и шведским значительно ослабила силы обоих противников. Московская дипломатия старалась использовать выгодным для себя образом создавшееся положение вещей: признавая законным правительство Карла, Москва заставляла быть уступчивее польско-литовских дипломатов, и, наоборот, возможностью союза с Польшей и Литвой делала сговорчивее и обходительнее шведское правительство. Если Речь Посполитая была бессильна собственными средствами удержать за собою Лифляндию, то и Карл шведский не надеялся без посторонней помощи защитить Лифляндию от поляков [2]). Само собой понятно, что, как Швеции, так и Польше и Литве вовсе не безразличным было, кто сидел в данный момент на Московском престоле [3]).

В январе 1605 г., за несколько, след., месяцев до воцарения Названного Дмитрия в Москве, новгородский митр. Исидор в специальной грамоте в Соловецкий монастырь на имя игумена Антония о ежедневном молебствии в монастыре по случаю войны царя Бориса Годунова с самозванцем, рассказав весьма подробно всю историю самозванца, предписывает прочесть присланную грамоту „всем во всеуслышание“ и самозванца „изменника и преступника креста христова и еретика и отметника и поругателя христианские веры, ростригу Гришку—проклять „соборне, всенародне“ и также „всенародне и соборне проклять“ и советников самозванца, внушивших ему такое „злое умышление“ и сдавших ему города... [4]) Мы не знаем, выполнили ли или нет соловецкие старцы предписание своего митрополита, но несколько позднее, в июле месяце, тот же игумен Антоний, быть может и анафематствовавший Григория Отрепьева в январе—феврале месяцах, будучи в Москве „на монастырской службе“, спешит выразить свои верноподданические чувства новому правительству. Вместе с монастырским старцем Протасием игумен Антоний купили за 70 руб. золотистого атласа и за 30 руб. 40 соболей и тот атлас и соболи „несли государю царю и в. князю Дмитрию Ивановичу всеа Руси“. Точно также купили они за 10 р. камку багрову куфтер и за 20 руб. 40 соболей и эти камку и соболи несли государыне царице и в. княгине иноке Марфе Федоровне. Купили названные лица две пары соболей

---

[1]) Соловьев. „История Росс. с др. вр.“, кн. II, т. VII, гл. III, стр. 586—587.

[2]) См. письмо д-ра Вильямса Брюса к лорду Солисбюри из Данцига, сент. 5, 1607 г. („Старина и Новизна“, кн. XIV, стр. 259).

[3]) Вполне естественно поэтому выборгский наместник Арвид Тенесон, после дошедших до него слухов о гибели Названного Дмитрия, от имени своего правительства выражал опасение: намерено ли Московское правительство и на будущее время сохранять действующий договор со Швецией. Еще более вырисовывается суть дела после того, как мы узнаем, что тот же шведский наместник обещает от имени своего правительства притти на помощь с большим войском тому, кто имеет право на Московское царство и кто согласен сдержать заключенный мирный договор. („Старина и Новизна“, цит. т. XIV, стр. 269).

[4]) „Акты арх. эксп.“, т. II, № 29, стр. 81—84.

за 4 р. 20 алт. для подношения патр. Игнатию. Соответствующая мзда была дана и государевым певчим и дьякам. Тогда же монастырь поспешил переписать на имя нового государя важнейшие (в количестве семи) грамоты „прежних государей“ [1]). При царе Вас. Ив. Шуйском соловецкие монастырские власти, впрочем, исправили свою ошибку: переписали те же грамоты на имя нового царя; грамоты с подписью Димитрия, очевидно, были уничтожены, так как напоминание о них соловецким старцам особого удовольствия не доставляло; по крайней мере, нам эти грамоты не попадались.

Польско-литовское правительство, как это в исторической науке выясняется с достаточною степенью убедительности, еще со времени Названного Дмитрия активно проявило свое участие в московских событиях, вооруженные польско-литовские отряды составили боевую мощь и тушинского лагеря [2]). Швеция, встревоженная бесцеремонным вмешательством Польско-Литовского государства в русские дела, еще в 1607 г. стала предлагать свою помощь правительству Шуйского [3]). Но в Москве понимали, что на бескорыстную дружбу Швеции расчитывать не приходится, и поэтому медлили с ответом, надеясь на собственные силы.

В начале 1609 г. о шведской помощи пришлось подумать уже серьезно. В двадцатых числах февраля этого года был заключен правительством Шуйского договор со шведами, по которому Карл IX обязался отпустить в помощь Шуйскому 2 тысячи конницы и 3 тысячи пехоты наемного войска и еще несколько войска сверх сего. За это Шуйский за себя и за своих преемников, отказывался от вековых претензий России на Ливонию и должен был заключить вечный союз против польско-литовского короля. Кроме того, правительство Шуйского уступало шведскому королю „за его любовь и дружбу“ Корелу с уездом. Шведская дипломатия быстро усвоила основной аргумент Московской антипольской партии. Протестантское шведское правительство с самым серьезным видом заявляет, что оно посылает ратных людей в пределы Московского государства „пособлять за старую греческую веру“. Шведский воевода Исаак Бем даже счел необходимым обратится к соловецкому „болшому чернецу“ (игумену) Антонию и всей братии с назиданием быть верными законному правительству царя Шуйского, в противном случае, напоминает дальновидный воевода, „те литовских вам всем голово розбют“.., так как они („литовски“) „хотат выгонит тово грееского вера да убити вси русаки и подкладит себе вес руской земле“. Сообщив о том, что шведский король посылает русскому правительству помощь в борьбе с польско-литовскою опасностью, Исаак Бем советует игумену Антонию, воспользовавшись своим авторитетом, убеждать население держаться законного правительства В. И. Шуйского [4]). В таком же духе была составлена грамота Исааком Бемом к Сумскому воеводе [5]). Мы не знаем, какой ответ последовал со стороны соловецкого игумена и Сумского воеводы на грамоты шведского воеводы; даже затрудняемся сказать, был ли такой ответ дан вообще, но зато мы имеем непререкаемые свидетельства о том, что

---

[1]) Соловецк. арх. „Книги московские службы приход и расход игумена Антония да старца Протасья соловецкого монастыря 113 г.“

[2]) Об этом подробнее в нашей статье: „Польско-литовская интервенция в эпоху в. московской смуты“, во 2-м выпуске „Сборника историч., философских и соц. наук при Пермск. Государств. Университете“ 1927 г. (есть отд. изд.)

[3]) В феврале 1607 г. корельский воевода кн. Мосальский получил заверение от выборгского наместника о готовности шведского правительства прислать царю Шуйскому немедленную помощь против поляков (Соловьев, цит. соч., кн. II, стр. 847—849).

[4]) „Акты арх. эксп.“, т. II, № 108, стр. 208—210.

[5]) Ibidem, № 109, стр. 210—211.

монастырские крестьяне не особенно склонны были доверять бескорыстию намерений „свейских немцев“: еще свежи были следы их недавних набегов на монастырские волости. Когда правитель Улеа и Каянеборга вздумал было пробраться на соединение с главным воеводою шведских отрядов через монастырские волости, минуя обычный путь, чтобы скрыть, по его словам, от поляков размеры шведской армии на русской территории, волостные монастырские крестьяне разбежались, и воевода (Андрей Стиварт Ладик Луденский) и его товарищ (Ерик Харе) не могли добыть себе по дороге провианта до селения Чупы. Право въезда на русскую территорию союзному шведскому войску, естественно вызвало порубежные злоупотребления с обеих сторон. Указания на это можно видеть „в листе“ Улеаборгского и Каянеборгского воеводы. „Ваши люди и мужики, пишет он игумену Антонию, пришли в нашу землю и наших крестьян забили, и много деревень зажгли, и животины много отняли“... Посему названный воевода просит игумена Антония, „смирить тех мужиков и невелеть им ехать в шведскую землю“, угрожая в противном случае „короля землю заступать“ и „ехать“ в землю соловецкого монастыря [1]).

Получив в наследство от предшествующего царствования пустую казну, сильно нуждавшееся в деньгах и поэтому,—по меткой и образной характеристике современного литературного памятника, подобное „орлу бесперу и неимущу клева и ногтей“ [2]), правительство Шуйского обращалось за займами к крупным русским монастырям. Царская грамота по этому поводу игумену Антонию от 8 авг. 1609 г. сообщает, что „дворяном и детем боярским и всяким служилым людем на жалованье наша многая казна вышла, а которые монастыри в нашей державе, и у тех монастырей всякая монастырская казна взята и роздана всяким служилым людям на жалованье“. Указав не без особой цели на то, что в данный момент положение существующего правительства упрочилось (прибыли на помощь „датцкие, аглинские, шпанские, францовские, и свейские многие люди, крымские и нагайские мурзы и „нагорная и луговая черемиса“), царская грамота предписывает игумену Антонию: „а что в соловецком монастыре денежные всякие монастырские казны, или будет есть чьи поклажи, и вы б тотчас ту великую казну прислали к нам, к Москве, с казначеем или с соборными старцы, а нам та казна давати всяким служилым людем на жалование“. В заключение грамота добавляет, что деньги правительство берет заимообразно и обещает возвратить их, при лучших обстоятельствах, „вдвое“ [3]). С просьбой о присылке денег на „наем“ ратным немецким людем в том же 1609 г. обращался в соловецкий монастырь Михаил Вас. Шуйский. Монастырь исполнил требование правительства. Вскоре же в Москву было выслано 3150 рублей монастырских денег, 398 р. 25 алт. денег Печенгского монастыря,—„поставлены были... для бережения“ в соловецком монастыре, в виду близости к границе печенгского монастыря,—150 ефимков и серебрянная ложка. Кроме того, в В. Новгород, кн. М. В. Шуйскому было выслано 2 тысячи рублей монастырских денег [4]).

Но наемные шведские отряды оказались плохою поддержкой для правительственной армии. Не получив требуемого жалованья, шведское войско под Клушиным начало „сердитовати и умышляти“ [5]), часть шведских отрядов вступила в переговоры с польским гетманом Жолкевским. В результате

---

[1]) Ibidem, № 129, стр. 240—241.

[2]) „Иное сказание“—„Русск. Ист. Библ“. т. XIII, стр. 118.

[3]) „Акты арх. эксп.“, т. II, № 135, стр. 247—248

[4]) Цит. рукописн. соловецкий сборник №18, л. 200 об.—203; „Акты арх. эксп. “ т. II, №№ 144, 154.

[5]) „Новый Летописец“..., стр. 97.

всего этого русское войско оказалось разбитым, а вскоре затем печально закончил свое царствование и союзник Швеции В. И. Шуйский, вынужденный сменить венец и бармы Мономаха на скромное одеяние инока. Кандидатура на Московский престол королевича Владислава, на первых порах, видимо, примирившая враждующие классы Московского государства, уже осенью 1610 г. не встречала всеобщего сочувствия. Раскрывшиеся подлинные планы польско-литовской интервенции, снова оживили антипольскую партию в Москве и побудили ее энергичнее развить свою деятельность. Снова всплыл и „шведский вопрос". После того, как Москва присягнула Владиславу, шведская армия перешла русскую границу и заняла часть русской территории. В начале 1611 г. Делагарди продвигался уже к В. Новгороду [1]). Причины таких действий со стороны недавних союзников коренились не только в желании компенсировать войско за недополученное жалованье, но и в боязни усиления Польши за счет Московского государства. Одновременно шведские отряды стали нажимать и на северные окрайны России и, в первую очередь, под ударом оказались волости соловецкого монастыря, а затем и сам м-рь, как крепость. В феврале 1611 г. от Карла IX к соловецкому игумену Антонию была прислана грамота, о содержании которой мы можем догадываться по соответствующему ответу на нее (от 12 марта 1611 г.). Рассказав о вероломстве поляков, игумен Антоний сообщает, что патриарх разослал по всей Руси грамоты с увещанием „съезжаться к Москве ратным воинским людям и стояти и промышляти единомышленно на литовских людей." Об этом съезде игумен находит возможным говорить, как о совершившемся уже факте. Карл IX, очевидно, прямо или косвенно предлагал на Московский престол шведского королевича, так как игумен Антоний в своей ответной грамоте заявляет, что „собравшиеся под Москвою ратные люди „хотят выбирати на Московское государство царя и в. князя из своих прироженных бояр... а иных земель иноверцов никого не хотят". В заключение игумен Антоний прямо говорит, что у них, в соловецком м-ре, в Сумском остроге и во всей поморской области „тот же совет единомышленно: не хотим никого иноверцов на Московское государство... опроче своих прироженных бояр Московского государства" [2]).

Осада Кольского острога (весной 1611 г.) не дала желательных результатов: русский воевода, сделав вылазку, разбил и отогнал шведские отряды [3]). В качестве воздействия на непокорную соловецкую вотчину весною 1611 г. шведские отряды напали на монастырские волости и грозили оккупацией самому острову и м-рю. Был уже захвачен Куз-остров (в 30 в. от соловецкого), но, простояв на нем в течение лета, шведские отряды к осени удалились оттуда. Для защиты Поморья от шведских набегов на будущее время, в ответ на ходатайство игумена Антония, в Сумский острог были посланы „по приговору бояр" воевода Максим Васильевич Лихарев и стрелецкий голова Елизарий Денисьевич Беседново с отрядом стрельцов. Вместе с этим, предпринимаются попытки достигнуть соглашения со шведами и другим путем. Первая попытка в этом роде принадлежала первому земскому ополчению и, в частности, Ляпунову, а ближайшим поводом к завязке союза со шведами являлось продвижение к Москве Яна Петра Сапеги. По поводу кандидатуры шведского королевича на Московский престол в составе ополчения не было единодушия. „У Заруцкого же с казаками (выставлявшими кандидатуру сына Ма-

[1]) „Акты арх. эксп.", т. II, № 184.
[2]) Ibidem, №№ 173 и 180; Досифей, I, стр. 106—109.
[3]) Досифей, I, стр. 115.

рины)—бысть с бояры и з дворяны непрямая мысль," говорит по этому поводу осведомленный источник. Тем не менее было решено (очевидно, в одной части ополчения, при уклончивом молчании другой) просить на Московское госу́дарство королевича Филиппа. Для придания этому делу официального характера в В. Новгород было послано посольство в составе кн. Ив. Фед. Троекурова, Бориса Степан. Собакина и дьяка Сыдавново-Васильева [1]). Не без основания усматривают попытку мирного сближения со шведами в назначении воеводою в В. Новгород В. И. Бутурлина, проявившего благожелательное отношение к шведам еще во время пребывания Делагарди в Москве [2]). Но первое земское ополчение очень скоро распалось. Само собою понятно, отпадал, естественно, и вопрос о шведском королевиче. Вновь был он поднят уже в В. Новгороде, где на стороне Филиппа оказалась некоторая партия, гл. обр., из торговых людей, которую возглавили воевода Иван Никитич Одоевский и митр. Исидор. Для укрепления шведского влияния в В. Новгороде, Делагарди пришлось вступить в город (не без соглашения с Бутурлиным); тогда же был заключен Делагарди с Новгородцами договор, а королевичу Филиппу было предложено „ноугородцкое государство". В декабре 1611 г. к шведскому королю с соответствующим предложением было отправлено специальное посольство [3]). Хотя посольство было послано только в декабре, но еще 20 августа названный Сумский воевода Лихарев и стрелецкий голова Елизарий Беседново писали из Сумского острога шведским воеводам, что „бояре, и воеводы, и окольничие, и стольники, и стряпчие, и дети боярские и всяких чинов люди Московского государства избрали на Московское государство... свейского королевича Карлусова сына"... Возможно, что воевода и стрелецкий голова считают остающимся в силе соответствующее постановление первого земского ополчения, но, быть может, в данном случае мы имеем дело с дипломатическим приемом удержать шведов от продвижения на русскую территорию. Последнее предположение представляется вполне вероятным, если обратить внимание на заключительное слово цитируемого письма... В силу того, пишут Лихарев и Беседново, что „у нас с вашим королем доброе дело сталося," шведским отрядам не следует „итти войною" на Поморские волости. Поэтому шведские воеводы должны унимать своих ратных и порубежных людей, чтобы они с русскими людьми „не воевались и задору и смуты промеж государств никоторые не чинили". В качестве назидательной справки Лихарев и Беседново сообщают, что и русские ратные люди не прочь были выступить противу шведского задору и „итти войною" в шведскую землю и „воевать" шведских людей, но это было им запрещено, ввиду того, что между обоими государствами „доброе дело сталось" [4]). Не заверения Лихарева и Беседново, что между русским и шведским народом „доброе дело сталося" послужили для шведских пограничных отрядов „удерживающим началом" от „задоров" и вторжений в поморские волости, а Сумский гарнизон. Слабо защищенные места, напр., в Заонежьи находились под ударом. Были „повоеваны" волости: Ребола, Ровкула, Чолка, Котвас, озеро Тюжня, Ловут-остров, Лендеры, Вонгоры, Кимасозеро, Юшко-озеро. Была разорена шведами волость Толвуя (находившаяся во владении Вяжицкого Никольского м-ря). Приходилось Лихареву и Беседново отправляться на выручку Заонежья; не прекращались и пору-

[1]) „Новый Летописец", стр. 112.
[2]) Г. А. Замятин. „К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611—1616 г.)", Юрьев, 1913 г. стр. 14—15.
[3]) Ibidem. стр. 23.
[4]) Досифей, I, стр.110—112.

бежные недоразумения. Шведские пограничные власти жаловались соловецкому игумену на то, что будто бы русские люди приходили на шведскую территорию „войною", „побивали" шведское население и выжигали деревни. В свою очередь и русские воеводы в ответных грамотах указывали на то, что шведские вооруженные отряды в пограничных деревнях побивали русских людей, грабили их и брали в плен [1]).

Кандидатура шведского королевича не пользовалась популярностью [2]). Мысль о предоставлении русского престола шведскому королевичу, возникшая в минуту острой опасности со стороны Польши, не встречала решительного отпора со стороны вождей и нижегородского ополчения только по тактическим соображениям [3]). Если В. Новгород и мог еще в течение некоторого времени держаться кандидатуры королевича Филиппа, то Беломорский край и, в частности, крупная соловецкая вотчина, теснейшим образом связанные экономически с русским центром через Холмогоры, Устюг, Вологду и Ярославль, естественно, приняли участие в „совете всей земли"... избрать государя из своих „прирожденных бояр, а не из „иных земель иноверцов". Дошедшие до нас грамоты на имя соловецкого м-ря или по поводу его, вышедшие от „бояр и воевод и Дм. Мих. Пожарского с товарищи", составленные „по приговору бояр и воевод кн. Трубецкого и Пожарского", отчетливо рисуют политическую ориентацию крупной промысловой вотчины...

Московская смута с избранием в цари Михаила Романова фактически не закончилась. Помимо отдельных случаев „воровства", источники рассказывают нам о крупных волнениях казаков и боярских людей. Тревожным оказывалось положение на окрайнах. Ни шведы, ни поляки не могли примириться с тем обстоятельством, что из их влияния ускользала „Московия". Новому правительству приходилось вести борьбу, кроме фронта внутреннего, на двух фронтах внешних. Беломорский край так же оказался под ударом и одновременно с двух сторон. Прежде всего, мы должны отметить продвижение к „студенному" морю черкасс. Черкассы— украинские казаки, привлеченные на службу польско-литовскому правительству во время Московской интервенции. Когда в 1612 г. 21 авг. гетману К. Ходкевичу не удалось проникнуть в Москву, чтобы „укрепить запасами" осажденных польско-литовских людей, и часть его разносоставной армии была разбита Д. М. Пожарским и Д. Т. Трубецким, черкассы отделились от гетмана и от Москвы пошли по большой дороге в направлении к Вологде. Ряд крупных районов подвергся нападению черкасских отрядов: Вологда, Тотьма, Вельск, Сольвычегодск, Белоозерск, Тихвин, Каргополь, Турчасов, Холмогоры и ряд Беломорских волостей до Кандалакши. 6 дек. 1613 г. черкассы осадили Холмогоры. Только выстроенный в том же 1613 г. острог предохранил город от разгрома.

---

[1]) Ibidem, стр. 114—116

[2]) Противоположные суждения по данному вопросу высказывает Г. А. Замятин цит. соч., стр. 5; ср. его „К истории Земского собора 1613 года" („Труды Воронежского Госуд. университета", т III, 1926 г. стр. 1—62). Нам представляется, что названный исследователь преувеличил реальное значение кандидатуры шведского королевича (ср. „Отзыв о работе Г. А Замятина"—А. Гневушева в „Голосе Минувшего" за 1913 г. ноябрь мес, стр. 259 –260).

[3]) Несколько позднее, после очищения Москвы от поляков, московские воеводы говорили посланцу шведского королевича Дубровскому: „Тово у нас и на уме нет, чтоб нам взяти иноземца на московское государство и чтоб мы с вами ссылалися из Ярославля, и мы ссылались для тово, чтобы нам в те поры не помешали, бояся тово, чтобы не пошли в Поморские города, а ныне бог Московское государство очистил, и мы ради с вами за помощью божиею битца, итти на очищение Новгородцково государства": („Новый Лет." стр. 128—129).

После неудачной осады Холмогор, часть черкасов направилась вверх по Двине, а другая через Неноксу, Луду, Уну дошла до Сумского острога и дальше. Уцелел и Сумский острог, несмотря на продолжительную и несколько раз возобновлявшуюся осаду. От Сумского острога черкасы повернули в заонежские погосты, откуда, встретив противодействие со стороны „государевых ратных людей", направились на Олонец, где 4 февраля 1614 г. были разбиты „государевыми людьми" [1]). „Война от черкас" производила панику среди мирного крестьянского населения русского севера. Она произвела массовое запустение целых волостей. Современник замечает, что „такой от начала войны не быша, и русския люди не знаху, куда они (черкасы), ходиша". По его представлению, черкасы были неуловимы: „нигде же им шкоты не бяше". Черкаские отряды, как смерчь пронеслись над некогда оживленным северным уголком, опустошив „много земли" и разогнав население. [2]) Одновременно с этим на ряд поморских волостей претендовали шведы. Ссылаясь на давнишние обещания царя В. И. Шуйского и Мих. Скопина-Шуйского, шведское правительство требовало от России г. Корелу, Колу и Сумский острог. Разумеется, такая крупная аннексия могла быть разрешена не рядом частичных пограничных набегов, а длительными дипломатическими переговорами, к чему дело и клонилось [3]). Страшным опустошением сопровождался набег на Каргопольский уезд в 1619 г. полковника Яна Шиша „со многими польскими и литовскими людьми". Только за один этот набег, продолжавшийся четыре недели, в Каргопольском уезде запустело 163 с четью и полчети выти пашенной земли и убыло 773 тяглых человека, был скормлен молоченый и не молоченый хлеб, уведены лошади, выбиты коровы и овцы. По официальным данным, крестьянское население Каргопольского уезда во время этого набега частью было „посечено", частью „в полон сведено"; а много крестьян, „бегая от литовских людей позябло", а другие, успевшие „утечи по острошком одными душами и телом", разбрелися розно [4]).

Из всего сказаннного следует, что события смутного времени не могли пройти бесследно для хозяйственной деятельности крупной соловецкой вотчины. Несколько ниже мы будем говорить подробнее, как сказались события смутного времени на соляной промышленности в соловецкой вотчине и насколько отразились они на земледельческом хозяйстве ее. Пока ограничимся несколькими замечаниями общего характера. Собственной запашки соловецкий м-рь не имел. Хлеб, прочие продукты питания и одежду для большого числа братий и работных людей м-рь покупал на деньги, вырученные от продажи соли. При сокращении соляного производства и соляной торговли, само собой понятно, хозяйству соловецкой вотчины грозил тяжелый кризис. Подобное явление и произошло в м-ре в эпоху смуты. Царь В. И. Шуйский взял из монастырской казны все наличные средства—5150 руб., несколько позднее подобные правительственные заимствования из м-рского кошелька стали повто-

---

[1]) Поход черкас в северные русские области в наших летописных источниках изложен весьма кратко. Черкасы шли „воевать" северные волости и посады „непроходимыми месты". Неясно и даже сбивчиво „Новый Летописец" рисует маршрут переходов черкаских отрядов. Попытку (на наш взгляд удачную) воспроизвести черкаский поход в деталях проделал Н. Ардашев („Из истории XVII в. „Очищение русской земли" Журн. Мин. Нар. Просв. 1898 г., июнь, стр. 225—262). Ср. Н. Орлов „Смутное время (начала XVII в.) и „Русский Север" („Изв. Арханг. О-ва изучен. русского севера" 1913 г. № 4).

[2]) „Новый Летописец", стр. 140.

[3]) Досифей, I 122 стр., 125—126 стр; „Акты арх. эксп.", III, № 6 и № 46.

[4]) Акты писцового дела под ред. С. Веселовского, т. I („Чт. в общ. ист. и древн. Росс." 1913 г., кн. II, стр. 127—130).

рятся [1]). Все это должно было неминуемо отразиться сокращением соляного производства. „С тово времени, т.-е. после отсылки в Москву 5150 р. монастырских денег, читаем мы в одной из монастырских челобитных, у них соли перед прежним приходит к Вологде не сполна, всего тысяч по штидесять и по семидесят пуд на год". Пока можно было жить старыми запасами, хранившимися в монастырских житницах, кризис во всей его остроте не чувствовался. Но вот эти старые запасы „разошлись"; так как „приход стал меньше расхода", поддержать эти запасы не удалось. Наладить свое хозяйство м-рю было нелегко, потому что соляные промысла—главный источник существования соловецкой вотчины—были в недавнее военное время „разорены" литовскими людьми и русскими ворами; старцы, слуги, крестьяне и промышленники побиты, деньги и лошади расхищены. Тяжесть положения монастырского хозяйства усугублялась тем, что м-рь должен был попрежнему поддерживать в боевой готовности каменный город, как на острове, так и в Сумском посаде, должен был платить в казну прежнюю сумму пошлин (530 р.) и кроме того, содержать у себя на острове множество беженцев из м-рских и корельских волостей и из лопских погостов [2]).

Но как бы не был тяжелым хозяйственный кризис в соловецкой вотчине, все же он изживался быстрее, чем кризис в к.-л. помещичьем хозяйстве где нибудь в Ростовском или Галичском уезде, во-первых, уже потому, что м-рь располагал притоком свежего капитала в виде всевозможных вкладов и др. пожертвований. Во-вторых, соловецкий м-рь был вотчиною промысловою: восстановить разрушенную варницу, при ее нехитрой технике, не составляло большого труда. На своих варницах м-рь вотчинник широко практиковал вольнонаемный труд, а разорение крестьянского хозяйства в смутное время, как раз и увеличило ряды „волочившегося межи двор" крестьянского пролетариата. Рост бобылей и казачков, обслуживающих м-рские предприятия, падает именно на годы, непосредственно следовавшие за смутой. Наконец, запустение Поморья давало возможность соловецкому м-рю еще более развить свою колонизационную работу в смысле освоения угодийраз орявшегося крестьянства. Таким образом, события в Московской смуте только на время приостановили хозяйственное развитие соловецкой вотчины, которое вслед затем продолжалось с неменьшею энергией.

В сентябре 7116 (1607) г. „по государеву указу" Алексей Степанович Толстово и подъячий Иван Махонин „отписали... за соловецкой м-рь" четверть Керецкой волости „в церковном строенье и во крестьянех, и в соленых промыслех, и в луковом угодье в рыбных ловлях, и в сенных покосех, и в озерах, и во всяких угодьях"... В Керецкой волости соловецкий м-рь стал обосновываться очень рано. Нам известен целый ряд купчих и вкладных на монастырские угодья „промеж волощан" в Керети, на мельницу на р. Керети и др. Во всяком случае, отвод четверти Керецкой волости соловецкому м-рю происходил в 1607 г. „и по их монастырским крепостям"... Всего в соловецкой четверти Керецкой волости (в самой Керети, в Чупской губе и в Черной реке) числилось в 1607 г. 12 луков, и по этим лукам м-рь с волостными крестьянами „ведали промеж себя" ловлю „красной рыбы" семги в р. Керети и на тонях по морскому берегу, а по лешим местом в речках, и в озерах мелкую рыбу,

[1]) В 1614 г. соловецкий м-рь должен был дать „ратным людям на жалование" 1 тысячу рублей. (Цит. рукоп. соловецкий сборн. № 18, л. 233 и об. ср. ibidem, л. 247). В 1619 г. боярину и воеводе Ив. Борисовичу Черкасскому было дано запросных денег 100 р. (ibidem л. 262) ср. приходо-расходную книгу Вологодской службы за 124—127 г. Сол. арх.).

[2]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 273—275. Досифей, III, 110—115 стр.

на пожнях сенные покосы, а в лесах и в леших ухожеях звериныя и и птичьи ловища, и „всякия угодья“. Кроме того, в Керецкой волости находились варницы и варничные места (напр., в 1607 г. в Чупской губе было 2 действующие монастырские варницы, 1 пустая и неск. варничных мест [1]).

1613 г. в сентябре месяце соловецкий м-рь получил в свое владение Шуерецкую волость (или Шую корельскую). До того времени эта волость клином входила в монастырские владения между Сумским посадом и Кемскою волостью. В 1569 г. в Шуерецкой волости насчитывался 91 двор „в живущем, с населением 154 тяглых человек, „паханной“ пашни по ухтем 50 четвертей, сена население косило по реке“, на море и на озерах 980 копен, луков зарегистрировано было 62 с полутретью, дани в казну шло по 5 алтын с деньгою с лука, а оброку за волостелин доход и за пошлинных людей 20 р. 24 алт. „Население Шуерецкой волости, материальным достатком не отличавшееся, занималось, главным образом, промыслами и торговлею. В писцовых книгах 1569 г. относительно населения Шуерецкой волости мы встречаем обычно такие выражения: „люди молодые“, „пашни нет“, „торгуют солью“ (иногда и „рожью“), „рыбу ловят“, „калачи пекут“, „торгует лесом“, „извозничает на лошадях“, „ходит на лодьи в казаках“ и т. д. [2]).

В 1589 г. „живущих“ дворов в Шуерецкой волости насчитывалось 55 и населения в них 69 человек (тяглых); пашни пахали по ухтам 22 четверти, сено косили подле реки и у моря 506½ копен; луков было 30 с полтретью лука и с получетвертью лука (дани шло по 5 алтын с деньгою с лука); за волостелин доход и за пошлинных людей платили по 11 алт. с 1 деньгою с лука, да с береговых оброчных тоней, с речек и пожень оброку 6 р. да пошлин 10 алтын. Пустых дворовых мест в Шуерецкой волости в 1589 г. зарегистрировано 67, а сена на пустых луках ставилось 696½ копен; пустых луков числилось 43 с четвертью и с получетвертью. Запустели эти дворы частью от Басарги в 1570 г., от его „правежа“, а иные „от немецких людей войны и от славы“ в 1579 г. Варниц было „живущих“—10 и 12 варниц запустевших в 1570 г. [3]). Анализируя писцовые книги по Шуерецкой волости за 1589 г., нельзя не заметить, что к этому времени названная волость начала оправляться и от „Басаргина правежа“ и от „немецкой войны“: об этом свидетельствует присутствие в волости нескольких крестьян „новонаведенных“ на „пустые места“ (в количестве 7 человек), которые брали на себя доли в тяглых луках и несли казенные повинности на ряду с крестьянами волостными. Новый „немецкий“ набег (1590—92 г.г.) и события смутного времени еще более опустошили Шуерецкую волость. Соловецкий монастырь по собственной инициативе обратился в 1613 г. к новому Московскому правительству с просьбою о „пожаловании“ ему Шуерецкой волости, и раньше не особенно много дававший дохода в казну (29 р. 29 алт. 1½ д. ежегод.), а теперь окончательно разоренный шведами. Уцелевшее от разгрома население отчасти кормилось от самостоятельных морских промыслов, отчасти снискивало себе пропитание „около соловецкого монастыря“. В 1613 г. с Шуерецкой волости оброку в казну не поступало, так как во-первых, Новгород был в руках шведов (а свои государственные подати

---

[1]) „Книги Керецкие волости отделу Алексея Степановича Толстово, да подъячего Ивана Махонина за соловецкой монастырь четверть волости 116 году“, ср. „Список с книг Керецкие волости письма и дозору Алая Ивановича Михалкова 117 г.“ (Соловецк. арх.).

[2]) „Писцовая книга Семена Васильевича сына Корекова и подъячево Никифора Семенова, лета 7077“ (Сол. арх.).

[3]) „Книги Шуерецкие волости лета 7097 письма и дозору Ивана Овдулова“ (Соловецк. арх.).

Шуерецкая волость платила именно там), во-вторых, хотя, согласно правительственному распоряжению, Шуерецкая волость должна была „стать" за Сумским острогом, но повинности в пользу Сумского острога шуеречане отказывались нести, так как они не считали свою волостку вотчиною соловецкого монастыря. Все это и давало основание соловецкому игумену Иринарху просить нового царя (Михаила Романова) волость Шую корельскую дать ему „в вотчину в прок" с крестьянами, с дворами, дворовыми местами, луками, мельницами, соляными варницами, с рыбными, звериными и птичьими ловлями. Вместе с этим, монастырь просил передать ему два лука угодий на берегу между Кемью и Керетью [1])...

Восстанавливая свое хозяйство после „военного времени", соловецкая вотчина неизбежно должна была столкнуться с таким фактом, как убыль („оскудение") лесов, поставлявших топливо на соляные предприятия. Теперь уже в своих челобитных в Москву, испрашивая себе разные льготы, соловецкие старцы неизменно повторяют следующее: „соляные ценные промыслы ныне опустели, леса дровяные высечены... и соловецкий монастырь от хлебные дорогови скудеет"... Этим, полагаем, и можно объяснить производившуюся порывисто с лихорадочною поспешностью колонизацию монастырем заонежских деревень и других районов, где бы можно было развить свое земледельческое хозяйство.

В свое время мы отмечали, что при царе Борисе, т.-е. в конце XVI и начале XVII в., в ряде волостей Турчасовского уезда за соловецким монастырем было 30 обеж угодий [2]). Уже в смутную пору, в 1606 г. в соловецкий монастырь была продана (Улиттой Васильевой) д. Олутинская (или Волутинская) с двором и всякими угодьями и специальною грамотой В. И. Шуйского (1607 г., 23 янв.) была закреплена за монастырем [3]). По данным дозора Семена Языкова и подъячего Семена Осокина (1615 г.), в Каргопольском уезде, Турчасовском стане за соловецким монастырем было 23 деревни черные и белые „живущих" да 4 деревни „пустых," купленных ими в разное время и у разных лиц; паханной пашни доброй, середней и худой земли насчитывалось 144 чети, да 300 четей „перелогом и лесом поросло" [4]). Продолжает монастырь скупать земли у волостных крестьян и в последующие годы. В 1616 г. монастырь прикупил в Пурнеме у Степана Оникеева и его племянника Якушка Минина д. Гавриловскую, да в волостке Лямце у Давыдки Микитина и Трофима Калинина д. Федотовскую со всеми угодьями; в той и другой числилось по последней дозорной книге тяглых угодий 1 выть без полчети и пол-пол-полтрети выти. В 1616 г. монастырь просил взять в казну („на государя") 12 турчасовских деревень белых и черных с половниками и со всеми угодьями, а взамен этого „отписать" из Турчасовских волостей и „приписать" к монастырю две вновь купленные деревни (Гавриловскую и Федотовскую). Вместо перешедших в казну белых монастырских деревень, монастырь просит обелить соответствующее число деревень, из остающихся за ним. Просьба эта была исполнена. 7 ноября 1616 (7125) года обелена была д. Олутинская с селищем и деревнями (всего 2 выти и пол-пол-полтрети выти [5]). В следующие годы рост соловецких угодий в Онежских волостях продолжается, несмотря на то, что в 1617 г. Каргопольский уезд подвергся опустошительному налету „польских и литовских людей". В 1621 г., по писцовой книге Ивана Прохо-

[1]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 227; Досифей, III. стр. 95—97.
[2]) Цит. рукоп. соловецк. сборн. № 18, л. 199.
[3]) Ibidem, л. 183—184.
[4]) Список дозорных книг Семена Языкова 123 (1615) г. Сол. арх.
[5]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 248—253.

ровича Воейкова, в Каргопольском уезде за соловецким монастырем числилось 499 четей пашни, как паханной, так и перелогу (вместе), тогда как в 1615 г. паханной и переложной земли было 444 четей.

Разорение крестьянского хозяйства в Заонежских волостях еще более содействовало концентрации запустевших деревень в руках монастыря-вотчинника[1]). К 1678 г. в Заонежских волостях: Фехталинской, Тевзогорской, Городецкой, Владыченской, Пияльской, Возеницкой, Чюхчинебору и в Пертеме за соловецким монастырем было 16 деревень, а в них 9 дворов крестьянских, 9—бобыльских, 25—половничьих и 7 дворов монастырских[2]). Часто соловецкому монастырю приходилось конкурировать с другими претендентами на ту или другую волость, в большинстве случаев тоже монастырями. Приходилось прибегать к обычному приему „наддачи", а иногда и другим приемам. В 1631 г. в мае месяце соловецкому монастырю была передана „для соляной вари" на оброк „из наддачи" Кушрецкая волость. Она состояла из 4-х деревень „живущих", 2-х деревень „пустых" и 5 пустошей с 5 пустыми крестьянскими дворами. Пашни паханной худой земли в ней числилось 15 четей с осминою, перелогом 47 четвертей с полутретником, да перелогом и лесом поросло 152 четверти с третником в поле, а в дву по томуж; в живущем 1 выть без пол-полчетверти выти, а „в пусте" 8 вытей с третью... сена в живущем 29 копен, в пусте 866 копен—оброку и всякого рода пошлин с Кушрецкой волости шло в казну 6 р. 13 алт. Игумен Кожеозерского монастыря Авраамий „наддал" оброку до 8 р. в год и получил волость ту для своего монастыря. Соловецкие старцы не могли допустить этого. Игумен Макарий шлет в Москву челобитную, в которой доказывает, что Кушрецкая волость сошлась смежно с Унежемским соловецким соляным промыслом, а у соловецкого монастыря в Унежме „дровами и сенными покосами скудно", поэтому если Кушрецкая волость перейдет к Кожеезерскому монастырю, а не Соловецкому, то „для дровяные и сенные скудости" Унежемский соляной промысел придется „покинуть в пусте". Напомнил

---

[1]) В „Книгах писма и дозору Ивана Стефановича Велкова, да подъячего Михаила Казакова за 154 (1646) г. по Каргопольскому уезду находим такие, напр., записи: „Волость Чухчин-бор на реке на Кодине, а в ней деревни: Парфеновская. Двор пуст Офонки Минина, а Офонка сшол безвесно. Двор Никитки Михайлова, а Никитка сшел безвесно; а те свои дворы продали соловецким. И пашню пашут на монастырь. Двор пуст Евдокимка Шаловина. а Евдокимко умер, а двор свой и землю продал соловецким. В д. Власовской двор пуст бобыля Тренки Лобакова, а Тренка сшел безвесно. а тот свой двор и землю продал соловецким... В Турчасовском уезде волостка около посаду Турчасова, а в ней пустошь, что была деревня Гневашевская, а владеют тою пустошью соловецкие по закладной... В Тевзогорской волости в д. Криволысовской, а Москвина тож, а в ней двор соловецкий, а купили оне тот двор и жеребей у Петрушки Васильева, да у Жданка Иванова. В д. Степановской двор Соловецкой, а владеют оне тем двором и жеребем по закладной Тренки Потапова... в д. Даншинской двор Соловецкой, а живет в нем половник Гришка Иовлев, а владеют оне тем двором и землею по закладной Федота Черепана... В пустоши Ярцовской жеребей тое пустоши продала вдова Анница Андреева жена Неклюдова Соловецким. Пустош, что была деревня Рохново на оброке за соловецкими. а владеют по государеве грамоте. Волость городок Рагонима, а в ней д. Баклановская, двор Баженка Яковлева, а тот Баженко двор свой и землю заложил соловецким. Деревни Степановской, а Правдино тоже двор Никитки Широкого, а Никитка умер, а двор свой и землю заложил соловецким". Мы не выбираем из цитируемых писцовых книг наиболее подходящие для нас места, а выписали 3—4 страницы из них подряд, без пропусков. Если бы продолжить нашу работу дальше, то у читателя сложилось бы такое же впечатление, как и у нас: все дворы с угодьями в Заонежских волостях или проданы, или заложены или на оброке у соловецкого монастыря. Только изредка мелькнет фамилия самостоятельного крестьянина вроде Савки Онтипина (д. Филипповская -Тырлова) или случайно окажется где нибудь участок др. монастыря, напр. Ошевенского (д. Прибышевская, Вазеницкой волости).

[2]) Книги писцовые Онежских волостей писца стольника Петра Большого Лопухина. 186 году.

Макарий и о том, что в „воинские годы" крестьяне Кушрецкой волости „жили за обороною" соловецкого монастыря; кроме того, они оказывались еще должниками в Соловки. За оброк 9 рублей Кушрецкая волость была передана соловецкому вотчиннику [1]).

В 1635 г. во владение к соловецкому монастырю перешел Яренгский погост со всеми угодьями, расположенный у моря на двинском Летнем берегу в 100 верстах от соловецкого острова. Во время передачи Яренгского погоста соловецкому монастырю в нем, по писцовым книгам, числилось 5 дворов, 2 „живущие" варницы, одна запустевшая, несколько варничных мест, сенные покосы и озера. В Никольской церкви в этом погосте находились останки Ивана и Логгина Яренгских, „прежде труждавшихся" в соловецком монастыре. Последнее обстоятельство и выдвинуто было соловецким монастырем в качестве мотива пожалованья ему этого погоста [2]). Но на Яренгский погост заявил претензии и другой крупный монастырь-вотчиник—Кирилло-Белоозерский. Некоторые подробности препирательства обоих сильных конкурентов из-за Яренги мы узнаем из челобитной Яренгского попа Дионисия Телова, поданой в Москву в декабре 146 (1637) года. Поп-челобитчик сообщал, что Яренга вовсе не является „пустым" местом, как называют ее соловецкие старцы: в ней не 5 дворов, а целых 15. Храм Николы поставлен дедом его, Дионисия. Отец его Кирьяк и брат Илья—(последний при этом был и вкладчиком Кирилло-Белоозерского монастыря)—завещали Дионисию отдать купчие, закладные и всякие письменные крепости на Яренгу реку со всеми угодьями в Кирилло-Белоозерский монастырь в заклад; но Дионисий не успел этого сделать. 6 декабря 1637 (146) года, после обедни, соловецкий строитель старец Васьян решительно потребовал у попа Дионисия перечисленные документы на владение Яренгой. Дионисий отказал. После этого, по рассказу самого пострадавшего попа, произошло следующее: ...„старец Васьян призвал Лухского усолья слуг.... похватя меня попа Дионисьища, учали бить по щекам, в железа ковали и мучити, дай де нам крепости на Яренгу и попадью обесчестили, изувечили и детишка мое и живот мой разграбили" [3]). В свою очередь и Кирилло-Белоозерский монастырь подал в Москву челобитную, доказывая свое право на Яренгу. Дело разбиралось в Москве и окончилось в пользу соловецкого монастыря на том основа-

---

[1]) Цит. рукоп. соловецк. сборн № 18, л. 329—331

[2]) Чтобы охарактеризовать прием соловецк. монастыря, примененный им в приобретении Яренгского погоста, следует обратить внимание на показания наших источников об Иоанне и Логине Яренгских. В „Житии Пертоминских чудотворцев" (Вассиана и Ионы) гибель Иоанна и Логгина в волнах Белого моря отнесена к 7074 (1566) г. Рукоп. сборн. сол. библ № 182, л. 182; по житию самих Иоанна и Логгина (во всех известных нам редакциях) гибель их нельзя датировать позднее 1544 г. Такая дата была принята официально в 1624 г. (ibidem, л 126 об.). „Соловецкий летописец" датирует гибель Иоанна и Логгина 1561 г. (печатн. изд. стр. 30). Показания старожильцев-крестьян в 1574 г. время нахождения ими останков Иоанна и Логгина относит „тому назад 25 лет", след., 1574—25—1549 г. (Цит. сборн. № 182, л. 120). Если даже заподозрить последний источник, как основывающийся на ненадежной человеческой памяти, то все же разногласия источников вряд ли можно объяснять, как простую и случайную ошибку. Несомненно одно: относительно Иоанна и Логгина достаточно твердых сведений мы не имеем. Очевидно, ходили разные версии, одна из них, видимо, культивируемая соловецкими старцами, считала Иоанна и Логгина „трудниками соловецкого монастыря, что, по рассуждению соловецких монастырских властей, давало монастырю полное право претендовать на Яренгу.. Из приводимой челобитной попа Дионисия видно, что не все в Яренге склонны были разделять версию о „трудничестве" Иоанна и Логгина. В 40-х годах XVII ст., прежние безыскусственные „написанные невеждами и простою беседою" сказания об Иоанне и Логгине были подвергнуты литературной обработке соловецким монахом Сергием (рукоп. сб. соловецк. библ. Каз. д. акад., № 183, л. 71—110).

[3]) „Чтения в общ. ист. и древн. Росс.", 1884 г. кн. III, стр. 12—13.

нии, что соловецкие старцы к этому времени уже успели выстроить в Яренге церковь и монастырский двор и завели там рыбные ловли. Кроме того, принято было во внимание то обстоятельство, что „Кирилловские старцы питаютца от вотчин, а не от промыслов", тогда как соловецкий монастырь существует „от морских промыслов" [1])... Кирилловские старцы не унимались и прибегли к „наддаче", т.-е. к тому приему, каким неоднократно в борьбе со своими конкурентами пользовался соловецкий монастырь. Этот прием удался, и за 30 р. ежегодного оброку (вместо прежних 2 р. 32 алт. 2 д.). Кирилло-Белоозерский монастырь получил Яренгу себе. При этом было постановлено, чтобы Кирилловские старцы вернули соловецкому монастырю деньги, затраченные на произведенные постройки. Соловецкие старцы подняли тревогу. С челобитной за соловецкий монастырь выступил „для устрою святых Иоанна и Логгина Яренгских" патр. Иоасаф (соловецкий постриженник) и в 1649 г. из Москвы последовала новая грамота, по которой Яренгские угодья вновь оставлялись за соловецким монастырем „безоброчно" (оброчные деньги в это время с соловецких угодий были сняты и „положены на их монастырскую соль"). Челобитье кирилловского „строителя" было объявлено ложным, а заявление „кирилловских властей о том, что до 1635 г. Яренгский погост был за ним и они возвели там постройки, названо было „ведомою неправдою" [2])..

В 1635 г. во владение соловецкого монастыря перешла „из оброка" остальная часть (три четверти Керецкой волости со всеми угодьями). Грамота по этому поводу Кольскому воеводе Ивану Нарматцкому Керецкую волость называет „местечком невеликим и непашенным". В ней числилось 30 крестьянских и бобыльских дворишков, население которых кормилось морским промыслом. До передачи соловецкому монастырю с ¾ Керецкой волости в казну шло ежегодного оброку 15 р. 30 алт., монастырь же обязался выплачивать оброку в год по 18 р. и, кроме того, десятину слюдной добычи. Можно было бы значительно увеличить число примеров того, как крупный и сильный вотчинник, устраняя своих конкурентов, при помощи „наддачи" брал на оброк наиболее выгодные угодья [3]). Из сказанного можно видеть, что, несмотря на стесненное материальное положение, вследствие тяжести военных издержек и крупных денежных отсылок в Москву, соловецкая вотчина продолжала разростаться и, даже, тогда, когда „приход стал меньше расходу". С ростом угодий, монастырь обстраивался, заменяя деревянные строения каменными, увеличивая число своих „служеб" и т. д. В 1615 г. в ограде монастыря было сооружено двухэтажное здание, разделенное внутри продольною стеною на две по-

---

[1]) Цит. рукоп. соловецк. сборн. № 19, стр. 37—40.

[2]) Процесс между Кирилло-Белоозерским и Соловецким монастырем из-за Яренги в делах соловецк. арх.

[3]) Напр., в 1635 г. монастырь взял на оброк (ежегодно по 2 р.) четыре тони на летнем двинском берегу: большую и малую зацепинские, торпанскую и жорковскую, которые раньше держал на оброке крестьянин Куростровской вол. дер. Калитинской Гришка Борисов за 14 алтын годового оброку (цит. рукоп. соловецк. сб. № 18, л. 367 об.—368 об.). В том же 1635 г. во владение соловецкого монастыря „из оброка" оставлено было озеро и речка Понгома, в Каргопольском уезде, Пиялской волости, за р. Онегою, против усолья, незадолго пред тем сдававшиеся на оброк крестьянам Каргопольского уезда. (Цит. рукоп. соловецк. сборн. № 18, л 365 об.—367 об.). В 1636 г. монастырь получил 8 рыболовных тоней на летнем берегу у моря (цит. рукоп. сол. сб. № 18, л. 375 об.), оттеснив оттуда Никольско-Корельский монастырь, который стремился оставить 2 тони на летнем берегу за собой. (Цит. рукоп. соловецк. сборн. № 18, л. 378 об.—381). В 1642 г. во владение соловецкого монастыря была передана на оброк в Куресской волости дер. Волкова со всеми угодьями (ibidem, л. 400—401), и пожни и дворище в Ревошенгах—к Куйскому соляному промыслу (ibidem, л. 401 об.).

ловины. В верхнем этаже в одной половине была помещена иконописная мастерская, в другой—сапожная („чеботная швальня), в нижнем этаже („ярусе“) под иконописною мастерской была расположена больница для бельцов“, а под сапожною—пономарские квартиры. В 1619 г. было выстроено специальное трехэтажное здание для хранения монастырского имущества: воска, свеч, ладону, медной и оловяной посуды, платья и др. вещей. Это—так называемая „казенная палата“. В 1621 г. позади „поваренной службы“, вдоль ее, приделан был вновь каменный пристенок в уровень со стеною. Как можно видеть, постройка делается из камня, монументальная, на случай осады и пожаров,—последние по разным „нещастным случаям“ происходили нередко [1]). Рассматривая соловецкий монастырь, как порубежную крепость, само правительство делало распоряжения о лучшем укреплении монастыря. Любопытною представляется грамота в соловецкий монастырь из Москвы от 5 авг. 1621 г. от имени обоих тогдашних государей (Мих. Федоровича и патр. Филарета). „Ведомо нам учинилось, читаем мы в названной грамоте, что в соловецком монастыре для мирских людей каменных келий не имеется“. Нет возможности „за теснотою“ ставить и деревянные кельи. Таким образом, в случае осады, мирским людям в ограде монастыря негде было бы поместиться. Не закончена была, как оказывалось, выкладка камнем рва возле монастырской ограды. Посему грамота приказывает „для осадново времени“ в ограде монастыря выстроить каменные кельи, „сколько пригоже, смотря по тамошнему делу“, докончить рытье рва возле монастырской ограды, выложить его камнем и выстроить тын („чеснок побити“ [2]).

Такие меры предосторожности не были лишними. Еще в 1619 году царская грамота в соловецкий монастырь сообщала, что датский король Христиан IV претендует на Лапландию, которая некогда принадлежала Норвегии, но позднее была „присвоена“ Московским государством. По полученным в Москве сведениям, датское правительство произвело мобилизацию—(„у дацково короля в зборе воинские люди и народ на многих кораблях“), и приходится ожидать появления датчан в русском поморьи. Само собою понятно, что соловецкий монастырь должен был жить „с великим береженьем“ и позаботиться о приведении своих сил в боевую готовность, чтобы иметь возможность, в случае появления у острова неприятеля,—отсиживаться „бестрашно“. Характерною представляется следующая инструкция сол. монастырю. По пустому поводу („за малую обиду“) военных действий с датчанами монастырь не должен был „вчинать“, но если бы неприятель вздумал наступать на Сумский или Кольский острог, то монастырь обязан был помочь осажденным, однако, так „чтобы тех мест уберечь, а людей не потерять и себя не обезлюдить“ [3]). В 1623 г. под Кольским острогом, действительно, показались четыре военных датских корабля, которые далее продвигаться не стали, ограничившись ограблением нескольких русских промышленников, попавшихся им на море [4]).

[1]) В 1642 г. было построено каменное помещение для монастырской портняжной мастерской. Верх был отведен для портных („платяных швалей“), внизу были квартиры „рубашечных швалей“, учеников („недорослей“) и караульщиков. („Соловецкий Летоп.“, рукоп. сборн. № 483, л. 36 об.; печатн. изд. 1833 г., стр. 55—56, 65).

[2]) Цит. рукоп. соловецк. сборн. № 18, л. 287—288; Досифей, III, стр. 115—117.

[3]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 270—271 об.; Досифей, III, стр. 107—110. В 1620 г. монастырь получил льготу на 5 лет, освобождающую его от платежа двинской проезжей соляной пошлины в размере 100 р. в год ввиду того, что в нем, как месте „украинном и порубежном у немецкие украйны“ вследствие частых немецких“ приходов „всполохи живут частые и осады беспрестанные“ (Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 273—275 об.; Досифей, III, 110—115). Действительно, одних ратных людей в монастыре в 1620—21 г. было свыше тысячи (1040) человек (ibidem, л. 276 об.—279).

[4]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 294—295; Досифей, III, стр. 117—118.

В напряженном положении, под страхом „безвестного“ нападения немцев, „неоплошно“ и „с великим бережением“ соловецкий монастырь продолжал жить и в дальнейшее время; ратные люди всегда должны были быть готовыми „в кораблевый ход“, была устроена и укреплена „осада“, сделаны хлебные и всякие другие запасы в большем размере в сравнении с прежними годами [1]). Обостренные отношения между Московским правительством и Швецией разрешились в 1656 г. войной, после того, как Карл X, быстро завоевавший всю великую и малую Польшу с Краковом и Варшавой, изгнавший короля Яна Казимира, намерен был вытеснить из Литвы и войска царя Алексея. Снова соловецкая вотчина оказалась под ударом и, прежде всего, почувствовала опасность Кемская волость, куда легко было пробраться на судах водным путем. Из Москвы распорядились немедленно отремонтировать старый Кемский острог на острове Лепе, уже сгнивший и обвалившийся [2]), а для защиты поморья выслано было с Двины в Кемь и Суму по 100 человек стрельцов, которые в течение года отражали шведов; население же, спасаясь от неприятеля, бежало на остров в монастырь [3]). Только позднее, уже в первой четверти XVIII в., когда балтийский вопрос был разрешен Ништадтским миром, поморские волости соловецкой вотчины могли почувствовать себя в относительной безопасности.

С легкой руки царя Вас. Ив. Шуйского Московское правительство и в последующие годы неоднократно обращалось в соловецкий монастырь за „вспоможением“ на жалованье ратным людям. Укажем несколько известных нам случаев таких экстроординарных монастырских расходов. В 1631 г. из приказа Большого Дворца игумену Макарию был сделан запрос: сколько наличной денежной суммы находится в монастырской казне. Сведения требовалось дать „вскоре“ и „в правду“, в противном случае утаившим грозили „великою опалой“ [4]). В ответ на это монастырь сообщил, что в казне монастырской в данный момент налицо 20 тыс. руб., которые остались не израсходованными вследствие „хлебной недокупки“, так как монастырь хлеб не покупал, а кормился старыми запасами. Новою грамотою из Москвы последовало распоряжение: одну половину указанной суммы оставить в монастыре „для хлебной покупки, соляных промыслов и рыбные ловли, а вторую взять к Москве ратным людям на жалованье“ [5])... В декабре месяце 1632 г., в виду новой войны с Польшей, Московское правительство очень остро чувствовало недостаток в деньгах на жалованье ратным людям, так как „без прибытные, без великие рати с польскими и с литовскими людми не разделатца“, резонно замечает по этому поводу царская грамота игумену Рафаилу. Пришлось обратиться за помощью к имущим классам, начиная от митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов, и игуменов, бояр, окольничьих и других чиновных и служилых людей московского государства и до гостей и торговых людей. Некоторый успех от этого получился. Митрополиты и другие духовные люди внесли „неоскудно“ из своих домовых и келейных денег; обещали „вспоможение“ ратным людям бояре и служилые люди, „смотря по пожиткам“, с гостей и торговых людей прямо решено было брать на жалованье ратным людям пятую деньгу. „Неоскудно“ обязан был дать „вспоможенье“ правительству и соловецкий монастырь: из монастырских казенных и келейных денег и со своих монастырских служек, занятых на

---

[1]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 19, стр. 8—9.
[2]) Досифей, III, стр. 156—157; Цит. рукоп. сол. сборн. № 19, стр 152—153; 153—154.
[3]) „Соловецкий Летописец“, рукоп. сборн. № 483, л. 38
[4]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 347 об.—349; Досифей, III, 134—137 стр.
[5]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 338—339; Досифей, III, стр. 125—127.

монастырских промыслах, предприятиях и в приказах [1]). Почти через полгода, в августе 1633 г. в Москве особою комиссией (в лице кн. Д. М. Пожарского, Симоновского архим. Левкия, М. Ф. Глебова и двух дьяков) были получены из соловецкого монастыря запросные деньги: казенных 2 тыс. руб., игуменских келейных 20 руб., келейных денег келаря, казначея, соборных старцев и всей братии 117 р., с монастырских служек и с трудников 44 р. 15 алт. 2 д., всего 2181 р. 15 алт. 2 д. Повидимому это были не все деньги, которые соловецкий монастырь обязан был внести в казну, так как в августе 1634 г. монастырь досылает в Москву в приказ Большого Дворца еще 1700 рублей [2]). Когда в 1654 году вспыхнула новая война с Польшей, правительство царя Алексея, по примеру прежних лет, обратилось за ссудой и в соловецкий монастырь. 12 августа 1654 г. в монастырь была прислана с дворянином Василием Жидовиновым грамота, предписывавшая прислать с вручителем ее в Москву на вспоможение ратным людям 50 тыс. руб. Келарь старец Никита и другие соборные старцы „сыскали" в монастырской казне всего лишь 20614 р., 12 алт., из них 10063 р. 12 алт. составляли „сбор" прежних казначеев, в „отводных" книгах они записаны не были и „лежали за монастырем"; 10551 рублей считались на руках у тогдашнего казначея Лаврентия. Эти деньги, по соборному приговору, решено было отправить к Москве с Василием Жидовиновым, прибавив к ним из запасного монастырского капитала 2449 р. Таким образом, отправлено было всего в Москву 13 тысяч рублей [3]). Очевидно, существовала норма всех этих „вспоможений", которую соловецкие монастырские власти и выполнили, но которая не удовлетворила правительство, потому оно, правда, после некоторого промежутка, в 1664 г. вторично просит прислать денег „в прибавку" и уже „в займы", обещая выслать долг „после успокоенья войны вскоре" [4])... С грамотой и за казною был отправлен Соловки стряпчий Семен Иванов сын Бестужев, который в августе месяце доставил в Москву 20 тыс. руб. денег да 200 червонных золотых [5]). Несколько позднее, в 1670 г., из Вологодской соляной монастырской службы правительство заимствовало 7359 руб. 16 а. 1½ д., а в 1671 г. еще 1055 руб. 13 а. 3 д., всего, следовательно, 8414 руб. 29 а. 4½ деньги. Хотя правительство, испрашивая себе у монастыря деньги, заверяло, что, по миновании войны они будут возвращены, однако, мы знаем, что даже в 1684 г. эти деньги не только не были возвращены, но и не были зачтены „ни в какие поборы", и на Вологде с монастырской соли продолжали брать соляные пошлины. Монастырским властям неоднократно приходилось хлопотать о зачете некогда одолженной правительством суммы за монастырские недоимки.

Соборное Уложение 1649 г. нанесло ощутительный удар монастырскому вотчинному хозяйству. Еще в 1580 г. запрещено было передавать в монастырь вотчины „на помин души", а в 1584 г. духовное землевладение было ограничено еще более: запрещены были и другие способы приобретения духовенством земель. Как мы могли уже заметить, данные ограничения не имели никакой реальной силы и само правительство склонно было смотреть сквозь пальцы на непрекращающийся рост цер-

---

[1]) Цит. рук. сол. сборн. № 18, докум. № 248 и 249; квитанция в получении этих денег в приказе Б. Дворца ibidem, л. 342; Досифей, III, стр. 127—130.

[2]) Цит. рукоп. сборн. № 18, л. 349 и об.; Досифей, III, стр. 138—139; ср. приходо-расх. книгу сол. монастыря за 140—143 (1632—1635 г.г.) (в сол. арх.).

[3]) Книга приходная и расходная денежной казны старца Лаврентия 156 163 (1648—1655 г.г.), цит. рукоп. сол. сборн. № 19, стр. 129 и 137—138.

[4]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 19, стр. 180—187; Досифей, III, стр. 157—163.

[5]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 19, стр. 187, 188—190; Досифей, III, стр. 164—165.

ковного землевладения. Указ 1628 г. мог только узаконить право выкупа отданных в монастырь вотчин или родственниками завещателя или правительством. Соборное Уложение идет дальше:... „в монастыри ни у кого родовых, и выслуженных, и купленных вотчин не покупать и в заклад не имать, и за собою не держать. И по душам в вечной поминок не имать никоторыми делы... А вотчинником никому вотчин в монастыри не давати... А кто и напишет вотчину в монастырь в духовной, и тех вотчин в монастыри по духовным не давати, а дати в монастырь... деньги, чего та вотчина стоит“ [1]). Не менее ограничений Соборное Уложение внесло в жизнь церковных и монастырских слобод, заинтересованное в том, чтобы никто не был „в избылых“ от несения государственных повинностей. В одной из статей Уложения мы читаем, что если церковные, монастырские, боярские или „всяких чинов“ слободы устроены в городах на государевых посадских землях, или на белых местах, купленных и не купленных, но „без государева указу“, те слободы должны быть взяты в посад „без лет и бесповоротно“ с людьми и землями: „не строй на государеве земле слобод, и не покупай посадской земли“, делает отсюда назидательный вывод Уложение. Церковные и монастырские вотчины, смежные с посадом, или находившиеся близко к посадам, должны быть взяты „за государя“, нести общепосадские службы и платить подати. Взамен этих вотчин владельцам их должны быть предоставлены вотчины в других местах... [2]). Непосредственно за опубликованием Соборного Уложения со стороны посадского и волостного мира наблюдается стремление ограничить монастырь-вотчинник в духе статей Уложения. Уже в марте—апреле 1649 г. соловецкий монастырь жаловался в Москву, что Каргопольский воевода Леонтий Шейсупов стал отдавать каргопольским посадским людям и крестьянам монастырские соляные промысла и соляные амбары, выстроенные монастырем на тяглой земле близ посада. Но монастырские варницы отстоят от Каргополя за 150 верст и больше и представляют „жалованье прежних государей вместо вотчин, потому что вотчинных пашен за соловецким монастырем нет“. Воеводе было наказано из Москвы в случае претензии крестьян на монастырские варницы внимательно расследовать, почему крестьяне претендуют на эти соляные угодья, на какой земле они устроены и во скольких верстах от Каргополя находятся [3]). Аналогичные факты можем мы наблюдать и в других местах. В Холмогорах также была тенденция со стороны местного воеводского управления отводить и отдавать в посад монастырские дворы, варницы, соляные „анбары“ и другие угодья. Соловецкому монастырю доставляло много хлопот желание отстоять свои вотчинные права в Холмогорах [4]). Правда, все известные нам случаи столкновения соловецкого монастыря с местным посадским и крестьянским миром в конечном итоге оканчивались победой монастыря: настолько еще сильны были вотчинные традиции! В частности, в Каргопольском уезде, несмотря на все домогательства крестьян Владыченской волости, не взирая на требование или очной ставки в доказательство справедливости своих притязаний, царскою грамотою Каргопольскому воеводе Ивану Головленкову в июле 1650 г. было предписано отвести спорные пустоши и угодья „безпереоброчно и неотъемлимо“ снова к Владыченскому монастырскому усолью [5]).

---

[1]) Соборн. Уложение, гл. XVII, ст. 42—44.
[2]) Ibidem, гл. XIX, стр. 7—8.
[1]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 19, стр. 42—44.
[2]) Ibidem, стр. 44—46.
[3]) Ibidem, стр. 59—78.

Соловецкий монастырь не только сохраняет за собой старые угодья, но продолжает расширять свои владения даже в подмосковном районе. Мы имеем в виду так называемую Новосоловецкую „пустынь“ на Москве реке в Марчугах, перешедшую во второй половине XVII в. во владение к соловецкому монастырю. Устроителем этой „пустыни“ был протопоп благовещенского собора („на сенях“) Стефан Нифонтов, благодаря хлопотам которого в 1653 г. к Новосоловецкой „пустыни“ было отведено по царскому указу на версту прилегающей земли и всяких угодий. В 1655 г. новый „монастырь“ размыло полою водою, и протопоп Стефан долгое время разыскивал другое место для постройки монастыря. Наконец его выбор остановился на запустевшей после морового поветрия („выморной“) деревне Фаустово, Гвоздинской волости. По „отказной“ книге ключника Ивана Титова (от 1656 г.), в этой деревне было 3 „живущих“ крестьянских двора (в челобитной протопопа Стефана от 1657 г. эти крестьянские дворы названы бобыльскими), 1 двор „пустой“, паханной пашни середней земли 8 четвертей, да 10 четвертей в поле, а в дву потому ж поросло лесом, сена выкашивалось 20 копен; в живущем числилась треть выти, а в пусте полутреть... В 1657 г. в феврале месяце эта деревня была отдана Новосоловецкой пустыни; сложено было с нее тягло, а бобыли были переведены в разряд „трудников“. Пока протопоп „строитель“ был жив, он ежегодно из своих средств отпускал на пищу и одежду братии 100—200 руб. После же смерти его монастырь в течение некоторого периода времени получал в таком же размере жалованье из приказа Тайных Дел [1]). Но скоро эта субсидия прекратилась, братии Новосоловецкой пустыни „питаться стало нечем, и они в конец оскудали“. В ответ на челобитную в Москву, в 1683 г. пустынь получила „на пропитание“ в дворцовых замосковных волостях „безоброчно“ рыбные ловли в речках: Мерской, Гуслице и Волне „со всеми угодьями“. Паханной пашни во владении пустыни не было и „от того оскудения“ монахи из нее „розбрелись розно“. Для братского стола монахи ловили рыбу в Москве реке против монастырской земли, но соседние рыболовы-крестьяне препятствовали этому. Поэтому одновременно монастырь просил правительство отпускать для братии хлеб из дворцового коломенского или бронницкого государевого хлебного фонда... Мы не знаем, была ли выполнена правительством эта последняя просьба. Оффициально Новосоловецкая пустынь была приписана к соловецкому монастырю только в 1696 г., а до того времени московские соловецкие строители „ведали“ ею „временно“. Эта приписка последовала в результате специальной челобитной „властей“ соловецкого монастыря. „Издревле... соловецкий монастырь в прославлении имени божия во всех российских странах знаем, и великого государя милость к той святой обители незабытна“, читаем мы в этой челобитной. Знатные многовотчинные монастыри... пожалованы „для пополнения“ приписными монастырями и вотчинными пустынями в дальних и ближних местах: в них есть по 100 и 200 дворов, между тем соловецкий „маловотчинный“ монастырь отстоит на самом дальном расстоянии, и у него нет приписных монастырей или вотчин, в частности, не имеется подмосковных вотчин. Указав на Новосоловецкую пустынь в Марчугах, которою и раньше управляли московские „строи-

[1]) В компетенцию „Приказа в. государя Тайных Дел“ входили самые разнообразные предметы, начиная от личной переписки царя, его вотчин, кассы, промышленных и торговых предприятий, до дел благотворительности (раздача милостыни деньгами, кормы). Ведению приказа Тайных Дел подлежали дела Саввинского монастыря, находившегося под особым покровительством царя Алексея Михайловича (Гурлянд „Приказ великого государя Тайных Дел“. Ярославль, 1902 г., стр. 161- 236).

тели“ из соловецкого монастыря, архим. Фирс от лица всей братии просит приписать эту пустынь к соловецкому монастырю, оффициально передав ее в управление московскому строителю. В цитируемой челобитной пустынь характеризуется, как „самая скудная“, и братии и бельцов в ней „малое число“, но если доверять „описным книгам“ подъячего Елисея Ильина, хранившимся в приказе Большого Дворца, то такая характеристика к ней не подойдет. „Пустынь“ достаточно хорошо была оборудована каменным строением, не только церковным (церковь в два яруса), но и хозяйственным; была даже своя мельница о двух жерновах с амбаром, земельные угодья простирались на версту от Москвы реки, была и своя деревня Фаустово и свои рыбные ловли... Наконец „пустынь“ имела свои дворы в Москве: в Китай-городе (куплен у столового истопника Михаила Иванова), часовню у москворецких ворот... [1]).

Стремление соловецкого м-ря приобресть во чтобы то ни стало „подмосковные вотчины“ пустыней в Марчугах не ограничилось. Под 1688 годом нам известна запись архим. Иннокентия, келаря Игнатия и казначея Фирса, данная ими Семену Провичу Ширину в том, что последний „променил“ в м-рь вотчину свою в Каширском уезде, в Ростовском стану, в с. Архангельском (оно же Чернева) 209 четвертей с осминою, да в пустошах: Кононово—40 четвертей, Руднево (Рязан. уезда) 50 четвертей, Сухотино 40 четвертей, Новоселки 50 четвертей, а всего 419 четвертей, с осминою со всеми угодьями по писцовым и переписным книгам, и с крестьянами, которые проживали в с. Архангельском. По обоюдному условию, Семен Прович и его жена могли владеть названными угодьями „по свой живот“ и платить государеву подати. После же смерти их, во владение названного вотчиною вступает соловецкий м-рь. За это монастырские власти обязуются „донде же обитель стоит“, поминать умершую чету и ее родителей. Весь этот вклад в переводе на деньги составлял 5 тысяч рублей [2]). Очевидно, соловецкие старцы не могли жаловаться на то, что по отношению к ним строго выполнялись соответствующие статьи Соборного Уложения. Соловецкий вотчинник не только приобретал себе „вотчины“ в центральных районах, но и делал попытки обосноваться со своими соляными промыслами поближе к центру. Нам известно, напр., что в 1653 году в сентябре месяце крестьянин Тотемского уезда, Векшенской волости Иван Васильевич Евдокимов (по прозвищу Рышков) отдал вкладом в соловецкий м-рь „вечного ради поминания по своих родителях и по душе своей в помин“ в Тотемском уезде по реке Сухоне, на „сторонних“ речках (Глухой и Поледухе) под деревнею Глухою по обе стороны речек восьмую долю „орамой“ земли—наволоков к соляному росолу и к варничному „заводу“, которым владел он, Евдокимов, кроме тех двух наволоков, где пускал трубы „государев Московский гость“ Данило Панкратьев... С этой данной земли монастырь обязан был платить всякие государевы подати „с миром вместе“. Архимандрит (Илья) должен был дать Евдокимову собственноручное („за своими руками“) обязательство, что он обещается поить и кормить самого вкладчика, его жену и внука, а родителей вкладчика и его родственников запишет в „сенодик“. Если бы вкладчик стал изъявлять желание постричься, то м-рь должен был выполнить это и затем „всем покоить“ его наравне с прочею братией... Вполне понятные причины гнали соловецкого вотчинника в Тотемский уезд: „поморские варницы лесы в Поморье отдалели, и соли... варить нечим“, жаловались соловецкие старцы в Москву. В 1657 году вдова Пара-

[1]) Досифей, II, стр. 403—410.
[2]) Соловецкий архив. (Купчие, дарственные, меновые и др. грам. XVII в.).

сковья, Семеновская жена Харамова и другая вдова Ирина Абросимовская жена Клушинцева со своими детьми дали „вкладом“ в сол. м-рь свои промысла со всеми заводами, с пашенными землями, с сенными покосами и с мельницами. За некоторые из перечисленных угодий названные вдовы получили от м-ря деньги[1]). В своем стремлении организовать варницы на новых местах, поближе к рынку сбыта, соловецкий вотчинник сталкивался с такими же предпринимателями из крупного Московского купечества. Особенно одиозною для сол. м-ря в этом отношении была фамилия Панкратовых. Не безынтересным в некоторых отношениях для характеристики предпринимательской деятельности соловецкой вотчины представляется следующий факт. В 1657 г. крестьянин Сереговской волости Яренского уезда Зиновейко Иванов сын Гичев отдал „вкладом по родителях“ свою д. Удор, с двором, хоромами, пашенною землею, с сенными покосами и со всеми угодьями за 50 р. В этой деревне находился соляной ключ, и соловецкие старцы решили было организовать здесь соляной промысел, о чем была послана соответствующая челобитная в Москву. В ответ на это последовало разрешение построить варницу с оговоркой: „буде нашим государевым крестьяном тесноты не будет“. Но в 1658 и 1660 годы бил челом „в Москву дьяк (?) Данило Панкратов, который сообщил, что еще в 1637 году он завел в Яренском уезде, на р. Выми под д. Сереговым усолье и построил там деревню, дворы, амбары и варницы и поставил „всякий завод“. С того усолья он возил соль на продажу к Вологде в довольно значительном количестве: одних пошлин с продаваемой соли он ежегодно платил в казну от 700 до 1000 рублей, да столько же пошлин поступало в казну с купцов. В 1655 г. крестьянин д. Сереговы Демка Гичев, „похваляся“, провел на Панкратовское усолье соловецких слуг. Встревоженный Панкратов, во избежание возможных для него неприятностей, дал Демке 10 рублей под расписку, что тот впредь никого не станет водить на его соляные промысла. В случае нарушения этого обязательства Демка должен был уплатить Панкратову „заряду“ 200 р. Демка не сдержал данного обязательства и свой двор и землю отдал в соловецкий м-рь „вкладом“ за 50 р. По словам Панкратова, сол. архимандрит утверждал „ложно“, что соляной ключь находится на земле Демки: он был на земле Панкратова. Так как Демкина земля находилась среди крестьянских тяглых земель, то Данило Панкратов в своей челобитной напоминает правительству о существовании специальной статьи Соборного Уложения, запрещавшей тяглым землям быть за монастырями, поэтому соловецкий монастырь обязан был возвратить незаконно взятые земли, чтобы его, Панкратово, усолье „не запустело“, откровенно мотивирует Панкратов свою челобитную. Он даже согласен был вернуть м-рю затраченные им 50 р. с тем, разумеется, чтобы деньги и двор Демки Гичева взять себе. Наступившая затем смута в самом м-ре, видимо, отвлекла внимание м-ря от спорного дела. Спор вспыхнул уже при сыне Данила Панкратова Иване. В 1673 г. прикащик молодого Панкратова дал взаймы детям Зиновейка Гичева 40 р. и взял вкладные деревни на своего хозяина. Таким образом, на одни и те же деревни появились две купчие. Это было уже преступлением и вызвало протест Московского „строителя“ Иринарха (Тарбеева). Дети Гичева в свое оправдание ссылались на то, что, зная о воле отца, они сделали это „от скудости“, а купчую писал никольский церковный дьячек Елизарко Ефимьев, живший „в найме“ у гостя Ивана Панкратова. В 1674 г. Иван Панкратов, ссылаясь на статью Соб. Уложения и на правительственные

[1]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 19, стр. 154—157.

указы, запрещавшие отдавать земли в м-ри, просил деревню Гичева отдать ему, обещая вернуть в м-рь вкладные деньги „вдвое". В том же 1674 г., по распоряжению из Москвы, спорною деревнею стал владеть Иван Панкратов, с обязательством вернуть в м-рь (Московскому строителю) вкладные деньги в двойном размере.

Монастырь опротестовал это решение, указывая на то, что боярин Артамон Сергеевич Матвеев решил дело, „дружа гостю Ивану Панкратову," без суда и без очной ставки, тем более, что м-рям и беломестцам (к последним принадлежал и Панкратов) относительно владения тяглыми землями „один и тот же государев указ." Кроме Панкратова, в той же д. Удоре находился двор купца Остафия Филатьева, по мысли соловецкой челобитной, также нелегально обосновавшегося здесь. Жаловался м-рь и на то, что Ив. Панкратов возвратил только 100 р. вкладных денег, между тем, как м-рь, по существующему положению о вкладчиках, в течение долгих лет, кормил, поил, обувал и одевал большую семью вкладчиков и поминал их родителей. В 1679 г. спорное дело надлежало „доложить" царю (Федору Алексеевичу), но бывший в новгородском приказе судьею думной дьяк Аверкий Кириллов, „дружа" гостю Ивану Панкратову, не делал этого, вследствие чего Ив. Панкратов владел спорною деревнею „напрасно" с 1674 по 1683 г. За это время, по словам монастырской челобитной, Иван Панкратов успел „обсечь" леса для своей соляной вари (ежегодно высекалось дров на 300 р. и больше). В 1683 г. соловецкий м-рь снова подал челобитную в Москву о возвращении ему „вкладной" деревни с угодьями. 15 марта 1683 г. спорная деревня была передана сол. м-рю под прежними условиями: „буде нашим великих государей крестьяном тесноты и разорения не будет"... и чтобы м-рь с полученного крестьянского жеребья нес все повинности, лежащие на волостном обществе, „безпереводно" и „во что миром обложат". Естественно всплывавший вопрос, как быть с детьми и внуками Зиновека Гичева, разрешен был правительством довольно оригинально: они должны были жить на „том жеребью и работать на монастырь". Издавая грамоту об этом, правительство сочло долгом оговориться, что данное решение его для соловецкой вотчины сделано прочим м-рям „не в образец, так как к соловецкому м-рю „особое государское призрение и милость", поскольку он недавно пострадал от „воров и церковных мятежников," и „истощен через многое осадное время без остатка". Но впредь в таких спорных вопросах должно было держаться принципов Соборного Уложения [1]). Однако мы имеем основание утверждать, что в жизни соловецкой вотчины подобные исключения („прочим м-рям не в образец") были довольно частым явлением.

Во второй половине XVII ст. колонизаторская энергия соловецкой вотчины, главным образом, сосредоточивается, повидимому, на Устюжском уезде. Вообще, в Устюжском уезде соловецкий монастырь обосновался не позднее 1636 г., когда крестьянин Карп Новинский отдал в дом Спасу на Соловки шестой свой жребий в д. Новинской (в Ярокурском стане [2]).

---

[1]) Цит. рукоп. сол. сборник № 19, стр. 583—596.

[2]) Остальные пять были за протопопом Устюжской Успенской церкви Василием Кондратьевым. К этой же д. Новинской (по данным писцовой книги Никиты Вышеславцева) принадлежали угодья на острове Русановском, которые все были захвачены протопопом, в том числе и шестая монастырская доля этих угодий, с которой оброк в казну платил монастырь. Монастырь бил челом в Москву об отводе монастырю захваченного участка. Протопоп был вызван в суд, но от явки на этот суд он уклонился. „Сыскав в сердце своем правду" и примирившись с соловецкими старцами, он в 1641 г отдал спорный шестой участок в монастырь вместе с „насиянным хлебом, сеном и изгородью". Монастырь этот свой жеребей эксплоатировал при помощи половников. В 1671 г. Павел Михайлович сын

Какими способами соловецкие старцы, которых одна крестьянская челобитная характеризует, как „людей сильных", расширяли свои владения в Устюжском уезде, об этом весьма красочно рассказывает один современный источник. В 1678 г. всеуездный устюжский староста Потапко Копылов с товарищами и „во всех волостных крестьян место" жаловался в Москву царю Федору Алексеевичу на то, что соловецкие и других монастырей архимандриты и игумены, как до, так и после Соборного Уложения „по двойным и по тройным закладным кабалам со многими приписными деньгами и всякими налогами... завладели многими селами и деревнями, и островами, и садами, и новоприсадными местами, и песками самыми лутчими, и на тех новоприсадных песках и на черных лесах многие деревни вновь построили и сенные покосы росчистили и мельницы по рекам построили, отимаючи у них, крестьян, десятинные леса и всякие угодья силно". Кроме того, завладев разными способами рядом деревень и угодий, монастыри не желали платить с них оброка, а так как в писцовых книгах эти монастырские угодья из тяглых черных деревень не выписаны то платить за них в казну приходилось крестьянам, „и тем неплатежем, и всякими налогами их, уездных крестьян, до конца разорили." Чрез свои деревни, расположенные вблизи лесов, монастырские старцы запрещали крестьянам проезжать в леса, да и вообще не пускали крестьян в леса „ни по что". Свои деревни, лучшие в уезде, монастыри отписали от крестьянских волостей, таможенных и других всеуездных служеб не несли, и поэтому вся тяжесть разнообразных повинностей (прогоны, приставские въезды, вхоженное, кормы и всякого рода „издержки"), за исключением ямской повинности, ложилась на волостных крестьян... Указывая на все эти злоупотребления староста от лица всех крестьян просил правительство запретить монастырям отписывать свои угодья от крестьянских черных волостей, и, наоборот, привлечь монастыри к уплате белочного оклада, а обо всех обидах учинить очную ставку жалобщиков с монастырскими властями, обязав писцов без такой очной ставки „не отписывать" монастырских деревень от волости. Следует отметить, что результаты этой крестьянской жалобы для соловецкого монастыря не доставили каких либо неприятностей, числившиеся за ним по прежним писцовым книгам угодья остались в таком положении и в дальнейшее время, а деревни и угодья, на которые имелись у монастыря на руках грамоты и купчие крепости, переписывавшие уезд Алексей Лодыженский с подьячим Алексеем Ерофеевым должны были занести в писцовые книги заново. Денежный оброк с этих деревень и угодий монастырь должен был платить в Москве „сполна, бездоимки", но „особ волоснных крестьян"... Цитированный нами памятник, не требуя особых комментариев, говорит сам за себя [1]).

В 1657 г., монастырь, по данной крестьянина Афанасия Семенова Хохлова, по его „вере" и „обещанию", получил половину его деревни Галеиной со двором, подворною землею, дворовыми постройками, пашенною и непашенною землей—в Вотложемской волости, Алексинском стане. Вкладчик лишь выговорил себе право: если соловецкий монастырь на речке Вотложемке выстроит мельницу, ежегодно молоть для себя „безденежно" 30 мер зерна. В 1662 г. монастырь купил в Кокшенгской волости (Важского уезда) у крестьянина Савки Максимова его тяглый участок дер. Комлевскую со всем „жеребьем"—1/3 обжи, и в ней сразу же

Прошутин „по обещанию своему" отдал в соловецкий монастырь в Устюжском уезде, в Ярокурском стану по левую сторону Чайкина острова до села Алексина новоприсадное „порожее" место—3 десятины с пашенною землею..." (Сол. арх. Купчие, дарственные, меновые и др. грамоты XVII в).

[1]) Соловецкий архив... (Купчие, дарственные, меновые и др. грамоты XVII в).

пытался организовать соляной трубный промысел. В 1664 г. здесь поселился было уже монастырский прикащик, но он вскоре же умер, а наступившая вслед за тем смута в самом монастыре послужила причиною упадка и Комлевской деревне („как в прошлых годех раскольники бунтовали, и они (старцы) ту свою деревню не строили"). В 1683 г. монастырь постарался приобрести грамоту на Комлевскую деревню и на соляной промысел в ней [1]). Иллюстрация территориального роста соловецкой вотчины во второй половине XVII в. можно было бы увеличить значительно, но отметим наиболее яркие и типичные моменты в этом росте. Несмотря на политическую неблагонадежность, опальная соловецкая вотчина и во время знаменитого „соловецкого сидения" (1668 —1676 г.) не упускала случая увеличить свои владения или возвратить утерянное. В 1668 г. соловецкий монастырь начал систематически стремиться к возвращению угодий, отнятых у него бывшим патр. Никоном, для вновь основанного последним крестного монастыря или „Ставроса", т.-е. Кушрецкой волости, Польских и Пияльских соляных промыслов, озера и речки Понгомы и д. Пертнемы. Внешние обстоятельства (осада самого монастыря) заставляли правительство быть уступчивее; духовные московские власти и восточные патриархи старались отменить некоторые решительные меры теперь опального патриарха [2]). В 1670 г. крестьяне Устюжской волости Афонка да Васька Хохловы должны были „ответствовать" в насильственном завладении монастырским старинным оброчным песком у тяглого печищного Русанова острова. На этом песке заходчики успели было завести огород и сенокосы [3]). В 1679 г. специальною царскою грамотой на имя Вологодского воеводы Колычева подтверждены были за соловецким монастырем числившиеся в ведении конюшенного дворца и состоявшие на оброке у соловецких прикащиков 18 пожень в Вологодском уезде (Евстратиха, Сычевская, Пихалев-наволок, Забережище и др.; 14 из них предоставлены были в оброчное пользование монастырю „бесперекупно" еще в 1636 г.; остальные были получены позднее (напр., пожня Монаиха в 1645 г.). Здесь монастырь вел довольно крупное хозяйство. Напр., только в 14 пожнях числилось 93 десятины да 25 десятин поросло лесом, сена накашивалось 1770 копен. За все 18 пожень монастырь обязан был платить оброку 15 р. 14 а. 4 д. Но, очевидно, эта сумма была низкою, поэтому стремянный конюх Евдоким Шахов, да задворный конюх Афанасий Калмаков, „усматривая сенные покосы", стали отдавать их на оброк из „наддачи" сторонним людям: соловецкие старцы, повидимому, отказались увеличить оброчную плату! Поданная в Москву монастырем жалоба была решена в его пользу: пожни „бесперекупно" были оставлены за соловецким монастырем [4]). В 1680 г. во владение к соловецкому монастырю перешел Красноборский погост с церковью, прикупными землями и крестьянами. Красноборский погост мог стать пристанью для монастырских „дощаников", доставлявших к Вологде соль. В таких пристанях, как увидим ниже, монастырь весьма нуждался. Кроме того, во второй половине XVII в. здесь был организован торг и заведены ярмарки. По описи 1676 г. в Красноборском погосте насчитывалось 66 лавок и амбаров, принадлежавших, кроме соловецкого монастыря, местной спасской церкви, Строгановым и устюжанам, как по-

---

[1]) Цит. рукоп. соловецк. сборн. № 19, стр. 596 –599.

[2]) Цит. рукоп. соловецк. сборн. № 19, стр 292 –295. Польское усолье, переданное „монахом Никоном" основанному им монастырю „Ставросу", возвращено было монастырю соловецкому в 1670 г., но фактическая передача этого усолья произошла позднее: в 1673 г. (ibidem, стр. 372—377).

[3]) Ibidem, стр. 278—279.

[4]) Ibidem, стр. 521—526.

садским людям, так и крестьянам [1]). Что соловецкий монастырь стремился прочно обосноваться в Красноборском погосте, это, конечно, понятно, принимая во внимание торговое значение последнего. На основании имеющегося в нашем распоряжении материала возможно детально изучить процесс освоения соловецким монастырем Красноборского погоста. Мы отметим лишь главнейшие и наиболее характерные моменты в нем. Около 1620 года [2]) крестьянин Рудачко Яковлев Ожегов взял на льготную распашку в Комарицком стане в Юрьеве наволоке (в нижнем конце) черное место, дикий лес и четь выти Юрьева наволока. В Пермогорской волости к Рудачку Ожегову перешла дер. Драчевская (на р. Двине [4]), дер. Сверчевская [3]). В 1627 г. Рудачко Ожегов построил в Красном бору церковь спаса нерукотворенного. В 1643 г. свои земельные угодья и церковь Рудачко Ожегов передал брату Степке Ожегову, который на церковные деньги прикупил тяглых пашенных земель и сенных покосов. После Степки Ожегова Пермогорские угодья достались его сыну Ивашке с братьями (Данилкой, Ромашкой и Федькой). Несколько лет спустя братья Ожеговы заняли у соловецкого монастыря „для своих великих нужд" 300 р. денег под кабальную запись и „для веры" заложили крепости и царские грамоты на свои угодья и церковное строение. Соловецкий монастырь и раньше имел виды на Пермогорский погост, так как в переписных книгах Алексея Лодыженского и подъячего Алексея Ерофеева 186 (1678) г. обозначен здесь среди бобыльских и половничьих дворов и двор соловецкого монастыря. Долг был просрочен, и в 1679 г. в Москве Данилко Ожегов и „строитель" соловецкий Иринарх Тарбеев договорились „полюбовно", в результате чего братья Ожеговы должны были „поступиться" соловецкому монастырю своею „вотчиной" с пашенными и непашенными землями, сенными покосами, церковным всяким строением и прикупными церковными землями, кроме дер. Полутовской, Шеинской, Шейнского починка, половины дер. Алексеевской, д. Шеломинской (или Скамьинской) и нескольких сенных покосов и пожень [5]). В том же году эта сделка была утверждена в Москве с оговоркой: „которые половники живут в тех деревнях а похотят жить, и ныне на той же земле, и за тех половников в нашу великого государя казну всякие денежные доходы велели платить из соловецкого монастыря по вся годы сполна бездоимки, почему те половники тягла платили наперед сего..., а в соловецкий монастырь с той земли платить половникам оброк по договору, а службы служить им с волостными крестьяны вместе по очереди". Следует отметить,

[1]) М. Богословский. „Земское самоуправление на русском севере в XVII в." т. I. М. 1909 г., стр. 74.

[2]) В устюжских писцовых книгах письма и меры Никиты Вышеславцева, да подъячего Агея Федорова за 131, 132, 133 и 134 годы угодья в Юрьеве наволоке уже числились за Рудачком Ожеговым (Цит. рукоп. соловецк. сборн. № 19, стр. 539 и след.; Досифей, III, стр. 167).

[3]) В 1623—1626 г.г. в д. Драчевской числилось (по писцовым книгам Никиты Вышеславцева): пашни паханные середние земли 14 четьи в поле, а в двух потомуж; сена в большом лугу на пожнях Шиге и Качалине 135 копен, лесу пашенного 7 десятин, а непашенного 10 десятин; в живущем 1 выть; из населения назван только 1 бобыль. В 1678 г., во время переписи Алексея Лодыженского, в Драчевской деревне отмечено 2 двора половничьих (ibidem).

[4]) В деревне Сверчевской (на р. Двине) в 1623—1626 г.г. писцовая книга (Никиты Вышеславцева) отмечает 2 крестьянских двора, паханные пашни середние земли 12 четей с полуосминою в поле, а в двух потомуж, сена „вопче" с другою деревнею Сверчовскою за р. Двиною в большом лугу на пожне Шиге 35 копен, да на пожне Нифачихе 29 копен, да на Сверчковской пожне 47 копен; лесу пашенного 6 десятин, а непашенного 10 десятин, в живущем 1 выть без получети выти. В 1678 г. переписчик Алексей Лодыженский отметил в д. Сверчевской 2 двора половничьих.

[5]) В это время в д. Драчевской и Сверчевской засевалось ржи 20 мер, и ярового (овса и ячменя) 37 мер. (Русск. Ист. Библ. т. XIV, кн, II, стр. 1180).

что и во владение Красноборским погостом соловецкий монастырь вступил не сразу, предварительно он должен был выдержать тяжбу с местным волостным миром. Обжаловавшие передачу братьями Ожеговыми Красноборского погоста соловецкому монастырю Устюжский посадский староста Гаврилко Протодьяконов и всеуездный земский староста Андрюшка Жилин в своей челобитной в Москву, доказывая незаконность завладения Ожеговыми церковью Спаса на Бору и ее имуществом, ссылались и на Соборное Уложение, которым „тяглыми землями, опричь тяглых людей, владеть никому не велено и вотчинникам вотчин в монастыри вкладов давать и продавать не указано“ [1]).

Колонизуя Онежские погосты, Подвинье, район Сухоны и некоторые центральные уезды Московского государства, соловецкий монастырь не забывал и крайнего русского севера. Так называемые „Мурманские промысла“ составляли предмет особенного внимания и заботливости со стороны соловецкой вотчины в XVII столетии [2]). Сообщение между соло-

[1]) В 1677 году на Ивашку Ожегова в Москву была подана жалоба от всеуездного устюжского земского старосты Потапки Копылова, в которой отношение Ожеговых к Красноборскому погосту представлено в другом виде. Церковь в Красноборском погосте была оборудована старателями волостных крестьян Юрьевской и Устьевской волости. Только тогда, когда в церкви „многая казна“ оказалась „в зборе“, Степка Ожегов (отец Ивашки) церковь со всею казной взял в свое ведение „своим озорничеством“. Церковною казной Степка Ожегов и его сын Ивашко распорядились довольно бесцеремонно: часть ее они употребили на покупку деревень и пожень для себя, а часть пропили. Считая себя ктиторами названной церкви, братья Ожеговы не находили нужным давать отчет в церковной казне мирским людям.. Ивашко Ожегов, кроме того, был далеко не безупречным человеком и в других отношениях. В 1677 г. он был привлечен к ответу за то, что „в Красном Бору у кружечных дворов он разливал казенное вино, бросал чарки и кружки и бил целовальников, а у Потапки Копылова и Харки Безрукова крал анбары...“ По царской грамоте 1678 г. велено было избрать старосту из добрых и пожиточных людей и впредь избирать старост к церкви Спаса „погодно“... В 1679 г. братья Ожеговы опротестовали челобитную Потапки Копылова, и в Москву „для подлинного розыску и очных ставок“ были вызваны и Ивашко Ожегов и Потапко Копылов. Противники в Москве примирились и в поданной мировой челобитной Потапко Копылов сообщает, что в Красноборской вотчине он „впредь не челобитчик“, и „впредь ему Потапку до той Красноборской земли и до церковного строенья и до церкви дела нет“... Красноборские угодья и церковное строенье снова осталось за Ожеговыми, точнее получила силу передача, этих угодий соловецкому монастырю. (Цит. рукоп. сборн. № 19, стр. 539—564; Досифей III, стр 167—178; Русск. Истор. Библ. т. XIV, ч. II, стр. 1153—1226).

[2]) Еще в XVI в. важное торговое значение приобрела Кола, особенно после того, как во второй половине XVI ст. установились торговые сношения Руси с Нидерландами. Когда в 1581 г. снова была потеряна Моск. госуд. Нарва (взятая незадолго пред тем— в 1558 году), нидерланды стали прокладывать себе дорогу в устья Северной Двины вдоль Мурманского берега. Это было удобно проделать потому, что фактически нидерландские корабли посещали Печенгскую губу, а затем и Колу еще с 1565 г. Северный путь имел для нидерландцев даже некоторое преимущество, так как избавлял их от обязанности платить зундскую пошлину. В Печенгской губе нидерландские купцы встретились с предприимчивыми старцами Печенгского монастыря, которые, по словам нидерландца Симона фон Салингена, оказались инициаторами русско-нидерландской торговли на крайнем русском севере. (В. Кордт. „Очерк сношений Моск. государства с республикою соединенных Нидерландов по 1631 г.“ Сборн. русск. ист. общ. т. 116, СПБ, 1902 г. стр XIX—XXIII; ср. В. О. Ключевский. „Сказания иностранцев“... (изд 1916 г., стр. 259). Развитие торговых сношений с Нидерландскою республикой содействовало росту Трифоно-Печенгского монастыря: в 1565 г. в нем было только 20 монахов и 30 послушников, а в 1572 г. первых было уже 50 человек, а послушников и рабочих более 200. На всем пространстве от Вайдо-губы и до Варенгской губы монахи Трифоно-Печенгского монастыря завели свои промыслы. Постепенно росло и селение Кола. В 1565 году оно составляло небольшое селение из 3-х жилых дворов; в 1582 г. здесь образуется уже волость, и в ней поселился воевода (сначала Аверкий Иванович Палицын, а затем Макс. Фед Судимантов). В 1583 г. в Коле был построен острог, который в 1590 г. мог отсидеться от набега шведов. В 1664 г. по указу царя Алексея Мих. здесь определено было находиться отряду стрельцов в 100 человек. (В. Кордт, цит. соч., стр XXV—XXVI. Словарь географический Российского государства, ч. III, Москва 1804 г., стр. 658—661; А. В. Тищенко. „Из истории Колы и Печенги в XVI в. „Журн. Мин. Нар. Просв. 1913 г. июль; Голубцов Н.“ К истории Колы Арханг. губ.“ („Изв. арх. общ. изуч. русск. севера“, 1911 г. №№ 1 и 5).

вецкими островами и Мурманским берегом не представляло каких-либо затруднений. В XVI—XVII в. существовало, повидимому, несколько возможностей пробраться из Холмогор в Колу. Англичанин Эдвард во второй половине XVI ст. знал такой путь: от св. Николая (позднее Архангельска), Ненокса, Унская губа, Лопшанга, Усть-наволок, Соловецкий монастырь, Кандалакша, Усть-Кола. Салинген указывает следующий маршрут: вдоль западного берега Белого моря, мимо Керети, Кеми и Шуи к Каргополю. Таким образом, Кола была связана путями сообщения не только с Белым морем, но и с Москвою 1) через Двину и 2) через Каргополь [1]). Когда соловецкий монастырь проник на Мурманский берег? Полагаем, что еще в XVI в. [2]). Но более систематическую колонизацию со стороны соловецкого монастыря Мурманских промыслов мы можем проследить уже в XVII в. Правда, в это время монастырь-вотчинник идет сюда по проторенной тропе, получая угодья от русских уже поселенцев, а не от туземцев-лопарей. Например: в 1655 году посадский человек Кольского острога Лука Алексеев Вянзин купил у местных лопарей Килдинского погоста Пантелея Сидорова и Савелия Павлова „згодье" на Мурманском море—речку Типуновку между Климковым и Топунковым становищами (за 1 р. 16 а. 4 д.). В 1665 г. Лука Алексеев Вянзин купленное им угодье отдал вкладом по своих родителях в соловецкий монастырь. В 1655 году посадский человек кольского острога Иван Дмитриев сын Москвин „поступился" в соловецкий монастырь на Мурманском море в Тирибирской губе четвертью Тирибирки реки с неводными и гаровными местами и четвертью реки Орловки в той же Тирибирской губе; в том и другом месте устроена была ловля семги в компании с печенгскими старцами. К Москвину эти угодья перешли по купчей от Григорья Васильева сына Мокроусова, тоже посадского человека из Колы, а дед последнего Кузьма Дементьев сын Мокроусов купил эти угодья у лопарей. В 1665 году Кольский стрелец Кондратий Степанов сын Насурнин продал в соловецкий монастырь на море, на русской стороне, в Климкове половину своего становища, половину избы и сеней, половину поварни, половину вежного прежнего места, половину сайвы [3]), половину елуев [4]) в трех местах на горе (две елуи продольные, а другие поперечные), сальную семирудовую бочку, новое сальное корыто, половину брониць [5]) и половину морского „заводу". В том же году стрелецкий пятидесятник Кольского острога Родивон Перфильев сын Мошнин отдал „вкладом" в соловецкий монастырь на море, на русской стороне, в Климкове половину „становища" своего, половину избы, половину сеней, половину поварни, половину сальника, половину „елуев" в трех местах, несколько сальных судов, сальный „тщан" в 30 пудов, квасную и сальную бочку и другие сальные сосуды и морскую снасть [6]).

---

[1]) А. Тищенко. „Из истории Колы и Печенги в XVI ст." Журн. Мин. Нар. Просв. 1913 г. июль, стр. 106—107.

[2]) Нам известна купчая от 1581 г. Татьяны Никифоровой дочери и ее детей Федота и Наталии Филипповых детей, которой названные лица продали Федору Семенову, сыну Мартынову, слуге Соловецкого монастыря, поллука своего угодья в устье р. Колы. В эти поллука входили тоня и гаровные места в Рявцыне наволоке. В том же 1581 г. монастырь получил „вкладом" на Мурманском берегу амбар и погреб (все за 12 р.) от Ивана Петрова Быка.

[3]) Сайва или сайба—амбарок или житница на столбах (Даль—толковый словарь... т IV, стр. 10).

[4]) Елуй—бревно в козлах для вяленья рыбы (Даль, цит. соч., т. I, стр 1292).

[5]) Броница—пристань для малых судов в морском заливе или бухте. (Даль, цит. соч. т. I, стр. 302).

[6]) Соловецкий архив (купчие, вкладные, меновые и др. грамоты XVII в.).

Мы знаем, что еще по царскому указу 1585 года торговля в Коле должна была вестись лишь треской, палтусом, тресковым и китовым жиром; торговля же другими предметами была перенесена в новый город Архангельск на том основании, что Кола —„место убогое“ [1]). Однако, такое ограничение кольской торговли не ослабило торгового и промышленного значения Мурманского берега и, в частности, Колы.

Концентрируя в своих руках непосредственно замледельческие и промысловые угодья, соловецкий монастырь старался взять в свое ведение и отдельные монастырские организации, разумеется, с принадлежавшими им угодьями. В 1679 году соловецкому монастырю удалось было получить (на непродолжительное время) в свое ведение Пертоминскую пустынь на восточной стороне Унской губы Белого моря [2]). Основанием для этой передачи послужило предание о том, что Вассиан и Иона, почитавшиеся здесь, как святые, и погребенные в Пертоминской пустыни, были будто бы монахами соловецкого монастыря, в частности, учениками знаменитого игумена Филиппа (Колычева) и погибли на море в 1566 году [3]). В 1681 г. соловецкому монастырю была передана Зосимо-Савватиевская пустынь в Важском уезде, Подвинской четверти, Конецгорской волости „со всяким церковным строением и с монастырскими вотчинными згодьи“. Мы не можем установить, каково было отношение этой пустыни к соловецкому монастырю до того времени, ввиду полного отсутствия данных для каких бы то ни было определенных выводов. Предполагаем, что материальная необеспеченность и невозможность собственными силами отстаивать свои вотчинные интересы при создавшихся для церковного и монастырского землевладения условиях побудили строителя названной пустыни старца Макария хлопотать о присоединении ее к сильной соловецкой вотчине [4]).

К концу описываемого нами периода (в 1695 г.) соловецкий монастырь увеличил свои угодья в центральном районе, получив в свое владение Авраамиеву Чухломскую пустынь в Галицком уезде (пред этим приписанную к Новоезерскому Кириллову монастырю). 9 апреля 1695 года последовал правительственный указ о передаче этой пустыни со всем ее движимым и недвижимым имуществом, с тяглым населением („со крестьяны и бобыли“), с пашнею, с сенными покосами и со всеми угодьями, что к тому монастырю написаны в писцовых и переписных книгах—соловецкой „лавре“. Подъячий приказа Большого Дворца Григорий Фаддеев в том же 1695 г., переписав монастырское движимое и недвижимое имущество, „отвел“ названную пустынь соловецкому монастырю, и объявил монастырской братии, служкам, служебникам, вотчинным крестьянам и бобылям, чтобы они во всем были послушными соловецкому архимандриту, чтобы крестьяне пахали на монастырь пашни, делали всякое изделие и платили в монастырь оброк. По данным переписной книги подъячего Фаддеева, за Авраамиевою пустынью числилось 15 деревень, 5 пустошей, 2 починка,

---

[1]) В. Кордт, цит. соч. Сборн. русск. ист. общ. т. 116, стр. LVI.

[2]) Досифей, цит. соч., I—II т., стр. 415.

[3]) Составитель жития Вассиана и Ионы Пертоминских не решается, однако, утверждать, что последние действительно были соловецкими монахами. „От некиих древне слышанием извествуется, яко глаголют: ученицы бяху святителя Филиппа Московского... и бывшего прежде игуменом в соловецком монастыре, отнюду же посланным им сущим от него ко граду потребных ради 7074 года, и тако шествующим от града вспять из двинского устия по морю, абие на пути напрасно обьят их обуревание великое и от оного многаго волнения морского, божиим попущением залияся лодия волнами и тако скончашася преподобнии, и с ними сущуии бельцы утопишася“. Рукоп. сол. сборн. в библ. б. Каз. дух. акад. № 182 (по печат. опис. № 551), л. 183

[4]) Ibidem, стр. 395—397.

64 двора крестьянских, бобыльских и вдовьих и 3 двора служек. По прежним писцовым книгам в Авраамиевских деревнях, пустошах и починках насчитывалось средней и худой земли 442 чети с четвериком в поле, а в дву потому ж, сена 469 копен, лесу пашенного 129 десятин. По „сказке" монастырского казначея, во время отвода пустыни к соловецкому монастырю, в монастырской десятинной пашне было засеяно 20 четей ржи. В деревне Коровьей слободке числилось монастырской „пахатной" пашни середней земли 30 четей в поле, а в дву по тому ж. В конюшенном дворе было 3 мерина, 7 кобыл, 2 жеребчика „пахотных", 12—„непашенных" жеребчиков и кобылиц 2—3 лет, 10 коров дойных, 3 телки, 2 бычка, 16 овец, 17 баранов и ярок [1]). Таким образом, в распоряжение соловецкой вотчины перешло приличное по тому времени хозяйство с крупным земельным наделом...

Мы рассмотрели территориальный рост крупнейшей вотчины в древней Руси, отметив главнейшие моменты в ее развитии. Нельзя упускать из виду еще одно явление в этом росте: соловецкий монастырь старался обосноваться во всех более или менее крупных городских центрах того времени. Для этого предприимчивые соловецкие прикащики всевозможными способами стремились приобретать в городах дворы, становившиеся опорными пунктами монастырской колонизации в данном районе. Случаи приобретения монастырем двора в том или другом городе отмечаются нашими источниками еще в XVI в., напр., в В. Новгороде в 1566 г. свой сад и двор на городской улице у вала дал в соловецкий монастырь „по души" Иван Борисов сын Тучко. Особенно ценность для монастыря представлял фруктовый сад, с которого в казну поступало по 40 четвертей яблок. В 1580 г. по ходатайству игумена Варлаама яблочный оброк был снят с монастыря [2]). В 1576—80 г.г. дворовый великокняжеский дьяк Семен Дементьев сын по прозвищу Богдан дал в соловецкий монастырь вкладом свой белый нетяглый двор в Москве в „Земском" на Введенской улице у церкви Введения, в Китай-городе, оцененный в 80 руб. Во время „московского разорения" этот двор сгорел. Вскоре же, после очищения Москвы от польско-литовских отрядов, монастырские власти обращаются (4 января 1613 г.) к тогдашнему временному правительству с просьбой подтвердить за монастырем право на прежнее дворовое место. В ответ на это „по приговору бояр и воеводы кн. Трубецкого и Д. М. Пожарского, и по челобитью дьяка Ивана Булыгина", Ив. Мих. Ласкирев, Афанасий Федоров Зиновьев и дьяки Квитицкий и Царевский дали соловецкого монастыря келарю Протасью и казначею Васьяну с братией в Китай-городе у Введения златоверхой церкви старое их монастырское место двор строить и владеть по старым межем" [3]). Несколько позднее, в 1652 г. соловецкий монастырь купил за 1600 руб. наличными (кроме того, 200 р. были записаны вкладом) у боярини Ульяны Федоровны Головиной двор на Ипатьевской улице в Китай-городе (раньше, до 1547 г. принадлежавший кн. Ив. Андр. Голицыну). Это был уже вполне благоустроенный двор. Палаты были каменные, у окон железные затворы, такие же железные двери у задних сенéй и у погреба. На дворе были сооружены 2 избы людские, конюшня, поварня, колодезь и т. д. [4]).

В 1606 г. монастырь приобрел для „монастыркой нужи", точнее „на приезд для их промыслу" в г. Архангельске дворовое „белое" место у

[1]) Сол. арх. „Список с описных книг в Галицком уезде Чухломской осады, Авраамиевой пустыни"; ср. Досифей, цит. соч., ч. I—II, стр. 410—415.
[2]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 64 об.—65
[3]) Ibidem, л. 217.
[4]) Сол. арх „Список купчих на Московские дворы".

стрелецкого сотника Богдана Неелова [1]); а несколько раньше, в 1581 году вдовым священником Хрисанфом Семеновым Русином соловецкому монастырю были отданы два двора в Никольском погосте Андомской волости [2]). Чтобы правильно оценить значение последнего приобретения, надлежит иметь ввиду, что Андомская волость играла видную роль в „онежской" торговле: здесь сходились торговые пути из В. Новгорода через р. Свирь и из русского центра через Шексну и Вытегру.

В 1665 г. соловецкому монастырю „вкладом" был передан „белый" двор с землею в Ярославле на Власьевской улице (от Якимка Нестерова сына Кудрина [3]), а в 1667 г. монастырь получил пустое дворовое место в Кольском остроге у реки Колы, на так называемом „нижнем посаде". Это место раньше принадлежало голландскому гостю Ивану Носко (из Амстердама), который ежегодно вносил с него в казну полтину оброка. С 1632 по 1665 г. этот торговый иноземец не являлся в Колу, и двор его пришел в запустенье. В 1667 г. посадские кольские люди обратились в Москву с просьбой разрешить им то запустевшее дворовое место отдать „по обещанию" соловецкому монастырю „для морского нового заводу и рыбного и сального промыслов". Интересными представляются мотивы, которые побуждали кольских посадских людей обращаться с подобною просьбою к правительству: „чтобы им... с того места от лишнего платежу в конец не погибнуть..." [4]) Очень скоро монастырь организовал здесь свое подворье, которое в 1673 г. было освобождено от несения казенных повинностей [5]).

Несколько ниже мы будем говорить о соловецких дворах в Холмогорах, Устюге Великом и в Вологде, имевших весьма важное значение в деле монастырской соляной торговли.

Глава третья.

В своих челобитных правительству в Москву о разных льготах и пожалованьях соловецкие монастырские власти в качестве наиболее убедительного аргумента неизменно повторяют следующее: „соловецкий де монастырь место не вотчинное и порубежное; искони вечных никаких вотчин за соловецким монастырем нет; питаютца они своими трудами: от начала жития преподобных Зосимы и Савватия чюдотворцов у моря соль варят... Что соли уварят своими труды, и ту соль возят в лодьях на Двину мимо Архангельской город на Колмогоры, а с Колмогор в судех мимо Устюга Великого и Тотьму возят к Вологде, и на Вологде продают, и на те на соляные денги на Вологде и на Устюге покупают всякой хлебной запас и товар про монастырской обиход". С небольшою оговоркой—монастырская запашка в некоторых волостях все же была—цитированные слова соловецких старцев следует признать справедливыми. Хозяйство соловецкой вотчины концентрировалось, главным образом, в области соляной промышленности.

---

[1]) В своей челобитной в Москву об утверждении за монастырем этого двора, игумен Антоний пишет: „ездят де они летом судами из монастыря в монастырь с монастырскими со всякими запасы, а зимою де ездят они от монастырских промыслов мимо Архангельской город к монастырскому же промыслу и у них де у Архангельского города на приезд своего двора не было; все ставились по чюжим дворам, и в том де их монастырю была нужа и убытки великие". Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 189 об.—190 об.

[2]) Сол. арх. Купчие, данные и др. грамоты сол. монастырю от XVI в.

[3]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 19, стр. 192—195.

[4]) Ibidem, стр. 230—231.

[5]) Ibidem, стр. 381—382.

Соляные промысла—явление очень давнее на русском севере и существовали они там еще задолго до возникновения соловецкой вотчины [1]). Составитель „Житий“ Зосимы и Савватия говорит, как о деле обыкновенном, что поселившиеся на соловецком острове вместе с Зосимой монахи „воду от моря черпляху, и тако соль варяще приготовляху и даяху торжником на коуплю и взимаху от них всяко орудие на потребу монастырскую“ [2]). В начале XVI в. в поморье были уже такие варницы, которые пользовались вольнонаемным трудом [3]). Соляные угодья—варницы очень часто переходили во владение соловецкой вотчины от прежних владельцев в готовом оборудованном виде, нуждаясь только в незначительном кузнечном ремонте. Поэтому в жалованных грамотах эти варницы обычно называются именами их прежних владельцев, например; „на устье Сумы реки, на Мяг-острове две варницы Матвеевские Ильина, да под Медвежьею горою варница Лыткинская, да Федковская Омельянова; на Колежме реке варница Епифана с товарищем и т. д.“ [4]). Переходили во владение соловецкого монастыря и варничные места, где варницы или „огнили“ или почему-либо опустели: от „войны немецких людей“, от Басаргина правежу, или, просто, их прежние владельцы „омолодали“, т.-е. разорились. Такую опустевшую варницу новые владельцы пытались реставрировать, если это оказывалось возможным. Полагаем, что последнее не всегда удавалось: запустевшие варницы мы знаем и во владении соловецкой вотчины на протяжении нескольких десятков лет, даже во времена наивысшего расцвета ее экономического могущества. Тем не менее соловецкий монастырь не упускал случая завести соляные промысла в тех местах, где для этого были соответствующие данные. Главным условием для заведения соляного промысла было наличие достаточно насыщенного соляного рассола, близость леса и удобная доставка дров к варницам. Приведем небольшую иллюстрацию того, как соловецкий монастырь производил разведки при организации новых соляных промыслов. Царскою грамотою от 7 февраля 1635 г. соловецкому монастырю, как мы уже знаем, передавались остальные три четверти Керецкой волости [5]). В монастыре, по всей видимости, отлично помнили, что не так давно, лет 60 тому назад, в Керецкой волости только по морскому берегу находилось 9 варниц. 3 варницы было на Черном наволоке, а во всей волости числилось 17 варниц. Еще раньше число варниц в Керецкой волости доходило до 44 [6]). В том же 1635 г 12 июня были отправлены из монастыря в Кереть, Чупу, Черную реку и в Порью губу монах Иоасаф с двумя товарищами (Исихием и Никандром) со специальным заданием „варничных мест и лесов дозирати, где б впредь монастырской соляной промысл устроити“. Захватив с собою по дороге, в Куземе, Понгоме и Гридиной губе „сторонних“ людей, сведущих в варничном деле („кому варничные промыслы за обычей“), и прибыв в Керецкую волость, старцы-

[1]) Некоторые исследователи находят возможным утверждать, что солеварение было известно еще финским племенам, населявшим север до русской колонизации. (Ф. Остроумов. „Древне-русские солеваренные товарищества“. Журнал „Устои“, 1882 г., № 5, стр. 66). Источники говорят о существовании соляных варниц на севере, у моря в XII в. Уставная грамота Святослава Ольговича новгородскому Софийскому собору от 1137 г. узаконяет доход в пользу собора с соляных варниц на море „от чрена и от салгы по пузу“ (Аристов. „Промышленность в древней Руси“, стр. 70). Ввиду примитивности солеваренной техники, доступности материала (морская вода и соляные ключи), и обилию леса возражать против исконности соляного промысла на русском севере не приходится.

[2]) Рукописное „Житие“, № 175, л. 58.

[3]) Ibidem, л. 181 об.—184 об.

[4]) Досифей, III, стр. 12—17.

[5]) Цит. рукоп. сборн. № 18, л. 363—364.

[6]) Об этом в писцовых книгах письма и дозору Василия Огалина...

дозорщики призвали к себе несколько человек из местных крестьян и стали их расспрашивать: был ли раньше и когда именно цренный промысел в Лебяжьей губе, если был, то какими дровами этот промысел пользовался: плавежными или гужевыми, имеются ли на реке Керети дровяные шанги для цренного промысла, возможно ли плавить дрова по р. Керети, плавили ли по этой реке дрова в старину и были ли соляные промысла на Крестовом наволоке. Допрошенные крестьяне показали, что на их памяти цренных промыслов в Лебяжьей губе не было, но что отцы их и старики рассказывали, будто бы в старину соляные промысла здесь существовали, о чем могут свидетельствовать еще не уничтоженные окончательно следы старых варничных мест. Из рассказов стариков соловецкие старцы могли узнать и то, что варницами в Лебяжьей губе владели некогда государевы крестьяне, а не специалисты-промышленники („заводные люди"), дрова к варницам доставлялись гужевым способом, так как Керецкие крестьяне, занятые ловлей семги и жемчужным промыслом, не пропускали через реку Кереть плавежных дров. Допрашиваемые крестьяне подчеркнули особенно благоприятные условия для цренного промысла в Лебяжьей губе: отсутствие рек и ручьев, отдаленность и изолированность от р. Керети („Лебяжья губа от р. Керети стала в стороне и в завороте"), поэтому соляной рассол в этой губе „стоячей добр." Что касается лесов, то по Керети до Варацкого озера на протяжении 20 верст их было много по обеим сторонам; большое количество лесов приходилось, на речку Ловуксу. Поэтому, говорили крестьяне, если устроить цренный промысел в Лебяжьей губе, или на Крестовом наволоке, то дровами он будет обеспечен („дровами варничными будет вековой и безизводной"); при этом они точно указывали, как легко и удобно можно будет доставлять дрова к варницам. Большие удобства, по словам крестьян, представлялись и для устройства соляного промысла и в Крестовом наволоке. Но соловецким старцам пришлось выслушать и обратные суждения относительно пригодности заведения соляных предприятий в Лебяжьей губе и Крестовом наволоке. Один из крестьян той же Керецкой волости Сисой Константинов утверждал, что на р. Керети и Ловуксе „лесов добрых сосновых нет, и боры не прилегли"; все леса отброшены на полверсты и на версту от берега: коренга, березники и ельники; вообще леса в этом районе не высокие, плоские и редкие: боровых лесов нет, следовательно, „к тем лесам монастырсково векового промыслу строити не к чему", самое большое, если здесь смогут продержаться 2 црена в течение 30 лет.

Получив такие сведения, соловецкие старцы-дозорщики направились к Лебяжьей губе и в Крестовый наволок „дозирати рассолу", взяв с собою тех же „сторонних" людей. На месте пришлось убедиться, что рассол в Лебяжьей губе стоячий, глубина в ней достигает 5 сажен в ста саженях от берега. Все эксперты с большою похвалой отзывались о высоких качествах рассола, так как в Лебяжью губу „реки и ручьи не пришли", следовательно, солеварению „от пресницы помешни не будет". Для большой точности рассол „на опыт имали". Один из экспертов (Иов Розжигин) варил рассол на сковороде и очень хвалил его [1]). Взятый непосредственно из моря весом в 26 гривенок рассол после варки дал гривенку без трети соли. Такой процент добываемой соли давал в то время лишь Чупский рассол, считавшийся одним из лучших.

---

[1]) Для исследования качества рассола в соловецких соляных предприятиях, как впрочем, и в других соляных угодьях, применялся так называемый „цренец опытной", устроенный по образцу обычного црена, но небольшого размера.

Но дело в том, что Чупский рассол поступал в црен из колодезя, где он вообще гуще. Таким образом, если бы Лебяжьий рассол предварительно пропустить через соляные трубы в колодезь, то он оказался бы „прибылнее“ Чупского. Относительно удобною показалась экспертам и доставка дров к предполагаемым варницам. Такие же положительные результаты дала экспертиза рассола и „дозор“ лесов в Крестовом наволоке. Для более детального обозрения лесов по обеим сторонам Керети и Ловуксы отправились старец Никандр и Андрей Мошников. Они поднялись вверх по Керети на 15 верст. Картина открывалась для них неутешительная: местность оказывалась гористою, что, разумеется, затрудняло бы доставку дров, леса были отброшены от р. Керети на полверсты и больше и были невысокими: березник и ельник; не лучше были леса и по Ловуксе. Правда, вблизи Крестового наволока (в 3-х верстах) между озерами дозорщики обнаружили много больших сосняков, ельников и березников, но доставка их была затруднительною благодаря гористой местности. Дозорщики в результате своих розысканий пришли к выводу, что дров к проэктируемым варницам на Лебяжьей губе (2 варницы) и на Крестовом наволоке (2 варницы) хватит лет на 30—40... [1]). Рассказанный случай может служить примером исключительной хозяйственной осмотрительности и расчетливости соловецкой вотчины в деле организации новых соляных угодий. Но были случаи, когда выбор рассола оказывался неудачным, и варница в скором же времени обрекалась на ликвидацию: она „пустела“ и превращалась в „варничное место“ или „дворище“ на котором местные крестьяне из-за оброка косили сено. Писцовые книги по монастырским волостям указывают целый ряд таких запустевших варниц. Укажем в качестве примера на следующий случай В 1620 г. была сооружена варница на так называемом Соляном озере (в Кехотской волости). Как обычно полагалось в таких случаях, при варнице сразу же был выстроен двор для монастырского старца-прикащика и „работных людей“; но в том же году эта варница была заброшена, так как рассол оказался „худым“. „Пустою“ и „без црена“ она оставалась и в дальнейшее время [2]). В некоторых районах соляным делом занимались целые поселения; тогда варница находилась во владении целой артели и распределялась между участниками „собрами“ отдельными долями „повытно“. Если рассол получался не из морской воды, а из соляных ключей, т.-е. из колодцев, как, например, в Онежских усольях, то „вопчем“ владении промышленников находились эти самые колодцы. Для иллюстрации укажем на такие факты. Во Владыченской волости на р. Онеге под Антоновскою деревнею рассольный колодезь был у соловецкого м-ря „вопче“ со спасским Каргопольским монастырем, при чем у того колодезя за соловецким м-рем была варница с црeном, варница пустая да 3 пустых варничных места. Пайщик или член артели свою часть—„расол царя и в. князя, а свое владение“ мог продать, сдать на „празгу,“ заложить, променять, передать по наследству, отдать в качестве приданного, отдать вкладом по „душе“ и т. д. В XVI в. покупателем и арендатором этих долей в варницах в русском Поморье оказывался почти всегда соловецкий м-рь. Остановим свое внимание на Ненокоцких соляных промыслах, где доли соловецкого м-ря были перемешаны с такими же долями других владельцев. Проник в Неноксу сол. м-рь, видимо, в скромной роли арендатора небольших

---

[1]) Сол. арх. „Книги дозору старца Иоасафа, да старца Истихея, да старца Никандра 143 г—в Керети, и в Чупе, в Черной реки и в Порвегубе, где б мочно завести монастырской црeнной соляной промысл вместо Гридинского промыслу“.

[2]) Сол. арх. „Книги писцовые письма и дозору Мирона Веньяминова“.

долей в посадских варницах еще в начале XVI в.[1]), но особенно энергично начал он концентрировать в своих руках соляные „выти" в последней четверти XVI ст. Продавать свои варничные доли отдельные члены соляных артелей вынуждались уже потому, что заготовка и доставка дров к варницам в это время сопряжена была с большими затруднениями. Даже, если монастыри, располагавшие резервным капиталом жаловались на то, что леса от варниц „удалели," то тем более это оскудение лесов болезненно ощущалось мелкими варничными „промышленниками." Кроме того, мелкие соляные „промышленники" не могли конкурировать со своими товарищами на рынке. Соляная торговля, ведшаяся соловецким и другими м-рями оптом и в крупных размерах через Вологду, оставляла для остальных мелких соляных промышленников торговлю мелкую и розничную; да и эта последняя наталкивалась на такую же мелкую розничную соляную торговлю усольских прикащиков. В 1573 году, в октябре месяце, ненокшанин Иван Михайлов Кологривов со своими детми Степаном да Васильем продали прикащику Ненокоцкого усолья старцу Ферапонту в варнице своего отца, т.-е. Михайловской, полтора двенадцатых сугреба рассолу с соответствующей долей („без вывета") в црене, варницах и кострищах за 50 р. „в дернь без выкупа". Почти через месяц (в ноябре) тот-же прикащик старец Ферапонт „прикупил" там-же Михайловской варнице за 15 р. у Андрея Савельева сына Кондака Губанина, „Московского переведенца", половину двенадцатого сугреба рассолу в рассольном колодези и соответствующие доли в црене и варнице. В следующем месяце Гуляй Степанов сын Будаев и Федора Михайлова дочь Кологривова продали в соловецкий м-рь четверть и шестую долю двенадцатого сугреба „в дернь без выкупа" в той же Михайловской варнице. Таким образом, соловецкий м-рь стал дольщиком в одной из самых лучших в Неноксе варниц. Далее ненокоцкий прикащик всеми способами старается устранить „сябров" и сконцентрировать варницу в руках монастыря. В его распоряжении было преимущественно два способа: покупка и мена. Двинский „переведенец", а Московский „жилец" Макарий Григорьев сын Федоров продает соловецкому прикащику в Михайловской варнице полностью два двенадцатых сугреба и затем еще третью часть этого сугреба. Повидимому, он намерен был вовсе ликвидировать свое дело в Ненокоцких соляных промыслах, так как одновременно продал тому же соловецкому прикащику свою долю—половину двенадцатого сугреба и в Климшинской варнице. Тогда же треть двенадцатого сугреба продал в м-рь Двинский „переведенец", а Московский „жилец", Иван Федоров сын Буров; во владение м-ря перешла и доля Ивана Михайлова Кологривова, одного из сябров соловецких старцев, а другому сяброу матигорцу Семену Матвееву сыну Никитину были предоставлены 2 двенадцатых сугреба в Климшинской варнице вместо такой же его доли в варнице Михайловской, уступленной в соловецкий м-рь. Аналогичным способом происходила концентрация в руках соловецкого м-ря долей и в других варницах в Неноксе: Климшинской „Григорьевской и Яковлевской" („на великих местах") Поджаровский (на Чепурах) Мостовихе, варнице „на смердьих местах" и др. Кроме широко практиковавшейся скупки долей у сябров и мены долями в разных варницах, можно отметить и другие случаи, дававшие в руки соловецкого м-ря

[1]) Первый из серии известных нам случаев этого рода датируется 1530 г., когда ненокшанин Пахом Яковлев Кулипин отдал ненокоцкому прикащику старцу Левкию на празгу „статки" отца своего „на Смердьих местах" варницу со всеми угодьями на 20 лет, взяв вперед и арендную плату в сумме 20 рублей. (Сол. арх. Связка купчих. дарственных, меновых и др. грамот XVI ст.).

соляные угодья. Это—ссуда под залог должником своей доли, вклад и завещание. Напр., первым из указанных способов м-рь приобрел в 1572 году в свое владение седьмую выть црена с дугами в новой варнице на „великих местах" от Дмитрия Меншика Дмитриева сына Лучнакова, занявшего у прикащика старца Ферапонта 4 рубля. Кабальная запись по этому поводу заявляет: „а не заплачу аз денег на срок, ино ся кабала на ту семую выть црена и з дугами и купчая в дернь без выкупа" [1])...

„Вкладом" в „дом спасу" дал свой жеребей в Яковлевской варнице в начале XVII в. „государев" крестьянин ненокоцкого усолья Алексей Васильев сын Пянжанин—треть, четверть и половину двенадцатого сугреба, купленные им в разное время и у разных лиц. Также поступил со своею вытью в „новой" варнице в Неноксе и посадский человек Павел Иванов Костылев [2]). В результате такого энергичного процесса освоения ненокоцких соляных угодий, в руках соловецкой вотчины в конце XVI и в начале XVII в. сосредоточены были значительные доли этих промыслов. Чтобы отчетливее обрисовать картину промышленной деятельности соловецкого монастыря в Неноксе, воспользуемся оффициальными цифровыми данными по Ненокоцкому усолью, пользуясь указаниями писцовых книг. (Вас. Звенигородского). В 1587 году в Неноксе варницы были в следующих местах 1) На наволоке у одного колодезя 5 варниц (раньше было 7, но „для тесноты" две варницы были закрыты); в каждой варнице было по 13 вытей. В одной из этих варниц (Скоморошице) за соловецким монастырем было $1^1/_2$ выти. 2) В так называемых „великих местах" было расположено также 5 варниц. Соловецкие доли распределялись по ним таким образом: а) варница „новая" (раньше Филиппа Родивонова)—за соловецким монастырем треть выти; б) Григорьевская—соловецких 2 выти; в) Климшинская—соловецких 3 выти без полутрети выти; г) Яковлевская —за соловецким монастырем выть и полполтрети ($^1/_{12}$) выти; д) Михайловская варница,—в ней сол. монастырю принадлежала половина варницы; существовали в Неноксе 3 варницы (по 16 вытей в каждой) на „Чепурах", но в 1587 г. соловецкий монастырь еще не имел в них долей. Таким образом, всего в Неноксе в 1587 г. было 13 варниц „живущих", 6 „пустых" и 7 варничных мест; в этих варницах за соловецким монастырем соляных угодий числилось $13^2/_3$ вытей—„сугребов". В последующие годы соловецкий монастырь продолжал увеличивать свои соляные доли в Неноксе. Напр., с1600 по 1618 г. он прикупил в разных варницах (Глубокой, Гришневской, Поджаровской, (на „Чепурах" Скоморошице и др.) $5^7/_8$ сугребов [3])... Ненокоцкие соляные варницы находились в исключительно благо-

---

[1]) Некокшанин Степан Васильев сын Кологривов, занявший у соловецкого прикащика в 1603 г. 11 рублей денег, заложил ему свою долю полдвенадцатого сугреба в Гришневой варнице. В 1600 г. ненокшане Матвей и Тимофей Мартемьяновы дети Вешняковы заняли у прикащика старца Федота 10 рублей под залог их доли в Глубокой варнице—половины тринадцатого сугреба. Как залог под денежную ссуду переходили в руки м-ря доли в варнице Скоморошице и др. Наши источники пещрят примерами такого способа освоения м-рем соляных угодий.

[2]) Все эти факты мы устанавливаем на основании данных соловецкого архива (Связка купчих, данных и др. грамот XVI в.)

[3]) К 1623—4 г. в Неноксе, несмотря на неблагоприятные для развития соляного дела условия, монастырские угодья увеличились в сравнении с предшествующими годами значительно.. В это время в одной Михайловской варнице насчитывалось соловецких 12 вытей; названы запустевшими числившиеся за соловецким монастырем в варнице Мостовихе 3 выти и 5 вытей с получетвертью в варничном месте—бывшей варнице Рушанихе; в варнице Скоморошице числилось соловецких уже $3^1/_2$ и одна двенадцатая выти; в варнице на „Чепурах" Приставной было $^1/_2$ выти, а в Поджаровной—выть без четверти („Книги писцовые письма и дозору Мирона Веньяминова 131—132 г."—Сол. арх.).

приятных внешних условиях: хороший соляной рассол и удобство доставки к главному транзитному пути—Северной Двине—все это привлекало сюда всех крупных соляных промышленников того времени, от гостинной сотни торгового человека Василия Георгиева сына Усова, до какого нибудь Николо-Корельского или Антоние-Сийского м-ря. Разумеется, наиболее сильными конкурентами соловецкого м-ря в Ненокоцких соляных промыслах были такие же монастыри. В 1591 году Кирилло-Белоозерский м-рь имел здесь 16 „выток"; Никольско-Корельский—10 „выток" без трети выти, Архангельский м-рь—7 „выток" и т. д.[1]) Со своими конкурентами соловецкий м-рь зачастую совершенно не желал считаться и, наоборот, по мере сил, старался вытеснять их из усолья. Приведем для иллюстрации один из наиболее ярких фактов такого рода. В 1623 году игумен Антоние-Сийского м-ря Иона бил челом в Москву на соловецкого прикащика в Неноксе старца Неофита „в насильстве, в дровяной сечи, и в речном пловежу, и в кострищах, и в лесах". Переписывавшему в 1623—24 г. г. Двинский уезд Мирону Вельяминову было поручено из Москвы „кострища у варниц и в пруду и леса поделити по соляным промыслом". Вельяминов выполнил это поручение: „кострища поделил и грани потесал". Тогда, по словам челобитчиков, соловецкий прикащик стал нажимать на сийские варницы с другой стороны. Он, не взирая на царский указ 1622—23 г., запрещавший покупать „без государьского ведома у черных людей угодья, начал скупать тяглые пожни у посадских ненокоцких людей. На эти пожни соловецкий прикащик не позволял сийским старцам складывать дрова даже зимою, когда, по принятому обычаю, можно было размещать их „на чьи пожни ни буди". Скупая пожни, соловецкие старцы, по словам челобитчиков, „стали похваляться и лесами завладети". Хотя писцы (Мирон Вельяминов с товарищи) определили дрова сечь „по промыслом", а „лишка дров года на 2 и на 3 не насекати," но для соловецких старцев никаких ограничений не существовало. Цитируемая челобитная говорит об этом довольно выразительно: „оне, государь, люди сильные, похвалялись при твоих государевых писцах и впредь сетчи дрова насилством, не по своему соляному промыслу, и прудовыми кострищы владеть мимо их писцовы грани, и в речном плавежу дрова наши обсушить, чтоб им наши промыслишка опустошить и в конец погубить". Что могло сделать в данном случае правительство? Обратим внимание на резолюцию, помеченную на цитированной челобитной: „государь пожаловал, велел к писцом дати память, которое угодье у них росписали и разделили, и на те угодья велел дати выписи, а в убытках, которые учинились им после писцов, велел дать суд, а в прежнем, что деялось до писцов, отказать"[2]).

С другими крупными „заводными" людьми дело обстояло проще: они сами уходили из усолья, отдавая и продавая свои участки монастырю-вотчиннику, очевидно, конкуренция с привиллегированными промышленниками для них не представляла смысла. Укажем несколько таких характерных случаев. В 1645 году 1 марта, торговый человек гостинной сотни Василий Георгиевич Усов с племянником своим Иваном Ивановым сыном Усовым отдали „по душам" свой соляной промысел со всем усольским заводом в соловецкий м-рь... по „деде и отце". Весь этот промысел был оценен в 1500 рублей; из этой цифры 900 рублей осталось у м-ря в качестве

---

[1]) Русская Историч. Библ., т. XIV, ч. II, стр. 132 и след.

[2]) „Акты писцового дела", под ред. С. Веселовского, т. I, стр 287—288 (Чтения в общ. ист. и древн. 1913 г., кн. II).

вклада, а 600 р. м-рь внес Усовым [1]). В мае месяце того же 1645 года подобную сделку с м-рем проделал и другой Усов, также гостинной сотни торговый человек—Яков Елисеев сын, отдавший ему „благословение" своего прадеда Тимофея Усова—свои доли в Ненокоцком усольи, доставшиеся ему по „деловой" с его дядей Василием и братом Иваном [2]). Все соляные угодья Якова Усова оценивались им в 550 рублей; из них 300 р. были отданы м-рю „по родителях", а 250 р. наличными получил Яков.

Мы останавливали до сих пор свое внимание исключительно на Ненокоцком усольи, указывая на более яркие факты в процессе освоения соловецким монастырем соляных участков в этом районе, очень крупном промышленном центре в XVI—XVII в. Но не менее богатый материал для изучения развития соляной промышленности в соловецкой вотчине мы имеем и по другим усольям. Можно было бы отметить и любопытные комбинации приемов, при помощи которых соловецкий м-рь сосредоточивал в своих руках соляные участки [3]).

---

[1]) „Промысл" Василия Усова и его племянника в Ненокоцком усольи состоял в следующих угодьях: в Михайловской варнице („на великих местах") 3 сугреба, в Яковлевской варнице (там же) 1 1/3 сугреб и 1 двенадцатая доля; в Гришневе варнице (там же) 1 1/3 сугреба, на „Наволоке" в Скоморошице 1 1/4 сугреба, на „смердьих местах" полварницы, кроме црена, за Кочковым ручьем варница, кроме црена. При варницах находились двор с хоромами, амбарами, подворною землею, сенные покосы лодьи, лодейная и конская снасть, сеченные дрова в лесу и на кострищах и т. д. (Сол. арх. Купчие духовные и дарств. грамоты XVI века).

[2]) Угодья Якова Елисеева Усова состояли из таких долей. В Михайловской варнице (на „великих местах") 3 сугреба; в Яковлевской варнице (там же) 3 сугреба и 1 двенадцатая доля сугреба, в Гришневской варнице 1 3 сугреба. на Наволоке в Скоморошице-варнице 1 1 3 сугреба, на „смердьих местах" пол варницы кроме црена. Кроме того, при варницах Яков Усов имел сенные покосы, двор с хоромами и с разными хозяйственными принадлежностями. (Ibidem).

[3]) Почти всегда в каждом отдельном случае, монастырь приобретал соляные угодья мелкими долями. Напр., в 1548 г. братья Павел и Петр Григорьевы дети Полевщицыны отдали в Соловки „вкладом" половину своей бережной варницы в Солокурьи (т. наз. Лудский промысел). В том же году братья Полевщицыны вынуждены были занять у Солокурского прикащика старца Ильи 10 рублей денег и под залог отдали в м-рь и вторую половину своей бережной варницы. Таким образом, в конце-концов вся варница оказалась в руках монастыря. (Дела Лудского усолья—Сол. арх.). В 1610 году „государев" крестьянин Лямецкой волости Вавила Леонтьев сын Покитин продал в сол. м-рь за 90 р. в Степановской деревне свои пол обжи земли с двором и со всеми дворовыми постройками; да на море, у Каменного ручья свою долю пол варницы и свою половину варничных построек и угодий. Кроме того, одновременно он же продал в Павловой реке свою половину рыбной ловли (вторая половина осталась за его братом Степаном). Дальше дело идет, обычным порядком. В том же 1611 году брат Вавилы Степан Покитин, заняв у монастыря 70 р. денег, заложил ему в той же деревне Степановской пол обжи своей земли (пашенной) с двором, дворовыми хоромами и с разными угодьями и, кроме того, варницу в Павловом наволоке с црено, колодезем, трубами, с варничными кострищами, соляными амбарами и другими варничными постройками и лесами. Деньги Степан Покитин д. был вернуть в „великое заговенье" 1611 г., но не смог этого сделать. В 1615 году он умер. Еще при жизни Степан Покитин взял для соляного дела („в покрут соляной") у братьев Кончаковых денег и хлебного запасу и также не успел расчитаться со своими кредиторами. Как и следовало ожидать, после смерти Степана, братья Кончаковы завладели его имуществом (5 лошадьми) и варницей в Павловом наволоке, с постройками и варничными дровами. Но в данном случае братья Кончаковы неминуемо д. были столкнуться с другим более сильным кредитором покойного Покитина с соловецким м-рем. Не рассчитывая на благоприятный исход для себя от грозившего процесса, братья Кончаковы „уступили взятые ими за долг у Покитина имущество и варницу с полным оборудованием соловецкому м-рю за 150 р., отказываясь от каких бы то ни было претензий к м-рю и вдове покойного. Как гласит оффициальный документ—купчая, вдова Степана Покитина, „по приказу" своего мужа, „продала в соловецкой м-рь свои пол обжи орамые земли в Степановской деревне и в Павловом наволоке варницу с црена ми и со всеми постройками, 5 штук лошадей, 2 коровы и др. хозяйственный инвентарь—все за 147 р." (Сол. арх. Дела Лямецкого усолья).

Переходим к детальному обозрению соляного хозяйства соловецкой вотчины. Соляное производство не было и не могло быть сконцентрированным в одном каком нибудь районе по целому ряду причин. Существование каждой отдельной варницы обусловливалось множеством условий, и ввиду несложности солеваренной техники, соловецкая монастырская администрация легко могла перебрасывать варничное производство с места на место. На основании наших источников, мы имеем возможность непосредственно ознакомиться с бытом монастырских усолий и дать более или менее точную картину состояния соляной промышленности в соловецкой вотчине в интересующий нас период. В варницах при морских губах соль вываривалась из морской рассольной воды; в варницах же по р. Онеге рассол добывался из особых соляных ключей. Соляной рассол вываривался в особых сковородах—ченах (иначе чренах, черенах, или черенах). Чрены состояли из соединенных железных досок, в наших источниках называемых железными „полицами". Каждая такая полица имела несколько аршин длины и несколько вершков в ширину. Доски—полицы соединялись между собою загнутыми концами и скреплялись специальными гвоздями, образуя громадный ящик или сковороду (длиной и шириной до 12 аршин). Этот ящик на особых дугах привешивался над ямою, вырытою в сарае. Стены ямы обкладывались камнем или обмазывались глиною; таким образом, получалась огромная печь. Дым из печи выходил через выведенные из задней стены трубы, сделанные из кирпича или песчаного камня. Спереди чрена в стене обычно устраивалась дверь, против которой делалось отверстие из ямы; через это отверстие подкладывались дрова в печь. Над печью приделывались на некотором возвышении полати, где просушивалась соль непосредственно после выемки из чрена. Здесь же, в сарае, устроены были лари или кадки, куда посредством специальных труб или желобов сливался соляной рассол из морской губы или из соляных колодцев [1]). Сооружение варницы не вызывало значительных расходов; стоимость самого чрена была различна в зависимости от качества материала, величины его и стоимости работы: 20, 30, 40 и 60 рублей вот известная нам цена чрена; можно было купить „ветчаной" (поддержанный) чрен и за 15 руб. Не сопровождалась значительными затратами и починка чренов, хотя происходила она довольно часто, а в некоторых случаях чрен чинился „большим правежем". Помимо затраты материала—нескольких полиц чренного железа [2]), и платы мастерам (кузнецу и „молотникам" [3]), все это стоило приблизительно рублей 40, 60,—приходилось чинить, а иногда и совершенно сменять рассольные трубы [4]).

[1]) Аналогичною, повидимому, была техника солеварения и в других местах древней Руси, в районе Тотьмы, Старой Руссы, Сольвычегодска, в Пермском крае, Балахне и т. д. Никитский. „История экономического быта Великого Новгорода", М. 1893 г., стр. 79—81; С. Коломинский. „Торговля солью на Руси XVI—XVII в. и общее состояние соляных промыслов в указанный период времени". „Университетские Известия". Киев, 1912 г., № 12, стр. 1—62; Ф. Остроумов. „Древне-русские солеваренные товарищества" (журн. „Устои" 1882 г., №№ 5, 9 и 10); Аристов. „Промышленность в древней Руси", стр. 70 и др. „О соляных промыслах в Приуральском крае" см. Дмитриева А. „Пермская Старина". вып. I—III. нашу работу „Прошлое Урала" (Пермь, 1925 г.). Много интересных сведений о древнерусском солеварении XVII в. содержит в себе „Писцовая книга города Балахны 1674—1676 г." изд. под ред. А. Я. Садовского („Материалы по истории Нижегородского края"—Действия Нижегородской губ. Учен. Арх Комм. Н.-Новг. 1913 г. т. XV, вып. I). П. Чубинский Общественное солеварение в Архангельской губ. („Труды Вольного Экономич. Общества". 1866 г., т. IV).

[2]) На чрен для капитального ремонта требовалось полиц 140—150 штук; полица обходилась по 2 алт. штука; гвоздей на чрен шло пуда 3, по 9 алтын за пуд.

[3]) За починку чрена тем и другим платили в соловецких усольях 6—8 рублей.

[4]) Починка рассольных труб стоила несколько больше рубля, а перекладка их заново около 30 рублей, рытье ям в варнице обходилось недорого: 12—13 алтын.

Особенно важное значение имел вопрос об обеспечении варницы топливом. Всегда при заведении новой варницы или при покупке ее принималось во внимание расстояние лесных полян („шалг") к варнице. Желательно было, разумеется, иметь эти лесные шалги тут же, при варнице. Но сколько нам позволяют судить наши источники, заготовка дров к соловецким варницам производилась на расстоянии 20—30 верст от усолья, так как леса по близости уже в первой четверти XVII в. оказывались вырубленными—„удалели", по выражению соловецких челобитных. Заготовка дров происходила весною—летом; зимою по первопутку („мелкоснежице") дрова на лошадях свозились на кострища вблизи рек, где складывались в правильные кучи „костры"; весною же, в половодье, заготовленные дрова из кострищ „метались" в реку и сплавлялись к варницам. Пригнанные „плавежем" к варницам дрова вновь складывались на возвышенных, защищенных от речного разлива местах (по выражению источника, эти дрова „на кострища здымали"), где они лежали все лето, а зимою свозились к варницам.

Варка соли начиналась в приморских варницах зимою, обычно, в декабре месяце и продолжалась до апреля. Срок этот, впрочем, точно фиксирован не был. Если весна была раннею, и реки вскрывались раньше, то варка соли прекращалась раньше:—в марте месяце. Весною и летом соль в приморских варницах большею частью не вываривалась, потому что вздымающаяся от ветра волна особенно в бурное время мутила в морской губе рассол, а впадающие в губу реки своею пресною водою растворяли рассол или, во всяком случае, ослабляли степень его насыщенности [1]).

Иначе, разумеется, было тогда, когда море и реки были скованы льдом. Исходя из этих соображений, варницы старались строить в морских губах обычно подальше от устья впадающих туда рек. Но если соляной рассол поступал не из моря, а из недр земли,—в этом случае он хранился в особых колодцах, из которых по трубам распределялся по варницам,—то выварка соли не зависела от времени года. В таком положении солеварение находилось во Владыченском, Пияльском, Польском и некот. других усольях.

Сгущенный рассол, поступавший в црен, кипел в течение нескольких часов, в результате чего соль из рассола осаждалась. После этого она извлекалась из црена и просушивалась на специально приспособленных для этого полатях, называемых иногда еще „сугребами", а оттуда сносилась в амбары. Для того, чтобы выкипел црен и охладился раствор, необходимо было несколько часов. Количество соли, выработанное в одном црене в такую единицу времени, называлось обычно „варею", а сама единица времени—„ночью". Вес „вари" не был одинаковым: он зависел от степени насыщенности рассола, от состояния погоды и разных других условий. По словам Ф. Остроумова вес соляной вари колебался между 50—110 пудами [2]), но, смеем думать, цифра эта значительно преувеличена не только для XVI, но и для XVII в. [3]).

Мелкою производственною единицей в области соляной промышленности в соловецкой вотчине было усолье. Если последнее составляло целую

---

[1]) В Керецкой волости в 60—70 годы XVI в. некоторые варницы топились летом, а зимою недействовали; другие же, наоборот: функционировали только зимою, прекращая свою работу летом. Встречались и такие варницы, которые „кипели" в течении всего года. (Список с писцовых книг письма и дозору Василия Огалина и подъячего Степана Федорова).

[2]) „Древне-русские солеваренные товарищества" („Устои" 1882 г. № 5, стр. 68).

[3]) Мы, напр., доподлинно знаем, что в Чернорецком соляном промысле, где рассол был высшего качества, в 1669 г. вываривалось в ночь на одном црене по 20 пудов соли. (Соловец. арх. Дела Чернорецкого усолья).

волостку, напр., Вирма, Колежма, Унежма, Нюхча, Пурнема, Лямца и др., то организация его была сложнее, как сложнее оказывалось здесь и монастырское хозяйство, объединявшее разные формы его: соляной промысел, земледелие, рыболовство и т. д. Но были усолья небольшие, ограничивавшиеся монастырским двором, варницею, амбаром и помещением для монастырских „работных" людей и казачков (напр., Владычно, Чупа и некот. др.). Встречались и такие усолья (напр., Порьегубское), где под монастырский двор был приспособлен старый двор крестьянский. Монастырские строения в усольях отображали в миниатюре монастырь. Возле церкви (в Вирме, Колежме, Унежме, Пурнеме и некот. др.) или часовни (напр., в Чупе) находились церковные дворы, где обитало местное духовенство; здесь же расположены были и церковные угодья: „огородцы" и „припашная" земля. У церкви, а в других случаях на некотором расстоянии, иногда значительном [1]), располагался монастырский двор, предназначенный, как гласят оффициальные источники (писцовые и дозорные книги), „на приезд монастырских старцев" и для „служебников и работных людей на соляном промысле".

Из монастырских „хором" в усолье наши источники называют братскую „келью", где обитали прикащик, келарь и другие должностные лица, отдельную „келью" для „служек", столовую избу, келарскую. Против столовой и келарской иногда помещалась „повалыша" (или „повалуша"). На дворе размещались: поварня, амбары „хлебный" и „товарный", бани для служек и отдельно для казачков, колодезь, погреб для хранения репы и др. постройки. За жилым двором находился двор конюшенный, где помещались хлевы для лошадей и сараи с сеном; к конюшенному двору примыкал коровьий двор также с сараями для сена. Невдалеке расположены избы для обитания „работных" людей по терминологии источников „казачьи" избы, были иногда специальные избы „дроводозные", „дровосечные", для „соловаров" и т. д. На реке, по которой сплавлялись к варнице дрова, в некоторых усольях (напр., в Пияле) ставилась изба „плавежная" для проживания сплавщиков леса. Правда, иногда эти „казачьи" избы были настолько примитивны и необорудованы, что составитель отводной книги не находит для них более подходящего названия, как „чуланишко". В некоторых усольях казачьи избы выделялись иногда в отдельную казачью слободу (так, напр., было в Пильско-губском усольи), но большею частью они помещались в разбивку, применительно к месту работы своих обитателей. сколько человек помещалось в каждой избе, сказать трудно. Источники по этому вопросу дают только некоторые указания. Например, во второй половине XVII в. в Чернорецком усольи было 5 изб для рабочих на местных соляных промыслах, в Чупском усольи находилось 4 избы. В этих 9 избах обитало 17 человек рабочих и не менее 19 человек детей разного возраста. Можно думать, что средним числом на избу приходилось 2 рабочих семьи.

Центральным местом усолья были варницы. Количество варниц было неодинаковым не только в разных усольях, но и в одном и том же усольи в разные времена. Бывали случаи, когда ретивый прикащик пытался увеличить число варниц, а иногда количество их по разным причинам сокращалось. Нормой для варниц, повидимому, было 2 кипящих црена, т.-е. в течение зимы соль выварилась на 2-х сковородах.

---

[1]) В Пурнемской, напр., волости монастырский двор находился в д. Осташевской. (Соловецк. арх „Книги переписные соловецкого монастыря, вотчины усть Пурнемской и Нижмоозерской"...).

Необходимым атрибутом варницы был бассейн, куда сливался через трубы соляной рассол, а также и амбары, куда складывалась выработанная соль. Количество соляных амбаров по разным усольям было неодинаковым и доходило иногда до 4-х. Варницы необходимо предполагали существование тут же, в усольи, кузниц, где можно было бы починить испортившийся црен. В начале XVIII ст. один из составителей подробной описи монастырского хозяйства жаловался, что в соловецких монастырских варницах „за обивкою картех и за починкою цренов и за маловодьем бывают частые простои". В усольской кузнице среднего размера обычно можно было встретить 2 кузнечных меха, 4 (а иногда меньше) молота больших, 3—4 молота меньших, наковальню, клещи (несколько штук), гвоздильня большая и малая и т. д. Существенным атрибутом усолья была и мельница. Некоторые мельницы считались достаточно хорошо оборудованы и были в ходу весь год, другие же действовали только весною во время половодья, как, напр. в Чупском усолье, или в Неноксе (мельница с немецким колесом). Усольские мельницы в большинстве случаев обслуживали потребности самого усолья, а не „прихожих" людей, поэтому они освобождались от платежа оброка в казну. Источники называют в некоторых усольях ветряные мельницы и ручные жернова (напр., в Пильско-губском усолье). Те и другие были необходимы уже потому, что водяные мельницы, как мы уже сказали, в некоторых усольях могли действовать только в определенный сезон, и молоть хлеб приходилось везти к большим мельницам, напр., из Куйского усолья в Кехту. Ручными жерновами, по всей видимости, пользовались усольские казаки. Считаем долгом оговориться, что в данном случае мы имеем в виду лишь усольские мельницы, но отнюдь не оброчные, обслуживавшие потребности более широкого круга населения,—о них речь будет ниже.

Скажем несколько слов относительно хозяйственного инвентаря усолий соловецкой вотчины. Самым злободневным вопросом был вопрос о топливе. Так как некоторые, особенно энергичные предприниматели, во избежание дровяного кризиса, пытались запастись дровами на значительный промежуток времени—года на 2 на 3 и, вследствие этого, не только хищнически уничтожали леса, но и разрушали предприятия своих маломочных соседей, правительство вынуждалось рядом указов упорядочить рубку леса. Еще уставная грамота игумена Филиппа (Колычева) крестьянам Сумской волости от 30 сент. 1564 г. предусматривает этот дровяной вопрос, чтобы предохранить волостные леса от хищнического истребления, предписывает крестьянам: „во всех наших деревнях цреном варити, зиме и лете, сто ночей да шестьдесят ночей, а дров есте к црену секли, к зимней и к летней варе, на год шесть сот сажен, а запасали бы есте дров на год, а вперед бы есте к иным годом дров не секли; а кто учнет, через наше уложение, на цренах прибылые ночи варити, или лишние дрова сечи, или вперед дрова сечи, и нам с тех прибылых ночей соль и лишние дрова велити имати на монастырь да пеня что мы укажем" [1]). Около 1623 г. и правительство издает указ, чтобы по варницам дровяных запасов больше чем на год не делали и рубку и сплавку леса производили более организованно: „а сечь дрова по промыслом, чем варничные соляные промыслы на год поднять, а лишка дров года на два и на три никому к своим соляным промыслом не сечь, а класти им сеченые дрова на пожнях, и в наволоке, кому где годно, на чьих пожнях ни буди, а пожен никому ничьих ни засаривати и к лету

[1]) Акты археогр. эксп. т. I. № 268. стр 304.

очищать, а рекою дрова плавити всем вместе и запрудами нижними никому никово не запирать и дров не обсушивать" [1]). Такое правительственное распоряжение своевременным и, даже, необходимым было там, где соляною промышленностью занят был целый ряд предпринимателей. Так было напр., в Неноксе, где соляные угодья были, как мы в свое время видели, распределены были между несколькими монастырями и посадскими людьми. Есть основание утверждать, что последовало оно в ответ на челобитье старцев Антоне-Сийского монастыря [2]). Но характерным представляется и то, что другие м-ри и посадские люди просили правительство разрешить им промышлять по прежнему, „как они преж сего промышляли" и леса сечь и плавить „по прежнему".

Сколько нужно было ежегодно дров для варницы о 2 цренах, если предположить, что оба црена кипели исправно, с точностью высчитать едва-ли возможно [3]). Сохранившиеся приходо-расходные, переписные и отводные книги по разным усольям соловецкого м-ря называют лишь общую цифру количества заготовленных для варницы дров, но не дают понять, на какой срок они расчитаны. Приведем несколько примеров. В Куйском усолье в 1610 г. заготовлено было варничных дров 3650 сажен, в 1611 г.—5300 с., в 1612 г.—4200 сажен. В 1610 г. 3 црена кипело в этом усолье 286 ночей, в 1611 г.—376 ночей, в 1612 г.—240 ночей. В 1667 г. в Куйском усольи было заготовлено 14340 сажен дров для 3-х варниц. Количество заготовляемых в названном усольи дров не понижалось и в дальнейшее время. В 1671 – 2 году вывезено было к варницам 16420 сажен дров, в 1673 г.—18672 саж., в 1674 г. вывезено было 8786 саж., а заготовлено было в лесу в разных шалгах 13723 сажени [4]). В Порьегубском усольи в 1611 г. осенью, зимой и „веснодели" заготовлено было 6520 сажен дров, в 1612 г.—5430 сажен. Црены (в количестве 2-х) кипели в 1611 году 385 ночей, в 1612 г.—340 ночей [5]). В том и другом случае мы имеем в виду исключительно варничные дрова, так как дрова для отопления жилищ, или, так называемые, „келейные" дрова наши источники обозначают отдельно, и расходовалось их гораздо меньше: в Порьегубском усольи в 1611 г. было заготовлено 150 сажен „келейных„ дров, в Куйском, в 1612 году тоже 150 сажен и т. д. Продолжим свои наблюдения над запасами дров по отдельным угодьям. В 1649 г., в Летнорецком усольи, при отводе его от прежнего прикащика к новому, зарегистрировано было у варницы 678 саж. плавежных дров, 4790 с. таких же дров находилось на волоке у реки. В верховьи, в дальней шалге, в данном году заготовлено было 600 сажен дров, там же, от заготовки предыдущего года оставалось 4402 сажени; в ближней шалге заготовлено было плавежных дров 1828 сажен; всего, таким образом, у Летнорецкого усолья было заготовлено 6830 сажен. Следует добавить, что в 1649 г. у Летнорецкого усолья в разных шалгах было заготовлено 2653 сажени „гужевых" дров, которые нужно было доставить сухопутным способом.

[1]) Сол. арх. „Книги писцовые письма и дозору Мирона Веньяминова". 7131 – 7132 г.

[2]) Ibidem; ср. „Акты писцового дела". под ред. С. Веселовского. т. I. стр. 287 – 288.

[3]) Наблюдения позднейшего времени дают понять. что древние варницы поглощали большое количество дров. В 1800 г. в Архангельских солеварнях одна варя требовала до 12 саж. дров; в Пермских варницах от $5^1/_2$ до $7^1/_2$ сажен. В средине XIX в. на Ненокских варницах для выработки „пол вари", т.-е. 50 пудов приблизительно, требовалось $7^1/_7$ сажени дров. Большое влияние на количество поглощаемых варницею дров могло оказывать устройство печей, поэтому можно думать, что в XVI—XVII в., когда техника варниц стояла ниже, чем в позднейшее время, количество потребляемых дров было значительнее. В средине XVI в. в Сумских варницах к одному црену на год нужно было до 600 саж. дров (А. Э. т. I, № 268).

[4]) Сол. арх. Дела Куйского усолья.

[5]) Ibidem. Дела Порьегубского усолья.

В общей сложности, Летнорецкое усолье располагало запасом дров 12.307 сажен. Названное усолье было одним из самых крупных в соловецкой вотчине. Продукция его в 1640 году равнялась 18582 пудам соли, в 1641 г.—11.337 пудам, в 1642 г.—13 880 пуд. и т. д.[1]). В Чупском усольи в 1657 году, при передаче его от прежнего прикащика новому, зарегистрировано было прежнего запаса 8795 сажен дров, да новой заготовки 11.189 сажен[2]). В половине XVII в. своей продуктивностью выделялось из ряда других Пурнемское усолье. В 1667 году из усолья в Холмогоры, на Соловецкий остров в м-рь и в Сумский острог из Пурнемского усолья было отправлено 10 лодей „в полный груз". Это, в общей сложности, составляло не менее 25 тысяч пудов соли. Кроме того, в розницу местный прикащик отпустил свыше 1 тысячи пудов соли. Общее количество наличной соли летней и зимней варни в Пурнемском усольи в 1669 г. составляло 15.168 пудов. Для выварки такого большого количества соли, Пурнемский старец-прикащик располагал запасом дров 33.167 сажен[3]). В Лямецком усольи в 1669 г. было запасено 13017 саж. дров, а в 1671 г.—22897 саж. дров[4]). В Лудском усольи 1669 г. в лесу по шалгам и по рекам было заготовлено 49.515 возов дров[5])...

Обобщая приведенные выше цифры, мы приходим к следующим выводам. Монастырские усолья поглощали колоссальное количество дров. Один, вполне достоверный источник оффициального происхождения, свидетельствует, что в 1669 году во всех 20 усольях соловецкой вотчины насчитывалось заготовленных для варниц 310.649 сажен и 88.098 возов дров[6]). Не забудем, при этом, что в конце 60-х годов соловецкая вотчина переживала хозяйственный кризис! Далее, заготовка такого большого количества дров требовала значительных рабочих рук и перевозочных средств. Мы уже упоминали о том, какую сложную работу приходилось проделывать, прежде чем срубленные в лесу дрова удавалось доставить к варницам. Необходимо было широко пользоваться вольнонаемным трудом разного рода „работных" людей. Например, для того, чтобы перевести 11.970 сажен дров из лесу к варницам, прикащику Куйского усолья в 1673 году пришлось прибегнуть к найму возчиков на их же подводах и лошадях, заплатив за это 143 р. 21 алт. 2 д. (по 40 алт. со ста сажен[7]). Несколько ниже, в специальной главе, мы коснемся вопроса о „работных" людях в соловецких усольях, в данный момент перейдем к обозрению живого инвентаря в последних. Усольское хозяйство требовало значительного количества лошадей и крупного рогатого скота. Прежде всего, разумеется, нужна была в усолье лошадь. Источники по данному вопросу не оставляют нас в недоумении; больше того, они дают возможность установить с достаточною степенью точности, как количество лошадей и коров по отдельным усольям, так и общую их цифру по всем усольям. Для нас представляет интерес та и другая цифра. В Летнорецком усольи в 1649 г. было зарегистрировано 19 лошадей, 9 коров и 3 быка; в 1664 году лошадей там было 34, дойных

---

[1]) Ibidem. Дела Летнорецкого усолья.
[2]) Ididem. Дела Чупского усолья.
[3]) Ibidem Дела Пурнемского усолья.
[4]) Ibidem. Дела Лямецкого усолья.
[5]) Ibidem. Дела Лудского усолья.
[6]) Ibidem. „Книги переписные" 177 (1669 г.).
[7]) Ibidem. Дела Куйского усолья. Покупка дров к варнице в готовом виде бывала только в самых редких случаях Мы знаем только один такой случай, когда в 1618 году Солов. м-рь купил в Лямце у Кирилло-Белоозерского м-ря 7.145 сажен дров по 20 руб. за тысячу. Это было по случаю ликвидации Кир.-Бел. м-рем своих промыслов в Лямце (ibidem .Дела Лямецкого усолья).

коров 13, быков 3 и несколько телят [1]). В Чупском усольи в 1635 году было 26 лошадей; в 1657 г.—24 лошади, дойных коров 8 голов, 2 быка и несколько телят, в 1669 г. лошадей было 19, коров дойных 5, бык 1 и 5 голов телят [2]). В Лямецком усольи в 1669 г. было лошадей „тяглых" 16, коров дойных 15 и подтелков 5, а в 1671 г. там насчитывалось 7 лошадей и 8 коров [3]). В Виремском усольи в 1669 году насчитывалось 28 лошадей, 14 дойных коров, 3 бычка и 3 теленка [4]). В Пильско-губском усольи в 1669 г. зарегистрировано было 17 лошадей, 2 коровы дойные и 1 бык, а в 1671 году лошадей насчитывается уже 21, дойных коров 6, бык взрослый 1 и несколько телят [5]). В Куйском усольи в 1667 г. зарегистрировано было 12 лошадей, 9 коров дойных и несколько телят [6]). В Лудском усольи в 1669 г. насчитывалось 6 лошадей и 7 коров дойных, в 1699 г. там же отмечено 10 лошадей, 13 коров дойных, 2 быка и несколько телят [7]). В Пурнемском усольи в 1669 году зарегистрирована 31 „тяглая" лошадь, 14 коров дойных, 7 бычков и 6 нетелей [8]). При первой же возможности усольские прикащики покупали лошадей, продавая старых, негодных для работы. Мерин—как вклад в монастырь—явление очень частое. В „отводных" книгах усольских прикащиков лошади уделяется много внимания; каждый мерин описывается достаточно подробно [9]). Цена на лошадь была неодинакова не только в разные годы, но и в одно и то же время—в зависимости от качества лошади и ее возраста [10]). Дешевле стоила корова и цена на нее была постояннее [11]). Таким образом, из приведенных цифровых данных, только по некоторым, более или менее крупным усольям можно видеть, что соловецкая вотчина располагала достаточным количеством домашнего скота. Картина получится еще внушительнее, если мы добавим, что по всем 20-ти монастырским усольям в 1669 году насчитывалось 403 лошади и 422 штуки крупного рогатого скота [12]).

Для прокормления такого значительного количества лошадей и коров само собою понятно, монастырские прикащики должны были запасать в большом количестве сено и овес. Обстоятельный компетентный источник для изучения монастырского хозяйства по отдельным усольям, так называемые „отводные" книги дают понять, что сена по усольям было достаточно. Напр., в Летнорецком усолье в 1649 г. было в наличности старого еще неизрасходованного сена 80 возов, вновь привезенного—15 возов. В Пильско-губском усольи в 1669 г. насчитывалось 100 возов сена; в том же году в Чупском усольи отмечено у двора в остаже 80 возов сена, не свезенного в разных местах („теребах") 40 возов, в так называемой Большой Чупе, за речкою, сеном был нагружен целый паром, вмещавший

---

[1]). Солов. арх. Дела Летнорецкого усолья.
[2]) Ibidem. Дела Чупского усолья.
[3]) Ibidem. Дела Лямецкого усолья.
[4]) Ibidem. Дела Виремского усолья.
[5]) Ibidem Дела Пильско-губского усолья.
[6]) Ibidem Дела Куйского усолья.
[7]) Ibidem Дела Лудского усолья.
[8]) Ibidem. Дела Пурнемского усолья.
[9]) Напр, „мерин гнед, Шадринской, цена 4 р. 16 алт. 4 д., мерин саврас Мошник, цена 5 р.. храмлет; мерин карь Ермаковской, цена 5 р. Или еще точнее: мерин ворон Белоусовской, 12 лет. цена 16 р. 8 алт. 2 д; мерин карь, губа бела, Чусовской, мерин рыж, во лбе лысина, грива направо (или налево), Шароглаз Потаповской, 11 лет, цена 11 р
[10]) В 1649 г. в некоторых Поморских волостях мерин стоит от 1 р. 16 алт. до 17 р.; в 1663 г. от 5 до 14 руб.. в 1667 г от 6 до 15 р., в 1669 г. от 7 р до 16 р., в 1671 г. от 13 до 14 р., в 1699 г. можно было купить мерина от 1 р. до 5 р. и т д.
[11]) Средняя цена на нее во второй половине XVII в. была 1 р.
[12]) Сол. арх Книга переписная 177 (1669) г...

60 возов. Кроме того, в этой же Большой Чупе, на разных „теребах" находилось несвезенного еще сена 50 возов. Несомненно, и другие усолья добывали сено на своих же „страдах" [1]). Писцовые книги позволяют установить размер и состояние сенокосных угодий в монастырских усольях. Напр., из писцовых книг кн. Вас. Звенигородского мы узнаем, что в Неноксе в 1587 г. засоловецким монастырем было 4 пожни: две из них давали сена 10 копен, третья 15 и четвертая самая большая—100 копен. По другим усольям дело обстояло точно также. По данным дозорной книги старца Варсонофия 169 (1661 г.), в Нюхче на монастырь шло с монастырских морских пожен 80 возов сена; возле варницы до ручья выкашивалось 40 возов, с пожни от Салмы до Озер-наволока шло 85 возов сена, 20 возов сена поступало с теребов на речке Румге, да с Товар-наволока шло 110 возов. Таким образом, всего на монастырь выкашивалось в Нюхотцком усолье 335 возов сена. В Виремском усолье, по свидетельству той же дозорной книги, поступало на монастырь с разных пожен и теребов 360 возов сена. Значительное количество пожен, теребов, росчистей и сенных покосов вообще, находившихся в пользовании Чупского и Порьегубского усолий отмечает писцовая книга Алая Михалкова и дьяка Василия Мартемьянова... Специальные монастырские покосы отмечают наши источники и для Колежемского усолья, где с одного только Климентовского поля (у монастырского двора) шло 40 возов сена, с другого поля, находившегося не вдалеке от монастырского двора, выкашивалось 20 возов сена, а всего в Колежемском усольи с разных пожень монастырь получал 128 возов сена. Отсюда мы вправе делать вывод, что сеном для прокормления усольского скота монастырь был обеспечен.

Переходим к изучению состава населения монастырского усолья. Во главе усолья стоял монастырский прикащик, за ним следовал келарь, затем монастырские слуги, выполнявшие разные поручения прикащика, служебники, к которым относились, напр., повар, конюх, коровник, коровницы и, наконец, „работные всякие усольские люди". Старец-прикащик посылался из монастыря „на приказ" к тому или другому „ценному монастырскому промыслу" всегда „по благословению отца игумена" (позднее архимандрита) и „по приговору келаря и соборных старцев соловецкого монастыря" [2]). В первой половине XVI ст. усольский старец-прикащик часто называется еще „ватаманом" [3]). При отправке старца, прикащика „на приказ" в усолье принимались во внимание его качества: хозяйственные способности, грамотность и т. д. От хозяйственной расторопности старца-прикащика зависело очень многое: он мог поднять благосостояние усолья и, наоборот, мог и запустить его. Чупский соляной промысел в 1635 г. „запустел", как установило следствие потому, что старец Варнава оказался недостаточно энергичным прикащиком. Грамотность не была непременным условием приказной службы старца. Прикащик Пильско-губского усолья (в 1669 г.) Иов., по его собственному признанию „грамоте не умел" и, даже, не мог подписать свое имя в оффициальном

---

[1]) Сведения заимствуем из отводных книг по названным усольям, находящихся в соловецком архиве.

[2]) Посылку в 1669 г. из Сумского посада в Пурнемское усолье стольником Александром Севастьяновичем Хитрово старца Матвея Кокурина мы считаем явлением случайным, вызванным обстоятельствами обостренной борьбы между монастырем и правительством.

[3]) Одна из купчих от 1543 г. свидетельствует: „Ириня Григорьева дочь, а Ивановская жена Харитонова со своим сыном Харлампием Ивановым продала старцу Ионе пияльскому ватаману соловецкого монастыря своего владения ночь росолу и шестую ночь от всего црена (Сол. арх. Связка купчих, данных, вкладных и меновых грамот XVI в...). Известны нам и другие купчие на Пияльские угодья, где соловецкий прикащик назван „ватаманом"

документе. Срок пребывания старца „на приказе" в усолье не был точно фиксирован. Некоторые из них были на приказе по 2 и по 3 года, но встречались случаи очень кратковременной приказной службы (например, старец Геннадий был на приказе в Ненокоцком усолье в 1600—1601 г. только 9 месяцев). Обычно старец переходил в роли прикащика из одного усолья в другое: монастырский собор точно сознательно преследовал цели, чтобы старец не засиживался долго в одном и том же усольи. Иногда в помощь прикащику назначался второй „приказный" старец. Это было в том случае, если один прикащик почему-либо не мог справиться со своим делом. Напр., в 1602 г. в Нюхчу на соляной промысел был назначен „на приказ", дополнительно к имеющемуся уже там приказному старцу Автоному старец Моисей. Приговор по этому поводу соловецкого игумена и соборных старцев гласит следующее: „а старцу Автоному тот промысл ведати во всем с старцем Моисеем обема во всем вместе за один"... Моисей, таким образом, не был помощником Автонома, а его сослуживцем. В следующем 1603 г. Моисея и Автонома сменили два другие прикащика Иллариона и Исихий. Позднее, в средине XVII в. звание „меньшего прикащика" стало практиковаться, видимо, чаще, хотя оффициально и монастырь и все другие лица, имевшие дело с усольем, знали только главного приказного старца. В помощь старцу-прикащику назначался келарь, ведавший усольским хозяйством, которое очень часто было достаточно значительным и требовало бдительного хозяйского глаза. Для ведения канцелярских дел, для составления письменной отчетности, для писания всевозможных документов: купчих, кабальных записей, данных, вкладных и т. д., у старцев-прикащиков по усольям были свои „дьячки". В качестве поверенных усольских прикащиков они по делам усолья ездили на остров в монастырь за деньгами и с другими ответственными поручениями, в Холмогоры. Личность усольского дьячка - стряпчего, выполнявшего иногда функции юрист-консульта в усолье, повидимому, имела большее значение, чем механическое составление деловой бумаги. Дьячек представлял собою всю усольскую канцелярию и был необходимым лицом в усолье особенно тогда, когда стало расширятся монастырское хозяйство и осложнились отношения между монастырем-вотчинником и волостным миром. Внимательно изучая усольский архив на протяжении значительного ряда лет, по сохранившимся почеркам мы безошибочно можем установить институт специальных канцеляристов в соловецкой вотчине и даже выявить имена некоторых из них [1]). Как старец-прикащик, так и келарь и, даже, дьячек получали от монастыря не только стол, но и полное обмундирование, начиная от шубы и до чулок и онучей.

Монастырские слуги по усольям отправляли разные поручения усольских прикащиков. Они ездили в монастырь и в Холмогоры с деньгами и за деньгами и провиантом, сопровождали соляной груз к месту назначения и т. д. Иногда они выступали от лица монастыря в разнообразных юридических сделках, имея на это особые полномочия от приказного старца. Как и последний, монастырские слуги, очевидно, мало были связаны с усольем территориально. Сюда они попадали из монастыря или из другого усолья и, таким образом, в усолье они оказывались случайностью. По своему положению усольские монастырские слуги находились в полной зависимости от прикащика, не будучи свободными от возможного произвола со стороны последнего. Произвол этот монастырский прикащик мог проявить тем удобнее, что усольские слуги получали от монастыря

[1]) Таковы, напр., Колежемский дьячек Феодосий (в начале XVII ст.), Пильско-губский — Афонька Гаврилов (в 1669 г.), Понгомский дьячек Лазарко (в 1653—1654 г.) и мн. др.

стол и полное обмундирование. Нам известны случаи эксплоатации усольских слуг со стороны старца-прикащика. Назовем один из них, имевший место в Пияльском усолье. Работавшие в этом усолье монастырские слуги в 1602 г. били челом в монастыре келарю старцу Исааку, казначею Протасию и всем соборным старцам (это уже оффициальная жалоба!) в том, что прикащик-старец Полуэкт у промыслов их „держал нагих, босых и не одевал"... Соборные старцы приговорили дать жалобщикам задержанное платье. Обычно, слуга получал обмундирование, отправляясь из монастыря на усолье. Выдавались следующие вещи: 3 рубашки, 3 штанов, онучи, сапоги, ступни, шапка, сермяга, шуба, рукавицы-дельницы, кафтан. Количество слуг по усольям было невелико: обычно—3 человека.

Кроме „слуг", в монастырских усольях, как мы уже упоминали, были, так называемые, „служебники". Эту категорию усольских служащих следует строго отличать от монастырских слуг. Монастырский слуга постоянно или на более или менее продолжительное время был связан с монастырем, служебник нанимается на определенный срок и за известную плату. В приходо-расходных книгах за разные годы по тому или другому усолью местный прикащик в отделе расхода постоянно отмечает такие статьи его: „дано повару дворовому на год найму", 3 р., или 3 р. 8 а. 2 д. и т. д.; „коровнику с Покрова до Егорьева дня на зиму найму" столько то (2 р. или 1 р. 16 а. 4 д. и т. п.), „двум пастухам на лето за пастьбу лошадей и коров"—5 р., за весну 20 алт. и т. д. В коровьем дворе по усольям принято было иметь коровницу, которая не только „коровничала", но и занималась „портомойным" делом (стиркой). За свою работу коровница-портомойка получала „найму" 1 р. 16 а. 4 д. в среднем. К категории усольских „служебников" отнесены в наших источниках порядившиеся на год дрововозы, возившие дрова на монастырских лошадях, нанятые на год в качестве батраков казаки (обычно в количестве 2 человек). „Служебники" получали казенный стол, или, как выражаются наши источники, работали „на казенном хлебе". Несколько случаев мы знаем, когда „служебникам" выдавали казенную одежу, правда не в полном комплекте [1]). Число „служебников" в монастырских усольях все же не было велико [2]).

Гораздо многочисленнее и разнообразнее по составу была группа „работных людей", к которым относились соловары, дровосеки, кузнецы, молотники и некот. др. Сколько именно этих „работных людей" было занято на производстве в каждом отдельном усолье, не всегда удается установить. Количество так называемых „казачков", которых отмечают по усольям, составители писцовых книг, говорят лишь о трудовой армии, которою располагало то или другое усолье, но отсюда еще нельзя видеть, какая часть этой трудовой армии была обеспечена работой. Источники различают 2 категории усольских монастырских работников: 1) „полетних" работников, живших по усольям вместе со своими семьями в специальных казенных дворах и 2) „пришлых", поденных, порядившихся на какую-либо кратковременную работу, на непродолжительный срок, но работавших также на монастырском хлебе. Приведем небольшую справку, чтобы дать возможность судить о численности наемного труда в усоль-

---

[1]) Нам известен случай, когда „сукман" и сапоги получила коровница (в Куйском усолье в 1670 г., Солов. арх. дела Куйского усолья).

[2]) В 1669 г., напр., число слуг и служебников по всем монастырским усольям представлялись в таком виде: в Колежемском усолье 8 челов., в Нюхоцком—8, Унежемском—8, Кушрецком—8, Польском—12, Пияльском—9, Фирсовском—6, Владыченском—7, Пурнемском—11, Лямецком—8, Лудском—10, Ненокоцком—12, Куйском—10, Виремском—7, Шуерецком—5, Летнорецком—7, Понгомском—7, Чупском—7, Чернорецком—7 и Пильско-губском—7; всего, след., по всем усольям было 164 человека слуг и служебников.

ских предприятиях соловецкой вотчины. Возьмем для примера конец 60-х годов XVII ст.—период некоторого упадка хозяйственной деятельности соловецкой вотчины вследствие известной осады соловецкого острова. В 1669 г. источники отмечают:

	Постоянных работников.	Членов их семейств.	„Прихожих".
В Колежемском усолье	38 чел.	87 чел.	25 чел.
„ Нюхоцком	28 „	55 „	20 „
„ Унежемском	30 „	76 „	25 „
„ Кушрецком	20 „	53 „	30 „
„ Польском	5 „	— „	50 „
„ Пияльском	70 „	вместе с „прихожими"	
„ Фирсовском	58 „	— чел.	— чел.
„ Владыченском	70 „	— „	— „
„ Пурнемском	108 „	265 „	— „
„ Лямецком	59 „	129 „	— „
„ Лудском	40 „	147 „	— „
„ Ненокоцком	22 „	81 „	— „
„ Куйском	31 „	48 „	25—40 „
„ Виремском	30 „	77 „	20 „
„ Шуерецком	33 „	75 „	— „
„ Летнорецком	40 „	90 „	15 „
„ Понгомском	39 „	84 „	16 „
„ Чупском	36 „	75 „	14 „
„ Чернорецком	38 „	80 „	16 „
„ Пильскогубском	22 „	63 „	10 „
Всего . .	827 чел.	1485 чел.	266—286 чел.

Таким образом, в 1669 году в соловецких усольях работало „на монастырском хлебе" и по найму 1093—1113 человек, из них 2312 чел. (долгосрочные рабочие и их семьи) ютились тут же в специальных казачьих избах; при этом 827 человек получали, кроме питания, и обмундирование. Наши источники, перечисляя „работных" людей по разным усольям, исправно добавляют, что они „пьют и едят из монастырского анбара", оттуда же они получали одежу и обувь. Полагаем, что продукты питания выдавались „работным" людям на руки, хотя в некоторых случаях они, несомненно, поступали в общий котел. В приходо-расходных книгах по разным усольям мы встречали упоминание о том, что прикащик в некоторых случаях нанимал (напр., к реке, где работали дрововозы) особого человека „поваровать"...

Доставка дров к варницам, как мы указывали выше, было делом сложным; будучи несвоевременною она могла вызвать остановку в соляном производстве. Поэтому для большей точности усольские прикащики заключали специальные договоры с лицами, бравшими на себя обязательства во время доставить дрова к месту. Конечно, и это не давало еще прочной гарантии аккуратности со стороны дрововозов. В 1696 году крестьяне Двинского уезда, Вознесенского прихода Ярокурской деревни Козма Васильев сын Бачюрин, его товарищ Иван Евдокимов сын Даниловых и Антон Иевлев Боровиковых дали порядную запись монастырскому стряпчему Степану Титову в том, что они в этом году порядились с прикащиком Меркурием доставить в Лудское усолье к определенному сроку дрова. Однако, этого они не выполнили, вследствие чего в Лудском усольи произошли „простои", „безпромыслица" и „убытки". Дело соловецкий прикащик хотел было передать в суд, но потом заин-

тересованные лица, „в суд не ходя, договоряся полюбовно", помирились... Был установлен новый срок доставки дров к варнице, и на этот раз была назначена пеня на тот случай, если порядившиеся возчики вторично не выполнят договора: они должны были безотговорочно уплатить за каждую сажень дров по две гривны в качестве возмещения доставленного усолью убытка.

Гарантируя себе путем договоров аккуратных поставщиков дров, соловецкий вотчинник старался обеспечить себе кадры постоянных и дешевых рабочих из среды усольских казачков. Последнего усольские прикащики достигали посредством денежной ссуды казачкам, фактически закабаливавшей их. Сохранившиеся памятники дают основание утверждать, что соловецкий монастырь в роли банкира выступал довольно часто. В связи с изучением монастырского соляного производства следует отметить практиковавшийся в соловецких усольях обычай давать деньги и продукты „в покрут, в соль". Это—своеобразная ссуда [1]), дававшая заимодавцу право на участие в доле прибыли того или другого предприятия. „Покрут"—наши источники называют неоднократно. В чем состояла эта ссуда, и как должник обязан был расплачиваться со своим кредитором? В данном случае мы говорим о соляном „покруте". Как показывает само название—„покрут в соль",—ссуда давалась нуждающимся солепромышленникам; состояла она не только в деньгах, но и в натуре (нам известен напр., „покрут рожью"). В 1622 г. прикащик Колежемского усолья старец Сергий получил из м-ря 30 четей ржи специально для того, чтобы давать крестьянам „для покруту в соль". Возвращалась „покрутная" ссуда, повидимому, чаще всего натурой же,—т.-е. солью. Очевидно, дело происходило таким образом. Покрутная ссуда, напр., рожь, переводилась на деньги по рыночной („торговой") цене хлеба; на деньги же переводилась и стоимость соли. Это сделать было не трудно: стоило справиться о цене на соль в Холмогорах. Напр., в 1614 г. в Холмогорах старец Азарий взял в м-рь, в „казну" покрутной соли Нечая Пергуева (из Летнорецкого усолья) 2320 пудов. Принимая во внимание, что на Холмогорском рынке соль в это время ходила по 8 денег за пуд, можно предполагать, что покрутная ссуда Нечаю Пергуеву равнялась 92 р. 26 а. 4 д. (по тогдашнему счету).

Неоднократно цитировавшиеся нами „отводные" книги, составлявшиеся при передаче усольского имущества от прежнего прикащика новому, дают возможность осветить и эту сторону хозяйственной деятельности крупной монастырской вотчины. Для иллюстрации остановим свое внимание на ростовщических операциях Летнорецкого усолья. В 1649 году новый прикащик Ипатий получил от своего предшественника Ионы 61 кабалу (из них 7 составлены были при Ионе) на сумму 227 р. 8 а. 4 д., кроме того, долговых расписок („безкабального долгу") на сумму 25 р. 17 а. 4 д. В 1654 г. Ипатий умер, и в усолье на приказ был прислан Боголеп. Последний получил 46 кабал на сумму 169 р. 11 а. (из них 12 кабал были составлены его предшественником). Простых долговых расписок Боголеп получил на 49 р. 7 а. 5 д. В 1656 году, при „отводе" усолья от Боголепа новому прикащику Алексею, кабал оказывалось 45 на сумму

---

[1]) По толкованию Даля, покрут – это наемка людей для рыбного и звериного морского промысла, отсюда, „покрут" означает еще долю, пай из этой добычи на покрутчика. Промышлять из покрута—промышлять из доли, из пая (Даль, т. III, стр. 637). По смыслу Псковской Судной Грамоты, покрут—помощь, оказываемая землевладельцем исполовнику, садившемуся у него на землю, т.-е то, что позднее стало называться подмогой (см. у П. Е. Михайлова. „Юридическая природа землепользования по Псковой Судной Грамоте". СПБ. 1914 г., стр. 87, ср. И. Срезневский—Материалы.., т. II, стр. 1117, стр. 1058—59).

144 р. 16 а. (Боголеповских кабал было только 2 на 5 р. 25 а. 4 д.). В отводной книге 1656 г. отдельно названы долговые записи Летнорецких казачков. Трудно сказать, сколько именно должны были монастырю последние, так как их долговые обязательства вошли в общую сумму (7 р. 3 а. 4 д.) с долгом не названных по имени Кемлян, Подужемцев и какого то Панозерца. Но за то мы узнаем, что несколько казачков сбегло из усолья и бежавшие снесли монастырской казны за собой 17 р. 18 а. 1 д. „Безкабального долгу" новый усольский прикащик получил на сумму 53 р. 9 а. 3 д., из них 28 р. 9 а. 2 д. числилось на казачках еще при предшественнике Боголепа Ипатии. В 1662 г. новый усольский прикащик Василий получил от Алексея 75 кабал на сумму в 656 р. 20 а. 1 д. Интересно отметить, что в эту сумму входит 32 кабалы на сумму 504 р. 20 а.—на усольских казачках, составленные уже в последнее время, при прикащике Алексее, тогда как от прежних прикащиков дошло только 3 кабалы и на одного и того же казачка Амоска Якимова—на сумму 18 р. 28 а. Последние 3 кабалы в 1662 г. были отосланы из усолья в монастырь, очевидно, для взыскания денег административным путем. Безкабального долга в 1662 г. числилось на казачках от прежних прикащиков 27 р. 31 алт. 1 д., да при последнем прикащике им было выдано в ссуду 43 р. 3 а. 1 д. (правда, в эту сумму входит и ссуда каким то Кемлянам и Подужемцам). Следует добавить, что в управление усольем прикащика Алексея вновь несколько казачков бежало, унесши с собою 28 р. 19 алт. монастырских „казенных" денег. Если принять во внимание, что общая сумма безкабального долга равнялась по усолью при отводе 128 р. 25 а., то нетрудно будет понять, что, главным образом, монастырскими должниками в Летнорецком усолье оказывались казачки. В 1664 г., когда Летнорецкое усолье принимал новый прикащик Игнатий, кабал в усольской казне насчитывалось 101 на сумму 987 р 6 а. 4 д.; сюда входило 66 кабал казачков на сумму 877 р. 22 а. 4 д. В 1666 году прикащик Геласий, при отводе усолья, получил старых кабал, начиная с 1636 г. 160 штук на сумму 1644 р. 3 а. 3 д., да 270 р. 6 а. 4 д. безкабального долгу; следовательно, цифра того и другого будет равняться 3860 р. 24 а. 4½ д. Любопытно, что весь усольский „завод" вместе с кабальным и безкабальным долгом в 1666 г. был оценен в 3860 р. 24 а. 4½ д. Из сказанного видно, какую часть монастырских усольских средств поглащала ссуда в Летнорецком усолье [1]). Приблизительно аналогичные цифры кабального долга усольских казачков можно наблюдать и по другим усольям [2]). Например, в казне Пильско-губского усолья в 1663 г. находилось 135 кабал на сумму 779 р. 4 а. 2 д.; в 1669 г. этих кабал насчитывалось уже 280 (с 6 расписками) на сумму 2130 р. 24 а.; сюда же должно отнести 150 р. кабального и безкабального долга на усольских казачках и сумлянах от последнего прикащика Иова; следовательно, всех монастырских денег на руках у частных лиц было 2280 р. 24 а. Составитель отводной книги по Пильско-губскому соляному про-

[1]) Сол. арх. Дела Летнорецкого усолья.

[2]) Чтобы представить себе размер кабальной задолженности усольского населения казачков, бобылей и крестьян монастырю, возьмем для иллюстрации данные об этой задолженности за один какой-либо год. В 1669 г. во всех монастырских усольях кабальная задолженность составляла довольно значительную сумму 42.577 р. 30 а. 5 д. По отдельным усольям задолженность эта распределялась таким образом. Колежемское усолье 3555 р. 20 а. 1 д., Нюхоцкое—4386 р. 32 а. 4½ д. Унежемское—2878 р. 11 а. 1 д., Кушрецкое—67 р. Пияльское—349 р. 28 а. 1 д., Фирсовское—719 р., Владыченское 1399 р. 21 а., Пурнемское—6141 р. 4 а. 4½ д., Лямецкое—2330 р., Лудское—2760 р., Ненокоцкое—578 р. 32 а. 1 д., Куйское—845 р., Виремское—3236 р., Шуерецкое—2193 р. 9 а. 4 д., Летнорецкое—2054 р. 3 а. 5 д., Понгомское—2585 р. 16 а. 2 д., Чупское—2486 р. 9 а. 1 д., Черноречкое ус.—1360 р. 17 а. 4 д., Пильско-губское ус. 2280 р. 24 а. (Данные приводим по переписным книгам перечисленных усолий—Сол. арх.)

мыслу от 1671 г., повидимому, весь монастырский („казенный") долг по кабалам и „росписям" относит к казачкам. Долг этот представляется значительным: кабальных записей названо 347 на сумму 2776 р. 9 а. 3 д. По некоторым усольям, напр., в Куйском под 175 (1667) г. можно встретить „ржаные" кабалы в размере 60½ мер ржи [1]).

Из сказанного видно, что число „работных" наемных людей в монастырских усольях „труждавшихся всякою работою на монастырском хлебе", было довольно значительным. Только в некоторых случаях, напр., на сенокосе „страдовали" иногда работники „за своим хлебом" (в Лямецком усолье в 1680 г. [2]). Можно судить, следовательно, каковы должны были быть „хлебные запасы" в усольских монастырских житницах! Естественно, пред монастырскими властями вставал вопрос о своей монастырской запашке по усольям. В некоторых усольях такая запашка действительно имелась. Напр., в первой четверти XVII в. в Лямецкой волости в д. Антипинской (она же Чубаловская), при монастырском дворе было 2 пустых дворовых места. На одном из них Лямецкий прикащик сеял хлеб, на другом—за рекою, над устьем, в разных местах также находились „пашенные полоски"—7 четей с осминою, да перелогом и лесом поросло 7 четей с осминою (земля — „середняя"); по вытному счислению это составляло по пол-выти, как „в живущем", так и „в пусте". В той же волости, в монастырской деревне Степановской паханной пашни „середней земли" на м-рь приходилось 13 четей с осминою, да перелогом и лесом поросло 2 чети („в живущем" ³/₈ выти, а „в пусте" ¹/₈ выти). Запахивалась на м-рь „наездом" и пустошь, бывшая раньше д. Усиновская; там в разных полосах паханной „середней" земли было 9 четей с осминою, да перелогом и лесом поросло 3 чети с осминою; „в живущем" ⁵/₈ выти, „в пусте" ⁵/₃₂ выти. Всего, таким образом, в Лямце в 2-х деревнях и в пустоши; в разных полосках запахивалось на монастырь 30 четей с осминою, что составляло 2 выти „живущих" и 1 выть (без ⁵/₂₄ выти) „в пусте" [3]). С пашнями, сенными покосами и со всеми угодьями были отданы соловецкому м-рю в 1590 году, как мы уже упоминали, соляные варницы в Нюхче. В средине XVII в. поле у монастырского двора насчитывало в длину 285 сажен и 64 сажени поперек; две полоски в этом поле были засеяны житом; была засеяна житом и полоска земли между монастырским двором и Никольскою церковью: в длину 34 сажени и 27 сажен поперек. Между кузницей и казачьими дворами, у реки, засеяна была житом полоска земли в длину 36 сажен, поперек 9 сажен. В 1661 г. на этих полосках было высеяно 5 мер жита [4]). Отмечают наши источники и существование монастырской запашки в Пурнеме. Напр., в 1617 г. в 3-х деревнях, в полях и в разных покосах насчитывалось 29 четей с осминою, что составляло 2¾ выти „в живущем", и около 3-х вытей (без ¹/₂₄ вычи „впусте„). Однако, несмотря на существование собственной запашки, все решительно усолья вынуждены получать хлеб и другие продукты питания из монастыря, так как эта запашка была крайне незначительною. Собственный или, как наши источники называют, „домашний" хлеб только частично мог удовлетворять потребностям усолья [5]). Переписка усольских прикащиков с монастырскими

[1]) Сол. арх. Дела Куйского усолья.
[2]) Ibidem. Дела Лямецкого усолья.
[3]) Сол. арх. Дела Лямецкого усолья.
[4]) Ibidem. „Книги дозорные соборного старца Варсонофия"..
[5]) Напр., в Лямецком усолье в 1678 г. было израсходовано своего („домашнего") жита 20 четей, а в 1679 г.—30 четей. Но тем не менее в разные месяцы 1678 года усольский прикащик Гермоген получил на расходы 256 четвертей ржи, 10 четвертей ячменя (на семена), ячных круп 1 четверть, толокна 2 четверти и нек. др. продукты (Сол. арх. Дела Лямецкого соляного промысла)

властями почти целиком посвящена продовольственному вопросу. Прикащики в своих отписках в м-рь каждый раз просят „пожаловать“ в усолье ржи, а иногда и репы, если последней на усольских огородах „не родилось“. Неприсылка хлеба и, даже, недоставление продуктов в срок—грозило катастрофой усольской работе, и нам должна быть понятна тревога по этому поводу усольских старцев-прикащиков. Еще во второй половине XVI в. (не позднее, во всяком случае, 1592 г.) в монастыре была выработана норма количества продуктов, распределяемых по усольям Исходным пунктом при этом служил црен. На один црен полагалось давать из монастыря денежного пособия 50 р., ржи 200 четвертей, жита 10 четвертей, овса 30 четвертей, крупы запарной 5 четвертей, толокна 5 четвертей, гороху 1 мера, семени конопляного 1 мера, крупы гречневой полмеры, масла 5 пудов. Видимо, эта норма не всегда выполнялась: усолья, имевшие свою запашку, получали продуктов (ржи и ячменя) меньше причитавшейся нормы.

Приведем более конкретные данные относительно количества расходуемых м-рем по усольям хлебных припасов. В 1590 годах XVI ст. соляные угодья в соловецкой вотчине представлялись в таком виде: Куйское усолье состояло из 2-х цренов, Ненокоцкое из 1 црена, Лудское—2 црена, Лямца—2 црена, Унежма—2 црена, Нюхча—2 црена, Колежма—2 црена, Вирма—2 црена, Летняя река—2 црена, Кузема—2 црена, Порья-губа—2 црена, Пилья-губа 2 црена, Пиялъское усолье—1 црен и и Владычно—2 црена. Кроме того, м-рь должен был снабжать продовольствием и деньгами свой двор в Турчасове, складочное соляное место и главную базу соляной торговли с новгородскими областями, а также Пертнему, где сосредоточены были земледельческие угодья соловецкой вотчины—„хлебный приход“. Ко всем перечисленным „промыслам“ (в том числе на Турчасовский двор и Пертнему) монастырь расходавал ежегодно 1400 рублей деньгами и „хлебного запасу“: ржи 4200 четвертей, овса 600 четвертей, жита (ячменя) 210 четвертей, крупы заварной и толокна 210 четвертей, гороху 11 четвертей, семени конопляного 11 четвертей, крупы гречневой 6 четвертей, масла коровьего 105 пудов. Около 1594 г. организуется „новый“ промысел о 2-х цренах в Чупе; в начале XVII в. м-рь обогощается 1 цреном в Неноксе. Увеличиваются соответствующим образом и ежегодные монастырские расходы на содержание усолий. В это время на монастырские усолья поступало 1500 рублей деньгами, ржи 4600 четв.. овса 650 четвертей, жита (ячменя) 230 четв., круп запарных и толокна 230 четв., гороху 12 четвертей, семени конопляного 12 четвертей, крупы гречневой 7 четвертей, масла коровьего 115 пудов.

Если присматриваться к цифрам, показывающим количество соли, поставляемой каждым отдельным усольем в Холмогоры (цифры эти мы приводим), то нельзя не заметить того, что соляное производство в эпоху великой московской смуты сокращается; особенно это сказывается в те годы, на которые падает набег черкаских людей на Беломорские волости. В виду тревожного времени монастырские прикащики по усольям вместе с положенною нормою ржи, овса, толокна, круп и т. д. получали самопалы „свейское монастырское дело“, пищали, свинец, зелье и т. д. Но такое хозяйственное расстройство в монастырских соляных предприятиях изживается очень быстро и уже через несколько лет после смутного времени монастырь заводит новые промысла и расширяет старые. Под 1621 г. наши источники называют „новый“ цренный промысел в Пенгоме. В первой четверти XVII ст. м-рь развил свои соляные промысла в Шуерецкой волости; расширено было производство в Польском усолье;

в 30-х годах возникает Кушрецкий соляной промысел [1]), в средине XVII ст. оборудуется так наз. Фирсовское усолье и вновь организуется Чернорецкий соляной промысел. В 1639 году соляные предприятия соловецкого м-ря были в следующих местах: Неноксе, Луде, Лямце, Пурнеме, Пияле, Владычно, Унежме, Нюхче, Колежме, Вирме, Летней реке, Понгоме, Гридиной губе в Чупе и Пильской губе. В каждом из перечисленных соляных угодий было по 2 варницы, и в каждой варнице по одному црену. В конце шестидесятых годов XVII ст. во владении соловецкой вотчины оказывалось уже 20 предприятий, в которых было 54 варницы. В частности, в Колежемском усольи числилось за м-рем 4 црена, в Нюхоцком—3 црена, Унежемском—3 цр., Кушрецком—4 цр., Пильском—3 црена, Пияльском ус.—1 цр., Фирсовском ус.—2 цр., Владычинском—2 црена, Пурнемском—5 црен0в, Лямецком ус.—3 цр., Лудском ус.—3 цр., Ненокоцком 3 црена (без одной трети црена), Куйском ус.—3 цр., Виремском—2 цр., Шуерецком 3 цр., Летнорецком—2 цр., Понгомском—2 црена, Чупском ус.—2 цр., Чернорецком—2 цр.. Пильско-губском—2 цр. Во второй половине XVII в. соляная промышленность в соловецкой вотчине падает. Причины этого упадка достаточно отчетливо обрисованы в монастырских челобитных в Москву, сохранившихся от того времени. В одной из таких челобитных, от 1693 года, читаем следующее: „соляные их промыслы многие запустели, а которые были по близости леса, и те все высечены в дрова через многие лета, а вновь не растут, потому что страна студеная и каменистая. "Для полноты очерка состояния соляной промышленности в соловецкой вотчине остановимся несколько подробнее на каждом из усолий в отдельности. В порядке обозрения их мы будем следовать оффициальным перечням их конца XVI и начала XVII в.

Куйское усолье. В Двинском уезде, за так называемым „Сухим морем", на р. Куе соловецкий м-рь организовал соляные промыслы, по всей видимости, в начале второй половины XVI в. Нам известна „дарственная" запись от 10 авг. 1562 года Константина Прокофьева Житного, по которой он отдает соловецкому монастырю на р. Куе варничное место, тони, пожни и подлесные путики [2]) Несколько позднее, в 1587 г. писцовые книги кн. Василия Андр. Звенигородского в Куйском усолье отмечают 2 варницы соловецкого м-ря и рыбные ловли. В первой четверти XVII в. Куя представляла небольшую слободку. В монастырском дворе проживал (в 1622—24 г.) дворник Гришка Иванов сын Летнесторонец; кроме того, здесь же находилось 5 пустых бобыльских дворов; с пожень по р. Куе выкашивалось 50 копен сена, существовали и рыбные ловли. Прежние две варницы за „Сухим морем" в 1616—17 г. „запустели". Оставались действующими прежние („старые") две варницы, повыше устья р. Куи на заречной стороне по морскому берегу [3]).

В 1665—66 г. возле этих двух варниц была сооружена новая—третья о шести стенах. В 1668—69 г. в Куйском усолье действовали уже 3 варницы. Было время—это 90-е годы XVI ст. и первые два десятилетия XVII в.,—когда по количеству вырабатываемой продукции Куйское усолье стояло высоко [4]),

[1]) Писцовые книги под 7141 (1633) г. в Кушрецкой волости, состоявшей в то время на оброке у соловецкого м-ря, отмечают две варницы.

[2]) Сол. арх. Связка купчих, дарственных, вкладных, меновых и др. грам. XVI в

[3]) Ibidem Книги писцовые письма и дозору Мирона Веньяминова.

[4]) Напр, из Куйского усолья в Холмогоры было доставлено соли: в 1593 году—12260 пуд, 1594 г.—9330 пуд, 1595 г.—5800 пуд., 1596 г.—2000 пуд., 1597 г.—7000 пуд., 1598 г.—4500 пуд., 1599 г.—10920 пуд., 1601 г.—11100 пуд.. 1602 г.—4950 пуд., 1604 г.—2050 пуд., 1605 г.—7620 пуд., 1606 г.—2800 пуд, 1607 г.—2300 пуд., 1608 г.—2500 пуд., 1609 г.—2528 пуд., 1610 г.—4700 пуд., 1611 г.—5000 пуд., 1612 г.—5672 п., 1613 г.—6500 пуд., 1614 г.—4960 пуд., 1617 г.—4330 пуд., 1618 г.—7280 пудов и т. д.

но к концу изучаемого нами периода оно стало клониться к упадку. Оффициальный источник объясняет причину этого „оскудением" и „дальностью" дров. Роковым для Куйского усолья оказался набег на него в 1701 г. шведов. Неприятель совершенно выжег усолье, и восстановить его за недостатком средств („за оскудением") монастырю оказалось не под силу.

Ненокоцкое усолье (в Двинском уезде). Мы имели уже случай ознакомиться с процессом освоения соловецким монастырем долей („суґребов") в варницах в Неноксе. Во второй половине XVI в. посад Ненокса был бойким промышленным местом. В 1587 г. в нем насчитывалось 18 дворов „лутчих", 15—„середних", 50—„молодчих",—с населением во всех 124 человека, 16 дворов пустых и 56 мест дворовых. Если принять во внимание, что на обжу приходилось по 5 дворов „лучших", по 7 середних и по 10 дворов „молодчих", то в Неноксе в указанный период времени было „в живущем" 11½ обеж и „в пусте" 7¼ обеж. Всех варниц вообще в Неноксе в 1587 году было: 13 „живущих", 6 „пустых" и 7 варничных мест. Для складки соли было 14 амбаров, из которых один принадлежал соловецкому м-рю. Цитируемая писцовая книга кн. Звенигородского отмечает в Неноксе и мельницы, из коих одна была за соловецким монастырем. Соловецкому монастырю принадлежало здесь и 4 пожни, с которых поступало 125 копен сена.

В 1594 г. м-рь позаботился приобресть себе в Неноксе пустое варничное место, чтобы организовать здесь новую мельницу. Сначала, в 90-х годах XVI ст., в Неноксе монастырь имел (участвуя долями в разных варницах) 1 црен, но несколько позднее, в начале XVII в., здесь соловецких было уже 2 црена. К этому времени м-рь успел обосноваться в Неноксе довольно прочно. Он имел там свой двор, где обычно проживал монастырский прикащик, у двора два „огородца", в живущем пол выти и 1/24 выти. Так называемая Михайловская варница, где м-рь имел 12 вытей, уже почти полностью была за ним; кроме того, за м-рем были пустые соляные промысла на смердьих местах, бывшая варница Мостовиха (3 выти), бывшая варница Рушаниха (5 1/8 вытей). В результате покупки 1611 и 1614 годов, за монастырем оказалось в варнице Скоморошице 3 7/12 вытей. По купчим 1599—1603 года и по „данной" Алешки Пянжанина, монастырь приобрел 2 выти в Михайловской варнице, в Поджаровской варнице на Чепурах 1 выть без четверти, в Приставной варнице в Чепурах пол выти. Значительно увеличивается и количество монастырских пожень. С конца 90-х годов соловецкие прикащики в Неноксе энергично скупают эти пожни у местных посадских людей. Некоторые покупки представляются очень крупными. Например, в 1600 г. у Мопсейки Иванова Кологривова была приобретена пожня, дававшая 130 копен сена. Вообще с 1584 по 1617 г. было приобретено монастырем приблизительно 14 пожень, дававших в общей сложности не менее 227 копен сена. В 1597 году монастырь прикупил у ненокшанина Ивашки Федорова Белоглаза полянку пашни переложной земли осмину в поле, а в дву потому ж. Начиная с 1583 г. по 1617 г. монастырь скупил в Неноксе 9 дворовых мест [1]).

В 60-х годах XVII ст. соловецкий монастырь имел в Неноксе 2⅔ црены, но к концу интересующего нас периода из 3-х соловецких цренов в Неноксе действовало только 1½ „в складке с другими монастыри и

---

[1]) Сол. арх. Книги писцовые письма и дозору Мирона Веньяминова.

промышленники". Ненокоцкое усолье было одним из наиболее продуктивных в соловецкой вотчине [1]).

Лудское усолье (в Двинском же уезде). „Соловецкий Летописец", рассказывая о хозяйственной деятельности игумена Филиппа (Колычева), добавляет: „да при Филиппе же игумене прибыл промысл в Солокурье на Луде, двема црены варят" [2]). Очевидно, летописец имеет ввиду то обстоятельство (1564 г.), когда Савва и Степан Мартыновы по дарственной грамоте отвели соловецкому монастырю у „Солокурского колодезя „рассол царя государя и в. князя, а свою варницу и с дворным дворищем" [3]). Следует отметить, что еще в 1548 г. по вкладной Павла и Петра Полевщицыных перешла к соловецкому монастырю первая половина их „Бережной" варницы и в том же году по закладной передана была и вторая половина этой варницы без црена за 10 р. [4]). Стараниями игумена Филиппа здесь и были оборудованы соляные промысла. На посаде в Солокурье находился монастырский двор, где проживали усольские прикащики и две варницы: 1) „бережная" с нижнего конца и 2) „бережная" с верхнего конца. В 1593 г. у Ивашки и Гришки Баневых в Солокурье было куплено монастырем варничное место, запустевшая в 1592 г. „для росольные скудости" варница. В 60-х годах XVII ст. в Лудском усолье монастырь имел уже 3 варницы. В 1701 г. все названные варницы „запустели". Варницы обвещали („огнили") и разрушились („обвалились"), а црены заржавели. Поднять вновь промысла за „оскудением" и „дальностью" лесов оказывалось невозможным. Следует иметь ввиду, что дрова к Лудским варницам доставлялись и раньше плотами морем („через морскую губу") за 12 верст. Лудское усолье, как и Ненокоцкое, по своей продукции занимало видное место [5]).

---

[1]) В Холмогоры Ненокоцкое усолье поставило соли:

года	пуды	года	пуды	года	пуды	года	пуды	года	пуды
1593	10750	1604	10000	1615	4000	1626	14440	1637	11710
1594	13832	1605	10020	1616	5700	1627	11085	1638	11260
1595	11788	1606	13605	1617	4120	1628	9280	1639	18190
1596	8900	1607	6300	1618	7780	1629	13905	1640	9140
1597	12550	1608	12000	1619	8090	1630	12130	1641	14920
1598	11504	1609	6900	1620	15517	1631	15430	1642	14770
1599	13300	1610	3307	1621	5870	1632	11470	1643	2060
1600	10947	1611	7300	1622	9890	1633	14629		
1601	7800	1612	6300	1623	6690	1634	11920	и т. д.	
1602	8400	1613	4000	1624	4420	1635	13980		
1603	8200	1614	2000	1625	11980	1636	13500		

[2]) Рукоп. сол. сборн. в библ. б. Каз. акад. № 484, л. 96; ср. печатн. изд. „Летописца" 1833 г., стр. 32.

[3]) Сол. арх. Связка купчих, дарственные и др. гр. XVI в.

[4]) В 1570 г. с этих варниц „данный" староста Кирилл Михайлов с товарищи взял оброчных денег 1½ р. (ibidem).

[5]) Приведем в качестве иллюстрации несколько примеров того, сколько Лудское усолье доставило соли в Холмогоры за некоторые годы:

года	пуды	года	пуды	года	пуды	года	пуды	года	пуды
1593	11094	1604	4800	1615	—	1626	13230	1637	12494
1594	11293	1605	9300	1616	5620	1627	13510	1638	9920
1595	11830	1606	6900	1617	4400	1628	11000	1639	15461
1596	12960	1607	7200	1618	6820	1629	10440	1640	14330
1597	9850	1608	17550	1619	4690	1630	11060	1641	15000
1598	13300	1609	6900	1620	3799	1631	12960	1642	—
1599	10370	1610	1934	1621	7290	1632	10995	1643	13130
1600	17316	1611	8621	1622	6680	1633	11088		
1601	12960	1612	7580	1623	4640	1634	13390	и т. д.	
1602	8050	1613	9304	1624	9050	1635	—		
1603	10300	1614	10221	1625	6870	1636	12430		

Лудское усолье было достаточно оборудовано. В XVI в. соловецкий монастырь имел здесь свою мельницу; но в 1514 г. она сгорела и даже в 1624 г. она не была еще восстановлена. Уже в первой четверти XVII ст. за монастырем в Лудском усолье было до 36 пожень, с которых поступало до 150 копен сена. Все это—результат усиленной и продолжительной скупки их у местного посадского населения. Монастырские участки клином стали входить в волостные угодья на правах складничества. Почти все купленные монастырем участки оказываются—„в межах с соловецкими пожнями“ [1]).

Пильско-губское усолье (в Двинском уезде, Умбской волости). Из „отдельных“ книг подъячего Григория Никитина (от 1585 г.) соловецкому монастырю на четверть Умбской волости видно, что в Умбской волости было 8 варниц, из них 6 приходилось на долю Кирилло-Белоозерского монастыря, а 2—соловецкого. Одна из соловецких варниц находилась в Лех-губе, а другая—в Пильской губе. Если судить по количеству доставляемой в Холмогоры соли, то Пильско-губское усолье было одним из наиболее производительных [2]). В 90-е годы XVI в. и в начале XVII в. в ней кипели 2 црена, но в 1623—24 году писец Мирон Веньяминов обнаружил в названном усолье некоторое запустение. В Лех-губе он отмечает лишь варничное место, вместо бывшей там варницы. В Пильской губе оказалась „живущею“ только одна варница, а другая была „пустою“ [3]). Остановка второй варницы, повидимому, не была продолжительною. В 60-е годы XVII в. в усолье, в двух варницах,—правда, источники называют эти обе варницы ветхими,—снова кипят два црена. Общее расстройство монастырского хозяйства в конце XVII в. отразилось и на состоянии Пильско-губского усолья. Ветхие варницы и рассольные колодцы не ремонтировались, по крайней мере, „большим правежем“, поэтому постепенно они „огнили“ и „розвалились“, црены заржавели и распались, рассольные трубы размыло водою и, в конце-концов, в 1689 г. варницы в Пильско-губском усолье окончательно „запустели“... Хозяйственный упадок соловецкой вотчины в конце XVII в. не дал возможности наладить доставку дров к варницам (вблизи же леса оказались вырубленными), поэтому „за оскудением и дальностью дров“ Пильско-губские варницы бездействовали и в последующее время.

Чупское усолье (Керецкой волости, Двинского уезда). Хотя соловецкому монастырю, как мы в свое время говорили, четверть Керецкой волости оффициально была передана только в 1608 г., но фактически монастырь приобрел там угодья гораздо раньше. В 1574 г. в Чупской волостке у морской губы за соловецким монастырем было 2 варницы (всех варниц в губе было 5, вообще во всей Керецкой волости их

---

[1]) Сол. ах. „Книги писцовые письма и дозору Мирона Веньяминова“; Дела Лудского усолья (ряд купчих, начиная с 1593 г. по 1644 г.).

[2]) Из Пильско-губского усолья в Холмогоры было доставлено:

года	пуды	года	пуды	года	пуды	года	пуды	года	пуды
1593	8724	1603	11580	1613	8900	1623	6580	1633	8362
1594	10890	1604	10195	1614	11500	1624	8856	1641	10670
1595	10955	1605	11620	1615	7350	1625	12126	1642	10130
1596	11640	1606	6880	1616	4904	1626	1093	1643	2200
1597	10738	1607	10260	1617	8980	1627	8348	1654	4526
1598	11020	1608	11430	1618	8460	1628	10302	1655	8591
1599	14868	1609	8920	1619	9060	1629	10582		
1600	9740	1610	9150	1620	7160	1630	6320	и т. д.	
1601	10130	1611	8553	1621	7000	1631	10906		
1602	10780	1612	9600	1622	10320	1632	9350		

[3]) Сол. арх. Книги писцовые письма и дозору Мирона Веньяминова.

было 17, а несколько лет перед этим 44). В 1590 г. „немецкие люди“ сильно „повоевали“ Керецкую волость; пострадало и Чупское усолье. Около 1594 г. варницы были восстановлены, так как под этим годом один наш источник называет Чупу „новым“ соляным промыслом [1]). В 1608 г., во время передачи соловецкому монастырю четверти Керецкой волости, по писцовым книгам Алексея Степановича Толстово, в Чупской губе по прежнему оставалось 2 варницы; купленная у каргопольца Ивана Дятлева так наз. Кирилловская варница в 1608 г. оставалась „в пусте“. В таком же положении находилось дело в Чупском усольи и в следующем году, когда Керецкую волость переписывал писец Алай Ив. Михалков и дьяк Вас. Мартемьянов. При этом писец приводит одну подробность, именно, что в обоих своих варницах соловецкие старцы вываривали соль только зимою, а летом варницы бездействовали. В 1574 г. в Чупском „погостишке“ было всего на всего 7 тяглых непашенных дворов с населением в 10 человек. В начале XVII в., когда Керецкая волость медленно оправлялась после „немецких людей приходу“, в Чупском усолье находились: монастырский двор, где проживали старцы, слуги и соловары, пустой двор, отданный в монастырь Кириллом Григорьевым, и пустое дворовое место Розшинское. В 1616—19 г. в Чупском усолье было две монастырских мельницы: одна,—„поставленье“ соловецких старцев, молола лишь весною, в полую воду, на усольских монастырских трудников; другая мельница, данная в монастырь названным уже Кириллом Григорьевым, стояла „в пусте“. Писец Алай Михалков отмечает в это время в Чупском усолье „теребки, поженки, розчисти и сенные покосы“, бывшие за монастырем на оброке, купленные у Ивана Дятлева, названы купленные монастырем теребы у морской губы, „розчистные“ теребы у д. Чупы, на ближайших ручьях (на так наз. „Разсоховатом“ и др.), теребы на р. Керети по конец Заборного озера, на озере Варацком, на семи плесах, Кривом озере, Осиноватом наволоке, на Елуцком озере и речке Елуксе. История освоения этих теребов и пожень соловецким монастырем крайне проста. Деревня Чупа с перечисленными „теребками“ и „пожинками“ была за вдовою Акулиною Микулинскою женою. Последняя продала эти свои „статки“ керечанину Ивану Дмитриеву сыну Пшаге, а тот свою „куплю“ отдал в соловецкий монастырь.

В 1635 году, когда соловецкий монастырь получил в свое владение остальные три четверти Керецкой волости, следовательно, и остальные три четверти Чупского усолья, как в свое время мы уже упоминали, монастырские власти, заинтересованные в расширении своих соляных промыслов в новых владениях, послали в Керецкую волость специально с целью „варничных мест и лесов дозирати“... Эти лица (старцы Иоасаф, Исихий и Никандр) побывали и в Чупе. По их описанию, Чупское усолье представляется в следующем виде. Обе варницы оценивались старцами-дозорщиками, как „добрые“, но црены в них названы „ветхими“: один был починен, а другой требовал починки. Варничные строения: два соляных амбара и изба оказались ветхими. В особой слободе в 6 избах жили промышленники-соловары и дровосеки. Совершенно неблагополучно обстояло дело с топливом. У варницы, по словам прикащика, сложено было 600 сажен „гужевых“ дров, но они свалены были в таком беспорядке, что вымерить их не представлялось возможным; „плавежных“ дров совершенно не было, поэтому в ближайшее лето и зиму варнице грозила остановка в работе. Когда дозорщики непосредственно по-

[1]) Впрочем, термином „новый“ пользоваться следует с осторожностью, так как „новым“ Чупский соляной промысел назван и в 1603 г. (Сол. арх. Дела Чупского усолья).

знакомились с усольским дровяным запасом, они увидели, что и наличные дрова большею частью были „плохи", мера их оказалась неправильною („сажени малы"—„за сажень шло мало что не полусажень"). Естественно, прикащик старец Варнава получил соответствующее замечание: „за что он казаком терпел и такие худые дрова отводил у них". Прикащик оправдывался, утверждая, что он указывал казакам на дефекты их работы, но те его не слушали. Естественно, могло возникать подозрение относительно каких-либо злоупотреблений со стороны прикащика в выдаче заработной платы и провианта казакам. Но прикащик заявлял, что плату за рубку дров рабочие получали более, чем обычную: за десяток сажен гужевых и плавежных дров (безразлично) по 7 алт. и 1 коп., тогда как прежние прикащики платили за десять сажен плавежных дров 7 алт. с 1 копейкой, а за такое же количество гужевых дров 2 гривны. Правда, хлеба в усольском амбаре не оказалось совершенно, но причиною этого было то, что прикащик хлеб давал промышленникам „в промысл". Бесхозяйственность прикащика проявилась еще и в том, что кабальный долг, отведенный ему на разных „промышленниках", оказывался не выплаченным („в лицах"). Доводы его—что „хлеб-де нонеча дорог и росплачиватца они не могут", старцам дозорщикам показал ись неубедительными. Не было оснований надеяться и на будущее аккуратное поступление долга, так как прикащик старец Варнава „в промыслу сам с казаки не считается и счету не знает". Обследование окрестных лесов дало возможность старцам-дозорщикам установить, что соляной промысел в Чупе в данное время „опустел" от худых прикащиков, а не от недостатка дров, которых в Чупе, по их наблюдению, должно было хватить лет на десять на два црена, если, даже, они будут действовать зимою и летом. При этом дозорщики усмотрели возможность еще лучше использовать соляные богатства Чупского усолья. По словам одного из экспертов, керечанина Сисоя, при наличии в Чупе энергичного прикащика („как впредь прикащик доброй будет"), можно будет устроить варницу специально на „летнюю варю" на островах против Синицына наволока (в 7 верстах от Чупского усолья). Специальный дозор ближайших к Синицыну наволоку лесов обнаружил, что в данном районе „варнишному промыслу быти мошно": рассол там оказался „стоячим" и лесов должно было хватить лет на десять. Были данные для заведения в Чупском усолье и большого хозяйства. Даже при бесхозяйственном прикащике Варнаве здесь было 26 монастырских лошадей. Достаточно было и сенокосных угодий. На теребах по четырем рекам Чупам ставилось свыше 250 возов сена, пониже монастырского двора, за губой, в так называемой Кожеозерской Чупе, выкашивалось сена 50 возов. Эти сенные угодья были оброчными. Луковые сенные угодья Чупского усолья находились на морских островках в 7 верстах от усолья (пол-лука) и давали 10 возов сена; в Кирилловской Чупе на море (в 2-х верстах от усолья) монастырь выкашивал 6 возов сена на своем полулуке; в Кожеозерской Чупе (в 2-х верстах от усолья) с полулука монастырь собирал 8 возов; за 12 верст от усолья монастырь у так наз. „Анбарской" губы имел поллука сенных угодий, с которых ставилось 8 возов сена; но эти свои поллука монастырь отдал керечанам взамен их пожен поскотины, где ходил монастырский скот. За поскотину приходилось отдавать керечанам и 1/4 лука в Порошке, за 10 в. Для нужд усолья Чупский монастырский прикащик косил сено на морских пожнях, напр., на Черной реке и Нильмогубе, иногда верст за 60 от усолья. Все это сено доставлялось в усолье на пароме. Как не казались достаточными леса в районе Чупского усолья дозорщикам старцу Иоасафу с товарищами (они пред-

ставлялись им лучше Керецких), но, вырубаясь хищнически, они в конце концов „оскудели", дальность расстояния тормозила аккуратность доставки их. В результате всего этого в 1686 г. Чупские варницы „запустели". В смысле своей производительности Чупское усолье не уступало другим монастырским усольям того времени [1]).

Черноречкое усолье. В Керецкой волости (в 40 верстах от Керети) расположен был погост Черная река, где очень рано местные крестьяне завели соляные промысла. Когда проник туда соловецкий вотчинник, мы затрудняемся датировать точно. Полагаем, что это последовало до 1574 г., когда Керецкую волость описывал писец Василий Огалин и подъячий Стефан Федоров. В это время в погосте Черной реке среди 6 оброчных непашенных дворов находился и двор соловецкого монастыря, в котором проживали старцы и слуги для варничного дела. Варниц в Черной реке в это время насчитывалось 3. Источники не называют ни одну из них монастырской. Допускаем возможность, что соловецкий монастырь владел лишь паями, или долями в этих варницах, на ряду с местными крестьянами. Убеждены, что с течением времени эти варницы оказались бы в руках соловецкого монастыря [2]). Но испепеливший волость приход „немецких людей" в 1590 году—передал по „купчим" в соловецкий монастырь лишь варничные места: на Черной реке, в Жемчужном ручью, в Вороньем становище и в Нилмогубе. Запустевшие варницы очень долго не могли подняться из развалин. Только в 1635 году, когда владения соловецкого монастыря в Керецкой волости значительно округлились, поднялся вопрос о воссоздании соляного промысла в Черной реке. Специальные дозорщики, побывав на месте, установили следующее. По Черной речке до Черного озера на протяжении нескольких верст по обе стороны реки плавежного лесу „сечь нечего", так как он раньше был вырублен государевыми крестьянами, занимавшимися здесь некогда соляными промыслами. Поднявшийся по тем „сечищам" лес-молодняк еще негодился для варничной топки. Между Черным озером и Ниг-озером, на протяжении 4-х верст шла шалга со средним и хорошим лесом. Но Черное озеро для сплавки леса было неудобным, то же следовало сказать и относительно Черной реки: небольшой, каменистой и „разливистой". Таким образом, с этой стороны дозорщики пришли к неутешительному выводу: „монастырскому промыслу нонеча строитца не к чему, потому что плавежных лесов нонеча нет, а на старых сечищах молодые леса не поспели; хотя гужевых дров много, а без плавежных дров монастырскому промыслу быти нонеча не учево". От Черной реки до того места, где раньше были варницы, расстояние было не более версты, и в 1635 году от старых варниц, расположенных по обе стороны губы, оставались еще следы: сохранилась и рассольная яма глубиною до 4-х саж.

---

[1]) Предлагаем для иллюстрации несколько данных относительно количества доставленной в Холмогоры соли из Чупского усолья за разные годы:

года	пуды	года	пуды	года	пуды	года	пуды	года	пуды
1605	5830	1612	7615	1627	8285	1634	8712	1641	10005
1606	8700	1613	6348	1628	4917	1635	6170	1642	1880
1607	7600	1614	8232	1629	7052	1636	6082	1643	12915
1608	8250	1615	6306	1630	5100	1637	7541		
1609	6200	1616	4150	1631	7980	1638	—	и т. д.	
1610	9190	1617	5700	1632	6600	1639	10404		
1611	8043	1626	8208	1633	8924	1640	10508		

[2]) Напр., в 1578 г. Поздей Филиппов сын, да Матвей Терентьев сын „дали спасу и великим чюдотворцам „вкладом" свой црен, варницу, 6 меринов с конской сбруей, свой двор в Черной реке, хоромы на этом дворе и огород (Сол. арх. связка купчих и данных ... XVI в.).

Экспертиза рассола дала положительные результаты: из 26 гривенок рассолу получилась гривенка без восьмой доли соли. Следовательно, Чернорецкий рассол оказывался лучше, чем в Чупском усолье, в Лебяжьей губе и Крестовом наволоке, где из 26 гривенок рассолу соли получалось гривенка без 3-х долей. Не использовать такой богато насыщенный рассол было бы значительным промахом, и монастырские варницы в Чернорецком погосте были сооружены. В 40-х годах XVII в. эти варницы, несомненно, уже существовали. В 60-х годах XVII ст. в Чернорецком усолье было 2 варницы прежних („старых"): одна в „домашнем" усолье, другая в Нилмогубе, и 1 варница новая с колодезем в Панфиловой губе. Несколько позднее здесь мы видим по прежнему только 2 варницы. В 1685 г. обе варницы в Чернорецком усолье запустели: „огнили" и развалились, црены заржавели и распались, колодезь и рассольные трубы размыли морские бури.

В связи с Чернорецким соляным промыслом следует несколько слов сказать о варницах в **Нилмогубе**. Как в Чупе и в Чернорецком погосте, так и в Нилмогубе монастырь пытался организовать соляные промысла еще во второй половине XVI ст., но от существовавшей здесь варницы в 1608 г. оставалось только стоящее „в пусте" варничное место. Следы разорения некогда зарождавшегося усолья видны были в Нилмогубе и в 1635 г. Варница и колодезь рассольный изгнили и развалились, где раньше стояли соляные амбары, теперь оставались только „немногие бревнишка". На месте прежнего монастырского двора, на старом дворище стояла одиноко ветхая изба. На некоторое время монастырю удалось восстановить в Нилмогубе свою варницу.

Порьегубское усолье (в той же Керецкой волости, в Порьей губе). В 1563 г., по писцовым книгам Якима Романова с товарищи, в Порьегубской волости в живущем было 22 двора, но по дозору Третьякова-Зайцева, в 1571 г., в „живущем" в Порьегубе оказалось только 3 двора. В 1574 г. тяглых непашенных дворов в Порьегубе было 12, с населением 12 человек. Среди дворов обозначен двор соловецкого монастыря, где в одном полудворе обитал дворник Федко Родионов, а в другом Гриша Родионов. Такое запустение Беломорских волостей, падавшее на этот именно период, как в свое время мы имели уже случай наблюдать, обусловливалось целым рядом причин. Уцелевшее население писцу Огалину объяснило причины запустения Порьегубской волости таким образом: запустение это произошло в 1570 г. „от лихого поветрия, от двинского иску, от Басаргина правежу и от голоду". Источники рисуют нам полную картину разорения Порьегубской волости. „Без пенья" стояли церковь Николая чудотворца, пустою была келья пономаря на погосте. В 1563 г. в Порьегубе было 20 варниц, но в 1571 г. действовала только одна, а остальные 19 стояли „в пусте". В 1574 г. действовавших варниц было 4, из них 3 варницы стали функционировать („топитца") только в 1574 г.; 16 варниц по прежнему стояли „в пусте". Этим моментом, когда варницы стали выходить „из пусти в живущее", воспользовался соловецкий монастырь. Уже в 1592 г. монастырь имел в Порьегубе варницу о 2-х цренах. Эта варница раньше была „варничным местом" Григория Родионова сына Сухоноволочанина, а от него вместе со двором, полвытью угодья и третью мельничного места перешла к монастырю. Кроме этой варницы, за соловецким монастырем было варничное место, варница, колодезь и двор варничный,—принадлежавшие раньше Федору Тарасову сыну Торопову. В 1608 г. мы видим в Порьегубе монастырский двор „на приезд старцам и монастырским слугам", 3 дворовых места пустых, по морскому берегу 13 тонишек,—последние у соловецкого мо-

настыря были „вопче“ с Печенгским монастырем и порьегубскими крестьянами. Также „вопче“ была распределена между ними и речка Порья, в которой они ловили „забором“ красную рыбу (семгу). С 1608 г. речка Порья полностью перешла к соловецкому монастырю „для дровяного плавежу“. Два лука угодий числились за соловецким монастырем среди крестьянских участков. Один цитированный нами оффициальный источник—„книги дозору старцев Иоасафа, Исихия и Никандра 143 г.“ таким образом описывает Порьегубское усолье в тридцатые годы XVII ст. На старом монастырском дворовом месте стоит ветхая келья, столовая без кровли, старинная, ветхая, пошатнулась к горе, углы поопадали и потолочины провалились. Против столовой—повалушка, а подле повалушки чуланишко, оба без кровли, если их покрыть, то жить можно, замечают по данному поводу названные дозорщики. Все остальные строения, даже коровьий хлев с сенником также были без кровли. Мельничишко на ручье все изгнило, лошадиный двор изгнил тоже; в казачьей слободе только одна клетка казачья стояла еще целою, а 3 избы изгнили и развалились, потолки провалились, так что починить их не казалось возможным. Грустную картину представляли варницы, которые, повидимому, должны были являться предметом особого внимания и заботливости монастырских усольских прикащиков. Между тем обе варницы стояли без кровли, ослоны обвалились. Одна варница оказалась более или менее исправною, а другая была в полуразрушенном состоянии: одна стена в ней провалилась внутрь. В запущенном и полуразрушенном состоянии нашли дозорщики рассольный колодезь и кузницу. Между тем и леса возле варниц было много, и соляной рассол оказывался вполне достаточным (из 26 гривенок рассолу получалось гривенка без четверти чистой соли [1]).

Около 1622 г. по соседству с Порьегубским соляным промыслом образовано было новое усолье—**Гридина губа** Повидимому, оно отделилось от Порьегубского. Достоверный и оффициальный источник по поводу открытия этого усолья под 1622 годом гласит следующее: „послан из монастыря старец Дионисий к новому промыслу в Гридину губу на приказ, а отводчик старец Аркадий отвел ему и отписал старого цренного Порьегубского промысла от прикащика от старца Рафаила цренов и дров и хлебного запасу и лошадей и коров и всякого дворового посудья всего на 147 р. 20 а. 3 д.“. Новое усолье не замедлило проявить свою деятельность: в 1623 г. усольский прикащик отправил в Холмогоры 1 лодью соли в 2180 пудов, в 1624 г.—2 лодьи в 4481 п. и т. д. [1]). Можно думать,

[1]) Порьегубское усолье в период его цветущего состояния относилось к числу наиболее продуктивных не считая соли, отправленной в Сумский острог и в монастырь, на остров, продукция его поступала в значительном количестве на рынок. За четыре года (1592—1595 г.) из Порьегубского усолья было вывезено 41366 пудов соли на сумму 1370 руб. 29 алт. 3 д. Средний вывоз в год составлял приблизительно 10 тыс. пудов (в 1593 г.—10110 пуд., а в 1594 г.—10413 пуд.). В последующие годы этот вывоз распределялся таким образом:

годы	пуды	годы	пуды	годы	пуды	годы	пуды
1597	8436	1600	7280	1603	7550	1606	6370
1598	7710	1601	8470	1604	9840	1607	9220
1599	8020	1602	3450	1605	12860	1608	6580

с 1609 по 1610 г. Порьегубское усолье поставило на рынок 13805 пуд. соли с 1611—1613 г.—22845 пуд., в 1614 г.—5060 пуд., в 1615 - 1616 г.—10616 пуд., в 1617 г.—5860 п., с 1618—1620 г.—25484 пуда. (Сведения заимствуем из приходо-расх. книг Порьегубского усолья за разные годы. Сол. арх. Дела Порьегубского усолья).

[1]) Позднее продукция Гридинского усолья поднялась еще более; в Холмогоры отсюда было доставлено:

в 1625 г. 5790 пуд. соли	в 1629 г. 6276 пуд. соли	в 1633 г. 7340 пуд. соли
в 1626 г. 4600 „ „	в 1630 г. 6550 „ „	в 1634 г. 6900 „ „
в 1627 г. 5717 „ „	в 1631 г. 9758 „ „	в 1635 г. 8002 „ „
в 1628 г. 5886 „ „	в 1632 г. 7849 „ „	в 1636 г. 4870 „ „
		в 1637 г. 6010 „ „ и т. д.

что Гридинский промысел внушал некоторые сомнения относительно целесообразности своего существования, потому что поднимался вопрос о замене его более лучшим. По всей видимости, к средине XVII в. его уже не существовало.

Виремское усолье, очевидно, было одним из старых в Поморьи. На реке Вирме расположены были деревни, которые писец второй половины XVI в. (Андрей Вас. Плещеев) по старой памяти еще называет „Марфинскими бояршины Исакова". В 1566 г. в Вирме во владении местных монастырских крестьян было 4 црена, а в 1599 г. на 8 крестьянских дворов приходилось 3 црена. В девяностые годы XVI в. и в начале XVII в. монастырь имел в Вирме свое монастырское усолье при 2-х црена. В средине XVII в. в Вирме было уже 3 монастырских варницы, которые прекратили свое существование в 1686 г. [1]). В начале XVIII в. некогда бойкие варницы представляли груды развалин: заржавевшие црены распались, рассольные трубы и колодези от ветхости обвалились, были размыты морскою волной и занесены песком. Причину запустения варниц в Вирме один оффициальный источник объясняет „хлебною и всякою скудостью" и „дальностью дров".

Существовавшее некогда, по всей видимости еще в XV в. усолье в **Сумской** волости, в Спасском погосте, уже ко времени перехода этой волости к соловецкому монастырю, в средине XVI в. переживало упадок, от которого оно вряд ли смогло подняться. Двадцать пять варниц, вновь отведенных подъячим Степанцом Калитиным в 1556 г. игумену Филиппу, распределялись среди крестьян; из этого числа 12 варниц приходилось на долю крестьян Сумского Спасского погоста. В свое время мы будем говорить подробнее, какую роль играли эти варницы в крестьянском хозяйстве Сумской волости. Можем только утверждать, что успехом солеварение здесь не пользовалось.

В волости **Колежемской** соляной промысел существовал исстари. Полагаем, что и возникновение самой волости при морской губе (на речке Колежме) обязано существованию здесь хорошего соляного рассола и близости удобных лесов. Уже при переходе Колежемской волости к соловецкому монастырю (это было в 1550 г. при игумене Филиппе), там насчитывалось в 2-х деревнях 8 варниц, из которых 2 варницы были за монастырем [2]). В 90-е годы XVI и в начале XVII ст. в Колежме было 2 црена монастырских и 5 црен ов за крестьянами на оброке. В 60-е годы монастырь имел в Колежме уже 4 своих црена и столько же црен ов было за крестьянами [3]). Таким образом, восстановлены были прежние 8 варниц.

---

[1]) Относительно продукции Виремского усолья мы можем дать только общие сведения. Очень широко велась здесь розничная торговля солью со всякого рода „приходящими гостями". При записи проданной соли в розницу не указывалось количество пудов, а только вырученная сумма. Сопоставляя последнюю с суммой за оптом проданную соль, приходим к выводу, что розничная продажа здесь в некоторые годы была значительно выше оптовой, в другие же годы было, наоборот. Напр., в 1603 г. оптом было продано соли 5950 пуд. на сумму 179 р. 28 а. 4 д., а в розницу на 204 р. 17 а.; в 1604 г. оптом 2070 пуд. на 41 р. 13 а.,—в розницу на 200 р.; в 1607 г. оптом продано 3850 пуд. на 77 р., в розницу на 100 р. Особенно падает торговля с 1613 г. спускаясь до 991 пуд. (в 1626 г.) и только позднее можно наблюдать некоторый подъем продукции. Например: в 1633 г. продано было соли 4285 пуд. на сумму 230 р. 10 а. 4 д., в 1634 г.—5095 пуд. на 187 р. 25 а. 1 д.; в 1636 г.—7900 пуд. на 345 р. 20 а. 5 д. Приблизительно такая же,—в среднем 4000 пуд. продукция соли сохраняется и в последующие годы с некоторыми перебоями.

[2]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 51—52 об.; Досифей III, стр. 17 и след.; ср. „Солов. Лет." рукоп. сборн. в библ. б. Каз. дух. акад. № 484 л. 96 (печатн. изд. 1833 г. стр 32).

[3]) По количеству выпускаемой продукции Колежемское усолье стояло высоко в ряду других соловецких усолий. С достаточною точностью выявить эту продукцию не для всех

Одна из монастырских варниц запустела в 1710 г., а остальные 3 продолжали действовать. Колежемское усолье было достаточно оборудовано хозяйственными постройками, сравнительно хорошо обеспечено земельными угодьями и рабочею силой. Рассольные трубы были проведены в специальный колодезь из моря за 400 саж., следовательно, рассол в колодези был „стоячей добр". Но тем не менее для содержания здесь 4-х варниц у монастыря средств не хватило: „за хлебною скудостью и за дальностью дров" четвертая варница должна была прекратить свое существование.

В 1590 г., как мы уже знаем, соловецкий монастырь получил в свое „владение" пустые волостки **Нюхчу** и **Унежму**. Испрашивая себе эти волостки, монастырь указывал на то, что „жильцов" там нет, следовательно, для казны они дохода не приносят, соляные варничные угодия стоят пустыми и т. д. При отводе этих волосток к монастырю в них было зарегистрировано 18 варниц, находившихся в заброшенном состоянии: они запустели, огнили и разрушились, колодези и рассольные трубы размыло водою еще в 1578, 1579 и 1584 г.г., когда население частью было побито „немцами" или вымерло, частью, обнищав, „от дому разбеглось", частью пристало к Кирилло-Белоозерским вотчинам в Поморье. Заброшенные варницы монастырь постарался восстановить. В 90-е годы и в начале XVII ст. в Нюхче и Унежме в монастырских усольях существовало по 2 цренa. За крестьянами Нюхоцкой волости в 1599 г. числилось 7 цренов, такое же количество цренов остается за ними и позднее, даже в 60-е годы XVII ст. В Унежме в 1599 г. крестьяне пользовались 3 цренами, а позднее двумя. Во второй половине XVII ст. в Нюхоцком монастырском усолье действовали 3 варницы; тоже мы можем наблюдать там и в начале XVIII в. В 60-е годы XVII ст. 3 црена мы находим и в Унежемском усолье. Но к концу изучаемого нами периода (в 1694 г.) две варницы здесь „запустели". Причина этого явления обычная: ближние леса „обсеклись", а доставка „дальних дров" сопровождалась большими трудностями [1]).

годов удается, так как в Колежме или и в Вирме широко велась розничная соляная торговля, относительно которой нам известна вырученная сумма, но не количество проданной соли. Посему и подсчет может быть произведен относительный. Напр., в 1594 г. было продано соли оптом в Холмогоры 5610 пуд.; в 1595 г.—6260 п.; в 1597 г.—4625 п.; в 1598 г.—4650 п. и т. д. Розничная продажа соли иногда превышала оптовую. Напр., в 1602 г. оптом соли было продано 6160 п. на 175 р. 26 а. 4 д., а в розницу в том же году было продано соли на 200 р. Вообще средним числом Колежемское усолье при 2 цренах поставляло на рынок 4—6 тыс. пуд соли, но были годы, когда количество продаваемой соли доходило до 16 тыс. пуд. (в 1615 г.), зато можно было наблюдать и снижение до 2 тыс. пуд. (в 1618 г.)

[1]) Продукция Унежемского и Нюхоцкого усолий в разные годы была неодинаковою. В некоторые годы эти усолья поставляли на рынок достаточное по тому времени количество соли Напр., из Унежемского усолья в Холмогоры в 1600 г. было доставлено 10290 пудов соли, в 1601 г.—11400 пудов; Нюхоцкое усолье туда же вывезло в 1601 г. 7540 пудов, в 1602 г —8500 пудов, в 1603 г. 8840 пуд., в 1604 г.—8870 пуд. В эпоху Московской смуты, когда соляные предприятия на русском севере пришли в упадок, сократилось производство и на данных промыслах. В 1609 г. из Унежемского усолья было поставлено на рынок 4490 пудов соли, в 1610 г.—1890 пудов, в 1612 г. 1700 пудов, в 1613 г. 2016 п., в 1614 г. вовсе не было вывоза, в 1615 г. 2000 п., в 1616 г. 11744 п. и т. д. Точно также сократилось производство и в Нюхоцких промыслах. В 1609 году отсюда было вывезено соли 2000 пудов, в 1612 г. 3776 пудов, в 1613 г. ничего не вывозилось, в 1614 г. 6400 пуд., 1615 г 5852 п., в 1616—17 г.г. ничего не было вывезено. Позднее продукция названных усолий поднялась: в 1620 г. Унежемское усолье могло поставить на рынок даже 15270 пудов соли, в остальные годы оно поставляло от 14656 до 3525 пудов, не принимая во внимание розничной продажи. Приблизительно в таком же положении обстояло дело и в Нюхоцком усолье.

Видное место по размерам производства в 90-е годы XVI ст. и в начале XVII ст. занимал **Куземский** соляной промысел [1]), но уже в 1639 г. его, повидимому, не было; по крайней мере, в „Переписных книгах“ соловецкого монастыря за 7147 (1639) г. Куземский соляной промысел не назван [2]).

В сороковых годах XVII ст. существовал в соловецкой вотчине соляной промысел в **Кушрецкой** волости при морской губе.[3]). Во второй половине XVII в. там действовали 4 варницы, но 2 из них в 1693 г. „запустели“ и разрушились. Причиною этого наши источники выдвигают традиционное „оскудение хлеба“ и „дальность дров“.

В **Шуерецкой** волости, переданной во владение соловецкому монастырю по царскому указу в 1614 году, существовало 5 варниц [4]). Однако, обосновавшись прочно в этой волости, монастырь не смог организовать здесь соляное производство в большом размере. В шестидесятые годы XVII в. в Шуерецкой волости источники отмечают 3 варницы: 2 в Пертострове, а третья в Козлове салме [5]). Позднее здесь существовала, повидимому, только одна варница, которая в 1695 г. „за хлебною и за всякою скудостью и за дальностью дров запустела“. В 50—60-е годы XVII ст. крестьяне Шуерецкой волости еще сохраняли за собой варницы в Пертострове, но, видимо, последние скоро должны были ликвидироваться: в начале XVIII в. их уже не было.

Летнорецкое усолье одно из наиболее устойчивых и продуктивных предприятий соловецкой вотчины [6]). Налаженное еще во второй половине XVI в., оно просуществовало в течение всего XVII в. [7]) и в сократившемся, правда, на половину размере „из за скудости хлебной и дальности дров“, при одной варнице, функционировало и в XVIII в. [8]).

Понгомское усолье организовано было около двадцатого года XVII ст., так как источники под 1621 г. называют его „новым“ В средине XVII в. в усолье было 2 варницы [9]). На основании уцелевших памятников мы имеем полную возможность утверждать, что Понгомское усолье в XVII в. расширялось, обстраивалось, обзаводясь инвентарем, покупая лошадей и коров. Не мало уделялось внимания и обеспечению

---

[1]) Напр., в 1594 г. Холмогоры отсюда было доставлено 13978 пудов соли, кроме того, 4350 пудов в Сумской острог.

В 1594—1595 г.г. всей соли из Куземского усолья было продано 28280 пудов на сумму 900 руб. 8 алт. 4 д. Такой же остается продукция Куземского усолья и в последующие годы. С 1607—1609 г. продано было соли 36871 пуд.

[2]) Соловецкий архив.

[3]) В „Переписных книгах“ 147 (1639) г. он еще не назван. (Сол. арх.).

[4]) В „Отдельных книгах“ волости Шуи корельской Иева Карпова 122 (1614) г. названы 5 варниц (крестьянских)—(Сол. арх.).

[5]) „Книги переписные“ Шуерецкого усолья 177 (1669) г. (Сол. арх.).

[6]) Напр., только в Холмогоры в 1594 г. из Летнорецкого усолья было поставлено 10900 пудов соли (кроме того, 1900 пудов было отправлено в Сумский острог). В 1595 г. в Холмогоры было отправлено 10360 пудов, а в Сумский острог 2000 пуд., в 1596 г. в Холмогоры 13130 пуд., в Сумский острог и в последующее время, иногда повышаясь (напр., в 1601 г.) до 15340 пудов (в Холмогоры). Только во время разорения Беломорских волостей в эпоху московской смуты продукция Летнорецкого усолья падает. Напр., в 1610 г в Холмогоры было поставлено только 6600 п. соли, в 1611 г. 8431 п., в 1612 г. 7700, а в 1615 г. даже 700 п. В дальнейшие годы продукция Летнорецкого усолья снова повышается Напр., за три года (1623—5 г.г.) поставлено было отсюда соли 30756 пудов, за 1628—30 г.г.—23268 пуд., в 1639 г.—12360 пуд., в 1640 г.—18582 пуда и т. д.

[7]) „Переписные книги“ 7177 г. отмечают в Летнорецком усолье 2 црена.

[8]) Сол. арх. („Дела Летнорецкого усолья“).

[9]) Сол. арх. „Книги приходные и расходные Понгомского усолья соляного промысла 161—162 г.г.“

усолья рабочими руками [1]). В 1699 году обе варницы в Понгомском усолье запустели и разрушились вследствие известной уже нам причины: „скудости хлебной и всяких припасов и дальности дров“ [2]).

В Каргопольском уезде, в Турчасовском стане, у моря и по р. Онеге монастырь сравнительно рано стал располагать рядом усолий, имевших большое значение в его хозяйственной жизни. В 1556 году, когда Каргопольский уезд описывал писец Яков Сабуров, соловецкий монастырь имел на Онеге соляные угодья в следующих местах: 1) в Пияльской волости варницу на оброке (с уплатой в казну ежегодно 30 алт. оброку, дьячих и подъячих пошлин 5 д. и казначеевых пошлин 5 д.); 2) во Владычeнской волости в Ордомском погосте м-рь имел доли в волостных варницах: в одной из варниц соловецкие прикащики „варили“ с Матфейком Правдиным „с товарищи“, а в другой с Онцыфором Типягиным, „с товарищи“. С этих угодий м-рь платил оброк с волостными людьми вместе соответственно долям („с своих доль повытно“) с варницы по 1 р. с гривной, да казначеевых и дьячих по 2 алтына с рубля. Была здесь и отдельная монастырская варница, при которой существовал и монастырский двор. В том же Ордомском погосте у так называемого „меньшего“ колодезя находилась варница пустая, отданная монастырю „на льготу“ на 3 года (с 1555—1558) с тем, чтобы по миновании льготных лет монастырь платил с нее ежегодно 4 гривны оброку, да казначеевых и дьячих пошлин по $2^1/_2$ деньги. Есть основание думать, что монастырское усолье было и в Лямце, так как в 1556 г. с трех усолий в Каргопольском уезде (Лямца, Пияла и Владычно) монастырь платил в казну 13 руб. с полуденьгою полушечных пошлин [3]). В последующее время соловецкий м-рь продолжает укрупнять свои угодья во Владычeнском усолье, концентрируя в своих руках „волостные“ доли. В 1572 году 7 „сябров“ совместно владевших одною из Владычeнских варниц, продали свое соляное угодье монастырю (колодезь, црен, рассол, варничное место и кострица). В 1615 году, когда Каргопольский уезд дозирал Семен Языков, здесь, в разных местах, за соловецким монастырем было 9 „живущих“ варниц с цренами, 5 варниц „в пусте“ без цренов да 5 варничных мест „в пусте“. В 1621 г. во Владычeнской, Затевской, Пияльской, Нижмоозерской, Пурнемской и Лямецкой волостях было: 4 варницы с цренами, 28 варниц без цренов—пустых, да 27 пустых варничных мест. Производившие в это время опись Каргопольского уезда Иван Воейков и дьяк Третьяк Копнин, сталкиваясь с фактами крайнего запустения „Онежских“ волостей, отметили запустение и соляных промыслов. На вопрос о причинах этого запустения, оставшееся население давало один и тот же ответ: „людей побили литовские люди, а иные розошлися безвестно“... Соляные промысла соловецкому м-рю приходилось восстанавливать почти заново. Скажем несколько слов о каждом из этих усолий.

---

[1]) В 1653 г. в казачей слободе для обитания казачков было 3 избы старых, да 2 новые; в 1669 г. таких изб было уже 7. („Отводные книги Понгомского усолья“. 161 (1653) г. ср: „Книги переписные“ по тому же усолью 177 (1669 г. Сол. арх. Дела Понгомского усолья).

[2]) В отношении продукции Понгомское усолье в первые годы своего существования стояло довольно высоко. Если взять 20—40-е годы (XVII ст.), то вывоз соли из Понгомского усолья представляется в таком виде: до 1632 г. в среднем усолье поставляло в год 5—9 т. пудов; с 1632 по 1644 г. поставлялось соли на Холмогорский рынок уже больше: до 14109 пуд. (в 1640 г.)

[3]) Сол. арх. „Книги соловецкие вотчины списаны с Каргопольских писцовых книг Якова Сабурова“. 7064 (1556) г.

Пурнемское усолье. Оно было расположено в устье р. Пурнемы, поэтому и называлось иногда Усть-Пурнемским. На церковном погосте вместе с дворами причта (строение монастырское вместе и мирское) находился монастырский двор, где проживал монастырский прикащик. Здесь же (под двором) у м-ря была и своя запашка. В 1615 г. этой пашни насчитывалось 3 чети с осминою да перелогом и лесом поросло 10 четей с осминою в поле, а в дву потомуж, земля середняя; в живущем четь выти, а пустые выть без чети [1]); сена около полей и по морскому берегу выкашивалось „на живущее" 7½ копен, да в пусте 18½ копен. К этому же соляному промыслу был отведен ряд деревень. В 1615 году дозорщик Семен Языков обозначает их таким образом: две трети пустоши бывш. деревни Ивана Черного (а треть волостная) пол пустоши б. деревни Калининской (вторая половина была волостною), пустошь - бывшая дер. Якуша Онаньина, дер. Есипинская (в др. сп. Осиповская), две трети д. Гавриловской (остальная треть волостная), д. Левушинская, д. Афанасьевская, д. Осташевская. Что касается варниц, то в 1615 г. в Пурнеме было 2: одна из них расположена была „в ручьях", а другая—у моря между Пурнемой и Лямцей. В 1617 г. монастырский двор перенесен был в д. Осташевскую. Паханной пашни за м-рем под двором в это время было 14 четей в полях „без перемен", а всей вообще в разных полосках 29 четей с осминою „в живущем" числилось 3 выти без четверти, „в пусте" 3 выти без ¼ выти сена около полей на морском берегу выкашивалось 126 копен. Варниц в это время в Пурнеме было уже 4. В шестидесятые годы XVII ст. в Пурнемском монастырском усолье действовало 5 варниц в самой волости, да 2 варницы на Веге в „отхожей службе". Возможно, что это—названные, уже нами выше 2 варницы: одна „на ручьях", другая на границе 2-х волостей [2]). Но в дальнейшее время, до 1690 года в Пурнеме действовало 4 варницы В 1690 г. одна из них запустела „за оскудением цренных припасов" [3]).

Лямецкое усолье при устьи р. Лямцы. В 1590 году здесь было 2 варницы. К усолью была приписана д. Чубаловская, где числилась обжа с получетью пашни. Лямецкие варницы перешли к соловецкому м-рю от волостных крестьян, поэтому считались состоящими на оброке в размере 3 р. (в 1590 г.). В 1617 году монастырских варниц в Лямецкой волости было 4. В 7 монастырских дворах, находившихся в этом усольи, обитали „промышленники": дровосеки и соловары в количестве 25 человек. Монастырский двор, где проживал прикащик, находился в дер. Чубаловской (она же Антипинская). Пашни на монастырь в 1617 г. насчитывалось в Лямецком усольи 30 четей с осминою, в живущем 2 выти, а „в пусте" выть без чети и пол пол пол чети выти [4]). В соляные угодья соловецкого м-ря в Лямецкой волости клином входили варницы Кирилло-Белоозерского м-ря. В начале XVII в. здесь насчитывалось 4 пустые

[1]) В данном случае не принята в расчет д. Левушинская, которая не во всех списках „Сотной" дозора Семена Языкова приводится. Если же иметь в виду и эту деревню, то число пашни д. быть увеличено таким образом: „9 четей без пол осмины в поле".

[2]) В „Переписных книгах" Пурнемского усолья за 177 (1669) г. названа еще одна варница, относящаяся к Пурнемскому усолью,—в Пурнаволоке (Сол. арх.).

[3]) По количеству выпускаемой продукции, Пурнемское усолье, начиная со 2-й четверти XVII ст., стояло высоко, не уступая Ненокоцкому, Летнорецкому и нек. другим крупным усольям. Напр., в 1633 оно вывезло в Холмогоры 10155 пудов соли. в 1634 г.—11774 пуда, в 1635 г.—15039 п., в 1636 г.—12021 п., в 1639 г.—15776 п., в 1640—13086 п., а в 1642 г. даже 18351 пуд соли.

[4]) „Книги Онежских деревень соловецкого м-ря вотчины письма и дозору Семена Языкова"... (Сол. арх.).

варницы и 2 варничных места Кирилловского м-ря. Следует упомянуть, что в это время Кирилло-Белоозерские „старцы" усиленно колонизовали Золотицкую волостку, заводя в ней, на устье р. Золотицы, Пушлахты, Лополахты и в др. местах, соляные промысла. И здесь белоозерские старцы встретились с могущественным своим соперником—соловецким м-рем, который уже в начале XVII в. на устье р. Золотицы имел свой монастырский двор „на приезд старцам и слугам", 3 амбара и, по всей видимости, тоже собирался завести там свои соляные промысла. Чтобы не дробить производство, особенно же земельные угодья, а также для прежние смуты меж старцов и слуг..., которые живут в тех промыслах", два крупные вотчинника решили размежеваться [1]). Соловецкий м-рь уступил Кирилло-Белоозерскому Золотицкие свои владения, а тот отдал соловецкому свои Лямецкие угодья. Из меновой записи, заключенной обоими вотчинниками 27 июня 1618 г. мы узнаем, что соловецкий м-рь „поступился" Кирилло-Белоозерскому в Золотицкой волости „своего поставления" монастырским двором со всем строением и „городбою", 3 дворами на тонях, землями, пашнями, соляными варницами, тонями и всякими другими угодьями. Кирилло-Белоозерские старцы „выменяли" в соловецкий монастырь в Лямецкой волости двор со всеми хоромы и со всяким дворовым строением, с хлебными амбарами и с „гуменниками", 3 дворца монастырского поставления, где проживали „промышленники", 2 варницы с колодезями и трубами (одна возле волостки Лямцы, другая в „Середнем"), варничные постройки, 2 дворца дровосечные, „мутовашную" мельницу в Лямце на ручью и амбар в д. Пертнеме. „В придачу" к своим Золотицким угодьям соловецкий монастырь внес Кирилло-Белоозерскому еще 100 рублей денег [2]). Однако, и оставшись в Лямецкой волости без конкурентов, соловецкий монастырь содержать в своем усолье только 3 варницы. В 1687 году одна из этих трех монастырских варниц „запустела", в 1717 г. была ликвидирована и вторая, но третья продолжала действовать [3])...

Владыченское усолье. Энергично осваивая доли („выти") во Владыченских волостных угодьях, соловецкий монастырь к 1590 годам имел здесь уже 3 варницы. В это время к монастырскому соляному промыслу во Владыченской волости был приписан ряд деревень: 1) Антоновская (обжа без чети), 2) д. Олутинская на Рогозине горе (пашни обжа и полчети), 3) д. Михалиха (пашни полчети), 4) д. Родионовская и 5) д. Пыкшинская (пашни в обеих 2 обжи). Приписка черных деревень к мона-

[1]) Есть данные утверждать, что поводом к этому „разделу" послужило столкновение между соловецким и Кирилло-Белоозерским монастырями. Именно: незадолго до дозора Семена Языкова в 1615—1616 г. белоозерские старцы завладели „насильством" в Золотице и Пушлохте соловецкими угодьями (1 луком с осминою, полями, пожнями, 3 дворами, 4 варницами с колодезями и трубами, соляными амбарами и варничными дворами. Соловецкий монастырь пожаловался в Москву, и оттуда последовало соответствующее внушение белоозерским старцам: „то вы делаете негораздо—меж святыми местьі вражду чините". Вместе с этим обоим монастырям предписывалось, чтобы они в спорных угодьях „зделались меж себя полюбовно тотчас". (Русск. Ист. Библ. т. XIV, кн. II, стр. 253—254).

[2]) Русск. Ист. Библ. т. XIV, кн. II, стр. 257—262; „Список с писцовых книг Ивана Воейкова, да дьяка Третьяка Копнина 129 г. (Сол. арх.).

[3]) По своей продукции Лямецкое усолье занимало едва-ли не первое место в ряду других. Даже в XVI в. оно поставляло значительное количество соли на рынок Укажем несколько примеров. В 1594 г. отсюда было вывезено соли 15460 пудов, в 1596 г.—22006 п., в 1598 г.—19705 п, в 1599 г.—15990 пудов; только в годы смуты производство в Лямецком усолье несколько снижается. В 1613—1620 г. на рынок поступает меньше соли, в 1613 и 1617 несколько более 5 т. п., но в 1622 г снова Лямецкое усолье выбросило на рынок 20890 пудов соли. В дальнейшие годы поставка соли на рынок из Лямецкого усолья колеблется от 13 до 4-х тысяч пудов ежегодно.

стырскому усолью—явление для столь ранней поры весьма знаменательное. Возникновение и развитие его проследить, конечно, трудно. В данном случае, приписка имела целью обеспечить м-рю кадр трудовой армии и, вместе с тем, снабжение усолья продовольствием. Приписные деревни передавались монастырю не „в вотчину", а „на оброк". Мы доподлинно знаем, что Олутинская деревня была „обелена" только в 1616 г. Естественнее всего представлять дело таким образом. Тот оброк, который раньше поступал в казну с крестьян непосредственно, теперь стал вносить туда монастырь, получивший во владение приписные деревни с крестьянами. Во Владыченской волости это вызывалось рядом обстоятельств. Во-первых, здесь труднее было достать вольнонаемную рабочую силу, так как во второй половине XVI в. пролетаризации крестьян, которую мы можем отметить для этого времени в более северных Беломорских волостях, здесь еще не видно. Происходит она в Онежских погостах позже, уже в период Московской смуты и в связи с нею. Во-вторых, доставка сюда продовольствия из Вологды или из Холмогор представляла транспортные затруднения, а относительно удобная для земледельческого хозяйства почва, давала возможность соловецким прикащикам наладить в Турчасовском стане, Каргопольского уезда монастырскую запашку. В 1592 году во Владыченском усолье мы видим только 2 варницы; такое же число их остается и в начале XVII в. В 1617 г. здесь функционирует уже только 1 варница. В 1621 г. состояние соляных промыслов соловецкого монастыря во Владыченской волости представляется, по данным писцовой книги Ивана Воейкова, в следующем виде. В Ордомском погосте на р. Онеге, под Антоновскою деревней, в колодези рассольном, „вопче" со спасским монастырем (в Каргополе), соловецкий монастырь имел варницу с цреном, пустую варницу без црена и 3 варничных места—пустых. За соловецким монастырем, по „данной" никольского (во Владычне) пономаря Якушки Потапьева, „промеж соловецких же варниц", числилось варничное место с кострищем и с дровяною пристанью, некогда бывшее во владении торгового человека вязмитянина Семена Алексеева, сына Игумнова. Таким же варничным местом м-рь владел по другой данной—Петрушки Дмитриева, сына Гуся, Андрюшки Семенова, сына Сокольникова и Гришки Денисова... Это варничное место находилось между соловецкою и спасскою варницами и предоставляло право на пользование дровяною пристанью и берегом р. Онеги вверх по течению до ручья Князевца, кострищами и амбарным местом. К Петрушке Гусю это варничное место попало за долг (хлебом и деньгами) от того же торгового человека Семена Игумнова, в 20-х годах XVII ст. проживающего в Кореле „за немцами". Из приведенных данных можно видеть, что, по крайней мере, один рассольный колодезь во Владычне постепенно сосредоточивался в руках одного предпринимателя. Возле этого колодезя были организованы соловецким м-рем 2 варницы. Во Владычне был и другой колодезь, в пользование которым соловецкий м-рь входил как один из сябров-совладельцев... Рассол в этом „деленом" паевом колодезе от энергичной эксплоатации одновременно нескольких предпринимателей, истощился и соловецкая варница при нем (как, впрочем, и другие) вынуждена была ликвидироваться. В одном из источников мы находим указание на то, что соловецкий монастырь во Владычне пытался соорудить и свой собственный соляной колодезь [1]). Но сколько позволяют нам судить наши архивные данные, во

[1]) В приходо-расходных книгах по „цренным промыслам" по Владыченскому усолью под 1623 годом читаем следующее: „Старец Тихон (бывший в то время Владыченским прикащиком) делал на Владычне вново колодез, копал и ларь и трубы пущал новые и кожех около колодезя сделал, и стало ему то дело 80 рублев" (Сол. арх.).

Владыченском усолье как в первой, так и во второй половине XVII в. было только 2 варницы [1]).

Пияльское усолье. Существовали соляные промысла в Пияльской волости еще в средине XVI в. Яков Ив. Сабуров, описывая в 1556 г. волостку Пиялу, отметил в ней на погосте двор соловецкого монастыря, где проживали старцы—„прикащики варничные". В 90-х годах XVI ст. соловецкое усолье в Пияле состояло из одной варницы. К этой варнице был приписан „на оброк" ряд деревень: 1) д. Былова (пашни обжа) 2) д. Олутинская (пашни четь обжи) и 3) деревня за Онегой (пашни пол обжи) В 1604 г. в Пияле за соловецким монастырем числилось 2 обжи тяглой земли (берегом вверх по р. Онеге) и 1 1/2 црена соляного промысла [2]). Относительно приписных к Пияльскому усолью деревень следует повторить сказанное нами по поводу таких же деревень во Владыченском усольи. Запустение русской деревни, явившееся результатом смутного времени, отразилось и на Пияльской волости. В 1615 г. из приписных к Пияльскому усолью деревень названы „пустошью" д. Быловская, значительно запустела д. Олутинская [3]). В 1617 г. дозорщики старцы Илья Большой да Александр Булатников могли усмотреть тенденцию восстановления монастырского хозяйства в Пияльской волости и переход „из пустого" в „живущее". Варниц в это время в Пияльском усолье было 2 и с них монастырь платил по 2 руб. полушечных и пудовых пошлин [4]). Еще через несколько времени, в 1621 году, Пияльское усолье имело следующий вид. Рассольный колодезь был у соловецкого монастыря вопче с Кожеозерским, Ошевенским и Кенским монастырями и с волостными крестьянами. Соловецкий монастырь имел здесь 1 варницу с црeном, 1 варницу пустую („без црена") и 5 амбаров для складывания соли. Позднее, в 30-х годах XVII ст., в Пияльском усолье организованы были уже 2 варницы, которые действовали с перерывами [5]). Это последнее обстоятельство объясняется тем, что в Пияльском усолье соловецкий монастырь имел несколько „сябров" у рассольного колодезя, или как выражаются наши источники, рассол там был „деловой". Во второй половине XVII ст. в Пияльском усолье мы встречаем только 1 црен.

Польское усолье находилось по верхнему течению реки Кодины на речке Карусе еще в 1556 г. Ключевая рассольная вода, а также отсутствие у соловецкого монастыря в этом районе конкуренции—дали возможность Польскому усолью продержаться (хотя и в скромных размерах) значительнный промежуток времени. В 60-х годах XVII ст. в Польском усолье было 3 црена, но к концу столетия это количество несколько

---

[1]) „Книги переписные соловецкого м-ря... 7147 (1639) г. (Сол. арх) ср. „Книги переписные"... 7177 (1669) г. (ibidem). Продукция Владыченского усолья была не велика. В начале XVII в. поступало в монастырскую казну со Владыченского усолья ежегодно 50—70 р. Только изредка Владыченские прикащики доставляли в м-рь 100 рублей, или несколько больше.

[2]) В 1602 г. Кожеезерского монастыря строитель Серапион эту тяглую землю желал получить для своего монастыря и на время успел было в этом Но соловецкий игумен Антоний обратился в Москву и отстоял ее (Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 159—160 об.).

[3]) Список с книг письма и дозору Семена Языкова 1615—1616 (Сол. арх.).

[4]) Книги письма и дозору Ильи Большого и Александра Булатникова 125 (1617) г. (Сол. арх.).

[5]) Относительно производительности Пияльского усолья следует сказать то, что оно значительно уступало очень многим. Соль в Пияле продавалась приезжим купцам ежегодно рублей на 100—200, но можно отметить случаи, когда продано было соли на меньшую сумму (напр., в 1622 г. на 29 р., за то из Пияльского усолья часто прикащики отправляли на остров, в монастырь, рожь, масло коровье и другие продукты питания).

сократилось: варниц оказалось только две, из них вскоре еще одна должна была закрыться. В начале XVIII в. в Польском усолье существовала только 1 варница.

Кроме перечисленных более или менее крупных соляных предприятий соловецкой вотчины, сплошным кольцом обнимавших почти весь Беломорский край, следует назвать ряд небольших усолий, которые возникали случайно, временно, иногда в виде опыта, или же представляли наследие промышленных предприятий прежних насельников края, уступивших свои угодья „сильному" вотчиннику. Из таких небольших и случайных предприятий следует назвать варницу в Затевской волости, на речке Тевзе, в Каргопольском уезде, под монастырскою пустошью Фирсовской. Во владении соловецкого монастыря эта варница долго оставалась пустою и без црена, хотя рассольный колодезь и близость рынка (Тевза впадала в Онегу у Турчасова) могли быть достаточно убедительным аргументом к организации здесь соляного производства. В 50—60-х годах XVII ст. **Фирсовское** усолье состояло из 2-х варниц, но крупными размерами производства не проявило себя [1]). **В Нижмоозерской** волостке в 20-х годах XVII ст. находился рассольный колодезь, а при нем пустая (без црена) варница и 4 варничных места—вещественные памятники существовавшего здесь некогда соляного производства [2]). Была попытка завести варницу **в Кокшенге**. В 1662 году Вологодский прикащик по специальной грамоте из монастыря ездил в Кокшенгу для осмотра рассольного ключа. В 1663 г. на оборудование варницы в Кокшенге было отпущено 100 руб. серебром. Был командирован туда и особый прикащик соборный старец Дионисий, и послано 3 пуда „укладу", да 5 пудов железа „немецкого", железные трубы и т. д. Для испытания рассолу („для опыту россольново") был сооружен в Вологде небольшой железный „црепец", при чем за мастером пришлось обращаться в Сольвычегодск к Дмитрию Андреевичу Строганову [3]). Но о дальнейшей судьбе этого мероприятия мы сведений не имеем.

Глава четвертая.

Выработанная на варницах соль поступала на рынок. Как в организации соляного производства соловецкий монастырь не был инициатором, точно также имел он предшественников и в области соляной торговли. В XIV в. поморская соль не только сбывалась по Двине, но по Сухоне проникала в Устюг и Вологду, а оттуда в Кострому и дальше [4]). Двина и Сухона это главная торговая магистраль, по которой двинские гости развозили соль, но она не была единственною. Другая большая торговая дорога к русскому центру проходила по западному берегу Белого моря мимо Керети, Кеми и Шуи на Онегу, а оттуда

---

[1]) Сол. архив. Дело Фирсовского усолья („Отводные книги" 163, 168 и 169 г., ср. „Книги переписные Сумского острога и Кемского городка и иных всех монастырских служеб и усольских промыслов соловецкого монастыря 177 (1669 г.)"; в приходо-расходных книгах сол. монастыря за 1590 г. Фирсовская варница называется „новым монастырским соляным промыслом" и снабжается из монастыря деньгами для варничных расходов (Сол. арх.).

[2]) „Писцовые книги письма Ив. Воейкова 129 (1621 г.)".

[3]) Сол. арх. Дела Вологодского подворья. Приходо-расх. книги вологодской службы 169—173 (1661—1665 г.).

[4]) Акты археогр. эксп. т. I, № 13, стр. 8—9.

через Каргополь к Москве [1]). В Новгород и другие ближайшие к нему города и районы соль проникала другим путем. Мы уже имели случай говорить о тех водных дорогах, которые вели в Поморье из В. Новгорода и его областей. Они, по всей видимости, сохраняли свое значение и тогда, когда вечевая республика перестала существовать, как самостоятельная политическая единица [2]).

Свой очерк соляной торговли соловецкой вотчины мы считаем необходимым предварить общим замечанием, что соль из соловецких варниц распространялась не только в русском центре, но и на северо-западе. Видную роль в соляной торговле с новгородскими областями играл посад Турчасов, расположенный на р. Онеге. Из сказанного выше в предыдущей главе, можно видеть, что по р. Онеге и в бассейне ее расположен был ряд варниц, что в значительной степени облегчало здесь торговлю. Монастырский двор в Турчасове иногда называется в наших источниках соляным „отвозом", а это говорит о торговом значении Турчасова [3]). Еще в первой половине XVI в. соловецкий монастырь позаботился приобрести в Турчасове двор и амбар на берегу р. Онеги [4]). Важное торговое значение Турчасова в XVI—XVII в. не только для соловецкой вотчины, но и вообще для поморья вряд ли может вызвать какие-либо сомнения. Каргопольцы, порожане, устьмошане, мехренжане свозили в Турчасов с Белого моря большой запас соли, которая специально нанятыми казаками набивалась здесь в рогожи и затем распродавалась разного рода купцам: белоозерцам, каргопольцам и др. Таможенная грамота 1598 г. дает знать, что в Турчасове было 2 гостинных двора, где продавались иноземные сукна и русские меха [5]). Сюда же для торговли приезжали со своими товарами (солью и рыбой) крестьяне отдаленных Керецкой и Ковдской волостей. Словом, чем были Холмогоры на Двине, тем являлся Турчасов для Онежского района.

Не менее важное торговое значение имел и г. Каргополь, где соловецкие старцы поспешили обосноваться, по всей видимости, в начале второй половины XVI ст. В Каргополе существовал двор соловецкого

[1]) А. Тищенко. „К истории Колы и Печенги в XVI" в (Журн. М. Нар. Просв., 1913 г. июль, стр. 107).

[2]) В 1566 году директоры английской торговой компании в России велели осмотреть путь от устья Двины до Новгорода и Нарвы в отношении удобств его для возки товаров водою и сухопутьем. Посему в июле 1566 г. Томас Соутгем и Джон Спарк прибыли на лодках к соловецкому монастырю, взяли оттуда вожатого и направились розыскивать путь к В. Новгороду. С соловецкого острова они прибыли в Сороку, к устью Выга; оттуда поднялись вверх по р. Выгу, часто перетаскивая лодки и товары по суше. Переплыли Воецкое озеро (Выг-озеро) к речке Телегиной, поднялись по ней вверх, сколько было возможно, а оттуда на телегах попали в Повенец. Проплыли Онежское озеро, затем через реку Свирь прошли в Ладожское озеро, а оттуда, по Волхову, прибыли в В. Новгород. В результате этих разведок отважные англичане пришли к выводу, что между Повенцом и Новгородом товары можно отправлять водою, а от Повенца к Сумскому посаду их должно перевозить по суше зимою. Таким, именно, способом, т.-е. зимою и на санях доставлялись в Новгород большое количество соли, вываривaемой на Белом море... (Акад. И. Гамель. Англичане в России в XVI и XVII ст. СПБ. 1865 г., стр. 79).

[3]) В грамоте царя Ив. Вас. Грозного от 1559 г. о предоставлении соловецкому монастырю права беспошлинно закупать для монастырских надобностей хлебные запасы читаем следующее: „а ходят де старцы и слуги монастырские с Соловков с солью... в лодьях больших и в меньших и в малых суднех, а зиме на возех; а кладут ту соль на Колмогорах и на Турчасове в два насады... а с Турчасова в тех насадах ходят они Онегою к Каргополью и к Короткому, а с Вологды и с Короткого ту соль возят продавати, лете на телегах, а зиме на возех, по городам и по волостем". (Досифей III стр. 25—30).

[4]) Сол. арх. „Список с сотной с Каргопольских и Турчасовских книг письма Якова Сабурова 7064 (1556) г." ср. „Список с писцовых книг Ивана Воейкова 7129 (1621) г.".

[5]) Н. И. Костомаров. „Очерк торговли Московского государства в XVI—XVII столетиях". (Ист. Монографии и исследования, т. XX, СПБ, стр. 10, 112, 113 и 272).

монастыря, который своим привилигерованным положением раздражал местное тяглое посадское население и воеводскую администрацию [1]).

Продажа соли производилась и по отдельным монастырским усольям, при чем, продавалась соль почти всегда крупными партиями, что не позволяет видеть в покупателе-оптовике непосредственно потребителя. Наши источники покупателей монастырской соли обычно называют специфическим термином „гости", добавляя иногда „приходящие" гости и указывая местожительство их. Напр., в Куйском усолье в 1614 г. приезжим боровичанам Никите да Семену в 2 „каюка" [2]) продано было 265 п. соли по 10 д. за пуд, всего на 11 р. 8 алт. 2 д. Что заставило названных боровичан отправляться за солью в отдаленное Куйское усолье, когда почти по такой же цене (10 денег с полушкой за пуд) тот же Куйский прикащик продавал соль в Холмогорах, сказать трудно. Возможно, что они желали избежать уплаты таможенных пошлин, но предполагаем и то, что все же на месте, в усолье, купить соль можно было дешевле. Возьмем для примера цены на соль в Холмогорах. В 1615 г. соль там ходила по 10 денег с полушкою за пуд, но здесь же пуд соли стоил 2 алт. 3 д., 2 а. 2 д., 2 а. и 11 денег. В 1618 г. в том же Куйском усолье было продано соли 642 пуда по 10 денег за пуд на „удебные лодьи" и тонщиком „в рознь". В данном случае, повидимому, покупателями были промышленники рыболовы, а не торговцы солью. В Вирму, напр., приезжали за солью, особенно зимою по санному пути из-за Онежских погостов кижане и шуяне, толвуяне. Приезжали крестьяне и закупали соль большими партиями. В 1626 г., напр., кижане и шуяне Михей Васильев, да Федор Иванов „с товарищи" закупили сразу 5340 пудов соли (по 7 денег за пуд) на сумму 186 р. 30 алт., а в 1627 г. этих же заонежских погостов крестьяне Матвей да Никита с товарищи купили 5980 пудов на 194 р. 11 алт. 4 д. (по 7 д. за пуд). Крестьяне этих же погостов фигурируют в качестве покупателей соли в Вирме и в последующие годы, при чем покупают соль большими партиями, напр., (по 865 и 689 коробей) и на значительную сумму денег рублей на 180—216 и т. д. Повидимому „приходящие гости" и крестьяне перечисленных выше районов иногда являются синонимами, так как сословной однородности в скупщиках монастырской соли, полагаем, и не было. Усольские прикащики, не мудрствуя лукаво указывают на это, когда говорят, что соль покупали у них „всяких чинов люди". Все эти „гости", крестьяне и „всяких чинов" люди являлись за солью во все усолья соловецкой вотчины не только близкие, но и в дальние (напр., Чупское [3]).

---

[1]) Этот двор дан был соловецкому монастырю „вкладом" Каргопольским „веденцем" Оникием Степановым сыном. Он находился в посаде на улице Каменке и предназначался „на приезд" монастырским старцам. По ходатайству игумена Варлаама двор этот был царем Ив. Вас. Грозным „обелен", т.-е. освобожден от несения посадского тягла (Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 59—60 об.). В 1597 г. правительству приходилось напоминать Каргопольским посадским людям, чтобы они не требовали никаких повинностей с монастырского двора (ibidem, л. 118—119; л. 144—145).

[2]) „Каюк"—речное грузовое судно, род полубарки с двускатной крышей, загнутым носом и каюткой в корме (Даль. Толковый словарь, т. II стр. 252).

[3]) О том, как была организована торговля солью в районе Турчасова и Каргополя, мы можем составить некоторое проставление на основании челобитной городских и посадских белоозерцев царю Ивану Вас. Грозному в 1546 г. Челобитчики рассказывали, что Каргопольцы, Онежане, Турчасовцы, Порожане, Устьмошане и Мехренжане ездят к морю соль покупать и потом свозят ее в Турчасово и на Порог—летом в судах, зимою на санях. В Турчасове и на Пороге эту соль набивают в рогожи специально нанятые казаки, которые, чтобы увеличить ее вес подкладывают в рогозину пуда 2—3 и даже, больше кардехи. Заделав соль в рогозины, отвозят ее в Каргополь, где и распродают ее оптом Белоозерцам, Вологжанам и „иногородцам всех городов Московские земли", разумеется не упоминая о скрытой в рогозинах кардехе. Белоозерцы, Вологжане и других городов купцы.

Интересным представляется вопрос о размерах соляной торговли по усольям. Когда идет речь о крупной соляной торговле, которую вел соловецкий монастырь в XVI—XVII в., то обычно имеют в виду Вологодскую торговлю, не придавая, таким образом, местной торговле большого значения. Такой взгляд нам представляется ошибочным. Местная усольская торговля, конечно, не может по своим размерам равняться с Вологодской, однако, не только в бюджете отдельного усолья, но и в обще-монастырском, вырученная за продажу соли в том или другом усольи сумма оказывается иногда ощутительною. Укажем несколько конкретных случаев. Из Унежемского усолья в Холмогоры было отправлено в 1606 г. 5980 пудов соли на 149 руб. 16 алт. 4 д., на месте же было продано соли на 50 руб.; в 1608 году в Холмогоры отпущено было соли 6237 пудов, на 300 руб. 21 алт. 1 д.; в усолье же было продано на 127 руб. В 1612 году в Холмогоры было отправлено 1700 пудов соли на 76 руб. 16 алт. 4 д., дома, в усолье, распродано на 77 руб.; в 1623 г. в Холмогоры отправлено было соли на 368 р. 27 алт. 3 д., в усолье выручено за розничную продажу соли 100 р.; в 1624 г. в Холмогоры отпущено было соли на 137 р., в усолье продано на 180 руб. В Нюхоцком усолье в 1610 г. разным приезжим купцам было продано соли на 250 р.; в 1611 г. это усолье поставило в Холмогоры соли на 32 р. 20 алт., а купцам было продано соли на 150 р.; в 1623 г. в „казну" было отправлено соли на 224 р.; 22 алт. 3 д., купцам продано на 150 р.; в 1624 г. в Холмогоры пошло соли на 115 р. 5 алт., купцам продано на 200 р. и т. д. Особенно превышает „своя продажа" соли количество соли поставляемой в казну в Виремском усолье. В 1603 г. из Виремского усолья в казну было доставлено соли на 179 р. 28 алт. 4 д., „розничная" продажа ее в это же время исчислялась на сумму 204 р. 17 алт.; в 1604 году в „казну" отправлено было соли на 41 р. 13 алт., от „своей продажи" было выручено 200 р., такое же неравенство мы видим в Виремском усолье и в дальнейшие годы. Приведем еще одну справку из практики одного из продуктивных усолий соловецкой вотчины—Пурнемского. В 1665 г. оттуда было отправлено в Курью (складочная база соловецкого монастыря возле Холмогор) 6 лодей соли „в полной груз", в 1666 г.—9 таких же лодей, в 1667 г.—10, в 1668 г.—5; всего, следовательно, Пурнемское усолье доставило в казну за перечисленные годы 30 лодей, нагруженные солью в „полный груз". Вес соли в этих лодьях трудно учесть, так как не совсем ясным представляется термин „полный" груз для лодьи. Мы знаем, что лодья соли заключала в себе 1—2 т. пудов соли. Если считать за „полный" груз 2 т. пудов, то Пурнемское усолье поставило в Холмогоры на 30 лодьях до 60 т. пудов соли. Но развита была в Пурнеме и розничная торговля солью: в 1666 г. зимою и летом приезжим купцам было продано 2107 пудов соли на 126 р.14 а., в 1667 г.—2650 пудов на 159 р., в 1668 г.—3507 пудов на 259 р. и т. д. Всего с 1666—1669 г. продано было соли 8503 п. на сумму 149 р. 16 а. 4 д.

скупив эту соль, развозят ее по разным русским городам на продажу. Вскрывая рогозины (продажа становится уже розничною), они видят обман и вынуждены бывают или возвращать за недовешенную соль деньги или довешивать рогозину хорошею солью. „И в той, де кардехе ныне у них промыслу нет, что им в той кардехе чинят продажю и убытки великие". Такой обман был местным явлением, так как по словам тех же челобитчиков, „которую де соль возят с Двины Двиняне, и в той де соли кардехи и подмесу никакого не живет". Что же предпринимает по этому поводу правительство? Царскою грамотою от 18 декабря 1546 г. велено было „кликать не по одно утро", чтобы Каргопольцы, Турчасовцы и все другие лица, занимавшиеся доставкой соли с Поморья с варниц, не подмешивали туда кардехи и др. суррогатов; в противном случае виновным угрожалось двухрублевым штрафом. (Акты арх. эксп. I, № 211).

Соль продавалась на деньги, но иногда она шла „в промен", т.-е. выменивалась на продукты питания или вообще на „товары". Бывало и так, что часть соли продавалась на деньги, остальное шло „в промен" [1]). Обычно было заведено так, что прикащик должен был поставлять усольский запас соли „в казну", в частности, „на Колмогоры". Но если усолье нуждалось в деньгах или в продовольствии, то прикащику, очевидно, было предоставлено право продавать соль на удовлетворение текущих нужд усолья. Напр., в 1659 году прикащик Чупского усолья „променил" соли своей вари „для усольские скудости" приезжим купцам и всяких чинов людям 550 пудов на товары и на „харчевые запасы"; соль „в промен" ходила по 3 алтына пуд; всего променено было соли на 49 р. 16 а. 4 д. В 1600 году тем же прикащиком продано и променено было на харчевые запасы соли 559 пудов на сумму 55 руб. 30 алт. (пуд по 3 алт. 2 д.), а в 1661 г.—446 пуд. на сумму 44 р. 20 алт. (по 3 а. 2 д. за пуд). Если соль не распродавалась дома, то прикащики должны были отправлять ее или в Холмогоры или же в Сумский посад. В Холмогорах, как увидим ниже, составлялись насады и дощаники для отправки соли в Вологду. Но помимо этого здесь велась и, надо полагать, в большом размере розничная торговля солью, т.-е. усольский прикащик продавал соль своей „вари" от себя. Нам, например, известно, что Куйские прикащики вели в Холмогорах торговлю солью. В 1614 г. один из них (старец Савватий) продал Вологжанину Фоке Неронову соли на одну лодью 2500 п. за 105 р. (2 а. 2 д. за пуд) и 1492 пуд. за 89 р. 17 а. 2 д. (по 2 алт. за пуд) на другую. Такие же торговые операции проделывал тот же Куйский прикащик и в 1615 г. „В рознь" он распродал соли лодью в 1700 пудов за 102 р. (по 2 алт. пуд), Вологжанину Первому Кудринскому продал лодью соли в 1667 пуд. за 100 р 4 д. (по 2 алт. пуд), также лодью соли в 1581 пуд за 118 р. 19 а. 3 д. (по 2 а. 3 д.) он продал Прилукским старцам, 1060 п. соли продал на „удебные" лодьи Василию Аврамову да Ивану Щербинину с товарищи за 63 р. 20 а. и, наконец, оставшуюся лодью соли весом 1443 п. он продал Фоке Строганову за 79 р. 13 алт. Таким образом всего старец Савватий продал 7451 пуд соли, выручив за нее 463 р. 19 алт. 1 д. [2]) Также успешно продавалась соль из Куйского усолья в Холмогорах и в последующие годы. Из других усолий соль отправлялась для продажи в Сумский посад. На основании дошедших до нас таможенных книг Сумского посада за разные годы размер торговли в этом мало изученном уголке русского севера в XVII в. вырисовывается довольно отчетливо. Конечно, даже относительно крупных торговых людей, каких можно встретить в Турчасове и, особенно, в Каргополе, в Сумском посаде мы не видим на протяжении всего описываемого нами периода.

---

[1]) Напр., в Виремском усолье зимою 1656 г. продано было на деньги и променено на товары 1500 коробей соли, если считать за нормальный вес коробьи 4 пуда, то продано и променено было 6 тыс. пуд. соли (при оценке коробьи 7 а. 2 д.) на сумму 330 р. (Сол. арх. Приходо-расх. книги Виремского усолья 164 и 165 г. Дела Виремского усолья) Прикащик Лямецкого усолья в 1678 г. „продал" и „променил" на „товары" и на лошадей 4112½ пуд. соли (пуд оценивался в 2 алт.). В следующем году таким же образом Лямецкий прикащик „променил соли 5573 п. на сумму 167 р 6 а. 2 д. оценивая п. соли по 6 д. (Сол. арх. Дела Лямецкого усолья, приходо-расх. книги Лямецкого усолья 186—188 (1678—1680) г г.) В 1656 году, зимою, прикащик Фирсовского усолья продал соли своей вари приезжим купцам и „всяких чинов людям" Каргопольцам и Онежанам, Мошанам, Важанам и Окружанам на деньги и променил на хлебные запасы и на товары 3270 пудов. Кроме того, тогда же он продал в розницу „возовщикам" и Турчасовцам 3078 пуд. соли. Вообще же за зиму 1656 г. он продал соли на 444 р. 12 алт. (Сол. арх. Дела Фирсовского усолья. Приходо-расходная книга Фирсовского усолья за 164 (1656) г.).

[1]) Сол. арх. Дела Куйского усолья. „Книги Куйского ценного промысла" приходо-расходные за разные годы.

Годовой торговый оборот сумлянина Гавриила Филиппова Говина в 1679 г. равнялся 130 р. 26 ал. 4 д.—(он вел хлебную и рыбную торговлю). „Годовой торг" сумлянина Козмы Иванова Власова, торговавшего железом, медью и салом в том же году составлял 41 р. 6 ал. 4 д. Больше мы знаем сумлян, у которых торговый ежегодный оборот равнялся 18—20 р.; вообще должны сказать, что сумлян, ведущих „годовой" торг было очень мало. Торговля носила ярмарочный характер. Зимою, в январе, феврале и марте месяцах в Сумском посаде бойко шла соляная торговля. В 1679 г., напр., здесь было продано соли на 2237 руб. Через сеть мелких речек и озер сюда пробирались за солью и со своими товарами купцы из отдаленных уголков Онежского края: Шунжане, Кинжане, Кузорандцы, Толвуйцы, Олончане и др. [1]). Привоз в Сумский посад был довольно разнообразный. Из Каргополя купцы привозили: рожь, мед, воск, чеснок, лук, мыло, крашенину, сукно (среди него выделяется так называемое сукно манатейное) и всякую „лавочную мелочь". Из Шуйского погоста доставляли сукно и точиво, из Кузоранды—рожь, пеньку и лен; подужемские торговцы привозили пушные меха и медь; из Кеми доставлялась рыба: семга, палтус, сиги и др., из Вирмы—рожь, из Варенги—рыба и кренное железо. Торговля железом кренным, железными „полицами" велась гл. обр. корелами; привозилось железо всех сортов в Сумский посад корелами из Поданского погоста. Среди торговцев солью, выступавших со своими товарами на рынке в Сумском посаде, мы очень редко встречали частных лиц. Это были такие исключительные случаи, что почти всю соляную торговлю мы с полным правом относим к соловецкому м-рю. Действительно, если станем детально изучать приходо-расходные книги монастырского Сумского острога, то мы неизбежно придем к выводу, что соловецкий солепромышленник на рынке в Сумском посаде играл доминирующую роль [2]).

Как ни широко была поставлена соляная торговля в разных монастырских усольях, но все же контингент покупателей монастырской соли на местах был ограничен. Каргополец Иван Гаврилов, купивший в 1646 г. у Пильско-губского прикащика 1 т. пудов соли, покупатели Пурнемского прикащика старца Гавриила сумлянин Афанасий Вахутин и кемлянин Демид Коневалов, крестьяне Заонежских погостов и ряд других „всяких чинов" лиц, посещавших соловецкие усолья в качестве „приходящих" гостей, были из окрестных уездов и волостей, относительно

---

[1]) В челобитной монастырскому приказному старцу (в Сумском остроге) Игнатию от 1675 г. одного Каргопольского посадского человека с жалобой на избившего его сумлянина, монастырского крестьянина Ивана Еремеева Лазарева читаем следующее: „умилостивися государь соборной и великий старец Игнатей, дай свой праведный суд и управу, и про то дело вели, государь, розыскать, чтобы нам, сиротам, впредь приезжая в ваши монастырские вотчины с товаренком, от таких силных людей в обидах и напрасном находе в конец не разоритца"... (Сол. арх.).

[2]) Подробнее о Сумской соляной торговле можно находить сведения в „Книгах Сумского острога таможенного збора" за разные годы, в „приходо-расходных", „отводных" и „переписных" книгах Сумского острога. (Сол. арх.) От приезжавших сюда купцов из Андомы, Каргополя и из др. мест соловецкие прикащики приобретали „про монастырский обиход" в большом количестве сукно, холст и др. предметы. Напр., в 1610 г. здесь было куплено 3400 локтей вального сукна на 119 р. (по 11 алт. 4 д. десяток локтей), невального сукна 4045 локтей за 121 р. 11 алт. 4 д. (10 алт. десяток), 3512 локтей ряднин на 40 р. 15 алт. 2 д. (по 3 алт. 5 д. десяток), простого холста 8230 локтей на 94 р. 21 ал 2 д. (по 3 алт. 5 д. десяток), усчин 16680 локтей (десяток по 4 алт. 2 д. и по 13 р. тысяча) на сумму 216 р. 28 алт., олонецких полотен 1068 локтей на сумму 21 р. 12 алт. (по 6 алт. 4 д. десяток). Следует добавить, что в Сумском посаде ежегодно закупались большими партиями лен, кафтаны сермяжные, кожи яловичьи, нерпячьи, деланные овчины, кренное железо значительными партиями по 300—400 и более полиц. (Сол. арх. „Приходо-расходные книги" за разные годы).

близких к усольям. Но соляное производство в соловецкой вотчине было расчитано на более широкий рынок сбыта. Как увидим ниже, соль соловецкого производства в XVI—XVII ст. проникала в разные иногда очень глухие уголки русского центра. С Холмогор, по Двине и Сухоне, ежегодно направлялись в одно и то же время года, к Вологде большие соляные караваны в виде нагруженных солью насадов и дощаников, снабженных достаточным количеством кормщиков, носников и обыкновенных гребцов.

Все эти суда во время должны были пройти мимо Устюга, к сроку обязаны были попасть в Вологду, в свое время разгрузиться, несколько позднее нагрузиться хлебным и всяким другим „запасом" и отправиться в обратный путь. Попытаемся, насколько позволяют сделать это наши источники, отметить и воспроизвести главнейшие моменты Вологодской соляной торговли XVI—XVII в. Складочным местом для монастырской соли, откуда затем она поступала на центральный русский рынок, был г. Холмогоры (или „Колмогоры" — наших источников). Здесь давно уже находился на берегу Двины монастырский двор, амбары и судовая пристань. В начале 90-х годов XVI ст. монастырск. берег сильно подмыла вода: вдоль реки пространства оставалось 60 саж., да 37 саж. в распоряжении монастыря оказалось поперек от реки в гору. Перенести свой двор дальше от реки монастырь не мог, так как к его старому двору вплотную подошел двор сийского монастыря. Пришлось купить тут же, на Глинском посаде, вдоль р. Двины смежные с монастырским двором пустые бобыльские черные места, длиною 60 сажен по берегу и поперек (до Олешника) 130 сажен. Специальная царская грамота Федора Ив. Холмогорскому воеводе Розгильдею Григорьевичу Любоченинову (в ответ на челобитье игумена Иакова) разрешала монастырю построить на купленном месте двор и амбар и „обеляла" купленные участки от посадского тягла [1]). Прежнее же размытое рекою место предписывалось отдать посадским людям за оброк в казну[1]). Но и это место скоро оказалось не пригодным: берег подмывала вода, а весною, во время розлива, вода затопляла двор и амбары с хлебными запасами и с солью. В 1615 г. во время весеннего разлива из монастырских амбаров вода снесла половину соли, подмочила хлеб, льдины разбили строения, снесли ворота и заборы. Очевидно, в Холмогорах не нашлось уже свободного и удобного места для более прочного и безопасного сооружения монастырского двора, поэтому монастырь решил переселиться несколько пониже от Холмогор, в так называемую Курью. В 3-х верстах от своего старого двора, в Куресской волости, монастырь купил 2 тяглых крестьянских двора у церковного старосты Первого Тихонова сына Тряпицына и у волостных людей Олешки да Ивашки Яковлевых с товарищи, церковные черные земли над ручьем д. Волковской и черные земли Тучинской и Мининской деревни со старыми дворищами с исадами, польцами, орамою, переложною и подворною землею и со всеми угодьями. В 1616 г. правительством купленное место было обелено, а старое разрешено было продать [2]).

В Холмогоры или, как некоторые источники точнее выражаются, в Курью, весною и летом из разных монастырских усолий прикащики или их слуги свозили соль или на усольских лодьях, или же на монастырских [3]).

[1]) Цит. рукоп. сборн. № 18, л. 131 об.—132; л. 145—146.

[2]) Ibidem, л. 242—244 об. В 1634 г. таможенный голова Левонтей Подошевников вздумал было на подмытом водою монастырском месте построить таможню. Монастырь запротестовал и отстоял свое место (ibidem, л. 364—365 об.).

[3]) Сколько лодей прибывало из усолий, об этом для каждого года приходится говорить отдельно. Укажем только один конкретный случай для иллюстрации. В конце 80-х и в начале 90-х годов мимо Новохолмогорского города (Архангельска) в Холмогоры при-

Точного задания усольскому прикащику доставить в Холмогоры определенное количество соли не давалось, поэтому в разные годы одно и тоже усолье поставляло не одинаковое количество соли. Доставленная соль оценивалась по местной „торговой“ или „колмогорской“ цене, так как на „берегу“, т.-е. в усольях была иная цена. Разумеется отдельная цена на соль была в Вологде. Сравним эти цены за несколько лет, чтобы заметить разницу между ними.

Годы	„Береговая“ цена (за 1 п.)	„Торговая“ Холмогорск. (за 1 п.)	„Вологодская“ (за 1 п.)
1598	5 д.	8 д.	2 алт. 2 д.
1604	5 „	6 „	9 „ 2 „
1606	4 „	5 „	2 „ 4 „
1607	1 алт. с полушк.	8 „	2 „ 2 „
1608	1 „	2 алт.	2 „ 5 „ и т. д.

В Холмогоры соль из монастырских усолий доставлялась на лодках („лодьях“) в специальных ларях и здесь она спешно „набивалась в рогозины“,—большие кули из рогожи,—специально нанятыми „соляными набойщиками“. Обычно, 1 т. пудов соли „выбивалась“ в 33 рогозины, или рогожи. За эту набивку тысячи пудов, или за 33 рогожи, если набивка производилась „с укладкой“, т.-е. с погрузкой рогожи на насад или дощаник, соляные „набойщики“ получали 18 алт. 1 д.—17 алт. 1 д.—17 алт. 5 д.; если же набивка производилась „без укладки“, то за такое же количество рогож и за тот же вес соли платили меньше: примерно, 14 алт. 1 д. Когда работу нужно было производить спешно, то („для поспешенья“) платили рабочим за набивку одной рогожи 5—6 алтын. Вес соляного куля или рогожи не был точно фиксирован. Ординарный или нормальный вес ее в XVI—XVII в. колебался между 27—33 пудами [1]). Наши источники говорят достаточно определенно, что в том или другом случае „выбито в тысячу по 33 рогожи“, следовательно, каждая рогожа должна была весить 33 пуда с небольшим. Но мы знаем, что были на соловецких дощаниках рогожи не одинакового веса: по 25, 27, 28, 29, 30, 31, и даже по 35 пуд. В одной из монастырских челобитных в Москву царю Вас. Ив. Шуйскому от 30 июня 1606 г. игумен Антоний утверждал, что „мехи у них с солью для розъему мелких розных купцов живут не великие: пуд в дватцать и в полтретьядцеть“... Но Вологодские таможенные головы и целовальники, на которых жаловались соловецкие старцы, были, повидимому, правы, когда „всякой мех окладывали ровно в тритцать пуд“ [2]), потому, что рогожи в 25—29 пудов были все же исключением и практиковались во второй половине XVII в. и, полагаем, тогда, когда соль отправлялась в Вологду мелкими партиями (напр., в 1669—1670 г. [3]).

ходило с „заморских“ усолий 37 лодей, да с „Двинских промыслов“ 13. В среднем счете они привозили тогда в Холмогоры для отправки в Вологду 73 тысячи пудов соли. (Цит. рукоп. сол. сборн. № 18. л. 109 об.—114 об.) В последующие годы, когда увеличилось количество транспортируемой в Вологду соли, соответствующим образом изменилось и число лодей, доставлявших эту соль из усолий к Холмогорам.

[1]) Н. И. Костомаров утверждает, что в XVI в. рогозина заключала в себе 10 пудов соли, хотя были рогозины и по 6 пудов. („Очерк торговли“, цит. соч. стр. 216). А. Никитский полагает, что рогозина соли весила от 24 до 18 пудов. („К вопросу о мерах в древней Руси“ – Журн. Мин. Нар. Просв. 1894 г. апрель, стр. 384—385).

[2]) Досифей, III, стр. 70—83.

[3]) Соловецк. арх. Дела Вологодского подворья. Книги Вологодские службы 1669 г. ср. книги соловецкого монастыря Вологодские службы соляные продажи головы Кирилла Пашкова с товарищи 178 (1670) г. В 80-е годы XVII ст. мех соли имел не одинаковый вес: были меха свыше тридцати пудов (33—34 пуда), но на ряду с ними попадаются меха по 26, 27, 29 и 30 пудов.

Набитую в кули-рогожи соль специально нанятые „подъемные“ казаки (за плату со ста рогож по 5 алт.) взвешивали и погружали на насады и дощаники. Насады и дощаники были не одинакового размера. Насады, отвозившие соль в Вологду в 1583 г., при измерении их в Тотьме „государевою саженью“, оказались: один насад—20 сажен, второй—20 сажен с пядью, третий и четвертый 19½ сажен[1]), Были насады и по 14 сажен[2]). В начале XVII ст. насады делались большего размера, напр. 22—23 саж.[3]). Не одинакового размера были и дощаники. Были дощаники по 9 саж. (в XVI в.), в начале XVII в, мы встречаем дощаники по 22 сажени с небольшим; кажется, обычным размером дощаника было 17½—18 саж.[4]). На 6 насадах и 2 дощаниках, из которых в конце XVI и в начале XVII в. состоял соляной караван соловецкого монастыря, двигавшийся к Вологде, могло вместиться более 3200 рогож, заключавших в себе свыше 102 т. пудов соли. Такой колоссальный по тому времени груз и громоздкие суда требовали и соответствующего по численности кадра „работных“ людей. Когда дул попутный ветер, к насадам и дощаникам обычно прикреплялись паруса. При противном ветре продвижение громоздких, длинных, широких и плоскодонных судов, поднимающихся над водою не свыше 4 футов происходило с большими трудностями. Приходилось, идя берегом, тянуть судно на канате. Такая работа требовала большого количества рабочих рук, особенно, если принять во внимание внешние географические условия, среди которых приходилось продвигаться монастырскому соляному каравану. Монастырские дощаники и насады должны были проходить почти все течение р. Сухоны. Вытекая из Кубенского озера, Сухона на 65 версте к юго-востоку принимает с правой стороны приток р. Вологду. При впадении последней Сухона делает излучину на протяжении 20 верст. Это так наз. „окольная“ Сухона. Завершив перекат, Сухона поворачивает на северо-восток; на этом протяжении и до устья р. Двинцы она как теперь, так и в XVI—XVII в. называется Нижней Сухоной. С устья Двинцы начинается Великая Сухона. На левом берегу Сухоны, при впадении в нее речки Песьей Деньги (так она называлась и в XVI—XVII в.) расположен г. Тотьма, как предполагают, находившийся раньше верст на 15 ниже при впадении в Сухону р. Тотьмы. У г. Тотьмы берега Сухоны повышаются, доходят до 5 сажен, и на 65 верст ниже Тотьмы становятся каменистыми, превращаясь в утесистые обрывы, вертикально спускающиеся к реке. Это

[1]) „Книги Вологодские службы“... 92—93 г.г. (ibidem).
[2]) „Книги Вологодские службы“... 95—97 г г. (ibidem)
[3]) „Книги Вологодские службы“. 111—113 г г. (ibidem).
[4]) „Книги Вологодские службы“... 92—93 г.г. (ibidem). Дощаники обычно делали в Шуйском городке, а во второй половине XVII в. их изготовляли еще в д. Дуроватице, Векшенской волости, Тотемского уезда. По приблизительному подсчету в первой половине XVII в. он обходился рублей около 200. Сюда входили: стоимость материала и плата мастеру за работу 70, 100, 125 р.; смолы 80 ведер по 3 алт. 2 д. ведро всего 8 р,; кузнечная работа (заковка скоб, гвозди и т. д.) 20 р; оконопачивание (1800 пучков галицкого льну по 7 алт. 4 д. за 100 пучков) 4 р. 4 алт. 4 д., тысяча скал (по 12 алт. 4 д. за сотню) 3 р. 27 алт. 4 д.; паруса, включая сюда нитки (250 мотков) и иголки (около 100 штук), обходились в 30—32 р. Сюда следует включить еще покупку сапог и рукавиц для мастеров, что практиковалось довольно часто и обходилось рубля 2. Следует отметить и то, что пока дощаник делался, там на месте, „у дела“, должен был проживать монастырский слуга, чтобы наблюдать за аккуратностью и добросовестностью работы (Сол. арх. „книги приходные и расходные Вологодской монастырской службы“ 1633—1635 г.г.). Во второй половине XVII в. дощаник обходился дороже. Напр.. в 1664 г. за работу и деревянный материал мастеру Иеву Корытову было заплачено 202 р., но в том же году другому мастеру Евдокиму Кускову монастырь уплатил за работу дощаника 99 р. 16 алт. 4 д., т.-е в два раза меньше. (Сол. арх „Книги приходо-расходные Вологодской службы“ 169—171 (1661—1665) г.г. За работу закрытого соляного павозка нужно было уплатить 50—60 р. (без материала), но можно было сделать его за эту цену полностью (в дер. Дуроватице, Тотемск. уезда).

отроги урало-алаунской гряды, которая начиная от прежнего Шуйского городка, тянется по берегу Сухоны до впадения в нее р. Юга. У городка Брусенца, в верстах 60 от Тотьмы становится гористым и другой берег (левый) Сухоны. Высокая и крутая горная цепь тянется берегом реки почти по всему Устюжскому уезду. Сжатое русло реки пересекается во многих местах переборами (число последних достигает 200). Эти переборы затрудняют плаванье по Тотьме, а иногда делают его опасным. Перебор Зуев, в 6½ верстах от г. Тотьмы в маловодье пройти можно с большим трудом. В 42 верстах от Тотьмы начинаются опасные переборы. Первым из них будет Жидятин: на протяжении 2 верст река бурлит между камней. Дальше у перебора „Борозды Реченские" фарватер идет среди скрытых под водою камней, только на бороздах показывающихся из под воды. Каменистое дно сжатой горами реки, начиная от Бороздо-реченских переборов выложено известковой плитой, так называемой „опокой". Большую опасность для продвижения по реке представляет перебор Слободской, и ниже его самый большой и трудно проходимый перебор Опоки. Опока тянется 4 версты. В Опоках Сухона принимает в себя речку Стрельну, в устье которой находится порог Стрельный, доставлявший некогда весьма много беспокойства и расходов соловецким прикащикам. Отвесные берега Сухоны, у Опоков достигают 30 сажен, иногда скалистые стены отдаляются от берега, образуя небольшие площади, на которых ютятся деревни, поставлявшие некогда на соловецкие насады и дощаники „прибылых" людей, а быстрое и извилистое течение Сухоны в этом районе, требовавшее для благополучного плавания хорошее знание фарватера создавало большой спрос на таких рабочих. В 4 верстах от Устюга, вниз по р. Сухоне, в последнюю впадает р. Юг, образуя вместе с нею Малую Двину. Дно Малой Двины песчано, вследствие чего она изобилует мелями, постоянными и наносными, которые в значительной степени мешают судоходству. На протяжении 25 верст расположено более 20 мелей: Шибуринская, Мукомольная, Ярокурская, Вотложемская (на протяжении 3 верст), Молоховская, Котласская и др. [1]). В 1641 г. Вотложемская мель (за 35—40 в. от Устюга) задержала все 9 монастырских дощаников. Пришлось из дощаников соль выгружать в „павозки"; нагрузили 6 „павозок" монастырских, да 6 „павозок", взятых в кортому в Устюге для перевозки соли через мель. На все эти „павозки" пришлось нанять в Устюге 90 человек казаков (с платой по 12 алт. каждому).

Чтобы судить о численности „работных" людей, обслуживавших соловецкие соляные караваны, следует иметь в виду, что в трех важных узловых и таможенных пунктах: Устюге, Тотьме и Вологде состав этих рабочих значительно пополнялся прибылыми людьми. В 1603 г. например, на 6 насадах и 2 дощаниках, везших соловецкую соль в Вологду, в Устюг прибыло 314 человек казаков, кормщиков, носников, поваров и слуг. В Тотьме экипаж этого каравана состоял уже из 592 человек. Большое количество людей, сопровождавших монастырские соляные суда, нас не должны смущать, раз мы знаем, что на каждый насад полагался 1 кормщик, 1 носник, человек 27 „осначей" и повар, приблизительно такое же количество рабочих было и на дощаниках (только „осначей" было меньше: 18—19 человек на каждый дощаник). В Устюге принимали на насады и дощаники так называемых „присадчиков" или „прибылых людей" в очень большом количестве человек 250—350; здесь же нанимали новых „осна-

---

[1]) П. Семенов. Географическо-статистический словарь Росс. Имп. т. IV, СПБ 1873 г., стр. 803—806; ср. „Путешествия через Московию Корнилия де-Бруина" (перевод П. П. Барсова). М. 1873 г. стр. 265—273.

чей" и „носников". Тоже происходило и в Тотьме, таким образом, подходя к Вологде, личный состав соляного каравана крайне разбухал. Для того, чтобы отправить соляные суда, нагруженные солью из Холмогор в Вологду или обратно, из Вологды в Холмогоры с монастырскими „запасами", нужно было нанять до 400 „вытных ярыжек". Из сказанного видно, что продвижение по Сухоне представляло столь значительные трудности, преодолеть которые можно было только при помощи человеческой силы. При малейшей оплошности можно было разбить насады о подводный камень в каком нибудь Стрельном пороге, не трудно было „накинуться на песок", просто говоря, сесть на мель. Чтобы пройти один только этот Стрельный порог, приходилось „на прибавку" к имеющемуся уже количеству рабочих принанимать еще свыше 100 человек „на подмогу" [1]).

Откуда формировалась эта многочисленная трудовая армия, которая нужна была не только для одного соловецкого м-ря, но и для других, ведших такую же крупную соляную торговлю, напр., Кирилло-Белозерского, Антоние-Сийского и др.? Писцовые книги по Устюгу Великому, где, как мы видели, соловецкие прикащики набирали „прибылых людей на свои караваны", отмечают среди прочего населения и „ярыжек, которые на судех ходят" [2]). Если принять во внимание, что труд этих „ярыжек" был чрезвычайно тяжелым, опасным и скудно оплачиваемым, то придется допустить, что сюда шли люди, особенно нуждающиеся, выбитые из строя и разорившиеся крестьяне. Мы не можем дать точный подсчет всей этой резервной трудовой армии уже пролетаризированной части северно-русского крестьянства. Писцовые книги по Устюгу Великому от 1625 г. насчитывают только 31 человека „ярыжных" людей. Разумеется, это только зарегистрированные—„вытные" ярыжки; раз только соловецкому монастырю приходилось в Устюге нанимать 250—350 человек этих „ярыжек", само собою понятно, что число их должно было быть значительно большим Несомненно, разорение крестьянства во второй половине XVI в., как в центре, так и на русском севере, опустошившие русскую деревню события смутного времени и ряд других причин—выбросили на рынок всю эту рабочую силу [3]). Отметим несколько любопытных черт из истории труда этого русского пролетариата XVI—XVII века.

Наиболее ответственным и, как увидим ниже, лучше оплачиваемым был труд носников. Среди них писцовые книги по Устюгу Великому отмечают людей довольно состоятельных, передававших свою профессию по наследству детям [4]). Для поступления в носники требовалась специаль-

[1]) В 1633 г. нанято было возле Стрельного порога 180 человек „ярыжек" с платой от суда по 3½ деньги человеку; в 1644 г., для того, чтобы переправить через порог дощаники (в числе 9) пришлось нанять 150 человек рабочих. Еще чаще приходилось, в виду мелководья перегружать соль из крупных и громоздких дощаников в более удобные „павозки" это требовало лишних людей.

[2]) А. Введенский. Заметки по истории труда на Руси XVI—XVII в.в. (Архив истории труда в России, кн. III, Петроград 1922 г., стр. 53).

[3]) Рассказывая о продвижении товаров вверх по Двине к Вологде и о тех трудностях, которые при этом приходится испытывать, де-Родес замечает: „удивительно, какую тяжелую и большую работу исполняют рабочие люди, которые ведут такие дощаники и лодьи: они часто должны в одной рубахе целый день стоять в холодной воде, по которой почти идет лед, не обращая на это внимания"... Иногда каравану не удавалось добраться к Вологде до зимы. Тогда приходилось строить хижины, где можно было бы укрыться от холода и поддерживать огонь. Б. Г. Курц Состояние России в 1650—1655 г. по донесениям Родеса. (Чт. в общ. ист. и древн. Росс. 1915 г. кн. II, стр. 191). О русских водных рабочих рассказывают и другие иностранцы бывшие в России в XVII и в начале XVIII в. Олеарий, Дж. Мильтон, де-Бруин, Балтазар Койэт и др. (Подробнее об этом в цитиров. спец. статье А. Введенского—Архив ист. труда, 1922 г. кн. III, стр. 51—63).

[4]) А. Введенский, цит. статья, стр. 57.

ная порядная запись, скрепленная поручительством достаточно авторитетных лиц. Мы знаем несколько таких порядных; приведем для иллюстрации одну из них от 1656 г. „Се яз Василей Евдокимов сын Судницын Устюжанин дал есми на себя сию запись соловецкого монастыря вологоцкой службы старцу Евстратию да старцу Тихону, старцу Антонию в том, что я порядился у них старцов плыть мне на их вешнем соловецком дощанике во 165 году с Устюга Великого вниз по Двине реке до Колмогоров до посаду в носниках и всякое мне судовое носничное дело делати везде без ослушания, что они старцы или их слуги повелят; а найму я рядил у них старцов от того носничного ходу 8 рублев денег, а наперед у сея записи 4 рубли денег; и с Колмогор хто на том дощанике до Устюга Великого за тою же рядою. А будет я Василей на их дощанике соловецком по внешнему пути водяному первому с Устюга Великого вниз по Двине реке до Колмогор не поплову в носниках, и мне дати по сей записи наемные деньги вдвое: шестнадцать рублев; а порукою писалися в том дощаничном носовом ходу устюжане посадские люди Афонасей Якимов сын Удалец да Иван Ефимов сын Бормотов, двинские носники“ [1]). Отмечаем одну любопытную подробность из практики соловецкого монастыря по найму носников на монастырские суда. Это весьма распространенная кабальная задолженность носников соловецким прикащикам, сопровождавшаяся соответствующими обязательствами. Поясним сказанное конкретным материалом. В 1632 году Федор Онтипьев сын по прозвищу Байбородин, Холмогорец нижнего посада, никольского прихода, да Мартын Панкратьев сын Жуков крестьянин Василия Ивановича Стрешнева из с. Турунтаева, оба судовые носники, заняли у соловецких старцев Иллариона и Ионы казенных монастырских денег 20 р. „московских ходячих“ 10 декабря до Петрова дня, „до тово сроку без роста, а полягут денги по сроце, и нам заимщиком на те денги рост давати по рощету, как идет в людях на пять шестой; и где нас заимщиков ся кабала не застанет, на котором городе нибудь, или в волостех, и под которым судом нибудь, везде нам, заимщиком, под суд даватися и заемные деньги платити с росты и с убытки все сполна“, читаем мы в цитируемой записи. Но особенно интересною для нас представляется приписка к этой кабальной записи: „а за те денги мне одному заимщику Федору Онтипьеву в нынешнем во 141 году плыть на их соловецком дощанике с Вологды до Колмогор и с Колмогор до Куреские волости в носниках, а не курскые волости назад итти в двинских носниках до Устюга Великого на их же монастырском дощанике сторожко и бережно днем и ночью безотступно и хитрости не над их монастырским дощаником вниз пловучи и вверх идучи никоторые неучинить и старцов мне и их слуг во всем слушати и не в чем не ослушатися, а пити и есть мне Федору вниз пловучи и вверх идучи их монастырское“. Некоторые из известных нам аналогичных кабальных записей содержат еще такую оговорку: „а буде не пойду в носниках на их дощанике, и на мне денги сполна по кабале“... Почти все изученные нами кабальные записи устюжских и всяких других носников составлены на срок „до дня Петра и Павла“, только в одном случае этот срок не обозначен. Василий Игнатьев сын Семенский, нижнесухонской носник, занявший в 1638 г. 4 июля (след., после Петрова дня) у старца Маркелла 6 р. денег, говорит, что они заняты „до сроку до кех мест за мною денги побудут, и мне заимщику рост давати на деньги на пять шестой“... Задолженными монастырю оказывались не только нос-

[1]) Сол. арх.

ники, но и низшие рабочие, также дававшие соответствующие кабальные записи. Заимщик Еремей Миниев в 1638 году обязуется за заемные деньги (8 рублей) „на их монастырском соловецком дощанике итти в тяглых ярыжках с Вологды до Колмогор и до Куреские волости и назад до Вологды и всякое мне осначье судовое дело делати против большого десятного изделия, как у десятника в большом изделии написано, что старец или слуга повелит, ни в чем не ослушатися и не отговаривати и не роптати безо всякого прекословия"...[1]). Задолженность м-рю кормщиков, носников и др. „работных" людей была довольно значительна. В 1640 году, напр., она составляла 247 р. 25 а. 2 д., в 1656—7 г.— 1299 р. 10 а. 2 д., в 1660—686 р. 5 а. 3 д. и т. д.

Жалованье носники, кормщики и рядовые казаки на монастырских судах получали соответственно выполняемой работе. Носники и кормщики 3—4 рубля, рядившиеся на дальнее расстояние 10—14 р., осначи 1 р. 80 к.—2 р., рядовые „присадчики" 16—22 алт., повара 16—18 алт. Хлебные и всякие „харчевые" запасы весь полностью экипаж получал от монастыря, или, по выражению наших источников, пил и ел „их монастырское". На каждом судне был свой десятник, который получал от монастырского прикащика деньги для своей артели. Артель же состояла из 40—44 человек (на дощаниках) и 20—22 человека на „павозках". Дощаник назывался или по имени десятника, или по имени владельца, если он был не монастырским, а нанятым („кортомным"), напр.: дощаник Артемьева, Максима Аврамова и т. д. Каждый десятник имел соответствующую писанную инструкцию, составленную, очевидно, старцами-прикащиками и регламентировавшую до малейших деталей работу и поведение каждого рабочего, от носника и кормщика до последнего „ярыжного" человека

Вообще перевозка соли из Холмогор в Вологду была делом сложным и обходилась очень дорого. Для защиты каравана от грабителей на насадах и дощаниках помещались пищали, пушечки скорострельные, свинец, зелие и др. оружие. Мы не знаем случаев нападений на караван. Только однажды „тати" вырезали паруса на монастырских судах, но не по дороге, а тогда, когда они стояли в Устюге. Перевозка соли обходилась не всегда одинаково: в 1620 г. для этой цели понадобилось 828 р. 23 алт., в 1638 г.—1384 р. 9 алт., в 1644 г.—1870 р., в 1675 г.—3500 и т. д. Сколько требовалось времени на переправу с Холмогор в Вологду на расстоянии тысячи с небольшим верст[2]), сложного и громоздкого соляного каравана, точно высчитать трудно. Все зависело от того, сколько времени караван задерживался в Устюге и Тотьме, и как благополучно он продвигался. При нормальном и благополучном путешествии он был в дороге несколько меньше 2-х месяцев. Выходил из Холмогор караван, примерно, 19 мая, 6 июня он был уже в Устюге, 23 июня прибывал в Тотьму, а 16 июля мог добраться уже до Вологды[3]). С более легким грузом времени на переезд требовалось меньше, особенно обратно, вниз по течению. Напр., с Вологды до Тотьмы можно было доехать в 2—3 дня, с Тотьмы до Устюга в 5—6 дней, даже задержавшись несколько в Тотемской таможне; в Холмогоры от Устюга в 7—8 дней. Караван могли задержать в дороге разные непредвиденные обстоятельства, напр., бла-

[1]) Сол. арх.
[2]) Н. И. Костомаров. Очерк торговли Моск. госуд. Цит. соч., стр. 89.
[3]) В 1623 г. Путешествие соляного монастырского каравана из Холмогор в Вологду заняло больше 2-х месяцев (с 17 мая по 20-е июля). Как свидетельствует Олеарий, судно под лямкой, тянувшейся ярыгами, продвигалось в день не более 17 верст вверх по реке (А Введенский, цит. статья, стр. 54).

годаря неопытности или небрежности носников и кормщиков, насад мог „опружиться", что иногда сопровождалось человеческими жертвами. В 1608г., когда на Двине опружилась насадная лодка, погибло 20 человек судовых казаков; пришлось искать новых казаков. В 1647 г., когда караван шел с Устюга вверх к Вологде, „божиим гневом", на Опоке девятый дощаник с солью разбило на пороге. В нем было 430 рогож соли, успели вынести в „павозки" 162 рогожи, остальные же 268 рогож вместе с дощаником затонули. Были и другие случайности. Обмеление реки сплошь да рядом не позволяло продвигаться дальше перегруженным судам. Иногда мелководье застигало караван еще на р. Двине, напр., у Николы Прилукского (не доходя 35 верст до Устюга). В Федосове, Скорятине, на Опоках, в Зуеве и в нек. др. местах очень часто приходилось „для судового облегчения" и „для ради мели" разгружать суда[1]). Получался непредвиденный расход, иногда очень значительный, необходимо было снимать лишний груз со своих насадов, складывать на берегу в амбар (в опоках[2]), или под навес, ставить для охраны сторожей, разыскивать „падвозки" или насадные лодки и нанимать лишних людей. Для 4-х „павозков" требовалось не менее 68 работных людей, бывало и так, что для 6 „павозков" приходилось нанимать даже 167 присадчиков, в 1667 г. в Устюге набрано было к имеющемуся составу рабочих еще 388 человек „присадчиков". По оставленную, или так называемую „уметную" соль приходилось посылать с Вологды специальное судно. Все это вызывало не только лишние расходы, но и сопровождалось проволочкою времени. Перевозка „уметной" соли была делом довольно сложным, особенно тогда, когда количество ее достигало значительных размеров. Приходилось обращаться к содействию особых лиц, „соляных подрядчиков"; по терминологии вологодских монастырских прикащиков. Так, напр., в 1678 г., 30 января „соляному подрядчику" Ивану Никифорову (из Тотемского уезда, Толшемской волости) за доставку к Вологде с Двины подрядной соли в количестве 920 рогож весом 26880 пуд. дано за провоз с пуда по 8 денег, всего 1075 р. 7 алт. В том же году крестьянин д. Дороватицы Тотемского уезда порядился доставить к Вологде из Скорятина и Опоки „уметной" соли 409 рогож, весом 11542 пуда; за провоз он получил по 7 денег с пуда, а за всю соль, след., 403 р. 32 алт. 2 д. Рядились перевозить „уметную" монастырскую соль и гости. В феврале же месяце 1678 г. прикащик Вологодского монастырского подворья уплатил человеку великоустюжского гостя Василия Грудницына Василию Никитину сыну Коробицыну 400 р. 18 алт. за доставку с Двины до Вологды 402 рогожи „уметной" соли, считая за доставку по 7 д. с пуда. В том же году „уметную" соль привозили к Вологде устюжанин Прокопий Шамаев (207 мехов за плату 227 р.) и тотмянин Петр Студенцов (102 меха, за провоз дано ему 102 р.). Таким образом, в 1678 году „уметной" соли было доставлено 2040 мехов, что обошлось 2208 р. 24 алт.[3]). Некоторую задержку приходилось испытывать соляному каравану в таможенных районах: Устюге и Тотьме. Здесь с людей брали явочные или „явку": по 4 деньги с казаков, кормщиков, носников и слуг, ехавших на монастырских насадах и дощаниках. Если мы будем помнить, что экипаж на этих

---

[1]) В 1608 г. возле Скорятина и Опоки пришлось выгрузить из 6 насадов и 2-х дощаников „для мели" 550 рогож соли—весом 15125 пуд. За доставку выгруженной соли специально нанятому устюжанину пришлось уплатить 226 р. 29 алт. 1 д.

[2]) В конце XVII в. для хранения „уметной" соли пришлось выстроить специальный амбар в Скорятине.

[3]) Сол. арх. „Книги судовому ходу денежной издержки" 185 – 186 (1677—1678г.)—Дела Вологодского подворья.

насадах и дощаниках иногда превышал 500 человек, то значительная сумма „явочного“ нас изумлять не будет. Кроме „явочного“, на Устюге с каждого насада брали посаженную пошлину, по 2 алтына с насада гостинного сбора, по 2 гривны „побережной“ пошлины, да „записново“ на государевых дьяков с насада по 1 алтыну. Чтобы определить размер „посаженного“, насады меряли „государевою саженью“ и с сажени брали по гривне, или 3 алт. 2 д. В Тотьме повторялась та же процедура: с насадов и дощаников брали пошлину, а с людей явочное.

В Вологде соль выгружалась из судов и складывалась на монастырском дворе в соляные амбары. Для этого нанимали особых „солоносов“ или „соловолоков“ за плату с десятка вынесенных рогож: в XVI в. 3 алт. 4—2 д., в XVII в. 4 алт. 2 д., 6 алт. 4 д., 8 алт. 4 д., 9 алт. 2 д. и 10 алт. Монастырь был заинтересован в своевременной продаже соли. Во-первых, потому, что нужно было на вырученные от продажи деньги закупить в Вологде и Устюге хлебные и другие монастырские „запасы“ и все это отправить в Холмогоры в текущий навигационный сезон. Во-вторых, очевидно, Соловецкий монастырь имел конкурентов не только в производстве соли, но и в сбыте ее—в виде старцев разных других монастырей, или же торговых людей — солепромышленников. На это указывает жалоба, поданная еще в 1580 г. соловецким игуменом Варлаамом царю Ивану Вас. Грозному. Сущность ее может быть сведена к следующему. Приезжавшие из Москвы в Вологду правительственные агенты, клеймя продажную соль, „печатали“ и соль монастырскую, благодаря этому монастырь не сразу мог поставить свою соль на рынок (ту соль „продать в пору не давали“). Благодаря этому монастырь терпел убыток, так как он пропускал „лутчее“ время для торговли. Челобитную соловецких старцев в Москве приняли во внимание, и специальное распоряжение Вологодскому воеводе Пушечникову в мае 1580 года предписывало „имать соль у торговых людей, а не у соловецкого монастыря“ [1]).

Хотя караван с солью прибывал в Вологду в июле—августе месяцах, но продажа соли происходила не сразу. Само собой понятно, что требовалось известное время на выгрузку соли в амбары, нужно было съехаться в Вологду купцам, а некоторые из них приезжали издалека... В книгах Вологодской и монастырской службы,—основной наш источник при изучении Вологодской соляной торговли соловецкой вотчины,—продажа соли всегда датируется сентябрем месяцем. В некоторых из изученных нами Вологодских книг, так и сказано: „начали на Вологде соль продавать монастырскую сентября с 1-го числа“. На практике бывали (хотя и весьма редко) отклонения от этого обычая. В 1640 г. соль на рынке продавали не только в сентябре месяце, но и с 5-го февраля до 15 мая [2]). Кто главным образом был покупателем монастырской соли,

---

[1]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 63 об.

[2]) Чтобы составить приблизительно точное представление о размерах соляной торговли, которую вел через Вологду соловецкий монастырь надлежит принять во внимание следующие цифровые данные, заимствованные нами из приходо-расходных книг „Вологодской службы соловецкого монастыря“. (Сведения мы имеем не за все года).

Годы	Привезено в Вологду (колич. соляных рогож)	Продано рогож	В них соли (пуд.)	Выручено денег	Соль продавалась за 1 пуд (средняя цена)
1583	1660	1658	42205	4042 р. 27 а. 4 д.	3 а. 1 д.—2 а. 3 д.
1584	1934	1932	55662	3900 „ 21 „ 3 „	3 а.—2 а. 1 д.
1587	2170	свед. не им.	60244	4698 „ 6 „ 2 „	3 а.—2 а. 1 д.

об этом наши источники говорят вполне определенно. Прежде всего они свидетельствуют о том, что в каждом отдельном случае соль продавалась большими партиями. В 1588 г. меньше всего куплено было соли вологжанином Богданом Паюсовым—54 пуда. Это—несомненно торговец, так как он неоднократно выступает в качестве покупателя соли и уже большими партиями, напр. 2169 пудов. В 1630 г. самая мелкая партия соли—5 рогож, составлявших 160 пудов, продана была в „ряд“ Дементию Чадову. Последний безусловно торговый человек, как и его товарищ Василий Седельников. Говоря о покупателях вологжанах, наш источник социальное положение их выявляет достаточно отчетливо: ... „продали соли в ряд“. Пред нами на протяжении ряда лет мелькают одни и те же лица: вологжанин Феодул „с товарищи“, такие же „вологжане в ряду“ Перфирий Горохов, Дмитрий Паутов, Федот Патрикеев, Иван Черепанов, Федот Неронов, Ждан Горбунов и др. „Ряд“, куда соловецкие прикащики продавали свою соль, несомненно, был „соляной ряд“ в Вологде, где две лавки были и за соловецким монастырем. В 1651 году монастырь продал эти свои лавки постоянному своему покупателю Сергею Васильеву Соля-

Годы	Привезено в Вологду (колич. соляных рогож)	Продано рогож	В них соли (пуд.)	Выручено денег	Соль продавалась за 1 пуд (средняя цена)
1588	2644	3054	81321	7767 р. 4 а. 3 д.	сведений не имеем
1589	2497	свед. нет.	71654	6256 „ 3 „ 3 „	3 а. 5½ д.—2 а. 5 д.
1598	3084	3080	92990	5206 „ 10 „ 1 „	2 а. 2 д.—1 а. 2 д.
1599	3120	3333	94854	5646 „ — „ 2½ д.	2 „ 3 „—1 „ 5 „
1600	2953	2961	87877	4623 „ 10 „ 2 д.	2 а.—1 а. 4 д.
1601	3559	3559	108431	6136 „ 8 „ —	11 д.
1602	3076	2889	88418	4391 „ 18 „ 5 „	10 „
1603	3430	свед. нет.	102503	9286 „ 19 „ 4½ д.	3 а.
1604	3196	2434	72254	7268 „ 12 „ 4½ „	3 а. 2 д.
1605	3251	4453	134060	6975 „ 22 „ 5½ „	10 „ —
1606	1781	1948	59605	4898 „ 6 „ 3½ „	2 „ 4 „
1607	4316	4303	132759	9578 „ 3 „ 4 д.	2 „ 2 „
1608	4080	4071	123137	10990 „ 19 „ 3 „	2 „ 5 „
1609	3614	1779	53550	3911 „ 21 „ 5 „	2 „ 2 „
1616—17	2063	2052	63127	9631 „ 32 „ 3 „	5 а. с полушк.
1618	2963	2947	91594	10910 „ 18 „ 5½ д.	3 а. 4 д.
1619	2613	2601	83365	7072 „ 15 „ 2 „	2 „ 4 „
1620	2755	2424	76018	6194 „ 23 „ 1 „	2 „ 4 „
1621	3027	3011	96509	8688 „ 6 „ —	3 „ —
1622	3052	3039	94470	11454 „ 8 „ 1½ д.	4 „ —
1623	2702	2684	83536	8249 „ 6 „ —	3 „ 1 „
1624	3116	3106	96018	10478 „ 22 „ —	3 „ 3 „
1625	3026	2820	87212	9593 „ 12 „ 4 д.	3 „ 4 „
1626	3062	3052	95730	7706 „ 12 „ 3 „	2 „ 4 „
1627	2833	2823	89728	6969 „ 23 „ —	2 а. 3 д. с полушк.
1628	2847	2836	94692	7838 „ 3 „ 3 „	2 „ 4 „ „
1629	3012	3004	102049	7876 „ 28 „ 1 „	2 а. 3 д.
1630	2705	2570	86975	8982 „ 8 „ 1 „	3 „ 2 „
1631	3120	3107	107360	10815 „ 21 „ —	3 „ 2 „
1632	2231	2223	76405	9468 „ 16 „ 5 „	4 а. с полушк.
1633	2940	2940	101867	11622 „ 12 „ 3 „	2 а. 4 д.
1634	2886	2929	101664	9347 „ — „ —	3 „ —
1635	3084	3075	103600	11317 „ 2 „ 1 „	3 а. 3 д. с полушк.
1636	3299	3280	106852	10823 „ 27 „ 1 „	3 а. 2 д.
1637	3248	3236	107633	11475 „ 14 „ 4 „	3 „ 3 „
1638	3118	3106	105510	11342 „ 13 „ 3 „	3 а. 3 д. с полушк.
1639	3652	3642	120736	12889 „ 25 „ 3 „ с пол.	3 а. 3 д.
1640	4952	3629	119649	12673 „ 25 „ 1 „	3 а. 3 д. 1 полушка
1641	4265	3624	119879	13566 „ 25 „ 1 пол.	3 а. 4½ д.

нику (за 29 р. 8 алт. 2 д.). Некоторые вологжане, также исправные покупатели соловецкого монастыря, например: Нечай Щелкунов, Иван Вадогин, Григорий Комелец, Федор и Порфирий Непотяговские, Павел Неупокоев и др., не названы торговыми людьми, но профессия их, полагаем, вырисовывается по их действиям,—частой скупке соли и по одиночке и „с товарищи". Мы имеем возможность назвать ряд иногородних купеческих фамилий, фигурирующих очень часто в роли скупщиков монастырской соли и наезжавших в Вологду со специальною целью из Ярославля, Переяслава, Твери, Ржева, Костромы, Кимр, Можайска, Кашина, Мологи, Данилова, Солигалича, Борисоглебска, Дмитрова, Суздаля, Клингорода, Ростова, Любима, Новоторжка, Романова, Углича, Зубцова, Городца, Пошехонья, Боровска, Юрьевца-Польского, Устюжны Железнопольской, Старицы, Александровой Слободы, Касимова и нек. др. От 20 до 90 (а иногда и больше) рогож соли вывозилось в эти города. Среди покупателей соли были и монастыри, которые своих соляных промыслов не имели. Старцы Ворониной пустыни (Белоозерского уезда) в 1630 г. купили 33 рогожи, это составит не менее 1 т. пудов соли. Покупал соль у соловецких прикащиков Никольский монастырь (в Устюжне Железнопольской), Калязин

Годы	Привезено в Вологду (колич. соляных рогож)	Продано рогож	В них соли (пуд.)	Выручено денег	Соль продавалась за 1 пуд (средняя цена)
1642	3950	4253	139959	20456 р. 19 а. 2½ д.	4 а. 5 д.
1643	3918	3908	131410	15175 „ 6 „ 5½ „	3 „ 5 „
1644	3770	3738	125056	14792 „ 19 „ 2 д.	3 „ 5 „
1645	3814	3630	126194	12929 „ 28 „ ½ д.	3 „ 2 „
1646	3826	2744	94437	10004 „ 19 „ 3½ „	3 „ 3 „
1647	3763	68	2277	649 „ 2 „ 3 д.	9 а. 3 д. } пошлины
1948	2477	58	1909	549 „ 19 „ 2 „	9 3½ д. } вз. 2 гр.
1649	909	4662	146808	15845 „ 17 „ ½ д.	3 а. 4 д.—3 а. ½ д.
1650	3489	3910	127917	12699 „ 30 „ ½ „	3 а. 1 д.—3 а. 3 д.
1651	3385	3788	123966	15585 „ 1 „ 5 д.	4 а. 1 д.
1652	3720	3858	125443	12956 „ 23 „ 5½ д.	3 а. 2 д.—3 а. 3 д.
1653	3864	3847	129902	15735 „ 10 „ 2 д.	4 алт.
1654	3379	3480	115044	14019 „ 25 „ 3 „	4 а.—4 а. ½ д.
1655	3827	4205	137452	13902 „ 22 „	3 а. 2 д.
1656	4020	4008	132040	15137 „	3 а. 5 д.—3 а. 4½ д.
1657	3946	3934	12972	15254 „	3 „ 5 —3 „ 5½ „
1660	3060	3054	100400	19323 „	6 а. с полушк.
1661	3999	3985	126672	24197 „ 9 „ 2 д.	6 а. 2 д.—6 а. 2½ д.
1662	3742 { на мед. ден. 3497 на сер. „ 224		109041	117844 „ 25 „ 3 „	1 р. 2 а. 4 д.-1 р. 2 а. 3 д.
			7770	1987 „ 15 „ 1 „	9 а. 4 д. 1 пол.-9 а. 5 д.
1663	3795 { на мед. „ 2419 на сер. „ 1299		74266	177086 „ 1 „ 5 „	3р. 22а. 3д.-4р. 23а. 2 д.
			39934	13941 „ 12 „ 1 „	11 а. 4 д.--11 а. 3½ д.
1664	3320	3717	114113	12119 „ 32 „ 2 „	4 а. 2 д.—4 а. 2 д. 1 п.
1666	4343	4332	136794	20148 „ 31 „ 1½ д.	4 а. 5 д.—5 а.
1667	4473	4454	140730	21984 „ 7 „ 2½ „	5 а. 1 д.
1668	4466	2735	83210	14065 „ 14 „ 4½ „	5 а. 4 д.—5 а. 3 д.
1670	4035	3859	114171	13010 „ 28 „ 3 д.	4 „ 2 „—3 „ 5 „
1671	4457	4657	136017	15815 „ 23 „ 5½ д.	3 „ 3 „—4 „ 2 „
1672	4489	4490	130549	13409 „ 4 „ 24 д.	3 а. 4 д.
1673—74	4469	4382	131534	13288 „ 21 „ 2½ д.	4 а.—3 а.
1675	4362	4456	133197	14527 „ 7 „ 2½ „	3 а. 4 д.—4 а. 5 д.
1684—85	4360	1409	42273	3214 „ 19 „ 4 д.	3 а.—2 а. 2 д.
1685—86	3380	3347	99210	6999 „ 26 „ 5 „	2 „—2 „ 4 „
1687—88	5319	4639	137625	7765 „ 16 „ ½ д.	2 а.—11 д.
1688—89	3065	3199	98281	7128 „ 14 „ 2½ „	2 а. 4 д.—2 а. 2 д.
1689—90	Сведений не имеем	3908	121139	11575 „ 24 „ 4½ „	3 а.—3 а. 1 д.
1690—91		1546	48515	4241 „ 30 „ 5½ „	3 „—2 „ 5 „
1691—92		479	15492	1316 „ 27 „ 2 д.	2 а. 5 д.

монастырь и, даже, Троице-Сергиев, последний в 1632 г. приобрел себе 60 рогож соли. Большими партиями закупали соль рыбники, как Вологодские, так и из других городов. Среди них нам известен аккуратный покупатель соли у соловецких старцев вологжанин Василий Иванов сын Рыбник; можно было бы назвать ряд и других лиц этой же профессии. Монастырская соль проникала не только в отдаленные города, но и в уезды, волости и села, напр., в Юхоть, Ярославского уезда, в Широко-горскую волость, Вологодского у., в с. Кубенское, с. Великое (Ростовского у.), в Белосельцы и с. Фрязино (Вологодского у.), в Тверской уезд и т. д. Для небольшого хозяйства соловецкого подворья в Москве нужно было соли ежегодно не более 2-х рогож (около 60 пудов), для более сложного,—Вологодского,—6, 7 рогож ежегодно. Само собою понятно, что купленные в 1604 г. в с. Кубенское Андреем Семеновым с товарищи 30 рогож соли весом 896 пудов расчитаны были не для домашнего потребления покупателей. Вряд ли для домашнего потребления предназначались купленные в 1606 г. крестьянином Кубенской волости Андреем Якимовым 3 рогожи соли весом 91 пуд. Таких относительно мелких покупателей мы знаем очень много. Это были или те же торговцы или рыбопромышленники. То и другое предположение подтверждается рядом данных. Продавалась ли монастырская соль в розницу непосредственному потребителю. Приведенные нами выше примеры покупки соли монастырями еще не говорят о том, что соль шла на собственное потребление покупателя: монастырь мог эту же соль перепродавать своим крестьянам или давать ее в „соляную ссуду“ им же. Однако, мы можем утверждать, что розничная продажа соли соловецкими старцами практиковалась. В частности, в розницу иногда продавалась так называемая „уметная“ соль, остававшаяся „в умете“, т.-е. брошенная „для судового облегчения“ где нибудь в Устюге или в др. месте. В 1649—1650 году Устюжский прикащик старец Нифонт продавал такую уметную соль устюжанам посадским людям и из уезда в развес „в пуды и полпуды“ (в 1649 г. он таким образом продал 31 рогожу, т.-е. 1188 пудов соли, а в 1650—20 рогож, или 551 пуд соли). Известны случаи, когда покупателями соли у соловецких прикащиков были иностранцы. В 1648 г. в Вологде на соловецком подворье „иноземцы“ голландцы Мартын Вуарков, да Тимофей Гирин купили 40 рогож соли весом 1397 пудов по 4 алт. 3½ д. В 1651 году такие же „иноземцы голландские земли“ Вахромей Иванов, да Мартын Юрьев купили 33 рогожи соли, весом 1067 пудов; в 1652 г. названный Мартын Юрьев „с товарищи“ купил вновь 55 рогож соли, весом 1769 пудов. В 1653 г. иноземцам „барабанцам“ Елизару Ульянову, да Мартыну Юрьеву „с товарищи“ продано было 36 рогож соли весом 1185 пудов. В 1654 г. „торговые иноземцы барбанские земли“ Иван Самсонов „с товарищи“ купили у соловецкого прикащика 39 рогож соли весом 1219 пудов, а в 1655 г. „барбанец“ известный уже нам Мартын Юрьев купил 45 рогож соли весом 1548 пудов. Из приведенной справки можно видеть, что некоторые „иноземцы“ были оптовыми покупателями монастырской соли.

Во второй половине XVII в. доли закупаемой соли значительно увеличиваются. Крупные покупки в 100 и даже больше рогож—становится обычным явлением. Непосредственный потребитель, хотя бы в лице рыбопромышленника, повидимому, исчезает с рынка. Приходо-расходные книги соловецкого монастыря по Вологодской „службе“ за данный период времени среди своих покупателей знают только купцов, заявляя, уже прямо, что соль продавалась „торговым людям“. Напр., волгожанин Иван Емельянов в 1666 году покупает сразу 100 рогож, или 3089 пудов, а в следующем 1667 году—162 рогожи, или 5142 пуда; в том же году он

„с товарищи" купил еще 104 рогожи, или 3272 пуда. В роли крупных покупателей выступают и другие вологодские торговые люди (из „ряда"), как, напр., Василий Лыжа, Тимофей Федотов, Макарий Чадов, Елизар Горохов и некоторые „товарищи" их. Можно назвать крупные купеческие фамилии из других городов, скупавшие соль большими партиями—монастырскую соль. Такими были: ростовцы Сергей Васильев, Василий Лукин и Василий Семенов, костромитяне Сидор Архипов и Симон Иванов с товарищи, суздалец Федор Гаврилов, москвитянин Семен Остафьев Борин и др. Последний, напр., в 1668 г. купил 100 рогож соли, весом 2962 пуда. Соль закупается на паях. Выражение „с товарищи" становится трафаретным. Даже воеводы и монастыри начинают закупать соль в большом количестве. В роли крупного покупателя соли выступает в 60-х годах ростовский митрополит [1]). Соль развозилась по городам даже в качестве „почести" воеводам, дьякам, подъячим и всяким „начальным и приказным людям"—термин особых комментариев не требует тогда как раньше „в почесть" тем же воеводам и приказным от соловецкого м-ря шли деньги, драгоценные ткани или какая-нибудь дорогая рыба [2]). Давалась „в почесть" соль и вологодскому архиепископу, а иногда монастырь должен был давать соль „на государев обиход" и, при этом, в большом количестве. В 1661 г. „по государеву указу" было взято „на государев обиход" 800 рогож соли, весом 24.759 пудов.

Соль продавалась соловецкими прикащиками за наличный расчет. Кредита не было: соль могла подняться в цене и старцы боялись оказаться в убытке. Кроме того, на вырученные деньги м-рь тут же закупал „про свой обиход" хлебные и всякие другие „запасы". Для иллюстрации приведем следующий характерный случай. В сентябре 1603 года москвитянину Семену Дееву было продано 60 рогож соли, весом 1770 п. с небольшим по 2 алт. 1½ д. за пуд; всего следовало получить с Деева за соль 119 р. 17 алт. Но деньги Деев внес не все, а оставшуюся часть в сумме 75 р. 17 алт. он должен был уплатить на „Филиппово заговенье" (14 ноября ст. ст.). В срок этой суммы Деев не внес и только 10-го февраля он приехал за своим товаром. Так как соль за это время вздорожала („стала цениться по гривне с пуда"), то местный соловецкий прикащик счел себя в праве „набавить" к прежней цене еще 18 руб. 32 алт. Дело было обставлено формально правильно: прибавка была произведена „по третьих приговору" (очевидно, дело доходило до третейского суда). Широко практиковались „соляные дачи", на которые выдавались „соляные кабалы". Иногда они достигали значительного количества. Напр., в 1640 г. таких соляных кабал было у соловецкого прикащика на 1973 р. 2 алт. „Соляные дачи" производились, повидимому, главным образом, крестьянам; „соляных" кабал посадских людей мы лично знаем немного [3]).

---

[1]) В 1664 г вологодский воевода Стефан Афанасьевич Зубов купил 34 рогожи соли, весом 1036 п., т.-е. столько же, сколько купили, например, торговцы соляного ряда Андрей Пиминов и Тимофей Тобурин „с товарищи" вместе. В 1652 г. человек боярина кн. Юрья Алексеевича Долгорукова, Иван Васильев купил 56 рогож соли весом 1941 пуд. Трудно, конечно, судить для себя или для своего господина купил Иван Васильев эту партию соли. Ростовский митрополит в 1660 г. купил 53 рогожи соли, весом 1745 пудов, в 1667 г.—37 рогож, что составляло 1222 пуда Из монастырей, которые во 2-й полов. XVII в. были крупными покупателями соли у соловецких прикащиков, следует назвать Никольский Песношский, Корнилиев, Калязинский и нек. др. Самая малая доля закупки этими м-рями соль составляла 1551 пуд (Никольская).

[2]) „Развозилось" ежегодно 10—12 рогож.

[3]) Сол. арх. Приходо-расходные книги Вологодского подворья.; ср. М. Г. Курдюмов. Описание актов, хранящихся в архиве археогр. комиссии . Коллекция Савваитова П. И., Петроград, 1915 г., стр. 284, докум. № 1879... Нам известен следующий слу-

Не вся поступавшая с насадов и дощаников на рынок соль, распродавалась в текущий сезон. Несколько рогож вологодский прикащик должен был отправить в Москву для соловецкого подворья, небольшой запас оставался для собственного потребления в подворье, в Вологде, да, кроме того, оставлялась соль и для других, экстроординарных надобностей. Но, вообще, должно сказать, процент непроданной соли был столь незначительным (разумеется, если торговля шла нормальным темпом), что на монастырском бюджете он почти не отзывался. Обычно, оставалась непроданною в течение текущего торгового соляного сезона „уметная" соль, оставленная в разных местах в виду мелководья. Конечно, здесь же приходится сказать, что количество этой уметной соли в иные годы было очень значительным [1]).

Нормальный ход и развитие соляной торговли соловецкой вотчины часто прерывалось некоторыми внешними обстоятельствами. Несколько ниже мы скажем подробнее, как отразились на состоянии вологодской соляной торговли события смутного времени и правительственный указ 18 марта 1646 г., вводивший новую пошлину на соль; в другой связи и по другому поводу мы будем говорить о расстройстве этой торговли в период известного „соловецкого сидения". Остановим свое внимание на состоянии соляной торговли соловецкого м-ря в период финансового кризиса в Московском государстве в 1658—1663 г. в связи с выпуском медных денег. История этой неудачной правительственной реформы в русской исторической науке освещена достаточно хорошо [2]). Можно внести в это изучение некоторые детали, которые еще более разъяснят создавшееся катастрофическое положение в государстве. Соловецкий м-рь очень долго избегал медных денег. К 1659 году неизрасходованный остаток денежной суммы в монастырской казне составлял 4916 руб. 30 алт. серебром и только 21 р. 6 алт. 4 д. медными деньгами. В следующие два года наплыв медной монеты в монастырь был уже значительнее. К 1661 году у монастырского казначея, „за расходом", оставалось на лицо серебряных денег 8728 р. 13 алт. 5½ д., а медных 1015 р. 26 алт. 2 д. [3]). В 1660—61 г.г. медные деньги еще принимались соловецкими прикащиками [4]), но уже к концу 1661 г. и особенно в 1662 г., когда медные деньги были

чай из практики монастырской соляной торговли. В 1672 г., когда монастырь был в осаде, из Москвы продавать соль вологжанам торговым людям и в долг, на срок до „Филиппова заговенья", „Николы осеннего" и до Рождества, с выдачей должниками поручных записей. Купцы, разумеется, постарались широко использовать предоставленную им льготу и быстро разобрали в долг большую партию соли. В Москве спохватились, и оттуда пришло распоряжение: „которая соль в долг отдана,... доправить тотчас бессрочно"... Пришлось вологжанам бить челом в Москву, чтобы „до сроков не велеть править"... (Цит. рукоп. сол. сборн. № 19, стр. 336—340).

[1]) Напр., в 1692 г., при отводе Вологодского подворья, новому прикащику, старцу Самсону, в Вологде, в каменных монастырских „палатах", на Двине в Пырской курье, на Сухоне под Быковым и в Скорятине было зарегистрировано 3766 мехов „уметной" соли. („Отводная книга соловецкого м-ря Вологодской службы 7200 (1692) г. Сол. арх. Дела Вологодского подворья).

[2]) Кроме общих курсов по истории России, этому вопросу посвящены и специальные работы, напр., А. Брикнер „Медные деньги в России 1656—1663 года и денежные знаки в Швеции 1716—1719 г.". СПБ 1864 г. Мих. Левшиновский „Серебряная и медная монета царя Алексея Михайловича" („Вестн. Археологии и Истории", издаваемый Археологическ. Институтом; вып. XX, СПБ 1911 г. стр. 1—64). Н. Суворов „О финансовом кризисе в России в 1659—1663 г. (Архив историч. и практическ. сведений, относ. до России", изд. Н. Калачовым. кн. V, СПБ. 1863 г.).

[3]) Сол. арх. „Книги денежной казны... приход и расход 7167—169" (1659—1661) г.

[4]) В 1661 г. Владыченский прикащик доставил в м-рь „соляной своей продажи" медных денег 100 р., несколько позднее, но в том же году, он доставил еще 40 руб. медных денег; Фирсовский прикащик прислал в м-рь 100 р. медных денег, вырученных за проданную соль в том же (1661) году и сам привез 36 р. „соляных" денег. (Ibidem. „Книга приходная и расходная"... 169—173 (1661—1665) г.

совершенно обесценены, отношение к ним стало уже другим. В 1662 г. олончане жаловались правительству в Москву на то, что соловецкие старцы отказываются принимать за продаваемую соль и другие товары медные деньги а требуют белых денег, и просили приказать им принимать и медную монету. В марте 1662 г. архим. Варфоломею было сделано распоряжение о приеме за проданную соль и другие товары и медных денег[1]). Но в июне-июле месяце того же года м-рь шлет в Москву челобитную, в которой просит, „чтобы государь указал в Сумском остроге и в иных усольях соль продавать на белые денги по прежнему, а не на медные, или заонежцам тое соль менять на хлеб, потому что, государь, у нас в монастырской казне серебряными денгами оскудело, а у города покупки всякие и усолья поднимаем серебряными денгами, а приходу им к нам ниоткуда нет“ [2]). Как отразился финансовый кризис 1658—63 г. на Вологодской соляной торговле? Торговля эта велась на медные и на серебряные деньги. В 1662 году пуд соли на медные деньги стоил 1 рубль 2 алт. 4 д., а на серебряные—9 алт., 5 д.; в следующем году цена на соль поднялась еще больше в связи с катастрофическим падением ценности медных денег: пуд соли стал цениться от 3 до 4 р. 20 алт., тогда как на серебряные деньги он стоил 11 алт. 4 д. Прикащики были заинтересованы в том, чтобы в монастырскую казну шла серебряная монета, поэтому, они старались как можно больше продавать соли на серебряные деньги, иногда прямо отказываясь продавать товар на медные деньги. В видах привлечения в монастырскую казну серебра, вологодские прикащики стали практиковать систему задатков серебряными деньгами за соль будущего привоза. Напр., в 1663 г. ростовец Андрей Хлебников дал задаток за 60 рогож соли в сумме 110 р. серебром, нерехчанин Данило Леонтьев Трескин внес в качестве задатка за 1000 пудов соли 18 р. 26 алт. серебром. Вследствие катастрофически быстрого обесценивания медных денег применялся и задаток медными деньгами. Названный уже Данило Леонтьев Трескин в том же 1663 году внес в качестве задатка за соль 183 р. медною монетою, но зато не было оговорено количество соли, которую он должен был получить от м-ря за эту сумму денег. Медною монетою дал задаток в размере 35 рублей за 5 рогож соли крестьянин д. Рыбницы, Ярославского у., Озерской волости Иван Епифанов. В 1663 г., когда вышел правительственный указ, по которому „медными деньгами торговать не велено“, и соль снова „стала дешева“, указанные задатки утратили свое первоначальное значение. Задаток ростовца Андрея Хлебникова превратился в простой заклад, а нерехчанин Данило Трескин от данного задатка вовсе отступился и не стал брать соли. Также поступил со своим задатком и Иван Епифанов: „задатка отступился, что соль стала дешева“.

Из предложенной выше справки можно видеть, что в 1662 г. на медные деньги монастырь продавал в Вологде соли 109041 п. на сумму 117844 р. 25 алт. 3 д., а на серебряные—7770 п. на 1987 р. 15 алт. 1 д.; в 1663 г. на медные деньги продано было соли 74266 п. на сумму 177086 р. 1 алт. 5 д., на серебряные 39934 п. на 13941 р. 12 алт. 1 д. Отсюда мы видим, что в 1663 г. соловецкие прикащики на серебряные деньги соль продавали охотнее. Но в таком случае возникает вопрос, кто мог расплачиваться с ними серебряною монетой. Среди этих своего рода счастливцев мы находим следующих лиц: крестьяне с. Фрязинова

---

[1]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 19, стр. 169—171.

[2]) Отпись сол. архим. Варфоломея к Вологодскому архиеп. Маркеллу от 1662 г. (Арх. ист. и практ. свед. 1863 г. кн. V, стр. 62—64).

Гавриил Яковлев (купил 1074 пуда соли), крестьяне с. Даниловского, Костромского у. Иван Федоров (935 пудов), Афанасий Григорьев и Трофим Шумилов (935 пуд.), три торговых человека с Вологды, купившие соли на 910 р. 10 алт. 4 д., костромитянин Василий Ульянов (682 пуд. соли на 197 р. 26 алт.). В 1663 г. на серебряные деньги покупали соль: крестьяне Шуйского городка (1146 пудов за 343 р. 26 алт. 4 д.), пошехонцы из с. Пертуева (1746 п. за 523 р. 31 алт. 4 д.), из с. Даниловского, Костромского у. Андрей Семенов (405 п. за 133 р. 27 алт.), Москвитин, торговый иноземец Юрий Дмитриев Греченин (1171 п. за 386 р. 19 алт. 5 д.); названный уже нами крестьянин с. Даниловского, Костромского у., Афанасий Григорьев (1545 п. за 463 р. 21 алт. 4 д.), старец Данилова Переяслава-Залесского монастыря (1134 п. за 544 р. 18 алт. 4 д.), несколько торговцев из Вологодского соляного ряда и несколько купцов из Ростова, Кашина и Костромы. Таким образом, на основании приведенных данных, а также после детального изучения бывшего в нашем пользовании материала мы приходим к следующим выводам: 1) в период финансового московского кризиса торговля велась на медные и на серебряные деньги; при этом успешнее ходили серебряные, а медных денег иногда и вовсе не брали; 2) ценность денег и соотношение серебряной и медной монеты даже в одной и той же местности и в один торговый сезон были чрезвычайно изменчивы; 3) финансовый кризис 1658—63 г. вызвал сильную дороговизну на продукты первой необходимости, при чем были дороже в сравнении с предшествующими и последующими годами товары и в том случае, если они продавались на серебряную монету [1]); 4) принудительное хождение медной монеты поддерживалось правительственными указами, и наконец, 5) вследствие упадка ценности медной монеты в торговых своих сношениях соловецкий монастырь начинает практиковать просто товарообмен.

Важное значение Вологодской соляной торговли в жизни соловецкой вотчины еще более ярко вырисовывается после того, когда мы начинаем следить за тем, на что расходилась вырученная за проданную соль денежная сумма. Почти одновременно с продажей соли, в Вологде и Устюге, а также и в уездах происходила колоссальная закупка хлеба и продуктов питания, а также и всех других предметов, необходимых в сложном вотчинно-монастырском хозяйстве. Старцы сами и через своих агентов усиленно и в большом количестве скупали рожь, ржаную муку, пшеницу, овес, ячмень, крупу, горох, толокно, конопляное семя, масло коровье, мед и другие продукты питания. В большом количестве скупались предметы, относящиеся к одежде и обуви и к разным отраслям хозяйства, например: овчина, кожи задубные, юфть белая и красная, полотна всех видов, сукна сермяжные, сукна „старческие“ и „манатейные“, холст, шубы, рогожи соляные и подстилочные, гвозди, конопля, мыло и т. д. Для того, чтобы организовать закупку такого большого количества про-

---

[1]) Рост этой дороговизны можно представить в таком виде (цены Вологодские):

	1660	1661	1662	1663	1664	1665
Ржи четверть стоила:	25 а. 4 д.	1 р. 11 а. 4 д.	6 р. 13 а. 2 д.	22 р. 16 а. 4 д. (на сереб. 2 р. 16 алт.	1 р. 12 а. 2 д.	45 а.
Пшеницы	1 р. 4 д.	2 р.	7 р. 16 а. 4 д.	24 р. 10 а. (2 р. 3 а.)	—	2 р. 1 грив.
Масла конопл.	1 р. 6 а.	—	8 р. 16 а. 4 д.	15 р.	1 р. 10 алт.	—
Масла коров. за 1 пуд	1 р. 11 а.	1 р. 26 алт.	3 р.	8 р. 8 а. 2 д.	1 р. 5 а. 2 д.	—
Крупы—1 четв.	1 р.	1 р. 15 алт.	5 р. 23 а.	15 р. (2 р 16 а.)	—	1 р. 30 а.
Гороху—1 четв.	1 р. 11 а.	4 р.	13 р.	22 р. (2 р. 16 а.)	—	2 р.

дуктов соловецким прикащикам приходилось прибегать к услугам специальных подрядчиков, которые должны были давать обязательство с поручителями в том, что они аккуратно выполнят взятый подряд. Эти подрядчики проникали затем во все глухие уголки Вологодского, Ярославского, Устюжского, Костромского и др. уездов и скупали там необходимые для крупного соловецкого вотчинника продукты. Такие подряды представлялись сложным и ответственным делом и сопровождались соответствующею порукою [1]), так как подрядчикам, по всей видимости, выручались значительные суммы денег [2]).

В приходо-расходных книгах „Вологодской службы“,—памятнике официального происхожд.,—указано общее колич. каждого закупленного продукта. В некоторых случаях более словоохотливый старец-прикащик делает приписку: „у вологжан, у посадских и у волостных и иных городов у приезжих людей“. Для нас весьма интересным представляется выяснение деталей этой торговли хлебными и другими продуктами: имели ли соловецкие прикащики и их агенты—подрядчики дело непосредственно с крестьянином товаро-производителем и с „промышленным“ человеком, или они соприкасались со скупщиками. Некоторые данные, правда, конца,

[1]) М. Г. Курдюмов. Описание актов, хранящихся в архиве археографической комиссии. (Коллекция Савваитова П. И.) Петроград, 1915 г., стр. 117, докум. № 780.

[2]) Прилагаемые данные дадут конкретный материал для более точного представления о количестве расходуемых в монастырском хозяйстве продуктов. В Вологде и Устюге В. было куплено в м-рь:

Годы	Рожь		Ячмень		Овес		Пшеница	
	Количество в четвертях	Цена за четверть	Количество в четвертях	Цена за четверть	Количество в четвертях	Цена за четверть	Количество в четвертях	Цена за четверть
1583	3348	10 а. 2 д.	332	7 а. 2 д.	454	3 а. 4 д.	116	13 а.
1584	3010	11 а. 4 д.	306	9 а.	509	2 а. 1 д.	63	15 а.
1588	4509	11 а. 5 д.	104	9 а. 1 д.	30	6 а.	109	17 а. 5 д.
1589	4472	13 а. 4½ д.	458	10 а. 1 д.	—	—	150	14 а. 5 д.
1590	6778	7 а. 4½ д.	480	6 а. 4 д.	554	5 а. ½ д.	204	11 а. 2 д.
1598	4900	7 а. 4½ д.	471	6 а.	796	3 а. 4 д.	95	10 а. 5 д.
1599	7295	7 а. 2 д.	839	5 а. 2 д.	1289	3 а. 4 д.	216	9 а. 2 д.
1600	9000	6 а. 2 д.	800	4 а.	1270	2 а. 4 д.	173	8 а. 2 д.
1601	11402	5 а. 3 д.	703	4 а.	1018	2 а. 3½ д.	238	9 а.
1602	2100	24 а. 1 д.	—	—	19 чет.	4 а.	—	—
1603	5314	30 а.—19 а. 4 д.	505	13 а. 2 д.	518	10 а.	33	24 а.
1604	9000	13 а.	705	10 а. 2 д.	510	5 а. 4 д.	101	20 а. 2 д.
1605	9188	7 а. 3 д.	818	5 а. 4 д.	706	3 а.	188	15 а. 1 д.
1606	10424	6 а. 3 д.	1007	5 а. 2 д.	848	1 гривна.	185	13 а 2 д.
1607	8400	10 а. 3 д.	825	7 а. 3 д.	1000	4 а. 1 д.	354	14 а. 1 д.
1608	15416	6 а. 2 д.	1716	6 а. 4 д.	1040	3 а. 2 д.	437	10 а. 2 д.
1609	6780	5 а. 4 д.	1140	6 а.	615	3 а.	130	10 а.
1610	4796	11 а. 4 д.	606	8 а. 2 д.	1070	5 а.	101	18 а.
1614	1613	12 а. 1 д.	919	10 а.	1041	5 а. 1 д.	152	20 а.
1615	5174	14 а. 3 д.	887	13 а. 2 д.	1078	6 а. 2 д.	169	30 а.
1617	4351	23 а. 2 д.	975	17 а. 2 д.	813	10 а. 3 д.	193	29 а. 5 д.
1618	6812	19 а. 1 д.	1165	15 а. 1 д.	1054	7 а. 2 д.	217	25 а. 4 д.
1619	5080	12 а. 5 д.	622	10 а.	922	5 а.	139	18 а. 1 д.
1621	3023	30 а.	503	25 а.	702	13 а. 2 д.	2	1 р. 24 а 4 д.
1622	4651	27 а. 4 д.—22 а. 1 д.	543	16 а.	578	9 а. 4 д.	103	35 а.—32 а.
1623	4423	22 а. 4 д.—20 а. 4 д.	683	18 а. 2 д.-15 а.	403	10 а. 2 д.	135	25 а.
1624	6138	15 а. 4 д.	590	13 а. 2 д.	549	7 а. 1 д.	59	23 а. 2 д.
1625	5160	16 а. 4 д.	800	12 а.	802	6 а. 2 д.	105	22 а.
1626	4880	15 а. 4 д.—12 а. 5 д.	560	10 а. 4 д.	495	6 а. 2 д.—5 а. 4 д.	—	—
1627	5040	9 а. 5 д.—8 а. 5 д.	931	7 а. 4 д.	476	7 а. 4 д.	103	29 а.

60-х годов XVII в. проливают несколько света на затронутый нами вопрос. В это время правительство взяло Вологодскую соляную торговлю соловецкого монастыря в свои руки и организовало над местным монастырским прикащиком целую систему надзора в лице выборных посадских голов. Особенно тщательно должны были вестись записи по движению денежных сумм. Необходимо было точно указывать „каких хлебных запасов и товаров и усольских обиходов куплено и по какове цене и у ково имяны"; все это записывалось в книгу „по рознь и по статьям". Благодаря такой вынужденной подробности прих.-расх. книг „Вологодской службы" мы узнаем, напр., что 20 января 1671 года монастырские старцы „купили у вологжан у посадских и у волостных и из иных городов у приезжих людей, у вологжанина у Василия Лыжи, да у усольца у Бориса Григорьева, да у Сергея Иванова с товарищи ржи 1021 четь по 2 р. 8 алт. пол 5 денег четь" (за всю рожь уплачено было 2312 р. 18 алт. 5 д.) Покупалась рожь у „ростовцев" и у „володимерцов" (228 четей), отмечена рожь и „московской" покупки (534 чети) и устюжской (63 чети). В названных поименно лицах очень трудно будет усмотреть крестьян. Торгового человека по профессии следует видеть и в суздальце Гаврииле Григорьеве,

Годы	Рожь		Ячмень		Овес		Пшеница	
	Количество в четвертях	Цена за четверть	Количество в четвертях	Цена за четверть	Количество в четвертях	Цена за четверть	Количество в четвертях	Цена за четверть
1628	2792	22 а.—13 а.	150	9 а.	358	10 а.	111	28 а.
1629	1265	20 а. 6 д.—13 а. 2 д.	852	16 а. 4 д.—9 а.	709	8 а. 2 д.—5 а. 2 д.	100	16 а. 4 д.
1630	4562	23 а. 4 д.	522	16 а. 2 д.	500	8 а. 2 д.	80	26 а. 4 д.
1631	10980	11 а. 1 д.	1052	8 а.	1013	3 а. 5 д.	220	13 а. 3 д.
1632	12139	12 а. 5 д.	1013	9 а 2 д.	1225	5 а. 1 д.	116	15 а.
1636	4753	28 а. 4 д.—23 а. 1 д.	495	21 а. 1 д.—15 а. 2 д.	390	12 а —9 а. 4 д	—	—
1637	3273	1 р.—32 а. 4 д.	683	22 а.	967	12 а. 4 д.-11 а.	73	1 р. 6 а. 4 д.
1638	4743	27 а. 2 д —29 а.	4	21 а. 4 д.	943	9 а. 2 д.—12 а.	40	1 р. 10 д.
1639	5050	27 а.	300	20 а.	1007	10 а.	62	1 р.
1640	8787	17 а 4 д.	—	—	—	—	52	26 а. 4 д
1641	7719	19 а. 5½ д.	300	18 а.	817	11 а.	100	31 а. 4 д.
1642	11230	16 а. 1 д.—14 а. 2 д.	312	12 а. 1 д.	1016	7 а. 1 д.	61	1 р.
1643	12732	15 а. 5 д —14 а. 2 д.	411	11 а. 3 д.-10 а.	1602	6 а. 4 д.	58	32 а. 2 д.
1645	6472	20 а. 8 д.	620	20 а. 2 д.	918	12 а.	34	31 а.
1646	10584	15 а. 1½ д.	989	13 а.	1989	7 а. 1 д.	80	33 а.
1647	6996	14 а.	461	10 а. 3 д.	1531	6 а. 3 д.	60	27 а.
1648	951	12 а. 5 д.	—	—	—	—	—	—
1649	10022	17 а. 2 д.—13 а. 2 д.	605	10 а. 2 д.	604	7 а.	89	30 а.-23 а. 2 д.
1650	12972	13 а. ½ д.—13 а.	2345	11 а.-11 а. 4 д.	2042	6 а. 5 д.	254	18 а.—26 а
1651	8354	13 а. 1 д.	—	—	1400	6 а. 2 д.	106	26 а. 4 д.
1652	11090	13 а. ½ д.—13 а. 3 д.	—	—	1032	6 а. 2 д.	160	25 а.
1653	9238	11 а. 3 д.	—	—	919	6 а. 2 д.	137	25 а. 4 д.
1654	13406	10 а. 4 д.—12 а. 3 д.	—	—	540	6 а. 4 д.	155	26 а. 2 д.
1655	4732	12 а. ½ д.	749	11 а. 4 д.-13 а.	925	8 а.	130	26 а. 4 д.
1656	4944	15 а. 2 д.	1952	13 а.	465	10 а. 2 д.	55	28 а. 4 д.
1660	3146	25 а. 4 д.	687	23 а.—2 д.—18 а. 4 д.	1436	10 а.-16 а. 4 д.	119	1 р. 4 д.
1661	2026	1 р. 11 а. 4 д.	681	27 а.	726	18 а.	53	2 р.
1662	1491	6 р. 13 а. 2 д.	312	3 р. 20 а.	797	3 р. 7 а.	173	7 р. 16 а. 4 д.
1663	5962	21 р. 16 а. 4 д.—2 р. 6 д. 22 р. 16 а. 4 д.—2 р. 16 а.	132	13 р.—15 р. и 10 алт.	1457	9 р.—6 р. 16 а. 4 д.—23 а. 2 д.	249	24 р.—22 р.—2 р. 3 а. 2 д.
1664	7106	1 р. 12 а. 2 д.	—	—	147	20 а.	—	—

продавшем в том же 1671 г. в монастырь 42 четверти ячменя, и в его земляке Никифоре Артемьеве, продавшем туда же 21 четв. овса. В 1674 г. в Вологде и в Устюге Великом было закуплено ржи 8322 четв. на сумму 5197 р. В частности, в Вологде было куплено ржи 3122 четв., на сумму 2057 р. 13 алт. 5½ д. и в Устюге, на Двине и в Красном Бору 5198 четв. на 3138 р. 18 алт. 3½ д. 3 декабря 1674 г. в Вологодском у., Михайловском стану, в д. Папиной у крестьянина Харитона Тихонова, да у крестьянина с. Угримова Осипа Тихонова „с товарищи" куплено было ржи 20 четв. по 21 алт. за четв. (всего на 12 р. 25 алт. 1½ д.); у них же куплено ржи 11 четв. с осминою по 21 алт. 2 д. 4-го декабря в Белоозерском у., в д. Игнатовской, у крестьянина Осипа Олимпиева „с товарищи" куплено было ржи 3 четверти с небольшим, также по 21 алт. 2 д. всего на 2 р. 13 алт. 2 д. Того же числа в Вологодском уезде, в Сямской волости, в с. Березниковом, да в Ухтомской волости, в д. Степучевой у крестьян Никиты Козмина с товарищи куплено ржи 72 четверти по 21 алт. 4 д. на сумму 46 р. 26 алт. 4 д. Декабря 16-го, в Вологодском уезде, Сямской волости, в д. Кобелевой у крестьянина Андрея Акинфиева с товарищи,

---

Годы	Рожь		Ячмень		Овес		Пшеница	
	Количество в четвертях	Цена за четверть	Количество в четвертях	Цена за четверть	Количество в четвертях	Цена за четверть	Количество в четвертях	Цена за четверть
1665	5564	1 р. 4 а—45 а. 2 д.	149	30 а.-31 а. 2 д.	157	18 а. 4 д.-21 а.	33	2 р. 1 грив.—60 алт.
1666	5623	1 р. 3 а.—26 а. 4 д.	331	28 а.—20 а.	593	18 а. 4 д.-21 а.	103	1 р. 20 а.—1 р. 10 а.—
1667	5429	1 р. 2 а. 3 д.—27 а. 2 д.	615	27 а.—22 а.	552	1 р. 23 а. 2 д.	44	1 р. 29 а.
1668	3618	36 а. 5 д.—27 а.	274	20 а.	328	14 а.	21	1 р. 20 а.—1 р. 26 а.
1671	1021	2 р. 8 а. 5 д.	97 ч.	1 р. 21 а. 4 д.—1 р. 8 а.	125	41 а. 4 д.—36 а. 4 д.	—	—
1673	8322	27 а.—18 а.	288	13 а. 2 д.	837	7 а. 4 д.	—	—
1678	5327	18 а.—23 а.	325	16 а. 4 д.-20 а.	364	11 а.	12	1 р.—30 а.
1679	4772	13 а.—16 а.	357	12 а.—15 а.	862	7 а. 2 д.	31	23 а 2 д.-30 а.
1685	4139	16 а.—20 а.	84	11 а. 4 д.—12 а. 3 д.	79	8 а.	7	23 а.
1686	3749	15 а. 4 д.—17 а.	482	13 а.—12 а.	560	6 а. 4 д.—8 а.	17	26 а. 4 д.
1688	5703	17 а. 4 д.—16 а. 2 д.	—	—	90	10 а.	22	31 а. 4 д.
1689	7034	11 а.—11 а. 4 д.	181	9 а. 2 д.	288	6 а. 4 д.	26	25 а.
1690	8162	11 а.—15 а.	—	—	190	8 а.	46	25 а.
1691	6109	13 а.—2 д.	26	11 а. 4 д.	592	6 а.	—	—

Мы перечислили лишь главные виды хлебов, которые закупал сол. м-рь в Вологде. Кроме того, покупались еще следующие продукты: 1) масло конопляное от 5—53 пудов ежегодно (от 1 р. 6 алт.—до 16 алт. за 1 пуд); 2) масло коровье от 7 п. до 583 пуд. ежегодно (1 р. 26 а.—25 а. за 1 п.); 3) крупа всех видов от 75 четв. до 375 четв. (от 15 а. до 1 р. 26 а. 4 д. за 1 четверть); 4) горох от 6 четв. до 176 четв. ежегодно (от 25 алт. до 1 р. 31 алт. за четверть); 5) мед (патока и сырец) от 10 пудов до 505 пудов ежегодно (от 25 алт. до 1 р. 21 алт. за пуд); 6) черная икра (до 20 пудов ежегодно, ценою 13—14 алт. за пуд); 7) мясо свиное до 200 полотей ежегодно (5—6 алт. примерно за полоть) и др. продукты. Для одежды братии и „работных" людей м-рь покупал такие предметы: 1) сукна старческие, свиточные, манатейные и рясочные. В некоторые годы сукон этих монастырь закупал свыше 15 тысяч аршин; 2) сукна сермяжные (в некоторые годы до 3500 арш.); 3) овчины (ежегодно свыше двух тысяч штук); 4) кожи задубные; 5) юфть белая и красная и 6) полотна разных сортов. Для своего сложного вотчинного хозяйства м-рь приобретал в Вологде целую серию предметов, начиная с ложек и блюд Тверских и кончая мылом разных сортов (Костромским и Борисоглебским).

да в Митюковской волости, в д. Климовой у крестьнина Павла Ефремова „с товарищи“ куплено ржи 333 четверти (по 22 алт. четверть, всего на 220 р. 9 алт. 1 д.). 14 марта было закуплено 569 четвертей ржи (по 22 алт. за четверть) на сумму 375 р. 23 алт. в Вологодском уезде, у старца Ефимьева монастыря Трифона, в Важском уезде, Таврянской волости, в д. Зеленой у крестьянина Федора Семенова с товарищами и т. д. Все другие известные нам случаи по Вологодскому уезду покупки хлеба также говорят о крестьянах, как продавцах этого хлеба. Иногда только промелькнет какой-нибудь старец окрестного „вотчинного“ монастыря. Относительно (для крестьянского хозяйства) крупные партии продаваемого хлеба предполагают в продавцах крестьянах людей состоятельных. Продавали свой хлеб крестьяне группами, на что указывает традиционное выражение „с товарищи“. Проще дело обстояло в Устюге Великом. Там соловецким прикащикам приходилось встречаться с оптовыми торговцами, скупать хлеб отдельными партиями по уезду не приходилось. В том же 1674 г. (12 февраля) крупный хлеботорговец Василий Иванов сын Грудцын продал в монастырь ржи 1 т. четвертей на сумму 680 р. (по 22 алт. 4 д. четверть), а 30 марта он же продал соловецкому прикащику еще 500 четвертей ржи за 340 р. (по 22 алт. 4 д. четверть). Посадский человек Иван Ключарев продал соловецкому прикащику того же 30 марта ржи 500 четвертей на 330 р. (по 22 алт. четверть). Среди продавцов ржи в Устюжском уезде наши источники называют и крестьян „разных волостей“, продававших рожь сравнительно небольшими партиями. В роли продавцов ячменя (в количестве 288 четвертей) в 1674 г. выступают слуги Никольского Прилукского монастыря и Васильевские (Удемской волости) церковные старосты. Овес (в количестве 837 четвертей) соловецкий прикащик покупал: в Никольско-Прилукском монастыре (200 четвертей), у Васильевских церковных старост 273 четверти — остальные у крестьян разных волостей. Продолжим свои наблюдения дальше. В 1678 г. для монастыря в Вологодском, Устюжском, Углицком, Костромском и Галичском уездах было закуплено ржи 5327 четвертей по разным ценам за четверть, за всю рожь было уплачено 3439 р. 23 алт. Среди продавцов ржи в этом году источники называют: человека стольника Степана Афонасьевича Зубова, Данилу Иванова сына из с. Княжина, Вологодского уезда, Лостомской волости, продавшего 8 четвертей ржи, посадских вологжан, продававших рожь большими партиями: 11, 18, 35, 37, 50, 256, 300 и 500 четвертей, и целый ряд иногородних лиц: шуян, костромичей, галичан, ярославцев и др. посадских и „всяких чинов“ людей, продавших вместе 2340 четвертей ржи. Остальные 2987 четвертей ржи были куплены соловецким прикащиком у крестьян разных уездов. Некоторые из этих крестьян продавали рожь крупными партиями: 100—200 четвертей и больше, но были случаи мелкой продажи: 1—10 четвертей. Разумеется, крестьянская масса представлялась в экономическом отношении весьма разнородною. Углицкого уезда крестьянина Якова Васильева, продавшего ржи 222 четверти никак нельзя ставить на одну линию с крестьянином Пошехонского уезда (Корнильева монастыря) Василием Харитоновым, который „с товарищи“ мог поставить на рынок только 12 четвертей ржи. Крестьян, поставщиков хлеба на Вологодский и Устюжский хлебные рынки знают наши источники и для последующего времени. На ряду с крестьянами, крупными поставщиками хлеба, продававшими 100 четвертей ржи и больше на том и другом рынке мы видим и крестьянина маломощного, отвозившего на продажу какую-нибудь 1 четверть с осминою ржи. За крестьянином тянулся на рынок и русский помещик XVII в., которого наши источники называют „дворянином“. Уже в 1678 г. среди торговцев рожью,

с которыми соприкасались старцы соловецкого монастыря, выделяется костромской дворянин Василий Тихонов Шарыгин, продавший в монастырь 11 четвертей ржи. В последующие годы в монастырские житницы попадает дворянского хлеба больше чем, это было раньше. Вологодский дворянин (Водожской волости) Алексей Тихонов сын Жидовинов продает соловецкому прикащику 43 четверти ржи, а его товарищ из Пошехонского уезда Степан Симонов сын Маслов находит возможным продать 193 четв. ржи. Само собой понятно, что такие дворяне, как Маслов, были крупными землевладельцами, так как напр., ярославский дворянин Иван Петров в состоянии был поставить на рынок только 1 четверть ржи.

Сукна разных сортов, полотно парусное и всякое другое продают соловецким прикащикам посадские люди из Вологды. При этом они продают свой суконный и полотняный товар большими партиями. Напр., вологжанин Пантелей Исаков в 1674 г. сразу продал соловецкому прикащику 2090 аршин парусного полотна. Пеньку-мологу, вяземскую пряжу, борисоглебское и костромское мыло и другие нужные себе товары соловецкие прикащики разыскивали в торговых Вологодских рядах. Торговля в XVII в. еще не дифференцировалась. Вологжанин Антипа Шолков ведет крупную хлебную торговлю, но он же продает также в большем количестве парусный холст. То же должно сказать и относительно других лиц. Крестьянин Вологодского уезда Пельшемской волости Бажен Челпанов продает не только парусный холст, но и „холсты рубашечные“; при этом то и другое продает крупными партиями: одновременно свыше 900 аршин. Сукна кирилловские и заозерские те и другие русского производства, а также овчины продают посадские вологжане, но в некоторые годы с этими товарами являются в Вологду заозерцы. Здесь же монастырь закупал и более дорогие сукна: рясочные и манатейные—иногда несомненно западно-европейского, в частности, „аглинского“ происхождения. Все закупленные продукты и „товары“ складывались на опорожненных от соли дощаниках и отвозились в Холмогоры, или, точнее, в „Куресскую службу“, эту продовольственную базу для всего монастырского хозяйства. Здесь хлеб и другие продукты распределялись по усольям, а остаток отправлялся на остров, в монастырь. Как ни велики были сделанные в Вологде хлебные и всякие другие закупки, однако они не могли занять полностью освободившиеся суда-гиганты. Чтобы не переплавлять свои насады и дощаники в Холмогоры полупустыми—(нанимать и содержать рабочих, носников и кормщиков все равно так или иначе приходилось),—соловецкие прикащики с изумительною хозяйственною практичностью поряжались провозить за соответствующую плату в Холмогоры или куда-либо по дороге чужой товар. Укажем для иллюстрации несколько таких случаев. В 1603 г. соловецкий прикащик в Вологде порядился у мясника Богдана доставить с Вологды до Устюга 6 „тщанов“ (чанов) мяса; в том же году он предложил английским купцам доставить в Холмогоры 600 пудов поскони за 3 р. (по деньге с пуда), а вологжанину Богдану Антипину туда же 205 четвертей ржи за 3 р. 2 алт. 3 д. (по 3 деньги с четверти). В 1605 г. тот же монастырский прикащик в Вологде „плавил“ к Холмогорам Владимиру Елисееву и Степану Крячкову „с товарищи“ всяких „мелких товаришков“ и „запасу“ 1023 пуда, взяв за перевоз 5 р. 3 алт. 5 д. (по деньге с пуда); тогда же монастырский дощаник отвозил в Холмогоры 100 пудов пенки братьев Богдана и Михаила детей Сыдовного. Почти ежегодно Вологодский монастырский прикащик заказывал в Шуйском городке (по р. Сухоне в 90 в. от Вологды) новый дощаник, а лишний старый („ветчанный“) дощаник обычно продавался кому-либо или сдавался в аренду.

Также поступали и с насадами [1]). В случае надобности на монастырских дощаниках отвозился из Вологды в Холмогоры „государев покупной хлеб" за соответствующую плату. Напр., в 1650 г. „по государеву указу и по грамоте" были доставлены в Холмогоры 4200 четвертей хлеба с оплатой провоза по 10 денег за четверть (всего 210 р.).

Большие торговые обороты монастырской соляной торговли, разумеется, не могли не затрагивать интересы правительства, заинтересованного в правильном и аккуратном поступлении в казну торговых пошлин, а значительные хлебные закупки соловецкой вотчины сталкивали интересы монастыря вотчинника и правительства с другой еще стороны: в XVII в. хлебная торговля, как известно, становилась правительственною монополией, и правительство также скупало хлеб. Вопрос об отношении соловецкой вотчины к государственным таможням поднимался очень рано. Великокняжеская „несудимая" грамота Ивана Васильевича от 1541 г., ответная на соответствующее ходатайство игумена Алексея, разрешает соловецким старцам беспошлинно провозить из Холмогор к Устюгу, Тотьме и к Вологде в насаде или в 3-х насадах 6 тысяч пудов соли; равным образом беспошлинным объявлялся провоз в монастырь на тех же 6 насадах соответствующего количества хлеба и всякого запаса монастырского [1]). Можно думать, что уже к 1548 г. упомянутая грамота оказалась анахронизмом. На том основании, что „братии в монастыре прибыло много, и прокормитца им не чем", игумен Филипп (Колычев) просили правительство увеличить количество беспошлинно провозимой соли до 10 тысяч пудов. Эта просьба правительством была встречена благосклонно [2]). В 1555 г. право монастыря на беспошлинную продажу 10 т. пудов соли было отменено, а, взамен этого, как мы в свое время уже говорили, монастырь был компенсирован волостью Сумой с 77½ луками и 33 варницами [3]). С изданием грамоты, отменявшей беспошлинную соляную торговлю, Тур-

---

[1]) В 1607 г. два ветчаных насада были проданы за 49 р. ярославцу Григорию Никитникову, а третий насад был отдан на сплавку товара до Холмогор английским купцам Томасу Ульянову с товарищами за 36 р. В 1608 г. „ветчаный" насад был продан за 20 р. немчину Ивану Юрьеву, а вологжанину Тимофею Досадину за 13 р. был продан даже целый дощаник, конечно, „ветчаный". В 1622 г. старый дощаник был продан торговому „немцу" Карпу Димулину за 60 р., в 1623 г. ему же был продан такой же старый насад за 60 р., в 1623 г.—старый насад за 70 р., а в 1625 г. насад за 50 р. Таких случаев мы знаем много. С приезжими иноземцами, несмотря на религиозное отвращение к ним, соловецкие старцы, как мы видим, не брезговали входить в коммерческие сделки. В 1629 г. Вологодский прикащик сдает в аренду иноземным гостям монастырские амбары за 18 р., а в следующем, 1630 году, он же порядился с голландским купцом Петром Ладановым доставить в Холмогоры 350 четвертей хлеба за 70 р. (по 6 алт. 4 д. с четверти). Предупредительное отношение соловецких прикащиков к тому или другому „иноземцу" и „торговому рыцарю" не было, конечно, бескорыстным. В 1639 г. названный голландец Петр Ладанов продал соловецкому прикащику две медные пушки весом по 10 пудов по 3 р. за пушку. Пушки эти, очевидно, были куплены соловецкими старцами для острастки грабителей во время передвижения монастырских караванов из Холмогор в Вологду и обратно. С иноземцами соловецкие прикащики в Вологде вступали иногда и в долговые обязательства. В 1664 г. вологодский прикащик старец Тихон уплатил неизвестному нам по имени „торговому" иноземцу 300 р. заемных денег.

[1]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 40 об.—42 об.; Досифей, III, стр. 3—7.

[2]) Ibidem. Рукоп. сборн. № 18, л. 43—48; Досифей, III, стр. 7—12.

[3]) Досифей, III, стр. 12—17. Беспошлинная торговля солью не была привилегией только одного соловецкого монастыря. Не платил пошлины за часть продаваемой соли Кирилло-Белоозерский монастырь; Корельский Никольский монастырь в 1-й пол. XVI в. мог беспошлинно продавать соли один дощаник весом до 2-х т. пудов. Корнилиев-Комельский монастырь (у него было 4 варницы в Кулое) в XVI ст. беспошлинно продавал 5 т. пудов соли. Правом на беспошлинную торговлю солью пользовался и Антоние-Сийский монастырь. Мы назвали только виднейшие северные монастыри. Все эти изъятия и привилегии не могли не отражаться ощутительно на состоянии государственной казны.

часовские, Каргопольские, Холмогорские, Устюжские, Тотемские и Вологодские таможенники стали брать пошлину с монастырской соли везде, где бы с этою солью старцы не появлялись, даже там, как гласила челобитная последних царю, „где они тое соли не продают", а бывают только „мимоездом". Точно также эти таможенники стали взимать пошлину и с закупаемых монастырем для своих надобностей хлебных запасов и всяких других товаров. Энергичная жалоба на это в Москву игумена Филиппа царю Ив. Вас. Грозному имела своим результатом то, что в 1559 г., не отменяя принципиально пошлин с продаваемой соли, строго было запрещено взимать пошлину с двух насадов, телег и возов в тех городах, где старцы соли не продавали, а бывали только „мимоездом". Свыше означенной нормы соль подлежала оплате „всякими" пошлинами. За то беспошлинно соловецкие старцы могли закупать рожь и овес и всякий другой хлебный запас и товар, раз все это шло не на продажу, а на „монастырский обиход" [1]). Отмена беспошлинной соляной торговли сохранялась в силе и в последующее время. В 1585 г. новая грамота царя Федора Ивановича, подтверждая право беспошлинного провоза в монастырь хлебного и всякого другого „запаса", не отменяет пошлин с продаваемой соли, а только упорядочивает способ взимания ее [2]). В 1588 г. на имя двинских таможенных целовальников последовала царская грамота, точно регламентировавшая, как размер таможенной пошлины, так и ее виды. С прибывшего в Холмогоры насада или дощаника взималась судовая, подъемная и грузовая пошлина. За привезенный товар д. было платить с 1 т. пудов по 2 р. 2 гривны, а со 100 пудов по 7 алт. 2 д. Кроме того, с каждого прибывшего судна следовало платить посаженное по 10 алт., а с людей „головщину", по 1 деньге с головы. Такую же грузовую пошлину велено было взимать и с лодей, насадов и дощаников с товаром и с хлебом, проходивших мимо Холмогор к Вологде или к верху за море. С лодок, прибывших из заморья и из зарубежья, с заморских рек и из Корелы с солью, с рыбой и другим товаром, полагалась „побережная" пошлина в размере 22 алтын с лодьи. С насадов, отправлявшихся из Холмогор к Устюгу или к Вологде, полагалась такая пошлина: с большого судна (насада) 20 алт., среднего судна полтина и с меньшего 4 гривны. С проданной и купленной соли, с меду, воску, икры, масла, сала, меди, олова, свинцу и др. товаров шла весчая пошлина: с рубля 2 деньги с продавца и купца (с каждого отдельно). С хлеба, ржи, овса, крупы, толокна, хмелю, пшеницы, солоду, гречи, конопли, гороху и репы шло померное: с четырех четей по деньге с продавца: покупатель этой пошлины не платил. Если товар продавался крупными долями: в рогозинах, кадях, возом и пудами, напр., соль, мед, воск, рыба, масло, сало и др. „весчий" товар, то с него шло подъемное: „с подъему по 2 денги"; за товар, продаваемый партиями меньше пуда, подъемное

---

[1]) Интересною представляется справка, которую приводит в своей челобитной игумен Филипп относительно приблизительной величины необходимых „про монастырский обиход" запасов. Ежегодно монастырю требуется: 3 т. четвертей ржи, 300 четвертей пшеницы, 200 четвертей овса, 200 четвертей ячменя, 100 четвертей толокна, 100 четвертей разной крупы, 70 четвертей гороху, 70 четвертей конопляного семени, 200 пудов меду, 300 пудов масла, полтораста полотей мяса, 4 тысячи аршин сукон толстых, 2 тысячи аршин сукон тонких и другого всякого запасу хлебного и рыбного. Для одежи и обуви монастырской братии, слуг и „работных" людей нужны были шубы, овчины, полотна, холсты, крашенины, кожи дубленые, юфть и т. д. Для хозяйственных надобностей монастыря-вотчины требовалась медная и оловянная посуда, воск, ладан, а также такие вещи, как рогозины для набивки соли, посконь, лыко, смола, деготь и разная другая мелочь. (Досифей III, стр. 25—30).

[2]) Цит. рукоп. сборн. сол. монастыря № 18, л. 83 об. 98; Досифей III, стр. 45—54.

не платили. За взвешивание всякого товара у гостей шла так наз. рукознобная пошлина [1]). За проданный товар с рубля по деньге шла замытная пошлина. Существовали еще дворовая, амбарная и поворотная пошлины. Дворовую пошлину платил приехавший в Холмогоры купец с к.-л. „мягким" товаром (соболями, куницами, песцами, бобрами, белкой, заячьим мехом и др.) и ставившийся в гостинном дворе, уплатив с рубля по 4 деньги. На гостинном дворе с уплатой „дворовой" пошлины д. был ставиться и купец, приехавший в Холмогоры с камками, бархатом, атласом, шелком, сукном, платьем, однорядками, кафтаном, бумагой хлопчатой, ладаном, перцом и др. „сухим" товаром. Покупатель иногородец, приехавший в Холмогоры, также ставился на гостинном дворе и платил, след., дворовую пошлину. Амбарная пошлина платилась с торговли не на гостинном дворе. Громоздкие товары (соль, рыба, зерно, шерсть и нек. другие складывались в специальных амбарах, которые обычно охранялись специальными дворниками, которые и взимали с хозяев охраняемых товаров „амбарное", или „амбарщину" по одной деньге в неделю с иногороднего купца и полденьги с местных. Если товары привозились на судах, на санях или на возах, то иногда они не выгружались в гостинном дворе, а продавались оптом; тогда при вывозе купленного товара из города, с него взимали поворотное. Согласно этой инструкции, обязаны были платить судовую проезжую пошлину и с голов поголовную, как и другие торговые люди, наши монастыри: Троице-Сергиев, Кириллов, Соловецкий, Печенгский и др. Обкладывалась пошлиною и иностранная торговля: „немцы аглинские, барабанские, шпанские и иные немцы" платили судовую, гостинную и амбарную пошлины наравне с русскими купцами.

Но соловецкий и другие монастыри такие пошлины для себя обязательными не считали, отговариваясь тем, что у них в Двинском уезде существуют промысла след., они не являются „иногородцами" в Холмогорах. Соловецкие старцы при этом отказывались платить пошлину не только с Двинских соляных промыслов, но и с привозимой соли с „заморья". На недоуменный вопрос таможенных целовальников, как им поступать в таких случаях, из Москвы ответили на это довольно решительно: все проезжие купцы и монастыри должны платить таможенную проезжую, посаженную и поголовную пошлины; только „двиняне" могли платить так наз. „двинскую" пошлину [2]). Несколько позднее уже, при царе Борисе Годунове, соловецким старцам разрешено было при перевозке своей монастырской соли на Холмогорах платить меньшую, „двинскую", а не „иногородную" пошлину [3]).

К 1590 году положение вещей в соловецкой вотчине изменилось благодаря тяжелым внешним обстоятельствам, потребовавшим значительного напряжения рессурсов ее. Указывая правительству на все это, соловецкий игумен Иаков просил разрешить м-рю беспошлинный провоз к Вологде 73 тысяч пудов соли на 6 насадах и 3 дощаниках, взамен чего м-рь обязывался ежегодно вносить в казну в четверть дьяка Щелканова 100 рублей. Просьба игумена Иакова 2 июня 1590 г. была исполнена [4]). В 90-е годы, как мы в свое время могли видеть, выработка

[1]) В цитируемой царской грамоте Двинским таможенным целовальникам от 29-го марта 1588 г. по поводу рукознобной пошлины читаем следующее: „Рукознобная пошлина: на Двине с пудом ходити и товар всякой весчей у гостей весити, а пошлина рукознобная имати с купца и с продавца с подъему по денги и с припуску по денги же имати". (А. Э. т. 1, № 338, стр. 409).

[2]) Цит. рукоп. сол. сборн., № 18, л. 94 об 100; Акты арх. эксп. I, № 338.

[3]) Ibidem, л. 153 и об., л. 155.

[4]) Ibidem, л. 109 об.—114 об.

соли на монастырских варницах поднялась, а наступившие затем события смутного времени подняли политическое значение соловецкого м-ря, как пограничной крепости. Вскоре же после воцарения В. И. Шуйского, поддерживаемого в течение своего непродолжительного многомятежного царствования крупными северными торговыми центрами [1]), соловецкий м-рь в июле 1606 г. обратился к новому правительству с просьбой о разрешении беспошлинно провозить к Вологде на продажу уже 100 тысяч пудов соли. Соответствующая грамота соловецкому м-рю была выдана [2]). Но когда правительство Шуйского было свергнуто, в период, так называемого, „междуцарствия", таможенные головы и целовальники не желали признавать старые царские грамоты, предоставлявшие льготы соляной торговле соловецкого м-ря, в том числе не стали считаться и с последнею грамотой царя В. И. Шуйского. Скрепя сердце, соловецкому вотчиннику пришлось смириться, но когда в Ярославле, в апреле 1612 г. образовалось нечто похожее на организованную власть в виде „совета всей земли", на имя кн. Дм. Мих. Пожарского (в апреле же месяце) поступила челобитная от игумена Антония с просьбой подтвердить прежние льготные грамоты соловецкому монастырю на право беспошлинной торговли и, в частности, последнюю грамоту царя В. И. Шуйского. 25 апр. 1612 г. на Двину воеводе кн. Ив. Григорьевичу Долгорукому, да дьяку Путилу Григорьеву, собравшиеся в Ярославле бояре и воеводы и Дмитрий Пожарский с товарищи „били челом", что „по приговору всее земли Архангельские таможенные головы и целовальники прежних государей жалованных грамот рудити ни в чем не должны". Поэтому, воевода должен был распорядиться, чтобы монастырские суда с солью и хлебным провиантом местные (Архангельские и Холмогорские) таможенники не задерживали. Вместо таможенных пошлин воевода должен был взять с монастыря положенные предыдущими грамотами 100 р. и отослать их под Ярославль вместе с Холмогорской казной [3]). Однако, и в 1614 г. приходилось из Москвы напоминать Двинскому воеводе Пронскому о праве соловецкого м-ря на беспошлинный провоз на монастырских судах 100 т. пудов соли, а в 1615 году игумену Иринарху потребовалась подтвердительная грамота на этот льготный провоз [4]). В 1620 г. по челобитной игумена Иринарха, соловецкий м-рь был освобожден на 5 лет от уплаты и сторублевого взноса в Новгородскую четверть [5]).

---

[1]) „Иное сказание". Русск. Ист. Библ. т. XIII, стр. 106—107.

[2]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 167—175; Досиф. III, 70—83. Одновременно с просьбой о беспошлинном провозе 100 пуд. соли, челобитчики жаловались на то, что обложение пошлинами в Вологде монастырской соли происходит неправильно. Соляные рогожи, вместо 20—25 пудов действительного их веса, считаются таможенными головами и целовальниками по 30 пудов; соль, которая в продажу по одной цене не шла (продавалась она по 1 алт. 4 д., 2 алт. и 2½ алт. за пуд), окладывалась пошлиною в таможне вся целиком по одной высшей цене; при этом окладывалась пошлиною соль, даже не проданная еще. По уставной Вологодской грамоте, „весчее" платили покупатель и продавец вместе, с меха по 1 деньге, но таможенные головы и целовальники стали брать с покупателя и продавца по деньге с меха „врознь" (зн., 2 деньги с меха). Правительство сделало распоряжение „мехи и пуды и цену записывать в книгу подлинно" (ibidem).

[3]) Досифей III, стр. 88—91.

[4]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 233 об.233—236.

[5]) Мотивы для этого, изложенные в челобитной игумена Иринарха и признанные правительством основательными, сводились к следующему: 1) дороговизна хлеба м-рем, не имеющим собственной запашки, ощущается особенно заметно; 2) денежная казна (в сумме 5150 р.) истребована правительством В. И. Шуйского, посему м-рь не мог развивать соляное производство в прежнем размере; 3) с сокращением производства упала и соляная торговля, а это последнее повело за собою сокращение м-ских хлебных запасов; 4) однако, братии, служек, пушкарей затинщиков, стрельцов, мастеровых и всяких работных людей в соловецком „городе" и в Сумском остроге было больше 1 т. человек, да

Несколько позднее, в 1637 г., монастырские власти исхлопотали себе право беспошлинно провозить в Вологду 130 тысяч п. соли [1]). В 40-е годы XVII ст. беспошлинной монастырской соляной торговле стала грозить опасность с разных сторон. Во-первых, в это время обострилось отрицательное отношение посадских людей к так называемым „тарханщикам" особенно к патриаршим и монастырским торговым людям, во-вторых, сдавленное в тисках финансовой разрухи, Московское правительство вздумало своеобразно разрешить налоговую проблему, перенести всю тяжесть налогового пресса в область косвенных платежей. По подсказу, как думают современники, дьяка (бывшего гостя) Назарья Чистого, правительство решило заменить важнейшие прямые налоги повышенной пошлиной на соль, увеличив ее вчетверо. Специальная царская грамота от 18 марта 1646 года, прибавляя на всякий пуд соли по 2 гривны, гласит, что „иные мелкие поборы со всей земли и прежние соляные всякие пошлины и проезжие мыты указали мы везде отставить, и порухи вперед в соляной продаже никому не быть" [2])... Логика правительства в этом отношении была до крайности примитивна: соль нужна всем, следовательно, участвовать в платеже соляной пошлины будут все, по мере потребления ее. Однако, вскоре же пришлось убедиться в несообразности этого мероприятия. Дорогую соль стали покупать в меньшем количестве. Особенно это отчетливо можно проследить на развитии соляной торговли соловецкой вотчины... Пострадала от этой реформы беднота, для которой соль теперь стала таким же дорогим продуктом, как какое-нибудь „заморское" лакомство. Болезненно отозвалась соляная реформа 1646 г. и на соляных „тарханщиках", среди которых одно из первых мест занимал соловецкий вотчинник. В 1646 г. пуд продаваемой м-рем соли на общих основаниях был обложен пошлиной в 2 гривны [3]), но через 2 года пришлось оставить эту затею, сбавив пошлину до 1 алтына с пуда. С соловецкой вотчины приходилось, таким образом, 3900 р. (130000 пудов×6 денег (1 алт.) с пуда). Видимо, м-рь и с этим не желал согласиться, потому что правительству вскоре же пришлось „пожаловать" игумена Илью с братией и сложить 2 трети причитающейся пошлины. Следовательно, м-рь должен был уплатить 1300 р. соляной пошлины. Однако, и такая сумма показалась соловецким старцам неприемлемой, и правительству пришлось прибегнуть к весьма оригинальной мере. Соловецкий м-рь платил в Новгородскую четверть в Москве оброку и пошлин со своих вотчин и промыслов в Новгородском, Двинском, Каргопольском и Кольском уездах и соляных пошлин 658 руб. 33 алт. 1½ д. (558 руб. 33 алт. 1½ д.+100 р.). Теперь эти деньги должно было вносить в казну

у соляных промыслов соляных „промышленников" было более 700 человек—те и другие, как выражались челобитчики, „пьют, едят и носят... монастырское"; 5) в ограде монастыря собралось много беженцев из разоренных во время смуты поморских и корельских волостей и из лопских погостов, которым также монастырь выдавал продовольствие... 6) м-рь должен был содержать в боевой готовности соловецкий „город" и Сумский острог, а также стрелецкие гарнизоны в них; 7) должен был давать подводы в Москву и в Кольский острог, между тем, крестьяне монастырские были разорены.. (Досифей III, стр. 110—115). Все же, несмотря на вполне ясное разрешение вопроса в смысле полной свободы монастырской соли от каких бы то ни было пошлин, в 1621 г. игумену Иринарху пришлось хлопотать о соответствующей подтвердительной грамоте, а Двинскому и Вологодскому воеводам в течение всех „льготных" лет необходимо было напоминать об этих льготах (цит. рукоп. сборн. № 18, л. 288 об.—291, 292—293, 205—305, 305—306, 307—308.

[1]) Ibidem, л. 381—383; Досифей III, стр. 139—142.

[2]) Собр. Госуд. грам. и договоров .. т. III, № 124.

[3]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 381—383.

[4]) Чтобы м-рь не чувствовал разницы или к. л. перемены, пошлина должна была вноситься в той же Новгородской четверти и в том же порядке. т.-е „ежелеть".

уже не как оброк (вотчинами и промыслами м-рь должен был владеть „безоброчно"), а как соляную пошлину, которая, именно, в этом размере и устанавливалась для соловецкого м-ря [4]). Таким образом, принцип, чтобы „никому в соляной пошлине тарханами не быть", оказался выдержанным, но пришлось зато правительству поступиться в другой области, впрочем, с оговоркой, что это „иным монастырем не в образец". Правительство выговорило только одно ограничение, что если м-рь станет продавать соль сверх льготного количества (130 т. пудов), то с того излишка пошлина должна поступать на общих основаниях, т.-е. как со всех торговых людей [1]). Против последней оговорки м-рь, повидимому, не возражал, особенно потому, что сверх нормы—130 т. пудов—соли м-рь привозил в редких случаях [2]).

Несколько слов следует сказать относительно применения к соловецкому вотчиннику „пятинного сбора". Местные воеводы, напр., Каргопольский, намерены были взимать пятую деньгу с соловецких прикащиков, ведших здесь соляную торговлю, рассматривая их, очевидно, как обычных торговцев. Но сами соловецкие власти держались на свои торговые операции совершенно другого взгляда. Соляная торговля для них казалась заменою „вотчин", поскольку она давала монастырю возможность приобретать на рынке хлебные запасы. Правительство в центре склонно было поддерживать этот взгляд. Поэтому, сколько нам известно, даже в 1634 году, когда собирали пятую деньгу, по выражению одного оффициального источника, „со всей земли", соловецкий монастырь пятой деньги со своих соляных промыслов не вносил. Точно также освобожден он был от взноса этой 5-й деньги и в 1665 году [3]).

Закупая в большом количестве хлебные „запасы" в Вологде и Устюге, соловецкие прикащики, естественно, должны были столкнуться с правительственными агентами, производившими скупку хлеба для царской хлебной торговли. Для иллюстрации приведем случай, имевший место в Вологде в 1631 году. Вологодскому гостю Томиле Тороканову было поручено из Москвы покупать в Вологде и в уезде „на государя" рожь, ячмень, пшеницу, крупу гречневую, просо, овес и семя конопляное. Купленный хлеб Томило должен был складывать в амбары и затем отправлять в Архангельск и продавать „немцам". Амбары для ссыпки хлеба и суда для перевозки его в Архангельск названный гость должен был приобретать на казенные деньги. В Вологде и произошло недоразумение между Томилой Тороканковым и соловецкими прикащиками Паисием и Илларионом. Последним, по данной им из монастыря инструкции („росписи"), нужно было купить для монастырского обихода 10 тысяч четвертей ржи, 2 тыс. четвертей овса, 2 тыс. четвертей ячменя, 300 четвертей пшеницы, 600 четвертей овсяных круп, 400 четвертей ячменных круп, 200 четвертей гороху, 200 четвертей семени конопляного, 200 четвертей толокна, 200 четвертей ядрецу на толокно, 100 четвертей гречневой крупы, 12 четвертей проса и т. д. Томило, заинтересованный в выполнении возложенного на него поручения, естественно, пожелал устранить своих конкурентов и, как жаловались соловецкие старцы,—„хлебных всяких запасов покупать сполна не давал им". Кроме того, он приехал

---

[1]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 19, стр. 30—37; Досифей, III, стр. 149—155.

[2]) Об этом см. выше. Действительно, такую „соляную алтынную пошлину" соловецкий монастырь позднее и платил. Иногда приходилось вносить ее не в Москве, а в Вологде. Напр., в 1653 году, „по государеву указу и по грамоте", монастырский прикащик в Вологде внес государевой хлебной закупки купцу гостинной сотни Ивану Усову 500 рублей „соляной алтынной пошлины".

[3]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 19, стр. 197—201.

на монастырский двор и, осмотрев монастырские амбары и суда, велел старцам очистить их, ссыпать туда „государев“ хлеб, а весною отвести его на их же монастырских дощаниках в Холмогоры. Загородное „канатное“ место, принадлежавшее монастырю, где обычно старцы складывали судовые снасти, Томило „огородил“ и велел там строить амбары для государева хлеба, хотя, по словам вологодских монастырских прикащиков, в Вологде были и другие „порожжие“ места, где можно было бы ставить амбары. Наконец, он поставил на государево судовое дело мастеров, нанятых соловецкими старцами для постройки монастырского дощеника. По жалобе в Москву Паисия и Иллариона, Томиле Тороканову было приказано не препятствовать соловецким старцам покупать разные годовые запасы на монастырь и складывать их в свои амбары; мастеров от монастырского дела отвлекать было запрещено. Но вместе с тем предписано было „накрепко“ наблюдать, чтобы монастырские прикащики, крестьяне и всякие люди „немецким гостям“ и торговым людям и их „уговорщикам“ (факторам или агентам), которые закупали хлеб „на немцев“, никакого хлеба не продавали под угрозою заключением виновных в тюрьму и конфискацией в казну отобранного у них хлеба [1]). Торговали ли с „немецкими“ гостями соловецкие старцы хлебом, провозя беспошлинно в Холмогоры громадное количество монастырских запасов, мы не знаем. Наши источники не позволяют делать каких-либо определенных выводов по этому поводу. Цитированное правительственное распоряжение, сопровождающееся угрозой, могло иметь значение стимула, предостерегающего от преступления. На том основании, что в источниках мы нигде не встречали к.-л. даже отдаленных намеков на хлебную торговлю соловецких прикащиков с иноземцами, предполагаем, что ее не было, иначе аккуратные старцы-прикащики обмолвились бы о ней так или иначе.

Для доставки купленного хлеба в Холмогоры и в Архангельск правительственные агенты брали имеющиеся в Вологде частные насады и дощаники, не всегда считаясь с тем, что они необходимы их владельцам, иногда без всякого вознаграждения последних. Получалась своеобразная подводная повинность, от которой не было свободным и соловецкое монастырское подворье в Вологде [2])

Хлебные „запасы“ на монастырский обиход соловецким прикащикам приходилось закупать не только в Вологде, но и в Устюге, Тотьме, Костроме, Галиче и в др. городах, Как при продаже соли, так и при покупке хлебных запасов, остро стоял вопрос о праве монастыря закупать хлеб в таком большом количестве (при существовании царской монополии на хлебную торговлю), а так же об уплате пошлины в казну при провозе хлеба домой. В 1602 г. на Вологде Захарий Безобразов не позволял соловецким прикащикам закупать для монастыря хлеб (одной только ржи требовалось закупить 7—8 тысяч четвертей); также и в других городах и пунктах (Устюге, Костроме, Ярославле, в Галичском уезде и Бежецком верху) приказные люди без царских грамот препятствовали

---

[1]) Цит. рукоп. сол. сбор. № 18, л. 335, об. 338.

[2]) В 1650 г. монастырские власти жаловались в Москву на то, что торговые люди Черкасов и Белозерцев взяли под государев хлеб все 9 имевшихся в Вологде монастырских дощаников. Между тем необходимо было доставить из Вологды в Холмогоры монастырские припасы: 7769 четвертей хлеба, кроме масла, меду, воску, пеньки, и пряжи—для чего нужно было 6 дощаников. Монастырская администрация соглашалась отдать под казенный хлеб 3 дощаника, оставляя за собою 6. Ходатайство монастырских властей было удовлетворено, при этом названным торговым людям было предписано, чтобы „провоз“ (т.-е. плата за доставку в Холмогоры и Архангельск казенного хлеба) был выдан монастырю по существующейн орме (с четверти по 10 денег). Цит. рукоп. м. сол. сборн. № 19, стр. 40—59.

покупать хлебные запасы для монастырского обихода [1]). Нужны были специальные царские грамоты (вызванные многочисленными жалобами соловецких игуменов и архимандритов), чтобы дать возможность соловецким прикащикам провезти „беспошлинно" в монастырь закупленные запасы [2]).

Как Вологда, так и Устюг в хозяйственной жизни соловецкой вотчины играли видную роль. Естественно, монастырь постоянно стремился к тому, чтобы прочнее обосноваться в том и другом городе. В 1541 г. монастырский двор в Вологде, несомненно, уже существовал [3]). В 1594 г. он выгорел от неосторожного обращения с огнем соседних жителей. Это обстоятельство дало повод соловецким старцам просить о расширении подворного участка под новый двор, чтобы избежать скученности построек. Просьба их была выполнена, и новый двор был построен [4]). Однако, долго пользоваться им соловецким старцам не пришлось. Ввиду выгодного (близкого к пристани) положения его, двор этот был взят в казну, а монастырю было отведено взамен его новое место, дальше от пристани и меньшее по размеру. Тогда монастырский прикащик к этому „отведенному двору" прикупил еще 130 сажен вдоль и 46 сажен поперек—бобыльских черных дворовых мест, которые в 1595 г. были специальною царскою грамотою „обелены" [5]). В период смутного времени, когда в 1612 г. Вологда была взята и разрушена польско-литовским отрядом, был истреблен огнем и соловецкий монастырский двор. Пожар уничтожил каменную „палатку" с солью и со всем продовольственным запасом Вологодского монастырского подворья. Погибли от огня и 6 насадов и 3 дощаника со всеми судовыми принадлежностями [6]). Бойкий торговый город, славившийся своими каменщиками и кирпичниками, быстро оправился. С какою то лихорадочною поспешностью обстраивается и соловецкий монастырский двор [7]). В 1643 г. городской пожар вновь испепелил монастырский двор и соляные амбары. Пострадали находившиеся там 169 рогож соли: 61 рогожа совершенно превращена была в пепел, а 108—сильно обгорели, но все же были потом проданы, хотя и по сниженной цене. Теперь уже монастырь стремится соорудить на своем Вологодском подворье каменные постройки, и хлопочет пред правительством о беспошлинном провозе для этой цели извести и бутового камня. Подворье снова обстроилось. По большей части деревянный и немноголюдный город в XVI ст., в половине уже XVII в. Вологда казалась англичанам большим, многолюдным городом, изобиловавшим каменными домами [8]). В XVI—XVII ст. в Вологде сконцентрирована была льняная торговля, в значительной степени интересовавшая английских купцов, заведших во второй половине XVI ст. в Холмогорах первое прядильное канатное производство [9]). С легкой руки англичан канатное производство было усвоено некоторыми русскими предпринимателями. У соловецкого монастыря „вопче" с монастырем Прилукским во второй половине XVII в. в Вологде была прядильня, при которой находились 3 амбара со всякими

---

1) Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 156—157; л. 421 об.—422.
2) Ibidem, л. 102—103; 221 об.—222 об., л. 223—224; л. 247—248; л. 384; л. 388—390 об., 392—393; 396 и др. ibidem, № 19, стр. 113—118.
3) Досифей, III, стр. 7.
4) Цит. рукоп. сбор. № 18, л. 133 об.—135.
5) Цит. сол. рукоп. сборн. № 18, л. 136 и об.
6) Ibidem, л. 230—232.
7) См. приходо-расходные книги Вологодского сол. подворья за 121 г. (сол. арх. Дела Вологодского подворья).
8) Костомаров. Очерк торговли Московского государства. СПБ, 1889 г., стр. 90—91.
9) Ibidem, стр. 249.

прядильными принадлежностями. В конце XVII в. очень деятельный монастырский приказчик в Вологде Евфимий завел прядильню и трепальню на самом монастырском дворе [1]). В самом городе, в Вологодском кремле соловецкий монастырь во 2-й пол. XVII в. имел 3 своих „осадных" двора с огородною землей; в них обитали монастырские дворники. В разных других местах города, на монастырской земле, в 5 дворах обитало 5 бобылей; 1 двор находился на так наз. пречистенском берегу, где также проживал дворник, обычно кто нибудь из посадских людей. В разных местах Вологодского уезда, по рекам Вологде, Змейце, Верхней и Окольной Сухоне и возле Молотовского озера во второй пол. XVII в. монастырь владел 20-ю пожнями, которые обычно сдавались в аренду за плату в разные годы от 52 р. 3 а. 2д. до 57 р. 3 а. 2 д. ежегодно. Вологодское соловецкое подворье располагало значительными денежными средствами. Сюда „для судового ходу" высылались деньги из монастыря; „про Вологодский дворовой обиход" расходовались деньги из соляной выручки; был у подворья и свой личный доход в виде всевозможных вкладов, (иногда очень значительных [2]), оброчных денег с монастырских пожень в Вологодском у. и т. д. Материальные достатки давали возможность Вологодским монастырским прикащикам развернуть ссудные операции. Например, в 1682 г. в монастырском сундуке в Вологодском соловецком подворье находилось кабал на 1863 р. 28 а. 1/2 д.; в 1687—8 г. кабального и бескабального долга за разными лицами числилось уже 1100 р. 14 а. 2 1/2 д.; в 1692 г. такого кабального и бескабального долга за разными лицами было уже 1945 р. 30 а. 4 д. [3]). Очень рано соловецкий монастырь желает обосноваться и в Устюге Великом. Важное значение последнего, как бойкого узлового пункта, поддерживалось торговлей мехами, которая велась здесь исстари. По Вычегде и Двине из отдаленной Югры, Печеры и Перми, по свидетельству Иовия, в Устюг доставлялись меха в обмен на хлеб и другие продукты, поступавшие из Белоозера через Кубенское озеро [4]). Отсюда товары развозились и к русскому центру и через Холмогоры за границу. Сначала монастырь не имел в Устюге своего двора, а снимал („наймовал") дворы у посадских людей; в этих дворах монастырские прикащики и складывали закупленный в уезде для монастырского обихода „хлебный" и „всякой запас" вообще. В 1584 г. монастырь получил в Устюге дворовое пустое место и место для судовой пристани. Несколько позднее, в 1589 г., монастырь купил у посадских людей по р. Сухоне, между церквами Никольской и Дмитриевской 5 пустых дворовых мест по 5 сажен каждое. Таким образом, за соловецким вотчинником в Устюге по р. Сухоне оказалась площадь, на которой уже можно было возводить постройки. Устюжская городская администрация отрицательно отнеслась к новому поселенцу и, очевидно, делала попытки заподозрить юридическую правильность совершенного акта. В 1590 г. соловецкому игумену приходилось обращаться с жалобой в Москву на устюжских приказных людей. Правительство в это время относилось к соловецкому вотчиннику особенно благожелательно и по-

---

[1]) Но, видимо, это дело в монастырском хозяйстве не привилось, так как монастырский прикащик в Вологде вплоть до самого конца изучаемого нами периода вынужден был нанимать канатного мастера для надобностей монастырских судов.

[2]) Напр., стольник кн. Мих. Вас. Львов дал „вкладом" 200 руб. денег (сол. арх. приходо-расх. книги Вологодской службы 169—173 г. Ср. „Вкладные книги" 170—171 г.г. ibidem).

[3]) Ibidem. „Книги соловецкого монастыря Вологодской службы отводные 7200" (1692 г.).

[4]) Ключевский. „Сказания иностранцев о Московском государстве". „М. 1916 г., стр. 231; Костомаров. „Очерк торговли Московского государства", цит. соч., стр. 7—9.

этому, не только утвердило покупку, но и „придало“ к ней еще 5 сажен площади [1]). Еще в конце XVI ст. монастырь имел в Устюге в рыбном ряду лавку и одно лавочное место. В 1600 году устюжанин посадский человек Аникей Михайлов сын Рандин присоединил свое „порожжее“ лавочное место к соловецким местам. Объединенные лавочные места были разверстаны на 3 равные части таким образом, что 2 приходились на долю монастыря, а остальная—Рандину. Так как лавочное место Рандина было значительно больше соловецких, то, после разверстки, в пользу монастыря отошло 10 вершков рандиновского лавочного места. Лавки были отделаны и приведены в надлежащий вид на монастырские деньги, а Рандин д. был уплатить следуемую с него часть денег на эти расходы. В 40-х годах XVII ст. за соловецким монастырем в Устюге было уже 3 лавки, а в 50-х годах—четыре лавочных места. Здесь же в Устюге, на некотором расстоянии от посадских дворов (10—15 сажен) находился монастырский амбар для хранения соли, выгружаеоый здесь „для малой воды“ с направляющихся к Вологде дощаников. В течение всего затронутого нами периода времени соловецкий монастырь чувствовал себя в Устюге прочно, энергично отстаивая свои права не только от посягательств посадского населения, но и других монастырских организаций, напр., Никольского Прилукского монастыря. В ведении Устюжского прикащика находились монастырские деревни в Устюжском уезде вкладные и покупные: Новинки, Аврамовская, Прислоны и Синящина; с них монастырь платил государева оброку ежегодно 89 руб. 21 алт [2]).

Глава пятая.

Как ни представляется значительным количество хлебных запасов закупавшихся „про монастырский обиход“ соловецкими прикащиками в Вологодском и Устюжском уездах, однако, для прокормления большого числа братии, служебников, многочисленных работных людей и, наконец, стрельцов, купленных продуктов было бы недостаточно, если бы монастырь не имел своего земледельческого хозяйства [3]). Сетования соловецких старцев на то, что соловецкий-де монастырь—„место не вотчинное“, пашень у него „никоторых нет“, и „кормятца они своими труды, что уварят соли“—могут считаться справедливыми только с той стороны, что соляное производство и соляная торговля являлись жизненной артерией в системе сложного хозяйства соловецкой вотчины, а не земледелие. Более соответствующею действительности будет фраза одной правительственной грамоты (правда, более позднего происхождения: от 1693 г.), предоставляющей сол. монастырю льготу в платеже стрелецкой подати: „соловецкий монастырь—место разоренное и от иных многовотчинных монастырей во всем отмененный, потому что пахотных земель самое

[1]) Цит. рукоп. сол. сбор. № 18, л. 101—102, 108—109.

[2]) Сол. арх. Дела Вологодского подворья. „Книги прихода и расхода соловецкого монастыря Вологодской службы 168—169“ (1660—1661) г.г.

[3]) Напр., хлебных запасов и всяких товаров для монастырских надобностей было куплено в Вологде в 1623 г. на 5380 р. 5 а., в 1624 г.—4778 р. 7 а. 5 д., в 1625 г.—4977 р. 23 а. 1 д., в 1640 г.—6965 р. 4 а. 3 д., в 1641 г.—8620 р. 32 а. 4 д, в 1650—11075 р. 4 а. 1½ д., в 1651 г.—8072 р. 8 а. 1 д, в 1652 г.—8384 р. 12 а. 3½ д., в 1653 г.—7754 р. 9 а. 3½ д., в 1654 г.—8334 р. 21 а. 2½ д., в 1655 г. 10865 р. 18 а. 3½ д., в 1666 г.—9990 р. 17 а., в 1667 г.—10570 р. 16 а., в 1688 г.—4464 р. 30 а. 3½ д., в 1690 г.—5148 р. 6½ д. и т. д.

малое число..., п. что страна студеная и каменистая". В данном случае правительственная грамота сравнивает соловецкий монастырь по размерам земледельческого хозяйства, с другими монастырями: Кирилло-Белоозерским, Троице-Сергиевым и т. д. Конечно, собственное земледельческое хозяйство последних вотчин было во всех отношениях неизмеримо выше, чем в вотчине соловецкой. Но наличие „орамые" земли в составе угодий соловецкого монастыря отмечается памятниками весьма раннего времени: „страдомые" деревни наших источников мы находим возможным считать ведущими земледельческое хозяйство. По мере территориального роста соловецкой вотчины, ростет и площадь собственной монастырской запашки. Можно достаточно отчетливо заметить, что уже в первой половине XVII в. монастырь проявляет исключительную заботливость о приобретении того, что на своем языке он называл „вотчинами", т.-е. земледельческих угодий. Для такого рода колонизации у соловецкого вотчинника были вполне основательные мотивы. Во-первых, именно в этом направлении, к русскому центру, теперь могла развиваться монастырская колонизация после освоения почти полностью всего Беломорского края. Во-вторых, состояние соляной промышленности в это время стало внушать некоторые опасения ввиду „оскудения" лесов и вследствие правительственных ограничений прежних торговых привиллегий. Наконец, закупка хлеба и других продовольственных запасов для монастыря наталкивалась на невольную конкуренцию со стороны правительственных агентов, закупающих хлеб для царской хлебной торговли.

Прежде, чем говорить о состоянии земледельческого хозяйства в соловецкой вотчине, следует заметить, что земледельческие угодья последней были разбросаны в разных районах с совершенно неодинаковыми климатическими и почвенными условиями. Поэтому независимо от исследователя картина земледельческого хозяйства на территории соловецкой вотчины приобретает несколько мозаичный характер. Мы не хотим этим сказать, что в ведении земледельческого хозяйства соловецкий монастырь не проявлял столь своейственной ему экономической планомерности и расчетливости. В отсутствии хозяйственной энергии в чем бы то ни было администрацию соловецкой вотчины меньше всего приходится упрекать. Если мы станем детально знакомиться с писцовыми, переписными и дозорными книгами, составлявшимися по соловецкой вотчине, то нам, прежде всего, бросится в глаза необычная заботливость соловецких старцев по организации в своих волостях земледельческого хозяйства. Все земли, годные для земледельческой эксплоатации в вотчинах соловецкого монастыря или распределялись между крестьянами, или же отводились под монастырскую запашку. Для этой последней цели в XVII в. монастырь широко пользовался институтом половничества. Что касается системы земледелия в соловецких волостях, то, применительно к традиционной терминологии, ее в некоторые годы и для некоторых волостей следует назвать переложною, в силу значительного преобладания перелога над пашней. Однако, вполне точного подсчета количества запахиваемой и переложной земли за одни и те же годы по всей соловецкой вотчине, при настоящем состоянии наших источников, мы дать не можем. Земледельческое хозяйство соловецкой вотчины пережило полную превратностей и серьезных потрясений историю. Изучать и выяснять соотношение между пашней и перелогом, „паханной" землей в „живущем" и лежащей в „пусте" приходится по отдельным волостям и год за годом, помимо общих экономических факторов, вскрывая и местные и привходящие причины того или другого явления. С системой земледелия мы не смешиваем системы севооборота. При переложной системе в „вотчинах" соловецкого м-ря

еще в XVI в. существовал трехпольный севооборот. На трехполье наши источники указывают неоднократно [1]). На почве же трехпольного хозяйства, как справедливо отметил это в свое время И. Н. Миклашевский, мог возникнуть прием счисления земель в трех полях [2]), когда измерению подлежало только одно поле, чаще всего паровое, как свободное от посева, а остальные два поля писцы писали по смете и сказке населения. Разумеется, такой прием значительно облегчал и упрощал работу писцов, но он мог вводить в писцовые книги ряд неточностей [3]).

В качестве окладной единицы в соловецкой вотчине чаще всего применяется обжа. В исторической науке неоднократно предпринимались попытки выяснить сущность этого термина [4]). Положительным результатом

[1]) Из одной купчей от 7065 (1557) г. узнаем, что Иван Яковлев сын Векшин продал старцу Мосею соловецкого монастыря Владыченскому прикащику свою четверть Антоновской деревни со всем угодьем селным, с двором, дворищем с дворовым и со всем угодием и с лешими ухожаями и с водяными ловищами, с путики. притеребы, с рожью и с ярью, чем он сам владел (сол. арх. Купчие, дарственные и др. грамоты от XVI в.). Целый ряд памятников XVI—XVII в. свидетельствует, что главными хлебами в волостях сол. монастыря были: озимая рожь и яровые хлеба—овес и ячмень, а для озимой ржи необходим был пар...

[2]) „К истории хозяйственного быта Моск. госуд." ч. I, м. 1894 г., стр. 39.

[3]) С. Веселовский. „Сошное письмо", т. II. М. 1916 г., стр. 364—365. Наказ, данный из Поместного приказа Ф. Пушкину и подъячему А. Строеву для описания Московского уезда в 1626 г предписывает между прочим, чтобы писцы строго держались узаконенной десятинной меры, расчитывая десятину в длину 80 сажен, а поперек 30 сажен. Для точности измерения обычно изготовлялись специальные веревки: „длинная" 80 сажен и „поперечная" 30 сажен Вымеряться должно было одно поле, а в остальных двух полях предписывалось „смечати и, выпрашивая и сыскивая накрепко по тому же писати"... „Акты писцового дела". (Чт. в общ. ист. и древн. 1913 г., кн. III, стр. 423—438).

[4]) Исходным пунктом при разрешении вопроса относительно обжи служил рассказ II Софийской летописи под 6986 годом. „Князь великий велел с ними (новгородцами) боярам говорити о дани... велел въспросити. что их соха. И они сказали: 3 обжи соха, а обжа один человек на одной лошади орет; а кто на трех лошадех и сам третей орет, ино то соха. И князь великий захотел взяти с обжи по полугривне" (П. Собр. Р. лет. т. VI, стр. 217). В. И. Сергеевич и полагал, поэтому, что „все хозяйства с одной лошадью, сколько бы земли они не обрабатывали, — составляют обжу". (Древн. Русск. Прав., III, стр. 268; ср. „Лекции и исследования по истории русского права". СПБ., 1883 г., стр. 433) П. Н. Милюков, указывая на разнообразие и неравенство по числу четей окладных единиц в Моск. Руси XVI в. говорит, что эти окладные силы измерялись количеством рабочей силы" (спорные вопросы.., цит. соч., стр. 45). По мнению В. Владиславлева, „обжи — податная пашня условных размеров". При отсутствии однообразных принципов обложения, более или менее удовлетворительных, писцы д. были на месте, на глаз соображать все условия налогоспособных отдельных хозяйств и, занося некоторые статьи, например, число дворов, людей, коробей ржи и копен сена в опись, остальными руководиться лишь при подведении под обежный счет, в виде увеличения или уменьшения числа платежных пахотных единиц". Это называлось — „положить в обжи". („Обжа", журн. Мин. Нар. Просв. 1892 г. август, стр. 231). Условный размер признает за обжей и И. Н. Миклашевский. утверждая, что писец, при исчислении обеж, мог принимать во внимание разнообразные обстоятельства, но все же руководствоваться он д. был данными ему нормами. Размер такого типического хозяйства, по мысли И. Н. Миклашевского зафиксирован еще в тексте летописи и др. древних памятников („Древне-русские поземельные кадастры". цит. соч., стр., 13—14). С. Веселовский полагает, что хозяйства положены в обежное тягло по силам, т.-е. принимая во внимание местные особенности облагаемой хозяйственной единицы, с другой стороны, учитывая различные признаки зажиточности и тяглоспособности, напр., семейный состав хозяйств, размер запашки, количество земли и угодий вообще, промыслы и т. д. (Сошное письмо, цит. соч. т. II, стр. 345—346). Уже в недавнее время попытка заново пересмотреть вопрос относительно древне-русской обжи предпринята была проф. В. Д. Грековым. Названный автор, после кропотливых своих розысканий, приходит к выводу, что обжа, не являясь единицей измерения, была окладною единицей. Содержание ее зависело от местных условий и в „принципе должно быть разнообразным количественно и качественно". В основе обжи, по мысли проф. Б. Д. Грекова, лежит соотношение количества рабочей силы (человеческой и живого инвентаря) к эксплоатируемой природе, прежде всего к „пашне"; такое соотношение для каждого данного места имеет свою „естественную устойчивость". („Что такое „обжа?" Известия Академии Наук 1926 г. VI серия № 10—11, (стр. 1017—1040; № 13—14, стр. 1229—1252).

от всей этой проделанной работы можно считать то, что более или менее точно устанавливается условность и разнообразие содержания понятия „обжа". Мы вполне согласны с проф. Б. Д. Грековым, что источники, касающиеся хозяйственного быта соловецкой вотчины проливают свет на этот загадочный термин и искренно сожалеем, что не все они были нами использованы [1]). Попытаемся выяснить, в каком смысле „обжа" применялась в соловецкой вотчине. Составители писцовых книг по соловецкой вотчине старцы Илья и Спиридон, переписывавшие Сумскую волость в 1611 году, говорят, что пашенной земли они клали на обжу в длину 126 сажен, а поперег по 32 сажени [2]). Но из позднейших писцовых книг мы узнаем, что земельная площадь 126×32 саж. не везде шла за обжу. В писцовых книгах по Сумской волости письма и дозору старца Ефрема Квашнина, да старца Ильи Псковитина за 149 (1640) г. читаем, что они в самой Суме клали „пашенные земли на обжу в длину 126 сажен, а поперек 32 сажени... а морские пожни и теребы писали именно, где которово лука пожни по морскому берегу и по островам и сколко в котором луку станет сена и что доведетца на обжу, а по старине у них лук словет 2 обжи, а теребового сена довано по 6 возов на обжу... а деревенские полевые пашинные земли положено против сумсково вдвое на обжу: в длину 126 сажен, а поперег 64 сажени, потому что в деревнях за крестьянами луковых згодей морских сенных покосов нет"... Еще позднее, в 1661 г. в писцовых книгах старца Варсонофия по той же Сумской и нек. др. ближайших волостях фигурирует так называемая „круглая" обжа, которая составляла площадь пашенной земли в длину 63 сажени и поперек $61^1/_2$ сажени; „полевого" сена на такую тяглую обжу ставилось 24 воза; с морских пожень шло по 40 возов, да „лешего сена теребовых покосов" 6 возов; всего, следовательно, в полях на море и на теребах выкашивалось на обжу по 70 возов сена [3]). Из приведенных данных достаточно авторитетных источников с непререкаемою очевидностью вытекает, что: 1) площадь пашенного угодья, составлявшая обжу, была по своим размерам не одинаковою, в одни и те же годы и в одной и той же волости; 2) с сокращением этой площади соответствующим образом увеличивались сенные угодья и наоборот. Тем более не соответствовал друг другу размер пашенной площади, включенной в обжу, в разных волостях. Напр., в 1562 г. в волостке Поле в обжу положено было середней земли 12 четвертей, худой 14 четвертей и сена по 30 копен [4]), в том же году в Лямецкой волостке на обжу полагалось „середней" земли по 20 четвертей и по 30 копен сена; в Пурнем-

[1]) Не все писцовые и переписные книги по соловецкой вотчине мы смогли розыскать, напр., не могли мы воспользоваться писцовой книгой старцев Ильи и Спиридона от 1611 г. Несколько списков писцовых и дозорных книг оказались совершенно разбитыми и полуистлевшими. Когда сам архив находился в Пермском государственном музее в 1924 г. несколько подмоченных ящиков его было распаковано для просушки. Тогда же нами были сделаны выписи из наиболее сохранившихся списков. Но затем сол. архивный фонд стал перебрасываться сначала из одной комнаты в другую, а позднее был переведен даже в другое помещение (находящееся в ведении Окрархива). Во время этих перемещений разложенный в порядке материал снова был расположен по ящикам не по принципу содержания и хронологической последовательности. Во время отправки архива в Москву, отыскать нужный материал для того, чтобы расставить более точные цитаты, нам не представилось возможным. Сознаем этот значительный пробел своей работы.

[2]) Известия Акад. Наук. 1926 г. VI серия № 10—11, стр. 1031.

[3]) Но в таком виде обжа была только в самом Сумском посаде, в деревнях (Лапинской, Сумоостровской и Гендопоге), где земля была хуже и сенных покосов не было, обыкновенная обжа равнялась 126 саж. в длину и 64 саж. в поперек, а „круглая" обжа составляла площадь 90×90 саж.

[4]) Сол. арх. „Список с сотные Никиты Яхонтова с товарищи на волоску на Поле, что на Кодине реке"...

ской (соседней) волостке пашенной земли на обжу шло 12 четвертей и 13 копен сена, в Нижмоозерской волостке обжа заключала в себе: пашенной земли 12 четвертей и 30 копен сена [1]). Таким образом, для того, чтобы „положить в обжи" тяглые участки писцу приходилось проделать довольно сложную работу, „смечая гораздо накрепко", как качество земли, так и наличность дополнительных угодий, гл. обр., сенных покосов [2]). Принималась ли в расчет живая человеческая сила в том или другом хозяйстве при разверстке обеж? Думаем, что нет. Если иногда, при сохранении размеров угодья, сокращается количество тяглых обеж, то это происходит не в силу убыли населения, а вследствие потери платежеспособности и разорения населения данной волости. Правда, последнее обычно сопровождается сокращением и живущих дворов. Что достаток крестьянского двора принимался в обежный расчет, это видно из того, что в обжи клали писцы и посадские дворы. Напр. в 1587 г., „писавший" Ненокоцкое усолье кн. Вас. Звенигородский на обжу полагал 5 дворов лучших, 7 дворов середних и по 10 дворов молодших [3]).

Как верно подметил еще В. Владиславлев, в начале XVII в. обжа в некоторых районах русского севера сменяется „вытью", унаследовавшей почти все свойства своей предшественницы [4]). В 1615 г. в Турчасовском уезде на выть положено было: доброй земли 12 четей, середней 14 четей, худой 16 четей. Но наряду с вытным расчетом в этом же уезде и в том же году „по государеву указу" был введен и сошный счет, по которому „против московских сох" было положено в соху доброй земли 800 четей, середней 1000 четей и худой 1200 четей [5]). До того времени в Беломорских волостях соловецкой вотчины наблюдалось крайнее разнообразие окладных единиц. Даже расчет угодий по сохам каждый раз нуждался в специальных комментариях писца. Мы знаем, что в соловецких волостях счет тягла велся очень часто и по московским сохам и новгородским сошкам. Это две совершенно различные величины. Московская соха обычно заключала в себе 30 луков, следовательно 60 обеж, так как мы знаем, что „лук слыл по старине 2 обжи"; новгородская сошка равнялась 3 лукам, или 6 обжам. Соответственно с этим платился и оброк. В Шуерецкой волости в 1569 г. с московской сохи поступало оброку ежегодно по 10 рублей, а с новгородской сошки только по 1 рублю [6]). Для разверстывания морских пожень и угодий применялся обычно лук.

Остановим свое внимание на отдельных, наиболее характерных моментах состояния земледельческого хозяйства в соловецкой вотчине. В 1555 г., как в свое время мы упоминали, к соловецкому монастырю перешла Сумская волость. „Отказная" на Сумскую волость насчитывает в последней 78 обеж земли и 25 деревень и 1 починок, но отмечает, вместе с тем, в ней 14 пустых дворов. Крестьян во всех 33 деревнях названо по

---

[1]) Ibidem, „Список с сотные Каргопольских книг письма Никиты Григорьевича Яхонтова 7070 г.".

[2]) При раскладке угодий в обжи принимались во внимание и огороды, напр., в писцовых книгах старца Варсонофия 7169 (1661) года, в перечне тяглых дворов Сумской волости находим такую запись: „двор Василей, да Козма Ивановы дети Власова; тягла пол чети, дворовые земли под ними мерою в длину 13 сажен, в ширину 5 сажен, на берегу у них анбарец. Жилое поле за двором Устиновское ж, в длину 32 сажени, в ширину 20 сажен, и того полтрети обжи, а дано им за пол чети, для того, что у них огородца нет".

[3]) Ibidem, „Сотная из писцовых книг кн Василия Звенигородского с товарищи".

[4]) „Обжа" (Журн. Мин. Нар. Просв. 1892 г., август, стр. 239)

[5]) Сол. арх. „Список с дозорных книг Семена Языкова, да подъячего Семена Осокина 7123 г.".

[6]) Ibidem, „Книги Шуерецкой волости письма Семена Васильева сына Корскова, да подъячего Никифора Семенова лета 7077".

имени 91 человек и 3 „непашенных“ бобыля [1]). Запустение Сумской волости, отмеченное нашими источниками еще в 1555 году, развивается и в дальнейшее время. В 1583 г. в Сумской волости были те же 25 деревень, но из них 2 деревни были пустыми; кроме того, писец (Андрей Вас. Плещеев) отметил в это время в Сумской волости и 3 пустоши (некогда бывшие деревнями). Крестьянских живущих дворов насчитывалось 62, а пустых 35. Бобыльских дворов оказывается уже 12, в том числе 8 дворов названы „непашенными бобыльскими дворами“. Несмотря на то, что Сумский посад рано приобрел торговое значение, сохранив его и в последующее время, в 1583 г. была в упадке здесь и торговля. Писцовые книги называют в Сумской волости только 4 двора торговых людей, но попутно отмечают пустых 10 лавок и „анбарцов“ [2]). Запустение Сумской волости,—едва ли не главный мотив, побудивший правительство передать эту волость сначала „безоброчно“, а потом на оброк соловецкому монастырю, сопровождалось расстройством крестьянского хозяйства в этой волости. Поскольку местное крестьянское население сидело на оброке, монастырь вотчинника был заинтересован в аккуратном поступлении этого оброка. Для этого монастырь периодически производил переучет и переоброчку волостных угодий среди наличного крестьянского населения. Имущественная дифференциация крестьян Сумской волости в это время выявляется довольно отчетливо, особенно если обратить внимание на распределение между ним соляных угодий. Последние не шли в счет обежных угодий, но можно заметить, что чем сильнее было крестьянское хозяйство, тем большею долею в црене оно в состоянии было пользоваться. В 1594 г. 40 лиц—из них почти все крестьяне (за исключением священника Абросима)—владели разными долями $12^{3}/_{8}$ црена. Самая высшая доля в соляном угодьи—$^{3}/_{4}$ црена; такая доля была за названным священником Абросимом и его братом; земельных угодий за ними было $1^{1}/_{2}$ обжи. Зажиточный крестьянин имел пол обжи земельных угодий, да „промышлял“ полуцреном. Чаще встречаются такие хозяйства: пол обжи земли и треть црена. Крестьянин среднего достатка пользуется третью или половиною обжи земли и четвертью црена. Были и более мелкие доли. Прошка Кузнец пользовался пол обжей земельных угодий и четвертью црена „вместе с товарищем“. Стефан Лутков с братом владел половиной обжи земли и $^{3}/_{8}$ црена. Алексей Пуляев владел $^{1}/_{6}$ долей обжи и $^{1}/_{8}$ долей црена. Бурко Тимофеев и Андрей Попов каждый владел $^{1}/_{4}$ обжи земельных угодий и $^{1}/_{6}$ долей црена. 24 человека сумских волостных крестьян соляными промыслами не владели; между ними было разверстано $8^{1}/_{8}$ обеж земельных угодий: целою обжею владели только 2 крестьянина (Василий Рогуев с братьями да Третьяк Кладник), по пол обжи земельных угодий числилось за 8 крестьянами, треть обжи была только у 1 крестьянина, четверть обжи у 5 крестьян, шестая часть обжи была за 1 крестьянином и на осьмине обжи сидели 7 крестьян. Всех обеж в живущем было 29, да „в пусте“ 22 обжи. Следует отметить сенокосные угодья, или так наз. „морские пожни“. Обычно сумские прикащики отдавали их „на бразгу“ разным лицам. Кому именно? „Бразговали“ крестьяне разного имущественного достатка. Крестьянин Федор Сергеев (за ним числилась половина тяглой обжи и четь црена „промысла“)—взял в Розмострове остожицо Парфеева лука (за 4 д.); он же брал „на бразгу“

---

[1]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 43 — 48, 160 — 167; ср. „Копия с отказной на волость на Суму з деревнями и со всякими згодьи и со крестьяны в вотчину за соловецкой монастырь отделу подъячего Степанца Калитина 7064 году“....

[2]) Сол. арх. „Список с выписи из писцовых книг письма и дозору Андрея Вас.“.

и теребки. Семен Проскурицын, имевший пол обжи и треть црена вместе с Игнатьем Юрьевым (за ним была четь обжи и четь црена), Терентьем Прытким (четь обжи и четь црена), да с названным уже Федором Сергеевым взяли на „на бразгу“ 1 1/2 чети обжи в Куноручью Парфеева лука. Но „бразговали“ свободные луки и менее зажиточные крестьяне. Напр., Мишка Курицын, имевший только осмину обжи, взял на бразгу осьмину обжи Момотова лука, пожню на Верх-губе, 2 остожа в Сумострове под Пурнаволоком в Салме, да теребки здесь же за пожнями. Не все луковые пожни и угодья поступали „на бразгу“; часть оставалась не сданною и числилась „за монастырем“. В 1594 г. монастырский прикащик выкашивал 250 возов сена (на море 146 возов и 104 воза в волости[1]).

Отмеченный уже нами процесс запустения Сумской волости, форсированный в начале 90-х годов XVI ст. набегом на волость шведского отряда, к концу века несколько приостанавливается. В 1599—1601 г.г. по переписной книге в Сумской волости зарегистрировано было 28 (с небольшим) тяглых „живущих“ обеж (в 1583 г. таких обеж насчитывалось 26. а в 1594 г.—29 3/4 обжи с небольшим); „в пусте“ отмечено 20 обеж с небольшим (в 1583 г.—47 обеж, а в 1594 г.—22 обжи). В 1583 году на 62 живущих крестьянских двора и 35 дворов, „лежащих в пусте“, приходилось 13 бобыльских дворов, к 1601 г. на 76 живущих дворов отмечается 13 бобыльских дворов (из них 3 бобыльских двора „прибыло“ в 1600—1601 г.г.). Наблюдая жизнь волости даже за такой небольшой промежуток времени (1594—1599 г.г.), можно заметить, как буквально на наших глазах некоторые крестьянские хозяйства укрепляются, а другие, особенно мелкие, падают. Крестьяне Ждан и Нечай Михалевы, владевшие в 1594 г. половиной црена, теперь в своем пользовании имеют 2/3 црена; Иван и Федор Ходыкины промышляют третью црена, вместо прежней четверти; Посник Меньшой—половиной црена, вместо прежней 1/3 црена; Иван Окулов—третью црена, вместо прежней 1/4 црена; Бурко Тимофеев с братьями—третью црена, вместо прежней 1/6 црена и т. д. В некоторых хозяйствах увеличиваются и размеры обежной земли. Известный уже нам Мишка Курицын (в переписной книге 1599—1601 г.г. он назывался Михалком Курочкиным) имеет уже за собою четь обжи (вместо прежней осьмины). Поднялось благосостояние и некоторых бобылей. Например, в 1583 г. в Сумской волости проживал „непашенный“ бобыль Истомка Ярыгин; в 1599 г. вдова его пользуется пол-четью обжи. На ряду с этим некоторые маломочные хозяйства исчезают. Например, в 1599 г. в Сумской волости мы не встречаем уже крестьянина Андрея Попова, за которым в 1594 г. числилась 1/4 обжи и 1/6 доля црена. Некоторые хозяйства в Сумской волости к концу XVI в. дробятся: двор братьев Антоновых Ивана и Стефана, за которым в 1594 г. числилось 1/2 обжи, в 1599 г. распался на два; за каждым из них теперь стало по 1/4 обжи.

Отношения крестьян Сумской волости к м-рю выражалось, прежде всего в уплате ему денежного оброка. С каждого црена платилось ежегодно дани по 18 алт. 4 д. С обжи платили ежегодно по 10 алт., да тиунского и довотчикового сбора с обжи поступало по алтыну. Кроме того, с каждой обжи в конце XVI ст. взималось в пользу м-ря по 3 кучи сена, или же деньгами за кучу по 10 денег; в Сумский острог крестьяне обязаны были вносить „за дрова“ с обжи по гривне, следовательно, всего с каждой обжи поступало в м-рь 17 алт. 4 д. С 13 бобыльских дворов, отмеченных нашими источниками в Сумской волости под 1600 годом, в м-рь поступало ежегодно с двора по гривне да по 3 деньги со двора

[1]) Сол. арх. „Книги дозорные старца Протасья Сумской волости 102 г.“.

тиунского и довотчиково сбора. Состав бобылей не был однородным. К бобылям отнесен и земский дьяк Буян Елисеев; среди бобылей оказывались люди состоятельные, занимавшиеся „торшком и всякими промыслы". Последние платили оброчных денег в м-рь больше: ежегодно 7 р. 7 алт.; между отдельными плательщиками эти деньги „розрубались по животом и по промыслом, хто чего стоит". Занятие соляным промыслом создавало потребность в наемном труде. Такую рабочую силу представляли в Сумской волости казачки. Мы не имеем сведений о количестве этих казачков, обитавших по „подворьям" в качестве батраков, равно и не знаем условий их труда. Известно только то, что с каждого казачка в м-рь поступало оброку по 1 алт. да по 3 деньги тиунской и довотчиковой дани. Было ли в Сумской волости свое монастырское хозяйство? Монастырские сенокосные угодья здесь отмечены под 1594 г. Такие же сенокосные угодья были здесь у монастыря и в конце XVI ст. В 1599 г. в Сумской волости „в пусте" было $20^{7}/_{8}$ обеж, из них $3^{1}/_{2}$ обжи были отданы „на бразгу" разным лицам (напр., мельничному старцу 1 обжа, дьякону Козме $^{1}/_{2}$ обжи, земскому дьяку Буяну $^{1}/_{2}$ обжи, „старицам" Александре и Варсонофии $^{1}/_{2}$ обжи, Ждану Кузнецову 1 обжа), остальные $17^{3}/_{8}$ обжи находились в пользовании местного монастырского прикащика (с некоторых пожень он сам косил сено на м-рь, а другие отдавали „на бразгу" [1]). Запустение Сумской волости, создав обширные залежи „пустующей" земли, произвело путаницу в распределении между отдельными владельцами и „живущих" угодий. Последнее обстоятельство станет еще более понятным, если мы примем во внимание вообще крайне запутанное межевание земельных угодий в то время. Вот, для примера, определение границ четверти обжи угодий братьев Нефедьиных, соприкасавшихся со владением Пятого Филиппова да Семена Попова: „от Пятого и от Семеновы межи з ыюдином поле сошлася четверть обжи, а межа той четверти, став на поле, да через реку по каменские ворота; да от реки ко мху прямо на ивовый куст". Чтобы между волостным населением „смут не было", а в монастырь игумену и соборным старцам о тот челом не били, монастырские прикащики время от времени производили распределение земли между волостными крестьянами („учиняли ровность в волосных полях и в припашных землях по обжам и укладывали межи подлинно"). Производя такое перераспределение волостных угодий, соловецкие прикащики преследовали и другие цели: а) обеспечить себе исправного плательщика и б) изоброчить пустующую землю, так как сам м-рь обязан был вносить в казну с Сумской волости определенный ежегодный оброк. Необходимость в таком точно фиксированном распределении угодий чувствовалась еще потому, что монастырские угодья и доли были вкраплены в крестьянские участки иногда очень мелкими полосками. Например, обжа земли, которая была за Федором Сергеевым, распределялась таким образом: пол обжи была „под ним", а другая пол обжи считалась „за м-рем". Тот же Федор Сергеев владел вместе со старостою Одинцом рядом теребов, с которых шло 6 возов сена. Половина сена шла Федору, треть старосте Одинцу, а шестина—м-рю. Богдан с братом Иваном владели пол обжи земли, а другая половина обжи была „за м-рем". На эту обжу приходилось под Летнею-Маткою треб сенокосного угодия, с которого шло 8 возов сена; это сено распределялось таким образом: 3 воза шло Богдану и его брату, с 2-х возов братья д. были платить оброк, а 3 воза посту-

[1]) Сол. арх. „Книги Сумские и Кемские и иных волосток данные и оброчные 7107 г.".

пало в м-рь. Из этого мы усматриваем, что братья Богдан и Иван за поставку в м-рь 3-х возов сена пользовались в дополнительных теребах равным количеством сена безоброчно, а что было сена сверх того, то окладывалось оброком. Одним словом, в конце XVI ст., в Сумской волости, тереба и припаши приблизительно равномерно распределялись между м-рем и крестьянином, арендатором этих лежащих „в пусте" угодий. Но как ни разбирали волостные крестьяне запустевшие угодия („на бразгу" и за „изделье"), все же в волости оставался некоторый излишек их. В 70—80-х годах XVI ст. некоторые из этих запустевших угодий соловецкие прикащики отводили под „поскотину" (в переписных книгах конца XVI в. встречаем мы такие выражения: „лежит в пусте, скот ходит" [1]).

В начале XVII в. поморские волости подверглись нападению со стороны „черкасских" отрядов. Конец декабря месяца 1613 г. и начало января 1614 г. были особенно тяжелы для Сумской волости. Черкасские отряды упорно осаждали Сумский острог и, отступая, разорили волость [2]). Медленно восстанавливалось в последующие годы хозяйство разоренной волости. В 1640 г. Сумскую волость дозирали и переписывали „по приговору соборных старцев, старец Ефрем Квашнин, да старец Илья Псковитин. Этот дозор обнаружил в Сумской волости 97 крестьянских дворов „живущих", за которыми числилось также живущих $29^{3}/_{8}$ обжи угодий. Но на ряду с этим старцы-дозорщики отметили $38^{5}/_{32}$ обеж „в пусте". Необычайная точность старцев Ефрема и Ильи дает возможность приблизительно верно представить крестьянское хозяйство в Сумской волости в эти годы. Каждый крестьянский двор описывается подробно: указано (на обежный счет) количество угодий за данным двором, площадь дворовой земли и „жилое поле"; последнее измерено по-саженно и переведено на обжи. Если получался некоторый „лишок", то он давался крестьянину или на „огород репной", или просто этот излишек крестьянин держал за собою на правах кортомы, при этом иногда старцы-дозорщики оговаривались, что этот излишек дается, ему „до жильца", который, подразумевается, будет нести с этого излишка тягло [3]). Также поступили старцы-дозорщики и с луковыми угодьями. На каждую обжу полагалось 6 возов сена, но фактически за крестьянами получался значительный излишек, который из обежного счета исключался и рассматривался как кортома. Напр., Василий да Ефим Ростовцевы на свою обжу выкашивали сена на Сосновом ручью на Бобошилских теребах 5 возов, в Кобыльнике Чевакилских теребов 8 возов и Куно-ручью своей росчисти 30 возов; получалось лишних (43—6)—37 возов, за которые с Ростовцевых поступала кортомная плата. Несмотря на все это, в Сумской волости оставался излишек сенокосных угодий, который м-рь должен был использовать каким то другим образом. И мы знаем, что лук пожни в Маник-острове, на котором выкашивалось 62 воза сена, отдавался „безданно" прикащикам

---

[1]) Сол. арх. „Книги соловецких отчин Сумские волости"...

[2]) Летописец Соловецкий, печатн. изд. стр. 53—54

[3]) Например. „дв. Семен Качалов. Угодья за ним четь обжы, дворовые земли под ним в длину 13 сажен, а поперек 5 сажен; жылое у него поле в верховье за Гогариным двором подле реку смерено в длину 55 сажен, а поперек 25 сажен и тово пол 2 чети обжы и за пол чети ему до жылца кортому платит". Или еще такой пример: „Двор Илья Фомин Угодья за ним пол чети обжы, дворовые земли под ним пол 6 сажени; жылое у нево поле на чернещине смерено в длину 67 сажен, а поперек 40 сажен; земля плоха и тово пол обжы и в той полуобже Филе Говину четь обжы, а Илье пол чети, а з другой получети у Ильи до жылца кортома имать". („Книги Сумской волости письма к дозору старца Ефрема Квашнина, да старца Ильи Псковитина соловецкого монастыря 149 году". (Сол. арх.).

Колежемского усолья, на том основании, что весною обычно на Мягострове кормились острожные лошади. Но остальные пожни на том же Маник-острове отдавались Колежемским прикащикам в кортому, так как последние, в свою очередь, пересдавали их Колежемским бобылям и казачкам. Некоторые же угодья соловецкие прикащики „кашивали“ на м-рь. Названные старцы дозорщики отмечают и упадок соляного промысла среди сумских крестьян. Среди последних названо только 22 „цренных промышленников“. Цренные доли этих „промышленников“ очень незначительны. Только один из крестьян (Григорий Сущихин) владел половиной црена. Сравнительно состоятельные крестьяне Василий и Ефим Ростовцевы вдвоем владели $^2/_3$ црена. Обычною долей была $^1/_3$ и $^1/_4$ црена, но встречаются и более дробные доли, напр., $^3/_8$ црена. Всего за крестьянами в Сумской волости в 1640 г. отмечено „живущих“ 7 цренов. Следует указать на рост бобыльства в изучаемой волости после смутного времени— результат отмеченного уже выше разорения ее. В 1640 г. старцы Ефрем и Илья зарегистрировали в Сумской волости 34 бобыльских двора, 10 дворов вдовьих, да 6 дворов бобыльских пустых. Отмечая, как норму бобыльского угодья, землю под двором (4—$6^1/_2$ сажен), да неодинакового размера огородец репной (обычно 12×7 сажен, хотя были огородцы и по 3 сажени), изучаемые нами дозорные книги за некоторыми бобылями записывают угодья. Напр., бобыль Тимофей Гагара с братьями, кроме обычной нормы подворной земли с огородцем имел за собою в верховье 2 припаши своей росчисти (одна—32×27 сажен, другая 20×20 сажен); в обеих насчитывалась $^1/_3$ обжи. Бобыль Евтюга кузнец, имевший под двором $7^1/_2$ сажен земли и кузницу на берегу пользовался еще припашью подле реки длиною 57 сажен, и поперек 27 сажен—все угодья его составляли $1^1/_2$ чети обжи. Бобыль Осип Пашанин пользовался припашью худой земли в длину 75 сажен и поперек 45 сажен, что равнялось 2 четям обжи. Бобыли были текучим элементом: в 1640 г. дозорщики обнаружили пустой бобыльский двор Якова Простокишина; при этом оказалось, что сам Яков „сшел в Сибирь“, очевидно, соблазнившись льготами, предоставленными переселявшемуся туда населению. Видную группу населения Сумской волости составляли стрельцы. В специальной стрелецкой слободе в 1640 г. было 30 стрелецких дворов, да 14 дворов размещены были на нетяглой земле среди крестьянских дворов. При каждом почти стрелецком дворе („за двором“ или „против двора“) наш источник отмечает небольшой огородец. В принадлежавшей к Сумской волости д. Лапине на 11 крестьянских дворов приходилось „живущая“ $1^1/_4$ обжи, да $3^5/_{32}$ обжи „в пусте“. Пустые обжи сдавались крестьянам на кортому. В д. Гендопоге зарегистрировано было 17 дворов „живущих“, да 1 двор пустой. Угодий на все дворы приходилось в живущем $1^9/_{16}$ обжи и „в пусте“ $2^1/_{32}$ обжи. В Надвоецком погосте отмечено 19 „живущих“ крестьянских дворов, да 4 двора „живущих“ бобыльских. Угодий за крестьянами было „в живущем“ 1 обжа, да $5^5/_8$ обеж было „в пусте“. В д. Парандове крестьянских дворов „в живущем“ было 15, да 2 двора бобыльских; пустых насчитывалось в 1640 г. 2 двора. Земельных угодий за ними было „в живущем“ $1^1/_8$ обжи, да „в пусте“ $2^7/_{12}$ обжи [1]).

О том, как в общем медленно развивалось земледельческое хозяйство в Сумской волости [2]), можно составить представление, сопоставляя

[1]) Сол. арх. цитир. „Книги Сумской волости писма и дозору старца Ефрема Квашнина да старца Ильи Псковитина соловецкого м-ря 149 г“.

[2]) В половине XVII в. во всей Сумской волости „живущих“ было 40 обеж. С них м-рь и должен был платить всякие государевы подати: 50 р—ямских, приметных, полоняничных денег, за обежный хлеб за городовое и ямчужное дело и за посохи 9 р. 30 а. $3^1/_2$ д. за тамгу; всего след. 59 р. 30 а. $3^1/_2$ д.

данные переписной книги старцев Ефрема и Ильи от 1640 г. с показаниями дозорной книги старца Варсонофия от 1661 г. Несмотря на двадцатилетний промежуток времени, отделявший названные 2 дозора друг от друга, разница в хозяйственной жизни Сумской волости в 1640 г. и 1661 г. не столь значительная. Дозиравший и переписывавший в 1661 г. Сумский посад и „окольные" деревни старец Варсонофий в Сумской волости обнаружил на посаде 106 дв. крестьянских, 47 дв. бобыльских, 64 двора стрелецких, дворы дьячков (земского и таможенного), двор земский мирской и 5 дворов церковных. Нетяглых (церковных) угодий в 1661 г. было 4 обжи в живущем; количество тяглых угодий в 1661 г. оставалось почти тем же, как и 1640 г. (в 1661 г. $67^{1}/_{2}$ обеж, в 1640 г.—68 обеж), но распределялись эти угодья в два означенных периода времени по разному. В 1640 г. на 97 крест. дворов приходилось угодий $29^{3}/_{8}$ обеж, да лежащим „в пусте" оказывались $38^{5}/_{32}$ обеж. В 1661 г. за крестьянами (106 дв.) в живущем было $19^{1}/_{6}$ обжи, да на оброке у крестьян, бобылей (47 дв.) и стрельцов (64 дв.) числилось свыше 48 обеж. Таким образом, после 1640 г. можно констатировать убыль живущих тяглых обеж ($10^{3}/_{8}$ обеж, выражаясь языком нашего источника, крестьяне „из тягла покинули"), несмотря на некоторый рост дворов [1]). Так как пустовавшая земля распределялась между наличным населением Сумского посада, то, при увеличении населения, естественно ожидать и расширения эксплоатируемой земельной площади. Действительно, после дозора старцев Ефрема и Ильи прибавилось в Сумском посаде, „новых роспашей" $5^{19}/_{32}$ обеж. Таким образом, на оброке теперь оказывалось $53^{11}/_{16}$ обеж старых и новых полевых припашей, а всех, следовательно, угодий, как тяглых. так и нетяглых и оброчных насчитывалось около 77 обеж.

Тяглые крестьяне владели земельными участками тут же, в посаде, кроме того, им были представлены 32 лука угодий в морских пожнях. Эти морские луки крестьяне распределяли между собою самостоятельно „по своему тяглу попрежнему своему мирскому верстанью". Тяглые угодья налагали на тяглеца-крестьянина более сложные обязательства и более высокие платежи: в год с каждой обжи по 19 алт. по 6 денег с обжи тиунского, по 5 алт. с обжи за сенные кучи, да по гривне с обжи за острожные дрова. Крестьянин-арендатор знал только одну кортомную плату. Этим, конечно, объясняется, почему крестьяне предпочитали снимать землю у м-ря на правах кортомы, или, даже, вновь распахивать полевую землю (что освобождало в течение „льготных лет" даже от оброчной платы). Все же волостная земля в Сумской волости не только не была полностью разверстана среди крестьян, но и не полностью попадала в кортому. Как раньше, так и теперь, в 1661 г., м-рь самостоятельно эксплоатирует некоторую часть земельных угодий. Напр., к северу от острожной стены находилось поле в длину 60 сажен и 30 сажен поперек. Это составляло в общем не менее полуобжи угодья. Этот участок острожные старцы запахивали под огород, сеяли там репу, садили капусту и другие огородные овощи „про монастырский дворовой обиход". Расположенное повыше мельницы Валуевское поле, насчитывавшее в себе 2 обжи, закашивалось на м-рь на корм монастырским лошадям. Точно также и находившееся на р. Суме, пониже острога, большое поле (в длину 250 сажен и поперек 130 сажен), составлявшее не менее 8 обеж монастырский прикащик косил для потребностей монастырского хозяйства. В 1660 г., по специильному „монастырскому указу" было отведено

---

[1]) В 1661 г. дозорщик старец Варсонофий отметил новые крестьянские дворы Кирилка Колоколова, Федотка Андомцова и Карпушки Долгова...

к Пустынскому железному промыслу поле размером пол обжи (за Гуковым ручьем). Попрежнему оставался за Колежемским прикащиком Маникостров, частью „безданно“ (62 воза), частью на оброке (76 возов сена). В некоторые годы брал в аренду луковые пожни у Сумского прикащика и мельничный монастырский старец. На содержание острожных лошадей на морских пожнях в 1661 г. косили 25 остожей сена, составлявших 292 заколья и дававших 97 возов (с небольшим) сена (на полный воз обычно шло 3 заколья). Эти пожни для удобства их эксплоатации были „сведены в одно место“, вследствие этого, некоторые тяглые крестьяне, лишившиеся своих луков здесь, получили „на обмен“ сенокосные участки в другом месте. Попрежнему некоторые крестьяне, не оставляя земледелия, продолжают владеть долями в тяглых ценах, но количество таких „промышленников“, равно, как и самих ценов к 1661 г. сокращается. В 5 тяглых живущих ценах (вместо бывших 7) находились доли 20 чел. волостных крестьян (вместо прежних 22). Некоторые крестьяне,—ценные промышленники отмеченные в 1640 г. дозорщиками Ефремом и Ильей, в 1661 г. уже бросили соляное дело, другие, наоборот, вновь им занялись и, наконец, третьи сократили свою соляную работу. Причины такого запустения крестьянских соляных промыслов угадать нетрудно. Следует помнить, что и м-рь в это время жаловался на упадок соляных промыслов, указывая на то, что „леса удалели от варниц“.

К 1661 г. увеличилось число бобыльских дворов: вместо 34-х (1640 г.) теперь их стало 47 дв. с населением в 80 человек. Вообще бобыли платили в м-рь ежегодно оброку со двора по гривне, но те из них, которые кроме двора и огорода пользовались и земельными угодьями, платили и оброк с этих угодий. Некоторые бобыли пользовались угодьями в большом размере. Напр., бобыль Васька Петров сын Попов держал на оброке так наз. Бороздинскую ниву, длиною 87 саж. и поперек 45 саж., что составляло в общей сложности целую обжу (в 1640 г. эта нива была на оброке у попа Июды); бобыль Оська Артемьев Паша оброчил пол обжи припаши, а Васька Юрьев Субботин держал на оброке 1/3 обжи. Возможно, что Васька Субботин пользовался вольнонаемным трудом, так как у него на подворье жили 2 казачка (Игнашка Шалов и Мишка Лучанинов). Иногда несколько бобылей, живших в одном дворе, совместно оброчили одно поле, распределяя его между собою мелкими долями, напр., по 1/12 обжи. Переписная книга старца Варсонофия под 1661 г. отмечает в Сумской волости ряд казачков—36 человек. Большинство казачков (24 человека) проживало в крестьянских дворах, очевидно, в качестве работников, так как владельцы этих дворов почти всегда оказываются людьми зажиточными, ведут относительно большое хозяйство, занимаясь иногда еще и соляным промыслом (напр., крестьянин Корнилка Шарапов). Несколько казачков проживало в бобыльских дворах, видимо, занимаясь самостоятельным хозяйством. Казачки платили, как общее правило, в м-рь оброка с человека по 6 д., да по 3 д. тиунского ежегодно. Но некоторые из них арендовали у м-ря пожни и припаши. Напр., казачек Петруша Голодов держал на оброке поженку и припаш в Петрострове, а казачек Июдка Киндарев в Куноручьи оброчил осьмину пожни и т. д. Некоторые из бобылей и казачков кормились „торжком“ и другими промыслами, хотя и проживали иногда (а казачки почти всегда) по чужим подворьям. В 1661 г. такие торговые и промышленные казачки вносили в м-рь дополнительно 15 р., разверстывая их между собою „по животом и промыслом“.

Переписывавшие волость старцы отмечают вдовьи дворы. Обитали в них жены умерших стрельцов и крестьян. Некоторых из них наши

источники называет „вдовами нищими“, но за другими вдовами числятся на оброке угодья. В 1661 г., напр., вдова Татьяница Никифоровская (жена) владела оброчным полем „в ободу“ с тяглым крестьянином Григорьем Сущихиным, кроме того у нее были на оброке 2 припаши вместе с Семеном Яковлевым Клюевым (одна из них была 44 саж.×17½ саж., другая 32 саж.×27 саж.). То же следует сказать и относительно другой вдовы Устиньицы Обросимовской, жены Лапыкина, которая держала на оброке Ильинское поле на Чернещине (в длину 42 саж., поперек 17 сажен), составлявшее 1/6 обжи. Это „польцо“ некогда обработали („росчистили, назем возили и много труды положили“) муж Устиньицы Обросимко и сын ее Ивашко. Но большинство известных нам по имени вдов имели только „дворишко и огородишко“, при том небольшого размера. Если вдова, по инерции ведшая земледельческое хозяйство, нуждалась в услугах казачка, то в других вдовых дворах проживали казачки, занимавшиеся к.-л. промыслом.

Особое положение среди волостного крестьянского населения занимали стрельцы, тесно переплетавшиеся с ним, но в то же время и не смешивавшиеся с тяглыми людьми. В 1661 году стрелецких дворов насчитывалось в Сумском посаде 64 двора с населением 99 человек. Из этого общего количества стрелецких дворов 31 двор находился в посаде, среди тяглых дворов и на тяглой земле, посему обитатели их ежегодно вносили по гривне оброка. Некоторые стрельцы оброчили полевую землю и припаши. В рассматриваемый период времени у сумских стрельцов на оброке было 3⁵/12 обжи. 8 стрельцов проживали в крестьянских и бобыльских дворах, особенно связанные с хозяевами этих дворов родственными отношениями. Напр., у крестьянина Андрюши Колоколова проживал его брат стрелец Симонко Колоколов, оброчивший небольшую припаш земли (13 саж.×18 сажен).

Дозиравший Сумскую волость старец Варсонофий поверстал целый ряд крестьян пахотною землею и сенными покосами, как морскими, так и полевыми. При этом проводились два основных принципа: 1) перевести тяглую землю из „пуста“ в „живущее“ и 2) если это почему-либо не представлялось возможным, отдать вышедшую из тягла землю на оброк. Поэтому в отношении распределения тяглых и нетяглых участков в Сумской волости (как, впрочем и в других соловецких волостях) в половине XVII в. мы наблюдаем редкую пестроту. Правда, старец-дозорщик оговаривается, что отмечаемое им явление—временное: угодье сдается в аренду „до жильца“, но все же наблюдается оно на протяжении не одного десятка лет. Земли и угодья отводились охотнее в тягло, а не на оброк, и тяглый участок давал преимущественное право на аренду лучшего угодья. На этой почве между волостными крестьянами происходила конкуренция, доходившая до челобитных монастырским властям. В июне 1661 г. братья Иван да Петр Пузовы жаловались на то, что у них нет никаких угодий на оброке, а только тяглые, между тем, как Яков Михайлов владеет по морскому берегу „лишком“ пожень; расчитывая этот „лишек“ заполучить себе, сообразительные братья обещали дозорщику Варсонофию „наддачу“. Последнее обстоятельство имело магическое действие. В результате братья Пузовы и Яков „уговорилися“. Яков взял себе „в тягло“ на Вег-губе, в Полежаевском луку, четь обжи, раньше бывшую в тягле у братьев Пузовых, а последние взяли его пожни на море: четь обжи в тягло, и другую четь на оброк, но уже с наддачею. Будучи заинтересованным в том, чтобы угодье так или иначе эксплоатировалось, монастырь предоставлял отдельным держателям этих угодий разнообразные льготы. Харя Дурнин имел тяглую осьмину поля, к которому примыкала пол чети пустовавшего

поля. В 1661 году он получил в кортому эту лежащую в пусте землю „на розпашку“ с уплатой в течение 3-х лет ежегодно кортомы по 10 денег вместо гривны. Это была очень льготная аренда, посему Харе тут же было об'явлено: „а будет не станет распахивать, и на нем имати полная кортома по гривне на год“. Вообще с сумлян в 1661 г. в монастырь поступало дани и оброку 113 р. 16 алт. 4 д., в том числе оброку и дани с тяглых земель 65 р. 6 алт. 3 д. [1]).

Следует несколько слов сказать относительно положения земледельческого хозяйства в известных уже нам деревнях Сумской волости в 60-е годы XVII ст. В д. Лапиной, где в 9 крестьянских дворах обитало 15 тяглых человек, насчитывалось в это время $^{15}/_{16}$ обжи „в живущем“, да перелогом и лесом поросло $3^{15}/_{32}$ обжи. Надлежит при этом иметь в виду то, что в д. Лапиной в обжу положено было земли вдвое больше, чем в Сумском посаде, потому что „у лапинцев морских сенных покосов нисколько нет“.—Только по р. Суме лапинцы на свои тяглые угодья косили 20 возов сена. Как мало изменилось хозяйство этой деревни в 60-е годы в сравнении с 40-ми годами того же столетия! В д. на острове на Сумоозере при 9 крестьянских дворах и 1 дворе бобыльском, с тяглым населением 15 человек, тяглых угодий в 1661 г. отмечено $^{15}/_{16}$ обжи, да „в пусте“ перелогом и лесом поросло $2^{11}/_{96}$ обжи. Так как земля в этой деревне оказывалась „худою“ и у нее не было сенных морских покосов, то в обжу здесь было положено земли против сумских обжей вдвое. Не в лучшем состоянии оказывалось крестьянское хозяйство в д. Гендопоге. На 17 крестьянских дворов и 3 двора бобыльских приходилось тяглого населения 38 человек, а тяглого угодья за крестьянами насчитывалось $1^1/_2$ обжи „самой худой“ земли, да $2^1/_{32}$ обжи было „в пусте“ (перелогом и лесом поросло). Как и в первых двух деревнях и по тем же основаниям, в Гендопоге в обжу положено было земли вдвое больше чем в Суме [1]). В д. над Воецким порогом в 1661 г. было 23 тяглых крестьянских двора и 4 двора бобыльских с таким же тяглым населением 52 человека. В д. Парандово (в др. сп. Парандеево) в это время отмечено было на 11 крестьянских дворов, с тяглым населением 19 человек, в живущем $^{77}/_{96}$ обжи [3]). К концу затронутого нами периода, в 1694 году, в Сумском остроге и посаде насчитывалось 115 крестьянских дворов с тяглым населением 195 человек, число бобыльских дворов доходило до 90, бобылей, м. п., насчитывалось

---

[1]) В таком бойком месте, как Сумский посад, естественно должна была развиваться торговля. Не даром здесь существовала таможня и проживал таможенный дьячек (в 1661 г. Лаврентий Васильев). К сожалению, наш источник по этому вопросу досадно краток: „да под таможнею, у реки, сумские крестьянские торговые лавочки, а ведают их сумские таможенники, кого из монастыря пришлют“. Этот пробел писцовых и дозорных книг по Сумской волости приходится восполнять другими источниками.

[1]) Обжа в этих деревнях равнялась 126 саж. в длину и 64 саж. поперек, а „круглая“ обжа составляла 90 кв. с., таким образом, в д. Лапиной, Сумоострова и Гендопоге насчитывалось всего 35 крестьянских дворов, с населением 68 человек, да 4 двора бобыльских. Крестьянских тяглых угодий приходилось на эти деревни $3^5/_{16}$ обжи; дани с этих тяглых обежи поступало по 19 алт с обжи, т-.е. всего 1 р. 30 а. $4^1/_2$ д., да тиунского с обжи по 6 д, за сенные кучи с обжи по 5 алт., да по гривне с обжи за дрова. Всего, следовательно, с крестьян этих 3-х деревень шло в монастырь ежегодно 2 р. 28 а. 5 д. Если прибавить сюда бобыльскую дань, как подворную, так и тиунскую в сумме 2 алт., то „всякий доход“ в пользу монастыря с д. Лапиной, Сумоострова и Гендопоги выражался (в 60-х г. XVII ст.) в сумме 3 р. 10 а. 5 д. (Писцовые книги старца Варсонофия 169 г.).

[3]) Всего в над-Воецкой деревне и Парандове в 1661 г., дозорщик старец Варсонофий отметил „живущих“ крестьянских дворов 34, а тяглых угодий за ними несколько больше полугора обжи ($1^{59}/_{96}$ обжи), дани и оброку с крестьянских участков шло 4 а. 4 д., да с 4-х бобыльских дворов поступало 15 а. 2 д., следовательно, с крестьян и бобылей „всяких доходов“ шло в монастырь 2 р. 20 а. (Писцовые книги старца Варсонофия 169 г.).

129 человек, казачков 35 человек, 20 вдов и 69 стрелецких дворов. Таким образом, все население Сумского острога и посада, кроме стрельцов, в конце XVII ст. составляло не менее 375 человек [1]).

Наши наблюдения над земледельческим хозяйством Сумской волости можно пополнить данными относительно других волостей. Прежде всего, естественно, мы д. остановить свое внимание на соседних волостях. Отмеченное нами запустение Сумской волости в средине XVI ст. не было лишь местным явлением. По данным писцовых книг Андрея Вас. Плещеева и под'ячего Семейки Кузмина, в 1583 г. в Колежемской волости насчитывалось 4 деревни, в них 34 двора крестьянских и 2 бобыльских. Паханной пашни было 60 четей в поле, а в дву потому ж, перелогу 40 четей, сена выкашивалось 550 копен. На обежный счет в Колежемской волости числилось угодий 6 обеж „живущих" и столько же „в пусте". В волости Шизне в 3-х деревнях находилось 13 крестьянских дворов и 2 дв. бобыльских. Пашенной земли здесь числилось 34 чети (без полуосмины) в поле, а в дву потому ж; сена выкашивалось 250 копен, на обежный счет в Шизне в это время было несколько более $2^1/_2$ обеж. В прежней вотчине Марфы Борецкой в деревне при устьи р. Сороки, находилось 6 дворов крестьянских и 3 дв. бобыльских („непашенных"), пашни паханной 10 четей в поле, а в дву потому ж; в тягле 1 живущая обжа; в другой деревне—Сухомнаволоке насчитывалось 27 дворов „живущих" и 1 двор пустой, пашни в поле было 20 четей, да перелогу 20 четей, сена косили на разных пожнях 690 копен; „живущих" здесь в 1583 г. числилось 2 обжи и столько же „в пусте". Следы запустения, таким образом, можно видеть и здесь. Некогда населенная и с развитым хозяйством д. Ермолинская писцом Плещеевым названа „пустошью". Запустевшей пашенной земли в ней „лесом поросло" 20 четей в поле, а в дву потому ж; сена ставилось в ней 40 копен, по обежному счету земельных угодий в ней было 2 обжи. В 1583 г. на острове на р. Выгу было две деревни; в одной из них писец (Плещеев) отметил 4 тяглых крестьянских двора, 10 четей паханной пашни, да перелогу 10 четей в поле, а в дву потому ж, сена 50 копен (в живущем 1 обжа и столько же в пусте); во второй деревне было 6 таких же дворов, пашни 10 четей в поле, а в дву потому ж, сена 200 копен (1 обжа). В другой бывшей вотчине той же Марфы Борецкой, волостке Виремской, насчитывалось в 1583 г. 23 крестьянских двора, 1 двор бобыльский („непашенный") 3 двора вдовьих и 2 двора пустых; „паханной" пашни 15 четей и перелогу 15 четей в поле, а в дву потому ж; сена ставилось 160 копен; всего в „живущем" насчитывалось $1^1/_2$ обжи, столько же числилось и „в пусте". К Виремской волостке, а раньше к вотчине Борецких относилась и д. Панфиловская, в которой прежде было 30 четей пашни в поле, а в дву потому ж и выкашивалось 200 копен сена, но в 1583 г. они были уже пустошью [2]).

В писцовых и переписных книгах 1599 и 1611 г. тяглых обеж в Колежемской волости насчитывалось 7; в дальнейшее время число их сокращается и к 1661 году доходит до $2^1/_4$ обеж. Вот как об'ясняли такое странное, с первого взгляда, явление колежемские старожильцы Третьяк Рогулин, да Григорий Боровский дозиравшему эту волость старцу Варсонофию. При игумене Антонии, описывавший Колежемскую

[1]) „Переписная книга приказного старца Варсонофия по Сумскому посаду крестьянских и бобыльских дворов и людей в них.. „и хто крестьян на чем живет, и сколко за кем згодья".. 7203 г. (Сол. арх.).

[2]) „Список с выписи из писцовых книг письма и дозору Андрея Вас. Плещеева да подъячего Семейки Кузмина" (Сол. арх.).

волость в 1611 г. старец Илья разделил полевую землю крестьянам (15 дворов) на 7 тяглых обеж, но морских пожень, соответственно размерам каждой тяглой доли за отдельными крестьянами, он не успел распределить, так как подошла „страдная" пора и ему пришлось уехать. Только на другое уже лето крестьяне „миром" разверстали между собою эти морские пожни на 7 обеж. В наступившее затем на Руси „литовское разорение" и „время мятежное" крестьяне из Колежемской волости „розбрелися врознь", а оставшиеся в небольшом числе („немногие") уже не в состоянии были выполнить все тягло и ставить подводы за ушедших товарищей. Поэтому они били челом игумену Иринарху о льготе. Так как разорение колежемских крестьян было очевидным, игумен Иринарх с собором „пожаловал" просителей, и „всякое тягло" колежемцам разрешено было тянуть с 4-х обеж, а две тяглые обжи разрешено было разделить к тем же 4 обжам в качестве прибавки („наддачею"). Таким образом, кто прежде тянул с полуобжи, у того тяглой стала треть обжи, а у кого в тягле была четверть обжи, теперь стал отбывать тягло с $^1/_6$ обжи и т. д. Седьмую обжу стал выкашивать на м-рь колежемский прикащик. Несколько времени спустя положение дел Колежемской волости ухудшилось еще более, и, по словам старожильцев, „достальные крестьяне розбрелися мало не все". Оставшиеся же в небольшом числе били челом тому же игумену Иринарху, что им, немногим „останцом" тянуть тягло с 4-х обеж „не в силу". Вновь пришлось на монастырском соборе поставить вопрос о размере тягла для колежемских крестьян и разрешить его в благоприятном смысле для последних: „тянуть и подводы ставить меж сумлян с одной обжи". Так продолжалось до смерти игумена Иринарха (1626 г.), когда сумляне ездили в м-рь жаловаться келарю Васьяну (преемник Иринарху еще не был избран) на колежемцев, что „пашен де у них много, а тягло тянут они лишь с одной обжи". В результате этой жалобы для специального расследования прибыл в Колежму старец Сергий, который „полевые покосы и морские пожни и теребы и все шесть обеж за ними (колежемцами) сыскал и велел им тягло тянуть и подводы ставить с двух обеж, следующие 2 обжи сдал на оброк тем же крестьянам, а две обжи без четверти отдал на оброк же колежемским бобылькам". В таком же положении находилось дело и в 1629 г., когда Колежемскую волость переписывал старец Сергий. Тогда в ней числилось 24 тяглых крестьянских двора с населением 50 человек; несколько позднее в тягло вступило новых 3 двора и прибыла четь тяглой обжи. Таким образом, в 1661 г. в Колежемской волости дозорщик старец Варсонофий застал 27 тяглых двора и $2^1/_4$ обжи тяглых угодий. „В пусте" здесь числилось тяглой земли $2^3/_4$ обжи, с одной из них ставилось на м-рь сена в количестве 100 возов, а $1^3/_4$ обжи были за казачками. За м-рем, кроме упомянутой пустой тяглой обжи, числилось еще 2 обжи, отведенные ему раньше. Вообще со всех волостных угодий, принимая во внимание и аренду колемежским прикащиком Маник-острова, поступало на м-рь 605 возов сена. К 1661 году возросло (в сравнении с предыдущими годами) количество бобыльских дворов: их стало 25, а население в них дошло до 54 человек. Кроме огородцев, бобыли владели на оброке пожнями и теребами. После последней переписи Колежемской волости старца Сергия (в 1629 г.), бобыли разработали здесь несколько новых росчистей и теребов; до 1661 г. они владели этими росчистями безоброчно, дозорщик старец Варсонофий обложил их оброком в 24 алт. 3 д. Пользовались угодьями и казачки (в 1661 г. их в Колежемской волости оказалось 7 человек), хотя и в незначительном размере и не все: существовали и такие казачки, у которых, по выражению

цитируемого источника, „згодья нет ничево". Некоторые крестьяне Колежемской волости соединяли с земледелием занятие соляным промыслом. В 1661 г. дозорщик отметил здесь 4 „живущих" црена; в казну ежегодно поступало по 20 алт. с каждого [1]).

Как мы уже видели, в Сороцкой волости в 1583 году пустующая земля в 2 раза превышала живущую. Приблизительно в таком же виде находилось там земледельческое хозяйство и в конце XVI ст.: в 1599 г. на 6 крестьянских дворов приходилась 1 тяглая обжа. Но тогда, как тяглые крестьянские дворы не обнаруживают тенденции увеличиваться в числе, количество бобыльских дворов возрастает: в 1599 г. бобыльских дворов было 5; в 1601 г. вновь прибыло еще 2 двора. Главным занятием местного населения было не земледелие и не солеварение (в 1599 г. на всю волостку „кипел" только 1 црен), а рыболовство, о чем подробнее скажем ниже [2]). Если в дальнейшее время хозяйственная жизнь Сороцкой волости оживляется, ростет и количество населения в волости, то все же это происходит медленно и не на счет земледелия. В 1661 г. крестьянских тяглых дворов здесь насчитывается уже 30 с населением 69 чел. Таким образом, количество тяглых дворов за сравнительно значительный промежуток времени возросло в 5 раз, а тяглое население в $11^1/_2$ раз, между тем площадь живущей тяглой земли увеличилась очень незначительно. Дозорщик старец Варсонофий в 1661 г. отметил $2^{37}/_{48}$ обжи. Если сопоставлять данные писцовой книги Сергия (1629 г.) с результатами переписи Варсонофия (1661 г.), то можно видеть, что за 30 лет в Сороцкой волости убыло из „живущего в пусто" $^7/_8$ обеж, а с 1601—1661 г. вдвое возросло количество бобыльских дворов: в 1661 г. их стало уже 14 с населением 26 человек [3]).

В Шизненской волостке к 1599 г. на 12 крестьянских тяглых дворов приходилось земельных угодий $2^1/_{16}$ обжи. Источник отмечает, что Шизненские крестьяне пользовались 1 цреном, отбывая за него натуральную повинность в пользу м-ря: „за дань цренную и за сенные кучи колят на острову забор монастырский по 2 человека с црена" [4]). К 1661 году в Шизненской волостке находилось уже 25 тяглых дворов с населением 60 человек, а земельных угодий „в живущей" $2^5/_{32}$ обжи. Относительно Шизненской волостки приходится, следовательно, сказать то же, что и о Сороцкой: рост населения не соответствовал росту земледельческого хозяйства. Упадок последнего в этой волостке подчеркивается еще и тем обстоятельством, что в 1661 г. дозорщик старец Варсонофий отметил здесь $^5/_{12}$ обжи земельных угодий, лежащих в пусте и сдаваемых на оброк. За шизненскими крестьянами в 1661 г. числилось уже 2 живущих црена, с которых они вносили в м-рь оброка ежегодно с црена по 18 а. 4 д. Следует отметить и то обстоятельство, что шизненцы дровяную повинность („острожные дрова") отбывали не денежным взносом, а натурой, доставляя в Сороки к монастырскому двору, ежегодно по 5 саж. дров [5]).

---

[1]) „Писцовые книги 169 г. старца Варсонофия" (Сол. арх.) ср. Переписную книгу по волостям Сумской, Колежемской, Нюхотской, Виремской и др. 7107 г. (Ibidem).

[2]) Цитир. Переписная книга 7107 г. (Ibidem).

[3]) Цитир. писцовая книга старца Варсонофия 169 г. (Сол. арх.).

[4]) Цитир. переписная книга 7107 г. (Ibidem).

[5]) С 1661 г. количество поставляемых дров увеличилось. Раньше шизненцы, сорочане и выгоостровцы (островляне) поставляли в Сороку 15 саж дров все вместе, но в 1661 г. с выгоостровцев „для их скудости" и „частых подвод" дровяная повинность была снята, а прежнее количество дров постановлено было разверстать между сорочанами и шизненцами „по обжам" (Цит. писц. книга старца Варсонофия 169 г, ibidem).

В Виремской волости в 1599 г. крестьянских дворов наши источники отмечают только 8, а земельных угодий свыше $3^1/_2$ обеж ($3^{61}/_{96}$ обеж) „живущих", да $1^3/_8$ обжи „в пусте". Кроме того, виремские крестьяне пользовались на оброке 3 цренами (за обычный оброк 18 а. 4 д. с црена ежегодно). В 1599 г. в Вирме мы видим уже 2 бобыльских двора и несколько казачков[1]). К 60-м годам XVII ст. земледельческое хозяйство в Вирме не наладилось... Хотя количество тяглых дворов в сравнении с концом XVI ст. возросло почти вдвое (дозорщик старец Варсонофий в 1661 г. отмечает 15 дворов с населением 36 чел.), но число живущих тяглых угодий даже убавилось: их стало $2^1/_8$ обжи. Увеличилось и количество бобыльских дворов (14 дв. с населением 20 человек). Ряд пустующих земельных угодий м-рь эксплоатировал на себя, получая с них свыше 360 возов сена. Для уборки этого сена монастырский прикащик не только пользовался наемным трудом, но и заставлял косить монастырское поле „волостью" за „сенные кучи" (с которых обычно поступала в м-рь плата деньгами[2]).

Несколько иначе обстояло дело в соседней волостке Сухом-наволоке. В 1599 году мы видим здесь 20 тяглых крестьянских дворов и свыше $4^1/_2$ обеж ($4^{33}/_{48}$ обжи) угодий. Достаточно развитым представляется нам среди крестьян-сухонаволочан соляной промысел: 4 црена кипели зимою, кроме того, 2 цренами они пользовались на Ламбо-острове в летнее время (по 100 ночей на црен). Вместо оброчной денежной платы в м-рь за црены крестьяне „промышленники" обязаны были „колить" монастырский забор для рыбной ловли (по 2 человека с црена[1]). Тем не менее земля „в пусте" под 1599 г. отмечена и в этой волостке, хотя и не в большом количестве ($^{13}/_{24}$ обжи). Имелись здесь в это время и другие свидетели крестьянского разорения—бобыли в количестве 4-х человек[3]). К 1661 году количество тяглых крестьянских дворов в Сухом-наволоке поднялось до 26, а население в них возросло до 60 человек, число бобылей осталось прежнее: в 3-х дворах 4 человека, несмотря на значительный промежуток времени. Тяглого угодия за сухонаволочанами в 1661 г. было $3^5/_8$ обеж „живущих" и $^5/_8$ обжи „в пусте", отдаваемых местному населению на оброк, только $^1/_4$ обжи старых тяглых угодий „поросла мхом и лесом". Попрежнему за волостными крестьянами в Сухом-наволоке остается такое же количество цренов, за право пользования которыми они продолжают „колить" монастырский забор[4]).

На Выгоострове в 1599 г. источники наши отмечают 13 тяглых дворов, а пашенных угодий $1^3/_4$ обжи; земледелие здесь не составляло существенной отрасли хозяйства; как можно видеть из неоднократных указаний писцовых книг, выгоостровцы главным образом занимались рыбной ловлей („поездовали"[5]). В 1661 году в Выгоострове было уже 18 тяглых дворов с населением 33 человека; земельных угодий за этими дворами числилось в живущем $1^3/_8$ обжи, да „в пусте" $^1/_2$ обжи, сдаваемых крестьянам на оброк. Кроме того, крестьяне Выгоостровской деревни в средине XVII ст. владели на оброке пустовавшими угодьями прежней деревни на Щитном острове (на р. Выгу) в количестве $2^1/_2$ обеж. В 1661 г. в Выгоостровской деревне был зарегистрирован только 1 бобыль Гришка Андреев, оброчивший огородец и три полоски новой припаши („на $1^1/_2$ четверика житного севу"[6]).

[1]) Цитир. переписная книга 7107 г. (ibidem).
[2]) Цит. писцовая книга старца Варсонофия 169 г.
[3]) Цит. переписная книга 7107 г.
[4]) Цит. писцовая книга старца Варсонофия 169 г.
[5]) Цит. переписная книга 7107 г.
[6]) Цит. писцовая книга старца Варсонофия 169 г.

Скажем несколько слов относительно других Беломорских соловецких волостей, где земледельческое хозяйство находилось в аналогичных условиях. В перешедшей к соловецкому м-рю в 1614 году Шуерецкой волости, при отводе, было зарегистрировано 49 дворов живущих с населением 92 человека. Пашни паханной отведено было в живущем 36 луков, жита высевалось в полях 14 четей с осминою и полуосминой, а сена выкашивалось 556½ копен. Но в таком виде Шуерецкая волость переживала период некоторого запустения, еще не оправившись от прежнего разгрома „свейских немцев" и Басаргина правежа. Следует заметить, что при упомянутом отводе этой волости соловецкому м-рю в ней оказалось пустых 55 тяглых дворовых мест и 47 луков, с которых некогда собиралось 609½ копен сена [1]). К половине XVII в. Шуерецкая волость несколько оправилась. Дозорщик старец Варсонофий в 1661 г. отметил в ней 60 крестьянских дворов с населением 136 человек, живущих луков было 48¾; ежегодно засевалось в волости до 31 чети с полуосминою житного сева, сена выкашивалось до 1118 возов. Бобыльских дворов в 1661 году было здесь 20 с населением 32 человека. Тяглые крестьяне „припахали" уже после „отделу" (1614 г.) и „после писца" (1629 г. старца Сергия) к своим тяглым луковым угодьям ряд волостных „припашей". Не сданные в кортому крестьянам и бобылькам земельные угодья закашивались на м-рь; с них прикащик получал 412 возов сена. Кроме того, тяглые волостные крестьяне продолжали заниматься и ценным промыслом. Правда, к 1661 году крестьянское соляное производство в Шуерецкой волости несколько сокращается (до 2-х „живущих" ценов). Это, очевидно, потому, что здесь же рядом существовали монастырские варницы [2]).

Кемская волость, оказавшаяся во владении соловецкого м-ря полностью в 1591 году, как в свое время мы уже отметили, находилась в сильно разоренном виде. Взору отводчика представлялись уже не дворы, а дворовые места. Тем не менее и в 1591 г. в Кемской волости по ухтам запахивалось 15 четей пашни и выкашивалось 300 к. сена. В соседней Подужемской волости пашни по ухтам запахивалось 18 четей с осминою, а сена выкашивалось 132 копны. Видимо, земледелие не давало возможности крестьянину устроить свое благополучие, посему он соединяет с земледельческим хозяйством разного рода промысла. Напр., подужемцы Марко Ануфриев, да Ондрейко, люди середние, которые по словам отводной 1591 г., сеяли осмину ржи и косили 4 копны сена (угодья за ними было пол лука), занимались дополнительным промыслом: „суды делают, да рыбу ловят", говорит о них цитируемый источник. Некоторые крестьяне, повидимому, вовсе не занимались земледелием [3]). К Кемской волости, как известно, относилась волостка Маслоозеро. В 1591 году пашни здесь, по ухтам запахивалось 7 четей. Из всего количества луковых угодий в Маслоозерской волости (6¾ луков) в 1591 г. оставались непаханными и некошенными 5 луков. Как в Подужемье, так и в Маслоозерской волостке земледельческое хозяйство не могло полностью удовлетворять потребностям населения [2]). В волостке Пебоозеро в 1591 г. пашни запахивалось

---

[1]) Книги отдельные волости Шуи корельские Иева Карпова 7122 г.; ср. цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 227, и Досифей III, стр. 95—97.

[2]) Цитир. писцовая книга старца Варсонофия 169 г.

[3]) „Крестьяне Бориско Яковлев, да Федко, да Юшко Фефиловы дети (люди молодые) белку ловят... Васюк Леонтьев да Нефедко Никифоров (люди молодые) ходят в казаках"... Лучших людей в 1591 г. здесь не отмечено, а только середние и молодые. Названы казаки, нанимавшиеся на работу к более состоятельным

[2]) Напр., люди середние Онтонко Логгинов, да сын его Ситко и племянник Нестерко промышляли рыболовством... у них проживал казак Гридя. Другой крестьянин

2 чети, а сена косили 37 копен [1]). Кемская волость переживает запустение и в последующие годы. В 1599—1600 г. в самой Кеми отмечено было 24 печища, среди них некоторые были пустыми, дворов 42, среди них 4 двора бобыльских, да „келейка", поставленная на погосте „убогим" человеком Володей Шаралиным, промышляющим полупоездом. Некоторые бобыли занимались хлебопашеством и имели репные огороды, у большинства были только огороды. Напр., бобыль Истома Масельский в поле сеял 3 четверти меры, имел огород репной, сена косил за рекой полвоза и, кроме того, промышлял полупоездом. Многие крестьяне не могли держать за собою всего тяглого угодья полностью, поэтому часть последнего числится за м-рем. Особенно часто остаются за м-рем „воды", т.-е. доли в рыбных промыслах [2]). М-рь, видимо, концентрирует рыбные промысла в своих руках. Среди бобылей мы видим несколько ремесленников [3]). В таком же положении в это время находилось хозяйство в волостках Подужемской (где отмечено 6 дворов и 9 печищ), Пебоозерской (3 двора и 4 печищ) и Маслоозерской [4]).

В 1646 г. по сказке приказного старца Кемской „службы" Калинника, в Кемской волости насчитывалось 10 дворов крестьянских, обитатели которых или „промышляли торжишком", или „ценишком соль варили", или же „кормились морским промыслом: на море нерпу добывали". Здесь же отмечено 10 дворов бобыльских, население которых занималось разного рода промыслами: секло дрова к варницам, работало соловарами, ловило рыбу и т. д. В 14 дворах казачьих обитал тогдашний пролетариат—казачки, о которых цитируемый источник говорит, что они „на м-рь всякое поделье труждаютца, забор делают и в м-рь наймуются в наймах, а своими дворишками живут".

В таком же виде находилось хозяйство и в Кемском „присуде": Подужемье, Маслоозере и Пебоозере [5]). Главным занятием местного крестьянского и бобыльского населения была рыбная ловля, изредка попадается крестьянин-солепромышленник; во второй половине XVII в. в Кемской волости мы встречаем только один крестьянский црен, с которого в м-рь поступало оброку 2 рубля. Довольно отчетливо вырисовываются главнейшие виды монастырского хозяйства в этом районе. Это, главным образом,—„заборное дело", о чем мы будем подробнее говорить несколько ниже [6]).

Не играло большой роли земледельческое хозяйство и, в Керецкой волости, где было развито рыболовство, слюдный, жемчужный, мельничный и соляной промысла. В частности, хлебопашество составляло здесь очень редкое явление. Нам лично известен только один случай хозяйственного

Костя Микитин, имевший угодья пол лука, но без пашни, также ловил рыбу и белку. Крестьянин Нефедко Шерсть, сеявший осьмину ржи и косивший 5 копен сена, ходил на лодьи в казаках".

[1]) „Книги Кемские отделу Семена Юренева 99-е (1591) г...

[2]) Напр., двор Трофимко Григорьев в поле сеял меру жита; сена косил на теребу 1½ воза, имел репной огород, поезд, да полневода, а полтрети лука вод и пожни морские за монастырем; двор Михейко Якимов на печище Василья Брадатого; в поле сена воз... а пол л ка вод и пожни морские за монастырем.

[3]) Напр., бобыль Петр Охлябин—печемаз.

[4]) Цитир. переписная книга 7107 г.

[5]) Цитируемая „сказка" встретилась нам среди ряда других памятников в соловецком архиве.

[6]) Сол. архив „Выписка из книг соловецкого м-ря разных служб приказных старцов, сколько в которой службе збирается с монастырских вотчин с лавок, и з дворов, и с сенных покосов, и с пашенных земель, и с новоросчистных пол, и с ценов, и с рыбных ловель и со всяких монастырских згодей данных и оброчных денег"... (Памятник, 2-й половины XVII в.)

опыта в этом направлении. Уже после дозора и переписи Керецкой волости Алаем Михалковым (в 1609 г.) на оз. Елети „стала" новая деревня в 5 дворов с населением в 14 человек. Крестьяне этой „новоприбылой" деревни пахали пашню между озерками на двор по осьмине ржи на „росчистях", расчищаемой ими „вновь", и с росчисти снимали „по однова" хлеб, так как никакого другого хлеба не сеяли. За этими крестьянами были и сенные покосы по речке Сиговцу, озеру Астахме и др. озерками [1]). Несколько лучше обстояло дело в Керецкой волости с сенными покосами. Нельзя забывать, что в Керецкой волости находился ряд усолий (Чупское, Порьегубское), где для хозяйственных надобностей содержались монастырские лошади и крупный рогатый скот, поэтому в писцовых книгах и других памятниках хозяйственного быта по названной волости мы встречаем, особенно в районах Чупской и Порьегубской губы, теребки, поженки и кострища, а среди луковых згодий, на ряду с морскими тонями, лешими озерками и ухожаями, звериными и птичьими ловищами явно обозначено и „сенные покосы". Располагал соловецкий м-рь сенными угодьями в волости Умбе, где за ним была 1/4 всех угодий (остальные 3/4 числились за „Кирилловскими" [2]) и в Варзужской волости [3]).

Некоторые монастырские усолья по берегу Онежской и Двинской губы имели и земледельческое хозяйство. В 1590 г. при передаче соловецкому м-рю Нюхоцкой волости в ней числилось паханной земли в живущем около 201 чети, пустующей 145 четей (всего, след., 346 четей); сена косили в живущих угодьях около 1282 копен, в лежащих в пусте— 840 копен (всего, след., 2122 копны). Источники под 1590 годом свидетельствуют о значительном преобладании перелога над пашней в этой волости. Например, в д. Лашковской Терентьевой на острове (на р. Нюхче) пашни паханной было три чети с третником, а перелогу 22 чети без третника в поле; в другой деревне Пуминовской Оксеновской земли паханной насчитывалось 15 четей, перелогу 20 четей в поле [4]). В 1661 г. в Нюхоцкой волости засевалось житом 4 полоски; одна из них была в длину 34 саж., поперек 27 саж., другая—в длину 36 саж., поперек 9 саж.; размер остальных двух полосок точно установить трудно; жита на этих монастырских пашенных полосках высевалось 5 мер. Для корма монастырским лошадям прикащик собирал с пожень и морских покосов 335—430 возов сена.

Тяглых крестьянских дворов в Нюхоцкой волости в это время насчитывалось 59 с количеством населения 150 человек, тягла под ними

---

[1]) Сол. архив „Книги четверти Керети волости соловецкого м-ря вотчины письма и дозору Алая Михалкова.. лета 7117".

[2]) Сол. арх. Писцовые книги письма и дозору Мирона Веньяминова с тов. 131 и 132 г.

[3]) В 1634 г. м-рь так распорядился своими огородными и сенокосными угодьями в Варзужской волости: 2 огорода оставлены были за монастырским двором. Пожни были отданы в аренду („ис празги") соловецким крестьянам и волостным людям частью за денежную плату, частью за изделие в пользу монастыря. Например: крестьянин Мартын Пантелеев за пожню празги платил 6 а. 4 д., другой крестьянин Михайло Бордин за четверть пожни в Бахтиной пятине должен был выпрясть полпуда пеньки на „матичное", другую половину той же пожни косил Степан Бордин, за что также прял полпуда пеньки. За пожню в Колонихе крестьянин Михайло Бордин прял пуд пеньки; были изделья 1 1/2 пуда пеньки. Всего, таким образом, крестьяне должны были выпрясть за арендуемые пожни 21 п. 82 гривенок пеньки. Каждый пуд, как известно, имеет 40 гривен, или гривенок больших, т.-е. фунтов, а каждая гривна делилась на 2 гривенки малые или „скаловые", (Костомаров. Очерк торговли, цит. соч., стр. 185).

В 1678 г. Умбский прикащик за пряжу 2-х пудов пеньки на невод и гарвы уплатил 1 р. 6 а. 4 д. с пуда, следовательно, взято было 20 алтын. (Сол. арх. Книги сол. м-ря Умбские волости старца Матвея приходные и расходные деньгам 186 г.)

[4]) Отводная книга Смирного Шокурова... Нюхоцкой и Унежемской волостей в вотчину за соловецкий м-рь 7098 (1590) г. (Сол. арх.).

в живущем числилось 10⅝ обеж, житного севу на обжу приходилось по 16 мер, следовательно, высевалось 170 мер; сена с тяглых покосов крестьяне собирали 1380 возов. По данным писцовой книги старца Ильи (1611 г.) за нюхоцкими крестьянами числилось тяглых живущих обеж 12, кроме того, они брали на оброк припашей на 36 мер житного сева. В 1661 г. некоторые нюхоцкие крестьяне сосредоточили свои занятия на земледельческом хозяйстве. Напр., Нефедко Ларионов Карманов со своим пасынком Петрушкой Горловым пользовались 1 тяглой обжей, засевая жита 4 меры с четвериком, да собирая с поля и с морского берега 31 воз сена. Крестьянин Анисимко Васильев, сын его Степанко и внук Никитка имели 1 тяглую четь, засевая 2 меры и собирая 31 воз сена. Затем, они имели припаши на Котелихе: поле в длину 40 сажен, а поперек 31 сажень средней земли, другое поле-припаш в длину 40 сажен, а поперек 16 сажен пахотной худой земли. Кроме того, Анисимко Васильев со своим сыном и внуком расчищали под высоким бором новую припаш, на которой, по крестьянской сказке, они засевали жита 3 четверика; 5 лет они могли пахать свои росчисти безоброчно, а потом должны были выплачивать в м-рь оброка по 2 ал. 2 д. с меры. Некоторые крестьяне соединяли земледелие с соляным промыслом. В 1661 г. за Нюхоцкими числилось 7 тяглых цренов, но доли отдельных участнико в общем были незначительны: ¼, ⅛, 3/16 црена и т. д. Бобыльские дворы,—этот неизбежный аттрибут русской деревни XVII ст. отмечены дозорщиком старцем Варсонофием и в Нюхоцкой волости: дворов бобыльских было 13, а населения в них 21 человек. Среди бобылей встречались люди пашенные. Бобыль Ивашко Вавилов, Чавкуров с сыном Денисом имели против своего двора припаш в длину, 22 сажени и поперек 10 сажен пашенной худой земли, всего 1/12 обжи; от этого поля пригорожено было вниз 15 сажен и в другую сторону 22 сажени поскотины худые земли за оброчную плату 6 денег. Бобыль Володька Сергеев Ендопожанин с детьми Анашкой и Петрушкой, владели против своего двора припашью в длину 25 сажен, поперек 9 сажен пашенной худой земли (1/12 обжи); за двором бобыля Ивашки Вавилова они владели покосом худой земли в длину 20 сажен, поперек 14 сажен. Кроме того, в разных местах бобыль Володька со своими детьми пользовались теребами (в одном месте своей „чищенины") и поженьками с которых получали 10 возов сена. Но такие бобыли были в той же Нюхоцкой волости счастливым исключением. [1])

В соседней небольшой Унежемской волостке пахотной земли мы не видим ни в XVI, ни в XVII ст. В 1599 г. здесь были только 4 крестьянских двора и 1½ обжи угодий [2]). Дозорщик старец Варсонофий, отметив в Унежме 7 крестьянских дворов с населением 26 человек, за которыми попрежнему оставались 1½ обжи тяглых угодий, замечает, что „пашенные земли у них нет нигде ничего, только репничишка нужные по каменным щелям". Сена унежемские крестьяне косили 87 возов (в разных местах); кроме того, они держали на оброке 2 тяглых црена. Один из них находился на р. Ляменице и пользовались им из оброка четверо крестьян (за каждым было по чети црена), а другой—на ручью Медвежьем, держали на оброке трое крестьян (у двоих из них было по ¼ црена, а у третьего ½ црена [3]).

---

[1]) Цит. „Писцовые книги старца Варсонофия 169 г."

[2]) Цитир. „Переписная книга 7107 г."

[3]) Цитир. „Писцовая книга старца Варсонофия 169 г."

В волостке Кушрецкой, бывшей за соловецким м-рем на оброке, в живущем угодий насчитывалась 1 выть (без 1/32), в переводе на четвертную пашню это составляло 15 четвертей с осьминою [1]).

Мы рассмотрели такие волости соловецкой вотчины, где своей запашки м-рь или вовсе не имел, или же производил ее в очень ограниченном масштабе; только часть сенокосных угодий м-рь эксплоатировал непосредственно; с остальных же угодий, бывших на тягле или на оброке за волостным населением, м-рь-вотчинник получал дань и оброк. Изученный нами материал позволяет сделать такие выводы: 1) Беломорские волости перешли к соловецкой вотчине в опустошенном виде. Это опустошение выразилось в сокращении площади тяглого крестьянского землевладения и в росте бобыльства и казачества; 2) восстановление хозяйства в этих волостях происходило крайне медленно и выявлялось оно не столько в переходе из „пустого" в „живущее," сколько в оброке пустующих угодий волостными крестьянами, в „припашах" и в эксплоатации „новорочищенных" мест; 3) земледельческое хозяйство в названных нами волостях состояло, как в обработке пахотных участков, так и в эксплоатации сенокосных угодий; им были заняты гл. образом волостные крестьяне, но не стояли в стороне от него бобыли и казачки. 4) с земледелием почти всегда связан был к.-л. промысел (соляной, рыболовный и др.); общий упадок крестьянского хозяйства отразился и на сокращении промысловой деятельности в монастырских волостях, 5) разорение монастырских волостей проявилось в экономической дифференциации населения; но рост бобыльства и казачества значительно обгоняет рост зажиточного хозяйства.

В соловецкой вотчине были и такие волости и деревни, где среди пашни крестьянской расположена была и пашня монастырская; можно назвать ряд деревень, где м-рь всемерно пытался наладить свое земледельческое хозяйство. Обозрение этих земледельческих (в полном смысле слова) угодий начнем с „Онежских" деревень. Мы уже видели, сколь много заботы и внимания проявлял соловецкий м-рь в создании материальной базы для своих Онежских усолий, сосредоточивая в своих руках ряд пашенных деревень в Каргопольском уезде. Главною причиною, которая побуждала соловецких прикащиков развить свою колонизаторскую энергию именно в этом направлении было наличие здесь не только „середней" но и „доброй" земли. В 1556 г. по данным писцовой книги Якова Сабурова, в Каргопольском уезде (в Турчасовском стане) в восьми волостях за соловецким м-рем числилось $20^{5}/_{8}$ тяглых и $12^{5}/_{12}$ обеж оброчных, 4 тони морские, озерко 2 пожни сенные. В частности, тяглые угодья распределялись следующим образом: в волостке Рангонеме из $27^{7}/_{12}$ обжи на долю соловецкого м-ря (в четырех деревнях) приходилось $2^{7}/_{8}$ обжи; в волостке Нермоше на $19^{1}/_{8}$ обеж волостных соловецких было $^{3}/_{4}$ обжи; в волости Тевзогоре всех обеж было $16^{1}/_{8}$, из них соловецких (в 3-х деревнях) было $2^{7}/_{8}$ обжи. в Пертнеме на $10^{1}/_{2}$ обеж волостных соловецких (в 3-х деревнях) было $7^{13}/_{16}$ обеж; в Пияле насчитывалось $10^{3}/_{8}$ обеж, на долю соловецкого м-ря из этого числа приходилось $1^{3}/_{8}$ обжи; в волости Вазеницах из $9^{1}/_{8}$ обеж за соловецким м-рем была 1^{1} 16 обжи; на Владычне в Ордомском погосте всех обеж числилось $34^{23}/_{24}$ обжи, в том числе соловецких $2^{7}/_{8}$ обжи; в Лямецкой волости из 4 обеж волостных 1 обжа была за соловецким м-рем. В этих же разных волостях, в 12-ти деревнях размещены были $12^{5}/_{12}$ обеж, бывших за соловецким

---

[1]) „Список с перечневой выписки с писцовых книг прошлых годов,... какова учинена при игумене Рафаиле.. 7141 г." (Сол. арх.)

м-рем на оброке [1]). Несколько позднее, в 1590 году, соловецкие угодья в Каргопольском уезде, Турчасовском стане, были распределены таким образом: 12 деревень, в которых находилось 10 1/8 обеж пашенной земли, были приписаны к разным монастырским усольям в этом же уезде [2]). В ряде Онежских волостей монастырь имел 10 тяглых деревень, где числилось 12 1/2 обеж земли [3]). Кроме того, в разных волостях здесь же за м-рем было 9 оброчных не тяглых деревень, где насчитывалось 10 обеж пашенной земли [4]). В самом конце XVI ст. соловецкий м-рь имел в Заонежских волостях 30 обеж угодий [5]).

Особенно важное значение в соловецкой вотчине имела волостка Пертнема. Еще в 1556 г. принадлежавшая к Пертнемской волостке. Никитинская (2 крестьянских двора, пашни 5 1/4 обеж) была „вся соловецкая"; то же писец (Яков Сабуров) говорит относительно д. Олеховской (3 дв. 2 1/4 обжи), в д. Лужек (где числилось 2 двора и пашни 3/4 обжи) м-рь имел свои доли (5/16 обжи [6]). Пертнемская волостка снабжала хлебом и самый м-рь. Напр., в 1609 г. пертнемский прикащик старец Веньямин доставил в м-рь хлеба 200 четвертей ржи да жита 280 четв.; в 1611 г. новый прикащик Азарий отправил туда же ржи 158 четвертей и жита 190 четв., в 1613 г. он же доставил в м-рь жита 205 четв. Даже в годы, непосредственно следовавшие за великой Московской смутой, Пертнемская волость менее, чем другие, отражает на себе следы недавней разрухи. В 1617 г. в ведении пертнемского прикащика находилось 6 деревень, да 1 пустошь; пахотной земли в ней было 79 с осминою четей доброй земли, 21 четь середней и 33 чети худой; перелогом и лесом поросло 10 четей с осминою доброй земли, 5 четей середней и 8 четей худой. Все это составляло 10 5/8 вытей в живущем, да 2 1/6 выти в пусте [7]).

Обстоятельства, вызвавшие опустошение Беломорских соловецких волостей и в свое время уже отмеченные нами, так наз. „Онежских" деревень не коснулись непосредственно. Но обще-русский экономический кризис второй половины XVI ст., тягость податной системы и ряд других

---

[1]) „Книги соловецкие отчины списаны с каргопольских писцовых книг Якова Ивановича Сабурова 7064 г." (Сол. арх.).

[2]) В волости на Владычне к соляному промыслу были приписаны деревни: Антоновская, пашни 3/4 обжи, д. Олутинская на Рогозине горе, пашни в ней 2 1/8 обжи, д. Михалиха, пашни 1/8 обжи, д. Родионовская и Пыкшинская, пашни 2 обжи. В волости Затевзской к новому цренному промыслу приписаны были деревни: Турбаева, пашни 3/4 обжи, д Килинская, пашни 3/4 обжи, д. Грихновская, пашни 3/4 обжи. В Пияльской волости к цренному промыслу приписаны были: д. Былова, пашни 1 обжа, д. Олутинская, пашни 1/4 обжи, дер. „за Оченгою" оброчная, пашни 1/2 обжи. В волости Лямце к соляному промыслу была приписана д Чубальская, пашни 1 1/8 обжи. Со всех этих приписанных к соляным промыслам деревень в государеву казну м-рь платил 13 р. 29 алт. 4 д. (кроме, разумеется, дани с самих цренов).

[3]) К этим деревням наши источники относят в волости Пертнеме: д. Никитинскую, пашни 5 1/4 обеж. д. Лужек, пашни 1 четь обжи, д. Олеховскую, пашни 2 1/4 обжи. В Городецкой волости в Рагонеме: д. Плаксинскую, пашни 3/4 обжи, д. Филипповскую Тырлова, пашни 1 1/8 обжи, д. Юшковскую, пашни 3/4 обжи. В Клещепольской волости: д. Тюшинскую и Онтомановскую, пашни 3/4 обжи. В волости Вазеницах: деревню (названия не имеется), пашни 1 обжа. В волости в Хачале: д. Онкудинову, пашни 1/3 обжи. С этих деревень м-рь платил в казну дани и оброку 20 р. 7 алт.

[4]) В Городецкой волости д. Филипповская Тырлова, пашни 1 1/2 обжи, д. Баклановская, пашни 2/3 обжи. На Владычне: д Корельская, пашни 1 1/2 обжи, д Роспопинская, пашни 1 1/2 обжи, д. Федоровская, пашни 1 обжа. В Прилуцкой волости: д. Павловская, пашни 1 1/2 обжи, д. Кузминская, пашни 1/2 обжи, д. Давыдовская, д. Кожуховская, пашни 1 1/2 обжи. С этих оброчных деревень шло в казну оброка 2 р. 2 алт. 4 д. с полушкою.

[5]) Цитир. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 199.

[6]) „Книги соловецкие отчины списаны с каргопольских писцовых книг Якова Сабурова 7064 г." (Сол. арх.).

[7]) Сол. арх. „Книги 7125 году соловецкого м-ря вотчины, что по дозору старца Ильи Большого, да Александра Булатникова"...

факторов, несомненно, отозвались соответствующим образом и на них. Разрушение крестьянского хозяйства, проявлявшееся в самых разнообразных формах от дарения-вклада включительно до заклада своего угодья крестьянином соловецкому м-рю наши источники отмечают в Каргопольском уезде, Турчасовском стане, как вполне обычное явление. Как мы уже имели повод показать, события смутного времени особенно тяжело отразились не только на положении крестьянского хозяйства в этом районе, но и монастырского. Особенно отчетливо это бросается в глаза, если сопоставить некоторые цифровые данные о состоянии хозяйства в заонежских волостях в течение ближайших лет, непосредственно следовавших за смутным временем. В 1615 г., во время дозора Каргопольского уезда Семеном Языковым и подъячим Осокиным за соловецким м-рем в оброчных и белых деревнях в разных волостях Каргопольского уезда, Турчасовского стана числилось: в живущем 4½ деревни, 2 деревни пустые, 2 пустоши (без трети пустоши), 1½ деревни „в пусте"; дворов: 1 двор монастырский, 2 места дворовые монастырские, 5 дворов половничьих (и 5 человек населения в них), 4 двора пустых, 1 место пустое; пашни: середние земли 31 четь без пол пол третника, худой земли 20 четей с третником; перелогом и лесом поросло: середние земли 51 четь, а худой земли 57 четей, сена „на живущее и на пусто" 416½ копен. В тяглых деревнях в разных волостях под этим годом за сол. м-рем отмечено: 19 деревень без полтрети деревни, 2 деревни пустые, 2 пустоши, запахивавшиеся наездом, да 3½ пустоши „в пусте"; дворов живущих было: 10 монастырских, где проживали старцы и слуги, 24 двора монастырских, где проживали детеныши и „промышленники" в количестве 25 чел., 22 двора половничьих (там проживало 23 половника), 7 дворов бобыльских (где было столько же и бобылей), 4 двора пустых и 2 пустых места; пашни паханной насчитывалось: добрые земли 34 чети с осминою, середние земли 50 четей с пол третником и худой пашни 9 четей с третником; перелогом и лесом поросло: „добрые" земли 50 четей, середние 128 четей с небольшим и худой земли 14 четей. Сена косилось на живущие угодья 309 копен, да в пусте 1388½ копен [1]). В 1617 г., след., через 2 года после названного дозора, земельные угодья соловецкой вотчины в Каргопольском уезде распределялись таким образом. В тяглых деревнях м-рь имел здесь в живущем 2 погоста, 10 деревень полностью, 2-х деревнях по ⅓ доли, в 2-х деревнях по 1 жеребью, 3 пустоши (запахивались на монастырь наездом), 1½ пустоши „в пусте". Дворы, которыми владел в этих волостях сол. м-рь, распределялись на такие категории: 9 дворов монастырских и скотных, 16 дворов половничьих, 14 дворов соловаров, 8 дворов бобыльских, 10 дворов детенышей, 2 двора м-рских пустых и 7 дворов крестьянских; четвертной пашни в этих волостях насчитывалось 201 четверть с полуосминой и четвериком; в переводе на вытный расчет, это составляло 4⅝ вытей. Всего же в Каргопольском уезде за соловецким м-рем в белых и черных деревнях в 1617 г. оказывалось 7⅝ вытей „в живущем", а по сошному письму это составляло пол пол трети и пол пол пол четверти сохи и 2 четверти без третника пашни. „В пусте" в белых и в черных деревнях оказывалось по сошному письму треть и пол пол полчетверти сохи и 12 четвертей с осминою. Мы не можем, к сожалению, перевести всю указанную пустующую и живущую пашню из вытного и сошного расчета на четвертной, так как нам неизвестно точно, количество доброй, середней и худой земли, механически включенных в одну общую сумму.

[1]) Список с дозорных книг Семена Языкова, да подъячего Семена Осокина 7123 г. (ibidem).

Между тем, на выть здесь шло доброй земли по 12 четвертей, середней— 14 и худой по 16 четвертей, а в соху включалось доброй земли 800 четв., середней 1000 четв. и худой 1200 четв. [1])

Еще несколько позднее, в 1621 г., угодья соловецкой вотчины описывавшим уезд дозорщиком Иваном Прохоровичем Воейковым обрисованы в таком виде. Обеленных из тягла было 8 деревень, 1 селище в припуске, 3 пустоши; в них находилось 4 двора монастырских, 1 двор пустой и 2 места дворовых; в Турчасовском уезде 3 амбара, 2 двора, где проживали монастырские детеныши (3 челов.), 7 дворов половничьих (а самих половников 8 человек), 5 дворов половничьих пустых. Тяглых деревень за сол. м-рем числилось 11, 2 деревни и 2 пустоши „в припуске", 4 пустоши; в этих тяглых деревнях было 8 дворов монастырских, 1 двор пустой, 2 дв. поповых, 2 дв. дьячих, 1 дв. пономарский, 10 дворов половничьих (а самих половников 13 челов.), 14 двор., где проживали дровосеки и соловары; 23 двора пустых половников, 7 дворов соловаров, 10 мест дворовых половничьих („а дворы тех мест пожгли и людей побили литовские люди, а иные разошлись безвестно"). Пашни паханной в обельных деревнях доброй земли 19 четей, середней земли 9 четей с третником, худые земли 10 четей; да перелогом и лесом поросло доброй земли 86 четей, середней земли 19 четей без третника, худой земли перелогом 9 четей с осминою, да лесом поросло 79 четей. Всего, след., пашни паханные и переложной и поросшей лесом доброй, середней и худой земли было 231 четь с осминою. В тяглых деревнях пашни паханные середней земли было 32 чети без пол осмины, да перелогом и лесом поросло 220 четей с осминою; худой земли паханные 3 чети без третника пашни, да перелогом и лесом поросло 13 четей с третником. Всего, следовательно, пашни паханной и перелогом и лесом поросло середней и худой земли было 268 четей четей с третником. Если же иметь в виду все угодья соловецкого м-ря в Каргопольском уезде вместе, как в обеленных деревнях, так и в тяглых, то пашни паханной и перелогом и лесом поросло доброй, середней и худой земли оказывалось 500 четей без получетверика, иначе $5^{5}/_{16}$ вытей „в живущем" и „в пусте" $30^{11}/_{96}$ вытей [2]). Таким образом, убыль „живущей" паханной земли, запустение целых деревень, исчезновение дворов, рост перелога, появление на сцену половничества—вот, что, прежде всего, резко бросается в глаза при изучении земледельческого хозяйства соловецкой вотчины в Каргопольском уезде непосредственно за событиями смутного времени. Писцовые книги по соловецкой вотчине не только констатируют факт запустения той или другой деревни, но с хозяйственною аккуратностью объясняют причины этого запустения. Причины эти однообразны. В д. Олутинской 2 двора половничьих; „запустели потому, что половников Томилку Шемяку да Ивашку Коншина убили литовские люди." Такие причитания старцев дозорщиков (Ильи Большого и Александра Булатникова) или правительственных агентов (Семена Языкова, Ивана Воейкова и др.) мы встречаем по поводу запустения целого ряда деревень и исчезновения обитателей их, напр. в д. Ларионовской (Нижмоозерской волости) все 5 дворов сожгли „литовские люди". Встречаются (неоднократно) и другие объяснения указанных выше явлений. В д. Олеховской (в волостке Пертнеме) один половничий двор запустел от того, что обитавший в нем Калинка Семенов „сшел безвестно". Причины для такого бегства у половников имелись, и наш источник добросовестно сообщает их. Из дер. Лужка

[1]) „Государева сотная грамота Онежская 125 (1617 г.) на все Онежские промыслы". (ibidem).

[2]) „Книги письма и дозору Ивана Прохоровича Воейкова, да дьяка Третьяка Коншина 129 г." (ibidem).

(той же Пертнемской вол.) половник Микитка Пуминов в 1621 г. „сшел безвестно от хлебные скудости". Половники уходили целыми партиями. В д. Карповой горе (Нижмоозерской волости) одновременно запустели 7 дворов, потому, что обитавшие там половники (Олешко Солодяга, Филька Резин, Ивашко, Гришка, Федька, Афонька да Максимка Кореляне) „сошли от хлебные скудости". В 1620 же году от той же „хлебной скудости" сошло 6 половников в д. Власовой горе (Нижмоозерской волости). Большинство случаев уход половников со своих дворов падает на 1620—21 г.г. [1]). Мы изложили далеко не все известные нам из писцовых книг факты убыли населения из Онежских волостей соловецкой вотчины. Но даже из приведенного материала можно видеть, что запустение этих волостей не остановилось с оффициальной ликвидацией смуты.

Разорение и запустение Онежских волостей изживалось медленно. Даже к средине XVII ст. во многих волостях хозяйственная жизнь не достигла прежнего своего уровня. Укажем в качестве примера на одну из таких разоренных волосток. В 1562 г. волостка Поле на р. Кодине состояла из 4 деревень и одного селища; в ней было 22 двора пашенных и 6 непашенных с населением 44 человека; четвертной пашни в ней насчитывалось в это время середней земли 24 четверти, худой—17 четв. с осьминою, сена 97½ копен [2]). В 1621 г. эта волостка состояла из 4-х деревень живущих и 1 пустоши на оброке; в ней было 24 двора крестьянских с населением 25 человек, да 13 дворов пустых, а „жильцы" тех дворов или „розошлись безвестно" или же „вымерли". Пашни паханной „середней" земли в ней было 51 четь с третником, да перелогом оброчной земли 7 четей и „пустотной" 38 четей без пол пол третника, а всей земли пашенной и переложной было 96 четей с полуосминой в поле а в дву потому ж; сена живущей пашне косили 110 копен, а в пусте 291 копна. Земледельческое хозяйство Польской волости переживало тяжелый кризис именно в 20-е годы XVII ст. В д. Фофановской все 6 крестьянских дворов „охудали" от хлебного недорода. По всей видимости, этим „охуданием" об'ясняется значительное количество перелогу в этой деревне (пашни паханные середние земли 9 четей с третником, да перелогу 7 четей в поле, а в дву потому ж). В д. Ескинской вдова Федорка Терентьевская скитается „меж дворы", а 4 крестьянских двора „охудали от хлебного недороду"; в д. Курсановской „жильцы" 7 пустых дворов „розошлися безвесно" [3]). В 1646 г. волостка Поле состоит уже из 2-х деревень. В д. Савинской, где еще в 1621 г. находилось 9 дворов, теперь обитает только 1 половник Стахейко Фолин; в другой д. Софоновской (в 1621 г. она называлась Курсановское усолье и состояло из 12 дворов) к 1646 г. крестьянские дворы совершенно исчезли, их заменили: „дв. монастырской на приезд старцом и служкам для соляного промыслу", двор скотный, 3 двора бобыльских, дровосечьих и соловаров [4]). Если продолжить наши наблюдения и сопоставить экономическое положение других Онежских волостей за 2 года 1621 и 1646 г., то получится вполне определенное впечатление почти полного исчезновения самостоятельного крестьянского хозяйства. Вместо крестьян, ведущих свое хозяйство, по этим волостям

---

[1]) Ibidem.

[2]) „Список с сотные Никиты Яхонтова с товарищи на волостку на Поле, что на Кодине реке". (Сол. арх.).

[3]) „Список с книг письма и дозору Ивана Прохоровича Воейкова, да дьяка Копнина. (Сол. арх)".

[4]) „Книги письма и дозору Ивана Стефановича Велкова, да под'ячего Михаила Казакова". (Сол. арх.).

в м-рских дворах разместились монастырские половники, детеныши, дровосеки, соловары и казачки. Относительно меньше коснулось разорение Онежских волостей, расположенных по Двинской стороне: Лямецкой, Пурнемской и Нижмоозерской. В 1652 г. по данным писцовых книг Никиты Григорьевича Яхонтова, в волостке Лямце было 4 деревни, 20 дворов пашенных, 2 дв. непашенных, тяглого населения 23 человека; паханной (четвертной) пашни средней земли 16 четвертей, сена 40 копен, все составляло $1^1/_3$ обжи. В Пурнемской волостке отмечено тем же писцом 8 деревень, 24 двора, населения 29 человек; четвертной пашни средней земли 37 четв., сена $92^1/_2$ копен, все это равнялось 3 обжам. В Нижмоозерской волостке насчитывалось 4 деревни, 12 дворов с населением 14 человек, 2 двора пустых, четвертной пашни середней земли 24 четверти, сена 60 копен, по обежному счету это составляло 2 обжи [1]). В 1617 г. в Лямце было 2 деревни и 1 пустошь, запахиваемая на м-рь „наездом", тяглых крестьянских дворов отмечено 4, четвертной пашни без перемены в разных полосках 30 четей с осминою; в живущем 2 выти, в пусте $1^5/_{24}$ выти. В Пурнемской волостке дозорные книги старца Ильи Большого да Александра Булатникова под 1617 г. отмечают 3 деревни; пашни в разных полосках на м-рь 29 четей с осьминою ($2^3/_4$ выти), в пусте 29 четей и $1^1/_2$ осмины (3 выти); крестьянской пашни 24 чети с полуосьминою в живущем ($2^1/_3$ выти) Таким образом, к 1617 году в Пурнемской волостке убыло 5 деревень и значительный процент пашни. Новым явлением в Пурнемской волости в это время были бобыльки и казачки (их отмечено 18 человек). В Нижмоозерской волостке в 1617 г. зарегистрировано было 4 деревни, 21 двор с населением 41 человек; пашни паханной в полях и в припашах 85 четей с полуосминою середней земли (в живущем 5 вытей без $^1/_{24}$ выти [2]). В большинстве Онежских деревень м-рь взял под свою запашку почти всю площадь запахиваемой земли; встречающаяся еще иногда крестьянская пашня довольствуется незначительною площадью. Даже в волостке Пурнеме, где число крестьянских дворов и населения было сравнительно значительным (14 дв. и 37 чет.) монастырская запашка в 1633 году (3-х деревнях, в полях и в разных полосках составляла 29 четей с осьминою) преобладала над крестьянскою (27 четей с осьминою). Но в Нижмоозерской волостке в 1633 году вся паханная земля в количестве 86 четей с полуосьминою середней земли (что составляло в общей сложности 5 вытей без $^1/_{24}$ выти) находилась под крестьянской запашкой [3]).

Прилагал усилия м-рь-вотчинник и к тому, чтобы наладить земледельческое хозяйство в своих угодьях, бывших в центральных районах Московского государства. Так, напр., в Пузыреве м-рь уже в XVI в. имел свою запашку, откуда хлеб поступал в Вологду [4]), а оттуда на монастырских дощаниках доставлялся в м-рь. Из дошедшей до нас уставной грамоты игумена Филиппа крестьянам с. Пузырева от 2 мая 1561 г. видно, что в это время крестьяне пользовались 33 вытями земли, с которых они платили монастырскому прикащику ежегодно хлебного оброку с выти по 4 четверти ржи, да 4 четверти овса, кроме некоторых других натуральных приношений в м-рь. У м-ря в с. Никольском была своя за-

---

[1]) „Список с сотные каргопольских книг письма Никиты Григорьевича Яхонтова 7070 г.". (Сол. арх.).

[2]) „Книги 7125 г. сол. м-ря вотчины, что по дозору старца Ильи Большого, да Александра Булатникова". (Сол. арх.).

[3]) Сол. арх. „Книги переписные соловецкого м-ря вотчинки Усть-Пурнемской и Нижмоозерской 141 (1633 г.).

[4]) Цитир. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 56 об.

пашка, выделенная из крестьянской, так наз. „десятинная“ пашня, где ежегодно засевалось 33 четверти ржи и 66 четвертей овса. Эту пашню должны были запахивать крестьяне своим инвентарем, а засевалась она монастырскими семенами. Уставная грамота замечает, что если прикащик решит сеять пшеницу, или жито (ячмень), или горох, или гречу, или лен, то крестьяне должны были запахивать пашню и под эти хлеба, „на которых десятинах прикащик излюбит“. Монастырский хлеб крестьяне обязаны были доставить к Вологде на своих подводах по расчету с выти по лошади. При этом на подводу полагалось нагружать по 4 четверти ржи, или 6 четвертей овса. Обратно на тех же подводах в с. Пузырево доставлялась соль по расчету на выть 25 пудов соли. Солода и гречневые крупы дозволялось класть на воз по 5 четвертей, соответствующее количество („против ржы“) можно было класть на воз пшеницы, гороху, семени и крупы запарной [1]). Позднее в с. Пузыреве монастырской пашни насчитывалось 4 выти; 1 выть была за попом, за 2 служними дворами пашни числилось 2 выти; 2 крестьянских двора пользовались оба вместе половиной выти пашни. Следовательно, в с. Пузыреве было $7^1/_2$ вытей пашни. В селе насчитывалось 5 бобыльских дворов. В 13 деревнях, принадлежавших к с. Пузыреву, на 48 крестьянских дворов (с населением 48 чел.) приходилось пашни 14 вытей. Таким образом, как в с. Пузыреве, так и в его деревнях пашни было всего 21 выть; пустых долей насчитывалось 5 вытей с осьмаком, да в пустошах числилось 7 вытей; бобыльских дворов было 9. В 1690 году в с. Пузыреве было 49 крестьянских дворов [2]).

Следует отметить пашни в погосте Красный Бор, в Юрьеве Наволоке, Пермогорской волости Устюжского уезда. По данным сотной 1678 г., земельные угодья соловецкого м-ря в Пермогорской волости представляются в следующем виде. В д. Сверчевской паханной пашни худой земли в поле было 7 четей, а в дву потому ж, 1 двор половничий распадался между крестьянином Коземкой Тимофеевым с сыном и соловецким м-рем. В д. Сверчевской же в 2-х дворах обитали половники соловецкого м-ря в количестве 6 человек; пашни паханные худые земли 4 чети в поле, а в дву потому ж. В д. Драчевской обитали 4 половника сол. м-ря, пашни паханные худые земли 12 четей в поле, а в дву потому ж, лесу пашенного насчитывалось 7 десятин, а непашенного 10 десятин. В дер. Тарховской, в 3-х дворах жили крестьяне, пашни паханные числилось худые земли 12 четей в поле, а в дву потому ж, сена 120 копен, лесу пашенного 7 дес., непашенного 10 дес. в живущем. В д. Едоме находился 1 крестьянский двор, пашни паханной худой земли 9 четей в поле, а в дву потому ж. В 1678 г. бобыльских дворов числилось здесь 49 [3]).

Большое значение в хоз. жизни м-ря имели вкладные и прикупные деревни на р. Двине, в том же Устюжском уезде, в Комарицком стане, Канской волости: Новинская (или Новинки) с двумя „прислонами“, Авраамовская, Синящина, Нифонтова и Плаксинская. Отсюда хлеб отправлялся в монастырь [4]).

---

[1]) Акты археогр. эксп., т. I, № 258, стр. 283—285.

[2]) „Выписка из книг соловецкого м-ря разных служеб приказных старцев, сколько в которой службы збираетца с монастырских вотчин, с лавок и дворов и сенных покосов и с пашенные земли—данных и оброчных денег“ (Сол. арх.).

[3]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 19, л. 539—555; ср. Досифей III, стр. 167—178. В 1678 г. в д. Драчевской и Сверчевской посеяно было ржи 20 мер, да ярового (ячменя и овса) 37 мер; в д. Шеинской—ржи 3 меры, ярового 5 мер. (Русск. Историч. Библ. т. XIV, кн. 2, стр. 1180).

[4]) Пашня в этих деревнях обрабатывалась при помощи половников (на их лошадях и их же инвентарем). Посему собранный хлеб распределялся обычно таким образом. Из „лутчево“ хлеба оставлялся запас на семена для будущего посева, а затем „за симяны,

Рыболовство составляло один из главных видов занятий населения русского севера; широко применялось оно и в хозяйстве соловецкой вотчины. Обширные монастырские волости: Варзуга, Умба и Кемь могли считать рыболовство основным своим промыслом. Кроме того, рыбные промыслы были популярным занятием и в некоторых других монастырских волостях, напр., по р. Выгу. В XVII в. соловецкий вотчинник медленно, но упорно продвигался к Мурману. Наши главнейшие источники для изучения хозяйства соловецкой вотчины: писцовые, дозорные, отводные и приходно-расходные книги по многочисленным монастырским волостям и за разные годы говорят о нескольких способах рыбной ловли. Это—забор, поезд, „ез" или прикол. В качестве орудий рыбной ловли называются гаровы (или гарвы), невода, верши, уды и т. д. [1]). Забор ставился обычно в устьях рек и состоял из бревен или кольев, вбитых в дно реки; в заборе делались отверстия, в которые вставлялись особые приспособления—верши или сетки [2]). Забор, главным образом, предназначался для ловли семги, возвращавшейся обратно в море с верховьев рек, куда она направлялась для метанья икры. Чтобы пересечь реку, забор должно было строить значительной длины. В 1683 году, в устье р. Кеми, у церковного острова забор, принадлежавший соловецкому монастырю вместе с крестьянами, через реку равнялся 161 сажени. В этом заборе расставлено было 6 верш. Участие дольщиков в добыче, по словам одного из наших источников, выражалось следующим образом: „сколко когда даст бог рыбы семги или сигов, и ту рыбу всее делят пополам: одна половина на монастырь, а другая крестьянам". Но в пользу монастыря в конечном счете переходила часть добычи большая, чем половина, так как из крестьянской половинной доли кемский таможенник взимал еще десятину. В таких случаях, когда забор был „общей" у монастыря с крестьянами, сооружался он „пополам", т.-е. монастырскими работниками и крестьянами „вместе", чередуясь погодно. Напр., в той же Кемской волости одни „колили" заречную сторону, а другие от церковного острова. Если летом или осенью половодьем смывало к.-л. сторону этого забора, то починку производили те, кто ставил ее. Из нашего источника мы узнаем, что за забором вниз по Кеми реке до Каменья, берегом (750 сажен), а от Каменья до зашейка нижнего порога (135 сажен) население ловило рыбу поездами („поездовщики поездовали" [3]). Ловить „поездом" или „поездовать" означало ловить

что бог приполону (урожая) пошлет", то делилось пополам между половниками и м-рем. Монастырская доля этого приполонного хлеба отправлялась на остров, в м-рь. Укажем для иллюстрации количество хлеба отправленного в м-рь из этих угодий в некоторые только годы.

Г О Д Ы	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Горох
1662	134 четв.	4 четв.	60 четв.	71 четв.	4 четв.
1663	120 „	5 „	50 „	60 „	3 „
1664	3 „	— „	не отправлялись	— „	— „
1665	121 „	— „	37 четв.	34 „	1 „
1688	125 „	— „	120 „	142 „	— „
1689	200 „	— „	122 „	142 „	— „
1691	305 „	— „	129 „	132 „	— „

Кроме того, из этих деревень в м-рь вывозились кожи яловичьи, холст, сукна сермяжные, овчина и др. „товары" („Сол.арх." Книги приходные и расходные сол м-ря Вологодские службы 169—173, 195—199 и др.).

[1]) Уды изготовлялись особыми специалистами-кузнецами. В Холмогорах, напр., монастырские бобыли-кузнецы приготовляли уды даже для мурманских промыслов.

[2]) Такой забор просуществовал на севере до наших дней. (А. П. Энгельгардт. Русский север. Путевые записки. СПБ. 1897 г., стр. 28).

[3]) Сол. арх. „Описные книги 7191 (1683) г., речного згодья Кемского городского соборного старца Игнатия Казанца"...

рыбу неводом, длиною обычно 10—15 сажен на особых, большею частью 2-х поездных карбасах,— небольших узких лодках [1]). Далее идут так называемые приколы. Приколы—это вбитые в дно реки и особыми жердями („слегами") переплетенные колья. Длина известных нам монастырских и крестьянских приколов в XVII в. была различна: от 52 сажен до 5 сажен. У „прикола" также ставились сети—гарвы [2]). Количество последних было неодинаковым: от 10 и до 1,—в зависимости от величины прикола. Так как количеством приколов и стоявших при них гаров определялся размер платимых в монастырь податей, то монастырскому прикащику, естественно, вменялось в обязанность зорко следить за тем, чтобы „больши тех приколов крестьяном по реке ни по которой стороне без указу не ставить, и гаров не прибавливати и захребетных сетей не держати и стрежней [3]) не перебивать"... За нарушение этого на виновного налагалась пеня в монастырскую казну 5 р., а лишние гарвы или „захребетные" сети д. были браться „за ослушание" в казну.

В 1683 году на р. Кеми монастырь имел 5 „приколов" в Кильбоострове. Приколы эти были в сравнении с крестьянскими значительного размера: от 52 саж. до 37 саж. Возле приколов были размещены гарвы, всего в количестве 40 штук. На Якострове находилось 4 гаровных места, где, чередуясь („переменяючи местами"), ловили рыбу гарвы монастырские и крестьянские. Крестьянские приколы находились вверх по реке, от Кильбоострова и Бабья-наволока, в количестве 6, да за речной Гажевой стороной 3 прикола; все они были меньше размером монастырских: от 20 и до 5 сажен. Во всех этих приколах расставлены были 22 гарвы [4]).

В Керецкой волости соловецкий монастырь еще в 1574 г. имел доли (8 луков без четверти) среди $48^{1}/_{12}$ волостных луков. Так как по своим лукам волостные люди „ведали промеж себя" в Керети и на тонях по морскому берегу ловлю красной рыбы семги, а по лешим местам в речках и озерах ловили мелкую рыбу, то, естественно, монастырь имел свои доли в рыбных угодьях, в р. Керети, Пулонге и в морских тонях [5]). Кроме обычной доли в тонях луковых-тяглых, монастырь держал (в 1574 г. и 1609 г.) две тони на оброке: в Кузокотской и Керецкой губе [6]). В начале XVII в. за соловецким монастырем в Керецкой волости числилась $^{1}/_{4}$ доли во всех рыбных угодьях; в это время всех вообще угодий в Керецкой волости насчитывалось $46^{1}/_{12}$ луков.

В волости Умбе, как нам известно, соловецкому монастырю принадлежала $^{1}/_{4}$ волостных угодий. Это составляло $10^{1}/_{2}$ луков (остальные $31^{1}/_{2}$ лук были „за кирилловскими". В такой пропорции были распределены между обоими вотчинниками и рыбные угодья. Неводы и гарвы тот и другой монастыри д. были „держати по лукам" и совместно ловить рыбу, как в тонях по р. Умбе, так и забором (в 3-х верстах от волости по р. Умбе). Соответственно количеству луков, оба монастыри-вотчинники распределили между собою рыбные ловли в речках Оленице, Хлебной и Кузе. По морскому берегу за соловецким монастырем числилось 14 тоней (за кирилловским их было 39). Участие соловецкого монастыря

---

[1]) Даль. Толковый словарь... т. III стр. 981.

[2]) Гарва—ставная сеть на семгу, длиною от 10 сажен, а шириною от 3 сажен. иногда она была пятистенною. (Даль, т. I, стр. 846).

[3]) Стрежни—род невода. (Ibidem, т. IV, стр. 570—571).

[4]) Сол. арх. „Список с описных книг речного згодья Кемского городка 7191 году письма соборного старца Игнатия Казанца".

[5]) Морская тоня соловецкого монастыря шла от Девичьей горы до Кивиканды.

[6]) Сол. арх. „Список с писцовых книг письма и дозору Василья Огалина, да подъячего Степана Федорова 7082 г."

в рыбных промыслах в волости Умбе выражалось в том, что он, совместно с кирилловским, затрачивал следуемую с него долю труда и рыболовных орудий; соответственным же образом распределялась и добыча [1]). Соловецкий монастырь не эксплоатировал самостоятельно свои „луки" в Умбской волости. Из приходившихся на его долю 10½ луков он 5¼ луков отдавал „промышлять" крестьянам [2]), но к 1585 году 1¾ лука крестьяне не могли уже использовать („запустело у крестьян 2 лука без чети"). Таким образом, монастырю пришлось „промышлять" в это время уже 7 луками. В таком положении находилось хозяйство соловецкой вотчины в волости Умбе и в XVII ст. К средине XVII ст. рыбная ловля в соловецкой четверти волостных угодий сосредоточивается преимущественно в руках монастыря. Крестьянские дворы исчезают. Как видно из сказки монастырского приказного старца Симеона Ивану Ивановичу Философову и подъячему Козме Патриксеву, в Умбской волости в 1646 г. существовало 12 бобыльских дворов, из которых 4 двора были пустыми. Некоторые известные нам крестьянские дворы перешли в разряд бобыльских. Например, в 1623—24 г. здесь был крестьянин Гришка Калинин сын Буртов; в 1646 г. сын его Ивашко числится уже бобылем. Такое же превращение в бобыля произошло и с сыновьями крестьянина Фомы Калинина сына Буртова Степанком, да Лучкой. Переходом прежних крестьян в разряд бобылей дело не ограничилось: разорение некоторых из известных нам бобылей продолжалось и далее. Бобыль Васка Манибородa в 1641 году „сшел безвестно", жена бобыля Васки Шевелева Аграфенка „сошла в мир", бобыль Тимошка Земской постригся в Кандалакшском монастыре. Запустевшие бобыльские дворы не находили новых постояльцев [3]).

Но следует отметить и обратное явление. Отмеченный бобылем в 1646 г. Гаврилка Ярославцев позднее, в 1678 г., становится крестьянином и оброчит сразу 8 луков (с ежегодной уплатой оброка 7 р. 8 д.). По переписным книгам 186 (1678) г. стольника Афанасия Фонвизина, в Умбской волости за соловецким монастырем числилось 8 дворов монастырских, да 12 дворов бобыльских. На монастырском дворе жили старцы и служки для рыбного промыслу. По данным приходо-расходных и отводных книг Умбской волости, можно предполагать, что рыбное хозяйство соловецкой вотчины во второй половине XVII в. находилось не в цветущем состоянии. Более широко соловецким вотчинником было поставлено рыболовство в Варзужской волости, куда соловецкий монастырь проник, как в свое время мы говорили, очень рано. Варзуга уже в средине XVI в. была крупною по тому времени волостью несмотря на суровые условия жизни в ней [4]). В 1563 г. источник оффициального происхождения отмечает существование в Варзуге 124 дворов „живущих" с населением 167 человек, 5 дворов пустых и 26 пустых дворовых мест. Среди волостных дворов скромно приютился и двор соловецкого монастыря. Угодий в Варзужской волости в 1563 г. насчитывалось 866⅓ луков, в том

---

[1]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 77—79; 91—93.

[2]) Крестьянских дворов в Умбе за соловецким м-рем в 80-е годы числилось 9, с населением в 14 человек; в 1623—24 г., этих дворов было уже 10 с населением 25 человек, да 2 двора бобыльских с 2 бобылями. (Сол. арх. „Список с писцовых книг письма и дозору Мирона Веньяминова с товарищи 131—132 году").

[3]) „Сказку" эту мы встречали среди неразобранных материалов сол. архива; цитируем по сделанной с нее выписке.

[4]) Переписывавший в 1586 г Варзужскую волость Постник Балакшин сообщает в своих писцовых книгах о варзужанах, что „земли у них нет, хлеба они не пашут, от пашенной земли они за морем за окияном за большою пучиною верст тысечю и больши, и соли не варят, потому что к ним яренных угодий не прилегло нигде"... (Сол. арх.).

числе за соловецким монастырем числилось 19½ луков. Угодья („луки") соловецкой вотчины входили клиньями в волостные луки, которые находились в нераздельном общинном владении („а те де у них никоторые угодья не делены"). По этим лукам варзужские волостные люди „ведали между собой" тони рыбные ловли по морскому берегу и в реке Варзуге неводные и хоровные и поездные ловли, рыбные заборы,... сенные покосы и звериные и птичьи ловища, распределяя луки между собою по своим купчим записям („по крепостям"). За указанные 19½ луков монастырь должен был платить дань в казну, по общей разверстке, 1 р. 17 а. Но у соловецкого монастыря в Варзуге по морскому берегу, от Умбской межи, от речки Оленицы по направлению к р. Варзуге, были „бездонные" и „безоброчные" тони: Каменная, Кашкаранский наволок и тоня-ручей [1]). К 1574 г. соловецкий вотчинник значительно округлил свои луковые угодия Варзужской волости. В это время, по данным писцовой книги Василия Третьякова Огалина, в Варзужской волости угодий числились 858¾ луков, в том числе 105 луков приходились на долю соловецкого монастыря [2]).

Через 12 лет мы видим, что монастырь еще более упрочился в Варзуге. В 1586 году во время переписи волости Постником Балакшиным и подъячим Прокофьем Яковлевым, крестьянских дворов в Варзуге числилось 82 и 32 тяглых места. Соловецкий монастырь владел 10 дворами и таким же количеством дворовых мест. Оброчных угодий здесь было: волостных 429 луков, соловецких 224 лука, троице-сергиева монастыря 115½ луков, сийского моря 45 луков и никольско-корельского монастыря 30½ луков [3]). Быстрое освоение монастырями, в частности и особенно соловецким, волостных луков вызвало серьезные опасения со стороны соответствующих властей. Роздав черные вымороченные и порожие луки варзужским посадским людям, за которыми луков было мало, а иногда и вовсе не было, Балакшин и подъячий Прокофей Яковлев взяли на этих посадских людях „поруки" в том, чтобы „впредь без государева указу тех луков ни в который монастырь не продати и ни по душе, ни вкладом не отдати" [4]). Из писцовой книги Постника Балакшина мы узнаем о способах и приемах, посредством которых сол. монастырь округлял свои угодья в Варзуге и судьбы прежних владельцев этих угодий. Напр., Степан Васильев, продавший свой двор в сол. монастырь, сам „волочился межи дворы". Терентий Косицын, двор которого по купчей перешел к монастырю, перебрался в Холмогоры. Купля, мена, съем двора и лука на оброк, вклад при пострижении (напр., варзужанин Савва Водников), отдача в монастырь „по душе", наконец, заклад под ссуду вот те приемы, которые широко практиковались в Варзуге, как соловецким, так и другими монастырями. Есть основания полагать, что „поруки", выданные писцу Балакшину, не имели реального значения [5]).

---

[1]) „Сотная с книг описи двинян Якима Романова и Никиты Пятунина 7071 года" (Сол. арх.)

[2]) В это число луковых угодий не входили три выше названные луковые угодья бывшие за соловецким м-рем „безданно" и „безоброчно". Сотная с книг письма и дозору Василья Третьякова сына Огалина, да подъячево Степана Федорова лета 7082 (7574 г.) (Сол. арх.)

[3]) Цит. рукоп. сол сборн. № 18, л. 147—149.

[4]) Сол. арх. „Список с сотные с варзужских книг письма и дозору Постника Балакшина да подъячево Прокофья Яковлева"...

[5]) Все рыбные угодья в Варзужской волости в конце XVII в. равномерно делились на 4 четверти, а каждая четверть на пятины. Пятина—1/5 часть четверти, или 1/20 доля всего промысла. В ней насчитывалось 43 лука или жеребья. В пяти пятинах было 215

На ряду с монастырями-рыбопромышленниками в конце XVI в мы видим в Варзужской волости и крупного предпринимателя Федора Кобелева, в пользовании которого был 21¾ лук угодий [1]), но позднее, в XVII в. „новоприкупные" кобелевские луки мы видим уже за соловецким монастырем.

Так как рыболовство в Варзужской волости составляло главное занятие местного населения, а в соловецкой вотчине оно велось, как нетрудно видеть, в весьма крупном масштабе, то, естественно, возникает вопрос, каким именно способом монастырь эксплоатировал свои угодья. Полагаем, что для этой рыбной ловли была организована та многочисленная трудовая армия, которая была представлена местными бобылями. Число монастырских бобыльских дворов в Варзужской волости в 1678 г. равнялось 8, а в 1688 г. оно доходило уже до 12. Некоторые тони монастырь сдавал на оброк за 14 р. и свыше ежегодно [2]).

Рыбная ловля составляла видную отрасль хозяйства в монастырских волостках: Вирме, Шизне, Сухомнаволоке и острове на р. Выгу. В 1594 г. забор в р. Выгу находился в совместном пользовании виремцев, сухонаволочан, шизненцев и островлян: „ловят рыбу по годом". Но ловля рыбы поездами была неограниченною. Переписная книга по этим волостям от 1599 г. выражается по этому поводу достаточно отчетливо: „а поездами промышляют тут же сколке хотят". Особенно выгодное положение занимала Сороцкая волость. На устье р. Сороки, в монастырском дворе, проживали специально „для рыбного промысла" старцы с монастырскими трудниками. В 1661 г., по данным писцовой книги дозорщика старца Варсонофия, монастырь имел в сороцкой волости, в устье р. Выга, следующие гаровные места: к Выгнаволоку над Вибоостровом гарва 60 сажен, под Вибоостровом гарва 60 сажен, над Веногоры гарва 40 сажен, под приколом 2 гарвы по 15 сажен, заостровская гарва 60 сажен, губская гарва 50 сажен, на море, на Шизненской стороне, гарва у бережной щелейки [3]). На устье р. Выга имели рыбные угодья и монастырские

луков Наглядно распределение долей в Варзужских промыслах между отдельными держателями можно представить в следующем виде:

Патриаршая четверть (пять пятин)	Монастырск. четверть	3 пятины троице-сергиева м-ря 1 пятина сийского 1 пятина николо-корельского м-ря
Четверть соловецкого м-ря (пять пятин)	Спасская или Новоспасск. четверть	3 пятины „спасских" 1 пятина патриаршая 1 пятина общая (9 луков патриарш. 1 лук сийского м-ря, 5 луков новоспасск. м-ря и 28 луков соловецких.

Принимая во внимание количество луков в каждой пятине и четверти, получаем следующие данные. За патриархом в Варзужской волости числилось 267 луков, троицких было 129 луков, никольских 43 лука, сийского м-ря 44 лука, новоспасского 134 лука и соловецкого 243 лука; а всего 860 луков.

[1]) О нем, как крупном промышленнике и торговце, говорит известная уже нам таможенная грамота от 1588 г. (Акты археогр. эксп., I, № 338; стр. цитир. сол. сборн. № 18, л. 94—100.).

[2]) В 1621 г. крестьяне Варзужской волости били челом в Москву на старцев Троице-Сергиева, Соловецкого и Сийского м-рей. Как мы уже видели, в Варзужской волости у крестьян озера были „вопче" с названными монастырями. Прикащики соловецкого и др. м-рей отдавали свои монастырские доли рыбных угодий в аренду лопарям, которые в этих озерах ловили рыбу, били всякого зверя, и привозили добычу в Варзугу и продавали ее, но пошлин платить не желали, заявляя, будто они промышляют от монастырей, вследствие этого, в таможенных пошлинах ставитца недобор, жалуются челобитчики. (Акты писцового дела, т. I стр. 166—167. Чт. в общ. ист. и древн. 1913 г., кн. II).

[3]) Эту гарву позднее соловецкий монастырь уступил палеостровскому монастырю взамен соответствующих рыболовных участков в золотицких угодьях.

волостные крестьяне: 8 поездов и 3 гаровных мест принадлежало сорочанам, а 2 поезда—крестьянам волости Шизни. Крестьяне со своих поездов и гаровных мест давали в монастырь третью рыбу; кроме того, они обязаны были весною „колить“ время забор, а осенью стаскивать его на гору, Для этого крестьяне обоих волостей д. были давать людей, „считаяся по поездам“, т.-е. сорочане с 8 поездов, а шизненцы с 2-х. В качестве некоторой дополнительной компенсации монастырь разрешал тем и другим ловить семгу под сороцким забором осенью, после монастырских ловцов [1]).

В соседней небольшой волости Шизне крестьянское население также занималось рыболовством. В 1599 году, кроме забора в реке Выгу в котором шизненцы участвовали с виремцами, сухонаволочанами и островлянами вперемежку по годам, и нескольких поездов здесь же, они имели 4 тонных мест на море, где ловили семгу неводами и гарвами. Кроме того, шизненцы имели поезд в Сороке, где ловили семгу, да в речке Шизне они ловили вместе с сорочанами и сухонаволочанами „по обежно“ (на 1 обжу приходилось по 8 неводов) сельди и корюху. С „семужного“ улова шизненцы давали в монастырь третью рыбу, а с сельдей и корюхи—десятую рыбу, поставляя то и другое в Сумский острог [3]). Переписывавший в 1661 г. шизненскую волость старец Варсонофий отметил за шизненскими крестьянами на море 2 тони и 13 гаровных мест, где они ловили рыбу семгу и отдавали в монастырь десятую рыбу. В 1661 году они вместо рыбной десятины стали платить в монастырь по 2 р. Как мы уже упоминали, шизненцы в это время имели 2 поезда в устье реки Выга, выплачивая в монастырь третью рыбу и поставляя 4 человека для соборного дела в Сороку, да по 2 человека на Выоский остров „колить верхний забор“ [4])... На Выгоострове рыболовство составляло главное занятие, как крестьянского, так и бобыльского населения. Здесь же находился двор соловецкого монастыря, где проживали старцы „для заборного дела“. В так называемой Золотицкой тоне соловецкий монастырь имел 46 участков (владея ими по государевым жалованным грамотам и по данным и купчим новгородских посадников [5]). Здесь же, в Золотце, было 2 участка палеостровского монастыря, но последний передал эти свои доли своему соловецкому собрату взамен, как мы видели, 2-х поездных участков на устье р. Выга в Сороцкой волости и гарвы на шизненской

---

[1]) Цитир. писцовая книга старца Варсонофия 169 г. (Сол. арх.).

[3]) Цитир. „переписные“ книги по разным волостям 7107 г. (Сол. арх.).

[4]) Цитир. писцовая книга старца Варсонофия 169 г. (Сол. арх.).

[5]) В писцовой книге Юрия Сабурова от 7004 (1496 г.) мы читаем следующее: „Спасского“ погоста на Выгоозере, у моря, Марфинской волости Исаковы рыбная ловля на Выгу реки тоня смежная на пороге на Золотце вопче с вежиским да соловецким монастырем да пречистые пустыни Пальеострова; а ловят одною тонею по участком рыбою делят; а в той волости в. князя марфинские 16 участков, Федоровских Глухово 7 участков, Лукинских Федорова 2 участка, Михайловских Берденева 1½ участка, Моисеевых детей Бабкина 1½ участка, а соловецкому монастырю 18 участков. Несколько позднее, в писцовых книгах Ив. Вас. Беклемышева 7059 (1451 г.) видим уже такую запись: „в спасском погосте в волости Марфинские Исаково с рыбные ловли с колов с сетных со штинатцати участков оброку платят в государеву цареву и в. князя казну 4 р. 4 д. в московское число всею волостью с выгоозером и с Нюхчи по половинам; а 12 участков Федоровских Глухово, да Лукинских Федорова, да Михайловских Берденева, да Моисеевских детей Бабкина отдал царь и в. князь соловецкому монастырю и с оброком. Да тое же рыбные ловли на реке на Сороке золотецкая тоня и ез с поездом, оброку с того езу шло в государеву цареву и в. князя казну 2 р. 5 ал. 2 д. в московское число. В 1551 г. этот ез был передан соловецкому монастырю. В 1556 г соловецкий монастырь получил на оброк еще 6 участков в золотицкой тоне, да на устье р. Выга, у моря, 6 поездов. В XVII в. число рыболовных участков у соловецкого монастыря в золотицкой тоне еще более увеличилось и достигло 46.

стороне у бережной щелейки [1]). Крестьяне-островляне в конце XVI ст. „поездовали" по р. Выгу, на Ламбине, доставляя за это в монастырь пятую часть своего улова. В Золотце островлянам разрешено было „поездовать" после старцев, за что они должны были на своих подводах отвозить в Сумский острог ежегодно по 7 пудов семги, „поздные, заморозные, воблые", для отправки в В. Новгород [2]). В таком положении застал рыболовные промысла на Выгоострове дозиравший эту волостку в 1661 г. старец Варсонофий; последний сообщает одну любопытную подробность из этой отрасли хозяйства. Монастырские ловцы обычно „поездовали" на Ламбине 8 дней. До обеда они ежедневно делали 3 поезда, а после обеда до вечера двумя поездами ловили рыбу островские крестьяне за пятую рыбу в монастырь [3]).

Как мы уже упоминали некоторое подсобное значение имел рыбный промысел и в Сухомнаволоке и в некоторых монастырских усольях [4]). Были рыбные угодья („тони") и в Яренгском погосте, перешедшем во владение соловецкого монастыря в 1635 г. В своей челобитной по поводу передачи этого погоста соловецкому монастырю игумен Рафаил утверждал, что „пашенной земли в том погосте нет ни единой четверти". Но несколько лет перед этим писцовые книги Мирона Веньяминова (1623—24 г.) отмечали в Яренгском погосте кроме соляных угодей, тоней и сенных покосов (все это держалось крестьянами на оброке),—еще и пашни паханные худой земли 1/2 осмины в поле, а в дву потому ж [5]).

Большим вниманием со стороны м-ря пользовался „мурманский промысел". Ворванье (китовое, моржевое и тюленье сало) в XVII в. было популярным и ценным объектом северно-русской торговли не только в Холмогорах и на Двине, но и в Каргополе. В большом количестве оно поступало на внешний рынок [6]). Неудивительно, поэтому, что монастырские власти со второй половины XVII в. прилагают все усилия к тому,

---

[1]) Раньше в золотицких тонях имел свои доли и Вяжицкий монастырь (в тони 9-й день), но так как тоня эта сама по себе была не велика и находилась на значительном расстоянии („удалела") от монастыря, то вяжицкие старцы отдали свою долю на оброк в соловецкий монастырь на 30 лет за ежегодный оброк 10 рублей. Думаем, что для этой передачи были и другие мотивы. Соловецкие прикащики чинили вяжицким старцам значительные притеснения, на что те обычно жаловались в Москву (Акты арх. эксп. т. I, № 295, стр 359). Следует принять во внимание и то обстоятельство, что с этой тони вяжицкие старцы получали сами доходу 30 руб. ежегодно, а соловецким прикащикам сдали ее за 10 р. ежегодного оброка. (Акты арх. эксп. т. I, № 295; ср. цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 424—425). Вынужденные предпочесть синицу в руках журавлю в небе, вяжицкие старцы основательно повредили соловецкому рыбному промыслу в Золотце, поставив несколько ниже (в 2-х верстах от Золотца) новый ез. По расчету сообразительных соловецких прикащиков, вяжицкий монастырь доставил этим самым убытку соловецкому монастырю 69 р. с полушкой. В 1622—23 г завязался судебный процесс между обоими монастырями, кончившийся, как есть основания думать, победой соловецкого монастыря (Цит. рукоп. сол сб. № 18, л. 424—5).

[2]) Сол. арх. „Цитиров переписные книги 7107 г.".

[3]) Ibidem. Цитиров. писцовые книги старца Варсонофия 169 г.

[4]) Наши источники отмечают значительное количество рыбных угодий в Каргопольском уезде: в Городецкой волости (1/4 езу), в Пертнеме (озеро и река Сывто), против Пиялы Понгомское озеро и речка Понгома до р. Онеги. Ряд рыбных угодий соловецкого монастыря был расположен от Онежского устья и дальше берегом по двинской стороне, в волостях: Нижмоозери, Пурнеме, Лямце. Имелись тони за Золотицей, на так называемой „летней" стороне (Костылиха, Юричная и др.). В 1619 г. прикащик Летнерецкого усолья Порфирий доставил в монастырь оброчных денег за рыбную ловлю за 3 года 60 р.

[5]) Сол. арх. „Список" с сотной на Яренской погост с угодьи 7138 г. янв. 18; ср. „Отводную" на этот же погост стрелецкого сотника Богдана Зворыкина и подъячего съезжей избы Андрея Савинова; ср. „Список" с государевой грамоты об отказе Кирилло-Белоозерскому монастырю от Яренги (в 1649 г.).

[6]) Костомаров. Очерк торговли Моск. государства, цит. соч., стр. 310.

чтобы „мурманского рыбного промысла не запустить“ [1]), поручая заботы о нем тем, кому это дело „за обычей“, содержа там своих „покрутчиков“ и т. д.

В заключение нашего очерка хозяйственной деятельности соловецкой вотчины несколько слов д. сказать относительно некоторых других промыслов, практиковавшихся в ней. Из них на первом месте д. поставить слюдный промысел. Слюду добывали в Керецкой волости на Пулонском озере. В находившихся там каменных горах промышляли не только местные крестьяне, но, даже, и „прихожие“ люди. Место, где добывалась слюда, называлось „варокой“. Единицей податного обложения был так наз. „ромеш“, который распадался на „участки“. В конце XVII в. соловецкий м-рь производил разработку слюды на 24 участках (12 из них было „снастных“ и 12 „рукавишных“). На монастырских участках промышляли крестьяне и бобыли монастырским орудием („снастми“ [2]). В пользу казны м-рь обязан был давать сначала (до 1609 г.) по 1 р. ежегодно оброку, затем этот рублевый оброк был заменен взносом местному таможенному целовальнику с лучшей („головной“) слуды десятого листа большого и десятого листа до средней и мелкой слюды [3]). В 1689 году из Москвы (из Приказа Большой Казны) последовало распоряжение о посылке за слюдною десятиною в Керецкую волость с Двины от Двинского воеводы голов „за многие дни преже промыслу, чтоб промысл слудной был весь при них голов с товарищи“. Очевидно, правительство, устанавливая такой контроль, было заинтересовано в добросовестном платеже в казну слюдной десятины. Правительственную десятину на крестьянских подводах нужно было и отвозить по назначению. В 1695 г., по требованию голов, приезжавших за слюдою, „десятинная“ слюда доставлялась к Холмогорам на Двину „морским путем“, но потом такой способ доставки слюды был оставлен, так как от него керецким монастырским крестьянам учинилось убытков болши пятидесят рублев“, не говоря уже о том, что возить слюду морем было „опасно“. Правительство само интересовалось слюдным промыслом и, видимо, намерено было монополизировать его; иногда в известном районе слюдный промысел передавался в ведение кого-либо из гостей (например, в 1673 г. в Олонецком уезде он находился в руках гостя Семена Гаврилова [4]). В 1671—72 г. от архимандрита Иосифа неоднократно требовали 2-х, а иногда и 3-х слюдных мастеров в Москву или же в Пустозерский острог для „приискания“ слюды [5]). В том же году был отправлен в Кольский острог „для слюдного опыту“ мастер Аврам Елчанинов [6]). По всей видимости, последний пытался произвести свои разведки на монастырской земле, так как в мае 1673 года, в ответ, очевидно, на жалобу м-ря, на имя Кольского воеводы Нащокина последовало распоряжение не сыскивать руды в волостях соловецкого м-ря [7]). Слюдный промысел давал м-рю значительный доход. Некоторые доли его сдавались на оброк. Монастырская добыча, за вычетом десятины, отправлялась в м-рь. Из Чупы на остров отправлялись целые партии слюды. Из приходо-расход-

---

[1]) Чтения в общ. ист. и древн. Росс. 1887 г., кн. I, стр. 120.

[2]) Акты историч., т IV, 365. Мы встречали специальные бобыльские порядные на слюдные промысла

[3]) „Книги Керецкие волости письма и дозору Алая Михалкова, да дьяка Василья Мартемьянова 117 г.“ (Сол. арх.).

[4]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 19, стр. 360--361.

[5]) Ibidem, стр. 316 – 317.

[6]) Ibidem, стр. 319.

[7]) Ibidem, стр. 404—407.

ных книг соловецкого м-ря мы узнаем, что слюда была предметом монастырской торговли на самом острове.

В 1673 г. стряпчий Афанасий Зиновьев и с ним серебрянный мастер Еремка Денисов были отправлены из Москвы в Умбскую волость на Медвежий остров и в некоторые другие места „для сыску“ и „досмотру“ серебрянных криц серебрянной и золотой руды. Им было наказано взять оттуда серебрянной и золотой руды по пяти и по десяти пудов и привести все это в Москву. М-рь должен был давать для этой разведки („сыску“) работных людей и подводы, как в Умбе, так и в других волостях [1]).

Только несколько слов мы можем сказать относительно „железного“ промысла, наход. в соловецкой вотчине в „Пустыни“ Хотя этот пустынский железный промысел и был предметом значительного внимания со стороны монастырской администрации, однако, полностью он не мог обслуживать потребности монастырского хозяйства в железе [2]).

В керецкой волости существовал жемчужный промысел. Жемчуг искали в реке Керети; занимались этим делом не только керечане („тутошние жильцы“), но и прихожие люди. Из добытого жемчуга местные судные целовальники отбирали на в. князя десятое лучшее зерно; затем этот „государев“ жемчуг отсылали в Колу, а оттуда вместе с остальною собранною данью—в Москву. Значительно был развит в соловецкой вотчине мельничный промысел. Монастырские мельницы, прежде всего, обслуживали потребности своего вотчинного хозяйства, напр., в усольях. Но некоторые из них имели значение промыслового предприятия. Мы знаем несколько таких монастырских мельниц, работавших на постороннего заказчика (в Кехте, Неноксе, Суме, в Лудской волости, в Керети и в других местах); мельничный старец в соловецкой вотчине вел такое же сложное хозяйство при помощи детенышей и бобылей, как и его сосед—усольский прикащик.

Глава шестая.

Из сказанного видно, насколько сложным было хозяйство соловецкой вотчины в XV—XVII в., и какою сильною оказывалась организация вотчинного управления, объединявшая отдаленные соловецкие угодья в одну хозяйственную единицу. Не следует забывать того обстоятельства, что самый монастырь, где сосредоточена была вотчинная администрация на продолжительное время года был отрезанным от сообщения с „берегом“, и тем не менее перебоя в жизни сол. вотчины не чувствовалось. Административный аппарат был налажен так основательно, что даже во время известного соловецкого „сидения“, он продолжал по инерции действовать, несмотря на то, что правительство царя Алексея постаралось наложить на него свою руку. Попытаемся на основании наших источников обрисовать структуру самого соловецкого вотчинника, монастыря-государя, назовем его вольных и невольных слуг и выявим те отношения, которые существовали между монастырем-вотчинником и Московским правительством и Новгородским Софийским домом. Начала, на которых должна была организовываться внутренняя жизнь соловецкой монастырской вотчины, выражены в следующих словах древнего соловецкого типика: „игумен и священницы, и соборные старцы, и вся братия ядят и пиют

[1]) Ibidem, стр. 399—400.
[2]) Об этом было сказано выше.

в трапезе; ества всем ровна, а по келиям опричь немощной братии отнюдь столы не бывают... Одежду всякую и обувь дают всем из казны; а келии священницы и братия кому придется покупают, а которые не купят, и они в казенных живут... А доходу священником и братии, служебником в м-ре, и по волостям по Приказам, и по всем службам указного нет, ни которого, потому что всем всякая потреба из казны" [1]). Каких-либо новшеств, в сравнении с другими аналогичными м-рями, соловецкий м-рь в организацию своего быта не вносил. Приведенная выдержка повторяет обычный устав старых общежительных м-рей, как на Востоке, так и в древней Руси. По буквальному смыслу древнего м-рского типика, сол. м-рь д. был представлять коммуну, организованную на точном разграничении труда между ее членами и на справедливом и для всех равном распределении продуктов потребления. Так должно было быть, но действительность представляла нечто другое. Первоначальная простота нравов насельников соловецкого острова, когда там была „трапеза всем равна, и риза и обуща и питие", не многим пережила „начальников" м-ря. На основании своих источников мы имеем полную возможность утверждать, что уже в конце XV в. произошла аристократизация соловецкой братии; укажем на такой, повидимому, малозначущий, но очень характерный факт: вскоре же после смерти Германа, „спостника" Зосимы и Савватия, на его записанные безыскусственные рассказы о первых насельниках острова в м-ре перестали обращать внимание: „просто бо писана, якоже сказоваше... Герман простою речью..." [2]). На то обстоятельство, что благодаря возроставшему богатству соловецкой вотчины, в ней был „и устав прежней монастырьской переменен", обращалось внимание правительства, специальною грамотою из Москвы напоминавшего в Соловки, чтобы там „прежнего чину монастырского не рушили", и чтобы от искажения прежнего строгого устава „в м-ре безделья какого не явилося"... Нарушителей устава грамота предписывала „смирять по монастырскому чину" и строго приказывала не разносить по келиям „ни ествы, ни питья" [3]). Можно судить, поэтому, насколько был нарушен общежительный устав, если понадобилась специальная царская грамота против этого.

Во главе м-ря стоял игумен, избиравшийся братией из своей среды. Не без особой цели составитель „Житий" Зосимы и Савватия рассказывает о неудачном опытке присылки на сол. остров игуменов из других м-рей. Оба первые игумена ушли с острова „не стерпев пустынного труда". В силу таких обстоятельств, после братского „совещания", решено было „не взимати себе игумена от иных м-рей, но из сущих между себе избрати". Действительно, в последующее время ряд игуменов избирается на месте и только для посвящения избранный отправляется в В. Новгород [4]). Москва в дело не вмешивается [5]). В начале XVI ст. остро стоял

[1]) Досифей, I, стр. 222—223.

[2]) Рукоп. сол. сборн. в библ. б. Казанск. акад. № 175, л. 109 об. Эта порча нравов в соловецкой вотчине очень хорошо передана в рассказе „Пророчество отца нашего Зосимы, начальника м-рю нашему". Причины ее заключались в том, что в м-рь стали проникать лица, „иже преже быша болярские люди"; они и в м-ре не оставляли своих прежних боярских привычек, „превозносящеся высокоумием гордяся и присовокупиша к себе иных братью ласкордством по своему их обычаю". (Ключевский, „Древне-русские жития", цит. соч. Прилож. № III, стр. 459—460).

[3]) Акты археор. экспед. I, № 321.

[4]) Софийский дом не сразу уступил свое право назначать в Соловки игуменов и, пользуясь расслоением самой братии (за самостоятельное избрание ратовала, гл. образом, монастырская аристократия, выдвигавшая своих кандидатов) делал попытки посылать в сол. м-рь игуменов от себя. Разумеется, это вызывало сильный протест со стороны монастырской аристократии. (Ключевский, цит. соч., стр. 460).

[5]) Иногда подавленная партия, желая устранить ненавистного игумена, сама обращалась за посредником к государств. власти в Москву. (ibidem, стр. 460).

вопрос о монастырском и церковном землевладении. Собор 1503 г., по мысли правительства, д. был разрешить этот вопрос в желательном для него (правительства) смысле. Но расчеты на уступчивость владык и „непогребенных мертвецов" не оправдались, вызвав, естественно, раздражение против отдельных лиц. Был удален с кафедры митр. Варлаам [1]). Возможно, что в связи с этими же обстоятельствами пришлось оставить игуменство в сол. м-ре Досифею. В 1514 г. Москва снова вмешалась в дела м-рского управления на Соловках, удалив неугодного ей игумена Ефимия [2]). В последующее время стало уже правилом, что для каждого вновь избранного игумена требовалось „великого князя слово". Мы имели повод показать, как хозяйничало опричинное правительство Грозного в Соловках во время опалы на митр. Филиппа, но отметили и то, что, по целому ряду соображений, уже в 1581 г. пришлось смягчить политику по отношению к крупному северному м-рю. События смутного времени еще более упрочили престиж соловецкого игумена, хотя и позднее московское правительство желало влиять на избрание его. Напр., в 1636 г. правительственным указом был переведен из Соловок в Хутынский м-рь игумен Рафаил. Сообщая об этом соловецкому келарю и казначею, специальная правительственная грамота предписывает избрать нового игумена, но здесь же добавляет, что Никите Котельникову „в игуменах не велено быть"... Несколько позднее келарю (Иоасафу) дано было знать, что в Москве наиболее желательною является кандидатура Варфоломея Коноплева. Навязанный из Москвы игумен был встречен неприязненно, против него образовалась партия, вдохновителем которой был келарь Ефрем Квашнин. Варфоломею был поставлен в вину ряд предосудительных действий, напр., хищение золотой панагии, денег за проданные дорогие меха, жемчуга и т. д. Варфоломей был лишен звания игумена, но в Москве не согласились и на кандидатуру Ефрема, противупоставив последнему Паисия. Ефрем был страшно раздражен этим и даже было избил прежнего игумена Варфоломея и посадил его в тюрьму. В Москве в правящих сферах это обстоятельство произвело удручающее впечатление. Ефрем был вызван в Москву, для производства расследования над б. игуменом Варфоломеем была назначена специальная комиссия, подтвердившая, кстати сказать, возведенные на него обвинения, а новый игумен (Маркел получил предписание „в келари и казначеи выбирать людей добрых, на кого можно положиться" [3]).

В 1651 г. в соловецком м-ре была учреждена архимандрия, и игумен Илья был возведен в архимандриты [4]). Игумен, а позднее, архимандрит избирался пожизненно [5]). Оставить это звание он мог или в случае возведения в высшее иерархическое достоинство, или по требованию гражданских властей. Один только случай нам известен, когда бывший архимандрит

---

[1]) Павлов. О секуляризации церковных имуществ, цит. соч., стр. 47; Голубинский. История русской церкви, т. II, стр. 632, 648—649.;

[2]) Досифей I, стр. 67—68.

[3]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 377 об—378 и об., л. 403 и 409 об.

[4]) Славяно-русскому „игумен" соответствовало греч. „ἡγούμενος" и лат. „abbas", или „praefectus monasterio". В том же смысле применялся и термин ἀρχημανδρίτης (См. Акты Ефесск. Собора (III вселенск.); ср. Novell. 125. 120, c. VI, § 2). Но позднее звание архимандрита (лат. „superior") считалось выше, чем игумен (Тоар). В Византии его обычно назначал патриарх и ведению его подчинен был ряд других меньших м-рей. Glossarium ad Scriptores mediae et infimae Graecitatis. Du Cange.. 1688. Lugduni, t. I, p. 864—866.

[5]) Так было и в Византии. (Н. Скабалланович. Византийское государство и церковь в XI в. СПБ. 1884. стр. 438).

(Иннокентий), оставив этот пост, занимал здесь же, в Соловках, должность казначея, а потом келаря [1]).

Выдвинутый наиболее сильною партией в м-ре игумен или архимандрит не управлял м-рем единолично. Все известные нам жалованные и всякие другие грамоты сол. м-рю на ряду с именем игумена или архимандрита ставят и „всю, еже о христе братию". Ближайшими сотрудниками игумена, а позднее,--архимандрита были келарь и казначей. Особенно ответственным было звание келаря, ведавшего всем монастырским хозяйством [2]). Келаря выбирала вся монастырская братия из способных к этому делу лиц („хто в тех службах годен"). В монастыре этот обычай считался „преданием и началом соловецких чудотворцев" и ревниво охранялся. Заинтересованное в получении из м-ря „вспоможения" на жалование ратным людям Московское правительство, естественно, желало иметь в богатом м-ре келарем своего человека.

В 1626 г., минуя братские выборы, из Москвы назначили в соловецкий м-рь келарем старца Васьяна Напольского. Новый келарь был принят, очевидно, с большим неудовольствием. Когда Васьяна „не стало", в 1629 г. монастырские власти обратились к правительству с просьбой оставить прежний обычай избрания келаря и разрешить „в соловецкий м-рь в келари и в казначеи старцев выбирать братьею на черном соборе соловецкого м-ря постриженцов". Так как благовидных и формальных оснований у правительства для нарушений исконной монастырской практики не было, то пришлось согласиться на эту просьбу, хотя и с оговоркой, чтобы о прошедших выборах, с указанием, кто именно выбран в келари, было донесено в Москву, в приказ Большого дворца, „чтоб нам про то было ведомо"—говорилось по этому поводу в специальной царской грамоте от 15 июня 1629 года [3]). При выборах такого ответственного лица, как келарь, предлагалось присутствие лиц, ближе него заинтересованных по роду службы в личности будущего келаря,—монастырских прикащиков, рассеянных по разным, иногда очень отдаленным, „промыслам" и „службам". Игнорирование „береговых" старцев при выборах келаря, естественно, вызывало ропот и недовольство с их стороны. Видимо, в Москву посылались и специальные жалобы обиженных старцев, иначе ни чем нельзя объяснить полученной в м-ре в 1629 году правительственной грамоты, предписывающей для избирания келаря „съежаться всем береговым прикащикам, чтобы не было впредь ропоту" [4]). Келарь избирался на год и больше; были келари, занимавшие этот пост в течение 5-ти лет, напр., келарь Исаакий с 1596—1601 г. Ближайшим сотрудником келаря был казначей, как и келарь, избиравшийся на черном соборе „ведати приход и росход деньгам и платью" и вообще „всякий обиход в казенной полате". Ниже мы увидим, что представляла собою эта „казенная полата" в соловецком м-ре. Одной из существенных обязанностей монастырского казначея было „ведать приход и росход деньгам монастырской казне". Для этого казначеи вели специальные приходо-расходные книги,

---

[1]) Сол арх Книги приходные и расходные 197 и 205 г. Но были случаи, когда разжалованные игумены проживали в м-ре просто в роли „лудчих" старцев (напр., в начале XVI в. Досифей, один из первых редакторов-составителей Житий Зосимы и Савватия). Досифей, цит соч. I, стр. 67–68.

[2]) „Κελάρης", или „Κελλάριος", лат. „penuarius" заведующий κελλάριον, ταμεῖον, или penarium. Так в греч. монастырях наз. лица, в ведении которых находились кладовые, где хранились хозяйственные продукты, гл. обр , съестные припасы. (Du Cange op cit. p. 631).

[3]) Цитир. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 321—322; Досифей, III, стр. 120—121.

[4]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 18 л. 322.

где „по статьям" записывался приход и расход. По избрании нового казначея небольшая комиссия в составе келаря, новоизбранного казначея и нескольких соборных старцев (не менее 3-х) по этим книгам „считала" прежнего казначея, и если „приход с росходом сходился", книги подписывались всеми членами этой комиссии. Оставшиеся неизрасходованными деньги сдавались в „казну", иногда они (частично или полностью) передавались новому казначею на текущие расходы. Казначей в сол. м-ре обычно избирался на 2 года, но в некоторых случаях казначеи, зарекомендовавшие себя выдающимися способностями, могли оставаться и на более продолжительное время (напр., старец Архип 1596—1601), но по истечению 2-х летнего срока он все же д. был отчитываться в денежных суммах. В помощь келарю, в некоторых случаях (особенно в виду его преклонного возраста), избирался помощник, называвшийся „подкеларником", а в помощь казначею назначался „казенный дьячек", на обязанности которого лежала канцелярская работа: ведение приходо-расходных книг.

Все текущие дела в м-ре решались „по благословению" игумена (или архимандрита) и по приговору келаря... и всех соборных старцов соловецкого м-ря; когда игумена, или архимандрита в м-ре почему-либо не было, достаточным оказывалось „приговора (иногда добавлялось „и приказа") келаря и соборных старцов". Иногда созывался малый черный собор, состоявший из игумена и 12 соборных старцев. В особо важных экстроординарных случаях созывался большой черный собор, на котором присутствовала м-рская братия в полном составе. Господствующею группою в м-ре, заправилами всех м-рских дел, были так называемые „соборные" старцы. Это—монастырская аристократия, державшая в своих руках все управление монастырской вотчиной, систематически правильно чередуясь на виднейших административных постах. Исключительно привиллегированное положение соловецкого м-ря, его материальная обеспеченность и, наконец, значительная изолированность от внешнего мира привлекала сюда как вольных, так и невольных искателей „равноангельского жития". Бушующее море политических страстей выбрасывало на далекие северные окрайны тогдашней Руси не одного отважного, но не расчитавшего свои силы, политического деятеля. Правда, некоторые из них волею судеб снова появлялись на арене общественной и политической деятельности. Бывший игумен Филипп Колычев так и погиб в сане митрополита в борьбе с ненавистной ему опричиной и вернулся в Соловки уже бездыханным телом. Некогда кольский воевода Аверкий Иванович Палицын, затем смиренный старец Авраамий не в силах был умиротворить под монашескою рясой кипучую натуру „воинника" второй половины XVI в.; в разгар революционных движений начала XVII в. он не мог быть уже только объективным зрителем бурным темпом проносившихся событий и желал использовать создавшиеся политические условия уже в интересах своего нового звания—келаря Троице-Сергиева м-ря. Но закат своих много мятежных дней старец Авраамий Палицын провел на своем „обещании" в сол. м-ре, где и умер в 1627 г. [1]). Некоторые постриженники соловецкого м-ря занимали впоследствии высокие духовные посты, начиная от патриаршего (Иоасаф I) и митрополичьих (Филипп, Исидор, Иларион, Игнатий, Рафаил и Иов) до архиепископских включительно (Маркелл и Варсонофий). Хотя принципиально одежду всякую и обувь братия получала от монастыря, так как „всем всякая потреба из казны" бывала, но имущественное расслоение среди монашествующей братии в сол. м-ре

[1]) Цитир. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 319 об.; Досифей I, стр. 129—131; ср. П. Васенко. „Общественное разложение в смутное время" (Русское Прошлое, кн. 5).

ощущалась весьма заметным образом. Знатные постриженники желали иметь известную сумму удобств и в ограде м-ря. Еще древнейший устав позволял монахам покупать себе отдельные кельи или полностью или по частям; даже казенные кельи иногда продавались, хотя, по словам древняго типика, „которые не купят (т.-е. не могут купить кельи), и они в казенных живут". Несмотря на то, что по уставу никаких денег м-рской братии за их службу платить не полагалось, у некоторых, особенно пожилых старцев, оказывалось отдельное хозяйство и большие по тому времени суммы „собинных" денег, которые широко пускались в ростовщический оборот. После умершего соборного старца Нектария (Толочанова) кроме образов в дорогих окладах и ценной по тому времени библиотеки, осталось много одежи, столового и носильного белья, посуды (частью серебрянной) и продуктов („хлебных запасов"). Кроме того, среди имущества означенного старца оказалось несколько кабальных записей на некоторых из братий и на др. лиц и 305 р. 24 а. наличными деньгами [1]). Мы имеем сведения и относительно имущества других соловецких старцев [2]). Соборные старцы, сплошь да рядом, имели своих слуг (у старца Нектария был „человек" Иван и товарищ его Аника). Для создания себе влияния в м-ре, соборные старцы обычно держали у себя учеников, и чем знатнее был старец, тем больше он старался иметь учеников; число последних иногда было значительным, напр., у старца Александра Булатникова учеников было до 9 человек. Попасть в соборные старцы могли, прежде всего, люди зажиточные, которые или раньше, или при пострижении, могли внести в м-рь солидного размера „вклад". Напр., старец Александр Булатников в первой половине XVII в. внес в сол. м-рь „вкладом" 3227 р. и считал, что сделано им все для того, чтобы соловецкий игумен его почитал, „покоил" его старость, „о монастырских делах с ним советовал и ни в чем его не презирал" [3]). Но в действительности этого иногда бывало недостаточно, и требовалась специальная царская грамота для того, чтобы то или другое лицо было зачислено в привиллегированную категорию соборных старцев. Положение таких „назначенных" соборных старцев было неустойчивым. Это можно видеть на судьбе того же Александра Булатникова. После 20-летнего пребывания келарем Троице-Сергиева м-ря старец Александр Булатников „впал в скорбь и нищету". Будучи вкладчиком сол. м-ря, он решил последние свои дни провести у себя „на обещании", в Соловках. Как лицо, очень близкое ко двору царя Михаила (восприемник его детей), Булатников получил специальную царскую грамоту, которая предписывала игумену Маркеллу „покоить" его и „советовать" с ним о монастырских делах. Привиллегированный старец чувствовал себя в Соловках, как дома, и не прочь был наводить там свои порядки. Пока был жив царь Михаил Федорович, Булатникова еще кое-как терпели, опасаясь внушений из Москвы [4]), но со смертью Михаила положение его в Соловках резко изменилось. Когда Булатников вздумал было однажды попенять своим товарищам Левкию и Прокопию на их „бесчиние и слабость" (пьянство и нерадение о „благочинии"), то услышал в ответ „поносные и досадетельные слова,... что де тебе, слепому, за дело; ныне де государя царя

---

[1]) Сол. арх. „Книги переписные келейные рухляди соборного старца Нектария Полочанова 7187 г. марта в 26 день при архимандр. Макарии"....

[2]) Сол. арх. „Книги описные стольника и воеводы кн. Вл. Андр. Волконского, да дьяка Алмаза Чистого".

[3]) Николай (Ярушевич) Церковный суд в России до издания Соборного Уложения Алексея Михайловича (1649 г.) Петроград, 1917 г., приложение IV, № 2, стр. 639—640.

[4]) Цитир. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 412—413.

Михаила и государыни царицы в животе нет, а государь царь и в. князь Алексей Михайлович млад и грамот де о тебе таких в соловецкий м-рь и государева призрения уже не будет и иные... многие поносительные уколные слова говорили... и ни от ково я там обесчестен не бывал, жаловался в Москву в 1646 г. Булатников [1]). Снова из Москвы последовало приказание относиться к Булатникову со вниманием [2]), но несмотря на такую высокую поддержку, положение привиллегированного старца было тяжелым: его лишили даже послушника, необходимого ему ввиду его слепоты. В конце-концов Булатников не выдержал и решил уехать снова в Троице-Сергиев м-рь [3]). Булатников и некот. другие лица добились привиллегированного положения в соловецком м-ре вследствие особого покровительства к ним лиц правящей династии. Но были соборные старцы, выдвинувшиеся благодаря своим служебным заслугам. В 1644 г. из Москвы последовало распоряжение определить в соборные старцы монаха Силуяна за его 25-ти летнюю „медную и серебрянную работу" у медного, колокольного паникадильного, чеканного и котельного дела и у серебрянного литья [4]). Правда, приведенный случай, кажется, был единственным.

Результаты аристократической диктатуры соловецких соборных старцев скоро сказались в расстройстве дисциплины в м-ре. Царская грамота в сол. м-рь от 1636 г. рассказывает, что в м-рь „с берега" привозят горячее вино, разное иностранное вино (всякое красное немецкое питье) и пресный мед. Вследствие этого в м-ре развилось пьянство, а старцы, которые „пьяное питье пьют", стремятся захватить в свои руки все монастырские дела. Они самовольно избивают келарей и казначеев, не считаясь с мнением остальных соборных старцев и черного собора. На последнем они чинят смуту и на ответственные м-рские должности выбирают своих „потаковников", которые бы или „молчали" не наказывали („в смирение не посылали") и т. д. Грамота отмечает существование на ряду с такими недостойными старцами и других, людей вполне достойных, хранивших заветы основателей м-ря. Но таких обычно бесчестили и не давали им говорить на соборе. Захватив в свои руки игуменские, келарские и казначейские посты, окружив себя „учениками", эта монастырская аристократия совершенно обособилась от рядовой братии („живут кельями и заговором"), протежируя своим многочисленным келейным ученикам, которые, в свою очередь, всемерно помогают своим патронам. Само собою понятно, что эта праздная группа не желала нести какой-нибудь „службы", связанной с хлопотами, трудами и лишениями: по усольям рассылались нерадивые прикащики, а из м-ря не находили нужным поощрять их к более энергичной деятельности. Молодые трудники, работающие на монастырских огородах летом, проживают в м-ре и зимою, при том не за оградой м-ря, как это было заведено. Что же предпринимали по этому поводу в Москве? Прежде всего, констатируется, что все это „делается недобро", а затем царская грамота запрещает: 1) держать вино и мед пресный по кельям; 2) выходить за м-рь старцам „для питья" или „для какова недобра"; 3) келарей и казначеев д. выбирать вся братия, исключая тех старцев, которые „пьянственное питье пьют и на черных соборах смуту и ропот чинят"; 4) количество учеников сокращается до 1—3 человек; 5) запрещается впредь „жить по кельям" и „заговором"; 6) на службу по усольям д. было посылать старцев

[1]) Николай (Ярушевич) цит. соч., стр. 640—642.
[2]) Ibidem, стр. 642—645; Цит рукоп сол. сборн. № 19, стр. 18—23.
[3]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 19, стр. 26—29, 47—48.
[4]) Цитирован. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 412 и об.

„добрых", избранных на черном соборе, считая их „в приходе и расходе"; молодых трудников нужно содержать отдельно за м-рем, а на зиму высылать их в Кемь или в Сумский острог [1]). Можно было писать какие угодно грамоты, рекомендовавшие „смирять всяким смирением, смотря по вине, хто чево доведетца" провинившихся, но изменить создавшееся положение вещей было очень трудно и едва ли всегда возможным делом. Игумены были бессильны бороться с разложением монастырской дисциплины; от этого „настроения" они часто сменялись, а в периоды „междуцарствия", закосневшие в пьянстве, вражде и мятежах своенравные лица привыкали жить „по своей воле" [2]).

Значительно многочисленнее была рядовая братия [3]). Для пострижения в монахи вообще требовался вклад. Хотя, повидимому, размер этого вклада точно фиксирован не был, но все же он не для всякого смертного был по силам: известные нам „вклады" при пострижении колеблются от 2 до 16 рублей. Чтобы постричься без вкладу, требовались какие-либо особые заслуги со стороны постриженника, или специальная царская грамота из Москвы [4]). Постриг молодых монахов происходил в Соловках в XVI—XVII в. обычно раз в году: в первую неделю после филиппова заговенья. Затем постриженников распределяли между опытными старцами „под начал" [5]). Откуда пополнялась эта монастырская рядовая братия? Среди них мы, прежде всего, видим крестьян и даже бобылей окрестных волостей, бывших посадских людей со всей тогдашней Руси; можем наблюдать случаи пострижения попавших в плен в эпоху смуты поляков и литвинов—последние опыты, впрочем, были неудачными, в некоторых, по крайней мере, случаях [6]).

Хотя по идее весь м-рь представлялся сеньером,—„государем" по нашим памятникам, но оффицальными представителями этой сеньериальной власти были игумен, келарь, казначей и соборные старцы и, еще частнее, сам игумен (позднее архимандрит). Последний так и назывался оффициально. Стрельцы, крестьяне, бобыли и разные другие „сироты" монастырских волостей и посадов свои челобитные адресуют: „государю отцу нашему архимандриту" и т. д. Когда мыслился весь м-рь в целом, то обращение к нему было в таких словах: „в дом Спаса Преображенья и соловецким чюдотворцем Зосиме и Савватию, господину игумену..., келарю..., казначею и всей еже о Христе братии". Крупный м-рь государь имел в своем распоряжении многочисленную служилую и рабочую рать и должен был тщательно организовать свое хозяйство и управление, как в пределах своего „города", так и вне его. Остановим свое внимание сначала на положении соловецкого вотчинника на самом острове, за монастырскою стеною. Присматриваясь к сложному хозяйственному аппарату сол. м-ря, мы убеждаемся в исключительной заботливости монастырской администрации о материальном благополучии м-ря. Очевидно, случаи, указанные в цитированной выше царской грамоте о бесхозяйственности соловецких властей — были редким болезненным явлением. Монастырские житницы и погреба наполнены продуктами не только на текущий момент, но и на многие годы. Хлебные запасы делались в годы, когда хлеб был дешев; во время хлебной „дорогови" монастырские при-

---

[1]) Цитир. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 375—377 об.; Акты археогр. эксп., III, № 262; Досифей, I—II, стр. 277—281.
[2]) Цитир. рукоп. сол. сборн. № 19, стр. 16—17, 46—47.
[3]) Число всей братии в сол. м-ре к половине XVII в. доходило до 350 человек.
[4]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 19, стр. 86, 97, 119, 125, 129, 163, 178.
[5]) Ibidem, стр. 21—23.
[6]) Русск. Историч. Библ., т. II, № 153, стр. 525—528.

кащики, довольствуясь старыми запасами, терпеливо дожидались „хлебу дешевые цены". В годы в. Московской смуты м-рь был в состоянии прокормить у себя многочисленных беженцев. Благодаря значительным продовольственным запасам, собранным в м-рских кладовых за предыдущие годы, м-рь мог выдержать продолжительную осаду царского войска в 1668—1676 годы; мог бы он продержаться значительно дольше. Мы знаем, что в июне 1676 года, следовательно, через каких-нибудь полгода после взятия м-ря, в монастырских житницах было обнаружено (во время описи м-ря и его имущества) 4228 четвертей ржи, 130 четвертей пшеницы, 869 четв. ячменя, 250 четвертей овса, 3355 четв. ржаной муки, 75 четв. муки ячной, 470 четв. солоду ржаного, 130 четв. солоду ячменного, 35 четвертей овсяных круп, 67 четв. ячных круп, 21 четв. толокна, 20 четв. ржаных круп, 3 четв. просяных круп, 1 четв. гречневых круп и 7 четв. гороху. Кроме того, на м-рском погребе оказалось 14 кадей масла коровьего, весом 99 пуд. 20 ф., 7 кадок меду, весом 20 пуд., несколько пудов (12 п. 16 ф.) меду испорченного и $3^1/_2$ бочки вина. Непосредственный надзор за м-рской житницей был поручен особому старцу-ключнику („клюшнику житному"); на обязанности его лежало принимать от кормщиков привозимый в м-рь хлеб, а также выдавать хлеб из монастырских житниц на берег по разным „службам". Старец-ключник обязан был вести точную запись хлебного прихода и расхода.

Прекрасно были оборудованы и снабжены соответствующим инвентарем разные хозяйственные „палаты", напр., котельная, где хранилась медная посуда, поваренная, квасоварня, „хлебная" (пекарня), келарская и многочисленные амбары. Закупленная в Вологде и в др. местах кожа всевозможных сортов и разные принадлежности сапожного ремесла поступали в специальную „чеботную казну", где хранилась и готовая выработанная в особой сапожной мастерской („швальне") обувь. Во главе чеботной службы стоял особый старец-казначей чеботной казны. То же должно сказать и относительно „портной службы". В „портной казенной палате" складывалось то колоссальное количество черных манатейных и сермяжных сукон и овчин, которое закупалось в Вологде, в Сумах, Турчасове и Каргополе на нужды монастырской братии и работных людей, а в портной „швальне" перерабатывалось в соответствующие костюмы. Портная служба была приказана особому портному казначею. Была специальная рубашечная швальня. Как в чеботной, так и в портняжной и рубашечных „швальнях" работали специальные швали на полном монастырском содержании, обитавшие в отдельных помещениях и находившиеся в заведывании особого старца-казначея [1]). Следует принять во внимание целую систему устроенных под палатами и даже под церквами разнообразных кладовых и амбаров, для хранения плотничьих снастей, кузнечных принадлежностей, тесальных инструментов, лодейных снастей и т. д. Наиболее ценные вещи хранились в монастырской казенной палате, находившейся в ведении монастырского казначея. Помещение казенной палаты в сол. м-ре делилось на 2 этажа. В „верхней" казенной палате собраны были монастырские драгоценности: ценного письма и в дорогих окладах образа, монастырские денежные запасы, иностранная золотая и серебряная монета (ефимки), драгоценные сосуды, жемчуг,

[1]) Монастырские мастерские работали не только на братию, на м-рь, но и на рынок. В 1632 г., напр., чеботный казначей старец Леонид продал кожи и шитой обуви, а также выработал в м-рской чеботной швальне кожи местным крестьянам на 34 р. 13 алт. Это далеко не единственный случай; мы знаем их много. Точно также продавались крестьянам огородные семена. (Сол. арх. „Книги прихода денежной казны соловецкого м-ря 140 г. и след.").

дорогие меха, одежа, платье, зеркала, разнообразные ткани, бумага, краски и т. д. В нижней казенной палате были сложены предметы подешевле: медь в полицах и в проволоке, посуда медная и оловянная, как немецкого, так и монастырского дела, олово, свечи, деревянное масло, ладон, стекла, слюда, порох, свинец и некот. др. вещи. После казенной палаты большое значение имела „книгохранительная палата", или монастырская библиотека. Во главе ее стоял специальный „книгохранитель"-библиотекарь из соборных старцев. При передаче („отводе") библиотеки новому старцу-библиотекарю книги переписывались в особые „отводные книги". Эти отводные книги дают нам возможность составить точное представление, как о величине монастырской библиотеки, так и содержании ее. Большое достоинство названных отводных заключается еще в том, что они дают возможность проследить источники пополнения монастырской библиотеки. Многие книги называются „дачею" того или другого лица, напр. дача Ивана Вас. Грозного, митроп. Макария, архим. Никанора, Савватия Обрютина, игумена Макария и т. д. Несколько слов говорится о судьбе некоторых особенно ценных, но исчезнувших книг[1]).

Крупное свое хозяйство м-рь не мог вести без тщательной отчетности. Когда мы непосредственно знакомимся с памятниками монастырского делопроизводства, мы не можем не изумляться тому, насколько хорошо был налажен канцелярский аппарат в сол. м-ре. В недрах монастырского архива, так назыв. „крепостной палате", бережно, в специальных ящиках, хранились все подлинники (с многочисленными копиями) жалованных грамот м-рю на земли, варницы и разные угодья, начиная с первых лет существования м-ря, древних новгородских посадников, в. московских князей, новгородских владык и т. д. Здесь же хранились все купчие, дарственные записи, меновые, отступные и поступные записи, выписки из писцовых и дозорных книг, приходо-расходные книги, отводные книги разных служб и т. д. М-рь существенно был заинтересован в бережном хранении своего архива и особенно подлинников жалованных грамот. Потеря подлинной грамоты сопровождалась весьма неприятными следствиями для м-ря. Волостные власти и даже воеводы и приказные люди иногда отказывались верить копиям этих жалованных грамот, и соловецким старцам приходилось хлопотать в Москве о восстановлении утраченного подлинника[2]). Для того, чтобы документ не затерялся, обычно с него снимали копию, почти всегда не одну, а несколько. Копии эти для справок хранились не только на острове в „крепостной" палате, но и по усольям, у прикащиков, если они так или иначе касались данного усолья. Если в пользовании м-ря попадало каким бы то ни было способом какое нибудь угодье, то от прежнего владельца передавались и соответствующие старые документы, удостоверявшие право его на это владение. Кроме того, копии со всех важнейших жалованных грамот были помещены в особые переплетенные в кожу сборники, облегчавшие пользование этими документами. Для переплета книги, скажем кстати, в казенной палате в особой коробке хранилась „книжная переплетная всякая снасть".

Для лечения больных и увечных старцев и мирских людей в монастыре была больница, занимавшая 2 каменных здания: одно для монахов, другое для мирских людей. В 1688 г. была выстроена специальная больничная церковь, посвященная памяти бывш. игумена Филиппа. Мы не

---

[1]) Напр., при описи библиотеки в 1676 г. в ней не оказалось на месте псалтири с восследованием Зосимы соловецкого. Оказалось, что ее еще перед осадою м-ря „свез" в Москву бывший архим. Варфоломей. Опись библ. сол. м-ря, произведенная в 1676 г., издана в печати. (Чт. в общ. ист. и древн. Росс. 1887 г., кн. I).

[2]) Досифей III, стр. 98 и след.

знаем, какие приемы лечения применяли соловецкие больничные старцы; но за то нам достаточно хорошо известно, что некоторые медикаменты („зелие лечебное") продавались даже на сторону [1]). Располагая достаточной по тому времени библиотекой и при наличии „книжных" старцев соловецкий монастырь уже в XVI в. мог организовать у себя школьное обучение. Из одного источника мы узнаем, что в 1574 г. старец Мисайло Двинянин внес в монастырскую казну 14 р. денег за двоих своих сыновей с тем, чтобы их учили грамоте на полном монастырском содержании („грамоте их учити и кормити и одевати и обувати монастырским" [2]). К сожалению мы не знаем, были ли другие случаи, аналогичные приведенному [3]).

Для полноты обозрения организации монастырского хозяйства следует отметить, что в монастыре была иконописная мастерская („иконная келья") и производилась переписка книг, особенно житийного характера. Как образа, так и книги поступали в продажу богомольцам. Образа „чудотворцевы" обычно „променивались" в таком большом количестве, что икон собственного производства не хватало, и приходилось заказывать по 30, 60 и по 100 экземпляров „сторонним" иконописцам (в Нюхоцкой волости, в Сумском посаде и в др. местах). Часто монастырь снабжал иконописца и соответствующим материалом, выплачивая ему деньги только „от письма" за работу, „а доски и олифа монастырские". Продавал монастырь иконы дороже, чем они ему самому обходились, напр., сам монастырь платил мастеру за образ примерно 2 алт. 3 д., а продавал его за 4 алт. 4 д. [4]).

Там-же, в ограде монастыря, на истоке у св. озера, в двух каменных зданиях помещались 2 мельницы (одна с 2-мя жерновами, а другая с одним), толчея и подсевальня; у мельницы помещалась „солодовая", 2 каменных овина, да 2 каменные же кельи. Для приезжающих в монастырь богомольцев и других должностных лиц были сооружены 2 каменные „гостинные палаты". Вообще, сколько можно судить на основании наших источников, в XVII в. почти все монастырские палаты, кельи и „службы" были каменные; некоторые из них были очень вместительными, даже „о трех житьях"; только 16 житных амбаров оказывались деревянными.

Ограждая свои сеньериальные права и неприкосновенность значительных по количеству и обширных по размеру угодий ссылкой на жа-

---

[1]) Сол. арх. Книги приходные и расходные денежной монастырск. казны 1572—1573 г.

[2]) Сол. арх. „Книги приходные и расходные" казначея старца Архипа 7079—7083 г.

[3]) В некоторых древне-русских монастырях (напр., в Кирилло-Белоозерском, Солотчинском и др.) существовали так наз „голышни",—приют для крестьянских и бобыльских детей, принятых в монастырь за сиротством и за скудостью, пополнявшие затем кадр монастырских работников. Наиболее способных детей из „голышни" обучали грамоте в особых школах для подготовки будущих „приказных". Была ли подобная „голышня" в соловецком монастыре, прямых указаний нет. Но о трудниках, которые „в молодых летех на монастырских огородах труждаются", и для которых монастырь должен был „кельи устрить" и кормить их за монастырем „особно", поручив заведывание ими „старцу старому" или „служебнику доброму" наши источники говорят (Досиф. I—II, стр 277—281; акты арх. эксп., III, № 262; о монастырской голышне в Кирилло-Белоозерском монастыре в XVII в.—см. статью В. Петрова „Дела и Дни" Историч. журнал 1922 г. кн. III, стр. 143—147).

[4]) Сведения об этом мы находим в приходо-расходных книгах соловецкого монастыря за разные года. Из таких специалистов „иконников" нам по имени известен в Нюхоцкой волости Ждан Леонтьев, поставлявший в соловецкий монастырь в 1606—1611 г. целыми партиями „чюдотворцовы образы"; в 20-х годах XVII ст. в Сумском посаде иконописным делом занимался иконник Семен, также как и его нюхоцкий товарищ работавший иногда на монастырском материале. Из профессионалов „книгописцев" нам известен тихвинец Макарий Селивестров, проживавший в монастыре в 60-х годах XVII ст.

лованную грамоту и другой юридический документ, монастырь государь не ослаблял своей военной мощи. Окружавшая монастырь стена из дикого огромного размера камня, „город“ наших источников, 440½ с. окр., пересекавшаяся 8 башнями (3 из них „проезжие“ и 5 глухие) делала монастырь неприступною крепостью. Башни имели по 3 „бойницы“: так наз. нижней, средней и верхней бои, где были расположены пушки; пушки были расставлены и по стене на всем ее протяжении. В 1676 г. по башням и на стене находилось 63 годных к бою пушки и 1 поврежденная. Обязанности специального „городничего“ старца было следить за исправным состоянием стен, точно также, как особому „оружничему“ старцу была приказана „оружейная казна“. В оружейной казне хранилось различное оружие и „всякие служилые разные сбруи“, как-то: панцыри, кольчуги, военные знамена, самопалы разных конструкций, карабины, пистоли и т. д. Здесь же находился и порох, снаряды, свинец, ядра, пули, стрелы, копья и т. д. [1]). В числе военного снаряжения была помещена военная и „братская“ конская сбруя; в оружейной же палате хранилось и цренное железо в полицах, железо немецкое, железо в прутьях, топоры, ломы, пилы, молоты, гвозди и т. д.

Все нити хозяйственной жизни соловецкой вотчины сходились на острове. Сюда с Вологодского подворья, с усольев и других „служеб“ и „промыслов“ поступали вырученные за проданную соль и другие продукты монастырского хозяйства деньги. Отсюда же деньги распределялись по усольям. Монастырь располагал значительным по тому времени денежным фондом. Разумеется, без соответствующего капитала он не смог бы развернуть широко свою промышленную и торговую деятельность. На основании дошедших до нас в большом количестве приходо-расходных книг за разные годы XVI—XVII ст. мы имеем возможность проследить источники накопления монастырского капитала. Своеобразное явление представляли так называемые „вклады“. Под этим термином объединялись различные явления. Прежде всего, вкладом в соловецком монастыре назывались единовременные денежные взносы в пользу монастыря лиц, занимавших неодинаковое общественное положение. Вкладчиками соловецкого монастыря были и новгородский и крутицкий митрополиты, и вологодский архиепископ, и дьяк Андрей Яковлевич Щелкалов, и соборный старец, как соловецкого, так и другого (напр. свирского) монастыря, и новгородский пономарь Терентий, и Москвитин из мучного ряда Михайло Савельев; на ряду с богатым новгородцем Павлом источники в числе соловецких вкладчиков называют безногого Федора Леонтьева сына Лопатина (из богадельни), государева крестьянина какой-нибудь Шуи корельской и казачка Пильско-губского усолья Михайлу Иванова и т. д. Соответственно с этим не одинаков был и размер вклада, доходившего иногда до очень незначительной суммы, напр., 16 алт. 4 д. (вклад торгового человека Москвитина Гаврила Елевфериева в 1603 г.). Очень часто вклады делались периодически. Одно и то же лицо в разное время вносило „вкладом“ разные суммы денег, и в конечном итоге получалась

[1]) Наши источники свидетельствуют о частой закупке соловецким монастырем свинца, пороха и зелья большими партиями (пудов по 50), так как в монастыре и в Сумском остроге „для украины без запасного зелья и свинцу быти нельзя“ (цит. рукоп. сол сборн., № 18, л. 192—193). Артиллерийские орудия, свинец и селитру соловецкие старцы покупали иногда у иноземцев. Напр., в 1616 г. в Архангельске старец Мирон купил у Андреяна Немчина „Барбанские земли“, 7 пушек медных, весом 143 п 2 чети по 3 руб. 10 алт. за пуд; денег всего уплачено было 473 руб. 18 алт. 2 д. У другого „немчина“ Петра тот же старец купил свинцу 201 п. 2 чети 6 гривенок по 15 алт. пуд, за все 90 р. 25 алт. 5 д., а у Леонтия Немчина селитры 25 п. 2 чети 5 гривенок по 1 р. 23 а. 2 д за пуд, а за все 43 р. 18 алт. 4½ д. (сол. арх. Приходо-расх. книги 116—120 г.).

довольно почтенная цифра. Какая цель была у всех этих вкладов, можно видеть из цитированной уже нами челобитной в Москву старца Александра Булатникова, в 1646 г., в которой он жаловался на испытываемое им от остальных соборных старцев „бесчестие". В качестве основного мотива, дававшего ему бесспорное право на покойное и почетное положение в монастыре, Булатников ссылался на свой „вкладец"—3227 руб. денег. Из других источников мы узнаем, что обедневшие вкладчики крестьяне некоторых монастырских волостей в трудную минуту жизни получали от монастыря вспомоществование хлебом. Таким образом, для русского человека XVI—XVII в. вклад носил характер своего рода страхования на случай житейских превратностей, от которых не был гарантирован как дьяк Щелкалов, так и усольский казачек[1]). Особо стояли вклады поминальные, вносившиеся „на помин по родителех"; иногда предусмотрительный вкладчик вносил и „по себе", или „по души своей". Существовала норма таких поминальных вкладов: „за одно имя в сенаник" 5 алтын, год „литийного" поминанья оценивался в 1 р. Но были вклады отдельных „христолюбцев", не сообразовавшиеся с указанной нормой, напр., в 1573 г. из царского дворца „по царице Марфе" было дано 70 р. 20 а., в том же году смоленский владыка Селивестр „по ро-

[1]) Вот образец одной из таких „вкладных", от 167 г. „Божиею милостию в пречестную обитель всемилостивого спаса честного его преображения и пречистыя его богоматере пресвятые владычицы нашея богородицы и приснодевы Марии честного ея успения и преподобных отец Зосимы и Саватея соловецких чюдотворцов вложился в соловецкий монастырь устюжанин посадцкой человек Трофим Иванов сын Чекалев, а родом тотмянин при настоящем тоя обители архимандрите Макарии, при келаре старце Иларионе, при казначее старце Лаврентье, да вологоцкой службы при старце Игнатии Корсакове, при старце Феоктисте, при старце Павле, да красноборской службы при старце Вавиле, при старце Афонасье, при вкладчиках при Иване Ожегове, при Федоре Ильине Мурашиных, а вкладу он Трофим дал в дом всемилостивого спаса и пречистыя богородицы и преподобных отец Зосимы и Саватея в монастырскую казну двор свой на Устюге великом, что подле их же монастырской двор у спасково анбару в петровской улице со всеми дворовыми хоромы без выводу; и нам архимандриту Макарию з братьею при животе ево Трофимове о здравии бога молити, а похочет он Трофим у своего вкладу в соловецком монастыре живучи постричись, и нам ево постричи и покоить ево против протчее брати. А как господ бог по своим праведным и неизреченным судьбам по душу ево сошлет, и нам, или кто по нас в том соловецком монастыре иные архимандриты и братия будут, велеть имя ево Трофимово написать в вечное помяновение в литею и в подстенной сенодик и поминать яко и прочую ево братию по монастырскому чину доколе господ бог благоволит сей святей обители стоять. А жене ево Трофимове Ксенье Максимове дочере построить на Устюге великом келья, где пригоже и давать ей монастырского казенного хлеба по пяти мер ржи, по пяти мер ячмени, по два пуда соли на год по ея Ксеньину смерть, в том ему Трофиму красноборской службы старцы Вавила и Афонасей сию вкладную дали подлинную, вкладную писал на Красном бору бобыль Гришка Беклемишев, лета 7188, февраля в 20 день. У подлинной вкладной соловецкого монастыря старца Вавилы печать приложена; позади вкладной следовали подписи: старца Вавилы, красноборского попа Василия Семенова Шаргина, расписавшегося вместо красноборского соловецкого прикащика Афанасья, Ивашки Ожегова и Федки Мурашева. (Сол. арх. список с вкладной...).

Если монастырь не выполнял своего обязательства по отношению к вкладчику, то последний мог взять свой вклад обратно. Мы знаем такой случай. Григорий Григорьев сын Некрасов в начале 90-х годов XVI в. отдал в архангельский монастырь в Кехте, в нижнем конце, обжу земли (четверть Чевакинской деревни) с тем, что и сам он и дети его некоторое время будут проживать в этой деревне. В 1592 г. когда Григорий Некрасов стал хлопотать о постриге его, против этого „возроптала" в монастыре вся братия на том основании, что раз дети Некрасова остаются во вкладной деревне, то „нам ево зашто постритчи". В силу этого игумен (Евфимий), з братьею поговоря", отказал Григ. Некрасову в постриге и вернул вкладную деревню. Некрасов постригся в Лявлинском монастыре, а в 1620 г. сын его (Леонтий) с племянниками „отступилис," четверти злополучной деревни в соловецкий монастырь. (Сол. арх. „Список с отписи" архангельского монастыря игумена Евфимия от 7101 г. и список с „поступной крепости" в соловецкий монастырь в Кехоцкой волости на четверть д. Чевакинской Леонтия Некрасова 7128 г. мая 5).

дителех“ дал 10 руб. и т. д. Видное место в ряду вкладов составляли вклады „на постригании“,—это как мы видим, conditio, sine qua non для пострижения. В ряду других источников денежного накопления в монастыре вклады занимали видное место, составляя по временам до $^1/_6$ доли всего монастырского дохода даже в то время, когда монастырь развил всесторонне свою хозяйственную деятельность. Разумеется, наиболее значительною „статьей“ дохода была „соляная продажа“. Следует помнить, что деньги „от соляной продажи“ поступали в монастырь уже после произведенного колоссального расхода на закупку хлебных запасов, как для монастыря, так и для усолий; поступал, след., в монастырскую казну чистый соляной доход, но и в таком, уже не полном виде, он был значительным. Деньги „от соляной продажи“ одним только онежским купцам временами составляли свыше $^1/_5$ всего монастырского дохода. Дальше шли разного рода „оброчные“ деньги, „земная“ дань, оброк со всякого рода монастырских угодий: мельниц, оброчных ценов, рыбной ловли, слюдного промысла и т. д. Для полноты картины монастырского бюджета следует назвать и такие значительные статьи дохода, как „молебные“ и „кружечные“ деньги. Те и другие слагались из доброхотных приношений многочисленных богомольцев, увозивших отсюда по домам в отдаленные уголки Руси „промененные“ образа „чюдотворцевы“, „жития“ и свечи.

Сложное монастырское хозяйство требовало и значительных расходов. Широкое применение вольнонаемного труда по усольям и в соляном транспорте, многочисленный штат трудников и работных людей, состоявших на полном содержании монастыря—все это в значительной степени поглощало монастырский доход. Весь монастырский расход может быть сведен к 2-м категориям: 1) расходы сметные и 2) чрезвычайные (сверхсметные). Сметные расходы, в свою очередь, также распределяются по нескольким группам: а) на содержание монастыря и братии и ведение монастырского хозяйства на острове; б) на поддержание соляных и других промыслов и разнообразных служб и подворий; в) государственные повинности (жалование стрельцам, поддержка в боевой готовности Сумского острога, посылка на рубеж „для немецких вестей“, оброк в казну в Новгородскую четверть); г) содержание приходского духовенства и д) жалование монастырским стряпчим, доводчикам и др. „служебникам“. Сверхсметные расходы разбивались на две несоизмеримых категорий: 1) посылка денег в Москву по требованию правительства и 2) разнообразные непредвиденные расходы, напр., на поездку игуменов и других лиц из монастыря, „для монастырского дела“ в Москву, в Новгород и др. города, расходы в связи с тяжелыми политическими обстоятельствами и т. д.

Что хозяйство соловецкой вотчины было прекрасно организовано, в этом не трудно убедиться после непосредственного знакомства с монастырским делопроизводством. Монастырь имел свой более или менее постоянный и однообразный бюджет. Как в свое время мы уже говорили, еще во 2-й половине XVI в. существовала точно фиксированная норма хлебных и денежных выдач по отдельным усольям и, изучая отдельные приходо-расходные книги по тому или другому усолью, мы убеждаемся, что усольские прикащики боятся выйти из нормы. Расход по усольям поглощал большую часть монастырского бюджета. Напр., из израсходованных в 1632 г. с мая по сентябрь месяцы 2837 р. 32 а. по некоторым отдельным усольям разослано 1520 р. Меньше посылал монастырь денег на рыбные промысла: даже относительно крупный промысел по р. Выгу получал 20—30 р. в год. Незначительные субсидии отправлялись на же-

лезный промысел, в т. наз. „Пустынь“ (10—15 р.), и угольный в Шизне, Сороке и Выгу (в год не свыше 10 р. в каждый).

В казну „денежных всяких доходов“ с соловецких владений, расположенных в Новгородском, Двинском, Каргопольском уездах, поступало в первой четверти XVII в. 535 р. 21 а. 2 д., в 30-х годах—567 р. 7 а. 4½ д., а в средине этого столетия 658 р. 33 а. 1½ д. (вместе со 100 р. соляных пошлин). В 40-х годах XVII ст. соловецкий монастырь держал на откупу кабак в Керецкой волости и за „откуп“ он вносил в казну 21 р. ежегодно.

Обязан был соловецкий монастырь платить и церковную дань в „Софейскую казну“. Это так называемый „десятильный доход“ с церквей в соловецких волостях. В 1677 г. с 9 волостных церквей эта церковная дань равнялась 14 р. 26 а. „десятильного дохода“, да „дьячьих пошлин“ и „записного“ 33 алт. Кроме того, в ту же „софейскую казну“ с попов и причетников брался „подъезд и десятины“, венечные пошлины, казенные пошлины, дьячьи, писчие и стопничьи пошлины. Размер подъезда и десятины не везде был одинаков, напр., в Сумском посаде он равнялся 2 руб. 2 а. 2 д., в Кеми 1 р. 23 а. 2 д., а в других волостях—только 12 а. 4 д. (в Колежме), казенная пошлина составляла 5 а. 4 д., дьячая 1 алт., писчая и стопничая 1 а.; венечные пошлины платились в зависимости от качества брака (первобрачные и второбрачные пары). Кроме того, сборщики „софейские казны“ собирали, так наз. „десятильный корм“ в размере от 9 а. 2 д.—до 4 а. 4 д. Иногда собирался еще московский „подъем“ для новгородского митрополита в сумме 4 р. Все эти сборы обычно платил „софейскому“ казначею соловецкий монастырь [1]). Церковному причту в монастырских волостях местные соловецкие прикащики выплачивали ругу в размере приблизительно 8 четвертей ржи да деньгами рубля 2 (напр. в Вирме, Сороке, Нюхче и др. волостях).

Но как бы ни был значительным расход денежных сумм соловецкой вотчины, все же в очень редких случаях „приход был меньше росходу“. При отчетах монастырских казначеев почти всегда „за расходом“ оставалась какая-нибудь сумма, иногда очень значительная [2]).

[1]) Сол. арх. „Книга зборные церковные дани 186 г.“ и др. годов.

[2]) Мы изучили движение денежных сумм в соловецкой вотчине за ряд лет XVI—XVII ст. Не имея возможности загромождать настоящую работу детальным перечнем монастырского прихода и расхода по отдельным годам, представляем картину в несколько сжатом виде (по десятилетиям), отдельно выделив только более интересные года.

ГОДЫ:	ПРИХОД.	РАСХОД.
1571—1580	16992 р. 19 а. 2½ д.	12508 р. 21 а. 4 д
1581—1590	28627 р. 23 а. 4 д.	15586 р. 29 а. 2½ д.
1591—1600	22438 р. 21 а. ½ д.	19580 р 30 а. ½ д.
1603—1610	34976 р. 17 а. ½ д.	30158 р. 9 а 7½ д
1611—1612; 1615—1617, 1620.	26623 р. 12 а. ½ д.	19030 р. 17 а 5 д.
1621—1630	34172 р. 12 а. 2½ д.	21137 р. 20 а. 4 д.
1631—1635, 1639—1640	35085 р. 2 а. 2½ д.	35844 р. 3 а. 4½ д.
1641—1648	42256 р 18 а. 4 д	33702 р. 29 а 1 д.
1661	18432 р. 12 а. 5 д. сереб.	4655 р. 8 а сереб.
	12529 р. 29 а 2 д. медн.	5678 р. 29 а. 4 д. медн.
1662	9502 р. 6 а. 2½ д. сер.	9526 р. 11 а. 1 д. сереб.
	5022 р. 32 а 2 д. медн.	12103 р. 10 а. медн.
1663	11636 р. 31 а. 2 д. сереб.	4844 р. 16 а. 2½ д. сер.
	2008 р. 22 а. 4 д. медн.	653 р. —медн.
1664	17107 р. 27 а. 3 д. сереб.	32580 р. 18 а. сереб
	540 р. 28 а. 4 д. медн.	50 р. медн.
1665—	4960 р. 3 а. 3 д.	8023 р. 13 а. 1 д.
1687—1689	16139 р. 22 а. 2½ д	13572 р. 18 а. 4½ д.
1697—	11949 р. 23 а. 1½ д.	11849 р. 16 а.
1699—1700	10911 р. 30 а. 3 д	7390 р. 32 а. 5½ д.

Примечание К 1666 году в соловецком монастыре медных денег было в наличности 1617 р. 6 а. 4 д., так как по государеву указу „закликано“ (не велено) было торговать медными деньгами, то этот запас был поставлен в казенной палате.

Соловецкий монастырь государь в своем распоряжении имел многочисленную служебную и рабочую армию. Кроме перечисленных уже выше должностных лиц, ведавших монастырское хозяйство, мы видим в самом монастыре особых нарядников по так называемой дворцовой службе. К компетенции нарядника дворцовой службы относилось ведение „дровяною службою", в частности, ему подведомственными были дрововозная изба, наймитная изба, конюшенный двор, где во второй половине XVII в. находилось около 70—80 лошадей, да свыше 100 волов, сенный сарай („чулан"), да конюшенные кельи, где обитали слуги, ходившие за скотом. Хотя посевных полей на острове монастырь не имел, но зато существовали здесь огороды, для обработки которых монастырю приходилось нанимать „недорослей" и просто „наймитов". Напр. в 1611 г. на лето, до Покрова, нанято было в монастырь 256 казаков (с платою по 1 руб. 8 а. 5 д. каждому, а всем вместе 323 р. 27 а. 4 д.); в 1632 г. нанято было 153 взрослых „наймита", да на огород 31 человек „недорослей" (тем и другим было уплачено найму 235 р. 14 а.). Если прибавить сюда многочисленных трудников, занятых на разнообразных монастырских службах, да кормщиков и т. д., то оффициально названная цифра слуг и работных людей в монастыре („с шестьсот человек") сомнений не вызывает. Монастырские трудники и мастеровые в разных монастырских службах пополнялись не только из среды монастырских бобылей и казачков, но и пришлым людом из отдаленных районов. Здесь, в чеботной швальне, можно было встретить и посадского человека из Москвы, и из Лыскова, поповского сына и пленного белорусса из Полоцкого уезда Антипку Иванова и т. д.[1]). Иногда на монастырскую работу шли крестьяне, „по своему обещанию", рассматривая это как вклад. Нам известно, напр., что два молодых кемлянина Федька да Захарка Ивановы дети Цыхкоева д. были работать в монастыре „за вклад отца их"[2]).

Окруженный высокою и по тому времени неприступною стеной, защищенный артиллерией, сол. м-рь „для всякого оберегательства от неприятелей" имел в своем распоряжении и живую военную силу в лице стрельцов. В средине XVII ст. стрелецкий отряд в соловецком м-ре состоял из 100 человек и находился в Сумском остроге; позднее, к концу XVII ст., число стрельцов увеличилось до 125 человек и расположены были они в Кеми, Суме и на самом острове. В обычное, „не военное" время служба этих стрельцов заключалась в том, что они стояли „на опасных караулах" и сопровождали к Москве и в другие города через пустые и бездорожные места „многие версты" правительственных посланцев, гонцов, сборщиков денежной дани, ссыльных людей и т. д. Стрельцы были полностью на монастырском содержании. Ежегодно монастырь выплачивал стрельцам денежного жалования 375 р. и больше, да по 700 четвертей хлеба. Если перевести хлеб на деньги по тогдашней московской цене, то стрельцы обходились м-рю не менее, как по 420 руб., а по поморской цене—800 рублей и больше. Кроме того, на монастырские средства приобреталось для стрельцов оружие, свинец и порох. Что представляли собою стрелецкие отряды в соловецкой вотчине XVI—XVII в. при непосредственном знакомстве с ними? Стрелецкий отряд управлялся двумя пятидесятниками, в помощь которым назначалися десятники. Чтобы быть зачисленным в стрельцы, необходимо было представить соответствующую „запись" от пятидесятников, десятников и (формально) от всех 100 стрельцов, в том, что они ручаются

[1]) Я. Л. Барсков. „Памятники первых лет русского старообрядчества" СПБ, 1912 г., стр. 118. 120—121.

[2]) „Описание сол. архива" (Чт. в общ. ист. и древн. Росс. 1887 г., кн. I, стр. 75).

за своего товарища [1]). Хотя по идее сумские стрельцы считались состоящими „на государеве цареве и в. кн.... всея Руси службе", но поручную запись они выдавали „государем своим властем соловецкого м-ря: государю игумену и келарю, и казначею и всем соборным старцам". Поступавший в стрельцы обязывался: 1) служить ратную и всякую другую службу; 2) нести караул ближний и отъезжий; 3) ходить на немецкий рубеж для вестей и с этими вестями в Москву и к воеводам; 4) в осадное и в „сполошное" время, всякие городовые и острожные крепости делать, копать рвы, ставить тын и чеснок, доставлять в острог („город") хлебные и всякие другие запасы; 5) без ослушания выполнять все приказания соловецкого м-ря архимандрита с братьей („что повелят и куда пошлют"); 6) о государевой и монастырской службе радеть без всякие хитрости: „не красти, не разбивати, убийства никоторого не чинити и корчмы и блядни не держати и зернью не играти и иным никаким воровством не воровати"; 7) со службы не бегать; 8) воров ни в каком воровстве не покрывать, не сноситься с воровскими людьми ни письменно, ни словесно, воровских отрядов у себя не держать [2]); 9) пищаль и зелье и свинец на службе держать монастырское [3]). В случае нарушения стрельцом всех этих обязательств, ответственность падала на его поручителей („поручиков головы в его голову место и государева пеня и хлебное и денежное жалование и монастырские убытки, что в ево воровстве ни учинитца, на порутчиках"). Жалованье годовое стрельцу полагалось следующее: деньгами 3 рубля и хлеба 6 четвертей (3 четверти ржи и столько же овса), и выдавалось оно обычно два раза в год: 1 марта и 1 сентября. Летом, когда стрельцы посменно несли караульную службу на острове, им выдавалось казенное пропитание, но зимою на ближних и дальних караулах они должны были довольствоваться своим провиантом. С двора в стрелецкой слободе, если только стрелец не пользовался к.-л. земельными угодиями, не шло в казну ни дани, ни оброку ни к.-л. других податей.

Такая порука за каждого стрельца, вызывавшаяся самою жизнью [4]), не всегда имела силу, и соловецким властям приходилось иногда „выкидывать" со службы за „воровство" провинившегося стрельца. В таких случаях обычно жалованье полностью не выдавалось, но производился вычет за недослуженное время; точно также вычиталась соответствующая часть из недослуженного жалованья, когда стрелец умирал.

Положенный стрелецкий оклад был совершенно недостаточным, особенно для семейных стрельцов. Мы знаем, что в центре Руси в то время стрельцы в качестве подсобного промысла занимались торговлей. Приходилось подрабатывать и сумским стрельцам, занимаясь кормщичеством на монастырских лодьях, получая за это в летний сезон от 1 р. 10 алт. до 6 руб., т.-е. зарабатывая в некоторых случаях почти вдвое больше,

---

[1]) Таких поручных стрелецких записей от XVII в. в сол. архиве мы встречали очень большое количество.

[2]) Иногда поручная запись выражалась конкретнее: „ни в немцы, ни в Литву не отъехати, и в городе котором будучи, города государевым недругам и супостатам не сдавати".

[3]) Если пищаль на стрелецкой службе портилась без злого умысла („без хитрости") стрельца, то последний за это не отвечал; в противном же случае за испорченную или потерянную вещь платили поручившиеся за данного стрельца лица.

[4]) Стрельцам часто приходилось „грабежом" добывать себе продовольствие. Мы знаем, например, что в 1619 г. ехавшие с Двины в Колу и на Печеру 200 чел. стрельцов в Куйском усолье у соловецкого прикащика „грабежом захватили" 10 четей ржаной муки. (Сол. арх. Дела Куйского усолья. Приходо-расходная книга 126—127 г.).

чем на стрелецкой службе. Среди дошедших до нас в большом количестве заемных записей, выданных разными лицами соловецкому м-рю, особенно от XVII в. находится очень много стрелецких долговых обязательств не только на деньги, но и на хлеб (рожь); все они гласят о том, что, как денежный, так и хлебный заем делались „до срока до государева денежного или хлебного жалованья". В 1640 г. в Сумском посаде в стрелецкой слободе насчитывалось 30 стрелецких дворов с огородцами; несколько стрелецких дворов было расположено среди крестьянских дворов, в частности, на нетяглой земле находилось 14 дворов и 2 двора на тяглой земле. В 1695 г. стрелецких дворов в Сумском посаде насчитывалось 69, из них 37 дворов на тяглой земле и 32—на нетяглой. Стрельцы, за очень редким исключением, оброчат пашню и сенокосные угодья, имеют за собой севные, припашные и сенокосные поля. Некоторые из стрельцов пользуются наемным трудом, занимаясь земледельческим хозяйством при помощи живших на их „подворьях" казачков и бобыльков. За эти угодья стрельцы обязаны были платить соответствующий оброк в монастырь или нести тягло (если участок был тяглый[2]). Признавая над собой власть 2-х государей: государя м-ря и государя царя и в. князя московского, стрельцы, естественно, более были связаны с первым, чем со вторым. Особенно после того, как специальная грамота от 31 августа 1637 г. „для монастырские скудости в Сумском остроге „воеводам быти не велела" и острог поручено было „ведать" соловецкому игумену и келарю с братией[3]), власть второго государя признавалась лишь в виде отвлеченной теории. Тем более, что привязанные к земле и плативщие по земле дань и оброк м-рю, стрельцы, естественно, более чувствовали суверенитет „государей монастырских властей", лишь в некоторых случаях, при выполнении служебных обязанностей, соприкасаясь с агентами московского правительства: воеводами и приказными людьми.

Переходим к обозрению остального населения соловецкой вотчины за интересующий нас период времени. Мы уже видели, что хозяйство соловецкой вотчины отличалось большим разнообразием в силу неодинаковых природных условий той или другой монастырской волости; таким же разнообразием приходится характеризовать и состав вотчинного населения. Ряд обстоятельств в значительной степени сказался на экономическом положении населения соловецких монастырских волостей. Набеги „каянских немцев" сметали до основания зажиточные промысловые волости: появлявшиеся там в 90-е годы писцы находили вместо прежних цветущих дворов только печища, печищные места и запустевшие угодья. Басаргин правеж и двинский иск превращал зажиточного крестьянина в бобыля, а мор и хлебный недород разорял и сильное и слабое хозяйство. Рост монастырской соляной промышленности и морские „заборы" побивали крестьянские предприятия этого рода, равно как монастырская торговля ограничивала частную крестьянскую торговлю.

Источники оффициального происхождения, писцовые и дозорные книги по разным монастырским волостям, при перечне населения, всегда и везде на первом месте ставят крестьянина. В русской исторической науке достаточно прочно установился взгляд на крестьянина XV—XVII в. как тяглого человека, промышлявшего на участках дворцовой, черной,

---

[1]) Сол. арх. Цитирован. писцовая книга Ефрема Квашнина 7149 г.

[2]) Ibidem. „Книги писцовые новые Сумского острога 203 г.".

[3]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 383 об., Досифей III, стр. 142—143.

церковной или частновладельческой земли[1]). Если, таким образом, смотреть на крестьянина, как на лицо, вообще, тяглое, то, с точки зрения податной, между государевыми черными крестьянами и вотчинными монастырскими, дворцовыми и помещичьими („владельческими") разницу провести будет очень трудно[2]).

В некоторых волостях соловецкой вотчины (напр., в Умбе, Варзуге и др.), как в свое время мы уже имели случай видеть, крестьяне совершенно не имели пашенной земли, но зато там существовали другие тяглые угодья, рыбные тони, пожни и т. п., которые и распределялись между тяглым населением по лукам. Источники дают основание говорить о торговой деятельности вотчинных монастырских крестьян, поставлявших на рынок рыбу, сало, ворвань и соль[3]). Иногда эта торговля расходилась с интересами правительства, монополизировавшего в то время в своих руках некоторые виды ее[4]). Промышленные предприятия и торговля давали возможность состоятельному крестьянину и даже предпри-

[1]) Проф. М. Богословский. Земское самоуправление на русском севере в XVII в., т. I, М. 1919, стр. 130; В. О. Ключевский. История сословий в России, изд. 2, М. 1914 г., стр. 96; В. Сергеевич. Русские юридические древности, т. 1, СПБ, стр. 190—193, М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, изд. 2, 1888 г., стр. 129; И. Беляев. Крестьяне на Руси... М. 1891 г., стр. 73 и нек. др.

[2]) Неубедительными представляются нам рассуждения Н. Хлебникова, что положение крестьян на вотчинных землях и, в особенности, на землях монастырских было выгоднее, чем крестьян, живущих на черных землях. Мы не можем, конечно, отрицать, что монастырские крестьяне пользовались некоторыми льготами, но привелигированное положение м-ря еще не улучшало положение самих крестьян; вместо одной подсудности, от которой освобождала м-ского крестьянина иммунитетная грамота, он подпадал в зависимость к другому сеньеру; велико-княжеских наместников и тиунов сменяли монастырские старцы-прикащики. Дани, оброк и пошлины в м-рь были ничуть не меньше обычных крестьянских платежей в казну. Особенно привлекательною представлялась Н. Хлебникову подмога, которую получали от м-ря крестьяне, садившиеся на монастырскую землю. Но это явление имело и обратную сторону. (Н. Хлебников. О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории, СПБ, 1869 г., стр. 51—54).

[3]) Вот как рассказывает об этом в 1631 г. в своей челобитной в Москву игумен Макарий: „живут де у них в соловецкой вотчине, в Сумском остроге и по иным поморским волосткам их монастырские крестьяне, а пашни де по тем волосткам нет; и те крестьяне кормятся от моря рыбною ловлею и ходят на море на веснованье для сальные добычи: нерпу бьют, а иные соль варят, и от морские погоды многие помирают, а которые де оставаютца и с добычами с салом и с рыбою и с ыными сухими товары приходят на лодьях к Архангелскому городу и ставятца на Двине реке на якорях и явя свои товары таможенным головам и целовальникам продают тут же со своих лодей". Дальше игумен жалуется, что таможенные головы с монастырских крестьян берут пошлину не „по царскому указу", хотя крестьяне торгуют с лодок, эти таможенные головы „сильно" на них „наметывают" пустые лавки и „с правежом" берут за лавку по 3—4 рубля. Пришлось правительству умерить рвение архангелогородских таможенных властей (цит. рук. сол. сборн. № 18, л. 331—333. О размерах соляной торговли крестьян соловецкой вотчины в средине XVII в мы можем составить некоторое представление на основании „росписи" соляных „доимок" за ними в 1650 г. Сумма всей неуплаченной пошлины равнялась 992 р. 17 алт 3½ д. Среди „доимочников" мы видим нескольких бобылей, за которыми „доимка" еще не столь велика: 4 р. 13 алт. 2 д. (сумский бобыль Ефремка Офонасьев) и 8 р. (сороцкий бобыль Микитка Иванов Дудин); но за некоторыми крестьянами „доимка" уже значительна: за сумлянином Федькой Андреевым Махилевым с детьми—142 р., за Сенькой Махилевым 68 р., за сухонаволочанином Ондрюшкой Павловым 40 р. и т. д. Если примем во внимание, что соляная пощлина в эти годы платилась по 2 гривны с пуда, то в некоторых „доимочных" людях придется усматривать относительно крупных торговцев.

[4]) Напр., крестьяне Кемской и Шуерецкой волостей ездили в „Лешую лопь" для скупки бобров и черных и темнобурых ярцов. Между тем, как гласит грамота по этому поводу на имя игумена Ильи, только один купец Никита Рогуев мог скупать там пушные меха „на нас". Посему, в случае нарушения монастырскими крестьянами правительственных интересов, местные власти д. были „безденежно" брать у крестьян „на государя" закупленный ими „лутчий" товар, а их наказывать. (Цит. рукоп. сол. сборн. № 19, стр. 7).

имчивому бобылю приарендовывать у м-ря „луковые згодья“ и заметно расширить свое хозяйство. Имущественная дифференциация поморской волости резко бросается в глаза уже в XVI веке. Писцовые книги Семена Васильевича Корекова в 7077 (1569) г. в Шуе Корельской (тогда еще не принадлежащей соловецкому м-рю) различают людей лутчих, середних и молодых. Присмотримся поближе к этим категориям. „Лутчий человек Иванко Июдин ржи сеял четверть, сена косил 15 копен, угодья за ним было 1 лук; но, главным образом, он занимался торговлей („а промысл его: торгует солью и рожью“). Занятие земледелием не всегда, очевидно, составляло выгодную статью хозяйства в этой студеной стране, поэтому, за Есипом Июдиным и сыном его Артемом, пашни вовсе нет, сена они выкашивали 35 копен, луков за ними было 2 1/2, но главным занятием их была соляная торговля и мельничное дело. Выгодное занятие представляла торговля мехом пушного зверя. Крестьянин Василий Григорьев Козел, засевавший осьмину ржи и косивший 8 копен сена,—все это составляло 1/2 лука угодья,—торговал лисицами и белками и помещен в разряд „лутчих“ людей.

Люди середние также не всегда занимаются хлебопашеством, предпочитая последнему промысловые занятия, или торговлю. Митька Иванов да сын Юдина сеет полчетверти ржи и косит 4 копны сена на своей четверти лука угодий, но, главным образом, он „торгует солью“. Некоторые „середние“ люди уже забросили хлебопашество и сосредоточили свои занятия на торговле. Ефимко Анисимов Лисица, выкашивавший на своем полулуковом угодьи 9 копен сена, „торговал сапогами и платьем“. Иванко да Сенка Григорьевы дети, владевшие полулуком угодий, с которого собиралось 7 копен сена, торговали сапогами и льном. Поллука угодий это—небольшая доля и, взятая сама по себе, еще не характеризует имущественного положения владельца. Поллука угодий мы видим и за „молодыми“ людьми. Можно наблюдать случаи, когда „молодые“ люди, владевшие поллуковым угодьем (вдобавок без пашни), не занимались к.-л. дополнительным промыслом, но это было скорее исключением. Нужда выталкивала маломочного крестьянина, даже пашенного на подсобные занятия: молодший человек Еремка Захаров Ренгин „ходил на лодьях в кормщиках“, Якушка Павлов и Михалко Еремеев ловили рыбу, Ивашко да Агафонко Гавриловы „ходили на лодьях в казаках“, Иванко Семенов Мошня „сучил свечи“, Иванко Фофанов—плотничал, Костя Родионов—торговал рыбой. Другие „молодые“ люди торгуют рожью, солью, лесом, сапогами, кафтанами и т. д. [1]). Мы имеем возможность проследить дальнейшую судьбу этих крестьян. В 1589 г., 13 апреля, Шуерецкую волость дозирал и описывал выборный губной староста обонежской пятины, ошгинского стану Иван Овдулов. В промежутке между этой переписью и переписью 1569 г., как известно, происходил известный уже нам „Басаргин правеж“ и неприятельский набег („немецкая война“) 1579 г. Иван Овдулов констатирует полное разорение местного крестьянского населения. Разорились даже такие состоятельные люди, как Иванко Июдин, Поздей Шанов сын Пирожников и нек. др. Теперь только одного Иванку Филиппова, занявшего двор, принадлежавший раньше „лучшему“ человеку Иванке Юдину, писец находит возможным назвать „середным человеком“ [2]). Подобная имущественная дифференциация крестьянского населения отнюдь не была местным явлением: ее мы можем наблюдать в

[1]) Сол. арх. цитир. „Писцовая книга Семена Васильевича сына Корекова и подъячево Никифора Семенова, лета 7007“.

[2]) Ibidem. „Книги Шуерецкие волости лета 7097 письма и дозору Ивана Овдулова“.

целом ряде других промысловых соловецких волостей, напр., в Кемской, Сумской и т. д.

К м-рю волости переходили или населенными уже крестьянами или опустошенными. В первом случае население данной волости д. было установить к новому сеньеру свои вассальные отношения. Отказная грамота сол. м-рю на сумскую волость заканчивается таким обращением к местным крестьянам: „и вы б игумену Филиппу з братьею приходили и слушали его во всем и доход ему денежный и хлебный и мелкой доход давали оприч царевых и великого князя ямских денег и примету и обежные дани и посошные службы и городового дела“ [1]). Но иногда м-рю приходилось заново налаживать крестьянские дворы. После пронесшейся политической бури могли уцелеть только немногие крестьянские дворы. Таких уцелевших крестьян наши источники называют „старожильцами“ [2]). К голосу старожильцев обращается переписчик волости, когда он должен определить размер угодий, как живущих так и пустых, или выяснить величину тягла с какого-нибудь новорасчищенного места и т. д. В русской исторической науке вопрос о так наз. „старожильцах“ поднимался неоднократно [3]); но из всех суждений о старожильстве нам лично наиболее убедительным представляется то, которое признает, что „бытовыми признаками старожильства или старины оказываются давность поселения или жительства и давность пользования землею в данном районе“ [4]). Такое определение уже потому заслуживает внимания, что под него подходит и другой вид старожильства—сельские старожильцы-арендаторы. Относительно последнего типа старожильцев на основании своего знакомства с памятниками исторического прошлого соловецкой вотчины мы приходим к выводу, что как в экономическом, так и в юридическом отношениях трудно провести различие между крестьянином старожильцем и новопорядчиком [5]).

Раз в волостной мир входил новый член, в котором м-рь желал видеть для себя исправного плательщика, то, естественно, мир д. был поручиться за своего нового „жильца“. Таких поручных записей по соловецкой вотчине мы знаем несколько. Составлены они по одному образцу. Приведем для образца одну из них от 1633 г. „се яз нижмоозерские волости староста волостной Терентей Лукоянов сын Кузнец, да Семен

---

[1]) Сол. арх. „Отказная грамота на Сумскую волость от 7064 г. 24 февраля“.

[2]) Передавая о процессе передачи в 1591 г. во владение сол. м-ря второй половины Кемской волости, оффициальный источник („отводная“ книга Семена Юренева) рассказывает: „И Семен Юренев приехав в волость в Кемь, взяв с собою старост и целовальников и старожильцов и сторонных лучших людей, и примерясь к книгам переписал живущее и пустое и по иминам крестьян... и отвел в вотчину в соловецкий м-рь игумену Иакову з братьею у моря волость Кемь“. (Сол. арх.).

[3]) Акад. М. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве XVI—XVII в., изд. археогр. Ком. СПБ 1898 г., стр. 21, 72—74; П. Е Михайлов. Происхождение земельного старожильства, СПБ. 1910 г., ср. его же „Обычный институт старожильства и крепостное право“, СПБ. 1912 г.

[4]) А. С. Лаппо-Данилевский. Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян. („Отчет о XLI присуждении наград гр. Уварова“, стр. 62—67.

[5]) Акад. М. Дьяконов хотя и находит возможным в истории русского права говорить о старожильстве, как особом явлении, однако замечает в конечном итоге своих розысканий, что „возникновение старины в связи с потерей свободы выхода под влиянием потребностей государственного хозяйства и финансовых интересов... представляется догадкой ничуть не более обоснованной, чем догадка о возникновении старины под влиянием долговой зависимости съемщиков земли от землевладельцев. Обе эти причины могли действовать одновременно“. (Цит. соч., стр. 21 и 74; ср. его же „Очерки общ. строя“, стр. 340). Но если это было так, то стоит ли за старожильством признавать значение какого то специфического явления в истории русских крестьян XV—XVII в., тем более, что критерий для определения старожильства (регистрация в писцовых книгах) является условным.

Григорьев сын, да Стефан Тимофеев сын Пятого поручилися есми соловецкого м-ря государю игумену Рафаилу и келарию старцу Паисеи и казначею старцу Азарию и всем соборным старцам по Андрейки Микифорове сыне Милоеве нижмоозерцы в том, что ему жити за нашею порукою в монастырской отчине на Нижмоозери добро и смирно и старосты слушати, и воровстем людем стану и приходу у себя не держати и вином не торговати и никаким воровством не промышляти"... Если взятый на поруки Андрейко Милоев станет вести себя иначе, то „на поручиках, на Терешки Лукоянове с товарищи монастырская пеня, что государь игумен и соборные старцы укажут" [1])...

Садясь на монастырскую землю, „новоприбылые" крестьяне заключали с м-рем ряд условий, точно определявших взаимоотношения обоих контрагентов. Самая ранняя из известных нам порядных записей в соловецкой вотчине датируется 1591 г., мая 28-го; заключена она была в Умбской волости „после немецкого приходу и пожару" [2]). Но, разумеется, прав В. Сергеевич, когда считает, что порядок фиксируемый в дошедших до нас порядных записях, сложился гораздо ранее" [3]). Что представляла собою „порядная" запись? После обозначения имени порядчика (почти всегда с детьми) и традиционной формулы: „дали есми на себя запись государю игумену N и всем соборным старцом", читаем: „задалися есмя за м-рь и порядилися есми в монастырскую вочтину". В порядных, начиная с 20-х годов XVII в. эта последняя фраза читается сокращеннее: „порядилися есми в м-рскую вотчину, N волости, жити мне N (з детми) в деревни N. В некоторых порядных точно обозначается и происхождение порядчика. Например, Митя Андреев сын Горлов, рядившийся в 1609 г., 23 авг. „во крестьяня" в Нюхоцкую волость, указывал на то, что отец его Андрей „жил" у Спаса и преподобных чюдотворцов в их отчине век свой, в Сумской волости, и на время он, Митя, выходил церковным дьячком в Шую корельскую. Полагаем, что точно указывать свое происхождение и прежнее положение необходимо было потому, что м-рь не имел права принимать к себе „во крестьяня" беглых государевых крестьян [4]). В порядных точно указывалось, на какое количество пахотной земли садился рядившийся крестьянин. Если селившийся в ту или другую деревню заставал там другого „жильца", то в порядной точно размежевывались доли между тем и другим. Все решительно известные нам порядные содержат указание на то, какие усадебные постройки переходят во владение новопорядчика [5]). Это представлялось необходимым

---

[1]) Сол. арх.

[2]) Акты арх. эксп. I, № 351, стр. 425.

[3]) „Русские юридические древности", т. I, СПБ, 1890 г., стр. 199.

[4]) В 1642 г. специальною царскою грамотой на имя игумена Маркела было предписано выслать из соловецких вотчин Сумы и Нюхчи в Заонежский Спасский Выгоозерский погост беглых крестьян. (Щит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 402 об.); в том же году м-рь д. был возвратить из Умбской волости в Семиостровский погост две лопарские семьи, бежавшие в Умбу „за соловецкий м-рь". Царская грамота игумену Маркелу по этому поводу заявляет, что в виду бегства лопарей, „нашей луковой и поголовной дани на нынешний 7150 год и впредь собрать несково". (Ibidem, л. 403 об.—404); в 1643 году это распоряжение было повторено. (Ibidem, л. 408 и об 409 об.). Однако, такое двукратное напоминание для соловецких старцев не было назидательным. Мы знаем, что в 1648 г. 2 ноября целовальник заонежских погостов Ондрюшка Михайлов принял от соловецких соборных старцев (Иова Девочки и Савватия Обрютина) за беглых государевых крестьян заонежских погостов, которые жили в соловецком м-ре и в монастырских вотчинах, 301 р. 23 алт. 1½ деньги „за их доходы на прошлые годы за владение". (Сол. арх.).

[5]) В порядной Максима Осипова сына кузнеца, Нижмозерской волости (1633 г.) читаем: „да Максимку Осипову сыну кузнецу володети... двором, а во дворе хором изба, в избе комната перегорожена тесом, да против избы клеть, а промеж избы и клети сени с уличную сторону тын тынен в замет, а с надворную сторону поло, а крыта изба

уже потому, что дворы некоторых порядчиков составляли их же „посилье“ [1]). Рядившийся обязывался „двора не пустошити и не гноити и во дворе хоромы старые починивати и вновь ставити“. По отношению к полученному земельному участку новопорядчик принимал на себя следующие обязательства: „деревня назмити и пахати и не запустошити, и огороды вновь городити около пол и старые починивати“.

Обязательства, которые принимали на себя порядчики были различны, в зависимости от качества тех угодий, на которые сводился рядившийся, но в общем они сводились к тому, что новопорядчик обязывался „тягло... в м-рь тянути всякое с волостными людьми по дочету“ [2]). Порядная запись не делала крестьянина порядчика „крепким“ м-рю; за ним оставалось право выхода: „а не похочю яз.... на деревни жити, и мне оставити в свое место жилца луче собя, хто м-рю люб“. Недопустимым считалось бегство, уход тайком, очевидно, не выполнив всех повинностей В пользу м-ря: „а убегом из монастырские вотчины не бежати ни мне, ни детем моим“, обязуется рядившийся в Нижмоозеро „во крестьяне“ в 1633 г. Тимофей Денисьев сын Чупой. Обязательство „убегом из м-рские вотчины не бегати“ мы находим во всех почти известных нам порядных [3]). После сказанного, полагаем, достаточно отчетливо выясняется важная роль крестьян сторожильцев при заключении порядных, как необходимых „послухов“ и „поручителей“, гарантировавших м-рю, что новопорядчик „убытка м-рю соловецкому и хрестьяном не учинит никаково ни в чем“.

Все крестьяне, как старожильцы, так и новопорядчики, одинаково несли одни и те же повинности или, как говорят наши источники, тянули тягло. Тягло, как верно характеризует его А. С. Лаппо-Данилевский,— податная обязанность крестьянина; тягло заключало в себе не только арендную плату за землю, но и ряд сеньериальных повинностей [4]). Оброк, как результат свободного личного договора между арендатором и сеньером-собственником заключал в себе арендную, „кортомную“ плату за арендуемое угодье. Единицей тяглого обложения, как в свое время мы уже говорили, была обжа, лук, соха и выть. Прежде всего, с тяглого участка шла так наз. „земная“ дань в пользу сеньера, поскольку крестьянин, сидевший на тягловой земле, обязан был по земле и воде тянуть

и клет и сени потоки, да 2 хлева ветхих, соломою крыты, а круг двора тын в замет, двор соломою крыт, да на улице байна, да колодес с обрубом, да гумно с овином соломою крыто. (Сол. арх.).

[1]) В порядной Тимофея Денисьева сына Чюкоя (от 1633 г., в Нижмоозерской волости) сказано: „да Тимофею же владети своим посилием двором, что он ставил собою двор, а во дворе хором изба и клеть с кровлями и с нутренным строением, да 2 хлева с сенниками и с кровлями, да сарай и около тыны и со всякими дворовыми хоромы“.

[2]) Напр., порядчик в Нижмоозерскую волость крестьянин Иван Исаиев сын Корелянин обязался „тянути оброки, что и прочим крестьянам“. В 1609 г. новопорядчик Митя Горлов дает обязательство: „государево мне оброки и всякие подати и подводы платити со крестьяны ровно и жить мне Мите в Нюхоцкой волости, как и прочие крестьяня живут; а убытка мне м-рю соловецкому и хрестьяном не учинити никакова ни в чем; и повиноватися мне Мите во всем соловецкого м-ря игумену и старцам. (Сол. арх.).

[3]) Согласно уставной грамоте крестьянам с. Пузырева, они могли меняться между собою своими дворами и землями, могли продавать их с соблюдением некоторых только формальностей: в пользу прикащика внести „меновое“, да пол полтины на м-рь. Продавший свой „жеребей“ и выходивший из волости крестьянин, д был предварительно внести сполна, „похоромное“, а купивший его участок—„порядное“. Если же кому в волости „не поживется“, и он пожелает уйти, а купца на его жребий не будет, то все же задерживать такого крестьянина нельзя было: но уйти он мог только „по сроку“, т.-е. выполнив всю свою крестьянскую работу и свои обязательства и уплатив сполна „похоромное“ (Акты археогр. экспед. т. I, № 258, стр. 285.).

[4]) Организация прямого обложения, цит. соч., стр. 21.

дань. Размер дани не везде был одинаков, очевидно, принималось во внимание качество угодья. Например, в 1661 г. в Сумской волости с обжи шло дани 19 алт., тогда как в Колежме с обжи крестьяне платили 25 алт., в Вирме, Шизне, Сороке и Сухом-наволоке по 1 р., в Шуерецкой волости с лука угодья шло 16 алт. 4 д. и т. д. Кроме того, в м-рь с тягловых участков поступало так наз. „тиунское" с обжи по 1 алт., иногда по 4 д. (напр., в Колежме). Тиунское—это остаток прежнего кормления. Некоторые м-рские волости платили еще подать, так наз. „за острожные дела" по гривне с обжи. Так. обр., в средине XVII в. тяглая обжа в Сумской волости обложена была 28 алт. 2 д.; приблизительно столько же приходилось на тяглую обжу и в других волостях.

В некоторых волостях, где по дальности расстояния, нельзя было выполнять натуральных повинностей, крестьяне платили за них денежную подать. Сюда следует отнести и так наз. „стрелецкий хлеб", подать на содержание постоянного стрелецкого войска (сумляне несли эту повинность натурой); сошные деньги и посохи—так же подать на содержание войска, которую со второй половины XVI ст. должно было платить и население вотчинное. Название „посоха" уже разъяснено в русской исторической науке, как подать с сохи, заменившая прежние посошные наборы. Население обязано было не только поставлять посохи, но и доставлять вооружение и содержание для ополчения; эта повинность естественно переводилась на деньги; поэтому наши источники отличают иногда „сошные" деньги от „посохи", хотя большею частью, „посоха" объединяется в общем термине „посошные деньги" [1]).

Ямская повинность ведет свое начало еще от древнего повоза в эпоху татарского владычества. Ям, или ямская повинность отбывалась или лично — натурой, или деньгами. Уцелела эта повинность и позднее, когда население обязано было поставлять подводы и кормы проезжавшим правительственным агентам. В некоторых волостях соловецкой вотчины ямская повинность отбывалась натурой. Это было в тех волостях, которые лежали на проезжей дороге из Холмогор в Колу. Из наших источников мы узнаем, что на почве разверстывания „повытно" подвод при выполнении этой повинности почти всегда происходили недоразумения между волостными и монастырскими крестьянами. Другие волости платили ямскую дань деньгами [2]). Со своих крестьян сол. м-рь в Москве платил и другие еще подати, напр., полоняничные деньги и задаточных конных людей. Полоняничная подать составляла со двора 8 денег; не ясным представляется размер подати за даточных людей [3]).

Попытаемся выяснить относительный размер всех этих податей, которые, тяжким и неудобь носимым бременем ложились на тяглого крестьянина. Возьмем в качестве конкретного примера Пурнемскую волость. В 1633 г. средний крестьянин, сидевший на чети живущей тяглой выти ежегодно платил, примерно, дани и оброки 17 а. 2 д., за стрелецкий хлеб 8 а. 2 д., сошных денег и за городовое и острожное дело и за посохи,

---

[1]) Напр., в 1623 г. Пурнемский тяглый крестьянин, Степанко Аникиев, проживавший в трети д. Гавриловской платил государевых денежных доходов в м-рь ежегодно дани и оброку по 17 алт. 2 д., за стрелецкий хлеб по 8 алт. 2 д., сошных денег и за городовое и острожное дело и за посохи и за подводы и за кормы 8 алт. 2 д, всего, след., 1 р. 4 д Точно также посошные деньги отдельно от посохи платили и другие тяглые монастырские крестьяне той же Пурнемской волости. (Сол. арх. Книги переписные соловецкого м-ря вотчинки Усть-Пурнемской, Нижмоозерской волосток" 141 (1638) г.

[2]) Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения' цит. соч., стр. 365 и след.; И. Я. Гурлянд. Ямская гоньба в Моск госуд. до конца XVII в, Ярославль 1900 г., И. Хрущев. Очерк ямских и почтовых учреждений СПБ. 1884 г.

[3]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 19, стр. 201—203; 208—214.

и подводы 8 а. 2 д.; всего след., 1 р. 4 д.; сидевший на получетверти платил в два раза меньше: дани и оброку 8 а. 4 д.; за стрелецкий хлеб 4 а. 1 д., сошных денег, за острожное и городовое дело, за подводы и кормы 4 а. 2 д., всего, след., 17 а. 1 д. Сумма всех податей в Пурнемской волости в 1633 г. составлялась таким образом: дани и оброку с выти по 2 р. 2 а. 5 д., за стрелецкий хлеб с выти по 1 р., сошных денег, за городовое и острожное дело, за посохи, за подводы и кормы с выти по 1 р. Таким образом, по величине на первом месте стоит дань и оброк, затем идет стрелецкий хлеб и, наконец, так называемый „мелкий доход".

С 1672 г., в связи с войнами с крымцами и татарами, количество стрелецких полков было увеличено, соответственно с этим была повышена и без того высокая стрелецкая подать. Так как стрелецкая подать до того времени взималась в Москве натурой (за исключением посадских торговых людей, как не пашенных), — что сопряжено было с большими трудностями в деле доставки хлеба в Москву, то „для дальнего провозу и крестьянские легкости" стрелецкая подать была переведена на деньги. Так, как стрелецкая подать оказывалась иногда прямо непосильною для населения, то правительство 5 сент. 1679 г. в одной стрелецкой подати слило прежние стрелецкие деньги, четвертные, данные, полоняничные, ямские, пищальные и др. В 1681 г. 19 декабря оклад этой объединенной стрелецкой подати был понижен почти на одну треть и разложен был на разные разряды городов, в зависимости от благосостояния их [1]).

Несли-ли натуральные повинности на м-рь тяглые крестьяне в соловецкой вотчине? В Беломорских волостях мы могли наблюдать случаи, когда, напр., виремские крестьяне в средине XVII в. за „сенные кучи" косили „волостью" монастырское поле. Но это частное соглашение между крестьянами и прикащиком. Из договорной грамоты крестьян Умбской волости с игуменом Иаковом (1591 г.) мы узнаем, что здесь устанавливалась некоторого рода монастырская барщина: крестьяне несли значительную долю труда на рыбной ловле, на них падала обязанность „колити" забор и т. д. [2]). Но это явление объясняется исключительными условиями, в которых оказалось в 1591 г. после шведского разгрома Умбская волость: значительная убыль населения. Развитие в Беломорских соловецких волостях барщинная система не получила, так как земледельческого хозяйства м-рь здесь не вел, а в усольях и в других промыслах он предпочитал пользоваться вольнонаемным трудом. К типу обычного вотчинного хозяйства приближается монастырская вотчина Пузырево. В свое время мы уже указывали на существование в Пузыреве своей монастырской запашки, производившейся силами местных крестьян; на них же лежала и „повозная" повинность. Кроме того, крестьяне обязаны были „поделовати" монастырский двор и гумно и ставить новые хоромы на место устаревших. Цитируемая уставная грамота крестьянам с. Пузырева от 1561 г. вполне отчетливо рисует способы отбывания пузыревскими крестьянами монастырской барщины. На „монастырское дело" крестьяне должны были ходить „на солнечном всходе" по данному десятником сигналу. Не явив-

---

[1]) А С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения, цит. соч,. стр. 26 – 29.

[2]) На рыбную ловлю в р. Умбе на большую тоню крестьяне обязаны были ставить 2 человека, а м рь одного; точно также в неводах, гарвах, поездках и корбасах было 2 доли крестьянских и одна монастырская. Но при дележе добычи применялось уже другое соотношение: 2 доли добычи шло в м-рь и одна доля крестьянам. Забор „колить" крестьяне д. были полностью сами; м-рь от себя давал „коловщику" лишь денежную плату. Не должно забывать, что в пользу м-ря шла уже на общих основаниях десятая рыба всей крестьянской добычи Это—так наз. „десятина". (Акты арх. эксп. I, № 351, стр. 425).

шийся во время подвергался штрафу („заповеди“): прикащику 2 деньги и столько же доводчику и десятскому. Сверх нормы („урочного дела“) прикащик мог звать крестьян на работу только „в честь“ и на монастырском хлебе [1]).

В соловецких „вотчинах“ почти всегда, по крайней мере в XVII в., волостное деление совпадало с монастырским административным. Каждая волость имела своего старца-прикащика; только в заонежских погостах монастырские деревни, а иногда только доли деревень входили частями в разные черные волости. Такие явления представляли большое неудобство, как для волостного мира, так и для м-ря, особенно при разверстке общественных и государственных повинностей. Когда мы говорим о монастырской волости, то имеем в виду определенную экономическую и социальную организацию с выборными мирскими властями, с которой нельзя было не считаться м-рю, как раньше его и правительству. Но, с другой стороны, не следует переоценивать роли и значения волостного мира. Спорный в русской исторической науке вопрос о происхождении и характере русской общины [2]), для историка соловецкой вотчины разрешается просто. Монастырская волостка уже в XVI в представляла собою организацию, члены которой были связаны экономическими, а затем финансовыми и административными интересами. Такая волостка-мир возникает, развивается, разрушается и снова восстанавливается на наших глазах. Защитники исконного существования на русском севере общины и общинного землевладения грешат тем, что считают общину собственником эксплоатируемой земли. Как вполне справедливо отмечает В. Сергеевич, собственниками земли в глубокой древности на русском севере были: бояре, церковь, купцы, посадские люди и некоторые отдельные крестьяне, но отнюдь не община. После ликвидации новгородской самостоятельности земли на русском севере в очень редких случаях были оставлены за прежними собственниками, большею частью они переходили к м-рю или оставались за в. князем „не в роздаче“. По мысли Сергеевича, след., крестьянское общинное землевладение в новгородских пятинах возникает не ранее конца XV в. Оно появляется на конфискованных в пользу государя землях и представляет некоторые особенности, которые не вполне соответствуют нашим понятиям о собственности, владении и пользовании [3]). Сергеевич не пытался провести свою мысль последовательно дальше. Мы уже высказывали свой взгляд на одновременность боярской и крестьянской колонизации русского севера. Крестьянские группы, составившие страдомые деревни, свой быт организовывали независимо от того, на чьей земле они сидели. Вот здесь и можно говорить об общине, поскольку последняя создавала известную организацию, обеспечивавшую, при взаимной поруке, порядок, исправности в отбывании тяглых повинностей и необходимые условия для существования каждому своему члену. В XVI—XVII в. м-рь государь вовсе не был заинтересован в разрушении общины. Он ее поддержал, оставив органы мирского самоуправления. При самом внимательном изучении процесса перехода Беломорских волостей к сол. м-рю, только весьма в редких случаях мы в состоянии отметить следы конфликта между волостною и монастырскою административною организацею [4]). Остана-

---

[1]) Акты археогр. экспед. т. I, № 258, стр. 283—285.

[2]) Подробнее см. у А. А. Кауфмана „Русская община в процессе ее зарождения и роста“. М. 1908 г., стр. 403.

[3]) „Древности русского права“, т. III, стр. 26—36.

[4]) Нам известен один только случай в этом роде. Вот как рассказывает о нем наш источник: „Лета 7127, по благословению игумена Иринарха соловецкого м-ря и по при-

вливаем свое внимание на волости в соловецкой вотчине. Собственником волостной земли в ней считался сам м-рь государь, а не крестьянская община. Мы решительно не можем признать за монастырскою волостью права распоряжаться выморочными и покинутыми земельными участками, хотя в исторической науке на это право „общинного владения" обращалось внимание [1]). Позднее, правда уже в XVII в., когда волостной мир уже утратил первоначальную свою самобытность, в волостях сол. м-ря размежевание земли между крестьянами и замещение пустующих угодий производилось „по благословению" игумена и „по совету соборных старцев" в ответ на „старостино и волостное челобитье". Так, наприм., было в Сумской волости в сентябре 7085 г., когда соборные старцы Мисайло и Архип „меж крестьян ровность учинили в волостных полях и в припашных землях по обжам и межи тому уложили подлинно, чтоб впредь у них о том межу собою смут не было, а в м-ре игумену и соборным старцом о том челом не били". При ближайшем знакомстве с писцовыми книгами по той же Сумской волости, у нас создалось убеждение, что даже морские поженные угодья размежевывались между отдельными крестьянами по их тяглым участкам с ведома м-рского дозорщика. Но это происходило, полагаем, исключительно потому, что когда дело касалось мирских „розрубов" и тягла, то в волости среди крестьян обнаруживалось „смущенье великое". Вообще же м-рь не склонен был в некоторых случаях ограничивать права волостного мира. Уставная грамота 1564 г. крестьянам Сумской волости разрешает для волостных „розрубов" выбирать комиссию из 8 человек (из „болших", лутчих людей 2 человека, из „середних" людей 2 человека и по 2 человека от „меньших" людей и казаков), которая должна была бы окладывать земских людей и казаков в божию правду, кого чем пригоже, кто чего достоин" [2]). М-рь государь был заинтересован лишь в том, чтобы тяглый участок не лежал „в пусте", а кто сидел на нем: Григорей Филиппов сын Тырлов, или Левонтей Павлов сын, с точки зрения его хозяйственных интересов было безразличным.

Суд в монастырской волости сосредоточивался в руках монастырского агента—старца прикащика. В жалованной правительственной грамоте сол. м-рю от 1591 г. на вторую пол. Кемской волости сказано, что м-рю предоставляется право „крестьян ведати и судити, или кому они прикажут" [3]). Но этот вотчинный суд вовсе не исключал участия при нем волостного мира: цитированная уже нами неоднократно уставная грамота пузыревским крестьянам об 1561 г. гласит между прочим: „судити прикащику, а с ним быти в суде свещенику, да крестьяном пятма, или

говору соборных старцов, по челобитью Шуеретцкие волости крестьян Моисея Семенова, да Леонтия Губсково, Суботы Петрова, Якова Пунансова, Мануила Олексеева, Ермолы Евдокимова, Ивана Подарина и всех крестьян Шуеретцкие волости чтоб у них приказному старцу и довотчику в Шуе не быти; судити и ведати бы им всякия дела промеж собою самем и по их челобитью приговорили старцу приказщику и довотчику у них впред не быти, и отдали им монастырскую вотчину, чем нас государь пожаловал, на оброк пашенную землю и сенные покосы и салную десятину и соляные и всякие таможенные пошлины и рыбную десятину и мелницу и двор монастырской им же оберегати. А собиралися тое пошлины довотчикова 5 рублев, таможенные пошлины 2 рубли, салные десятины 8 рублев, за сенные покосы 8 рублев, рыбные десятины 2 рубля, мелничного доходу 8 рублев. И за все за то им давати по 30 рублев на год; а которые будут государевы иные налоги и ратные дела стрелецкие и в м-рь в осадное время, людей на подмогу посылати и крепости около города делати с ыными волостьми вместе, а тем им оброком ото всяких ратных монастырских дел не отниматися ... (Сол. арх.).

[1]) Богословский М. М. Земское самоуправление, цит. соч., т. II, стр. 6.

[2]) Акты арх. эксп. т. I, № 268, стр. 303—304.

[3]) Ibidem, № 351, стр. 425 и след.

шестма добрым и середним“ [1]). Акад. М. А. Дьяконов утверждает, что передача с правом на землю и прав на крестьян указывает, что практика в ограничении крестьянской свободы была прочно усвоена правительственными сферами... и что при подобных условиях в составе сельского населения поморских уездов появился контингент владельческих крестьян у м-рей, соловецкого, белоозерского, сийского, николо-корельского и др. Но поскольку у крестьянина оставалось право свободного выхода (крестьянин, уходя, не мог только покинуть без „жильца“ своих тяглых дворов) можно говорить об ограничении, а не о запрещении выхода [2]).

Кроме крестьян в собственном смысле слова в монастырских волостях на пашне сидели половники. Количество половников возрастало ко второй половине XVII в. Особенно заметно половничество вытесняет крестьянина в заонежских волостях: Фехталинской, Тевзогорской, Городецкой, Владыченской, Пияльской, Вазеницкой, Польской и Пертнемской, т.-е. там, где можно было вести свое земледельческое хозяйство. Чтобы не быть голословным, приведем такую справку. В 1678 г. за соловецким монастырем в названных волостях числилось 16 деревень и в 10 из них была крестьянская запашка. В частности разряды населения в этих 10 деревнях распределялись таким образом: 9 дворов крестьянских; населения в них крестьян, их детей и братьев, племянников, соседей, подсоседников и захребетников 25 человек, недорослей 8 чел., бобыльских дворов 9, а самих бобылей и детей их 21 человек, недорослей 16 чел.; половничьих дворов 25, а самих половников, их детей, братьев и племянников 56 человек, недорослей 37 человек; монастырских дворов 7 и населения в них было: старцев 5 чел., слуг, служебников, дьячков, бобылей и их детей 15 чел. [3]). Что-же представляло собою половничество в соловецких волостях? Прежде всего следует заметить, что интерес к этой категории сельского населения древней Руси в исторической нации был проявлен в достаточной степени. Из ряда отдельных суждений о половничестве [4]) остановимся на мнении по этому вопросу А. Ефименко и

[1]) Ibidem, № 258, стр. 283 и след.

[2]) Очерки из истории сельского населения, цит. соч., стр. 147—148.

[3]) Сол. арх. Книги писцовые онежских волостей писца стольника Петра Большого Лопухина, да подъячего Ивана Григорьева 186 г.

[4]) Оригинальным представляется мнение о половниках К. А. Попова. Половники — это черносошные крестьяне, и земли, на которых они жили, черные; владельцы этих земель были тоже людьми черными, потому половников не постигло закрепощение, как крестьян, живших на поместных землях. („Половники“. Памятная книжка Вологодск губ. 1862—1863 г. вып. II). Это мнение готов поддерживать В. И. Семевский („Половники в XVIII в.“ „Русская Старина“, 1879 г. № 3). О половниках, как арендаторах, можно находить сведения у А. А. Спицына (Земля и люди на Вятке в XVII ст. 1886 г. 29—32; „Оброчные земли на Вятке“, Казань 1892 г, стр. 34—35), у Лаппо-Данилевского („Организация прямого обложения“, стр. 104—105; 162—163), Милюкова (Спорные вопросы финансовой истории Моск. госуд, цит. соч., стр. 80—81). Много уделяет внимания половничеству М. А. Островская. Признавая половников, как арендаторов земли, М. А. Островская подчеркивает, что фактически половье могло то приобретать кабальный характер, то приближаться к найму. („Земельный быт сельского населения русского севера в XVI—XVIII в“ стр. 348—349). Последняя работа, касающаяся половничества, принадлежит П. Е. Михайлову („Юридическая природа землепользования по Псковской судной грамоте“ СПБ. 1914 г.—из 172 стр. всего исследования половникам уделено 150 стр.). Ограничив свое исследование одним лишь источником, автор расширил свои выводы больше, чем следовало. Игнорировав историческую обстановку, в которой развивалось половничество на Руси, П. Е. Михайлов дал совершенно своеобразное объяснение условий возникновения половничества. Доказывая культурно-историческую роль половничества и большой его правно-хозяйственный смысл, заинтересовывание сельского населения в хозяйственной деятельности, создавание мотивов личного интереса к лучшему ведению хозяйства, П. Е. Михайлов просто на просто не понял половничества. По его мысли, правительство создало институт половничества, чтобы улучшить положение землевладельцев, след., это явление прогрессивное. Но мы знаем, что половничество возникало там, где крестьянское хозяйство разорялось и возникало по другим основаниям.

акад. М. Дьяконова. Ефименко под половниками разумеет крестьян, не имевших собственной земли и сидевших на чужих землях в качестве половников[1]). Значительно проясняется вопрос о половниках после исследования акад. Дьяконова „Половники поморских уездов в XVI—XVII в.“; названный ученый изучает вопрос о половниках в исторической перспективе, вскрывает экономические условия возникновения половничества, как результат крестьянского разорения. Акад. Дьяконов рассматривает половников, как срочных арендаторов параллельно с крестьянами порядчиками и приходит к выводу, что между теми и другими наблюдается большое сходство: 1) половники, как и порядчики крестьяне, являются безземельными арендаторами участков владельческих земель, 2) снимают эту землю по частному договору, 3) пользуются правом перехода в установленное время; 4) отбывают в пользу государства лично или через посредство землевладельцев различные виды тягла и, наконец, 5) те и другие пользуются денежной и хлебной ссудой. Но в наших случаях оторванный от своего прежнего хозяйства крестьянин рядился „в половье“, и когда он поступал „во крестьяня“? По мысли акад. Дьяконова, в этом выборе решающую роль играли экономические мотивы. Становясь половником, он ограждал себя на ближайшее время от податного гнета, так как все сборы за него платил сам землевладелец. Кроме половины урожая, никаких экстренных платежей половник не давал. Если же крестьянин „пометал свои жеребьи“ по к.-л. другим мотивам (разорение, вытеснение монастырем и т. д.), то он, естественно, мог предпочесть крестьянскую аренду, как более самостоятельное хозяйство[2]).

На основании наших источников мы приходим к выводу, что в соловецкой вотчине половники появляются вслед за событиями смутного времени. Таким образом уже a priori можно полагать, что половник—разорившийся или еще только разоряющийся крестьянин, рядившийся на монастырскую землю. В этом отношении мы всемерно поддерживаем мысль М. Дьяконова о сближении половников с крестьянами новопорядчиками[3]). Но в чем же тогда было различие между теми и другими? Прежде всего в том, что „за семены“ половник получал „хлебом половину“, или, как подробнее говорит об этом одна из порядных половничьих „а за семяны что бог приполону пошлет ино делити пополам“... Приведем конкретный случай (правда, уже более позднего времени) реализации урожая „на половьи“ в монастырской д. Прибышевской в Вазеницах. В 1723 году, осенью, здесь было посеяно у половника: 1 четверть ржи, а весною 1724 года 5 четвертей с осьминою ячменя. Урожай получился такой: 5 четвертей с осьминою ржи и 20 четвертей ячменя. Из этого урожая половнику „на работу“ отдано было 2 четверти с полуосьминою ржи и 7 четвертей с полуосьминою ячменя—„приполонного“ хлеба; на монастырь прикащик взял ржи 3 четверти с полуосьминою и ячменя 12 четвертей и 6 четвериков.

Очевидно, в это число вошел не только „приполонной“, но и „симянной“ хлеб. В той же д. Прибышевской „в укосе“ было 46 возов сена, из этого количества половнику „на работу“ поступало 23 воза. Хотя в наших источниках нет достаточно определенных указаний на то,

[1]) Исследования народной жизни, стр. 257—292.

[2]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1895 г. № 5; это исследование вошло в качестве „третьего очерка“ в его большую работу: „Очерки из истории сельского населения в Моск. государстве XVI—XVII в.“ стр. 144—205.

[3]) Но признаем мы заслуживающими внимания и некоторые дополнительные замечания о половничестве А. С. Лаппо-Данилевского, что „в половнике мелкий арендатор землепашец нередко смешивался с наемным рабочим“ (Организация прямого обложения цит. соч., стр. 104—105).

со своим ли собственным инвентарем садился половник на монастырскую землю, или он получал его от монастыря, но, по аналогии с другими хорошо нам известными случаями половничества, полагаем, что в соловецкой вотчине на этот счет не было к.-л. исключений: инвентарь, особенно живой, половник получал от монастыря. „Подмога“ половникам со стороны монастыря, выражавшаяся в деньгах, могла иметь разное назначение и, прежде всего, обеспечение половника-хлебопашца с.-хоз. инвентарем и рабочим скотом. В других монастырях половники тот и другой инвентарь получали от землевладельца [1]). На какие сроки садились половники на монастырскую землю и какой величины были обрабатываемы ими участки. Порядные половничьи записи по другим монастырским вотчинам заключались на разные сроки: на 1 год, чаще на 3, но были порядные на 4, 5, 6, 7 и 8 лет [2]). Милюков полагает, что чаще всего половник садился на землю на 1 трехпольный севооборот [3]). Полагаем, что срок пребывания того или другого лица „на половье“ фиксирован не был: „как кому в которых местах поживетца“—так смотрели на дело обе стороны принципиально. Мы знаем, например, что во Владыченской волости в д. Корельской, в 1615 и 1617 г. пахал „наездом“ половник Васка Парфеньев три четверти без третника пашни; это составляло в живущем пол трети ($^1/_6$) выти, а в пусте в этой деревне было $1^7/_{48}$ выти. В 1621 г. на этом участке сидит уже половник Иевко Козмин, за которым числится пашни паханной 2 чети, да перелогом и лесом поросло 22 чети в поле, а в дву потому-ж; в живущем это составляло пол чети ($^1/_8$) выти, а в пусте было выть с четью и пол чети ($1^3/_8$) выти. В Вазеницах в д. Прибышевской в 1615—1617 г. на 15 четях (без третника) пахатной земли (перелогом и лесом поросло 9 четей с третником) сидел половник Ивашко Еремеев; в 1621 г. здесь проживал половник Макарко Елизаров, за которым пашни числилось „середние земли 2 чети с третником, да перелогом и лесом поросло 15 четей с полутретником в поле, и по наволокам, а в дву потому ж“. Само собою понятно, что смена половников в онежских волостях объясняется тяжелыми политическими обстоятельствами, в частности, набегом на эти волости польско-литовских отрядов под предводительством полковника Яна Шиша.

Но мы знаем случаи, когда половники в соловецкой вотчине сидели по 20 лет на своем участке и не прочь были перезаключить договор на такое же количество лет [4]). Большое разнообразие мы должны констатировать относительно размеров эксплоатируемых половниками участков [5]).

---

[1]) М. Островская, цит. соч., стр. 265—266; 222 стр.

[2]) ibidem, стр. 242.

[3]) Спорные вопросы финансовой истории Моск. госуд., стр. 80—81.

[4]) В 194 (1685) г. в сентябре месяце на имя сол. архим. Иллариона была подана от монастырского крестьянина панозерца Дмитрия Михайлова челобитная след. содержания: „жил я, государь, на вашей монастырской вотчинной земле, в Кехте, на мельнице, в половниках двадцать годов, и живучи, сверх записи, своею силою по приказу покойного прежде бывшего приказного старца Ильи за полтретьи версты от мельницы в Подслободьи в монастырских згодьях росчистил, и посеяно было меры на три; а ныне мне по записи срочные годы отходят; и теперь, государь, бью челом на дватцать же годов тою же деревнею впред владеть, которую я пахал и к тем згодьям земли причистки, и сенными покосами, кои преж сего косил и прочищал, а как я срочные годы отживу и те мне новорочистные и подслободные и все пахотные земли и сенные покосы не запустоша отвести в жиле приказному старцу, кто будет в той монастырской кехоцкой службе“ (Сол. арх.).

[5]) В некоторых деревнях онежских волостей половник сидел на четверти с полутретником середней земли, в других (напр д Тонконовская) два половника снимали 5 четей без третника середней земли; были участки более крупные, напр; в Пертнеме, в д Олеховской 2 половника имели вместе 6 четей „доброй“ земли. Но наряду с этим встречаются очень маленькие половничьи поля, напр., в некоторых деревнях попадаются хозяйства на 2 четях худой земли (Сол. арх. Книги, письма и дозору Ивана Пр. Воейкова 129 г.).

Кто шел в половье? Для крестьянина половничество оставалось иногда единственным средством не быть окончательно оторванным от земли, поэтому в половники шли как крестьяне монастырских волостей, так и „государевы“ тяглые крестьяне. В 1646 г. в волостке Городке Рагониме в д. Лисицинской был двор соловецкого половника Мишки Онтонова с сыном Игнашкой, „а тот Мишка бывал тяглой государев хрестьянин“. В той же волости находилась д. Тюшнековская, бывшая на оброке за соловецким монастырем; в ней проживал „государев тяглой крестьянин Еремка Панфилов, а их половник“ [1]). Очевидно, пребывание в крестьянском тягле и половничестве не исключало друг друга. Отсюда мы делаем дальнейшие выводы относительно юридического положения половничества. Половники обязаны были платить в казну „всякие денежные доходы“. Практически это происходило так, что платил за них эти „доходы“ их патрон, в данном случае монастырь. В царской грамоте соловецкому монастырю на владение Красноборским погостом от 19 декабря 1679 (7188) г. читаем: „а которые половники живут в тех деревнях, а похотят жить и ныне на той же земле, и за тех половников в нашу в государя казну всякие денежные доходы велели платить из соловецкого монастыря по вся годы сполна без доимки, по чему те половники тягла платили наперед сего, и в том платеже соловецкого монастыря по строителе старце Иринархе в приказ устюжские чети поручная запись взята, а в соловецкий монастырь с той земли платить половникам оброк по договору, а службы служить им с волостными крестьяны вместе по очереди“ [2])... В наших источниках мы находим указания на то, что половники получали от монастыря денежные суммы на уплату податей [3]). Что половники, след., по общему правилу привлекались к отбыванию государственных платежей на ряду с черными крестьянами, это не подлежит сомнению, но есть основание думать, что повинности эти они выполняли „по хлебу“, т.-е., как правильно догадывается акад. Дьяконов, половник нес на себе половину тягла, а другую половину платил его хозяин [4]). В соловецкой вотчине в казну подати за половников платил сам монастырь, как это видно из цитированной жалованной грамоты соловецкому монастырю на Красноборский погост, но эти взносы возмещались уплатой „оброшных“ денег половниками монастырским прикащикам [5]). Во второй половине XVII в. мы видим целый ряд монастырских половников, которые „труждались“ на разных монастырских службах по „найму“. Быть может, это были задолжавшие монастырю половники, бросившие свое половничье хозяйство и не успевшие „сойти безвестно“, но возможно и другое явление: половник в промысловой вотчине переходил на положение батрака [6]).

---

[1]) Сол. арх. „Книги, письма и дозору Ивана Ст. Велкова“.

[2]) Цитир. рукоп. сол. сборн. № 19, стр. 539—564; Досифей, III, стр. 167—178.

[3]) Напр. в 1654 г. в д. Глухой (Вологодск. у.) монастырский половник Антипа получил для уплаты податей 30 алт. (Сол. арх. Дела Вологодск. подв. „Приходо-расходная книга вологодской службы“ 158—166 г.).

[4]) „Очерки из истории сельского населения“, цит. соч., стр. 161.

[5]) Напр., в 1679 г. с пертнемских половников взято было „оброшных“ денег за 1679 год 26 руб. 28 а. 4 д. За тот же 1679 г. пертнемский прикащик взял у половника Ивана Яковлева с 1½ участка денег 3 р. В 1620 г. с тех же пертнемских половников взято было „оброку“ 27 р. 8 а. 4 д. да еще, кроме того, 2 р. 26 а. (Сол. арх. Приходо-расх. книг. пертнемской службы старца Серапиона 7187 (188) г.

[6]) Напр., в 1679 г. половнику пертнемской службы Ивашке Иванову было дано „найму“ 60 алт. за то, что он в продолжение года в монастырском дворе „тружался“ поваром и делал всякую другую дворовую работу. В 1680 г. ему же за службу поваром с Покрова до Егорьева дня дали 20 алт. Такая плата нам представляется значительно сниженною, так как обычно повар получал за такой промежуток времени от 3 р. и выше,

Среди разрядов низшего населения сол. вотчины довольно многочисленную группу составляли бобыли. Количественно бобыльство возростает ко второй половине XVII ст. Бобыли почти никогда не представляли однородной массы; в XVII ст. они настолько дифференцировались в хозяйственном отношении, что в исторической литературе существует целая серия научных мнений о бобылях, и каждое из этих мнений старается обосноваться на данных авторитетных источников [1]). Раньше очень популярным было мнение И. Беляева о бобылях, как полувытчиках, сидевших на половинном крестьянском тягле [2]). Акад. Дьяконов подверг доводы И. Беляева основательной критике и, в результате своих розысканий, пришел к выводу, что „типичного и господствующего формой бобыльства" следует считать „бобылей не пашенных и не тяглых, имевших собственную усадебную оседлость; бобыль не потому стал непашенным, что земледелию предпочел какой-либо промысел, как более выгодный, но „отбыл пашни" по неимению средств [3]). Таким образом, в оценке одного и того же явления два почтенных исследователя пришли к совершенно противоположным взглядам. На многогранность бобыльства обратил внимание В. Сергеевич, который отмечал 2 типа бобылей: 1) новгородский бобыль-поземщик и 2) московский бобыль-слуга. Новгородские побыли-поземщики—это съемщики земли под дворы, лица, не занимавшиеся хлебопашеством, люди очень разных профессий и очень различного социального положения: торговцы, промышленники, солевары, сапожники и казаки. Отличительная черта их заключается в том, что они непашенные люди. Занятие ремеслом еще не составляет характерной их особенности, так как ремеслом и промыслами занимались и пашенные крестьяне. В Московской Руси бобыли имели другое значение. Там в бобыли поступали по договору; московский бобыль дает обязательство всякое „сделье делать и оброк платить". Это—не наем участка, гов. Сергеевич, а поступление в услужение с обязательством платить оброк. Непонятное явление, почему бобыль обязан не только служить, но и платить оброк, Сергеевич объясняет тем, что оброк рассматривается только как неустойка на тот случай, когда бобыль уйдет со двора господина. В такие тяжелые условия ставили себя только исключительно

пертнемский половник Василий Иванов был нанят на рыбную ловлю для монастырского дворового обихода на весну и осень за плату 1 руб. Другой половник Егор Иванов был на монастырском дворе конюхом в течение 2-х лет (с Покрова до Егорьева дня); за все это он получал ежегодно 30 алт. (ibidem). Это очень сниженная плата: в два раза менее нормальной.

[1]) Обширная литература о бобылях указана в исследовании акад. М. А. Дьяконова: „Очерки из истории сельск. населения в Моск. госуд., цит. соч., стр. 206 и след.; у Б. Д. Грекова в его статье „Новгородские бобыли в XVI и XVII в." (Журн. Мин. Нар. Просв 1912 г. июль); особенно подробно у Е. Сташевского: „Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. ч. I. Киев, 1913 г., стр. 47—49. Б. Д. Греков все существующие в науке суждения о бобылях распределяет по 2 основным категориям: 1) суждения, признающие возможным дать общее и исчерпывающее определение бобыльству, как известному явлению на Руси и 2) суждения, рассматривающие бобыльство, как многогранное явление, изучать которое надлежит по отдельным его видам. („Новгородские бобыльские порядные". Чт. в общ. ист. и древн. Росс. 1912 г., кн. 2).

[2]) „Крестьяне на Руси". 1860 г., стр. 82. Ко взгляду Беляева примкнули: П. А. Соколовский „Экономический быт земледельческ. населения России" СПБ. 1878 г., стр. 13—14, Г. Ф. Блюменфельд. „О формах землевладения в др. России", стр. 244; отчасти А. С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения, цит. соч., стр. 102 - 103. Чечулин Н. Д.— Города Моск. госуд. СПБ, 1889 г., стр. 323; И. И. Лаппо Тверской уезд. (Чт. в общ. ист. и др. 1894 г. кн. IV) и нек. др.

[3]) Очерки из истории сельского населения, цит. соч., стр. 209 и 221. Этот взгляд разделяет П. Иванов. Северные писцовые книги. М. 1900 г., стр. 54—72; М. Ф. Владимирский-Буданов „Обзор", стр. 136; М. М. Богословский. „Земское самоуправление", цит. соч., т. I, стр. 137.

бедные люди. Ремесленники-бобыли идут на службу к частному лицу для того, чтобы уклониться от разного рода посадских, денежных и натуральных повинностей. Сближение между новгородскими поземщиками и московскими бобылями, юридически совершенно разными состояниями, произошло естественно: бедные новгородские поземщики нанимались на сельскую и всякую другую работу к владельцам земли на основании особого договора. Такое чисто внешнее сходство подало повод московским писцам применить термин „бобыль" к непашенным людям [1]). Несколько приближается к изложенному мнению о бобылях В. Сергеевича проф. Ю. В. Готье, который определяет бобыля, как одинокого или малосемейного человека, очень несостоятельного, чаще всего беспашенного ремесленника. Бобыль все же не был изъят от государственных повинностей, не включенный в сошное письмо, он платил особый оброк бобыльщину. Включение бобылей в общее тягло с крестьянством, последовавшее одновременно с введением живущей четверти, по мысли Ю. И. Готье, нового явления не представляло, а только упорядочивало прежнее бобыльское тягло. Интересным в суждениях Ю. В. Готье о бобылях является то, что он признает „далеко не редкостью" уже для XVI в. наличие пашенных бобылей [2]).

В настоящей нашей специальной работе мы не ставили себе трудной и сложной задачи заново пересмотреть вопрос о бобылях. Мы ограничиваем себя и темой и источниками и будем говорить о бобылях только в соловецкой вотчине. Наши источники с достаточною степенью убедительности свидетельствуют, что рост бобыльства в соловецких волостях происходит на счет сокращения тяглого крестьянского населения. Разорившийся или разоряющийся крестьянин уже не в состоянии оказывается нести тягло со своего участка и не в силах вести земледельческое хозяйство в прежнем объеме. Писцовые книги центральных уездов такое состояние крестьянского хозяйства называют очень красочным термином „омолодание". Но если бобыль в конце-концов представлял собою разорявшегося крестьянина, то справедливыми представляются нам следующие положения. Разорявшийся крестьянин не сразу отрывался от земли, он по инерции продолжал еще арендовать небольшие участки земли, пока совершенно не бросал пашню. С другой стороны, арендуя землю, бобыль, особенно при наличии дополнительного промысла, мог сближаться экономически с крестьянином. Иногда даже при помощи сильного микроскопа трудно бывает выявить разницу между крестьянским и бобыльским хозяйством, если оставить без внимания тягловой характер крестьянского землевладения и оброчный — бобыльского. Пашенный бобыль, повторяем, не был редкостью, как в XVI, так и в XVII в. Но между пашенным бобылем и пашенным крестьянином была осязательная разница. Пашенный крестьянин, обработывая определенный тяглый участок пашенной земли и сенокоса, имел право участвовать и в других волостных угодьях, которые „повытно" разверстывались между тяглыми „волощанами". Бобыль держал „на празге" или „в кортоме" посильный участок земли,— недостатка в которой, как мы видели, в соловецких волостях не чувствовалось, пользовался припашью и т. д. Поэтому наличность пашни, как справедливо замечает Б. Д. Греков, вовсе не является существенным признаком бобыльства, равно как и необязательно для бобыля быть

[1]) В. Сергеевич Древности русского права, т. III, СПБ, 1903 г. стр. 129—143. Поземщиком считают бобыля, Н. А. Рожков (Журн. М. Нар. Просв. 1899 г. № 1, стр. 241) и А. Гневушев (сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1495—1505 г.).

[2]) „Замосковный" край в XVII в.", цит. соч., стр. 133—135.

беспашенным [1]). Не потому крестьянин становился бобылем, что он меньше имел средств обрабатывать землю (а средства эти заключались, гл. образом, в количестве рабочих рук),—как думает А. С. Лаппо-Данилевский [2]).

Мы знаем много случаев многосемейности бобылей в соловецких волостях. Очевидно, leit motiv перехода в бобыли для крестьянина коренился в чем то другом: полагаем, что в желании избыть тягла. Во всяком случае экономическая грань между крестьянином и бобылем была не такая значительная, как это может представляться с первого взгляда: бобыль, при желании, иногда мог стать тяглым крестьянином и, наоборот, крестьянин легко и свободно переходил в бобыли. Попытаемся иллюстрировать высказанную мысль примером. В 1678 году 14 марта, по указу и благословению монастырских властей, переписывал крестьян, бобылей, казачков и их детей и внучат в Лямецкой, Пурнемской, Нижмоозерской, Кушрецкой, Унежемской и в Нюхоцкой волостях, старец Никон. Результаты этой переписи оказались таковы. В Лямецкой волости зарегистрировано было 25 казачьих дворов; в Пурнемской вол. крестьянских дворов отмечено было 26, бобыльков в крестьянских дворах проживало 12 человек, казачьих дворов насчитывалось 13. В Нижмоозерской волости крестьянских дворов отмечено было 32, бобыльских 3 и в крестьянских дворах проживало 7 человек бобылей. В Кушрецкой волости крестьянских дворов насчитывалось 30, бобыльских 10; в Унежемской—крестьянских 3 двора, бобыльских 10 дворов, казачьих 12 дворов; в Нюхоцкой волости—крестьянских 42 двора, бобыльских 12 дворов (в крестьянских дворах проживало 17 человек),—казачьих 22 двора [3]). В том же году, буквально через несколько месяцев, онежские волости переписывал Петр Большой Лопухин и подъячий Иван Григорьев [4]). По данным последней переписи картина получается иная. В Нижмоозерской волости Лопухин отметил только 9 крестьянских дворов (вм. прежних 32) и 26 дворов бобыльских (вм. прежних 3). Из 9 крестьянских дворов, зарегистрированных Лопухиным, 8 числилось крестьянскими и во время переписи старца Никона, а 1 бобыльский двор, при Никоне, Лопухиным зачислен в разряд крестьянских (дв. Гришки Дмитриева). 23 двора, отмеченные старцем Никоном, как крестьянские, писцом Лопухиным поименно названы бобыльскими. Еще более бросается в глаза такое обстоятельство. В Пурнемской волости ряд казачков, в количестве 5 человек, зарегистрированных старцем Никоном, Лопухин перевел в разряд крестьян. Наоборот, несколько крестьянских дворов (занятых родственниками) в той же Пурнемской волости сливаются в один двор. Массовой переход крестьян в разряд бобылей и обратно, разумеется, нельзя объяснять какою-то стихийною катастрофой в течение нескольких месяцев, отделяющих перепись Никоновскую от Лопухинской. Эта социальная дифференциация охватывала более значительный промежуток времени, по всей видимости, десятилетия, как это отмечается в самой переписной книге Лопухина, например: „и против прежних переписных книг убыло в Кушрецкой волости в крестьянских дворах людей 46 человек, а прибыло бобыльских 11 дворов, а людей в них 14 человек". Под „переписными" книгами прежних писцов в данном случае нельзя подразумевать книги старца Никона; последние для Лопухина могли иметь значение „припра-

---

[1]) „Новгородский дом св. Софии", стр. 414.

[2]) Организация прямого обложения в Моск. госуд., цит. соч., стр. 101—102.

[3]) Сол арх. „Переписные книги Лямецкой, Пурнемской, Нижмоозерской и др. волостей старца Никона 186 г.".

[4]) Ibidem „Книги писцовые онежских волостей писца столника Петра Большого Лопухина, да подъячево Ивана Григорьева 186 г."

вочных книг", в частности традиционных „сказок", которые затем подвергались проверке и, если оказывалось нужным, то и изменению.

Бобыли не представляли собою однородной массы не только в разных волостях, но и в пределах одной и той же волости. Источники различают бобылей, живущих „своими дворцами", и бобыльков, проживавших в крестьянских дворах и, даже, во дворах казачков. Экономическое положение тех и других было не одинаковым. Различным было положение монастырских бобылей в промысловых и земледельческих волостях. Несколько выше характеризуя, земледельческое хозяйство соловецких волостей, мы попутно старались указать и на существование бобыльской запашки даже в таких районах, где земледелие вообще не стояло высоко; напр., в Кемской волости некоторые бобыли в 1599—1600 г. не только имели репной огород, но и „сеяли в поле". Особенно бобыльская запашка была развита в Сумской волости, где бобыли составляли значительной процент населения. Кроме приведенных выше, примеры бобыльской запашки мы могли бы увеличить, но для соответствующих выводов, полагаем вполне достаточно наличного материала. Существование „пашенных" бобылей, т. обр., не подлежит сомнению; встречающийся термин „не пашенный" бобыль мог иметь смысл только в том случае, если он характеризовал известную часть бобылей, как именно „непашенных" в отличие от предполагаемой другой „пашенной" группы. Земля „паханная" состояла за бобылями всегда „на оброке", о крестьянских участках наш источник выражается обычно так: „тяглое у них (или у него) поле", „в тягле" за ним и т. д. Бобыльские угодья были на оброке, даже если они клиньями входили в тяглую обжу. Напр., в 1661 г. у крестьниина Минки Семенова Бастрачова было в числе прочих земельных угодий поле в длину 85 саж. поперек 55 саж. В этом поле у самого Минки в тягле была четь, у других крестьян Офоньки и Первуши Шараповых в тягле числилось по пол чети, за бобылем Гаврилком Кулаковым „на оброке" была четь, а остальная четь распределялась таким образом: пол чети числилось на оброке за всеми перечисленными лицами, а пол чети за крестьянином Максимком Рудаковым. По своим расчетам бобыльские оброчные пахотные участки иногда не меньше тяглых крестьянских (напр., в той же Сумской волости), но если, большею частью, они уступают по величине крестьянским, то не потому, что так и должно быть по общему правилу, а в силу того, что развернуть свое земледельческое хозяйство бобыль не имел материальной возможности. Нам известны случаи, когда три бобыльских двора с населением 7 душ м. п. „в ободу" держали на оброке одно поле в длину 63 саж. и поперек 16 саж. Мы не хотим сказать, что в тех районах, где земли „в пусте" было достаточно, бобыли всегда стремились вести земледельческое хозяйство. Мы знаем и таких бобылей, которые уже успели специализироваться на том или другом ремесле.

В соловецких волостях на ряду с пашенными и непашенными бобылями проживали бобыли в крестьянских дворах („подворьях"). Наши источники иногда называют их „соседями". Что „соседи" и бобыли, живущие „по подворьям", одно и то же, сомнений быть не может. Переписывавший Нижмоозерскую волость в 1678 г. старец Никон поименно перечисляет ряд бобыльков и их детей (не ниже 15 летн. возраста), проживавших в этой волости в крестьянских дворах. Но вслед за ним писец Петр Лопухин этих же самых лиц называет „соседями". Соседи, конечно, не казачки, о которых Никон и Лопухин говорят отдельно, а бобыли, только менее состоятельные чем те, которые жили „своими дворцами" и „промышляли торжишкоми всякими промыслы". Особенно это будет заметным, если мы обратим внимание на размер бобыльского оброка: бобыли,

которые жили „своими дворцами", платили оброку на год со двора в XVI ст. по две деньги московские, а в XVII ст. по гривне, да тиунского и доводчикова по 3 д. со двора. Те из бобылей (а также и казачков), которые жили как в своих дворцах, так и по „чужим подворьям", „но кормились торжком и иными промыслами", д. были платить в м-рь „поживотное"; обычно в качестве „поживотного" назначалась общая сумма денег, которая затем самими бобылями-плательщиками „разрубалась по животом и по промыслом". Первоначально (до 60-х годов XVII ст.) эта сумма поступала в мирскую казну („в мир"), „крестьянам в подмогу", но в 1661 г. в м-ре решено было эти деньги собирать в м-рь. Как велико было это „поживотное", мы можем иллюстрировать отдельными примерами. В 1661 г. в Сумской волости „поживотное" с бобылей и казачков равнялось 15 р.; в том же году сороцкие бобыли платили „поживотного" 2 р. Бобыли, проживавшие в чужих дворах и непромышлявшие ни торжком, ни промыслом, платили оброк в том же размере, что и казачки. В 1548 г. уставная грамота м-рским волостям (Виремской, Шизненской, Сумской и др.) предписывает оброк для бобылей, проживающих по чужим подворьям, так же, как и для казачков с души по 2 деньги ежегодно. Позднее этой оброк равнялся 6 деньгам, да 3 д. туинского и доводчикового сбора ежедневно с души.

Не меньшую дифференциацию мы можем, наблюдать среди бобылей, занимавшихся промыслами. В соловецкой вотчине существование таких бобылей-промышленников представляется вполне естественным явлением потому, что там промысла были развиты и среди тяглого крестьянского населения. Омолодавший „лутчий" или „середний" крестьянин, промышлявший раньше „хренишком" или „поездом", попадая в бобыли, по инерции не порывал связи с прежней специальностью [1]). Среди монастырских бобылей мастеровых были хорошие специалисты своего дела, не только работавшие монастырское „зделье", но и на стороннего покупателя. Если такие м-рские ремесленники проживали в более или менее значительных посадах, то будучи свободными от несения обычной посадской службы, они были бельмом в глазу местному посадскому населению. В 1674 г. холмогорские посадские кузнецы Петрушка Посников, да Алешка Галашихин записали „насильством" в кузнецкую посадскую роспись, „облегчивая себя", монастырских старинных бобылей кузнецов Ивашку Иванова Крестинина, да Степку Козмина Воронина, хотя эти бобыли никогда не были записаны ни в какие службы и в тягло вместе с посадскими, так как их отцы и деды были старинными монастырскими крестьянами. Эти бобыли-кузнецы проживали на Глинском посаде на монастырской земле и работали („ковали") на вологодские монастырские дощаники, на морские лодьи и изготовляли уды для мур-

[1]) В сороцкой волостке в конце XVI ст. бобыли занимались рыболовством. В 1599 г. у них было здесь рыбного промысла 3 поезда с четью. В качестве оброка с этих поездов и за десятину они платили третью рыбу своего улова (сол. арх. цитир. перепис. кн. 7107 г.). Из росписи бобыльских, казацких и всяких работных людей, поданной в 1646 г. Леонтию Романовичу Азарьеву черным священником Сороцкой волости Нафанаилом и представителями волостного мира, видно, что сороцкие бобыли „промышляли" хренными промыслами: „соль варили". Правда, хренные доли были незначительны. Напр., проживавшие в одном дворе Митька да Харитонко Макавеевы промышляли только 1/4 хрена, Якушка и Михалко Дудины также держали за собою 1/4 хрена и т. д. Были и другие специальности у непашенных бобылей. Бобыль Кемской волости Петр Охлябинин в переписных книгах 1599—1600 г. наз. печемазом и оброку платил в год по 10 денег. По сказке, поданной тому же Азарьеву кемским прикащиком Калинником и волостным старостой, в кемской волости в 1646 г. было 10 дворов „маломожных" бобыльков, которые секли дрова к варницам, нанимались туда соловарами, ловили рыбу, чем и кормились по выражению цитированного источника. (Сол арх.).

манского промысла. М-рь подал через своего стряпчего Гаврилу Томилова воеводе Федору Полуехтовичу Нарышкину жалобу на незаконный поступок холмогорских посадских кузнецов.

Челобитная эта вскрывает некоторые любопытные подробности. Оказывается, что еще в 1650 г. холмогорские посадские кузнецы пытались было записать в посадский список монастырского кузнеца Коземку, но благодаря хлопотам монастыря, это им не удалось. Монастырь представил в Москву в приказ сыскных дел надлежащим образом заверенную справку о том, что в Холмогорах на Глинском посаде, на дворовом месте соловецкого монастыря, проживали кузнецы: Коземка Иванов „ремесленный кузнец" с сыном Степкою, Андрюшка Агафонов, Ивашко Иванов кузнец и Юрка Иванов Сумлянинов кузнец. Всем этим кузнецам быть в тягле с посадскими людьми „не довелось", потому что они рассматривались как „искони вечные старинные крестьяне" соловецкого монастыря из Сумского острога и проживали на монастырском дворе „для монастырского судового зделья". В 1651 г. решено было „до указу в. государя" означенных монастырских кузнецов в посадское тягло не класть". Теперь, когда холмогорские посадские люди повторили свою прежнюю попытку привлечь к посадскому тяглу сына и пасынка уже умершего Коземки Иванова, соловецкие старцы напомнили Московскому правительству о царском решении 1651 г. Кроме того, они доказывали правительству, что названных двух кузнецов необходимо монастырю сохранить за собою, „чтобы для того монастырским их дощаникам и лодьям и судам и мурманскому промыслу не запустеть и застою б не было и убыток не учинился". В Москве и на этот раз отнеслись к монастырю благожелательно: монастырских холмогорских кузнецов „до указу в. государя" вместе с кузнецами посадскими в роспись постановлено было „впредь не писать", но под условием, чтобы они „оприч соловецкого монастыря никакого кузнечного дела не делали и тем двинских посадских кузнецов не теснили" [1]).

Было бы, конечно, ошибочным ставить на одну линию холмогорского монастырского бобыля-кузнеца с усольским бобыльком, „труждавшимся" на рубке дров к варницам или „поездовавшим" монастырскими гарвами. Таким образом, если развивший свою ремесленную деятельность бобыль в экономическом отношении сравнивался с посадским ремесленником, то были и обратные явления: разорявшийся бобыль постепенно превращался в батрака-казачка, хотя и имевшего свой „дворец", но редко в нем проживавшего, вынужденного бродить по разным усольям и службам в поисках заработка.

Несли ли бобыли еще какое-либо тягло, кроме обычного денежного оброка „бобыльщины"? Есть данные думать, что волостной мир привлекал бобылей и казачков к годовому всякому тяглу;—это называлось „подмогой" волости. Как мы могли уже заметить, такие дополнительные повинности несли более или менее состоятельные бобыли и казачки и, по мнению Ю. В. Готье, еще до положения их в живущую четверть. Нам известна жалоба соловецкого монастыря в Москву от 1613 г. на керецких волостных крестьян: „которые де их монастырские бобыли и казаки живут в той четверти волости керецкой и в Чюпе у соляного промысла и у варниц и на слудяной варани промышляют и с них де их бобылей керецкие волости крестьяне емлют годовое всякое тягло насилством себе в волость в подмогу, тех их соловецких бобылей и казаков изгоняют, чтоб они на их чети не жили, и у соляного бы промысла

[1]) Цитир. рукоп. сол. сборн., № 19, стр. 44—46.

и на вараке не промышляли, чтоб от того их насилства их монастырские промыслы запустели, и хотючи теми их монастырскими промыслами завладети". Монастырь просил запретить взимать с монастырских бобылей и казаков керецкой волости тягло [1]). Монастырские крестьяне той же керецкой волости, несомненно, отбывали со своей четверти тягло вместе с волостными крестьянами, и это считалось делом вполне нормальным за исключением случаев злоупотреблений. Но привлечение к тяглу бобылей и казачков вызвало протест. Почему? Или это вообще было новостью, или же тягло для бобылей не имело обязательного характера. Если мы остановимся на определении бобыля, как человека не тяглого в противуположность тяглому волостному крестьянину, то вопрос несколько проясняется: к подмоге волости привлекались только относительно состоятельные бобыли и казачки.

Значительную по количеству группу населения в соловецкой вотчине представляли казачки. Они часто имели свои дворы, в которых иногда проживали и бобыли (напр., в Лямецком усольи). Но можно наблюдать и обратное явление: бобыли держали у себя казачков, особенно те из них, которые арендовали земли („припаши"). Состоятельные казачки легко переходили в разряд тяглых крестьян. Так, например, было в Пурнемском усолье в 1678 г., когда 5 казачков стали тяглыми крестьянами [2]). В Куземе в 1599—1600 г. обитали казачки, которые вели торговлю и были достаточно обеспечены („животом прожиточны"), поэтому они были „изоброчены" в пользу монастыря [3]). Но на ряду с этими прожиточными казачками в той же Куземе по подворьям и у варниц обитала казачья беднота, с которой монастырь мог взять оброку только по алтыну с человека, да по 3 деньги тиунского и доводчикова сбора [4]). Состоятельных казачков мы можем отметить не много, большинство их составляло пролетариат, вынужденный продавать свою силу на монастырских промыслах. В этом отношении казачки сближаются с бобылями, так что не всегда и не сразу удается установить разницу между ними. В Кемской волости в 1646 г., при перечне „торговых людишек" и всяких „промышленников", мастеровых и вообще „работных" людей, обозначены, между прочим, кемские бобыльки, с указанием, кто из них и чем промышляет. Оказывается, что бобыль Алексейко Семенов Залякин сечет дрова к варнице; Михейко да Игнашка Григорьевы нанимаются соль варить к варнице; Андрейко да Якимко Яковлевы дети ловят рыбу; Алексейко Афонасьев сын—дрова сечет и тем кормится; этим же занимались и другие бобыли: Алексейко Юрьев сын Каменев, Фадейко Трофимов, Дружинка Трифонов, Савка Микитин Мошкинов и Васка Тиминов. Бобыль Павелко Иванов сын Кивроев нанимался варит соль. Вслед за этим в том же источнике читаем: „да в Кемской же волостке работные казачки, которые на монастырь всякое поделье труждаютца, забор делают и в монастырь наймуютца в наймех, а своими дворишками живут" (далее идет перечень этих казачков): Иванко Филиппов сын Внуков—портной; Петрушка Митрофанов забор делает монастырской и забороды; Ивашко Иванов сын кузнец монастырские цресны починивает; Ивашко Евсеев сын Шунга в монастырь нанимается работать, Захарко Иванов сын Завьялов „пишет книжное в монастырь"; Шестачко Федосеев сын Мялмеев „у забора трудится на монастырь"; Насонко Афонасьев сын

[1]) Цитир. рук. сол. сборн., № 18, л. 220—221.

[2]) Сол. арх. Цитир. „Книги писцовые Онежских волостей писца столника Петра Большого Лопухина... 186 г.".

[3]) Всего они платили в казну в 1599—1600 г. 4 р. 23 а. 2 д.

[4]) Сол. арх „Книги Сумские и Кемские и иных волосток данные и оброчные".

„бога ради кормится“: нанимается возить в монастырь нищих; Васка Кириллов Дуракин нанимается в монастырь „топоришком плотничать“; Федка Гаврилов сын нанимается в монастырь на работу; Вахрушка Михеев сын дрова сечет в монастырском усолье; Оска Романов сын делает забор монастырской, Иванко Богданов „сапожишка кропает“ и т. д.[1]). Выходит, что, как бобыли, так и казачки одинаково нанимались на работу, и с этой стороны различия между бобылями и казачками не было. Усольская монастырская администрация также не делала различия между бобылями и казачками в своих усольях, объединяя тех и других в одном термине казачки и взимая с них дань под названием „казачья“[2]). Нам известны случаи, когда вчерашний казачек становился бобылем и обратно. В 1693 г. переписывал свою кабалу бывший казачек Чупского усолья, а теперь бобылек керецкой волости Ивашко Еремеев сын Морозов, занявший в бытность в казачках у чупских прикащиков Иева и Сергия 23 р. 12 а. 5 д. То же и в том же году делал ворьесаломец, б. казачек Чупского усолья Лука Павлов, занявший у чупских прикащиков казенных денег по переписным кабалам 68 р. 27 а.[3]). Рассматривая эти два случая, можно приходить к таким выводам: 1) или чупский казачек Морозов, оставив работу в усолье в качестве казачка, вернулся в первобытное состояние бобыля, 2) или же он вновь приобрел это звание бобыля, уже после ухода из Чупского усолья. В том и другом случае ясно одно: данное лицо могло быть в разное время и казачком и бобылем. Но если нуждающийся в заработке бобыль и его товарищ казачек, поступая в усолье на работу на общих основаниях, теряли фактическое различие между собою, то это еще не значит, что такого различия между ними не было. Бобыль платил оброк со двора, именно в год по гривне, казачек платил „с души“ ежегодно по 1 алтыну (или 6 денег). Таким образом, казачки—результат дальнейшего разорения крестьянина, лишавшегося и своего двора, после чего ему оставалось волочиться „межи двор“ и „кормиться христовым именем“. В своей массе казачки были неисчерпаемой резервной трудовой армией, поставлявшей, как мы видели, в монастырские усолья многочисленных и разнообразных „работных“ людей. Нужда гнала их в соловецкие усолья отовсюду: не только из разорившихся монастырских волостей, но даже из русского центра; прибывали казачки целыми группами по 5 и 10 человек, приходили со своими семьями... Не все казачки были заняты на соляном монастырском производстве. Некоторые из них занимались ловлей нерпы на море. Этот промысел связан был с большою опасностью для жизни. Для ловли нерпы казачки составляли иногда складничества,—небольшие артели. О таких складничествах мы имеем данные по Кемской волости от 1646 г.[4]).

Устанавливая перечисленные нами разряды нисшего населения, правительство никак не могло предусмотреть все промежуточные слои между тяглыми классами, поэтому нас нисколько не должны смущать такие обстоятельства, что иной казачек оказывался состоятельнее бобыля, бобыль мог быть зажиточнее крестьянина и т. д.

Все поименованные социальные группы являлись тяглым элементом, различаясь между собою только размерами тягла и порядком отбывания

[1]) Сол. арх. „Сказка“ писцу Леонтию Романовичу Азарьеву... 1646 г.

[2]) В дозорной книге 7125 (1617) г. старцев Ильи Большого, да Александра Булатникова по волостке Лямце читаем, между прочим, следующее: „дворы соловецкого монастыря, а в них живут промышленники дровосеки и соловары, имати с них казачья годового..., а в 7 дворах соловецкого монастыря промышленники бобыли и казаки 25 чел, казачья с них 1 р. 28 алт. (Сол. арх.).

[3]) Сол. арх. Дела Чупского усолья...

[4]) Сол. арх. Цитированная „сказка“ по Кемской волости от 1646 г.

его. Но в соловецкой вотчине была и еще одна группа, стоявшая несколько особняком от остального населения. Это—так называемые детеныши. Несколько загадочным представляется самый термин. Детеныш—не бобыль, как думают некоторые [1]). В монастырских деревнях известные нам писцовые книги детенышей, половников и бобылей пишут „особно“ [2]). Источники не смешивают детенышей и с казаками. Правда, писцовые и переписные книги по некоторым уездам очень редко говорят, о детенышах, но за то часто называют казачков. Это объясняется специальною задачею названного источника выявить государственных плательщиков и тяглую и оброчную землю. Детеныши же к тяглому населению не относились. Существует мнение, что под детенышами следует разуметь круглых бесприютных сирот, детей монастырских крестьян, воспитывавшихся при монастыре, а затем определявшихся в монастырские служебники. Будучи в зрелом возрасте, они продолжали сохранять прежнее название „детеныши“ [3]). Как отметил акад. Дьяконов, подобное толкование происхождения монастырских детенышей вполне согласуется с тем обстоятельством, что при монастырях уже в очень раннее время работали подростки и отроки [4]). Памятники церковной письменности и канонические сборники неоднократно указывают на обычай, практиковавшийся в некоторых монастырях,—держать „ребят голоусых“ для работы в монастырском хозяйстве [5]). Соловецкий м-рь в этом отношении не представлял исключений [6]). Откуда поступали в м-рь эти „робята голоусые“, или „трудники в молодых летех“, наши источники не дают знать, но в других м-рях, как устанавливается это с достаточною степенью убедительности,—детенышами оказывались осиротевши бобыльские и крестьянские дети [7]). О детенышах в сол. вотчине не случайно наши источники говорят чаще всего в первой четверти XVII ст., т.-е. тогда, когда ряд волостей сол. м-ря подвергся опустошению со стороны неприятельских отрядов. Состав м-рских детенышей в этот период времени мог значительно пополниться притоком разорившегося крестьянства, в детеныши переходили крестьяне с семьями. В некоторых монастырях детенышей нанимали на работу, но в соловецкой вотчине на сезонные работы (страда, рубка и возка дров) нанимали казачков, а на острове, на огородах и на некоторых других службах были заняты более или менее постоянные

---

[1]) Напр., А. А. Спицын. Земля и люди на Вятке, цит. соч., стр. 18; ср. его же „Оброчные земли на Вятке“, стр. 36.

[2]) В дозорных книгах Семена Языкова и подъячего Семена Осокина под 1615 г. относительно Нижмоозерской волости читаем следующее: „на морском берегу по двинской стороне волостка Нижмоозеро, а в ней погост, а на погосте церковь Николы Чюдотворца, а в церкве образы и книги и ризы и паникадило и колокола и все церковное строение мирское. На погосте двор—поп Тихон Кондратьев, в келье бобыль Харка Иванов, да дв. монастырский, а живет в нем прикащик старец Лаврентей, да дв. коровничь; дв. половник Тимошка Григорьев; дв. половник Микитка Корелянин, дв. детеныш их Ивашко Исаев; во дв бобыль Рудачко Кириллов, да двор монастырской, а живут в нем монастырские детеныши, да два двора пустые: один монастырской, а другой крестьянской. Гаврилка Смолкова; убили его черкасы“... (Сол. арх. „Список с дозорных книг Семена Языкова да подъячего Семена Осокина 7123 г.).

[3]) Иером. Арсений. Доклады, грамоты и др. акты Троице-Серг. м-ря „о служках“ (Чт. в общ. ист. и древн. 1867 г. кн. III, стр. 8). Ср. А. П. Доброклонский Солотчинский м-рь, его слуги и крестьяне в XVII в. стр. 34.

[4]) Очерки из истории сельского населения“.., цит. соч., стр. 297.

[5]) См. об этом в дух. грамоте Иосифа Волоцкого о монастырском и иноческом устроении; ср. „Стоглав“, изд. 2. Казань, 1887 г., стр. 28, 108—109.

[6]) Акты археогр. эксп., т. III, № 262.

[7]) Дьяконов, цит. соч., стр. 298—299.

рабочие [1]). Нам детеныши и представляются такими постоянными рабочими в отличие от временных или сезонных рабочих—казачков. Детеныши в соловецкой вотчине в XVII в. встречаются, напр., на хорошо оборудованных мельницах, где требовался постоянный и квалифицированный труд. В 1623—24 г., в волости Кехте, где существовала монастырская „немецкая" мельница о 3-х жерновах (на р. Слободской) проживали монастырские детеныши в помощь мельничному старцу [2]). В первой четверти XVII в. мы видим ряд детенышей в монастырских волостях Каргопольского уезда; здесь они сидят на монастырской пашне и в монастырских дворах [3]). Если половник работал исполу за половинную долю урожая, то детеныш уже оказывался монастырским батраком и весь урожай должен был отдавать в м-рь. В виду этого детеныш был свободен от уплаты оброка, как в м-рь, так и в казну: на м-рь он выполнял „зделье", а государевых податей не платил, как пахавший пашню на м-рь. Поэтому в источниках мы встречаем правительственные распоряжения писцам, „чтобы в монастырских и церковных вотчинах крестьян служками и детенышами не писали б..." [4]). После переписи 1677—78 года, введшей новую окладную единицу—дворовое число, по приговору 2 сент. 1679 г., в податной оклад попали и дворы задворных людей. Естественно, попадали „в оклад", при создавшихся условиях, и детеныши. Монастырские власти были весьма встревожены новою податной реформой и в своих челобитных просили правительство не взимать ямские и полоняничные деньги (по гривне со двора) с тех и домовых слуг, служебников и всяких работников, „кои живут не на пашне" [5]). Отдельные уступки м-рям делались, но как общее правило, новая податная реформа сохранила свою силу.

Количество крестьянского, бобыльского, казацкого и всякого другого населения в соловецкой вотчине было огромным, но мы не можем дать вполне точную таблицу, указывающую постепенный рост этого населения и соотношение отдельных группировок в нем. Это вряд ли и возможно проделать в виду непрерывной текучести населения и некоторым особенностям промыслового хозяйства сол. вотчины. Более отчетливо можно представить численность и состав населения в соловецких волостях после введения подворной подати, когда было взято на учет все тяглоспособное население. В 1678—79 г. в Двинском уезде, по официальным данным, за соловецким м-рем насчитывалось 79 крестьянских, бобыльских и вдовьих дворов, в Устюжском уезде 49 крестьянских дворов, в Кольском уезде 75 дворов, в Каргопольском и Турчасовском— 181 двор. Эти цифры представляются нам относительно точными, так как по ним м-рю приходилось платить стрелецкие деньги. Они, во всяком случае, указывают минимум того, что правительство должно было получить. В конце XVII ст. с населения соловецкой вотчины собирались так называемые „четверичные деньги" и деньги „в корабельное строение". С „дыму" полагалось „обоего" той и другой подати 1 р. [6]), но прак-

---

[1]) Наши источники в соловецких промыслах и службах строго различают наемных и работных людей. Это различие, повидимому, основывается не на свойстве выполняемой работы, а на характере юридических отношений между м-рем и его работником.

[2]) Сол. арх. „Книги писцовые письма и дозору Мирона Веньяминова 131—132.

[3]) Напр., в волостке Пертнеме в 1615 г. в д. Никитинской м-рские детеныши Пиминко Корелянин с детьми, Омельянко да Терешка кореляне запахивали на м-рь 12 четей доброй земли и косили 30 копен сена; в д. Лужек детеныш Офонка Федоров запахивал осьмину пашни доброй земли (Сол. арх. Список с дозорных книг Семена Языкова....).

[4]) Акты археогр. экспед. т IV, стр 25—26; Дьяконов, цит. соч., стр. 315.

[5]) Дьяконов, цит. соч., стр. 317—321.

[6]) Одна четверичная дань равнялась (напр., в 1696 г.) 16 а. 4 д. с „дыма".

тически „розвод“ их протекал по трем „статьям“: 1) по „дымам“, 2) по „головам“ и 3) по „животам“. По этому некоторые состоятельные и многолюдные дворы платили и свыше обычной нормы, напр., по 1 р. 6 а. 4 д., по 1 р. 10 ал., 1 р. 3 а., другие же меньше, напр., по 26 алт. 23 алт., 13 алт., 10 алт., 8 алт. и т. д., „маломожные“ нищенские дворы от этой дани освобождались. Для того, чтобы правильно распределить эту четвериковую и корабельную дань, м-рь организовал тщательную перепись дворов в своих волостях. Благодаря этому, мы имеем возможность приблизительно точно определить количество дворов в некоторых волостях соловецкой вотчины. Напр., В 1696 г. в Сумском остроге крестьянских, бобыльских и сиротских дворов насчитывалось 195, в Колежемской волости 44 дв., в Нюхоцкой 86 дв., Кушрецкой 50 дв., Нижмоозерской 39 дв., Пурнемской 44 дв., в Лямецкой 25 дв., в Яренгской 24 дв., в д. Лапинской 11 дв., в д. Сумоотровской 14 дв., в Ендопоге 18 дв., в Надвоецкой и Каргозерской деревнях 37 дв., в д. Парандове 10 дв., в Виремской волости 32 дв., в Сухамнаволоке 34 дв.. в Выгострове 19 дв., в Шизненской волости 40 дв., в Сороцкой вол. 51 дв., в Шуерецкой волости 106 дв. в Кемской волости 182½ дв. крестьянских и бобыльских и 3 двора вдовьих в Подужемской волости 39 дв., в Пебоозерской вол. 20 дв., в Маслоозерской 27 дв., в .волостке Афонинском наволоке 13 дв., в волостке Ушаковом наволоке 7 дворов, в Куземе 3 дв., и в ряде других волосток кемского присуда 55 дв., всего, таким образом, в перечисленных волостях дворов крестьянских, бобыльских, казачьих и вдовьих насчитывалось 1227½[1]). Но в это число не вошли некоторые заонежские волости, волости Кольского уезда, не попали сюда деревни Устюжского уезда и некот. др. районы соловецкой вотчины, напр. Куресская волость и др.[2]). В источниках, из которых мы заимствуем сведения о количестве дворов в монастырских волостях крестьянские и бобыльские дворы приведены вместе в одной „статье“. Нам остается только заметить, что процент бобыльских дворов был значительным. Дополнительно к сказанному нами в свое время прибавим, что в 1678 г. в Кольском уезде из 75 дворов, отмеченных оффициальным источником, 62 двора были бобыльскими. В Сумском остроге в 1694 г. крестьянских двор. насчитывалось 115 с населением 195 душ м. п. (тяглых); бобыльских дворов было 90 с населением 129 душ м. п., в Каргопольском и Турчасовском уездах в 1678—79 г. г. насчитывался 181 двор вообще в том числе 94 двора бобыльских.

Сложное дело управления населением соловецкой вотчины в отдельных волостях и службах было предоставлено монастырским прикащикам, в помощь которым посылались доводчики. Мы уже видели, что представляли собою монастырские прикащики по отдельным жильям. Остановим свое внимание на доводчиках. Обязанность последних сводилась к тому, что они д. были по судным вызовам представлять в суд тяжущихся, они же брали под арест судили, производили первоначальное расследование в тех случаях, когда обнаруживалось в волости мертвое тело. Довотчики следили за тем, чтобы в волости население не заводило кабаков и домов разврата, не укрывало беглых холопов, неведомых людей и т. д.[3]). Соловецкий летописец организацию в соловецкой вотчине

[1]) Сол. арх. „Книги збору с монастырской вотчины за четвериковый хлеб и в борколонное строение денег разных годов“.

[2]) В 1693 г. на Двине, в Каргополе, Турчасове, в Кольском остроге и в Устюге, в посадах и уездах насчитывалось по оффициальным данным 387 дворов. (Царская грамота Ивана и Петра Алексеевичей Каргопольскому воеводе Григорью Михайловичу Петрово-Солового от 27 янв. 1693 г. Сол. арх.).

[3]) Акты арх. Эксп. т. IV. № 232. Наказ соловецкого монастырского собора доводчику Корнилу Аникиеву от 11 января 1679 г.

оплачиваемой должности тиуна и доводчика приписывает игумену Филиппу (Колычеву), утверждая, что при нем „слугам и тиуну и доводчикам определено жалованье [1]). Посылка „на довод" рассматривалась, как „жалованье" тому или другому лицу, и происходила по „соборному совету". Обычно полагалось отправлять „на довод" на год, считая от Покрова (1-го октября), но фактически „пожалованье" это простиралось на более продолжительное время: 3, 5, 6 и даже 7 лет. Соборное решение по поводу отправки в волость доводчика гласит: „и жити ему в той волости доводчиком год со дни с Покрова... да до такова ж дня; а насколко лет то ему жалованье дадут, и ему те урочные лета за то жалованье тружати в своем платье в м-ре, или где повелят, или куде пошлют работати безослушания и без роптания, а те уреченные лета тем жалованным слугам считати с того ж дня, октября с 1 числа". Будучи на доводе довотчик получал казенное обмундирование, по этому у отправлявшегося „на довод" слуги описывалось и оценивалось собственное платье. Напр., в 144 г. был „пожалован" в Кемскую волость слуга монастырской Никифор Каменщик на 5 лет (до 150 года), „а платья у него оценено однорядка лазорева, кафтан черначат, сукно аглинское, шапка, кафтан бараней под киндяком и тому платию цена 6 рублев; для трудов те ему платяные деньги отданы". Кто отправлялся на довод? Доводчиками бывали разные лица: и портной („шваль"), и монастырский слуга, и лодейный кормщик, и архимандричьий слуга и др. Некоторые доводчики „жаловались" на значительные промежутки времени и могли по истечении своего срока вторично получать такое же пожалованье в той же волости. Напр., лодейный кормщик Савва Смертной был доводчиком в Вирме с 145 года 6 лет; а затем, в 151 г., он вновь был „пожалован" на 7 лет на довод в той же волости [2]). Так как служба доводчиком представляла некоторые материальные выгоды [3]), то, по истечении „жалованных годов", бывший доводчик обязан был отслужить соответствующее количество лет на другой монастырской службе по назначению монастырских властей. Разумеется, трудно было бы м-рю обойтись своими прикащиками, тиунами и доводчиками, если бы эти агенты м-ря государя не опирались на хорошо организованный волостной аппарат.

Для защиты своих интересов в уездных и центральных правительственных учреждениях м-рь имел специальных лиц. В Москве проживал „строитель" сол. подворья—лицо, облеченное особым доверием м-ря, обычно из привеллигированных старцев с большими хозяйственными и административными способностями (напр., Иосиф, бывший позднее архимандритом, Иринарх Тарбеев и нек. др.). Мы неоднократно могли видеть, какую услугу оказывал м-рю его московский „строитель", выступавший в центральных правительственных учреждениях в интересах своего патрона. В Беломорских волостях, где владения сол. м-ря тянулись сплошной полосой, конфликты у сол. вотчиника могли происходить только в некоторых случаях и, главным образом, с воеводскою администрацией, конечный исход этих конфликтов определялся царскою грамотою из

---

[1]) Печатное изд. 1833 г., стр. 34.

[2]) Сол. арх. „Книги жалованным слугам, которые бывают пожалованы по волостям на довод" (небольшой отрывок 7140—(165) г.).

[3]) В пользу их поступал специальный налог, как с крестьян, так и с бобылей и казачков. Из уставной грамоты пузыревским крестьянам от 1561 г. видно, что крестьяне обязаны были доводчику „рожь на хлебы и солод на квасы молоти". Доводчику шли праздничные кормы: на Велик день 2 деньги московских, на Петров день 2 деньги, на Рождество 4 деньги; кроме того, с выти доводчику поступало по 2 алтына ежегодно. Въезжего доводчик получал ежегодно с „дыма по 2 деньги, хоженного по 1 деньге, „езды" с версты по 1 деньге московской. (Акты арх. эксп. т. I, № 258, стр. 283 и след.

Москвы в ответ на челобитье сол. старцев. Но иначе дело обстояло в каком нибудь Устюжском уезде, где земельные угодья сол. м-ря были расположены вперемежку с крестьянскими. Целый ряд ограничений монастырского землевладения, особенно в связи с изданием „Соборного Уложения", давал повод местному волостному миру реагировать на колонизаторские тенденции соловецких старцев, открыто бросая последним обвинения в „сильном" и незаконном захвате волостных угодий. Здесь м-рю приходилось всегда быть в боевой готовности и для этого пользоваться услугами искушенных в сфере знания юридических тонкостей и судебного делопроизводства лиц, так называемых стряпчих. Роль монастырских стряпчих в исторической науке частично уже освещалась [1]). Почти все м-ри имели у себя этих заступников своих интересов, выступавших иногда одновременно, если дело затрагивало права обще-монастырские интересы [2]). Роль стряпчего в соловецком м-ре аналогична с ролью его товарищей в других монастырях. Стряпчий выступает защитником монастырских интересов в судебных процессах. Он—представитель м-ря при очных ставках с мирскими челобитчиками и произносит речи. Монастырский сол. стряпчий прекрасно знает „Соборное Уложение", знает и фактическую сторону дела. Общим ссылкам своих противников на соответств. статьи „Соборного Уложения" стряпчий противупоставляет целый арсенал фактического материала, специальные царские грамоты, писцовые книги. Если закон не ясен или допускает возможность толкования его в нежелательном для м-ря смысле, стряпчий ссылается на обычай. Мы знаем несколько случаев успешного выступления стряпчих соловецкого м-ря на суде. Напр., в 1682 г. монастырский стряпчий Макар отстоял на „очной ставке" ряд соловецких деревень в Устюжском уезде, на которые претендовал от лица волостного мира всеуездный устюжский староста—челобитчик Гриша Новосельцов [3]).

Глава седьмая.

Большое значение в истории соловецкой вотчины имело известное соловецкое „сидение", когда в продолжение нескольких лет (1668—1676 г.г.) монастырь выдерживал осаду правительственного стрелецкого войска. Само по себе это обстоятельство представляется показательным: выдержать столь продолжительную осаду могла только хорошо оборудованная и достаточно обеспеченная, как в военном, так и в продовольственном отношении крепость. Проникло царское войско в монастырь не потому, что осажденные лишены были возможности выдерживать дальнейшую осаду: монастырские амбары были полны хлебом, а стены находились в боевой пригодности. „Сидение" с успехом могло бы продолжаться и дальше, если бы не предательство монаха Феоктиста. Историк москов-

[1]) А. А. Введенский. Монастырский стряпчий. Русский Историч. Журнал, 1921 г. № 7, стр. 31 – 60; его же „Трудовая деятельность стряпчих в северно-русских монастырях в XVI—XVII в.". („Север", 1923 г. кн. 1, стр. 36—64); К. Любарский. Некоторые черты из деловой поездки монахов Сийского монастыря в Москву в XVII в. (Изв. Арханг. общ. изуч. русск. севера, 1919 г., №№ 5—6). Ценный материал для изучения организации института м-ских стряпчих издан И. М. Катаевым и А. Кабановым в „Описании актов собрания гр. Уварова" М. 1905 г.

[2]) П. В. Шляпин. Акты В.-Уст. Мих. Арханг. м-ря, II, 82—83, 109.

[3]) Сведения о деятельности стряпчего Макара на судебном процессе между монастырем и всеуездным Устюжским старостой Гришей Новосельцовым заимствуем из царской грамоты Ивана и Петра Алексеевичей на имя Устюжского воеводы Ивана Романовича Селиванова от 26 сент. 7193 (1684) г.

ской Руси XVII в. не должен пройти мимо соловецкого восстания; он может по разному его характеризовать, или считая это событие своеобразной фрондой по адресу тогдашнего правительства, или же оценивая его, как протест против посягательства на родную старину. Вопрос о причинах соловецкого сидения в исторической литературе справедливо рассматривался в связи с более общим вопросом о причинах возникновения так называемого русского „старообрядчества". Сравнительно недавно за исследование этого явления взялись русские историки, до того времени старообрядчество изучалось представителями богословской и церковно-исторической науки. Это обстоятельство не могло не отразиться не только на характере, но и результатах изучения данного вопроса. Сводя все дело „раскола" к выступлению некоторой части русского общества против никоновских исправлений церковно-богослужебных книг и обрядов, историки церкви объясняют причины его, как следствие суеверия противников указанных новоисправлений, окрепшего не без вины правительства, удалившего Никона с патриаршего престола [1]). Даже лучшие знатоки старообрядчества, занимавшие специальные кафедры в духовных академиях, не пошли дальше традиционной характеристики его, „как буквообрядового направления в религиозной жизни русского общества XVII в.". Проф. П. С. Смирнов, лучший знаток старообрядчества, определяя сущность последнего, утверждает: „раскол есть явление церковной жизни, и идеал церковной жизни раскола,—альфа и омега его религиозного упования заключается в учении о книгах и обрядах". Несколько ниже названный ученый говорит: „будучи явлением церковной жизни, раскол лишь косвенно затрагивает жизнь гражданскую". В своей диссертации, посвященной внутренним вопросам в расколе в XVII в., П. С. Смирнов говорит, что в памятниках старообрядчества нет „ни одного слова против жизни государственной, ни одного намека на тяжесть социального строя, ни одного вздоха о порядках экономических" [2]).

Другой, не менее авторитетный историк старообрядчества, проф. Н. Ивановский также „существенною" и „характеристическою" чертою „раскола" считает „обрядоверие" [3]). После исследования проф. Н. Ф. Каптерева [4]) с достаточною степенью убедительности выясняется, что: 1) первые противники Никона вовсе не были людьми невежественными (по крайней мере, в сравнении со своими антагонистами), 2) исправление книг состояло в переделке богослужебного чина и обряда, 3) методы никоновских нововведений были крайне ошибочными и состояли в резкой и грубой критике древне-русской богослужебной старины. Н. Ф. Каптерев расшатал до основания старый традиционный взгляд на „раскол", как результат невежества некоторой части русского общества средины XVII в. Но и в исследовании Н. Ф. Каптерева остается необъясненною

---

[1]) Архиеп. Филарет Черниг. История русской церкви, период IV, 1588—1720 г., изд. 4, Чернигов, 1862 г., стр. 158—159. Подобным же образом смотрит на дело м. Макарий; но в оценке старообрядчества Макарий идет дальше. „Раскол, говорит он, по существу своему есть противление власти церковной, а иногда вместе и гражданской, действующей заодно с церковною. Таким образом характер политического движения раскол принимает постольку, поскольку гражданская власть действует за одно с церковною". („История русского раскола", изд. 3, СПБ, 1889 г., стр. 159 и след., стр. 215).

[2]) П. С. Смирнов. „История русского раскола старообрядчества". СПБ. 1895 г., стр. 3 - 4; Внутреннне вопросы в расколе в XVII в. СПБ. 1898 г., стр. CXXVIII,—CXXIX.

[3]) Н. Ивановский. „Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола". Казань, 1887 г., стр. 3—4. 10—47 и нек. др.; такого же взгляда на сущность старообрядчества держался и проф. И. Нильский. (См. его „Об антихристе против раскольников", СПБ, 1859 г., стр. IX—XV и др., ср. его же „Семейная жизнь в русском расколе") и нек. др.

[4]) „Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович", т. I и II.

причина необычайной популярности старых, до-никоновских книг и обрядов среди разных классов русского общества. Короче говоря, не выяснена социальная основа старообрядчества. Между тем, если бы до никоновская старина не находила себе поддержки в народных массах, то вряд-ли оппозиция вводимым „новшествам" вылилась в специфические социально-политические формы.

В 60—70-х годах XIX ст., в связи с ростом в России народнических и вообще демократических идей, старообрядчество стало подкупать в свою пользу не только исследователей, но и публицистов своим демократизмом, именно как движение народное, развивавшееся в народных низах; раскол стали оценивать, как явление прогрессивное, приучавшее критически относиться не только к чужому, но и своему. Среди публицистов сложился даже тип „идеализаторов" раскола, вроде И. Юзова и некот. др. [1]).

Начало изучения старообрядчества, как крупного явления русской жизни XVII в. было положено А. П. Щаповым. Мы должны назвать 3 работы его, посвященные „расколу": 1) „Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII и в первой половине XVIII в.". Казань 1858 г., 2) „Земство и раскол", ч. I (изд. 1859 г.) и 3) „Бегуны" („Земство и раскол", ч. II, 1862 г. [2]). А. П. Щапов, оригинальный, самобытный русский ум, не имевший какой-либо определенной научной школы, впервые подошел к расколу, как „явлению историческому" и попытался объяснить его состоянием русского общества XVII в. Это—крупная заслуга А. П. Щапова, отмеченная в свое время историком Бестужевым-Рюминым [3]). В своей работе о земстве и расколе А. П. Щапов рассматривает раскол, как „противугосударственное направление", как протест земства против правительства вследствие его нестерпимых злоупотреблений и централизма. Раскол объединяет всех недовольных, поднимает казаков и стрельцов на борьбу против государства с целью „основать старообрядческое государство или раскольническую демократию". Отсюда нетрудно уже будет сделать вывод, что и вообще характер раскола не религиозный, а гражданский. Оригинальною представляется мысль А. П. Щапова, что в расколе сказалось стремление возвысить личность крестьянина, низведенного особенно во 2-й половине XVIII в. на степень скота, до апофеоза, до „мифической, религиозно-антропоморфической персонификации" [4]). Как бы не относиться строго к научной схеме работ А. П. Щапова, посвященных старообрядчеству [5]), но мы должны будем признать, что последнее у него в основных чертах освещено так мастерски, что „расколом" стали интересоваться и другие русские историки, занимавшие университетские кафедры. На первых порах в объяснении причин возникновения старообрядчества русские историки

[1]) Довольно широкою известностью пользовалось сочинение И. Юзова: „Русские диссиденты.—Староверы и духовные христиане". СПБ, 1881 г., стр. 110. Подробнее об этих „идеализаторах" в статье И. Харламова: „Идеализаторы раскола" (журн. „Дело", 1881 г. авг.—сент.).

[2]) У А. П. Щапова есть еще небольшое исследование: „О причинах происхождения и распространения раскола во второй половине XVII и в первой половине XVIII ст." (Правосл. Собеседн. 1857 г., стр. 629—689; 857—891).

[3]) Отечественные записки, т. 127, № 11, отд. III, стр. 37.

[4]) Сочинения А. П. Щапова, т. I, стр. 464.

[5]) См. оценку взглядов А. П. Щапова у С. М. Соловьева и Ив. Некрасова (в „Летопис. русск. литер.", изд. Тихонравовым, 1859 г., т. II, кн. IV, отд. 3, стр. 73—96). Несколько замечаний А. П. Щапову сделал в свое время проф. И. Ф. Нильский (Христ. чт. 1861 г., февраль). Позднее взгляд Щапова подвергся разбору Г. В. Плеханова („История русск. общ. мысли", т. II, стр. 31 и след.).

стоят на психологической точке зрения. По их объяснению, никоновская реформа казалась современникам посягательством на заветную святую старину, покушением на то, чем доселе жива была Русь. При напряженных эсхатологических чаяниях русского общества, не много требовалось для того, чтобы происходившие перемены в богослужебном чине истолковать, как тлетворное веяние прелести антихриста[1]). Обстоятельно толкует о причинах происхождения раскола В. О. Ключевский. Подвергнув тонкой и остроумной критике богословские объяснения причин происхождения раскола (как старообрядческого, так и православного лагеря), В. О. Ключевский подходит к выяснению поставленного вопроса „с народно-психологической" стороны. Он подчеркивает тот факт, что с XV в. обаяние православной Византией у нас, на Руси, стало колебаться; соответственно с этим растет традиция о Москве, как 3-м Риме и особенной чистоте русского (московского) православия.

Национальное и церковное самомнение не могло мириться с государственными нововведениями, которые после смуты проводились в Москве. Это господствующее настроение русского общества В. О. Ключевский характеризует, как „латинобоязнь". Поэтому вполне естественно, что когда Никон порывисто начал править древне-русские богослужебные чины и обряды со стороны тревожно и чрезвычайно подозрительно настроенного русского общества поднялся протест[2]). Таким же образом объясняют возникновение старообрядчества и другие русские историки, напр., П. Н. Милюков[3]) и А. С. Лаппо-Данилевский[4]). В оценке Н. И. Костомарова, русский „раскол" был крупным явлением народного умственного прогресса: поскольку он заставлял ограждать старые формы жизни духовной и общественной, он вводил русский народ в чуждую ему до того времени область мысленного труда, расшевелив таким образом спавший мозг русского человека. Причины, почему русский человек решился открыто выступить против церковных властей и правительства в борьбе за старину, коренились вообще „в духе того времени", эпохи непрерывных бунтов, охватывавших почти весь XVII в.[5]). Выяснение причин возникновения „раскола" и характеристика его сущности нашли себе место и в марксистской исторической литературе. Г. В. Плеханов в своей „Истории русской общественной мысли", рассматривая русский раскол XVII в., заявляет, что „раскольническое движение, несомненно, опиралось на недовольство народа своим, постоянно ухудшавшимся, положением". Плеханов сильно сомневается в демократизме первых расколоучителей, считая, что этот демократизм Щапов сильно преувеличил (Аввакум долго не терял надежды привлечь на свою сторону Алексея Мих., а потом его сына); видит он в расколе ярко выраженные черты московского национализма, благодаря повороту России к западу; критикует Плеханов утверждение Щапова, что „в расколе воплотился дух Степана Разина", ссылаясь на полный религиозный индифферентизм Разина. По словам Плеханова, „бунт Разина представляет собою общественное явление, несравненно более богатое жизненной энергией, чем раскол старообрядчества", так как разиновцы отстаивали „земной", хотя и отживший идеал, а раскольники стремились к „Иерусалиму небесному".

---

[1]) Соловьев. История Росс. с древн. времен. кн. III (т. XI—XV), изд. „Общ. пользы", стр. 197—201.

[2]) В. О. Ключевский „Западное влияние в России XVII в. Историко-психологический очерк. „Вопросы философии и психологии 1897 г.", кн. 38, май-июнь, стр. 552; ср. его же „Курс русской истории", ч. III, стр. 369—411.

[3]) Очерки по истории культуры, II, стр. 49.

[4]) Лаппо-Данилевский. Литографированный курс русской истории.

[5]) Исторические монографии и исследования, т. XII, стр. 347—348; 367.

Свой взгляд на сущность раскола Плеханов выражает в следующих словах: „едва-ли мы ошибемся, предположив, что склонность народной массы к расколу была обратно пропорциональна ее вере в возможность собственными силами победить царящее зло, и что, таким образом, раскол с особенным успехом распространялся после выпадавших на долю народа крупных поражений". В качестве аналогии Г. В. Плеханов указывает на социально-психологический процесс, наблюдаемый в русской интеллигенции, с наибольшим усердием предающейся „религиозным исканиям" в годы реакции и упадка общественной энергии [1]).

Следует отметить несколько страниц в „Русской истории с древн. вр." под редакцией М. Н. Покровского. Это—очерк Н. М. Никольского, написанный под заметным влиянием А. П. Щапова и Н. Ф. Каптерева; автор пытается вскрыть классовую основу раскола. Как явление многогранное, в котором участвовали разные классы русского общества, протестовавшие против крепостнического дворянского государства, раскол не может быть подведен под одну старообрядческую идеологию. Каждый из участвовавших в названном движении классов имел свою религиозную и классовую идеологию. Общее недовольство государством у церкви вызывалось посягательством со стороны московского дворянского абсолютизма на феодальные права церкви, но в том же церковном мире можно проследить некоторые любопытные варианты этого недовольства. Сельский священник, раньше избиравшийся миром и зависевший от мира, превращался в агента помещика, который мог по своему капризу в любой момент убрать неугодного священника. С другой стороны, сельское духовенство прибирал к своим рукам епископат. Уничтожение отдельных феодальных миров в московском государстве происходило параллельно с ростом церковного централизма, и оппозиция сельского духовенства против епископата соединялась с оппозицией против дворянской системы. Тоже было и с городским духовенством, но приемы борьбы применялись последним несколько иные. Кружок „ревнителей" мечтал о реформе епископата путем удаления из его состава неподходящих лиц и замены их новыми и прежде всего из своей же среды „ревнителей". Этот кружок составился возле царского духовника Стефана Вонифатьева и после смерти патр. Иосифа постарался заместить освободившийся патриарший стол своим человеком—новгородским митроп. Никоном. Но Никон не оправдал надежд своих прежних друзей. Он повел реформы, но не те, на которые расчитывали ревнители. Никон особенно настаивал на единовластии патриаршества и организационное объединение церкви он желал провести путем создания параллельной государству организации, но отнюдь не подчиняя церкви государству. Введением единообразного чина, унифицированного с богослужебным чином восточной церкви, Никон стремился добиться церковного единства. Как Никон, так и его противники, смотрели на церковные обряды, как на существенные догматы веры; это обстоятельство вызвало жестокую взаимную полемику. Церковные новшества, естественно, ассоциировались в глазах оппозиционных элементов с изменениями и в формах жизни. Протест против дворянского крепостничества у крестьянина объединялся с протестом против тех богослужебных чинов, которые навязывались Москвою. Оппозиционно по отношению к правительству был настроен и посад.

Прежнее губное управление было подавлено воеводским, в результате чего, в городах всякие люди обнищали и оскудели до конца от... государевых воевод, а торговые люди... от их же воеводского задержания

[1]) т. II, Москва 1918 г., стр. 31—58.

и насилства в проездах торгов своих отбыли. „Иноземные купцы своею привеллигированною торговлей „оголодили" русскую землю, подрывая русскую торговлю и вывозя в Англию „всякий харч и хлеб". От „иноверцев" русский посад ожидал для себя „вечной нищеты и скудости", так-же, как„ всеконечного" разорения от воевод. Это было уже достаточно, чтобы посад отрицательно отнесся к никоновским новоисправлениям, проводимым при помощи покровительствующего иноземцам правительства. На стороне раскола выступали стрельцы, в средине XVII в. очень сильно обиженные правительством. Во первых, центр тяжести жалованья переносится в это время на земельные угодья стрельца; во вторых, ограничиваются стрелецкие привиллегии в области торговли и промышленности (пошлины на промысла и оброк на лавки); в третьих, что всего более было для стрельцов неприятным,—стрелецким полки вытесняют новые полки иноземного строя. Наконец, боярская знать, спасая остатки своего былого величия от возроставшего могущества дворянского класса, не могла не чувствовать за приверженцами старины реальной силы, на которую, при случае, можно было бы опереться в борьбе с дворянским правительством.

В таком, приблизительно, положении в русской исторической науке находился вопрос о происхождении раскола. Акад. С. Ф. Платонов прав, когда заявляет, что „первоначальная история раскола и ход его распространения не настолько еще изучены, чтобы можно было в объяснении причин раскола идти далее предположений. С. Ф. Платонов считает необходимым расчленить вопрос о расколе, и причины, вызвавшие его, рассматривает отдельно от условий успешности распространения раскола. При этом, протест, приведший к расколу, акад. С. Ф. Платонов относит исключительно к церковной сфере и реформам Никона; но на широкое распространение раскола влияли условия общественной жизни того времени. Дело Никона С. Ф. Платонов выделяет из сопутствующих ему обстоятельств: Никон энергично отстаивал то положение, что церковное управление должно быть свободным от вмешательства гражданской власти, а церковь должна была влиять на политические дела [1]). Одним словом Никон ратовал за то, с чем были бы согласны и многие его противники.

Соответствующим образом разрешался в науке вопрос и о причинах соловецкого сидения. Но события в Соловках в 1668—76 г. настолько отчетливо проявляли политический характер, что объяснять их исключительно традиционным невежеством и фанатизмом соловецких сидельцев не представлялось возможным. Архиеп. Филарет инициаторами возмущения в сол. м-ре считает ссыльных и опальных лиц, напр., кн. Львова, саввинского архим. Никанора, последователей Аввакума и др. Особенно важное значение в деле возмущения играли лица, прибывшие в Соловки из отрядов Степана Разина, „которые скоро начали управлять волею обольщеных простаков". Продолжительность осады арх. Филарет объясняет нерешительностью правительства и, отчасти, бездеятельностью командования осаждавшего м-рь стрелецкого войска [2]). По мысли м. Макария, почин возмущения в сол. м-ре был положен в 1656 г., когда сюда были присланы, при царском указе, новоисправленные книги. Распропагандированные учениками протопопа Аввакума соловецкие монахи не хотели принять их. В это же время сюда было сослано до 150 лиц, противящихся гражданским и церковным реформам, среди них кн. Львов, бывший начальником печатного двора и единомышленник Аввакума. Сюда стекались и другие ученики Аввакума и Лазаря. Ревностным

[1]) Лекции по русской истории, СПБ, 1904 г. стр. 311—322.
[2]) Арх. Филарет, цит. соч., стр. 169—173.

участником возмущения м. Макарий считает саввинского архим. Никанора и казаков из отрядов Разина. Из монахов, по словам м. Макария, к ним пристали немногие, остальные же не имели возможности сопротивляться [1]). Действием пропаганды некоторых лиц объясняет соловецкое сидение проф. П. С. Смирнов. Во главе возмущения названный ученый ставит арх. Никанора, казначея Геронтия, автора последней челобитной, келаря Азария и служку Фаддея. Обесценивать роль самих соловецких монахов П. С. Смирнов не стал; ему, как специалисту по истории старообрядчества, было известно, что позднее, после того как оффициальные предводители восстания были казнены, уцелевшие монахи в течение многих лет бродили по Поморью, распространяя и укрепляя раскол [2]). П. С. Казанский по вопросу о виновниках соловецкого возмущения расходится с другими исследователями, решительно отрицая участие донских казаков Разина в соловецком возмущении. Главным виновником возмущения П. С. Казанский считает архим. Никанора. Только под конец осады вся власть перешла в руки мирян [3]). Н. И. Костомаров не склонен придавать соловецкому сидению важного значения, несмотря на продолжительность и упорство его. Этот бунт, по словам Костомарова, не выходил из ряда бунтов, которыми так богата была вторая половина XVII в. Участвовавших в сол. бунте, по подсчету Костомарова доходило до 500, из них 200 человек было духовных, а для остальных приверженность к обряду была только поводом к восстанию... Мирскими участниками сол. возмущения руководило стремление тем или другим способом противодействовать властям [4]). Оригинальным представляется объяснение причины сол. восстания у А. П. Щапова. Как мы уже упоминали, раскол А. П. Щапов толкует, как „отпадение земских людей от государева Московского государства". Борьба раскола с правительственною силой выявилось в восстании Степана Разина. Древнее Астраханское царство Степан Разин хотел сделать в противоположность Москве царством, казачества и раскола... С Дона раскол и казацкое движение отозвалось в противуположном конце—в Поморьи. Казаки-раскольники протестовали против московского правительства вместе с соловецкими монахами. „Соловецкий бунт, гов. А. П. Щапов, был раскольничьим протестом, антагонизмом Поморской области против Москвы"; это—„борьба Поморья с Москвою, с Московским государством" [4]). Русская историческая наука обладает и специальною монографией, посвященною истории соловецкого восстания. Это—магистерская диссертация И. Я. Сырцова: „Возмущение соловецких монахов-старообрядцев в XVII в. „Ценность этого труда для выяснения причин изучаемого явления значительна. Автор, очень близко знакомый с монастырским архивом, вскрывает ряд фактов, которые свидетельствуют, что в сол. м-ре уже давно зрело недовольство и Никоном и правительством. Никон урезывал материальные достатки м-ря отпиской некоторых сол. угодий и стеснял его самостоятельность; не было недостатка и в соответствующей агитации. Но отдает дань И. Я. Сырцов и традиционному представлению о невежестве и фанатизме сол. монахов, на чем сыграла роль передовая братия—активные участники возмущения [5]).

[1]) М. Макарий, цит. соч., стр. 216—218.

[2]) П. С. Смирнов. История русского раскола старообрядчества, 1895 г., стр. 83—85; ср. его „Внутренние вопросы в расколе в XVII" СПБ 1898 г., стр. XI—XIII).

[3]) „Кто были виновники соловецкого возмущения от 1666 до 1676 года"? (Чт. в общ. ист. и древн., 1867 г., кн. IV, стр. 1—10)

[4]) Исторические монографии, т. XII, стр. 366—367; ср. его „Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей", т. II, СПБ. 1886 г.

[5]) Работу И. Я. Сырцова, вышедшую вторым исправленным изданием в Костроме в 1889 г. мы будем цитировать неоднократно. Критическая заметка на эту дисертацию помещена в Христ. чт. 1883 г., ч. I.

В цитированной уже нами статье в „Русской истории с древн. времен", под ред. М. Н. Покровского, мы находим объяснение причин и соловецкого восстания. Соловецкий монастырь представлял крупную феодальную сеньерию, которая очень долго отстаивала свои феоадльные вольности: выбирала своих властей, содержала свое войско и не думала поступаться своею самостоятельностью. Московское правительство ссылало сюда своих противников, которые здесь чувствовали себя в своей среде. Грамота в Москву от 1666 г. соловецкого келаря гласит, что монахи с этими ссыльными „живут заодно и мятежи чинят, и воровские письма составливают... и по кельям с опальными ночи просиживают". Уже отсюда видно, что для боярской фронды в Соловках было очень много материала. Ссыльные, противники никоновских исправлений, еще более усугубили недовольство в Соловках московским правительством. В 1612 году в Соловки был сослан казацкий атаман эпохи в. м. смуты Петр Отяев [1]). Конечно, в период соловецкого возмущения его в живых могло и не быть, но факт ссылки сюда представителей крестьянской оппозиции характерен сам по себе. Соловецкая фронда резко изменила свое направление, когда на остров, в монастырь, стали стекаться казаки из отрядов Разина и крестьяне-ревнители старой веры. Эти „бельцы" придали соловецкому восстанию характер антиправительственного движения. Таким образом, соловецкое возмущение имело свою историю и было весьма сложным явлением вследствие разнородности принимавших в нем участие элементов.

Попытаемся на основании изученного нами материала объяснить соловецкое сидение и прежде всего разберемся в полученном нами литературном наследстве. Традиционное объяснение причин соловецкого восстания сводит все дело к „невежеству", „суеверию" и „своенравию" соловецкой братии, которая еще в 1656 году получила новоисправленные книги, но без всякого рассмотрения поставила их в монастырской оружейной палате. Но в каком смысле можно говорить о невежестве инициаторов соловецкого восстания? В том, что они выступали во имя сохранения русской старины в церковно-богослужебном чине, освященной вековой традицией, сказалось не невежество их, а религиозно-национальное самомнение. Как бы ни оправдывал Никон и другие церковные реформаторы новоисправленные книги и обряды, но все же они были новыми и навеяны были Руси извне, от той Византии, православие которой давно уже было взято под сомнение русскими книжниками. До сих пор соловецкий монастырь знал греков, как невольных обитателей его тюрем, присылавшихся сюда „под начал", а теперь, вдруг, эти же греки выступили в роли церковных учителей ускользавшей от их влияния Руси [2]). Если понимать „невежество" и „суеверие" соловецких монахов в смысле их „обрядоверия", то с полным правом такими же невеждами можно назвать Никона, сторонников его реформ и весь состав собора 1666—67 г. вместе с восточными представителями на нем [3]). Не проявилось „суеверие",

---

[1]) Из грамоты в соловецкий монастырь бояр, воевод и кн. Дм. Мих. Пожарского видно, что Петр Отяев был прислан в соловецкий монастырь „за воровские дела, за разорение Московского государства, за пролитие многих христиан крови и за осквернение многих монастырей и церквей" (Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 216 об.).

[2]) Об этом подробнее у проф. Н. Ф. Каптерева в его статье „Патр. Никон, как церковный реформатор". (Правосл. обозр. 1887 г.); Е. Е. Голубинский. „К нашей полемике со старообрядцами", 1892 г.

[3]) Об этом могут свидетельствовать те вопросы, которые некогда предлагал Никон Константинопольскому патр. Паисию. („Ответы" на них Паисия см. в Христ. чт. 1881 г. кн. 1"). Каптерев Н. Ф. „Патр. Никон и царь Алексей Михайлович", цит. соч, т. I, Серг. пас. 1909 г. стр. 162—165; Ключевский. Курс русской истории, ч. III, стр. 399; Милюков. Очерки по истории русск. культуры, ч. II, стр. 47—48.

„невежество“ и „своенравие“ соловецких монахов и в неподчинении соловецкого монастыря постановлениям собора 1666—67 г., объективность и каноническое достоинство которого было уже давно заподозрено в науке [1]). Соловецкий монастырь обладал прекрасной по тому времени библиотекой [2]). Еще в 1636 г. отсюда был вытребован в Москву для книжной справки старец Гурий [3]). Меньше всего подходит обвинение в невежестве к архим. Никанору, соловецкому постриженнику, но занимавшему в одно время пост архимандрита привиллегированного саввинского монастыря. Нам известно, что Никанор пожертвовал много ценных книг в монастырскую соловецкую библиотеку; после его казни (в 1676 г.), в его келье воевода Мещеринов нашел 260 томов печатных и рукописных книг [4]).

Таким образом, нет надобности всех сторонников никоновских реформ относить к категории передовых людей своего времени, а противников их квалифицировать, как „суеверов“, „фанатиков“ и т. д. Соловецкое восстание по существу было актом политическим, следовательно, причины его надлежит искать в тех отношениях, которые сложились к моменту восстания между соловецкой вотчиной и правительством. Отношения эти не всегда были безоблачными. Правда, сол. м-рь начал свое историческое бытие уже в то время, когда феодальные порядки на Руси стали разлагаться. В XVI в. когда происходило освоение сол. вотчиной Беломорских волостей, известные нам жалованные грамоты м-рям (начиная с 1507 г.), запрещая кому бы то ни было „рушити“ предоставленные привиллегии, оговариваются: „опричь яму, и мыта, и тамги, и пудовщины и померного, и пятна“ [5]). Из этого мы заключаем, что фактически целый ряд монастырских привиллегий был „рушен“ уже в самом начале XVI в. [6]). Жалуя соловецкому м-рю ту или другую волость „со всеми оброки, и угодьи, и со всем, что исстари тем угодьям потягло“, царская грамота каждый раз добавляет: „опричь мое в. князя обежные дани“ [7]). Между тем раньше аналогичные жалованные грамоты выражались относительно монастырских людей более решительно: „не надобе им никоторая моа дань“... Чтобы понять сущность происшедшей перемены, необходимо точно и отчетливо усвоить понятие о „дани“. Первоначально данью называли подати, которые завоеванный и, след., подвластный народ платил своему завоевателю. В XIV—XV в., в так наз. „удельный“ период дань означала прямые сборы, платимые подданными своему сеньеру. В памятниках феодальной эпохи на Руси эти прямые сборы своди-

[1]) Н. Гюббенет. Историческое исследование дела патриар. Никона, т. II, СПБ. 1884 г. Сомнение относительно правильности полномочий и законности представительства на соборе приехавших в Москву восточных патриархов (тогда уже низложенных) высказал открыто и оффициально сам Никон. (И. Бриллиантов, Ферапонтов, Белоозерский мн-рь. СПБ, 1899 г., стр 128).

[2]) Как в свое время мы уже упоминали, некоторые книги представляли исключительную ценность, напр., „Псалтирь с восследованием“ основателя сол. м-ря Зосимы. Эта книга была увезена в Москву еще до осады м-ря архим. Варфоломеем, быть может, для того, чтобы не дать возможности сол. противникам никоновских исправлений ссылаться на соловецкую старину.

[3]) Цитир. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 384 и об , 393, 397 и об.

[4]) И. Я. Сырцов, цит. соч. стр. 35.

[5]) Акты, относящ. до юридич. быта, изд. Калачова, № 31, (XIV); Акты арх. эксп. т. I, № 164, и 179; Акты Историч., т. I, № 74.

[6]) Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквам в XIII—XV в. (Архив историч. и практич. сведений, относящихся до истории Росс., изд. Н. Калачовым, 1860 г., кн. I, стр. 10; подробнее об этом у Милютина: „О недвижимых имуществах духовенства в России“ (Чт. в общ. ист. и древн., 1860 г., III. стр. 224)).

[7]) См., напр., грамоту игумену Алексею Юреневу на д. Шизню и Сухой-наволок от 1539 г. (Досифей, III, стр. 2).

лись к 2 основным видам: а) дань личная и б) посошная. С передачей волости во владение м-ря, верховным собственником земли оставался по прежнему в. князь, сохранивший за собою право посошной дани. Посошная (в новг. областях „обежная") дань различалась двоякая: 1) обычная, которую м-рь ежегодно вносил в казну в Москве в Новгородской четверти и 2) „чрезвычайная", или „неминучая", собиравшаяся по особым „запросам" [1]). С 70-х годов XVI ст. сол. м-рь становится опорным стратегическим пунктом Московского государства на северном рубеже. Так как он уже нес „государеву службу" натурой, то некоторые повинности, отбывавшиеся государевыми волостными крестьянами, с монастырского населения были сняты. Напр., специальная царская грамота новгородским дьякам запрещает требовать в Новгород с Сумской волости и и ее присудов охотников к ямской службе. Тогда же, 31 дек. 7092 (1583 г.) царская грамота в Колу воеводе Максиму Судимантову предписывает керецких, умбских, порьегубских и кандалакских монастырских крестьян не превлекать к острожному делу и стрелецкой службе на том основании, что м-рь на свои личные средства содержит острог [2]). Несколько позднее игумен Иаков получил специальную грамоту, освобождающую сол. м-рь от взноса с 40 монастырских обеж посошного хлеба и поставки крестьян на службу в Новгород [3]). В жалованной грамоте сол. м-рю на четверть волости Умбы (от 1585 г.) читаем, что кроме уплаты годового оброку, монастырские крестьяне в этой волости со своих угодий „посошных людей не дают и никаких государевых дел не делают, с черными и волостными крестьянами не тянут ни в какие розметы" [4]).

Итак, к центральной правительственной власти отношения соловецкой вотчины выражались в ежегодной (обычно на Рождество) уплате так назыв. обежной дани (по числу обеж); дань эта платилась обычно в Москве, минуя местные административные и финансовые органы [5]). Как справедливо думает А. С. Лаппо-Данилевский, такого рода привилегии выдавались или ввиду случайных удобств, или вследствие того влияния, каким пользовался крупный землевладелец в столице. Особенно тогда, когда землевладелец жил в столице, или имел там своих поверенных (как это было у соловецкого монастыря), ему удобнее было миновать местных правительственных сборщиков [6]).

Общая политика московского правительства в средине XVI ст. в ограничении тарханов соловецкой вотчины коснулась с наиболее уязвимой стороны: соловецкие старцы обязаны были с продаваемой соли и всяких товаров „тамга и вес и всякая пошлина платить везде по тому ж, как и с торговых людей с товаров, которые пошлины идут" [7]). Это был

[1]) Арх. историч. и практич. сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачова, кн. V, 1863 г., стр. 43—45. По греко-римским законам, легшим в основу церковно-государственных отношений на Руси, церковное недвижимое имущество не было совершенно освобожденным от гражданских повинностей. Церковь со своих земель не отправдяла „только так наз. sordida munera" (низкие повинности), но общегражданские повинности, „canonica illatio", городовые повинности („городовое дел" о наших памятников), починку мостов и водопроводов церковь несла наравне с прочими владельцами недвижимых имуществ. Точно также во время военных походов церковь доставляла войскам припасы, подводы и проч. (Греко-римские законы в отношении к церкви. Журн. Мин. Нар. Просв. 1850 г., стр 39—40).

[2]) Цитир. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 67 об—68; 190 об.—192; л. 238—239.

[3]) Ibibem, л. 68 об.—71; 180—182; Акты арх. эксп. т. I, № 323.

[4]) Ibidem, л. 77 об.—79 об.

[5]) Цит. рук. сол. сборн. № 18, л. 81 об.—82; л. 82 об.—83 об., л. 114 об.—115 об.

[6]) „Организация прямого обложения", цит. соч, стр. 352—353; подобною льготой пользовался не только соловецкий монастырь, но и другие, напр.: Антониевский („Акты писцового дела", стр. 166—170, чт. в общ. ист. и древн. 1913 г., кн. 2).

[7]) Досифей III, стр. 12—13; ср. Царский Судебник, ст. 43.

ощутительный удар монастырской соляной торговле, компенсировать который вряд ли могло пожалованье монастырю полузапустевшей Сумской волости. С этим монастырю пришлось примириться, но зато он решительно протестовал против вмешательства в жизнь монастырских деревень царских приставов, приезжавших туда за сбором дани и чинивших этим монастырю и крестьянам „продажи и убытки великие“ [1]). Обстоятельства смутного времени, „пошатнувшие обычай, на котором держался государственный порядок“ [2]), еще более поколебали иммунитетные права и привиллегии светских и духовных сеньерий. Новому правительству приходилось освежать в памяти уездной администрации прежние предписания о невмешательстве их в монастырские дела, чтобы они „судом“ монастырских крестьян „не ведали“, не посылали в монастырскую вотчину никого „опричь разбою и татьбы с поличным“, не привлекали монастырь к несению общегосударственных повинностей, не требовали с него ратных людей, „дельцов“ к острожной повинности, людей к денежному и таможенному сбору, целовальников к кабаку, не привлекали монастырское население к платежу дани и оброка на месте (поскольку монастырь платил то и другое в Москве), выполнению подводной повинности и всяких „волостных розметов“ [3]). Не отменяя тарханных грамот совершенно, правительство Михаила Романова допускало оговорку, вроде следующей: „коли велю яз царь и в. князь с тарханей со всех какую дань взяти, и тогда возмут по нашему указу“ [4]). Само собой понятно, что такая оговорка, сделанная в общей форме, открывала широкий простор правительственному произволу в отношении монастырской политики. Как предполагает А. С. Лаппо-Данилевский, прежние тарханные грамоты были переписаны вновь в 1620—21 г., и, при этом, в них значительно были ограничены прежние привиллегии тарханщиков, напр., они обязаны были вносить ямские деньги и стрелецкие хлебные запасы, выполнять городовое и острожное дело. Только для некоторых м-рей сделаны были исключения, как то: для Иосифо-Волоколамского, Кирилло-Белоозерского, соловецкого и др., на том основании, что они уже несли на свой счет городовую повинность. Но таких монастырей было очень немного; большинство же м-рей тянули тягло наравне с крестьянами [5]). Как бы ни старалось в теории московское правительство сохранить неприкосновенными прежние привиллегии соловецкой вотчины, практически это было сделать очень трудно. С развитием торговли и промыслов в XVII в., соловецкого старца, служку или монастырского крестьянина можно было встретить „по монастырскому делу“ всюду: в Коле, на Двине, на Онеге, Устюге Великом, в Вологде и т. д. При таких обстоятельствах прежняя неподсудность монастырских крестьян воеводскому суду создавала большие неудобства, приводила к крупным конфликтам и вызывала обоюдные жалобы в Москву [6]). Мероприятием по пути к ограничению монастырского иммунитета следует считать передачу м-рей в области „суда и управы“, по делам гражданским в приказ Большого Дворца; 23 февраля 1632 г.

---

[1]) В 1556 г. монастырь просил царя Ив. Вас. назначить для с. Пузырева специального „данного пристава, который бы ведал сбором царской дани. Такой пристав (из государевых певчих дьяков) некто Григорий Жердь действительно и был назначен. . (Досифей III, 24—25).

[2]) В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. III, стр. 162—163.

[3]) Досифей III, стр. 98—106.

[4]) Акты историч. III, № 60; Акты археогр. экспед. III, № 116.

[5]) „Организация прямого обложения“, цитир. соч., стр. 63—64.

[6]) Цитир. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 138—139, л. 254—257, л. 259 об.—262; 267—270, л. 333—337; тоже № 19, стр. 221—223; Досифей III, стр. 122—125.

перешел в ведение последнего по тем же делам и соловецкий м-рь [1]). Через несколько времени правительство еще более наложило свою руку на прежние привиллегии церкви и, в частности, м-рей. Соборное Уложение 1649 г., ограничив церковное и монастырское землевладение, учредило специальный Монастырский Приказ, который д. был „давать суд" на митрополитов, архиепископов, епископов, их приказных и дворовых людей и крестьян, на архимандритов, игуменов, братию и на белое духовенство [2]). Церковь и, особенно, м-ри были сильно недовольны создавшимся положением. Патр. Никон называл Соборное Уложение „проклятой книгой, дьявольским законом", а относительно самого собора, составившего это Уложение, выражался, что он был созван „боязни ради и междоусобий от всех черных людей, а не истинные правды ради". Мы видели уже, как болезненно переживалась сол. м-рем новая соляная пошлина и введение медных денег, и какую борьбу приходилось вести ему с правительством на этой почве [3]). Следует вспомнить и о том, как часто московское правительство обращалось к монастырской казне за деньгами, получить которые обратно м-рю стоило большого труда. Если прибавить ко всему сказанному еще то, что московское правительство довольно бесцеремонно вмешивалось во внутреннюю жизнь сол. м-ря, смещая и назначая игуменов, келарей, выдвигая своих лиц в сборные старцы, то картина получится достаточно определенная: мысль о царе-разорителе, за которого следует прекратить молитвы, могла найти в сол. вотчине весьма благоприятную почву. Ореол мученичества Филиппа, погибшего в борьбе с опричинным царем, и канонизация его,—свидетельство правоты всего его дела,—в значительной степени могли культивировать оппозиционное настроение в м-ре, по адресу московского правительства.

Но если в соловецком восстании можно находить элементы борьбы с централизмом московского дворянского правительства, то не должны мы забывать и еще одного: соловецкое сидение было протестом и против церковного абсолютизма и централизма. Поясним это соответствующими историческими данными. По унаследованным Русью от Византии церковным канонам, монашествующие в каждом городе и стране обязаны были находиться в подчинении местному епископу [4]); светское византийское законодательство подтверждало это [5]). Но исключительное географическое положение сол. м-ря, отдаленность его от епархиальной власти (новгородский Софийский дом) и особое привиллегированное положение способствовало тому, что и по отношении к своему высшему церковному сюзерену сол. м-рь чувствовал себя мало зависимым. Новгородские архиепископы в первый четверти XVI ст. специальными „бессудными" грамотами освобождали церкви в волостях соловецкого м-ря от несения некоторых повинностей, напр., от подъезда, всякого рода „пошлин", от кормления десятинников и т. д. Только по „духовному" или „церковному делу" духовенство приходских церквей д. было становиться пред новгородским архиепископом [6]). Чтобы отчетливо представить себе

[1]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 342—343, 373—374; Досифей III, стр. 130—132.
[2]) „Соборное Уложение", гл. XVII, ст. 42—44, гл. XIII, ст. 1—7.
[3]) Вот как рассказывает об этом памятник оффициального происхождения. В 1647 г. пришлось „собором" вскрыть запечатанную за монастырской печатью коробью, где хранилось денег 5 тысяч рублей „запасу" от прежних прикащиков „для нынешнего монастырского оскудения, что соль в продажу не идет, и во всем м-рю учинилась беспромыслица". (Книги денежные казны казначея старца Гурия, приход и расход деньгам 154 (1646 г). Сол. арх.).
[4]) 4 прав. IV всел. соб.
[5]) Codex Just. novel. 5, cap. 7; novel. 123. cap. 21.
[6]) Цитир. рукоп. сборн. № 20, стр. 1, 5, 20 и след., 83—84; Досифей, III, стр. 182, 183—184.

исключительно привиллегированное положение соловецкой вотчины в отношении к высшей церковной администрации, следует назвать некоторые важнейшие пошлины, которые духовенство и м-ри платили во вкладычнюю казну. Это были: 1) ставленная пошлина (за поставление на к. л. церковную должность); 2) благословенная куница (при отправлении нового клирика к месту службы); 3) за свидетельство ставленных грамот: а) явленная куница (каждому новоприбывшему епископу), б) при переходе клирика к новому месту службы—„перехожие" или „новичные" гривны и в) при разрешении вдовым попам богослужения; 4) святительская дань с недвижимого имущества духовенства: земли, дворов и угодии; 5) „подъезд", или, иначе, „заезд", „въезд" и, просто „езд"—подать, которую платило духовенство епископу при объезде последним своей епархии. Объезд этот происходил насчет духовенства и был для него тяжелым бременем [1]). Архиерейский двор организовывался по образцу княжеского и имел соответствующий административно-хозяйственный аппарат в виде всевозможных бояр, дьяков. наместников, десятильников, тиунов, праветчиков, доводчиков, приставов, недельщиков, дворецких, волостелей, прикащиков, стряпчих, стольников, кравчих, конюших, чашников и т. д. Льготные грамоты новгородских владык соловецкому м-рю говорят, гл. образом, о „подъезде" и десятинничьих пошлинах. На обязанности десятинников первоначально лежал сбор дани в пользу епископа в том округе, где эти десятинники жили. Несколько позднее десятинники стали наблюдать за жизнью духовенства и получили право суда по некоторым делам. В отношении к подвластному им клиру владычние десятинники вели себя ничуть не лучше, чем какие-нибудь великокняжеские волостели, тиуны и доводчики. Стоглав не даром жаловался, что „десятильники попов по селам продают без милости, и дела оставливают с ябедники с одного и церкви от десятильников и от их великих продаж стоят многие пусты без пения и попов нет" [2]). Параллельно с разложением иммунитета светского, происходило разложение и церковного иммунитета. Видимо, со времени Стоглава, сол. м-рь выплачивал в Софийскую казну и подъезд, десятину, „новичные" и „перехожие" гривны (по 6½ алт.) и венечные пошлины (с первого брака по 1 а.—2½ а., со второго 2 а.—4 а. 1 д. и с 3 брака 4 а.—7 а. [3]).

Особенно резко изменилось положение соловецкого м-ря в отношении подсудности новгородским владыкам со времени Никона. Будучи новгородским митрополитом, он в 1651 году прибрал к своим рукам всех находившихся в его епархии архимандритов, игуменов и попов „судом и управою во всяких делах" [4]). Никон стал вмешиваться и во внутреннюю жизнь монастыря. В 1650 г. он особою грамотою предписал изготовлять раздаточные просфоры из пшеничной, а не ржаной муки, как это практиковалось раньше [5]). В 1651 г. он распорядился о введении в м-ре единогласного пения (вместо прежнего многогласного) [6]). В 1652 г. Никон взял под свою защиту анзерских старцев, чем доставил много неприятностей сол. м-рю [7]). Вводя некоторые ограничения для братского стола в посту, запретив в субботу и неделю великого поста рыбный стол и „медвенные" с хмелем квасы, Никон (в 1651 г.) потребовал, чтобы присланных

---

[1]) Подробнее см. у проф. Н. Каптерева „Светские архиерейские чиновники в древней Руси", М. 1874 г., стр. 36, 114—115.
[2]) „Стоглав." гл 5, вопр. 7.
[3]) Досифей, III, стр 205—307; ср. Стоглав, гл. 46.
[4]) Досифей III, стр. 218—219.
[5]) Ibidem, стр. 224—225.
[6]) Ibidem, стр. 225—229.
[7]) Ibidem, стр. 230—231.

под начал старцев и всяких чинов людей держали под „крепким“ началом; между тем до того времени этим ссыльным в м-ре предоставилась полная свобода, вследствие чего „от тех ссыльных безчинников бывает смута многая“ [1]). Из грамоты соловецкого архимандрита Варфоломея в Москву (от 1666 года) можно заключить, что Никон нанес м-рю ощутительный ущерб в материальном отношении. Будучи уже патриархом, Никон из монастырской библиотеки взял несколько книг, положив за них в казну 30 р., тогда как только одна из них („Соборник новгородский“) стоила 30 р., так же взял он из м-ря (но уже безвозмездно) золотую запонку с яхонтом и изумрудом (вклад царя Симеона Бекбулатовича), золотую с драгоценными камнями и жемчугом панагию и золотую цепь. В 1654 году, по приказанию Никона, из сол. м-ря было отправлено в „Ставрос“ (Крестный м-рь, учрежденный Никоном) сначала 5, а потом еще 2 пуда слюды; туда же сол м-рь должен был поставлять и хлеб. Особенно задевала материальные интересы сол. м-ря отписка от него в пользу „Ставроса“ Кушрецкой волости с соляными промыслами Пиялского усолья с всем движимым и недвижимым имуществом, озера и речки Понгомы [2]). Большой урон м-рю Никон нанес в 1652 г., вывезя оттуда останки митр. Филиппа, привлекавшие на Соловки многочисленных богомольцев [3]). Все это образовало в сол. м-ре крайне отрицательное отношение к Никону. Недаром строитель сол. подворья в Москве Матвей, раздраженный поведением Никона по отношению к сол. м-рю, резко отзывался о нем в Москве, за что понес соответствующее наказание. В 1651 г., соловецкий дьякон Пимен называл (в Новгороде) м. Никона антихристом [4]).

Пытаясь выяснить причины соловецкой фронды, нельзя оставлять без внимания и соц. состав сол. вотчины в то время. Мы знаем, что правящею группой в сол. м-ре была небольшая аристократическая часть братии, распространившая свое влияние в м-ре, среди рядовой братии через своих „учеников“. В средине XVII в. сол. м-рь был наводнен пришлым людом. Известно, что русский человек в то время двояким способом выражал свой протест против социально-экономических и политических несправедливостей: или бунтовал, или бежал „безвестно“. На далеком севере, на острове среди „студеного моря—акияна“, этот беглый и озлобленный против правительства и господствующих классов элемент находил себе приют и всегда был готов выступить „с воровством“ [5]). Сосланные в сол. м-рь из Москвы лица, начиная от кн. Львова до фанатичного ученика протопопа Аввакума включительно, чувствовали себя здесь в своей сфере. Таким образом, политическая атмосфера в сол. вотчине была сгущена, и стрелка барометра неумолимо двигалась к роковому „гроза“. Уже в 1650 г. в м-ре произошел какой то „заговор“.

---

[1]) И. Я. Сырцов, цит. соч., стр. 14—15.

[2]) Акты историч., IV, № 188; цит. рукоп. сол. сборн. № 19, л. 174—178.

[3]) Свое отрицательное отношение к этому поступку Никона соловецкие монахи выразили в специально составленной стихире по поводу перенесения останков Филиппа с соловецкого острова (Досифей I—II, стр. 145).

[4]) И. Я. Сырцов, цит. соч., стр. 16.

[5]) В средине XVII ст. в сол. м-ре скопилось большое количество беглых боярских людей. Прежние их владельцы „вчиняли иски“ о возвращении этих беглецов по принадлежности и при этом требовали, чтобы м-рь водворял их на место прежнего жительства на свой счет. Соловецкие монастырские власти оправдывались тем, что эти беглые являлись в м-рь „по своей вере“, не удостоверяя: „бегаючи ли они приходят, или, как вольные люди“. В 1645 году, очевидно, в ответ на монастырскую челобитную, соловецкому м-рю разрешено было препровождать этих беглых в Москву не на монастырских подводах, а на счет истцов. (Цитир. рукоп. сол. сборн. № 18, л. 415 об.—416) Подробнее о ссыльных и беглых в сол. м-ре накануне возмущения у И. Я. Сырцова, Цит. соч., стр. 86—90.

В чем он состоял, мы не знаем: наши источники на этот счет досадно кратки. Из некоторых только намеков мы узнаем, что „завотчиками ворами" были старец дьякон Васьян „с товарищами". Среди последних названы имена казначея Саввы Старкова и старца Иринарха. Заговорщики выступали против игумена Ильи и посылали в Москву челобитные. Две царские грамоты на имя игумена Ильи повелевают главных инициаторов волнения („завотчиков") оковав накрепко „вкинуть" в тюрьму „до указу", а остальных держать в черных службах. Казначея Савву Старкова предписывалось сместить; грамоты доводили до сведения братии, что впредь никаким клеветам на игумена Илью в Москве не станут верить [1])... Быть может, в связи с этим, чтобы поднять престиж Ильи, его пришлось возвести в звание архимандрита (в 1651 г.). Обстоятельства, предшествовавшие знаменитому соловецкому сидению, достаточно подробно, освещены в магистерской диссертации И. Я. Сырцова, посему мы остановимся только на некоторых наиболее характерных моментах [2]). В разгар никоновского дела в Москве соловецким архимандритом был Варфоломей Между монастырем и московскими гражданскими и церковными властями существовали хотя и натянутые, но все же лойяльные отношения. Как в Москве, так и в Соловках держались принципа, что худой мир во всяком случае лучше доброй ссоры. В монастыре не спешили вводить в употребление присланные сюда еще в 1656 г. новоисправленные богослужебные книги, а в Москве и в В. Новгороде не замечали или, по крайней мере, старались не замечать этого. Ссориться с Москвой, разумеется, было не в интересах промысловой вотчины, ведшей широкие торговые операции с русским центром, но и в Москве считали неудобным вооружать против себя сильный м-рь, к которому московское правительство двух первых Романовых, хронически испытывавшее безденежье, привыкло обращаться за денежной субсидией.

Но, когда архим. Варфоломей, вызванный на собор 1666 г., принял в Москве новоисправленные книги и признал правильными нововводимые церковные обряды, положение дел резко изменилось, Варфоломей не имел значительной партии в Соловках и, видимо, больше ориентировался на Москву. Поэтому, как только непопулярный архимандрит проявил „шатость", тотчас же в м-ре образовалась оппозиционная группа. В ней мы видим Герасима Фирсова, Геннадия, Александра Стукалова Ефрема Каргопольца, Иону Брызгало, попов: Никона, Пафнутия и др. Видную роль играл здесь бывший саввинский (в Звенигороде) архим. Никанор. Это была одна из наиболее ярких личностей в Соловках в период фронды, личность, по тому времени достаточно образованная и последовательная [3]) В 1653 г. Никанор был избран братией архимандритом соловецкого монастыря, вместо Ильи, но неожиданно был оставлен в этом звании в саввинском звенигородском м-ре. Зная привиллегированное положение саввинского м-ря, находившегося под особым покровительством царя Алексея Мих., мы должны

---

[1]) Цитирован. рукоп. сол. сборн. № 19, стр. 84

[2]) Много фактического материала относительно положения соловецкой вотчины накануне восстания дано в статье И. Я. Сырцова „Соловецкий монастырь пред возмущением". (Правосл. собес. 1879 г. октябрь и ноябрь месяцы). Следует упомянуть о статье А. Молчанова: „Бунт соловецких монахов и его значение для раскола вообще и в частности для раскола поморского" (Памятная книжка Архангельской губ. на 1909 г., стр. 1—38).

[3]) В этом качестве не отказывает Никанору и И. Я. Сырцов, вообще не склонный выставлять мятежного архимандрита в привлекательном виде (цит. соч., стр. 33). Не следует забывать и того, что Никанор был приглашен на собор 1666 г. качестве члена но непоехал туда (ibidem, стр 148).

рассматривать это назначение, как знак некоторого внимания к Никанору Но Никанор не порывал связи и со своим „обещанием“ [1]), куда в 1660 г., по неизвестным нам причинам, был отправлен Никоном на положении ссыльного. С ним в ссылку попало и несколько „саввинских старцев“. Никанор был незаурядною личностью и по своему служебному положению (саввинского архим.) в смысле влияния на бесхарактерного Алексея мог быть опасным для „собиного друга“ [2]) Когда Варфоломей дискредитовал себя, враждебная ему партия не могла придумать более подходящего архимандрита, чем Никанор. За хозяйственные способности Никанора говорит уже то, что он был „строителем“ соловецкого подворья в Москве. Мы знаем уже, насколько ответственным, сложным и трудным было это звание. Личный враг Никона и озлобленный на царя Алексея за прерванную карьеру, свой человек в Соловках, Никанор близко сошелся с анти-варфоломеевской группой и, естественно, возглавил оппозицию. Келарем вместо свергнутого Савватия Обрютина (из партии Варфоломея) был поставлен простой монах „будильщик“ Азарий, а казначеем, Геронтий, но об этом избрании монастырская братия не сочла нужным сообщить в Москву; послана была специальная челобитная только об утверждении архимандритом Никанора. Варфоломей и его партия характеризуются челобитчиками очень не выгодно: „они нас оскорбляют всяким жестоким и бесчеловечным оскорблением,... священников и дьяконов, рядовую братию напрасно плетьми бьют без милости, и в тюрьмы глухие в цепях сажают, и голодом морят, и выняв из тюрьмы, ограбя до нага и платье сняв, безмилостивно и бесчеловечно... высылают вон из м-ря напрасно“ [3]). Правительство допустило уже с самого начала полную бестактность, совершенно непоняв важности момента. Доставившие челобитную в Москву Александр Стукалов с товарищами были разосланы по московским м-рям и посажены под стражу [4]). От имени собора 14 авг. 1666 г. на Соловки отправился для увещания ярославский архим. Сергий; ему было поручено произвести расследование на месте о происшедшем в м-ре самовольном избрании архимандрита и др. должностных лиц [5]). В октябре (4-го) Сергий был уже в м-ре, а в самом непродолжительном времени ему пришлось поспешить с обратным отъездом, не добившись никакого результата. В 1667 г. в феврале месяце „для сыскного дела“ прибыл в Сумский острог специальный следователь Александр Севастьянович Хитрово и, не решаясь отправиться на остров, стал вызывать сюда из м-ря для допроса старцев, слуг и служебников, особенно заметно выделявшихся оппозиционным настроением [6]). Само собою понятно, что никто из вызываемых на допрос не поехал [7]). Просидев в Сумском остроге свыше года, Хитрово вернулся в Москву ни с чем [8]).

---

[1]) Об этом см. у И. Я. Сырцова, цит. соч., стр. 39–40.

[2]) Матер. для истории раскола т. V, стр. XX; Сырцов И. Я. цит. соч., стр. 146.

[3]) Материалы для истории раскола, т. III, стр. 172.

[4]) Арестованным челобитчикам м-рь организовал было помощь посылкой им денег, но не всегда удавалось это реализовать: правительственные агенты задерживали эти деньги (Чтен. в общ. ист. и древн. 1887 г., кн. I, стр. 119—120).

[5]) Сергий, ехал. с большою свитой; его сопровождали стрелецкий сотник Семен Ярцев, несколько патриарших чиновных людей и московские стрельцы в количестве 20 человек. Содержание и проезд этой свиты были отнесены на средства сол. м-ря; да и самому Сергию, кроме положеных 200 р. „на проезд и на харч“ пришлось дать взаймы 20 р. (Сол. арх. Приходо-расходные книги 173—175 г.г.).

[6]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 19, стр 232; Материалы для истории раск., III, стр. 190; 195–199.

[7]) Досифей, I, стр. 161.

[8]) Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русск. старообрядчества, СПБ, 1912 г., стр. 27—28.

События осложнялись; положение дела становилось тревожным, и в Москве решили было пойти на компромисс. Варфоломей был переведен в Свияжский м-рь (Казанской епархии), а наиболее видных представителей соловецкой оппозиции стали вызывать по одиночке в Москву для допроса. Должно отметить, что теперь в Москве уже боялись раздражать соловецкую братию. 16 февраля 1667 года в Соловки, специально к арх. Никанору приезжал стряпчий Иван Образцов и „на черном соборе сказывал словесно ко всему м-рю в. государя милость". 18 февр. Никанор выехал в Москву вместе с Образцовым. В Москве его встретили, как настоящего архимандрита: от царя и патр. Иоасафа к нему приходили с приветствиями (что сопровождалось, обычно, подачею „почести" поздравителям). От царя Никанору прислали карету. Пришлось покривить душей и Никанору: купить греческий („рогатый") клобук и камилавку, израсходовав на это 2 руб. 3 алт. 2 д.[1]). В мае (29-го числа) выехал в Москву „по государевой грамоте" Герасим Фирсов, а 11 окт. Александр Стукалов. Некоторые из названных лиц принесли „искреннее раскаяние", но другие (напр., арх. Никанор)[2]) притворно согласились отказаться от прежних взглядов. В Москве, видимо, не особенно доверяли этому раскаянию и, несмотря на желание братии иметь у себя архимандритом Никанора, послали туда в этом звании Иосифа, человека из той же Варфоломеевской партии („келейного брата" и единомышленника Варфоломея). В Соловки одновременно отправились три архимандрита: Варфоломей сдать дела, Иосиф принять их и Никанор жить „на покое". Ни Варфоломея ни Иосифа в Соловках не приняли и, даже, подвергли заточению[3]). Никанор же тотчас „приложился несмысленным мятежникам", раскаялся в своем временном малодушии и „со раскольники вчинися". Иосиф успел было уже послать в Москву „строителем", правда „без брацково приговору" бывшего стряпчего Иринарха Тарбеева. М-рь не признал этого „строителя", „хотя и назначенного по указанию правительства" и отправил туда строителем соборного старца Кирилла Чаплина[4]). Вместе с этим Чаплин повез с собою в Москву новую челобитную, в которой соловецкая братия просила царя Алексея не принуждать их к перемене „предания и чину" основателей м-ря Зосимы и Савватия, не присылать к ним новых учителей, а лучше прислать на них „свой мечь царской и от сего мятежного жития преселити в оное безмятежное и вечное житие"[5]). Это был уже вызов правительству. В самом м-ре стали готовиться к каким то решительным мерам. В „безгодное" зимнее время, в конце 1667 г., с острова на берег выслали обоих задержанных архимандритов (Варфоломея и Иосифа), а в Москву была отправлена составленная казначеем Геронтием последняя весьма обширная челобитная, пятая по счету в ряде других челобитных этого рода, ставшая образцом для всех последующих. Эта челобитная, если даже она была получена адресатом—царем[6]), не вызвала особых мероприятий, так как не задолго перед тем, в ответ на челобитную, доставленную старцем Кириллом Чаплиным, уже были предприняты правительством по отношению к самоуправной вотчине решительные меры. 23 дек. правительство двумя специальными грамотами (соловецким старцам и отдельно слугам и служеб-

---

[1]) Сол. арх. Книга сол. м-ря денежной палаты казначея старца Геронтия, приход и расход деньгам.

[2]) Чтение в общ. ист. и древн. Росс. 1867 г., IV, 5.

[3]) Матер. для ист. расп., III, стр. 313; 203, 207, 213.

[4]) Ibidem, стр. 35, 52, 63, 71, 75—77; 172, 277.

[5]) Ibidem, стр. 208.

[6]) И. Я. Сырцов сомневается в этом (цит. соч., стр. 233, ср. стр. 251).

никам) еще раз обратилось с приглашением к покорности [1]). Специальный же царский указ от 1667 г. 27 декабря бьет м-рь по самому жизненному нерву. За то, что братия сол. м-ря „учинились противны" и проявили „непослушание", как гражданским, так и духовным властям, вотчинные монастырские села и деревни, соляные и всякие другие промысла, дворы, как в Москве, так и в других городах со всякими „заводами" и „запасами" и соль приказано было отписать на „государя"; запрещалось пропускать в м-рь из сел и из деревень и ото всяких промыслов деньги, „хлебные всякие запасы", соль и всякие другие покупки с Москвы и из других городов [2]).

„Дом Спаса Преображенья и соловецких чюдотворцев" распался на двое. Законным архимандритом сол. м-ря считался Иосиф, который в 1668 году поселился в Сумском остроге, сосредоточив в своих руках управление монастырской братией вне ограды м-ря и многочисленными монастырскими угодьями [3]). Но и „берег" не внушал доверия правительству. Архим. Иосиф был связан по рукам и ногам. Дополнительно к правительственному распоряжению от 27 декабря 1667 г., в след. году двинскому воеводе Ив. Чагадаеву было поручено принять по росписи прибывшие с Вологды в Куресскую службу м-рские хлебные запасы. Чагадаев д. был эти запасы поместить в особые амбары за своею печатью и под охраною караула из стрельцов; соловецким старцам хранить провиант у себя запрещалось. Все, что требовалось для содержания братии и работным людям выдавалось воеводою по рассмотрении нужды в этом.

Тому же воеводе Чагадаеву в 1668 г. было поручено нагрузить монастырскою солью вологодские дощаники и отправить их под охраною стрельцов в Вологду. Чагадаев должен был вести тщательный учет монастырскому имуществу и напречь все свое внимание и бдительность, чтобы не пропустить ничего в осажденный монастырь [4]). Во избежание каких-либо злоупотреблений со стороны монастырских властей, вологодскому воеводе в июне 23 числа 1669 г. было предписано просмотреть за прошлые годы монастырские приходо-расходные книги, чтобы в точности выяснить, сколько в монастырские усолья посылалось денег. Интересными представляются мотивы, побудившие правительство царя Алексея издать это распоряжение. 18-го июля монастырский строитель в Москве Иринарх Тарбеев жаловался в Москве на то, что в монастырских усольях сокращается соляное производство (в текущем году в Вологду прибыло соли только 4018 мехов вместо 5000 мехов и больше). Этот упадок соляного производства он объяснял тем, что „работникам найму дать нечего", и если в усольях попрежнему деньги поступать не станут, то „от той денежной скудости в усольях без промыслу будет". Острую нужду монастырские усолья испытывали в перевозочных средствах: старые ладьи были задержаны на острове, а новых нанять под соль „нечим". Между тем, если нынешним летом соль не доставить в Холмогоры, то на весну нечего будет отправить к Вологде на продажу, и в усольях „усышка" и „утечка" соли будет большая. Раньше прикащиками по усольям в Куресской службе отводилось 2 т. руб., да „в прибавку" из монастыря давали 3 т. рублей. Архим. Иосифу, проживавшему в Сумском остроге, велено было „ведать" монастырскими делами, но он фактически был поставлен в безвыходное положение: „приезжают к нему, архимандриту, из усолий прикащики и старцы, просят денег, а у них, в Сумском остроге, денеж-

[1]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 19. стр. 233—237.
[2]) Акты арх. эксп. т. IV, № 160, стр. 211—212.
[3]) Цит. рукоп. сол. сборн. № 19, стр. 289—290.
[4]) Цитир. сол. рукоп. сборн. № 19, стр. 239—240.

ные казны нет, давать им нечего... и ныне де за денежною скудостью усолья пустеют, а иные и стали". Правительство весьма было заинтересовано в том, чтобы и „лишнего денег не посылать" по усольям, и чтобы „в соляном промысле перед прежним истери не малые не было" [1]). Фактически правительство совершенно прибрало к своим рукам монастырь. В 1669 г., „по государеву указу и по памяти" воеводы (Констант. Нащокина), в Вологде, на соловецком дворе, „у продажи соловецкой новопривозной соли" велено быть вологжанам выборным посадским людям голове Кириллу Юрьеву сыну Пашкову, да целовальникам Елизару Сергееву и Сидору Чинову с товарищами. Соловецкий прикащик старец Марк не устранялся при этом от „соляной продажи", но названные правительственные комиссары должны были „за тое соль деньги принимати в казну в. государя и записывати в книги порознь по статьям, сколько рогож и пудов, и в котором числе, и кому имяны та соль в продаже будет, и у ково сколко за тое соль денег взято будет" [2]).. Эти выборные посадские люди ежегодно сменялись. В 1673 году привезли монастырскую соль и продавали ее голова Андрей Михайлов сын Пушников и целовальник Петр Терентьев с товарищами [3]), в 1674 г. голова Иван Федоров Сорокин и целовальник Иван Никифоров сын Киселев с товарищами [4]), в 1675 г. голова Никифор Солоденников с товарищами и т. д. Эти головы и целовальники д. были привозить соль из Холмогор в Вологду, для чего им отпускались специальные средства. Напр., в 1674 г. Никифору Солоденикову „на дощаничный судовой ход носникам и кормщикам и всяким работным людям и на всякий судовой расход" дано было 3500 р. [5]). Они же обязаны были закупать „хлебные и всякие запасы" по особым росписям „сполна" и доставлять их в Холмогоры местному воеводе. Чтобы привезенные в Холмогоры монастырские запасы не попадали в посторонние руки (и, прежде всего, в осажденный монастырь, чего правительство пуще всего опасалось) прикащики куресской службы д. были давать в Москву тщательный отчет в приходе и расходе хлебных запасов по куресской волости [6]). Вологодский воевода д. был отчитываться в произведенной продаже соли пред правительством; точно также и двинский воевода д. был давать сведения в Москву, сколько именно хлебных запасов разослано было по усольям [7]). Несколько позднее хлебные запасы передавались из Холмогор в распоряжение архим. Иосифа в Сумский острог [8]), но это не означало возроставшее доверие правительства по отношению к „береговым" старцам, а вызывалось опасением окончательно раззорить монастырские промысла. Для более полной картины правительственной опеки над монастырским имуществом следует добавить, что из „соляных" сумм правительство стало брать „доимочные" и „оброчные" деньги [9]); денежная сумма, оставшаяся от соляной продажи (за вычетом

---

[1]) Ibidem; стр. 254—258.

[2]) Сол. арх. „Книги соловецкого монастыря вологодские службы соляные продажи головы Кирилла Пашкова с товарищи 178" (1670 г.)

[3]) Сол. арх. „Книги сол. монастыря вологодские службы соляные продажи головы Андрея Пушникова с товарищи 181" (1673 г.).

[4]) Сол. арх. „Книги сол. монастыря вологодские службы соляные продажи головы Ивана Сорокина с товарищи 182" (1674 г.).

[5]) Ibidem

[6]) Цитирован. рукоп. сол. сбор. № 19, стр. 279—281.

[7]) Ididem. стр. 397—398; стр. 281—283.

[8]) Ididem, стр. 289—290.

[9]) В 1672 г. таких „доимочных и оброчных" денег взято было 4062 р 2 а. 1/2 д. (Ididem, стр. 336—340).

расходов на хлебные и „всякие другие запасы"), отсылалась в Москву [1]). В 1672 г. двинские посадские люди стали энергично взыскивать с соловецких крестьян сумского острога и Каемского городка пятнадцатую деньгу (согласно правительственному указу от 2 апреля 1672 г.), в результате чего „от того... напрасного окладу крестьяне... розбежались врознь". Кроме того, 44 человека с женами монастырских крестьян было взято в Москву в стрельцы „на вечное житье". Архим. Иосиф указал правительству на то, что монастырь и без пятнадцатой деньги внес достаточное количество денег в казну (41.000 рублей, да 300 золотых) и просил освободить монастырских крестьян от обложения их пятнадцатою деньгою. Ходатайство его было 2 октября 1672 г. исполнено правительством [2]).

Если платежи, которые д. был вносить в казну соловецкий монастырь, уже в средине 60-х годов превышали иногда наличные монастырские средства и заставляли монастырь пользоваться кредитом у разных лиц [3]), то, при хозяйничании вологодских голов и целовальников, монастырский бюджет страдал еще больше. Мы знаем случаи, когда эти головы отдавали задержанные у себя деньги лишь „с правежу" [4]). Как же протекала хозяйственная жизнь осажденного монастыря на острове? За высокою стеною, среди бушующего „моря—окияна", делающего полную блокаду при тогдашних перевозочных средствах невозможною, жизнь протекала обычным темпом. Правда, приток денег несколько сократился. Напр., в 1666 году из „чюдотворцевой" кружки вынуто было 1200 р., а в 1670 г. в самый разгар блокады, только 18 р. Всего в приходе в 1666 г. было 6580 р. 10½ д., в 1670—1671 г. 3292 р. 22 а. 4 д. Доход монастыря в это время состоял главным образом из вкладов: в тревожное время, когда ставилась на карту жизнь, вклад был единственным способом помещения денег в надежные руки. Монастырь вовсе не испытывал тесноты от просиживавших большую часть времени года на берегу стрелецких голов. В Анзерах можно было в неограниченном количестве („до своей воли") покупать свежепросольную рыбу. Там же можно было приобретать перец, чеснок, яйца как в пищу, так и для иконного дела. Беспрепятственным были сношения с Мурманским рыбным промыслом. Монастырский покрученник Андрюша Воденин мог, напр., в 1670 г. совершенно свободно из монастыря ехать в Мурман и обратно. В Анзерах можно было покупать сукно, на Мезени—сукно сермяжное, холст, кожу, масло коровье, овчину. Каким то образом ухитрялись осажденные старцы и в таможню платить за купленный товар. Стоит добавить, что доставляли сукно в монастырь нищие (sic!). Понгомские крестьяне привозили в монастырь рыбу, кемляне (с Кемью у осажденного монастыря были особенно

[1]) Ididem, стр. 333—335; даже для выдачи ста рублей на починку строения вологодского монастырского подворья требовалось специальное разрешение из центра на имя вологодского воеводы (Ididem, стр. 417—418).

[2]) Доп. к Актам Историч, т. V, № 67, XVI, стр. 349.

[3]) В 1666 г. прикащик вологодского подворья уплатил гостиные сотни Киприяну Иванову сыну Климшину 300 р., вологжанам Матвею Борисову да Григорию Фефилатьеву 200 р., торговому иноземцу Вахромею Петрову 900 р., и иноземцу Андрею Бутману 600 р., торговому иноземцу Томасу Андрееву сыну Келдермону 300 р. (всего 2300 руб.). „А те все деньги имал строитель в московскую службу в государевы платежи." (Сол. арх. „Приходо-расх. книги вологоцкой службы 173—176" (1665—1668 г.).

[4]) В 1670 г., за вычетом всех расходов от соляной продажи оставалось 93 р. 27 а. 3½ д „и тех наличных денег голова Кирилла Пашков с товарищи в казну не отдал... и у приказа стояли на провеже и с провежу платил в казну 49 р. А из приказа те деньги отданы по памяти гостю Гаврилу Фетиеву. Осталось еще на них донять 44 р. 27 а. 3½ д., но голова Кирилла Пашков умер, не успев вернуть денег в казну." (Сол. арх „Книги соловецкого монастыря вологоцкие службы соляные продажи головы Кирилла Пашкова с товарищи 178 г.").

оживленные связи) масло коровье, поставляли продукты в монастырь и шизненцы и крестьяне многих др. волостей [1]). Расход у монастыря был относительно не велик: в 1666 г. он равнялся 5252 р. 20 а. 4 д.. в 1670 г. он выражался только в сумме 789 р. 4 а. 1 д. Не в том дело, что стрелецкие головы не ретиво относились к своим обязанностям. Больше значения имело то обстоятельство, что на стороне осажденного монастыря было сочувствие всего поморского населения; на осажденных смотрели, как на „сидельцев за христово имя и спасительный крест" [2]).

Скажем несколько слов относительно самой осады сол. монастыря. Осаду монастыря вели посменно три полководца: стряпчий Игнатий Андреевич Волохов (1668 г.—до мая 1672 г.), стрелецкий голова Клементий Алексеевич Иевлев (июнь 1672 г.—6 сент. 1673 г.) и стольник и воевода Иван Алексеевич Мещериков (с сент. 1673 г. до 1 марта 1676 г.)

Захватив в свои руки главную отрасль монастырского хозяйства, соляную торговлю, правительство царя Алексея и осаду монастыря вело на средства монастырские. М-рь обязан был выдавать хлебное жалованье стрельцам, воеводе и др. „начальным" лицам [3]), пособие вдовам стрельцов, убитых при осаде м-ря [4]), прогонные деньги гонцам, отправлявшимся в Москву из Сумского острога [5]), жалованье разным служилым людям (напр., подъячим [6]); доставка хлебных запасов из Сумского острога на остров для осаждающих м-рь воеводы и стрельцов производилась монастырскими средствами, точно также и для перевоза войска на сол. остров кормщики и гребцы давались из м-рских же крестьян [7]). Волохов держал себя в Сумском остроге сатрапом и предъявлял архим. Иосифу чрезмерные требования о выдаче стрелецкого жалованья [8]). Между ним и архимандритом вскоре же начались крупные недоразумения. Уже в 1669 г.; 28 февраля, Волохов доносил в Москву, что будто бы у архим. Иосифа и усольских старцев по отношению к правительству „малая правда". В частности, Иосиф вместе со своим ближайшим помощником, старцем Кириллом благоволил тем, родственники которых находятся в осажденом м-ре. Вместе с названным старцем Кириллом архим. Иосиф посылает в осажденный м-рь всякие тайные письма; такие же „воровские" письма от него, архимандрита, рассылаются и в другие места, и доставляются к нему. Жаловался Волохов и на то, что архим. Иосиф не дал ему подвод для поездки в Кемский острог, куда он должен был ехать „для всякого рассмотрения, слышачи от них, что к соловецким ворам от Кеми чаеть соединение, и им во всем Кемские жилетцкие люди радеют". По словам Волохова, „воровские письма и тетратки" отысканы были и в Сумском остроге у „безмесного" попа Фефилакта. Следствием от этих писем в

---

[1]) Акты, относящиеся к истории сол. бунта, стр. 67—71; 82—85; Я. Л. Баркасов, Памятники, цит. сб. стр. 116—129.

[2]) Сол. арх. Приходо-расходные книги старца Глеба 7178 (1670) г; Барсков. Памятники, цит. сборн., стр. 356.

[3]) Цитир. рукоп. сол сборн. № 19, стр. 310—312; 358—360; 413 и след.

[4]) Ibidem, стр. 308.

[5]) Ibidem, стр. 411—412.

[6]) Ibidem.

[7]) Ibidem, стр. 439—448.

[8]) Архим. Иосиф д. был выдавать хлебное жалованье и стрельцам, посылаемым в Сумский острог „с Двины" (от воеводы). Эти стрельцы, повидимому, требовали себе жалованья сверх обычной нормы. Не получая требуемого, стрелецкие сотники и рядовые стрельцы грабили по дороге волостных крестьян, а в Сумском остроге на архимандрита „невежливо кричали". В 1671 г. в специальной грамоте из Москвы на имя Двинского воеводы было указано выдать таким стрельцам хлебное жалованье „по невелику", по расчету, „как им мочно быть сытым", а „лишней бы дачи не было", (ibidem, стр. 301—304).

Поморье было „сметение и шатость великая“ [1]). Бросает тень Волохов и на нравственность соловецких монахов: все они бражники, черницы и служки пьяные ходят по деревням и государевы запасы „на воровство“ приносят бабам. Политическая неблагонадежность Иосифа и др. старцев видна из того, что они опустили моление за царя, за что он, Волохов, в навечерие Рождества „на архимандрита шумел“. Малодеятельный там, где он прежде всего д. был проявлять энергию, Волохов взял на себя несколько постороннюю ему функцию: в Сумском остроге он заставил применять в церкви „наречное пение“ и „правельные книги“, от чего архим. Иосиф уклонялся [2]). Из поданной одновременно жалобы от архим. Иосифа в Москве могли узнать, что Волохов к своим обязанностям относился небрежно: „над соловецкими мятежниками промыслу никакого не чинит“, все время проводит в Сумском остроге, разоряет „для своей корысти“ монастырских крестьян, грозит оклеветать („огласить напрасно“) пред правительством архимандрита и т. д. [3]).

В Москве не знали, кому верить, и на первых порах ограничивались запрещением пробираться кому бы то ни было на остров, в м-рь, и провозить туда рыбу, соль, хлебные и всякие другие запасы [4]). Согласно инструкции из Москвы от 1 сент. 1669 года, Волохов д. был „промышлять“ над сол. м-рем с Заяцкого острова (в 5 в. от м-ря), а буде пристойно и с того бы острова переехать совсем на сол. остров [5]). Но Волохов очень хорошо усвоил только первую половину полученной инструкции и, „неведомо для чего“, не думал продвигаться на сол. остров, несмотря на уговоры полу-голов. Мы уже видели, что вследствие этого, блокада сол. острова не могла быть выдержанною. Дело грозило осложниться еще тем, что население „берега“ могло „загилевать“. Основания для подобного опасения были налицо. Воровские грамотки, челобитные и посылочные письма ходили по рукам, читались и „собложняли“ крестьянские массы. Содержание их было обычным: „зело люто належит прескверный антихрист слугами своими“... восхваляются „юзники“ и „страждущие“

[1]) Волохов в цитируемом донесении рассказывает о случае столкновения между Сумскими бобылями и Холмогорскими и Сумскими стрельцами. Было ли это результатом соответствующей агитации, или вызвано было раздражением местного населения, „нужного и голодного“, питавшегося сосной, сеном и мхом, по адресу оголодивших его стрелецких отрядов, сказать трудно. Жалуясь на сметение и великую „шатость“ в мире, Волохов не считает указанный случай, просто дракой, а расценивает его, как „бунт и гиль“. Волохов не мог найти в Сумском остроге даже дьячка, которого можно было бы взять к государеву делу, не боясь „всякой шатости“.

[2]) Я. Л. Барсков „Памятники первых лет русского старообрядчества“. СПБ 1912, стр. 123—129.

[3]) И. Я. Сырцов, цит. соч., стр. 263. В своем письме к строителю Иринарху в Москву архим. Иосиф очень красочно рисует бесчинства Игнатия Волохова. Волохов „злобился“ на Иосифа за то, что тот не дал подводы для его слуги Костки в Москву по личному делу. В Кемь Иосиф не дал подводы потому, что ехал туда Волохов „неведомо для чего“, как предполагал Иосиф, „для своих пожитков“. Кроме того, и указа государева не было, чтобы ему (Волохову) по волостям ездить. Отказал он Волохову в просьбе хлеба на вино. На голод Волохов жаловался, по словам архим. Иосифа „напрасно“, так как московские стрельцы ели и пили в столовой вместе с монастырскими слугами. Стрелецкие же сотники предъявляли невыполнимые требования, спрашивая себе кур и ососов... Чтобы не было затейных запросов, Иосиф поручает Иринарху испросить у правительства право выдать стрельцам вместо хлеба и всяких съестных запасов помесячное жалованье: „почему он в. государь укажет“. Столкновение между Сумскими бобылями и стрельцами произошло, по словам архим. Иосифа, 26 января (1669 г) „на ангел“ царевны Марии Алексеевны, по пьяному делу: стрельцы „столкнулися“ с крестьянами „играючи на реке“ (Барсков., цит. сборн. стр. 138—143).

[4]) Акты арх. эксп., т. IV, № 168, стр. 920; Дополн. к Акт. Ист. т. V, № 67, стр. 339, 341 и 353.

[5]) Дополн. к Акт. Ист., т V, № 67, стр. 340—341.

за „имя господне“ и „спасительной крест“ [1]). Особенное подозрение правительственным агентам внушала Кемь. Собиравший в 1669 году зимою „софейскую“ казну в соловецких волостях Василей Семенов в своей челобитной в Москву жаловался, что когда 30 ноября он вздумал было богослужение в Кемской церкви отправлять по новоисправленным книгам, то староста и миряне начали его бранить и „служить по этим книгам не велели“. В другой раз, когда этот же поп ходил в Унежемском усольи по крестьянским дворам со святою водою, то за чтение молитвы по новоисправленным книгам крестьянский батрак („наемщик“) „принял его за ворот“ и выбранил „богохульно и мерско“ [2])...

К 1672 г. отношения между архим. Иосифом и Волоховым обострились до крайней степени. 16 марта 1672 г. во время обедни, Волохов в церкви архим. Иосифа „бил и за бороду драл и, оковав, держал в тюрьме многое время“ [3]). В Москве д. были обратить внимание на этот скандал; 3 апр. 1672 г. Волохов был смещен; 24 июля выехал в Москву архим. Иосиф, а несколько позднее вытребован был туда и Волохов. На смену последнему был прислан для руководства осадою сол. м-ря голова московских стрельцов Клементий Иевлев [4]), на место архим. Иосифа „в Сумском остроге сол. м-ря двор, денежную и всякую казну, и хлебные запасы и усолья ведать“ был назначен временно, „до великого государя указу“, старец Иоиль [5]). В специальной царской грамоте на имя Иоиля было поручено последнему „сол. м-ря крестьян ведать во всех судах и расправах, кроме татебных и уголовных дел“; крестьянам м-рским бить челом государю „мимо соловецких властей“ запрещалось под угрозой жестоких наказаний [6]). Иевлеву было приказано, „как мочно потеснить“ осажденный м-рь, но такое общее предписание парализовалось целым рядом ограничений. Правительство опасалось предпринять по отношению к осажденному м-рю решительные меры, поэтому в инструкции Иевлеву от 13 мая 1673 г. было сказано: „ратных людей, стрельцов и иных... по наряду для приступов к сол. м-рю не посылать, и из пушек по ограде не стрелять, и никакого воинского промыслу над м-рем не чинить, кроме того, что около м-ря заставы учинить самые крепкие, чтобы отнюдь из м-ря никто ни с чем, также в м-рь тайно и явно не ездили“ [7]). Вместе с этим правительство еще раз пытается убедить „мятежников“ покориться, обещая за это „прежние вины их отдать“ [8]). Последнее не имело успеха,

---

[1]) Строжайшие допросы владельца этих воровских грамот, сопровождавшиеся пыткою „накрепко“, обычно приводили к тому, что последний упорно твердил, что „хто де те писма писал, того де я не ведаю; взял на Колмогорах, а у кого взял, не ведаю“. Отысканный автор простой грамотки в этом роде, даже не расчитанной на агитацию, рисковал, после сыску и очных ставок, лишиться головы. (Барсков. Памятники, цит. сборн., стр 356 и след.).

[2]) Барсков, цитир. сборн. стр. 132—133.

[3]) Дополнения к Акт. Ист. V, № 67, стр 347, (XII—XIII).

[4]) Акты, относ. к ист. сол. бунта № 6, стр. 32. (Чт в общ. ист. и древн. 1883, IV; Дополн. к Акт. Ист. т. V, № 67, XV; стр. 248 и след.; цитир. рукоп. сол. сборн. № 19, стр. 310—312, 356—358.

[5]) Доп. к Акт. Ист. т. V, № 67, стр. 349; Материалы, III, 13, 211 и 322. Старец Иоиль, так же, как и его предшественник арх. Иосиф, пользовался не совсем безупречною репутацией. В 1669 г. на него бил челом царю Алексею соловецкий чернец Матвей, в том, что он, Иоиль, в Сумском остроге „воровского заводу начальник“... Ставил в вину Иоилю чернец Матвей переписку с осажденными в м-ре и „всякое радение к ворам“. Очная ставка, впрочем, не подтвердила этих обвинений. Иоиль признал себя виновным только в том, что прибыв в 1668 г. из м-ря в Сумский острог, не принес повинной челобитной царю и освященному собору (Барсков, цит. сборн., стр. 135—138).

[6]) Цитир. рукоп. сол. сборн. № 19, стр. 368—370.

[7]) Дополн. к Акт. Ист. т. V, № 67, XX, стр. 352.

[8]) Цитир. рукоп. сол. сборн. № 19, стр 370—372.

а для активных военных действий у Иевлева, после первого же наступления, „не стало свинцу и пороху“ и др., самых необходимых для осадных действий снаряжений. Стал жаловаться Иевлев и на то, что стрелецкие отряды не годились для военных операций, особенно не на высоте стоял[1]) командный состав, так как „двинским сотникам ратное дело не за обычай“.... двинские, сумские и кемские стрельцы, как оказалось, не только артиллерийскому бою, но и „пехотному строю не учены“[2]). По отношению к м-рскому хозяйству и управлению Иевлев повел себя также, как и его предшественник. Хотя специальным указом ему было запрещено „монастырских промыслов, и слуг и крестьян ведать“[3]), а „хлебными запасы в Поморье было скудно“, Иевлев чувствовал себя в Сумском остроге хозяином, вмешивался в м-рский суд[4]), и, даже, пытался совершенно отстранить старца Иоиля от распоряжения м-рскими житницами[5]). Если принять во внимание, что количество стрельцов при Иевлеве увеличилось значительно (до 600 чел.), и стрельцы эти все время, зимою и летом, „безотступно“ требовали себе корм, претендуя на специальных кормщиков и гребцов для переправки их на остров, то не трудно видеть, что поводов для столкновений у стрелецкого головы с монастырской администрацией было достаточно. Иевлев оказался не лучшим стратегом, чем Волохов. Он только смог выжечь весною 1673 г. деревянные постройки, разбросанные по острову за монастырскою стеной, перебил рогатый скот, захватил монастырских лошадей в количестве 25 голов и уничтожил („сжег“) рыболовные снасти[6]). Но в конце июня Иевлев съехал с острова, и осажденный м-рь снова вздохнул свободно. Наскоро были восстановлены некоторые постройки, с Мезени был доставлен целый транспорт товаров (сукно, холст, кожа, овчина, семга, коровье масло и некот. др.), сумляне привезли 45 пуд. трески, кемляне—30 пуд. коровьего масла, 33 арш. полотна, 24 арш. сукна и т. д.[7]). Осада м-ря затягивалась и могла вызвать нежелательные для правительства осложнения. Соловецкая фронда в глазах поморского населения принимала характер мужественного стояния за веру. Для правительства вовсе не было секретом, что симпатии населения были на стороне осажденных. Чтобы покончить с упорным м-рем, правительством был послан на смену Иевлеву 6 сент. 1673 г. воевода Иван Алексеевич Мещеринов. Ввиду непригодности к серьезным военным операциям стрелецких сотников, в Москве, в Иноземном приказе, решено было „для ученья ратных людей“ выслать „маеора“ Ив. Березникова, ротмистра Ив. Порошнина и поручика Оксена Сипягина, проживавших по своим поместьям в Галиче, Суздале и Москве. Но Березников оказался больным, Сипягин остался в Москве, поэтому к Ив. Порошину присоединили знакомых уже с положением сол. крепости иноземцев: Ст. Келена и Гавр. Буша[8]). Таким образом, Ив. Мещеринов

---

[1]) Акты, относящиеся к истории сол. бунта, докум. № 6, стр. 6, 18—24, (Чт. в общ. ист. и др. 1883 г., IV); Дополн. к Акт. Историч т. V, №67, XX, стр. 357.

[2]) Ibidem.

[3]) Дополн. к Актам Историч. т. V, № 67, XXI, стр. 353.

[4]) Так, напр., на крестьянине Андрюше Серебреннике он „доправил“ в свою пользу 52 р. (Цит. рукоп. сол. сборн. № 19, стр. 388—391); однажды с монастырских крестьян он взял 100 р. вместо „работных людей“. (Доп. к Актам Историч, т. V, № 67, XXIII, стр. 353—355) и т. д.

[5]) Доп. к Акт. Историч. т. V, № 67, XXIV, стр. 356.

[6]) Досифей, цит. соч., I, стр. 165.

[7]) Сол. арх. Книги приходные и расходные монастырской казны старца Глеба.

[8]) Акты, относящиеся к истории сол. бунта. (Чт. в общ. ист. и древн. 1883 г., IV, стр. 18—24). Но и Порошин к месту службы не явился до 17 июня 1674 г., и за „малолюдством начальных людей промыслу“ над соловецкими ворами и изменниками чинилось „мотчание“ (Ibidem, докум. № 15, стр. 62).

предварительно д. был начальных людей и стрельцов обучить пехотному строю, стрельбе и пушечному бою („фитилю делать“ [1]). Не было у царского войска достаточно артиллерии: пришлось 7 пушек взять у крестного м-ря [2]), но такого количества было недостаточно для того, чтобы привести осажденных воров „в страх и познание“. Без пушечной стрельбы, сообщал Мещеринов в Москву, „промыслу никакова учинить отнюдь никоторыми делы не мочно“ [3]).

Более определенным стало отношение к правительству и осажденного м-ря. 28 дек. 1673 г. в м-ре состоялся черный собор, на котором решено было „за великого государя богомолье отставить“ [4]). Совершенно напрасно умаляет И. Я. Сырцов значение этого собора тем, что „ровно половина соборных старцев была безграмотными людьми“ [5]). Дело в том, что собор 28 декабря 1673 г. не внес в процесс сол. восстания чего-либо нового. Отказавшись принять новоисправленные книги и обряды, неоднократно навязываемые ему царскою властью, и, наконец, запершись за своими стенами, сол. м-рь, тем самым, выразил свое отрицательное отношение к царю—разорителю „древнего благочестия“. Собор 1673 года сделал лишь логический вывод из всего предшествующего, и вывод этот подсказан был продолжением все той же жестокой политики по отношению к древнему м-рю „царя—гонителя“.

Весьма популярным некогда было представление, что главными, если только и не единственными, противниками царской власти в осажденном сол. м-ре были „бельцы“. В частности, в исторической науке соловецкое сидение очень часто связывалось с именем Степана Разина, из отрядов которого прибыло сюда много казаков. Это мнение основывается, гл. образом, на свидетельстве митр. Тобольского Игнатия. Он говорит, что когда несколько разиновцев из Астрахани прибыло в сол. м-рь, „тогда бо уже и братству, иноком и бельцем волю всю отъяша, и поставиша себе начальником Фадейка Кожевника, да Ивашка Сарафанова, и начаша быти противны, не токмо святой церкви хулами, но и благочестивого царя ие восхотеша себе в государя имети“ [6]). Об этом же можно находить сведения у сол. архим. Маркелла в его предисловии к Ирмологиону [7]). Понятны основания, почему Игнатий и Маркелл инициативу оппозиции сол. м-ря гражданской власти приписывают именно разиновцам,—элементу постороннему в сол. м-ре. Соловецкое сидение не только для них, но и для церковного историка 2-й пол. XIX в., представлялось „прискорбным случаем“, явлением „небывалым“, так как до того времени „в соловецком м-ре... русское гражданское правительство всегда находило и привыкло видеть в монашествующих лучших себе помощников“ [8])... Считать столь продолжительное (с 1656—1676 г.) сопротивление гражданской власти крупной соловецкой вотчины, пошедшей в 1667—68 г. на окончательный разрыв с правительством и затем выдерживавшей продолжительную осаду царского войска только за „прискорбный случай“, это значит закрывать глаза на всю предшествующую историю сол. м-ря. Нас в данном случае более интересует другой вопрос: откуда взялась эта версия о разинов-

---

[1]) Ibidem, докум. № 9 и 13, стр. 42 и 51.
[2]) Ibidem, докум. № 10 и 13, стр. 42—43, 51—52.
[3]) Ibidem, докум. № 14, стр. 60.
[4]) Матер. для ист. раск., т. III, стр. 337. Мол[illegible]арополитов и всех православных христиан было оставлено. (А. И., т. IV, № 533 и др.).
[5]) Возмущение сол. монахов, цит. соч., стр. 28.
[6]) Игнатий. Посл. III, гл. 38. Подробная выдержка из этого послания приведена у Досифея, цит. соч., I, стр. 150—152.
[7]) Чт. в общ. ист. и древн. 1846 г., № 3.
[8]) И. Я. Сырцов. „Возмущение сол. монахов“, цит. соч., стр. 3 и 5.

щине в сол. вотчине? Несколько света проливает на данный вопрос показание старца Пахомия в 1674 г. 19 июля. Он на допросе показал, что „братии... в м-ре всей с 300 человек, а бельцов болши 400 человек, а в м-ре заперлись и сели на смерть; здатца же никоторыми образы не хотят, а стало у них за воровство и за капитонство, а не за веру стоят, а в м-рь де в разиновщину пришли многие капитоны чернцы и бельцы из понизовых городов, де их воров и от церкви и от отцов духовных отлучили; да у них же де в м-ре собралось московских беглых стрельцов и донских казаков и боярских беглых холопей и крестьян и разных государств иноземцов, свийские немцы, и поляки, и турки, и татаровя; те де у воров у келаря и у городничих и у сотников лутчие верные люди, и во всем им в караулах верят, и всякому де злу корень собрались тут в монастыре“ [1]). Капитоны и бельцы понизовских городов, пришедшие в разиновщину в сол. м-рь, это не обязательно разиновцы; затрудняемся мы с необходимостью признать разиновцами и донских казаков. Что „капитоны“ могли сочувствовать движению Разина, это весьма вероятное дело, но решающего значения они в сол. м-ре не имели [2]). Старец Пахомий, безусловно, по своему прав, когда заявлял, что в сол. м-ре „всякому злу корень собрались“, т.-е. в переводе на обычный язык,—в нем собрался наиболее озлобленный против правительства и его системы элемент.

Выходец из сол. м-ря старец Александр „в роспросе“ говорил (в 1674 г.) Ивану Мещеринову, что „в соловецком м-ре воров бельцов розных чинов людей московских беглых стрельцов и донских казаков и беглых боярских людей и крестьян человек с четыреста и болши, да чернцов человек с триста“ [3]). Из этих слов очень осведомленного старца можно видеть, что донцов (не все донцы, конечно, были разиновцами) в общей массе остальных „бельцов“ было не много; но зато выясняется и достаточно почтенное число монашествующей братии. На основании лично изученного нами материала мы приходим к выводу, что хотя и нет надобности отрицать присутствие в сол. м-ре разиновцев, но признавать за ними видную, а тем более руководящую роль никаким образом невозможно.

Отрицанием молитвы за царя и упорным сопротивлением царским воеводам отношение осажденного монастыря к московскому правительству не ограничилось. У осажденных зрела мысль о полном освобождении от подчинения Москве. Названный уже нами старец Пахомий рассказывал, что соловецкие воры „на низких местех по городу нарубили бревнами тарасы и насыпали хрящем и дров навозили лет на десять, и называют соловецкий монастырь своим монастырем, а великого государя землю называют только по монастырь“ [4]). Пахомий вполне правильно характеризовал сущность соловецкого сидения.

Перебегали с острова на берег и попадали на допрос к Мещеринову большею частью лица, не игравшие видной роли в осажденном монастыре;

---

[1]) Акты, относящиеся к истории соловецкого бунта... № 26, стр. 80.

[2]) Название „капитоны“ происходит от имени старца Капитона, хорошо известного в 30—60-е года XVII ст. Сведения о нем сбивчивы. Евфросин, старообрядческий писатель XVII в., называет Капитона „первым за веру стоятелем“. Митр. Тобольский Игнатий в цитированном уже нами своем обширном 3-м послании тоже дает несколько любопытных сведений о Капитоне Поьедение Капитона обратило на себя внимание правительства уже в 1639 г. Фанатизм Капитона у его последователей принял характер дикого изуверства. Оппозиция против церковных властей в дальнейшем перешла в оппозицию против властей гражданских и разрешилась в проповеди самоистребления. Некоторые сведения о капитоновщине можно находить у проф П. С. Смирнова („Внутренние вопросы в расколе в XVII в., цит соч., стр. XXXII—XXXV“).

[3]) Акты, относящ. к истории сол. бунта, № 14, стр. 58.

[4]) Акты, относящиеся к истории соловецкого бунта, докум. № 26, стр. 80 (Что в общ. ист. и древн. Росс. 1883 г. кн. IV).

они показывали только то, что знали, и с чем соприкасались непосредственно сами. Монастырские бельцы (мы помним, как и откуда они формировались), действительно, были весьма опозиционным и активным элементом. Но не были пассивными зрителями развивающихся событий и „старцы:“ говорить о каком то пленении их „бельцами“ нам не представляется возможным. Попрежнему идейным вдохновителем восстания был архим. Никанор. Он беспрестанно ходил по башням кадил и кропил пушки, говоря: „надежда у нас на вас, матушки мои, галаночки, вы нас обороните“... ратникам он приказывал ни на минуту не прекращать стрельбы, караульщикам напоминал внимательно рассматривать через трубу, где воевода: „и как усмотрите и вы по нем стреляйте; как поразим пастыря, ратные люди разыдутся аки овцы“ [1])... В числе „пущих воров“ и к бунту и воровству заводчиков перебежчики на допросе называли келаря старца Нафанаила (Тугина) [2]), городничего старца Протасия к ним др. [3]) Головщик старец Матвей, как передавал на допросе в 1674 г. старец Дионисий, „говорил про великого государя неистовые слова, которые не только написать, но и слышать страшно“ [4]). Поп Леонтий „даже молебен на том пел, что за великого государя бога не молить“ [5])... Даже потом, когда соловецкая твердыня пала, и старцы были рассажены по кельям „за караулом“, некоторые из них проявили резко отрицательное отношение к царской власти [6]). Соловецкое возмущение постепенно сбрасывало с себя оболочку „стояния за веру“ и обнаруживало уже серьезный политический характер. Даже поморские стрельцы были заподозрены в сочувствии осажденному монастырю [7]). Случалось так, что родственники находились в двух враждующих лагерях: один осаждал монастырь, а другой защищал его [8]). Дальнейшее „мотчание“ было бы делом весьма рискованным. Воеводе Мещеринову было строго приказано находиться на соловецком острове „неотступно“ и „над соловецкими мятежники и раскольники чинить промысл неотложно“. Тогда, как Волохов и Иевлев осаждали монастырь лишь летом, а на зиму возвращались в Сумский острог, Мещеринову было наказано, чтобы он с соловецкого острова без особого царского указу „отнюдь не отходил“ и чтобы мятеж „искоренил вскоре“ Указы из Москвы на имя воеводы Мещеринова, в качестве побуждения к тому, чтобы он „показал службу свою со всяким радением“, заканчивается довольно выразительно припискою: „ а буде ты, Иван, с соловецкого острова, без нашего великого государя указу, впредь сойдешь: и за то тебе учинена будет смертная казнь“ (грамота от 19 дек.

---

[1]) Акты Историч. т. IV, № 248. стр. 532—533.

[2]) 16 сентября 1674 г. на соборе келарь Нафанаил выступал ярым противником моления за царя, обещая, по всей видимости, склонить к этому и всю братию. Действительно, 17 сент., в день ангела царевны Софии, Нафанаил не выдал меду на заздравную чашу для братии. Любопытно то, что черному священнику Митрофану Нафанаил объяснял этот отказ, как исполнение воли сотников: „на заздравную чашу меду тебе не будет, для того, что сотники за великого государя бога молить и заздравной чаши давать не велели“ (Акты Историч. IV, № 248, стр. 533).

[3]) Старец Александр имел за собою политическое прошлое. У него за коломенский бунт была отсечена рука и нога. Выздоровев, он „сшел“ в сол. монастырь и постригся.

[4]) Матер. для ист. росп., т. III, стр. 339—340, 329.

[5]) Матер. для ист. росп. т. III, стр. 351.

[6]) Напр., ризничий чернец Вениамин, будучи за караулом в своей кельи, бил караульного Гришку Спирева по щекам и за бороду драл за то, что он Гришка, за государя бога молит. (Акты арх. экспед. т. IV, № 215, стр. 300). Нисколько не изменил своего настроения и архим. Никанор, (Денисов. История о отцех и страдальцах соловецких).

[7]) Двинский стрелец Ивашко Сергеев Муха „всякие смуты на монастырских крестьян наносил и убытки чинил,“ как жаловался в Москву в 1674 г. Мещерский Акты, относ. к истории сол. бунта, докум. № 10, стр. 44.

[8]) Ididem, стр 72—73.

1674 г.), или в другом месте: „а есть ли ты вскоре к соловецкому монастырю на остров не пойдешь и промысл учнешь чинить нерадетельно, и тебе, Ивану, быть за то в смертной казни" (грамота от 12 июня 1675 г.) [1]). Но прежде. чем приступить к серьезной и „неотступной" осаде монастыря, правительство уже в последний раз обратилось к осажденным с увещанием. В монастырь „для уговору" отправлен был поп Кирилл и подъячий Василий Истомин. Осажденные приняли посланных, но отписку двинского воеводы полностью читать не стали, говорили „с большим упорством", бранили попа и подъячего (попа драли при этом за бороду) и, наконец, вытолкали их из монастыря с наказом, чтобы „к ним и впредь в монастырь для уговору никово не посылать" [2]). Мещеринов решил повести осаду по всем правилам тогдашней военной техники. Пред монастырскою стеной, где раньше находились хозяйственные постройки, сожженные Иевлевым, осажденные выстроили шанец (окоп, редут) и соорудили вал, откуда беспрестанно стреляли из пушек и ружей по стрелецким отрядам. Мещеринов отбил этот шанец и, в свою очередь, построил там земляной городок, расположил в нем пушки и стал обстреливать монастырские бойницы. Чтобы лучше обстрелять это укрепление, осажденные стали стрелять из ружей и пушек со стен соборной церкви и, даже с церковного купола. Осажденные делали вылазки, и сражались за стенами монастыря и брали пленных. Чтобы принудить монастырь к сдаче, Мещеринов решил было преградить каналы. через которое протекала вода из окрестных озер в т. наз. „Святое озеро", но для этого понадобилось не менее 200 человек рабочих, а у Мещеринова чувствовалось значительное „малолюдство". Ощущался недостаток в артиллерии и военных снарядах. Осажденный монастырь в этом отношении находился в гораздо лучших условиях. Весною и летом в 1674 г. Мещеринов обращался в Москву в Пушкарский и Новгородский приказы с просьбой о присылке артиллерии и снарядов, а также огнестрельных мастеров. Пока два приказа списывались и высчитывали, сколько потребуется послать на остров людей и снарядов, наступила осень. Только в сентябре месяце из Москвы было отправлено просимое военное снаряжение и военные специалисты [3]). Наступавшая суровая зима отсутствие пороху и продовольствия побудили Мещеринова оставить остров и удалиться на берег, разрушив свои укрепления под стенами монастыря [4]). Правда, из Москвы Мещеринову за это было сделано, как мы уже видели, соответствующее замечание и грозное предостережение, но пришлось считаться с фактом, и осада была отложена до открытия навигации. С открытием навигации, и под воздействием специальной царской грамоты от 12 июня, повелевавшей идти на остров „тотчас, не спустя времени", Мещеринов возобновил осаду, но не изжитое „малолюдство" (у него было не более 185 стрельцов) не позволяли ему развернуть свои боевые действия. Опять началась переписка о присылке специалистов пушкарей и артиллерии. В августе на остров были присланы из Москвы и с Двины пушки, порох, снаряд и пушкари [5]). Монастырь был окружен батареями, городками и башнями, по высоте равнявшихся с монастырскими стенами. Но самое большое, чего в состоянии был достигнуть Мещеринов, это установить более строгую блокаду монастыря. Разрушить крепостную стену артиллерия Мещеринова не могла; безрезультатными оказывались и подкопы под монастырскую стену, а на

[1]) Доп. к Акт. Историч. т. V, № 67, XXX. XXXV, стр. 364—369.
[2]) Акты, относящ. к истории сол. бунта, стр. 63 и 89.
[3]) Акты, относящиеся к истории соловецк. бунта, стр. 71—81, 90—91.
[4]) Дополн. к Акт. Историч. т. V, № 67, стр. 363—364.
[5]) Сырцов И. Я., цит. соч., стр. 297—298.

вылазках осажденные ратники сражалися „на смерть". Было отчего Мещеринову придти в отчаяние [1]). Конечно, мы не допускаем мысли, что монастырь в конце концов не сдался бы правительственным войскам, но во всяком случае он смог бы продержаться еще долго.

22 января 1676 г. соловецкий м-рь был взят, но не „остроумным главнокомандованием" И. Мещеринова. Меньше всего это событие могло „венчать славу и оружие" воеводы, стяжавшего себе в истории сол. вотчины совершенно другую репутацию. Объективный историк соловецкой вотчины не согласится с составителем Соловецкого Летописца в оценке военных заслуг Мещеринова. Еще долго бесполезно простоял бы Мещеринов под стенами сильного м-ря, если бы не соответствующие внушения из Москвы и не измена одного из осажденных—черница Феоктиста. Последний, явившись к Мещеринову еще 9 ноября, не только принес повинную за свое сидение в осаде в возмутившемся м-ре, но и подсказал, „как мочно над соловецкими ворами промысл учинить", именно указал на окно под сушилом у Белой башни, чрез которое можно провести стрельцов в ограду м-ря рано утром, во время смены караула, когда на башнях остается только по одному человеку [2]). Мы не знаем, какие мотивы руководили Феоктистом, но, полагаем, что едва ли они были к.-л. возвышенного порядка. Однако, Мещеринов не сразу воспользовался советом Феоктиста, очевидно, надеясь на успех своего оружия. Только тогда, когда последний оказался весьма проблематичным, пришлось вспомнить о плане соловецк. ренегата. В безлунную и бурную ночь с 21-го на 22-е января, когда осажденные, после полуночного богослужения, разошлись по кельям, и ослаблена была стража на стенах, когда весь м-рь погрузился в сон, предательский план Феоктиста был удачно выполнен. М-рь был взят. Жестоко расправился Мещеринов с побежденными; его принципом было „рубить и вешать". Пострадал и архим. Никанор, ведший себя на допросе с большим достоинством [3]). Многие монахи были живыми заморожены в морской губе. Оставлены были те, кто ведал м-рским хозяйством, казной, ризницей и т. д. Уцелело только 14 монахов, а было их не менее 200 чел. Монашеские кельи были заняты стрельцами, которые и оставались здесь до лета 1676 г., когда, 14 июня, прибыл сюда вновь назначенный архим. Макарий и представитель правительства при передаче монастырского имущества новому архимандриту кн. Вл. Андр. Волконский с дьяком Алмазом Чистого [4]). Мещеринов чувствовал себя в побежденном м-ре, как в неприятельской стране, и постарался вознаградить себя соответствующим образом за продолжительные хлопоты. Он без зазрения совести взял себе много образов в ценных окладах и складней—дар прежних московских в. князей и царей, церковных облачений, печатных и рукописных книг, серебрянных, медных и оловянных сосудов, высшего сорта слюды, соболье и кунье платье, несколько пушек, пищалей, пороху, часы, несколько пудов железа и конской сбруи. Не побрезговал Мещеринов и монашеским платьем и простой одеждой, выдаваемой монастырским „работным" людям. Не только казенное м-рское, но и частное имущество каким то образом оказалось в лодье Мещеринова.

---

[1]) Об этом у Денисова. „История о отцех и страдальцех соловецких," цит. соч., стр. 26—27.

[2]) Акты археогр. эксп., т. IV, № 215, стр. 293.

[3]) На допросе, державшему себя высокомерно, Мещеринову Никанор заметил: „что ты величаешься и высишься, я не боюсь тебя, ибо и самодержца душу в руце своей имею" (как бывший духовник Алексея Михайловича). Денисов. „История о отцех и страдальцех"...

[4]) Материалы для истории раск. т. Ш, стр. 354, 411.

В разных сундуках, коробьях и скрынях было сыскано 2320 р. 24 а. 2 д.[1]). Кое-что из „пограбленной казны“ Мещеринов успел отправить к себе „в пожитки“ до приезда Волконского и архим. Макария, но отправлено было наиболее ценное: 3 пуда денег (в том числе была и золотая монета), жемчуг и нек. др. вещи. Приехав на остров, Волконский приказал арестовать лодьи Мещеринова („отдал за караул“), был посажен под арест и сам Мещеринов. В Москву посыпались челобитные. Мещеринов настаивал на передаче его дела для разбора в Москву, называя „пограбленное“ имущество своим „животом“, архим. Макарий просил правительство не только отказать Мещеринову в претензии на отнятое у него монастырское имущество, но и заставить его возвратить в м-рь не разысканное, по сказке „осталых старых чернцов“, особенно, взятые „грабежом и татем“ золотые и всякие другие вещи. Весьма любопытные сведения по поводу поведения Мещеринова дает в своей челобитной царю Федору Алексеевичу известный чернец Феоктист, также арестованный Волконским в связи с делом Мещеринова. Упрекнув Мещеринова в том, что он не сразу поверил указаниям его на лазейку через монастырскую стену, — благодаря чему получились лишние жертвы, Феоктист всю заслугу взятия м-ря приписывает себе: он 22 января и в бойницу первым вошел и царское войско в город ввел, и ворота монастырские отворил, вследствие чего м-рь был взят „без крови“. Предавая казни церковных мятежников и государевых противников, соловецких воров, Мещеринов делал иногда исключения для некоторых из них по своекорыстным расчетам, „смотря по животам, у кого денег больше“. Напр., черный поп Леонтий, которого Мещеринов хотел повесить, откупился за 850 р., но этою суммой Мещеринов „не удовлился“. Леонтию пришлось сходить в „казенную палату“ и оттуда добыть казенных 150 р. денег, боевые гирные часы и соболью шубу. С целью поживы и бесконтрольного пользования сокровищами ризной казны, Мещеринов „уморил“ в тюрьме ризничего Веньямина, передав ключи от нее черному попу Леонтию, который, спасая свое существование, готов был выполнять всецело волю грабителя-воеводы. Пробрался Мещеринов и в палату денежной казны, подвергнув пытке препятствовавших ему в этом клирошанина Питирима, Ермогена Деревягу и бельца Василия Кирилловщину. Сам Феоктист спасся от пытки тем, что поговорив с Леонтием и келарем Левкием, принес Мещеринову из казенной палаты 4 мешка денег, несколько вещей из серебряной посуды, боевые часы и роскошную шубу. Грабили м-рь, по словам Феоктиста, и слуги Мещеринова[2]). Большой интерес для характеристики оперировавших под соловецким м-рем воевод представляет сказка нового келаря старца Игнатия. Он сообщал, что в 1675 г., перед отъездом на остров, Мещеринов взял с собою из Сумского острога в даточные 20 мирских человек, порядив их на месяц по 1½ р. человеку. Уезжая, он сказал сумским выборным людям, что если они не явятся к нему на остров с гостинцами, то он не отпустит этих даточных людей до Семенова дня. Боясь больших „проторей“, сумские крестьяне заняли в Никольской церкви 100 р. и доставили их на остров Мещеринову. Тот же келарь Игнатий сообщал, что в том же году Мещеринов писал в Москву, будто бы кемские крестьяне подвозили „мятежникам“ хлебные

[1]) Подробнее об этом см. в специальном „деле“ воеводы Мещеринова (Акты археогр. эксп., т. IV. № 215, стр. 291—301); некоторый материал можно находить в рукописях Е. В. Барсова (Чт. в общ. ист. и древн. 1884 г., кн. I, № 9, стр. 22—24). В архиве сол. м-ря мы встречали специальные „переписные“ книги „покраденной“ м-рской казны, которая была вынута из лодей Ив. Мещеринова.

[2]) Из рукоп. Е. В. Барсова, стр. 24—27.

запасы. Он же составил ложные сказки выходцев Зосимы и Аввакума, приказав подписать эти сказки своим стрельцам. В результате этого ложного донесения 10 крестьянских семейств были высланы, вместо смертной казни, к Москве на вечное поселение. Своеобразный и беззаконный прием допустил Мещеринов при выборе этих семейств. Он вызвал к себе выборных и многих крестьян на сол. остров и распросил их, у кого есть в м-ре сродичи: дети, родители, дяди, или племянники (о подвозе припасов в м-рь Мещеринов не спрашивал). Когда эти бедные крестьяне „спроста", не понимая его „заводу", назвали своих родственников, даже таких, относительно которых они не знали даже, живы ли они, то Мещеринов заявил, что за тех де родственников велено их выслать к Москве совсем, „на вечное житие". Только тогда они „избыли беды", когда, где и как могли заняли 100 р. и „поднесли" их Мещеринову [1]).

Мещеринов оправдывался. До нас дошла его челобитная царю Федору, в которой он доказывает, что „против книг" вся казна принята Волконским в целости, а свой арест объясняет личною местью Волконского, который по прежней его „недружбе" и „бездельной корысти" желает „опорочить" его, Мещеринова, „раделной промысл" и „службу". Донос Феоктиста, Леонтия и Левкия он называет „воровскою ложной сказкой". Имущество и образа эти лица приносили ему „в почесть", на именины, выдавая их за келейные, а не казенные; медную и оловянную посуду он брал не для себя, а для приготовления пищи начальным и ратным людям; пушечки медные, с которыми некогда соловецкие монахи выезжали биться со стрелецкими отрядами, он, Мещеринов, взял для „провожанья" неизрасходованной гранатной казны до Архангельска. Указав на пристрастное отношение к нему со стороны Волконского и неоднократные издевательства со стороны последнего, Мещеринов просит разобрать его дело в Москве или в Холмогорах на основании монастырских приходо-расходных книг, начиная с 1669 г. [2]). К своей челобитной о разборе дела и возвращении ему вынутой из лодьи казны, которую он считает своею, Мещеринов прилагает список этих вещей, с изумительною точностью указывая, не только качество каждой вещи, но и стоимость ее и происхождение [3]). Есть данные думать, что и Волконский оказался не лучше Мещеринова. Последний жаловался в Москву, что Волконский „пограбил монастырскую казну и покрал". При этом Волконский не внес в переписные книги взятую в лодье Мещеринова его „рухлядь" и „животы", подведомственного Мещеринову командного состава [4]). По данным извета соловецкого подкеларника Сильвестра, Волконский, проживая в м-ре, „непрестанно пил и бражничал с архим. Макарием и совершенно безучастно относился к государской чести", беспрепятственно позволяя заключенному в тюрьме „вору" и „изменнику" черницу Манасейке говорить „непристойные слова" про царя Федора и отца его Алексея [5]).

Целый год просидел Волконский и дьяк Алмаз Чистого со стрелецким отрядом в 350 человек в м-ре для предотвращения возможности нового мятежа. Вместо перевешенной Мещериновым братии сюда были присланы монахи из других м-рей. Сам архим. Макарий был из Тихвинского м-ря, келарь Илларион и казначей Феодосий из Сийского и т. д. [6]).

---

[1]) Сол. арх. Небольшой отрывок, повидимому из „дела" Мещеринова.
[2]) Из рукописей Е. В. Барсова, стр. 27—34; Историч. и юридич. акты XVII и XVIII ст., собр. М. Семевским (чт. в общ. ист. и древн. 1869 г., кн. IV, стр. 15—18).
[3]) Из рукописей Е. В. Барсова, стр. 34—41.
[4]) Историч и юридич. акты, собр. М. Семевским, стр. 18—19.
[5]) Ibidem, стр. 26—27.
[6]) Досифей, цит. соч. I, стр. 170.

Прежняя независимая вотчина сменяется зависимым от правительства м-рем. Архим. Макарий, человек чуждый соловецким традициям, монастырскую казну называет „в. государя казной". Как светское, так и церковное правительство могло торжествовать полную победу над отдаленною крупною вотчиною, долго и упорно отстаивавшею свои феодальные права против политического и церковного централизма. Старая уходящая феодальная Русь с боем уступила свое место Руси новой, дворянской и крепостной, привлекшей на службу себе и церковь.

Соловецкое сидение разорило вотчинное хозяйство. Мы уже имели случай видет, как падала соляная промышленность в монастырских усольях в период этого сидения. Упадок заметен и во всех других видах монастырского хозяйства, напр., в слюдном промысле[1]). Разгром м-ря правительственным воеводою, расхищение м-рской казны, замена старой братии новою, посторонней, которой соляной промысел был уже „не в обычей", разорение монастырских крестьян—все это вызывало тяжелый кризис монастырского хозяйства, пережить который помог м-рю только хорошо налаженный в предыдущее время административно-хозяйственный аппарат. Соловецкое сидение произвело сильное впечатление на население русского севера. В развертывавшейся на сол. острове в 1668—1676 г. драме северно-русский крестьянин, не угадывая подлинного смысла событий, видел два действующих персонажа: с одной стороны, м-рь „защитника старой" и „правой" веры, а с другой—царя—гонителя, разорителя этой веры, который, естественно, д. был погибнуть после выполнения своего злого умысла[2]). Правительство рядом отдельных привиллегий по отношению к соловецкому м-рю точно пытается загладить свое прежнее резкое поведение, заявляя. что „соловецкий м-рь—прочим монастырям не в образец", что „к нему особое наше призрение и милость", но это было уже милостью победителя к побежденному вассалу.

---

[1]) Цитир. рукоп. сол. сборн. № 19, стр. 258—264.

[2]) В одной беломорской „старине" рассказывается, что вслед же за разорением м-ря и истреблением монастырской братии

„Воевода-то разболелсэ,
Он в худой-то боли сконцялсэ.
Государь-от, государь наш царь
Алексей, свет „сударь Михайловиць
За воеводой собиралсэ,
Жисть своей жизнью сконцялсэ.
Понесли его в божью церковь,—
Потекло у его из ушей-то,
Потекла у его всяка гавря;
Ишше уши-ти затыкали
Все хлопцятой белой бумагой". А. Марков („Беломорские былины". М. 1901 г., стр. 200—201); ср „Живая старина", 1907 г. СПБ, стр. 147—148; 80—81; ср. Летописи русской литературы и древности", 1859 г. кн II, стр. 127—128. Смерть царя Алексея последовала несколько позднее, в ночь с субботы на воскресенье с 29 на 30 янв. в 4 ч. (Соловьев „История России с древн. вр. кн. III, стр. 604).

Тип. „Пермпромкомбината", ул. К. Маркса, 14. 1927—2295 г. Пермь. Окрлит № 630. Тираж 400